

Алексей Величко

СВЯТЫЕ ИМПЕРАТОРЫ ВИЗАНТИИ

•

АЛЕКСЕЙ ВЕЛИЧКО

СВЯТЫЕ ИМПЕРАТОРЫ ВИЗАНТИИ

Москва

«ВЕЧЕ»

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4
В27

Величко, А.М.
В27   **Святые императоры Византии / Алексей Величко. — М. : Вече, 2017. — 544 с. : ил.**

ISBN 978-5-4444-3730-8

Знак информационной продукции 12+

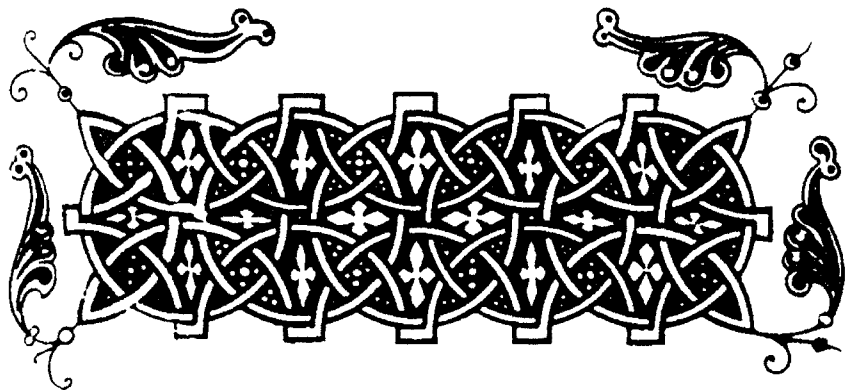
Настоящая книга посвящена жизнеописанию и трудам прославленных Церковью византийских императоров и императриц, правителей этого феноменального государства, прародины христианской цивилизации, а также святых царственных отпрысков этих семей. Предлагаемое сочинение содержит обильный исторический материал, который может быть использован в качестве справочного, включает в себя иконографические изображения всех прославленных царственных персон Византии.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Византии, Церкви и Средних веков, студентов исторических и юридических факультетов и семинарий.

**УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4**

ISBN 978-5-4444-3730-8

© Величко А.М., 2017
© ООО «Издательство «Вече», 2017

Моим учителям, наставникам,
друзьям и близким посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Более двух тысяч лет существовала Великая Римская империя — уникальный, беспрецедентный феномен человеческой цивилизации, держава, раскинувшая свои границы от Шотландских гор до пустыни Палестины и от северных рек Германии до саванн Северной Африки. Никогда ранее и позднее Средиземное море не называли «римской лужей», и оно не было средством *внутригосударственного* сообщения. Более тысячи лет Римская империя существовала в виде православной державы, ставшей прародительницей христианской цивилизации, империи, в лоне которой родилась и явила себя миру Кафолическая Церковь.

Никогда еще имперская форма существования человечества не торжествовала столь ярко и наглядно, как в этот период тысячелетней сродненности Церкви и государства. Никогда ранее христианские начала не господствовали в обществе с такой силой, как в период с 313 по 1453 г. Исследователи справедливо отмечают, что Церковь вошла в состав государства как политически организованного общества, чтобы наложить на государство закон Евангелия. Именно здесь родилась знаменитая византийская «симфония властей», ставшая политическим кодом христианской цивилизации почти на две тысячи лет.

Впоследствии, спустя четыре века после гибели этого удивительного по красоте государства, христианский период ее жизни ученые-историки произвольно назовут «византийским», а Римскую державу — «Византийской империей». Хотя современники тех древних событий по-старинному называли Византием один лишь город Константино-

поль, а не всю державу, этот термин в последнее столетие прижился в расширительном виде, и мы не будем отступать от этой традиции, отдавая отчет в условности наименования. Неслучайно в тексте настоящей книги слова «римский» и «византийский», «Римское государство» и «Византийская империя» употребляются в равных значениях. А с учетом довлеющего значения греческого элемента в Византии — в первую очередь, в культуре и языке, византийцев часто называли «греками», особенно на Западе. Сами себя до последнего дня существования своего государства византийцы называли «ромеями» — греческий перифраз термина «римлянин». Поэтому и в нашей книге данные термины используются как идентичные.

Конечно же, процесс воцерковления Византийской империи не обошелся без болезненных явлений и был далеко не простым. Убить в себе «ветхого человека», вернуться к Христу — задача чрезвычайно сложная и для отдельного человека, что же говорить о государстве, вобравшем в себя сотни народов и наций со своими традициями, этикой, историей, нравами и привычками?! И первым помощником Кафолической Церкви стали те, кто к началу величественного исторического процесса христианизации человечества сосредоточили в своих руках всю полноту державной власти, кто в силу исторических традиций римского общества был и законодателем, и высшей администрацией, и верховным судьей, и главнокомандующим, и блюстителем общественных нравов — Римские (Византийские) императоры. Лишь им были подвластны все стороны жизни римского общества, лишь они одни могли придать церковным решениям обязательную силу государственного закона и оградить Церковь от разрушающей ее тело ереси.

В истории Византийской державы за тысячу лет ее существования как христианского государства насчитывается 108 императоров и царствующих императриц. Разумеется, это были разные люди — со своими достоинствами и недостатками. Но за исключением, пожалуй, 2—3 лиц (Юлиан Отступник, Фока Тиран, Андроник I Комнин), негативно выделяющихся из общей череды царей, все остальные государи были достойны своего высокого предназначения.

Императоры из семейства св. Константина Великого создавали *видимую* Кафолическую Церковь, которая до них представляла собой лишь совокупность множества различных христианских общин, объединенных сакрально, но не слитых еще воедино. Династия св. Юстианина Великого предприняла решительные и удачные попытки восстановить Римскую империю в прежних границах, видя в том гарантии территориальной целостности Церкви. Императоры Ираклийской, Исаврийской, Македонской династий и блистательные Комнины по праву считаются

спасителями не только Византии, но и всей христианской цивилизации. И так можно говорить практически обо всех царственных династиях.

Трудно, почти невозможно в нескольких строках описать ту роль, которую играли Византийские императоры в этом удивительном государстве, да и во всей христианской цивилизации в целом. Надо сказать, что их статус не оставался неизменно-статичным в течение тысячелетия существования Римской империи и с течением веков все более проникался христианскими идеями и содержанием. Император считался по праву главой управления Кафолической Церкви (как иногда говорят, главой «церковного правительства»), главнокомандующим, верховным блюстителем нравственности, викарием Христа на земле, оплотом и основой Церкви и всего Христоименитого народа. С сакрализацией статуса императора связаны и те наименования, которыми наделили его сан. В разное время его именовали «император», затем — «царь», «василевс», нередко эти термины использовали совокупно в титулатуре или как синонимы. Не будем отходить от этой древней традиции и мы.

Царственным династиям этой чудесной, беспрецедентной Империи была посвящена шеститомная «История Византийских императоров», написанная автором этих строк и претерпевшая за последние 7 лет три издания. Сам по себе этот факт, а также то обстоятельство, что книга разошлась общим тиражом более 23 тысяч экземпляров, свидетельствует, очевидно, не только о ее недостатках, от которых, увы, не свободно ни одно человеческое творение. Тем не менее в силу некоторых причин дальнейших переизданий этого труда не предвидится. По крайней мере, в ближайшее время.

В качестве некоторой альтернативы читателю предлагается отдельная книга, касающаяся совершенно определенной группы царственных лиц — прославленных Кафолической Церковью императоров и императриц, занимающих, безусловно, особое место в общей череде Византийских самодержцев. Разумеется, они не были безгрешными людьми, и подчас их поступки отягощались страстями и соблазнами, от которых не свободен ни один человек. И нередко блистательные деяния омрачались поступками, которые позднее оплакивались этими же владыками мира. А славославия Кафолической Церкви в их адрес иногда сменялись уроками жесткой укоризны и публичного покаяния.

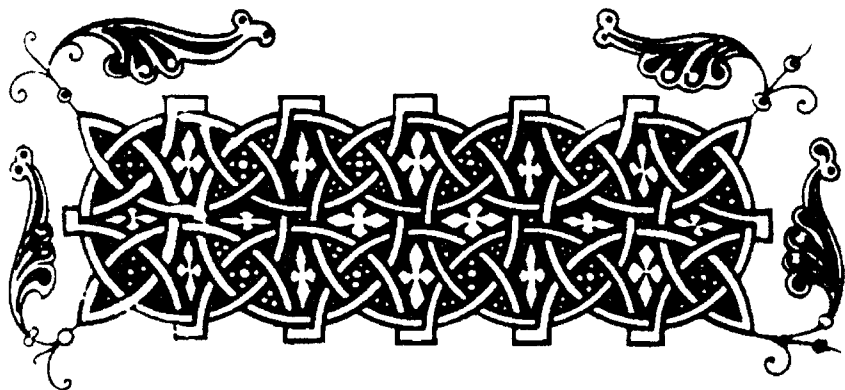
Их подвиги различны: кто-то стал спасителем Церкви в эпоху Вселенских Соборов, другие слыли аскетами и благочестивыми людьми, мы знаем императоров, утверждавших Символ Веры и создававших каноническое право. Подвиг их бесценен, труды — не подлежат забвению. И если мы хотим получить представление о «византийской симфонии», то, конечно, нам нужно обратиться к светлым ликам этих молитвен-

ников, Христовых деятелей, ныне заслуживших славу дерзновенно предстоять у Престола Божия. Их жизни, трудам и посвящена наша книга. Она, конечно же, написана далеко не в жанре «Житий святых» и ориентируется главным образом на конкретные исторические факты, хотя христианское Предание зачастую выступает также в этой роли, что учитывалось автором этих строк.

Кто пожил на свете, знает, что человеческая жизнь — пусть даже святого императора, далеко не столь прямолинейно-последовательна в подвиге веры, как нам это иногда преподносят. Помимо человеческих слабостей и пороков, соблазнов и ошибок, от которых не свободен ни один из нас, существуют еще и исторические условия существования и его самого, и всего общества в целом. Конечно, человек не является детерминированным винтиком времени и места, но и назвать его самоличным вершителем собственной судьбы было бы слишком легкомысленно. Не приукрашивая героев нашего повествования, но несколько и не демонизируя их, автор этих строк хотел показать святых императоров именно такими, какими они были на самом деле. С учетом, конечно, исторического контекста их жизни. Только в этом случае, полагаем мы, читатель сам по достоинству, содержательно и полнокровно сможет оценить их подвиги, деяния, да и личности святых царей.

Конечно, было бы нелепо начинать настоящее произведение «с чистого листа» и не использовать тот материал, который был наработан ранее при подготовке к изданию «Истории Византийских императоров». И все же для удобства чтения эта книга была отредактирована и лишена ссылок, невольно отвлекающих внимание читателя от повествования. В случае необходимости узнать первоисточник, из которого заимствованы те или иные оценки и цитаты, читатель может использовать уже упоминавшийся шеститомник.

В завершение, уже вполне традиционно, автор этих строк хотел бы поблагодарить всех тех, кто прямо или косвенно способствовал появлению данного труда на свет. В первую очередь мою жену Наталью, издателя Дмитриева С.Н., протоиерея Валентина Асмуса, Левушкина А.И., и некоторых иных лиц, чье скромное, но теплое участие не осталось незамеченным мной.

Глава I. ИМПЕРАТОР СЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ (306—337)

§1. На пути к единоличной власти

Свое повествование мы начнем с описания жизни и деяний человека, с чьим именем отныне и навечно связан решительный переворот в истории человечества, деятеля, отворившего Церкви Христовой ворота в мир, — святого равноапостольного Константина Великого. Безусловно, он относится к тому типу людей, которые выступили *орудием Провидения*, соединив для достижения поставленной Богом цели свою волю и лучшие качества характера. Исследователю, повествующему о св. Константине, повезло: далеко не каждый исторический персонаж, даже из числа великих деятелей человечества, способен похвастать такой широкой библиографией о себе, как святой и равноапостольный император. «Слава Константина, — справедливо отмечал один историк, — придала мельчайшим подробностям касательно его жизни и образа действий особый интерес в глазах потомства».

Впрочем, происхождением своим св. Константин Великий едва ли мог похвастаться. Да, его отцом являлся известный в Римской империи военачальник *Констанций Хлор* (305—306). Зато матерью была простая конкубинка (наложница, содержанка) *св. Елена*, о которой мы будем говорить в другом месте. От этого союза простого римского офицера

и дочери владельца гостиницы, вероятно, в Дакии в 288 г. и родился будущий великий император римлян.

Юность и молодость нашего героя были вполне традиционными для римлянина-аристократа (его отец к тому времени уже сумел снискать себе славу и авторитет на воинской ниве), хотя и не без весьма существенных особенностей. Как известно, при императоре *Диоклетиане* (284—305) система государственной власти Римской империи претерпела существенное изменение. Вместо одного императора в Империи появляются *четыре соправителя*, каждый из которых властвовал над рядом провинций. Двое из них являлись *августами*, двое — *цезарями*.

По доктрине Диоклетиана, через некоторое время августы должны были выйти в добровольную отставку, а их место занять цезари. В этом контексте цезари являлись «подмастерьями» августов: они должны были учиться и набираться опыта у своих старших товарищей, преемниками которых собирались стать спустя некоторое время. Принцип преемственности власти, установленный Диоклетианом, подразумевал новый набор цезарей после рокировки соправителей и т.д. Таким образом, по мысли Диоклетиана, исключалась борьба за власть, а управление провинциями приняло необходимые оперативные черты, чего явно не хватало ранее при излишней централизации. Для облегчения управления государством Диоклетиан разделил всю Империю на 4 *префектуры*, 12 *диоцезов* и 101 *провинцию*.

Удивительно, но тетрархия не предполагала разделения верховной власти; она оставалась единой и неделимой, просто почил на главах сразу четырех своих избранников, один из которых, сам Диоклетиан, являлся главным августом, или *императором*. Первоначально августами стали непосредственно Диоклетиан и *Максимиан* (284—305), а отец св. Константина Констанций и *Галерий* (305—311) — цезарями. После 305 г., то есть после добровольной отставки больного Диоклетиана, Констанций и Галерий стали августами, а Флавий Север и *Максимин Даза* (305—313) — цезарями. По договоренности Констанцию досталась в управление северо-западная часть государства — Галлия, Британия и Испания. Этот принцип формирования верховной власти сыграет решающую роль в жизни св. Константина и предопределил характер его деятельности на целые десятилетия.

Вторая особенность напрямую связана с отношением к христианству в семье св. Константина. Его отец явно отличался от своих товарищей редкой религиозной терпимостью в целом и к христианам в частности. Есть все основания полагать, что и вторая жена Констанция — *Феодора*, и его дочь от второго брака Анастасия также были христианками. Находясь долгое время при дворе василевса, св. Константин не мог не ознакомиться с последователями этого учения.

Но вместе с тем на времена правления Диоклетиана приходится очередное, весьма жестокое гонение на христиан, инициированное первым императором по подсказке Галерия. Исключение составлял, по словам биографа св. Константина Великого Евсевия Памфила, епископа Кесарийского, только отец будущего первого христианского императора Рима Констанций.

В то время, когда его соправители «нападали на церкви Божьи и разрушали их сверху донизу, а дома молитвы истребляли до самого основания, он сохранил свои руки чистыми от такого губительного нечестия и никогда не уподоблялся им». Впрочем, и помимо Констанция у христиан было множество тайных и явных защитников среди окружения императора, в армии и во влиятельных аристократических кругах. Удивительно, но даже в разгар гонений сам Диоклетиан вынужден был терпеть у себя в семье двух христианок — жену Валерию и дочь Прииску. Но, конечно, они не обладали такими административными полномочиями, как Констанций.

Историк Евсевий Памфил (IV в.) нигде не упоминает о крещении Констанция Хлора, что, впрочем, еще ничего не означает, поскольку публичная огласка этого факта, если он действительно был, могла бы иметь для него катастрофические последствия. Как минимум его карьера была бы окончена, если не сказать более. Все же, по-видимому, внешне он оставался верным государственному языческому культу, хотя и оказывал тайное содействие гонимым христианам. А то снисхождение, которое он неоднократно демонстрировал к ним, связано с мягким и добрым характером западного правителя и его религиозной терпимостью. Как мы увидим, св. Константин в полной мере заимствовал у отца лучшие черты характера, в том числе и уважение к свободе совести человека.

Тетрархия закладывалась Диоклетианом как плод рациональной и прагматичной римской мысли — из всех возможных вариантов он выбрал тот, который казался ему наиболее эффективным. И эта система вовсе не предполагала в качестве своего обязательного элемента дружбы между цезарями и августами. Каждый из них стремился к некоторым дополнительным гарантиям для себя, в связи с чем еще совсем молодым человеком св. Константин стал в буквальном смысле слова *заложником* у Диоклетиана, а потом у его преемника, со временем почти получившего абсолютную власть в свои руки, — Галерия, наиболее яростного гонителя христиан.

Будучи высоким красивым юношей, св. Константин уже тогда производил впечатление царственной особы, отличался физической силой и явно превосходил своих сверстников разумом и способностями.

ми к наукам. Сверстники опасались конфликтовать с ним. Да что там сверстники — юного св. Константина боялся сам Галерий, которому было предсказание, будто сын Констанция уничтожит его могущество. Юноша отличался отменной храбростью, вместе с Диоклетианом он предпринял ряд военных походов, где блестяще себя проявил как воин и командир. За это он принял участие в триумфе императора, находясь, что называется, в «близком круге» царя. За войны в Египте и Персии Диоклетиан даже возвысил св. Константина до почетного звания трибуна первого разряда.

Между тем с уходом в отставку больного Диоклетиана, на которой настоял Галерий, используя какие-то свои, беспроектные аргументы, борьба за власть приняла еще более рельефные очертания. Опасаясь — и не без оснований — козней со стороны недругов отца, св. Константин воспользовался удобным случаем и вернулся к родителю, находившемуся уже пред вратами Небесного Царства.

История этого бегства не лишена интереса. Галерий, опасавшийся в своей борьбе за единовластие в Риме единственно августа Констанция, совершенно не собирался давать свободу его сыну. Но Констанций направил ему письмо, в котором умолял разрешить повидаться с сыном перед смертью, которая якобы уже стояла за его плечами. Галерий внешне согласился — все-таки формально они были равны в статусе и не выносили свои разногласия на людской суд — и сделал предварительные распоряжения, надеясь, что утром найдет необходимые причины, якобы препятствующие отъезду св. Константина. Но последний использовал этот практически единственный шанс и, начав свой путь на Босфоре, пересек пролив, добрался до Дуная, прошел через Альпийские перевалы и закончил свое путешествие на равнинах Шампани, где располагалась ставка Констанция. Констанций с сыном благополучно переплыли Ла-Манш и обосновались в Британии. Галерий был в ярости, но поделать уже ничего не мог.

Святой Константин прибыл к отцу вовремя: спустя год тот скончался, и после похорон Констанция войско провозгласило св. Константина августом. Юный правитель Запада направил уведомление об этом Галерию, обосновав в письме свое преемство покойному отцу. Галерий физически не мог воспрепятствовать этому факту и, кроме того, видимо, надеялся, что варварские волны, систематически захлестывавшие римские территории, сами собой устранят опасного конкурента. Галерий полагал также, что даже в самом оптимистичном для св. Константина варианте соперник не сможет сохранить безопасность своих провинций. Как следствие, его авторитет окажется навсегда подорванным. Но, столкнувшись один на один с трудностями, св. Константин

проявил себя отличным воином и талантливым полководцем. Он разбил германцев, затопивших своими воинами Галлию, и обратил свой взор на дикие британские народы, которые также быстро подчинил себе, или, вернее, вернул под юрисдикцию Рима.

Надо сказать, что политическая ситуация в государстве за этот короткий промежуток времени существенно изменилась. В октябре 306 г. в Риме поднялось восстание, и Вечный город отверг власть Галерия, недовольный длительным отсутствием августа в древней столице государства. По-видимому, не последнюю роль сыграл сенат, крайне недовольный уменьшением своей власти при Диоклетиане. В результате Галерий потерял Италию. На первое место в числе соправителей Империи внезапно вышел *Макценций* (305—312), сын Максимиана, формально находившегося в отставке вместе с Диоклетианом, а на деле тайно помогавшего сыну и имевшего свои планы на будущее.

Галерий и Север попытались воспрепятствовать излишне честолюбивому конкуренту, но их походы завершились катастрофой. Вначале, по просьбе Галерия, поход на Рим начал Север, но его войско было разбито, а сам он взят в плен Максимианом уже под Равенной. Вскоре ему был вынесен смертный приговор, и Север, найдя утешение в легкой смерти, вскрыл себе вены. Тогда в дело вступил сам Галерий. Но набранная им в Иллирии огромная армия дошла лишь до города Нарни, что находился в 60 км от Рима. Там Галерий осознал безуспешность своего предприятия и затеял мирные переговоры, не увенчавшиеся успехом. Не без труда Галерий вернулся в столицу своих владений.

Все же Максимиан и Макценций чувствовали необходимость в надежном союзнике, которым, естественно, мог быть только св. Константин. Но и Западный август не мог отказаться от этого предложения — в противном случае он был бы вынужден в одиночку воевать с Галерием. Политический союз скрепился в 307 г. браком св. Константина с Фаустой, дочерью Максимиана, что через много лет принесет свои трагические плоды, которых мы коснемся несколько позже. Но тогда это соглашение, заключенное в Карнунте, закрепило политическую расстановку сил.

Увы, оно, как и многие другие политические договоры, существовало недолго. Став главой Рима, Макценций совершенно не собирался считаться с властью отца, который в один прекрасный день обнаружил, что является едва ли не номинальной фигурой на фоне собственного сына. Трибунал, в который он обратился, отдал предпочтение Макценцию. Спасаясь бегством, отец был вынужден отправиться в Иллирию, к Галерию, который, конечно, его не принял. Убегая уже от Галерия, который пожелал умертвить отца своего врага, Максимиан спешно

перевалился в Галлию, под защиту св. Константина, который вместе с Фаустой радушно принял его. Таким образом, Макценций фактически стал узурпатором, отнявшим власть у собственного отца, а также причиной прекращения действия ранее заключенного четырехстороннего соглашения.

Легко принять славословия историков в адрес св. Константина за обычный прием антитезы при описании его достоинства на фоне многочисленных пороков врагов. Но в данном случае *объективно* Макценций олицетворял все негативное, что мог придумать даже выдавший виды Рим. В то время как Галлия под правлением св. Константина наслаждалась спокойствием и благоденствовала, Италия и Африка страдали под властью Макценция. Писатели единогласно утверждают, что новый правитель Рима был жесток, жаден и развратен.

Например, подавив незначительные волнения в Африке, инициированных губернатором этой провинции с немногочисленной группой соратников, Макценций обрушил свой гнев целиком на *всю область*, опустошенную огнем и мечом его солдат. Многочисленная армия наущников и шпионов без устали «открывала» новые связи разоблаченных мнимых заговорщиков, вследствие чего гибли невинные, но очень обеспеченные люди, имущество которых конфисковали в пользу казны. В самом Риме Макценций совершенно утратил стыд и открыто преследовал симпатичных женщин, в том числе жен и дочерей сенаторов. Как и полагается в таких случаях, отказы в домогательствах Макценцием не принимались. Армия не отставала от своего повелителя, а он втайне потворствовал ее грабегам и насилиям. Наконец, Макценций заявил, что в действительности только он один является императором Рима, а остальные правители — не более чем его *временные наместники* в провинциях. Война становилась неизбежной.

§2. Лаборум и святая война

К сожалению, и внутри семьи самого св. Константина было не все спокойно, а одно печальное событие ускорило начало военных действий, родив формальный, но столь желанный для Макценция предлог для объявления войны. Старый соправитель и товарищ Диоклетиана не отличался большим благородством и щепетильностью — черты характера, вполне унаследованные его детьми Фаустой и Макценцием. В 310 г. Максимиан организовал неудавшийся заговор против св. Константина, целью которого являлось физическое устранение того от власти — прощ говоря, убийство. Воспользовавшись временным отсутствием западного

августа, он распространил слухи о его гибели и без затей положил свою руку на царскую казну. Конечно, св. Константин быстро восстановил положение дел, захватив в плен незадачливых заговорщиков и предав их суду. Приговор был скор и справедлив, но до публичной казни не дошло. С тайного ведома св. Константина Максимиан повесился.

Но для Макценция это была большая удача. Разыграв сыновью горе, он объявил войну св. Константину. Однако тот не собирался отсиживаться в пассивной обороне и решил опередить своего соперника, перенес театр военных действий в Италию. Накануне военных действий, хотя и без некоторых оговорок, образовались следующие коалиции: св. Константин и Лициний — преемник Севера, с одной стороны, Макценций и Максимин Даза — с другой.

Как пишет историк, подготавливаясь в 312 г. к походу, св. Константин серьезно задумался о том, у какого бога искать покровительства, из чего можно сделать два важных вывода. Во-первых, что сам молодой август был тогда еще равнодушен к учению Христа, и если и не организовал гонения на христиан по примеру других цезарей, то, скорее, по природной своей мягкости и благородству, чем по религиозному убеждению. И во-вторых, что языческий культ *уже* не устраивал св. Константина. Очевидно, по складу своего характера это был не только рассудительный человек (обыкновенно люди не склонны размышлять об основах традиционного для их семьи и общества вероисповедания), но и человек духовно богатый, чья душа искренне стремилась к познанию Божества. В целом это был далеко не «средний» человек, и уж во всяком случае, человек искренних убеждений.

Сегодняшнему секуляризированному сознанию, воспитанному на скудных строках учебных пособий, невозможно представить себе во всей полноте картину личного воцерковления человека, тем более когда такое воцерковление приходилось на языческие времена императоров-гонителей христианской веры. Казалось бы, до нас дошли лишь слова, поведавшие о том, что-де перед решающей битвой с Макценцием у стен Рима или даже ранее (по Евсевию Памфилу) св. Константин узрел во сне Божье предзнаменование, после чего повелел изготовить специальное знамя — *лаборум*, а изображение креста нанести на щиты воинов. А после победы, убедившись во всемогуществе Бога, сделал все зависящее от него для прекращения гонений и воцерковления всей Римской империи. Однако за внешними следами этих великих в действительности событий, перевернувших ход человеческой истории, остались внутренние размышления, соблазны, выбор пути к истинному Богу.

Сверхсобытие — христианизация Римской империи, величайший дар Божий людям не мог не обойтись без аналогичных по своей силе

и напряжению усилий Его врага по предотвращению крайне нежелательного для него результата. Конечно, св. Константин снискал и величайшую милость, через которую приобрел силы для этого исторического во всех отношениях решения, но кто напишет сейчас о тех соблазнах, которые он должен был преодолеть в своем сердце на пути к нему? Кто способен передать ту гамму чувств и силу воли, чистоту души и благородство помыслов человека, откликнувшегося на стук Бога в его сердце?

Это *личное* решение непросто даже для рядовых лиц, вошедших во врата церковной ограды и впервые приступивших к Святым Дарам. Насколько же труднее оно далось царственному мужу, для которого верный выбор означал не только личное утверждение в праведной или неправедной вере, но напрямую был связан с судьбой самого Римского государства. Ведь, как известно, античное сознание не отделяло благосостояние своего отечества (равно как и собственное) от приверженности истинному или ошибочному культу. Попытаемся раскрыть внутреннее состояние человека, положившего на чашу собственного выбора не только собственную судьбу, но и всю историю Рима. Представим себе императора, который был убежден в том, что с его именем, в случае ошибки, потомки — если таковые вообще останутся — будут связывать самые горькие страницы существования Римской империи. Не царь-освободитель Рима от тирана Макценция, а неудачливый молодой и самоуверенный наглец, опровергнувший все отеческие традиции и верования, ниспровергатель государственных устоев и виновник гибели государства — такие оценки снискал бы он в этом случае со стороны соотечественников, замавав свой род и фамилию на вечные времена. А печальные примеры Севера и Галерия, предавших себя в руки языческих богов, но оттого не снискавших славы на поле брани, были очень свежи и не могли не озадачить св. Константина.

С другой стороны, воспоминания детства и отрочества, проведенных вблизи христиан, сыграли свою положительную роль, хотя об этих факторах, очевидно повлиявших на св. Константина, историки не повествуют. Впрочем, этот вывод легко напрашивается на ум, исходя из контекста предыдущих событий из жизни западного августа.

О долгих размышлениях молодого василевса недвусмысленно повествует Евсевий, который долгие годы состоял при особе императора и писал биографию царя буквально «с оригинала». «При решении сего вопроса (то есть к какому богу обращаться с мольбами о ниспослании успеха его начинаниям. — *А.В.*) ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов и служа им жертвами и дарами, прежде всего, бывали обманываемыми

льстивыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаниями и оканчивали свои дела неблагоприятно. Только отец его шел путем, тому противным. Видя их заблуждения и во всю свою жизнь чтя единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу». Возможно, Евсевий немного преувеличивает, говоря, будто св. Константин «всю жизнь» чтил Христа. Правильнее сказать, что *впоследствии* служение Христу станет для него смыслом жизни. Но перед войной в Италии царь еще не был христианином.

Придя к указанному выше умозрительному — пока еще — выводу, св. Константин удостоился, по его собственным словам, Божьего знамения в виде креста с надписью «Сим победи!»». Как следует из описания Евсевия, по-видимому, василевс не придавал этому большого значения. Но ночью ему явился Сам Христос, повелевший сшить знамя, подобное виденному на небе, и употреблять его для защиты от врагов.

Это был решительный перелом в сознании молодого царя. Как цельная натура, он сделал окончательный для себя выбор. История христианской Церкви получила первого, но очень деятельного своего защитника и сподвижника в лице представителя верховной власти Римской империи. Василевс не ограничился формальным следованием христианству, когда человек «на всякий случай» использует священные символы в качестве некоего тотема, должного наряду с языческими богами оберегать его — примеры такого религиозного «плюрализма» были вполне свойственны прежним римским императорам.

Святой Константин отдал свое сердце Христу сразу и целиком. С похвальной ревностью василевс принялся познавать первоосновы христианства. Перед походом он не просто предложил служить при себе иереям-христианам, но и сам начал изучать Священное Писание. После этого св. Константин считал подготовку к походу практически завершенной в духовном отношении.

Молодой христианский правитель не ошибся в своих надеждах. Богатства благодати, щедро изливаемые по силе веры на него Богом, компенсировали ту разницу в силах, которая объективно должна была предопределить печальные для св. Константина результаты компании. В реальной войне решает не только дух войска, но и стратегические, объективные факторы, включая, конечно, численность и вооружение армии. Однако Господь, давший в руки св. Константина судьбу христианской Церкви, явил множество знамений, должных успокоить и ободрить царя, вселить в него уверенность в задуманных начинаниях.

Как повествуют исследователи, соотношение сил было явно не в пользу будущего единовластного христианского императора Рима.

Ядром армии Макценция являлась тяжелая, закованная в броню азиатская кавалерия, сметавшая все на своем пути, и обновленная преторианская гвардия — элитные войска Империи, которая вместе с остальными подразделениями насчитывала около 80 тыс. человек. Еще 40 тыс. воинов были набраны из воинственных племен Северной Африки, и их боеспособность нельзя было преуменьшать. В случае необходимости Макценций мог мобилизовать в короткий срок еще почти 70 тыс. солдат. В целом под его рукой состояло около 180—190 тыс. человек, тщательно экипированных и хорошо вооруженных.

Святой Константин располагал куда более скромными силами — не более 100 тыс. бойцов, из которых почти половина несла гарнизонную службу в Британии и на Рейне. Только 40 тыс. легионеров могли использоваться св. Константином в оперативных целях. Но это были истинные бойцы, дисциплинированные и организованные, прошедшие со своим полководцем многие войны, ветераны сражений, беспредельно преданные ему. Впрочем, при всех сопутствующих обстоятельствах этого было недостаточно для успеха в этой тяжелой войне.

Все было против св. Константина, победа его казалась невероятной. Тем не менее, немного забежим вперед, невозможное стало возможным. По словам историков, самому Ганнибалу или Юлию Цезарю никогда так не везло, как св. Константину. Его решения были будто продиктованы свыше, а глаза противников словно застлала темнота неведения. Действия василевса поражали своей гениальностью и остротой, любые его распоряжения были своевременны и точны. Напротив, Макценций будто добровольно делал все для того, чтобы проиграть эту долгожданную для себя войну. Он расплыл основные силы, восстановил против себя Рим и самоуверенно выжидал противника, видимо, абсолютно убежденный в неизбежности своей победы. Войско св. Константина было сковано одной волей, могучим кулаком; Макценций выставил навстречу ему раскатанное по столу тесто, кусками бросая его в наступающего противника.

Все это можно было бы отнести на естественный ход вещей, если бы Макценций являлся неопытным юнцом. Но он был далеко не начинающий военачальник, и окружали его боевые полководцы, совсем недавно без труда справившиеся с Севером и Галерием. Впрочем, св. Константин и его сторонники сами открыто признавали, что на их стороне была Сверхъестественная Сила. «Они всегда говорили, что это была особая, исключительная удача, ниспосланная свыше, намного превосходящая обычное человеческое везение. *То был перст Божий*».

Не успел Макценций определить план кампании, как св. Константин с войском перешел Альпы, подобно Ганнибалу, и разбил встречные

отряды Макценция под Турином, который немедленно открыл свои ворота на милость победителя. Вслед за Турином пал Милан — политическая столица Римской империи. Под Вероной св. Константин после очень упорной битвы разгромил одного из полководцев Макценция Руриция, вслед за чем сдалась упорная Верона. Скорость продвижения армии св. Константина по Италии поражала современников, и вот уже его легионы бодро маршируют по знаменитой Фламиниевой дороге, ведущей прямо в Рим.

Армия Макценция заняла удачную позицию на реке Тибр рядом с Мальвийским мостом, но св. Константин не стал ждать, и его армия прямо с марша, буквально перестраиваясь на ходу, обрушилась на превосходящие силы противника. Спустя некоторое время тот дрогнул и стал беспорядочно отступать, причем сам Макценций утонул в Тибре при бегстве. 28 октября 312 г. св. Константин с войском вступил в Рим. Таким образом, на всю победоносную и стремительную кампанию, которой мог бы позавидовать любой полководец, св. Константину понадобилось всего 58 дней. Сенаторы оказали ему почести, которыми ранее награждались только избранные, и приняли решение о старшинстве св. Константина из трех оставшихся правителей (помимо Лициния и Максимиана Даза), управлявших Империей.

Это было действительно чудо, явственно явленное Богом через Своего царственного избранника. Не случайно в текстах Евсевия об этой победе св. Константин постоянно уподобляется легендарным библейским героям: «Как во времена Моисея и благочестивого некогда народа еврейского, Бог ввергнул в море колесницы фараона и войска его, и в Чермное море погрузил отборных всадников тристатов (Исх. 15: 45), так, подобно камню, пали в глубину Макценций и бывшие с ним гоплиты и копьеносцы. Между тем, как (св. Константину. — *А.В.*) помог сам Бог, — тот жалкий человек, лишившись Его помощи, тайными своими хитростями погубил самого себя».

§3. Миланский эдикт

Вскоре св. Константин покинул Рим и отправился на встречу с Лицинием в Милан. Тогда же в Милане в 313 г. был издан знаменитый эдикт о веротерпимости, среди подписантов которого числились св. Константин, Лициний и Галерий. Диоклетиан также получил приглашение приехать на эту торжественную церемонию, и его подпись, безусловно, придавала бы больший вес и торжественность этому документу, но, сославшись на нездоровье, некогда могущественный владыка

отклонил приглашение. Отказался от подписания документа и Максимин Даза — август азиатских владений Римской империи, оставшийся верным языческому культу. Но яростный гонитель христиан Галерий, под конец жизни решивший в такой форме хотя бы частично загладить свою вину перед Церковью, поддержал св. Константина. Впрочем, после этого он прожил недолго и умер от какой-то страшной болезни — то ли от рака, то ли от широко разлившейся по телу гангрены. Интересно, что еще в 311 г. он, мучимый страшной болезнью, инициировал эдикт о веротерпимости, в котором просил христиан помолиться их Богу о его спасении и о благополучии Римского государства. Но вернемся к документу 313 г.

«С давних пор, считая, — говорится в эдикте, — что не следует стеснять свободу богопочитания, но, напротив, надо предоставлять уму и воле каждого заниматься Божественными предметами по собственному выбору, мы издали повеление как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание... Угодно нам совершенно отменить... распоряжения относительно христиан, весьма нелепые и несовместимые с нашей кротостью. Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без какой бы то ни было помехи».

Вроде бы такой религиозный плюрализм противоречил традициям Рима, где религиозный культ имел государственное значение. Но внешнее противоречие — свобода совести и потребность в наличии государственного культа, на место которого очень скоро и окончательно придет христианство, — разрешилось просто. Еще не крещенный и даже не оглашенный, св. Константин Великий, не желающий применять насилие над духом своих подданных, фактически сделал все для того, чтобы естественное превосходство духа и слова Православия над другими религиями при отсутствии внешних стеснений вскоре завоевало доминирующие позиции.

Далекий от тщеславия, св. Константин не сомневался в том, по Чьей великой помощи одержана им победа, и по прибытии в Рим тотчас вознес благодарственную молитву Богу. Посреди города он воздвиг тот священный символ — знамя, который ему указал изготовить Христос, явившийся во сне перед походом на Макценция, и начертал, что «сие спасительное знамя есть хранитель римской земли и всего царства».

Когда же на самом людном месте Рима поставили ему статую, он немедленно приказал то высокое копьё в виде креста утвердить в руке своего изображения и начертать на латинском языке слово в слово следующую надпись: «Этим спасительным знамением, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана

и, по освобождении его, возвратил римскому сенату и народу прежние блеск и славу». Очень точные слова! Святой Константин откровенно признался, что истинным мужеством с его стороны были не многочисленные, молниеносные победы над врагом, а тот выбор в пользу истинного Бога, который он сделал перед кампанией.

Надо сказать, что поведение св. Константина в части обеспечения религиозной свободы и восстановления нарушенных материальных прав христиан было очень последовательным. Очевидно, он решительно стал на путь собственного воцерковления и являл многочисленные образцы христианского милосердия и сострадания, помогая всем нуждающимся и обремененным. Завладев Италией и присоединив ее к своим владениям, он не стал заносчивым и жестокосердным, являя удивительные образцы терпения и мягкости. Некоторые в Африке, приводит характерный пример историк, дошли до настоящего безумства и, ведомые демонами, делали все, что смогло бы привести в ярость любого правителя, только не св. Константина. «Поступки их василевс нашел смешными и говорил, что они рождены под влиянием лукавого, поскольку такие дерзости свойственны не здравомыслящим, но совершенно помешанным людям, либо по наущению лукавого».

Наряду с этим к тому времени св. Константин еще не принял таинства крещения, что вполне объяснимо. В практике древней Церкви поздние, почти предсмертные крещения были обычным явлением. Как представлялось, в таком случае человек окончательно освобождался от грехов, поскольку, по христианскому вероучению, таинство крещения смыкает все ранее совершенные грехи. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что вхождение в Церковь в те давние времена было величайшим событием для человека. К погружению в крестильную купель готовились *годами*, проходя через разряд оглашенных и духовно очищаясь.

Наконец, как император Рима, св. Константин в силу должности царя воспринял традиционный титул *pontifex maximus* («верховный жрец»). И в этом качестве он, безусловно, должен был принимать участие в языческих культовых обрядах, хотя бы и в качестве наблюдающей стороны. Публичное крещение в такой момент могло войти в жесткое противоречие с обязанностями *pontifex maximus*, а поскольку христиане тогда еще были в Риме в явном меньшинстве, легко было предположить негативную и острую реакцию языческих толп и самого сената на это событие.

Замечательно наблюдать, как линия поведения св. Константина по отношению к представителям различных конфессий копирует политику его отца. С той только разницей, что все его симпатии были

на стороне христианских общин. В эти годы, когда св. Константин формально был всего лишь одним из трех оставшихся соправителей Рима, хотя и обладал величайшим авторитетом, открывается новая стадия в становлении Православной Церкви.

В 313 г. клирикам был предоставлен иммунитет, и они избавились от несения общественных повинностей. В постановлении проконсулу Африки Анулину император пишет: «Мы желаем, чтобы, по получении этой грамоты, ты немедленно приказал вернуть христианам Кафолической Церкви в каждом городе или других местах все, что им принадлежало и что теперь находится во владении или граждан, или иных лиц, ибо мы постановили вернуть церквям их прежнюю собственность». В другом послании этому же чиновнику царь повелевает: «Лиц, находящихся во вверенной тебе провинции и состоящих в Церкви, отдавших себя на служение этой святой вере (обычно их называют клириками), желаю я раз и навсегда освободить от всех общественных обязанностей, дабы они не были отвлекаемы от служения Богу каким-нибудь обманом или святотатственным поползновением, но без всякой помехи исполняли свой закон. Если они будут служить Богу, — поясняет василевс, — со всей ревностью, то это принесет много пользы и делам общественным».

В 315 г. св. Константин освободил земли духовенства от обычных налогов, в этом же году отменил распятие в качестве способа смертной казни, а также постановил, что иудеи, возбуждающие мятежи против христиан, предаются сожжению. Святой Константин повелел возвратить всех христиан, находившихся в ссылке или на рудниках, восстановил их в общественных должностях (если таковые были ранее на них), вернул собственность мучеников за веру их наследникам, а если таких не оказывалось, то передавал Церкви.

Специальным законом императора св. Константина Великого в 318 г. был создан институт *episcopalis audientia*, согласно которому епископам, как представителям императорской власти, передавалось право суда по гражданским делам. Причем епископ рассматривал споры, руководствуясь не нормами императорского законодательства, а христианским правосознанием. При этом решения епископского суда не подлежали апелляции. Совершенно очевидно, что эта мера была продиктована желанием императора внести справедливость в коррумпированное провинциальное правосудие и смягчить нравы той эпохи. Закон от 5 мая 333 г. подтвердил безапелляционность епископского решения.

В 319 г. двумя законами св. Константин запретил частные жертвоприношения и языческие гадания, но сохранил общественные обряды.

В 321 г. царь издал эдикт о всеобщем праздновании воскресного дня: земледельческие работы разрешались, но в городах и в армии все работы отменялись, прекращалась всякая торговля, дела и даже судопроизводство. В этом же 321 г. Церкви было разрешено получать имущество по завещаниям, чем резко увеличивалось ее благосостояние.

В области свободы совести император держался твердой срединной линии, не насилуя чужую совесть и не принуждая никого к переходу к христианству. Его личный пример был эффективнее любого принуждения. Святой Константин решительно участвовал в делах церковного управления, являя замечательную ревность по вере. Он всячески увещевал своих подданных принять христианство, но тут же требовал, чтобы желание это было искренним, без какого-либо принуждения. Император приказал строить церкви размеров, позволяющих посетить их всем желающим; запретил изображения богов и государственные жертвоприношения. Чиновникам же было предписано *воздерживаться* от языческих обрядов. Сам св. Константин отказался от титулатуры *divius* («божественный»), традиционной для языческих Римских императоров, его предшественников, и в 325 г. запретил выставлять свои изображения в христианских храмах.

Позднее, в 326 г., последовало указание о запрете восстанавливать разрушенные языческие храмы. Запрещены были и изображения языческих богов. Храмы безнравственных культов подлежали закрытию в обязательном порядке. Запрет частных жертвоприношений, обрядов и гаданий не вызвал гневной реакции у населения, поскольку уже тогда они считались искажениями государственной религии, и их отмена только способствовала укреплению ее самой. Более того, даже обязательное для прославления Бога воскресенье рассматривалось подданными императора как установление им нового праздничного дня, что входило в его компетенцию как первосвященника.

Опасаясь «ревности не по разуму» некоторых христиан, усмотревших в новых веяниях *войну* язычеству, св. Константин в 324 г. издал еще один эдикт, в котором обратил внимание на малую ценность и непрочность вынужденных насилием обращений в новую веру.

К свободе убеждений язычников он относился с самой широкой терпимостью. Но совсем не так обстояло дело с еретиками. Избегая первоначально вмешательства в область религиозных догматов, желая мира в Римской империи, св. Константин тем не менее по просьбе архиереев и в целях спокойствия Церкви и государства вскоре был вынужден принимать меры против донатистов. В частности, для искоренения этой ереси и успокоения Церкви по его инициативе были собраны Римский Собор 313 г. и Арльский Собор 314 г. «Имея особен-

ное попечение о Церкви Божьей, он, в случае взаимного несогласия епископов в различных областях, действовал как общий, поставленный от Бога епископ, и учреждал Соборы служителей Божьих, даже не отказываясь являться и заседать сам среди сонма их и, заботясь о мире Божьем между всеми, принимал участие в их рассуждениях».

Интересны и мотивы действия императора, излагаемые в его актах, и та непосредственность в управлении делами Церкви, демонстрируемая им. «Уже давно, — излагает он существо вопроса, — некоторые люди стали отходить от почитания святой небесной Силы и от Кафолической Церкви. Желая положить конец этим ссорам, я распорядился пригласить из Галлии некоторых епископов, а также вызвать из Африки постоянно и упорно спорящих друг с другом представителей враждебных сторон, чтобы в общем собрании и в присутствии Римского епископа вопрос, вызвавший это смятение, можно было тщательно обсудить и уладить».

Епископу Сиракузскому Христу, которому и направлено данное письмо, *приказывается* собрать множество епископов из разных мест, а также дается разрешение воспользоваться государственной почтой. Епископу Карфагенскому Цецилиану велено также собрать епископов, и для обеспечения дорожных и иных расходов архипастырей ему была выделена значительная сумма.

Всем сердцем приняв главную заповедь Христа — любить ближнего, св. Константин начал последовательно и системно перерабатывать законодательство Римской империи под христианские идеалы и этику. Например, император начал жесткую борьбу с донощиками. В 313, 319 и 335 гг. он принял три закона, которыми за данное преступление была введена смертная казнь. Безусловно, в основе этих законоположений лежат религиозные мотивы, особенно они заметны по тексту закона 319 г., где царь называет деляторство «величайшим злом человеческой жизни». В 315 г. вышел запрет на клеймение лица преступников, так как, указывает св. Константин, оно сотворено по образу небесной красоты. Отменяется распятие как вид смертной казни, а судам дается указание на обязательную замену такого наказания для тяжких преступников, как отдавание их в гладиаторы или на съедение диким зверям.

Особенно наглядно христианские начала проникли в область семейного законодательства. Законом от 318 г. император фактически отменяет старинное право домовладыки *patria potestas* — краеугольный камень римского права, согласно которому отцы семейства могли распорядиться по своему усмотрению жизнью и свободой детей. Святой царь уделяет много внимания таким преступлениям, как супружеская измена, или адюльтер, а женщин, виновных в этом грехе, он приравнял к отравителям и убийцам.

Невиданно ранее была поднятACHEСТЬ женщины. Законом 321 г. установлена полная правоспособность женщины в 18 лет, она отныне получила способность выступать в качестве равноправного наследника имущества отца. А в 320 и 336 гг. вышли в свет два закона, запретившие человеку, находящемуся в законном браке, иметь еще и сожительницу (конкубину). Запрещалась свобода развода, который теперь становится возможным только по конкретным основаниям. Также в 320 г. вышли закон, устанавливающий жесточайшие меры для похитителей девушек, и закон о запрете кастрации и торговле евнухами. Преступники подлежали смертной казни, а евнухи — конфискации, поскольку по римскому закону они считались такой же вещью, как и остальные рабы.

Кроме этого, св. Константин уделил серьезнейшее внимание и искал средства для строительства христианских церквей. По преданию, император основал в Риме церковь Св. Иоанна в поместье своей жены Фаусты в Латеране, Св. Петра в Ватикане, Св. Павла за стенами города, в Иерусалиме храм Св. Креста, Св. Агнессы за Номентанскими воротами, Св. Лаврентия за стенами и Св. Марцеллина и Св. Петра за *Porta Maggiore*.

Но помимо религиозных, у св. Константина были и политические дела, требовавшие его решительного вмешательства. Как указывалось выше, он недолго пробыл в Риме, который не очень любил «восточного» императора с его малопривлекательными для римлян привычками и склонностью к обеспечению явных преференций тем, кого еще вчера считали врагами общественной нравственности и царя, — христианам. Уже через 60 дней после триумфа св. Константин вернулся в Милан. Вскоре к нему явился Лициний для заключения брачного союза со сводной сестрой св. Константина Констанцией.

В это время Максимин Даза, ведомый приверженцами язычества, совершил внезапный налет на владения Лициния и после долгой осады захватил *Византий* — маленький город на берегах Босфора, будущий величественный и царственный Константинополь. Увы, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку: Максимин явно не обладал способностями и талантами св. Константина. Быстро возвратившийся в свои провинции Лициний в упорной битве разгромил почти вдвое превосходящие силы Максимиана, тот бежал и вскоре умер. Говорят, пытаясь отравиться, он принял яд на полный желудок, но не скончался, а заработал тяжелую форму язвы кишечника, долго страдал и умер в мучениях. Христиане не без оснований видели в этом гнев Божий, излившийся на их гонителя.

Теперь у Римской империи осталось всего два августа — св. Константин и *Лициний* (265—325). Последний заслуживает несколько строк,

позволяющих понять последующие события. Как отмечают историки, обоих августов связывали многие сходные страницы биографии. Оба выросли на Востоке (в Иллирии), оба испытали тяжесть солдатских будней, обоих отличали честность и верность данному слову. Лициний поддержал св. Константина в его войне с Максенцием, соблюдая дружеский союзнический нейтралитет.

В ответ св. Константин, не желавший пользоваться искусственными привилегиями и стремившийся сохранить диоклетиановскую систему управления государством, перед Итальянской кампанией обещал тому руку своей единокровной сестры, дочери Констанция от второго брака. Женившись на ней, Лициний стал таким же равноправным наследником Констанция, как и сам св. Константин. Более того, св. Константин имел к тому времени только одного сына — *Криспа*, рожденного им от незаконного брака еще до свадьбы с Фаустой. Таким образом, в случае преждевременной смерти западного августа Лициний оказывался *единственным* законным наследником всех предыдущих соправителей Империи.

§4. Война с Лицинием

Новая ситуация в Римской империи резко изменила умонастроения Лициния. Если до последнего момента их связывали с св. Константином почти дружеские отношения, то теперь он стал претендовать на первенство в дуэте августов. Повод для войны нашелся быстро. Во-первых, желая устранить возможных претендентов на царский трон, Лициний предал смерти детей Максимиана Даза, а затем жену, дочь и внука Диоклетиана, мольбы которого остались не услышанными им. Кроме того, Лициний вступил в политическую интригу с неким патрицием Вассианом, мужем другой единокровной сестры св. Константина Анастасии. Почему-то Вассиан решил, что, как родственник Констанция, он вправе заявить права на престол св. Константина и западные провинции Империи. Но и этот заговор был своевременно раскрыт св. Константином, Вассиан бежал к Лицинию, который на все требования императора выдать ему беглеца отвечал высокомерным отказом. Война началась.

В начале октября 314 г. св. Константин с войском перешел границу восточной части Империи, традиционным для себя быстрым маршем прошел по провинциям Лициния и близ Сирмия разгромил его войско. Лициний своевременно признал себя побежденным, и враги-друзья сели за стол переговоров. Следствием их стало отторжение балканских

провинций, за исключением Фракии, от Лициния и передача под власть св. Константина. Помимо этого, стороны договорились, что св. Константин вправе назначать двух цезарей, а Лициний одного, чем еще более подчеркивалось превосходство св. Константина. Как ни странно, но этот мир продержался 9 лет.

Нельзя, правда, сказать, что он не прореживался конфликтами, способными в любой момент разрушить его. Стороны продолжали негласное соперничество за единовластие в Империи, чему способствовали некоторые новые обстоятельства. Через 8 лет после бракосочетания с Фаустой у василевса родился сын *Константин*, которого он наряду со старшим, 18-летним незаконнорожденным сыном Криспом, назначил цезарем, используя свое оговоренное в соглашении с Лицинием право. Для того это был явный удар. В присутствии одного только Криспа Лициний имел еще возможности претендовать на единоличное императорское достоинство в случае смерти св. Константина, но маленький наследник перечеркнул эти планы.

Правда, по примеру св. Константина Лициний также назначил цезарем своего 3-летнего сына, рожденного от сестры св. Константина Констанции. Но шансы на преемство власти у порфирородного Константина, сына знаменитого императора и полководца, явно были выше. По некоторым данным, для сохранения собственного статуса и обеспечения будущих прав членов своей семьи Лициний начал переговоры со св. Константином о женитьбе Криспа на своей дочери, по-видимому, увенчавшиеся успехом. По крайней мере, эта немаловажная деталь — если принять сведения о женитьбе Криспа в качестве истинных — сыграет решающую роль в скорых трагических событиях, которых мы коснемся далее.

Впрочем, это была невидимая для широкой массы сторона конфликта. А в публичной сфере, пожалуй, наиболее болезненным для св. Константина стал указ Лициния от 320 г., которым тот фактически отменил Миланский эдикт и начал новые гонения на христиан в своих провинциях. «Римская земля, разделенная на две части, кажется всем разделенной на день и ночь, то есть населяющие Восток объаты мраком ночи, а жители другой половины государства озарены светом самого ясного дня».

Лициний не был до конца последовательным в своих методах унижения христиан. Возможно, желая разнообразить способы уничтожения их достоинства и требуя изначально невозможное, а быть может, наоборот, чтобы смягчить на первых порах реакцию на свои действия, но в один момент он повелел рукополагать женщин в священнический сан якобы для уравнивания их с правами мужчин. В конце концов, Лициний до-

шел до казней христиан. В частности, при нем снискали мученический венец епископ Василий Амосийский. Затем были утоплены в Дунае после длительных пыток святые мученики Ермила и Стратоник. В Никополе Армянском были сожжены святые Леонтий и Сисиний, а с ними еще более сорока мучеников-христиан. Надо сказать, что к тому времени христианство укоренилось в его окружении, поскольку многие казенные мученики являлись офицерами и солдатами армии Лициния. Вскоре его гонения приняли широкие масштабы, и современники говорили уже о массовых казнях христиан и закрытии церквей.

К сожалению, св. Константин не имел возможности своевременно прореагировать на дерзкое нарушение Лицинием Миланского эдикта. В это время его мысли были заняты безопасностью дунайских границ и берегов Рейна, где готы и алеманны вновь накопили грозную силу. Святой Константин выступил в поход, и дунайская кампания, по обыкновению, наглядно продемонстрировала его величайшие дарования как полководца. Наступая сплошным фронтом шириной 300 км, он нанес готам три сокрушительных поражения при Кампоне, Марге и Бононии, глубоко проник в земли даков, давно уже забывших римский закон, и вновь подчинил их Империи. Святой Константин был по-настоящему горд тем, что добился успеха там, где испытывал трудности сам великий император *Траян* (98—117). Разгромив азиатские владения готов, потрясенных таким безнадежным для них исходом войны, св. Константин стал готовиться к войне с Лицинием. Формальным поводом к ней явилось то, что в ходе готской кампании св. Константин зашел без разрешения Лициния на подчиненные ему территории.

Небезынтересно обратить внимание на то, как духовно готовились оба августа к этой последней для одного из них войне. Лициний совершенно предался языческим богам, обосновывая это перед соратниками тем, что желает сохранить исконных богов Рима. «Настоящее откроет, — говорил он, — кто заблуждался в своем мнении, оно отдаст преимущество либо нашим богам, либо (богам) стороны противной». Он искренне недоумевал, почему «непонятно, откуда взявшийся Бог Константина» может быть сильнее тех, к кому ранее обращались за помощью их победоносные предки. Напротив, св. Константин и в этот раз предал себя в руки Бога, много молясь вместе со священниками Христу. Бедный Лициний и не подозревал, что в грядущей войне не Макценций, не готы и даки, а именно он выступит в неблагодарной роли человека, о котором в 33-м псалме говорится: «Лице же Господне на творящая злая, еже потребити от земли память их».

Новая кампания началась в 323 г. В Фессалониках была определена точка сбора войскам, Крисп со своей армией срочно был отозван

из Галлии, и вскоре св. Константин имел под рукой уже около 120 тыс. воинов. Это было немалое войско, но численностью армия Лициния явно превосходила своих противников — под Адрианополем противник имел около 150 тыс. человек, и еще 150 тыс. азиатской конницы было в его распоряжении на случай необходимости. Здесь, под Адрианополем, и произошло генеральное сражение, в котором победа опять досталась св. Константину. Лициний потерял почти 34 тыс. воинов и постыдно скрылся за стенами многострадавшего Византия, который был осажден. Но надежды Лициния на дополнительные силы оказались иллюзорными, а попытка снять блокаду с моря не увенчалась успехом. В очень тяжелом морском сражении малочисленный флот св. Константина под командованием Криспа одержал решительную победу. Город был обречен, но самому Лицинию удалось с группой верных телохранителей незаметно покинуть его, и он благополучно добрался до небольшого городка Халкидона, где спешно занялся укомплектованием новой армии.

Вновь собранные Лицинием войска были мужественны, но совершенно необучены, и руководили ими слабые военачальники. Очевидно, его тяга к «отеческим гробам» была поколеблена, поскольку он сам убедился: там, где на поле боя появляется лабурум, войскам св. Константина неизменно сопутствовал успех. Лициний даже советовал воинам по возможности избегать встречи со священным символом христианской армии его противника, а святой император, напротив, направлял его туда, где его воины слабели и не могли дать решительный отпор врагу.

Сам св. Константин долго и усиленно молился в своей палатке, что, по словам Евсевия, было для него обычным занятием. Видимо, он не раз удостаивался видения Христа, поскольку часто, подвигнутый Божественным вдохновением, выбегал из шатра и давал войскам соответствующие распоряжения. И Господь не оставлял Своего избранного слугу. В битве у стен Хрисополя Лициний вновь потерпел ужасное поражение, положив на поле брани более 25 тыс. своих солдат.

Теперь спасти Лициния могла только сводная сестра св. Константина Констанция — жена проигравшегося игрока за власть. Наверное, под влиянием ее просьб св. Константин сохранил жизнь сопернику, отдав ему в правление Фессалонику — большей милости и снисхождения побежденному Лицинию трудно было ожидать. Но он и теперь не успокоился. Презы несбывшихся надежд, жажда мести и ненависть к пощадившему его царю привели его к попыткам организовать новый заговор с участием готов, так же провалившийся, как и все предыдущие — казалось, Господь во всем хранит Своего избранника. В 325 г. Лициний и его ближайшие сподвижники были казнены.

«Итак, теперь, по низложении людей нечестивых, лучи солнца не озаряли уже тиранического владычества: все части Римской империи соединились воедино, все народы Востока слились с другой половиной государства, и целое украсилось единовластием, как бы единой главой, и все начало жить под владычеством монархии. А славный во всяком роде благочестия василевс — победитель; ибо за победы, дарованные ему над всеми врагами и противниками, такое получил он собственное титулование, принял Восток и, как было в древности, соединил в себе власть над всей Римской империей. Первым проповедуя всем монархию Бога, он и сам царствовал над римлянами и держал в узде все живое».

Язычество рухнуло, подкошенное под самое свое основание царем-христианином, формально все еще не являющимся членом Церкви. Раскрылись двери тюрем, церковные общины и осужденные при царях-гонителях христиане получали обратно ранее конфискованное имущество, двор и ближнее окружение св. Константина становились исключительно православными.

§5. I Вселенский Собор

Как указывалось выше, религиозная терпимость (но отнюдь не индифферентизм) св. Константина имела свои естественные границы. Он спокойно наблюдал за последними днями господства язычества, не считая нужным административно запрещать культы, не идущие в явное и открытое противоречие христианству. А таковые, связанные, как правило, с жертвоприношениями, еще существовали в Риме и даже имели многочисленных поклонников. В остальных случаях св. Константин был уверен, что *естественный* ход событий и его личный пример неизбежно предопределят господствующее положение Церкви среди иных культов. Другое дело — еретики, в отношении которых император был готов применять куда более строгие меры.

Такая избирательность царя вовсе не кажется неожиданной, а тем более лишенной основания. Конечно, как глава государства и гарант общественной нравственности, он в любом случае был обязан бороться с любыми попытками привнесения сомнительных новаций в область культа. В отношении попыток неправомерной ревизии православного вероучения, помимо государственной обязанности, императором двигало и живое религиозное чувство. Он искренне верил в Христа и полагал себя защитником Его Церкви. Но эта медаль имела и обратную сторону. Для римского сознания это означало, что если уж император разрешил христианское вероисповедание, то тем самым он был вдвой-

не ответственным за нравственную чистоту ее учения. Любой раскол, любая ересь, принявшая масштабные черты, могла бы поставить под сомнение авторитет и самой Церкви, и ее покровителя — императора, поскольку в таких случаях стороны догматического спора склонны обличать друг друга во всех смертных грехах.

Конечно, имя св. Константина блистало во всей Империи, но разве история дает мало примеров тому, как бывшие кумиры развенчивались в прах по внешне ничтожному поводу? А неспособность царя справиться с разномыслиями в поддерживаемой им Церкви могла быть расценена в массе своей еще языческим римским обществом как признак его *политической несостоятельности*. Нетрудно догадаться, что в этом случае рано или поздно нашелся бы конкурент, способный сыграть на кризисе власти и проложить себе дорогу к трону, используя настроения толпы.

Первый опыт вмешательства в богословские споры был дан императором еще в 314 г. Дело в том, что за три года до этого, в 311 г., новым епископом Карфагена был избран Цецилиан, против которого ополчилась богатая матрона Лукилла, возглавившая противников архиерея, требовавших признать его хиротонию незаконной. Вместо Цецилиана они избрали некоего Доната, по имени которого и стали называть эту вновь образовавшуюся секту — *донатисты*. Вскоре стороны зашли в тупик — их разделяли и серьезные богословские расхождения, а потому обратились за помощью к императору. Римский папа *Мильтиад* (311—314) поддерживал законного епископа, донатисты потребовали от императора созвать Собор для разрешения спорной ситуации. И св. Константин охотно пошел им навстречу, отметив в своем письме на имя папы Мильтиада, что для него невыносимо положение дел, когда Церковь разделена на два лагеря. Царь поручил галльским епископам возглавить специальную комиссию, опросив по 10 епископов с каждой стороны. Мильтиад ловко перевел эту комиссию в Собор, точку зрения которого, однако, донатисты отказались признавать.

Тогда император созвал в 314 г. специальный Собор в Арле. Своему префекту в Африке он пишет: «Я считаю решительно неверным скрывать от меня подобные споры, поскольку из-за таковых Господь может вооружиться против меня самого, кому Он Своим Божественным повелением поручил управлять всеми делами людей». Новый Собор отклонил апелляцию донатистов, и те вновь отказались признавать правомочность его решений. Тогда св. Константин в своем новом послании гневно заметил, что проследит за наказанием виновных, если те будут упорствовать. Наконец, в 316 г. он вынес окончательное решение в пользу епископа Цецилина.

Между тем в Церкви возникли еще более серьезные разногласия по поводу учения одного Александрийского иерея по имени *Арий*, согласно

учению которого Христос не признавался Богом и относился к тварным существам. «Он, по примеру иудеев, — писал Александрийский епископ Александр Константинопольскому епископу, — отвергает Божество Спасителя нашего и проповедают, что Он равен людям».

Начало спора Ария с епископом Александром относят к 318—320 гг., когда на одном из собраний клириков Арий озвучил свои мысли вслух и попутно обвинил Александра в ереси. Тут же образовались две партии, кардинально не согласные друг с другом. Сначала Александр пытался решить спор мирным путем, занимая нейтральную позицию и поддерживая поочередно обе спорящие стороны. Но когда понял, что арианство представляет собой уже состоявшееся учение со своими адептами, то созвал Собор египетских и ливийских епископов (всего около 100 человек) для обсуждения вопроса об учении Ария. Собор осудил Ария, а с ним еще 11 его приверженцев.

Не сдавшийся Арий направился в Кесарию Палестинскую, где встретил самый сочувственный прием у местного епископа Евсевия. Этот архиерей без труда понял, что, затеяв интригу против епископа Александра, он сможет в случае положительного результата доказать первенство своей кафедры на Востоке, урезав полномочия архиерея столицы Египта. Близость Евсевия к придворным кругам значительно усилила позиции Ария.

Сговорившись, Евсевий и Арий поставили перед собой задачу заставить Александра принять осужденных Собором лиц в общение, но глава Александрийской кафедры оставался непреклонным. Тогда друзья Ария составили в Вифинии (город в Никомидии) свой Собор и распространили окружное послание ко всем епископам с предложением вступить в общение с Арием. Более того, уступая просьбе ересиарха, несколько епископов через голову Александра разрешили ему вступить в пресвитерские права в его некогда собственном приходе, для формы поставив условие, чтобы Арий примирился с Александром.

Разумеется, такое решение цинично попирало все церковные устои, и Александр почувствовал себя глубоко оскорбленным. В своем окружном послании епископ недвусмысленно обвинил Евсевия в покровительстве еретикам и мотивах его сотрудничества с ними. Александр подготовил собственное окружное послание, разосланное «к сослужителям всей Кафолической Церкви». Энциклику подписал ряд епископов, искренне разделявших его позицию и негодование. Но и у Ария находились новые сторонники. Спор зашел в тупик.

Зная образ мыслей императора, епископ Александрии пытался найти защиту у св. Константина Великого, но в это время территории, на которых проходил спор, находились под управлением Лициния. А Запад

и в первую очередь Рим не интересовались разногласиями, в которые оказался вовлеченным Восток. И только после победы над Лицинием в 323 г. св. Константин обратил внимание на причину церковных настроений.

Надо сказать, что первоначально император не придал спору большого значения, что, впрочем, вполне понятно. Даже после Никейского Собора многие современники-богословы полагали причиной возникших между епископом Александром и Арием разногласий «предосудительное любопрение». Чего же можно было ожидать от императора, мало искушенного в то время в тонкостях богословских систем и знавшего об арианстве понаслышке?

Он уже имел опыт преодоления донатистской ереси, поразившей только Африку, когда его волей был собран Собор епископов. Ему казалось, что любое богословское недоразумение разрешится просто и легко, без какого-либо административного вмешательства, в том числе и это. Император был уверен в том, что и данная ситуация выправится сама собой при взаимном согласии спорящих сторон и терпимости к мнению соперника. Авторитет руководителей обеих церковных партий, их ревность по вере являлись для него залогом того, что спор — суть выдумка, и вместо нанесения взаимных обид и оскорблений главнейшая задача противников, как священнослужителей, заключается в просвещении народов учению Христа.

«Какую рану нанесла моему сердцу весть, — пишет он в письме Александру и Арию, — что между вами самими возникли разногласия, что вы, через которых я надеялся подать врачество другим, сами нуждаетесь в гораздо большем врачевании. Я внимательно рассуждал о начале и предмете вашего спора; повод к нему мне показался вовсе не таким, чтобы по нему надобно было начинать спор».

Святому Константину казалось, что противостояние возникло вследствие бесполезной, по его мнению, постановки вопроса о природе Христа в редакции Александра и неуместного желания Ария высказать свое мнение там, где рядовому пресвитеру надлежало молчать. «Вот откуда началось между вами разногласие; с этого времени расторглось между вами общение — и благочестивый народ, разделившись на две стороны, отпал от единомыслия со всей Церковью. Итак, пусть каждый из вас простит другого с одинаковой искренностью и примет то, что по всей справедливости советуют вам сослужители ваши».

Тон и содержание письма не может не поразить: император, по мановению пальца которого менялись судьбы властителей и народов, победитель Макценция и Лициния, единоличным владыкой Римского государства, должный силой устранить все проблемы, касающиеся

общественной нравственности, почтительно *просит стороны* (!) вернуть мир святой Церкви и прекратить раздор. Трудно представить, каким образом такая чуткость к вере в императоре и его уважение ко вполне рядовым клирикам могли быть оценены некоторыми историками в качестве коварства, проявления тоталитаризма и лицемерия?

Для примирения спорящих царь отправил в Александрию уже знаменитого к тому времени епископа св. Осия Кордубского (около 258—358), имевшего немалый авторитет. Встретившись с епископом Александром, св. Осий вскоре пришел к убеждению о ложности возводимых Арием обвинений в ереси, а также о серьезности ситуации с возникшим спором. После нескольких разговоров с Александром и изучения посланий, которые направлялись христианским общинам обеими сторонами, св. Осий целиком и полностью стал на сторону епископа Египта. Возвратившись к императору, он сумел убедить и его в нечестивости Ария и остроте момента.

Ситуация осложнялась еще тем, что разделившийся в своих предпочтениях епископат пытался решить догматические разногласия через политическое покровительство высоких лиц в придворных кругах. Вследствие этого догматические уклоны богословской мысли начали превращаться в государственные акты, ересь укоренялась в различных территориях Империи искусственно и насильственно.

Общение с св. Осией, а также указанные выше обстоятельства изменили позицию св. Константина, и его следующее письмо Арию уже дышит гневом негодования на того, кто виновен в церковной смуте. «Где ты показал явное свидетельство и доказательства своего ума? — пишет он. — Если еще что-нибудь придумаешь для нечестивого отделения от Церкви, я не хочу того ни видеть, ни слышать».

Уже не миротворец, а грозный царь, поднимающий меч на всякого, кто грозит нарушить единство Церкви, предстал перед Арием в облике св. Константина. «Поди омойся в Ниле, человек, преисполненный гнусной нечистоты, ибо ты возмутил всю Вселенную своим нечестием. Или ты не разумеешь, что я, — человек Божий, — знаю все? Но я еще задумываюсь, должно ли тебе жить, или умереть». В конце письма император открыто предупреждает ариан о последствиях их стояния в ереси: он угрожает, что сообщники и единомышленники Ария, не примкнувшие к чистой вере, будут уволены с общественных должностей.

Поскольку Запад не был вовлечен в эту ересь, св. Константин пытался решить богословский спор таким же образом, как раньше с до-натистами. Римский Собор 313 г. был сугубо западным, Африканский Собор — восточным. Полагая, будто для завершения разногласий достаточно только восточных епископов, император распорядился ор-

ганизовать собор в Антиохии, который и состоялся в 324 г. под председательством св. Осии Кордубского. Отцы Собора осудили ересь Ария и анафематствовали его учение. Попутно, обнаружив, что три епископа, участвовавшие в заседаниях Собора, — Феодот Лаодикийский, Наркисс Нерониадский и Евсевий Кесарийский — мыслят одинаково с Арием, остальные епископы отлучили их от своей среды, но не извергли из сана, дав им время для раскаяния. Таким образом, еще до Никейского Собора образовалась устойчивая группа «восточных» епископов (около 80 архиереев), ставших ядром православной партии. Свои акты отцы Собора отправили авторитетным «западным» епископам — Александру Фессалоникийскому и Римскому папе *Сильвестру* (314—335), поставив их в известность о существовании захватившей Восток ереси.

Но такие полумеры не улучшили ситуацию. Арианство было привлекательно и доступно неискушенному сознанию вчерашних язычников, и число последователей Ария разрасталось неимоверными темпами. Помимо сознательных ариан, множество рядовых христиан, клириков и епископов искренне недоумевали по поводу столь жестких оценок со стороны Александра и его сторонников, просто-напросто будучи не в состоянии постичь глубины захватившей мир ереси.

Примечательно и очень характерно для св. Константина то, что и после этих событий он не желал силовыми методами гасить костер иномыслия. По-прежнему невероятно чувствительный к вопросам свободы совести своих подданных и, безусловно, осознавая свою ответственность перед Богом за единство и благосостояние Церкви, он решил еще раз прибегнуть к соборной форме обсуждения догматических вопросов, но уже в ином масштабе. отождествив Римский мир, охватывающий все границы Вселенной, с Кафолической Церковью, он пришел к следующему выводу: коль скоро учение Ария посягает на первоосновы христианства, то и решать догматический спор должна *вся Церковь*. Не важно, что Запад оказался нечувствительным к арианству, пусть Рим и епископы всех остальных провинций Империи выскажутся по этому поводу. Иными словами, для решения спорного вопроса нужно созвать *Вселенский Собор*.

Можно сказать, что с созывом первого Вселенского Собора для всех впервые *зримо* возникла Кафолическая Церковь. И ранее церковные общины поддерживали видимое общение (а не только евхаристическое) друг с другом, но никогда до 325 г. не было формы, в которой могло бы выразиться общецерковное сознание. Никея была, по существу, вторым рождением Церкви. В день Пятидесятницы, посредством схождения Святого Духа на головы святых апостолов, Церковь родилась духовно; теперь она родилась как зримая и явленная миру *вселенская* организа-

ция, *Церковь земная*, имеющая единое и обязательное догматическое учение и каноническое право.

Следует прямо сказать, что вселенская форма всеимперского и соборного обсуждения спорных вопросов, волнующих Церковь, является детищем исключительно императорской власти. Конечно, и до 325 г. соборная форма выяснения Истины не была чужда Церкви: достаточно вспомнить первый из известных нам Соборов — Иерусалимский 49 г. (по другим источникам, 51 г.) с участием святых Апостолов. Но никогда до святого равноапостольного Константина Великого соборное обсуждение вопросов не принимало вселенских черт.

Нет сомнения, что при выборе святым императором оптимальной формы сыграли решающую роль три обстоятельства: привычный для Римской империи вселенский масштаб сознания, некий аналог коллективного обсуждения вопросов в сенате и соборная форма разрешения церковных вопросов, привычная для местных церковных общин. Идея *вселенского*, соборного и в то же время «аристократического» обсуждения спорных вопросов показалась св. Константину перспективной. Не случайно, как и в сенате, где заседали представители избранных фамилий, так и на Вселенском Соборе в Никее решающее слово принадлежало епископату Кафолической Церкви, а не рядовым клирикам и мирянам. Хотя, как следует из отдельных, дошедших до нас актов Собора, последних было немало. Более того, на Собор прибыли вообще не христиане, в частности, языческие философы, пожелавшие выяснить для себя содержание и тонкости православного вероучения.

Здесь были представители всей Кафолической Церкви, собравшиеся со всех уголков Ойкумены. Прибыли епископы из Скифии, Босфорского царства, Армении, Персии, Кавказа. Собрался цвет Церкви, сонмище исповедников и хранителей веры, немало претерпевших от властей в минувшие лихолетья гонений на христиан. На соборных заседаниях блистали Александр Александрийский, св. Афанасий Великий (в то время еще диакон Александрийской кафедры), Евстафий Антиохийский, Маркелл Анкирский, Леонтий Кесарио-Каппадокийский, Иаков Низибийский, Амфион из Епифании Киликийской, Павел Неокесарийский с сожженными гонителями руками, Пафнутий Фиваидский, Потамон Египетский с выколотыми глазами и вывихнутыми ногами — известный целитель и чудотворец. С острова Кипр прибыл святой старец св. Спиридон Тримифутский, прозорливец и чудотворец. По некоторым источникам (наиболее значимый из них «Деяния Вселенского Собора»), на Соборе присутствовал и святитель Николай, епископ Мирликийский.

Запад был представлен довольно слабо, поскольку арианство практически не коснулось его: Римский папа Сильвестр по старости лет не

прибыл на Собор, прислав двух представителей — пресвитеров Витона и Викентия. Помимо них присутствовали епископ Сардикийский Протоген и Цецилиан, епископ Карфагенский. Войдя в залу, где проходил Собор, император, считавший себя обязанным лично участвовать в соборных деяниях, лобызал раны и выколотые очи святых сподвижников, демонстративно приветствуя православную партию.

Арианская партия зримо уступала в численности православной. Сам Арий не присутствовал на Соборе, и защита его учения легла на плечи Евсевия Кесарийского и еще 7 епископов-ариан. Но ни численное меньшинство, ни отсутствие своего вождя не приводили ариан в уныние. Они имели устойчивые связи при дворе императора — им покровительствовала его сестра Констанция, и во главе их группы были епископ Константинополя и архипастырь самой Никей. Ариане полагали, что если они и не одержат победы, то, по крайней мере, удовлетворятся нравственным, моральным торжеством своего разума и образованности над остальной массой епископов. Более того, как иногда отмечают, в планы ариан и не входило первоначально сделать свое учение общеобязательным. Это были своего рода «либералы от веры», охотно допускавшие *субъективные* толкования Предания и Учения и терпевшие разницу в религиозных воззрениях.

В отличие от некоторых других Соборов Церкви, в том числе и последующих вселенских, Собор в Никее длился недолго. Открытие состоялось 20 мая 325 г., но непосредственно обсуждение злободневного вопроса пришлось только на 14 июня. Главное догматическое определение — Символ Веры — был обсужден и принят 19 июня, а 25 августа Собор завершил свою работу. Однако столь сравнительно немногословное обсуждение предмета спора не означает, конечно, что победа православной партии была легкой. Она хотя и представлялась выдающимися лицами, но была немногочисленна. Значительную массу составляли епископы, колеблющиеся в своих предпочтениях либо не вполне уразумевшие суть разногласий.

Противники св. Афанасия и Александра Александрийского попытались сыграть свою игру. Ариане во главе с Евсевием Кесарийским легко ушли от излишних ригоризмов своего лидера и пытались провести арианскую формулу в ослабленном виде, словесно закамouflировав исповедуемую ими тварность Христа: «Веруем... во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Бога от Бога, Света от Света, Жизнь от Жизни, сына Единородного, Первородного всей твари, прежде всех веков от Отца Рожденного, через Которого и произошло все».

Но тут св. Константин, симпатии которого принадлежали другой стороне, перехитрил своего придворного епископа. Он внешне согла-

сился с высказанной арианами формулой, предложив добавить в нее только один термин «Единосущный». Ариане были побеждены, и Собор торжественно провозгласил Символ Веры в такой редакции.

Можно, пожалуй, согласиться с тем, что мысль дополнить согласительную формулу термином «Единосущный» возникла не у одного св. Константина; наверное, вполне вероятно, что в данном случае немалую роль сыграл св. Осия Кордубский. Ничего невероятного в этом нет: позднее православные императоры не раз формулировали догматические определения с участием виднейших богословов и исповедников веры. Но и представлять св. Константина всего лишь игрушкой в руках православной партии, слепо повторявшим слова, внушенные ему св. Осией Кордубским, совершенно невозможно.

Зная скромность императора, можно смело апеллировать к его собственным признаниям и оценкам. «Бог освобождает через меня бесчисленное множество народов, подвергнувшихся игу рабства (то есть язычеству. — *А.В.*), чрез меня — своего служителя, и приводит к Своему вечному Свету», — пишет он Отцам Собора. «Хотя мой ум, — продолжает святой император, — считает несвойственным себе изведывать совершеннейшую чистоту кафолической веры, однако ж побуждает меня принять участие в вашем совете и в ваших рассуждениях». В другом послании св. Константин напрямую говорит о себе как о *сослужителе епископов*, когда он вместе с ними принимает участие в исследовании истины. Эта же мысль сквозит еще в одном посленикейском послании императора.

Не менее интересные детали приводит Евсевий Памфил. «Одни начали обвинять своих ближних, другие защищались и порицали друг друга. Между тем как с той и другой стороны сделано было множество возражений, и не первый раз возник великий спор, василевс выслушивал всех незлобиво, со вниманием принимал предложения, и, разбирая в частностях сказанное той и другой стороной, мало-помалу примирил упорно состязавшихся. Кротко беседуя с каждым... он был как-то сладкоречив и приятен. Одних убеждая, других увещевая словом, иных, говорящих хорошо, хваля, и каждого склонял к единомыслию, он, наконец, сообразовал понятия и мнения всех касательно спорных предметов».

После формулировки Символа Веры Собор принял 20 правил (канонов) по вопросам церковной дисциплины, в том числе по срокам празднования Пасхи — вопрос, также остро волновавший императора и инициированный им лично перед Отцами Собора.

В Никее все было впервые и внове, буквально все обстоятельства и детали борьбы с арианством и реализации соборных оросов заслу-

живают особого внимания. Можно предположить, что первоначально в замыслы императора не входило придавать соборным определениям административную форму. Ему казалось достаточным того, что Святой Дух, ведущий Отцов Собора, рассеет все сомнения и соблазны ариан; его собственный пример и симпатии по отношению к православной партии также должны были сыграть свою роль. Не случайно мы не видим в числе участников Собора Ария, который не был приглашен на его заседания даже в качестве обвиняемого лица, хотя это обычная форма для позднейших Вселенских Соборов, закрепленная в канонах. Очевидно, св. Константин не предполагал упорства, явленного Арием, не думал, что потребуются применение административных мер к ересиарху.

Прощаясь с Отцами Собора, император произнес прочувствованную речь, в очередной раз свидетельствующую о высоте его духа, милосердии, благоразумии и терпении ко всем, в первую очередь к врагам, которых он относил скорее к заблудшим, чем к сознательным противникам. «Неважные ошибки надобно извинять друг другу и иметь снисхождение к человеческой немощи, высоко ценить взаимное согласие, чтобы личной враждой не подать повода к порицанию Божественного закона тем, которые готовы его порицать... Надобно приноравливаться ко всем и, подобно врачу, подавать каждому потребное для его спасения, так чтобы спасительное учение славилось у всех и по всему».

- Однако надежды св. Константина на благоразумие и кротость ариан не оправдались. Уже вскоре после закрытия Собора, акты которого император утвердил своей подписью, появляется множество его посланий, в которых он самым решительным образом требует от непокорных ариан выполнения соборных оросов. За требованием следует ссылка на наказание, нередко весьма суровое. Так, в одном из своих посланий василевс отметил, что нечестивый Арий подвергся заслуженному поруганию, а его писания истреблены. Очевидно, это уже был пример *властного воздействия* на инакомыслящих еретиков. Догадка оправдывается, поскольку ниже св. Константин пишет: «Всякое сочинение, написанное Арием, какое у кого найдется, повелеваем предать огню, чтобы таким образом не только исчезло нечестивое учение его, но и памяти о нем никакой не осталось. Если же кто будет обличен в утаении книг ариевых, и не представит их тотчас для сожжения, такой, объявляем наперед, будет наказан смертью: тому немедленно по открытии вины будет отсечена голова».

В другом письме, где главным образом речь идет о необходимости празднования Пасхи всеми церквями в один и тот же день, как постановлено в Никее, император фактически отдает епископам указание: «Итак,

объявив постановления Собора всем возлюбленным братьям нашим, вы должны принять и привести в действие как то, о чем было говорено прежде, то есть упомянутый образ вселенской веры, так и соблюдение святейшего дня Пасхи». Святой Константин многократно упоминает, что его кротость и терпение имеют естественные границы: «Кто осмелится вспоминать о тех губителях и неосмотрительно хвалить их, тот в своей дерзости немедленно будет обуздан властью служителя Божия, то есть моей».

Правда, грозные предостережения оказались таковыми только на бумаге царского эдикта. Первоначально сам Арий был отправлен в ссылку, но его сторонники практически не потеряли в своем статусе. Однако не прошло и несколько лет, как почти все арианские епископы были возвращены из ссылки и заняли свои кафедры. Напротив, некоторое число православных архиереев вынуждены были занять места недавнего нахождения своих противников. Нередко полагают, что в посленикийский период жизни василевс склонился к арианству, что едва ли соответствует действительности. Это, конечно, ошибка. Святой Константин никогда не давал повода усомниться в своей верности православному Символу Веры, но, извечно озабоченный проблемой обеспечения церковного мира, прилагал все усилия для его достижения. Возможно, император размышлял несколько поверхностно, но в существе своем искренне и похристиански. Поскольку ариане приняли Никейский Собор, а Арий «почти» принял его, пусть даже и под давлением власти, то, следовательно, теперь православные должны пойти на известные уступки и компромиссы в их пользу. Таким образом, искренне считал он, все воссоединится в лоне Святой Церкви. Увы, св. Константин мерил по себе, ложно укутывая священнический сан покрывалом безгрешности.

Кроме того, император очень не любил ригоризма отдельных ревнителей веры, и когда еще на Соборе один из православных епископов отказался принять в церковное общение падшего собрата, он сказал: «Возьми, Алексей, лестницу и взойди один на небо». Девизом императора было: «Кто не против нас, тот с нами», девиз лидеров православной партии: «Кто не с нами, тот против нас».

Первой жертвой взаимного непонимания царя и защитников Никей стал св. Афанасий Великий, наотрез отказавшийся принять в церковное общение Ария и его единомышленников, поскольку те были осуждены как еретики. Полагают также — и, возможно, не без оснований, — что психологически св. Афанасий не нравился св. Константину. Жесткий в своем следовании Православию, бескомпромиссный боец не мог импонировать василевсу, главной мечтой которого было единение церковного мира. Уже не ариане, а св. Афанасий и его сторонники выглядели в глазах императора угрозой церковному единству. Вслед

за этим, естественно, последовали репрессии уже к никейской партии, имевшие целью наглядно показать, что определениям самодержца, направленным на защиту истины, противиться не должно.

Конечно, св. Константином в эти минуты владели некоторые слабости, от которых не свободен ни один человек, даже равноапостольный император. Помимо этого, царь искренне полагал, что найденная и возведенная до небес соборная форма обсуждения всех злободневных вопросов по делам Церкви и веры *самодостаточна*. Когда св. Афанасия, бывшего в то время Александрийским епископом, обвинили в нарушении церковной дисциплины, царь привычно повелел организовать собор в Тире, который и состоялся в 335 г. Враги св. Афанасия, собравшиеся здесь во множестве, быстро довели свое дело до конца. На его защиту встал преподобный Антоний — великий египетский пустынножитель, обратившийся с соответствующей просьбой к императору. Но тот отвечал, что не в состоянии поверить, будто такой многочисленный Собор епископов мог ошибиться и осудить невинного. Увы, ничто человеческое нам не чуждо, и у великих людей, столь много сделавших для блага Церкви, случаются великие ошибки.

Едва ли эта история требует жесткого противопоставления позиций царя и епископа, вряд ли уместно оценивать их «православность» по тому, что один был гонимым, а второй вольным или невольным гонителем. Каждый из них — и св. Афанасий, и св. Константин — искренне желали Церкви мира и истинной веры, но шли к этому результату разными путями. История Церкви бессмысленна, если во всех событиях видеть только ничтожное человеческое разумение и исключать роль Божественного Провидения.

Так было и на этот раз: борясь с врагами Церкви теми методами, которые были доступны каждому из них, акцентируясь на тех задачах, которые вытекали из разницы в статусе каждого из них (святитель и император), оба они творили чудо спасения Церкви от ереси заблуждений. Помимо этого, невольно в голову приходит и следующая далеко не бесосновательная мысль: если бы не внешние препятствия, промыслительно попущенные Богом св. Афанасию, возможно, православный мир знал бы на одного святителя меньше. С другой стороны, если бы не ригоризм ревнителей Православия, святой император не был бы столь озабочен проблемой единства Церкви, и, можно допустить, вопросы ее организации и церковной иерархии не получили бы еще в эту раннюю пору столь блестящих решений.

Впрочем, эти события были еще впереди. А тогда, после Никеи, Церковь ликовала и возносила молитвы Царю-освободителю, избавившему ее от смуты и ересей.

§6. Основание Константинополя, конец жизни

После блистательного I Вселенского Собора, где присутствовавшие на Соборе епископы торжественно отметили 20-летие царствования св. Константина, василевс вернулся в Рим. Здесь император ожидал отдохновения от своих многочисленных трудов, но, увы, конец его жизни был ознаменован некоторыми печальными событиями.

Вечный город и ранее был не очень расположен к «восточному» василевсу, и если после победы над Маккенцием римляне рукоплескали в овациях при триумфе царя, то связывалось это не с чем иным, как с освобождением от тирании Маккенция. Как только старые раны затянулись и забылись оскорбления тирана, нелюбовь к св. Константину вспыхнула с новой силой. Римлян раздражало в царе буквально все: его восточная одежда, манеры, пышность двора и церемоний, расположенность императора к христианам. Но, главное, в нем видели некий прообраз Диоклетиана — императора, поставившего некогда на колени гордый римский сенат и установившего твердую единоличную власть.

Неприятности начались сразу же по приезде царя. Буквально на следующий день император попросил сенат представить ему список людей, пострадавших при Маккенции и Лицинии, желая восстановить их в правах, но не получил ответа. Видимо, сенат решил на деле продемонстрировать свою «независимость». Следующее событие уже сенат мог квалифицировать как проявление встречного — со стороны императора — неуважения к себе. Когда 15 июля состоялось знаменитое шествие римлян до Марсова поля, где приносились языческие жертвоприношения, император отказался возглавить его. Конечно, это случилось по иной причине: св. Константин уже не был язычником и по понятным соображениям отказался встать во главе процессии, наблюдая ее со стороны. Но для сената и римлян важнее был сам факт игнорирования императором древних традиций. Постепенно василевс стал объектом жестоких нападок со стороны толпы черни, которая — величайшее оскорбление — разбила камнями статую императора. Удивительна его реакция: после минутной паузы царь произнес: «Нельзя сказать, чтобы я это заметил». Доверчивость, незлобивость императора граничили с наивностью, которой гордый и прагматичный римский ум не прощал никому.

Но главная беда ждала св. Константина внутри семейства и была напрямую связана с его старшим сыном Криспом. Внешне это выглядело незамысловато и почти буднично. Летом Крисп был арестован без публичного объявления причин, допрошен и сослан в Полу, в Истрию. А через

короткое время император подписал сыну смертный приговор, приведенный в исполнение непосредственно в месте его ссылки. Что же стояло за этой трагедией, жертвой которой стал находившийся на вершине славы первенец, боевой сподвижник и правая рука св. Константина?

Хотя первоисточники практически не упоминают об истинных обстоятельствах дела, некоторые исследователи приводят следующие соображения, которые выглядят убедительными. Как уже говорилось выше, приезд св. Константина в Рим состоялся как раз после пышного царствования 20-летия нахождения его на вершине государственной власти в составе царственной тетрархии. Создавая эту оригинальную систему, Диоклетиан определял для себя именно 20-летний срок, по окончании которого он и второй август должны были оставить свои посты для цезарей, обязанных подготовить, в свою очередь, преемников на свои должности. И хотя после того, как указанный срок наступил, Диоклетиан вдруг воспротивился собственному замыслу, Галерий все же вынудил того выполнить ранее данное самому себе обещание до конца. *Официально* тетрархию никто не отменял, и теперь эта доктрина могла обернуться против св. Константина, вернее, против его сыновей от Фаусты.

Здесь-то и возникала фигура незаконнорожденного Криспа, который имел — чисто теоретически — все мотивы для того, чтобы обойти законных сыновей своего отца от брака с Фаустой. Конечно, порфиородность — критерий, с которым нельзя не считаться. С другой стороны, Рим не знал закона о наследовании царского трона, а заслуги Криспа и его старшинство в годах перед младшими единокровными братьями, военный и политический опыт могли стать той причиной, по которой капризное римское общество, ценившее собственную безопасность и стабильность очень высоко, признало бы императором именно его, а не детей св. Константина от законного брака. Более того, умозрительно рассуждая, Крисп был заинтересован не только в устранении собственных малолетних братьев, но и отца, поскольку при его жизни у него было мало шансов стать императором.

Откровенно говоря, вряд ли сам Крисп загадывал так далеко, и едва ли его можно упрекнуть в подобных умыслах. По крайней мере, историки рисуют портрет царевича в благородных тонах, и черты его характера весьма сходны с обликом св. Константина: «Юный и одаренный от природы самым симпатичным характером...» — писал о нем историк Э. Гиббон. Он уже был крещен к тому времени и всячески помогал отцу в обеспечении свободной деятельности Церкви. Другое дело, что Фауста, полностью унаследовавшая от своего отца и брата коварство, цинизм и совершеннейшую неразборчивость в средствах, демонизировала ситуацию донельзя. Трудно сказать, что ею двигало. Возможно, материнский инстинкт, методично и за-

благовременно устраняющий любые препятствия на пути ее детей к трону, либо старые счеты с Криспом, за которые она решила поквитаться.

Но именно она убедила св. Константина в тайных преступных замыслах Криспа, в качестве «доказательства» дав царю слово, что якобы царевич предложил ей супружество и трон императрицы после физического устранения отца. В принципе, в таком кровосмесительном браке не было ничего неожиданного и невиданного: и ранее, и гораздо позднее монархические семьи нередко нарушали закон о браках с близкими родственниками, если того требовали интересы государства и трона.

Не составлял исключения и Древний Рим, где очень многое отдавалось в жертву конкретного результата, в том числе политического. Поэтому слова Фаусты, подкрепленные указанными выше размышлениями, выглядели внешне убедительно и правдоподобно. Не исключено также, что Фауста была не одинока в этой интриге — даже из общих соображений легко представить, что при дворе нашлись люди, которым было что делить с Криспом. Ведь еще до последней войны с Лицинием некоторые придворные круги усиленно пытались внушить императору недоверие к сыну, вследствие чего тот находился буквально под надзором. Поэтому, по существу, в обвинениях, которые втайне предъявлялись Криспу, не было ничего нового.

Правда, никто не мог впоследствии доказательно подтвердить слова присяги Фаусты, в истинности которых она *на время* убедила св. Константина. Но в тот момент, наверное, давление на него было слишком сильным, и царь наконец принял то страшное решение, в котором раскаивался потом все оставшиеся годы.

Отсутствие какой-либо доказанной вины Криспа обнаружилось почти сразу. Мать св. Константина св. Елена укоряла сына в поспешности вынесенного приговора, не сомневаясь в его несостоятельности. Но вдова Криспа Елена была куда более успешной — при личной встрече с царем она, бросившись в ноги свекру, сумела опровергнуть домыслы Фаусты. По приказу царя состоялось следствие, закончившееся казнями всех заговорщиков. Отвергнутая императором Фауста вскоре (возможно, не без посторонней «помощи») утонула в ванне во время купания. Правда, по другой версии, Фауста была застигнута во время адюльтера слугами императорами с неким Курсором и по приказу царя задушена в раскаленной бане. Так или иначе, но сына уже было не вернуть. Единственное, что отец мог сделать, — поставить серебряную вызолоченную статую Криспа.

Находиться в опустылевшем Риме св. Константин уже не мог, и взор императора скользил по карте Империи в поисках подходящего места для выбора новой восточной резиденции и столицы. В качестве вариантов рассматривались и Антиохия, и Александрия, и даже легендарная

Троя. Но в конце концов выбор императора пал на маленький греческий город Византий, расположенный чрезвычайно благоприятно и для торговли, и для обороны, и для размещения войск. Как нередко бывало, повеление строить новый город на берегах Босфора царь получил во сне, что было воспринято современниками как Божья воля.

Надо сказать, что св. Константин издавна ощущал тягу к Востоку. Далеко не маловажное значение имело то обстоятельство, как восприняли разные провинции итог I Вселенского Собора. Запад едва заметил его и явно не оценил еще по достоинству величия царского замысла соборно, на вселенских совещаниях обсуждать затрагивающие всю Церковь вопросы. Наоборот, Восток славословил царя, положившего конец арианской ереси и обеспечившего единство Церкви. Согласимся, для немолодого уже василевса, находящегося под гнетом воспоминаний о семейной драме и тяготящегося неблагодарностью римлян, психологически комфортнее было избрать именно восточные провинции, чем Милан или другой итальянский город, где живы были римские представления о власти.

Царь издал соответствующие распоряжения, и 4 ноября 326 г. состоялась закладка новой городской стены. Хотя официально вопрос о наименовании города решался долго, в народе он сразу же стал называться «городом Константина», *Константинополем*.

Константинополь стал первым *христианским* городом Империи. В его стенах не был построен ни один языческий храм, а уже имевшиеся были переоборудованы в христианские церкви. Правда, св. Константин не чурался лучших произведений языческого искусства, которые в изобилии стекались в новую столицу со всех концов Римского государства. Например, из Дельф привезли статую Аполлона Пифийского, ее дополнила фигура Аполлона Сминфийского. Масштабы строительства и украшения столицы потрясают воображение даже в наши дни: как рассказывают, количество вывезенных из Рима и других городов Империи статуй было невероятно большим. Только на одном ипподроме Константинополя насчитывали более 60 статуй, перевезенных из Рима, в том числе статуя Августа. Святой Константин приказал также перевезти из Рима в Константинополь монолитную колонну из египетского порфира, имевшую в высоте более 30 м.

На эту перевозку понадобилось три года, этот громадный колосс был с большими трудностями поставлен на форуме в «новом Риме», а в основании его был заделан Палладиум, также взятый св. Константином из Рима. Для придворных и всех желающих царь выделил участки земли для застройки, а 11 мая 330 г. Константинополь был освящен.

Но и этот относительно мирный период жизни христианского императора нередко озарялся всполохами войны. Как некогда ранее, возникла

страшная готская угроза — они стали теснить сарматов, живших на берегах Тиссы и Дуная. Сарматы запросили помощи у римского правительства. Предвосхищая действия св. Константина, в 322 г. готы сами переправились через Дунай и вторглись на территорию Империи. Всю зиму они разоряли Иллирию, но тем временем император заключил соглашение с Херсоном о взаимных действиях против готов. Союз дал успешные результаты. В результате слаженных и хорошо организованных военных действий вождь готов Арахис был заперт в Иллирийских горах, где его воины во множестве погибали от голода и холода, а вскоре вообще сдались на милость победителя.

Готы не ошиблись: св. Константин вновь явил свое благородство и милосердие, отпустив их вождей с богатыми подарками и взяв сына самого Арахиса в качестве заложника. По тем временам это был не только способ обеспечения должного исполнения договорных обязательств со стороны готов, но и, пожалуй, единственная возможность для юного варвара приобщиться к величайшей римской культуре. Ведь, как известно, обыкновенно заложники жили в императорском дворце на полном содержании василевсов. Это был *последний* военный поход св. Константина и последняя победа римского оружия за Дунаем.

Постаревший император был уже слаб, а дни его сочтены. К этому времени практически завершилась постройка храма Святых Апостолов в Константинополе, где св. Константин повелел похоронить себя после смерти. Этот храм надолго пережил своего создателя, и на долгие века церкви Святых Апостолов суждено было стать местом упокоения византийских самодержцев.

После празднования своего 30-летия у власти св. Константин прожил совсем немного, хотя до последних дней оставался грозой для врагов. В это время едва не начались военные действия с Персией, где правила великая династия Сасанидов. Но персы вовремя осознали грозившие им неприятности и направили посольство для заключения мирного договора. Царь принял посольство, передавшее ему богатые дары, и мог в очередной раз гордиться плодами своих рук.

Но в это время его подстерегла опасность, исходящая от самого близкого круга. Как утверждают некоторые источники, император был отравлен своим братом и племянниками, решившими примерить на себя царские инсигнии. Так или иначе, но василевс заболел, и болезнь неумолимо приближала его конец. Почувствовав близкое дыхание смерти, св. Константин решил осуществить свою давнюю мечту — креститься в водах Иордана, но этому уже не суждено было сбыться.

В Еленополе (город, названный в честь его матери св. Елены), где царь принимал теплые ванны, он исповедался в церкви Святых Мучеников, затем, переехав в Никомидию, обратился к епископам с прось-

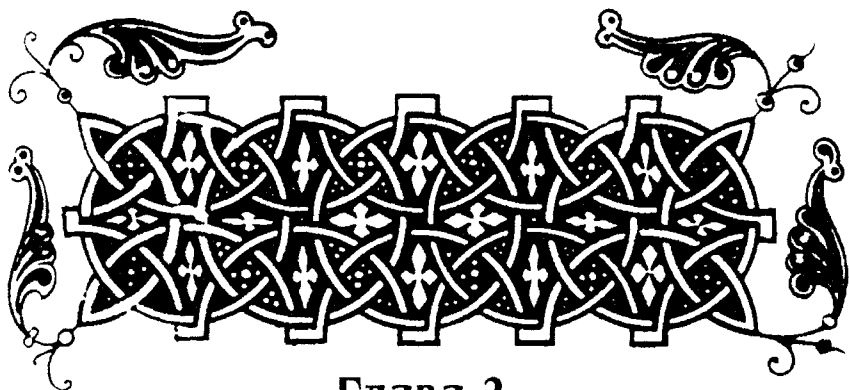
бой крестить его. По завершении священного обряда император облекся в торжественную одежду василевса и почил на ложе, покрытом белыми покрывалами. Затем, возвысив голос, св. Константин вознес к Богу благодарственную молитву и в заключение сказал: «Теперь я сознаю себя истинно блаженным, теперь я достоин жизни бессмертной, теперь я верую, что приобщился Божественного света». Очень характерно, что даже на смертном одре св. Константин думал не о себе, а о тех, кто лишен великого блага быть членом Церкви. Таковых он называл «несчастливыми и жалкими». В день Святой Троицы, 22 мая 337 г., около полудня, на 65-м году жизни, великого императора не стало.

Его смерть стала *трагедией для Римской империи*. Дворцовая стража разодрала на себе одежды, дворец огласился плачем и воплями, таксидархи и лохаги называли его своим спасителем, хранителем и благодетелем; остальное войско вместе с простым народом было объято ужасом. Взяв тело, воины положили его в золотой гроб, а затем, накрыв его багрянницей, водрузили гроб на саркофаг и поставили в лучшей из комнат царского дворца.

Тихо горели свечи в золотых подсвечниках, многочисленная стража день и ночь охраняла своего любимого императора, а комиты и остальные военачальники каждый день, словно для доклада, прибывали к телу св. Константина и преклоняли колено, приветствуя покойного. Это было настолько неожиданно, что всем казалось, будто, несмотря на смерть, царствие св. Константина Великого продолжалось. «Одному только ему сущий над всеми Бог даровал преимущество царствовать над людьми даже после смерти, и людям, не лишенным смысла, этим ясно указал на нестареющее и нескончаемое царствование души его», — писал современник.

Рим и Константинополь вступили в заочное состязание за право предоставить у себя последний приют покойному царю. В самом Вечном городе в знак траура были закрыты все бани и рынки, все жители Рима громогласно славословили своего царя. Ему посвящались картины, на которых св. Константин был изображен «покоящимся в горнем жилище, превыше всех небесных кругов». Все мечтали только об одном: чтобы честь принять в последний раз святого императора была предоставлена именно им.

Но решено было похоронить императора в Константинополе, в храме Святых Апостолов, который он воздвиг при своей жизни. Из Никомедии в окружении многочисленных отрядов римских воинов саркофаг с телом св. Константина был доставлен в Константинополь. Возле храма Святых Апостолов солдаты отошли в сторону, предоставив место священникам. Прославляемый всеми, оплакиваемый василевс открыл счет *святым императорам Римской империи*.

Глава 2.

ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ФЕОДОСИЙ I ВЕЛИКИЙ (379—395)

§1. Император и готы

Следующий император, прославленный Церковью, был предназначен самим Провидением стать первым спасителем Византийской империи. Прошло всего 40 лет после смерти св. Константина Великого, но прежней державы было просто не узнать. После того как император восточной части Римской империи *Валент* (364—378) неожиданно потерпел сокрушительное поражение от готов, одного из наиболее мощных и многочисленных германских племен, под Адрианополем в 378 г. и сам пал на поле брани, мощнейшая держава современности оказалась под угрозой оккупации германскими племенами, широко разлившимися по ее восточным провинциям.

Согласно уже сложившимся традициям на Западе был свой царь 18-летний *Грациан* (367—383), сын императора *Валентиниана I* (364—375). Венчанный на царство своим отцом еще в детстве, обладавший многими дарованиями, он, однако, не имел никакой физической возможности взять под свою опеку помимо европейских провинций еще и Восток, оказавшийся в чрезвычайно бедственном положении. И как единственный на тот момент времени легитимный император всей Римской державы, Грациан озадачился кандидатурой своего сотоварища, которому мог бы с легким сердцем вручить в управление Восток.

Следует сказать, что не только военные вопросы занимали Грациана, но и проблемы церковного мира. I Вселенский Собор сформулировал Символ Веры, но Кафолическая Церковь еще в течение многих

десятилетий должна была переболеть ересью, чтобы опытно усвоить истину. Тем временем многочисленные церковные партии стремились добиться всеобщего признания своих редакций исповедальной формулы. Они были несходны между собой порой до чрезвычайности, но их объединяла одна черта — неприятие Никеи. Особенно ярко страсти разгорелись на Востоке, в то время как Запад был почти неподвластен ереси новоарианства.

В такие минуты Римской империи был нужен гений, и он был явлен в лице 33-летнего *святого Феодосия Великого*, представлявшего собой удивительный и редкий образец сочетания лучших римских традиций и христианского благочестия. Он отличался семейными добродетелями и целомудрием, был верным супругом и снисходительным отцом, и его заботливое внимание распространялось даже на самых дальних и незнатных родственников. При этом св. Феодосий проявлял большое благоразумие в выборе друзей и приближал к себе лишь тех, с кем сошелся ранее, еще до начала своего невиданного карьерного роста.

Честность и благородство св. Феодосия были выше всяких границ, и он внушал безграничное уважение и доверие со стороны самых разных лиц. Достаточно привести некоторые немаловажные детали, предварившие его приход к царству. После страшного поражения под Адрианополем Грациан долго размышлял над тем, кому можно было бы доверить управление восточными провинциями; наконец, его выбор пал на св. Феодосия. Нюанс, однако, заключался в том, что всего за три года до описываемых событий сам же Грациан приказал казнить старшего Феодосия по обвинению, ложность которого открылась лишь впоследствии. И вот теперь юный вождь передавал власть в руки сына казненного полководца, не опасаясь с его стороны никаких неожиданностей. И многократно прав Э. Гиббон, восклицая: «Какое доверие должен был питать Грациан к его честности, чтобы положиться на то, что этот преданный сын простит, ради интересов государства, умерщвление своего отца! Какое он должен был иметь высокое понятие о дарованиях сына, если надеялся, что один этот человек способен спасти и восстановить восточную империю».

Грациан не ошибся в своем выборе: св. Феодосий легко забывал старые обиды, но всегда помнил об оказанных ему ранее услугах, находя возможность отблагодарить своих прежних покровителей. Его приветливость в общении компенсировала серьезность характера нашего героя. Новый император уважал простоту добродетельных людей, щедро вознаграждая таланты, если они были полезны государству, и сам неоднократно демонстрировал прекрасные познания в области философии, риторики, богословия и права. Он был смирным и добро-

сердечным человеком, а если иногда и возгорался гневом, то быстро отходил, неизменно прощая виновных.

Горячность и быструю отходчивость св. Феодосия хорошо иллюстрирует один эпизод, случившийся с ним уже во времена единодержавного правления. При царском дворе проживала довольно красивая девушка св. Олимпиада, отец которой, уже погибший к тому времени, смог завещать дочери довольно приличное состояние, полученное от императора за верную службу. Когда девушка достигла зрелого возраста, св. Феодосий решил устроить ее судьбу, тем более что за ней ухаживал испанец Елпидий — богатый молодой человек, имеющий прекрасные перспективы в военной и политической карьере. Но девушка, желая посвятить себя Христу, отказала ему, хотя сам царь принял активное участие в сватовстве. Оскорбленный отказом, св. Феодосий приказал конфисковать имущество девушки и вернуть ей его после достижения 30-летнего возраста, когда она «поумнеет».

В ответ он получил письмо от св. Олимпиады: «Благодарю тебя, августейший монарх, за то, что с мудростью и благоволением, достойным не только государя, но и епископа, ты соизволил возложить на себя управление моим имением и тем облегчить мне тяжесть земных забот. Соблаговоли увенчать свое дело, раздав это богатство бедным и церквям, как я намеревалась сделать. Твои уполномоченные исполнят это с большим знанием дела, а сверх того ты избавляешь меня от уколов преступного тщеславия, которые очень часто сопровождают благотворение». Император тут же раскаялся в своем необдуманном поступке, вернул св. Олимпиаде имение и разрешил самостоятельно определить свою судьбу. Вскоре девушка стала диаконисой и позднее была прославлена Церковью за свои духовные подвиги.

Практически все современники, оставившие нам хроники тех лет, солидарны в том, что главенствующей чертой св. Феодосия было его *человеколюбие*. И даже историк, не расположенный к нему, был вынужден признать: «Если кто пожелает исчислить, скольких Феодосий спас от смерти, скольким отдал родительские дома, сколько бедняков содержал за счет казначейства, то он найдет не менее числа дней, которые тот царствует». Любящий муж и отец, он изливал свою любовь и на детей своего покойного брата Гонория, которых воспитал как собственных чад. Своего дядю, брата покойного отца, которого тот очень любил, он приблизил к себе и окружил заботой и вниманием. Равное отношение у него было и к собственным врагам, которым св. Феодосий никогда не мстил.

Впрочем, как и все люди, он не был лишен недостатка, главным из которых следует отнести его импульсивность и порой излишнюю доверчивость. Умея сконцентрировать все силы для достижения постав-

ленной цели, он после этого впадал в некоторую апатию и бездействие, что едва ли допустимо в государственных делах. В такие минуты св. Феодосий предавался легким удовольствиям, мало заботясь о насущных проблемах. А его доверчивость не раз приносила свои дурные плоды — в первую очередь мы говорим о трагических событиях в Фессалониках и заговоре Арбогаста, о которых мы расскажем несколько ниже.

Святой Феодосий был искренне и глубоко верующим христианином, и даже язычники отмечали, что всей своей жизнью он служит Властелину Вселенной. При этом он был чрезвычайно благочестив и не позволял себе вольности с церковными таинствами. Даже после великих побед, полагая, будто пролив кровь, он тем самым не достоин Святых Даров, св. Феодосий не дерзал прийти к Причастию. Не менее знаковой чертой св. Феодосия была постоянная молитва.

И не будет преувеличением сказать, что если бы старший Брут мог внезапно ожить и взглянуть на нового императора, то этот суровый республиканец, враг любой единоличной власти, отрекся бы у ног св. Феодосия от своей ненависти к монархии и искренне бы признался, что такой василевс — лучший блюститель благосостояния и достоинства римского народа.

Откуда же появился этот благородный муж? К сожалению, история оставила нам немного сведений о его детстве и юности. Род св. Феодосия происходил из Испании, из города *Italica*, близ современной Севильи, основанного еще римским полководцем Сципионом Старшим (III в. до Р.Х.) для италийских солдат-ветеранов. Говорили даже, что семья Феодосиев имела родство с императором Траяном, во что слабо верится, поскольку ближайшие предки святого императора были всего лишь скромными муниципальными служащими. Только при отце св. Феодосия, носившем то же имя, известном своей храбростью на поле боя и ставшем одним из самых удачливых и опытных полководцев Римского государства, благосостояние семьи начало расти.

Известно, что св. Феодосий получил в детстве неплохое образование и наставником его юности был замечательный воспитатель Антоний, сумевший соединить в душе мальчика высокие знания, понятие о чести, справедливости и храбрости, одновременно дав будущему воину спартанское воспитание. Отец будущего императора также не оставался равнодушным к его судьбе и окружал юношу нежной заботой, обрамленной строгой дисциплиной. По описаниям современников св. Феодосий имел удивительно красивую фигуру без каких-либо изъянов, русые волосы и тонкий орлиный нос. Лицо его было несколько красновато от вечного загара — неизменного спутника солдата в походе. В беседе св. Феодосий был чрезвычайно мил и приятен.

Как только сын подрост, Феодосий Старший немедленно взял его к себе, и оба потомка старинного римского рода не раз прославили свое имя на полях многочисленных сражений. Когда в 367 г. варвары вторглись на территорию Британии, император Валентиниан I направил молодого полководца для восстановления порядка. Святой Феодосий укрепил дисциплину в западных легионах, вернув значительное число дезертиров в их ряды, чем резко повысил боеспособность армии. Начав в 368 г. поход на Британию, молодой военачальник побеждал всех попадавшихся на его пути варваров и оказал британцам большую помощь в организации обороны. Он восстановил крепости и города, вернул порядок и стабильность в римских землях, расположенных на острове, и попутно в корне пресек заговор некоего Максимиана, проявившего себя ранее в Риме безжалостным правителем.

«Счастье не изменяло никаким его предприятиям», — говорил о нем современник. Положение дел в Британии настолько изменилось при талантливом управлении св. Феодосия, что в знак признательности император Валентиниан I отозвал его к себе и назначил на высокую должность магистра конницы. И в новом качестве св. Феодосий не знал поражений. В 370 г. он разбил алеманнов, сделав на них внезапное нападение на Римскую империю через Рецию.

Звезда молодого полководца только восходила — после всех побед, где храбрость св. Феодосия постоянно состязалась с великодушием к побежденным врагам, император Валентиниан I назначил его правителем Мизии и поручил усмирить пограничные народы, досаждавшие Риму. Это было сложное поручение, выполнив которое св. Феодосий мог с полным правом рассчитывать на еще большие милости, но тут случилась беда. Умер старый император, а юный Грациан на основании сфальсифицированного обвинения приказал казнить старшего Феодосия.

В 376 г. в Карфагене приговор был приведен в исполнение, как говорят, непосредственно перед казнью Феодосий Старший принял таинство Крещения. В эту минуту и сам св. Феодосий оказался на краю гибели, но, по счастью, имя и репутация сына казненного были настолько безупречны, что даже враги не сумели представить доказательства вины св. Феодосия. Его лишь освободили от всех государственных должностей и разрешили удалиться в Испанию, где в своем поместье Каухе он несколько лет вел жизнь частного человека. Убежденный христианин, будущий царь безропотно принял удар судьбы и все свое старание, весь жизненный опыт направил на мирные цели.

Будучи дисциплинированным и организованным от рождения, привыкшим все делать добросовестно, прекрасно исполняя до сих пор все

общественные обязанности и обладая способностью адаптироваться к любой обстановке, непритязательный и скромный, он направил свои усилия на улучшение большого наследственного имения семьи. Помимо этого св. Феодосий занялся широкой благотворительной деятельностью, помогая всем страждущим, и, имея среди местных жителей авторитет высоко нравственного человека, разрешал споры между соседями. Поскольку св. Феодосий с юности принимал участие в военных походах, невольная передышка позволила ему близко узнать уклад жизни обычного человека — знания, которые ему очень пригодятся в скором будущем. Здесь же в Испании в начале 377 г. св. Феодосий Великий вступил в брак с дочерью известного римского аристократа св. *Элией Плакиллой*, о которой речь пойдет ниже.

Он вел настолько уединенный образ жизни, что его имя совершенно забылось при дворе Грациана. И только в минуту опасности память о его воинских подвигах побудила царя вновь призвать для спасения отечества этого великого полководца. Как полагают, выбор Грацианом св. Феодосия произошел не без участия св. Амвросия Медиоланского, чьи духовным чадом император являлся. И св. Амвросий был прекрасно осведомлен о религиозных взглядах нашего героя. Разумеется, Грациану, который помимо военных побед мечтал о церковном мире и искоренении арианства, очень понравилась идея поставить своим соправителем человека никейских убеждений.

Не желая рисковать, для начала император поручил св. Феодосию организовать отпор *сарматам*, перешедшим римскую границу. И каково было его удивление, когда вестники сообщили о скорой и блестящей победе возвращенного в политическую жизнь полководца! Как рассказывают, вначале Грациан не поверил известию и даже направил специальных посланцев к полю битвы, чтобы те собственными глазами увидели следы и результат сражения. Но когда известия подтвердились, Грациан вызвал полководца к себе и возложил на голову св. Феодосия императорский венец.

Так, всего за пять месяцев кардинально изменилась его судьба: из частного человека он сделался повелителем половины Вселенной — все восточные провинции (Фракийская, Азиатская, Египетская, половина Иллирийской префектуры и два больших диоцеза — Македонский и Дакийский) перешли под его управление. Ни у кого не было ни тени сомнений в том, что пурпурный венец достался св. Феодосию не вследствие интриг, а по праву. «Храбрость твоя сделала тебя императором, Грациан только провозгласил», — писал ему один из современников. 19 января 379 г. в Сирмии последовало торжественное провозглашение 33-летнего св. Феодосия императором.

Первое время после Адрианопольской битвы оба императора совместно вели небольшие военные действия против готов и даже имели частичные успехи. Но в начале лета 379 г. Грациан отбыл на Запад, и св. Феодосию пришлось практически в одиночку решать все свалившиеся на него проблемы. По сути, ему нужно было даже не восстановить порядок в восточных провинциях, а *отвоевать* их обратно у готов, чувствовавших себя полными хозяевами положения. Мало того что под Адрианополем вместе с Валентом погибло более 40 тыс. римлян — цвет восточных легионов. Помимо этого римляне *разуверились в себе*, а готы ощутили свою силу, громадными массами распространяясь по восточным землям Римской империи.

Приняв делегацию Константинопольского сената, приветствовавшего его возведение в царское достоинство, св. Феодосий летом 379 г. вышел с остатками войск на север и 6 июля остановился в городе Скупах, в провинции Дардания. По дороге император уничтожал небольшие шайки готских разбойников и предпринимал титанические шаги по формированию новой армии. Он прекрасно понимал, что попытка немедленного реванша практически неизбежно приведет к новому, еще более тяжелому поражению. А поэтому, организовав свою ставку в Фессалониках, оттуда следил за перемещениями германцев, часто организуя успешные вылазки на врага.

Побеждая их в небольших стычках, римляне вскоре на деле убедились в возможности бороться с захватчиками, еще вчера казавшимися непобедимыми. Укрепленные же св. Феодосием крепости и гарнизоны сковывали силы готов, которые все более и более дробились на небольшие отряды бандитов и мародеров. В свою очередь, уцелевшие подразделения римских войск стали собираться в довольно многочисленные группы, позволившие царю захватывать стратегическую инициативу.

Зиму с 379 на 380 г. царь провел в Фессалониках, занимая обучение рекрутов. Тем временем готы разделились, и часть их направилась на запад, где оккупировала Паннонию, разорив попутно несколько городов. Император Грациан попытался в 382 г. очистить провинцию от захватчиков, но успеха не имел. Но *стратегически* св. Феодосий уже переиграл своих противников. Император точно рассчитал, что при всех предпочтениях, которые готы получили по праву силы, они все равно оставались для государства *чужеродным элементом* — сама принадлежность их к арианскому вероисповеданию являлась решающим фактором. И тот факт, что Римская империя после относительно короткого готского засилья будет существовать еще добрую тысячу лет, свидетельствует о верности стратегического выбора св. Феодосия.

Но все же положение еще оставалось очень тревожным. Восточные провинции не могли полностью удовлетворить запросы по рекрутскому набору, и пришлось срочно перестраивать саму схему организации армии. В качестве солдат император широко вербовал варваров, включая самих готов и аланов, что, однако, делало его легионы ненадежными и малобоеспособными. Были известны случаи, когда готские вожди, поступившие со своими дружинами на римскую службу, по-прежнему занимались разбоем и, более того, нередко выступали *добровольными осведомителями*, донося своим сородичам о планах римлян.

Положение усугублялось еще тем, что и гражданская администрация восточных провинций была полностью разрушена, а оставшиеся очаги власти кишели злоупотреблениями. Дело доходило до того, что нередко население радовалось захвату своего населенного пункта готами, освобождавшими их от власти корыстных чиновников, практически находившихся вне контроля царя.

В известной степени императору повезло — как всегда, счастье оказалось на стороне сильнейшего: вождь готов *Фритигерн*, до сих пор державший в одной руке бесчисленные шайки соплеменников, неожиданно умер, и, оставшись без руководства, германцы окончательно утратили стратегическую инициативу, перестав быть единой силой. В этот момент император удачно использовал раздоры, которые издавна существовали между остготами и вестготами, а также между ними и гуннами. И пока варвары выясняли между собой отношения, св. Феодосий переманил на свою сторону готского принца царской крови *Модара*, наделив его высоким римским титулом.

Уже как *римский* полководец, Модар собрал значительное войско из соотечественников и внезапно напал на другие готские дружины, разгромив их. Император с триумфом вошел в Константинополь как победитель. Теперь и готы поняли, что без единой, централизованной власти им нечего делать в римских провинциях, где они *обречены на гибель*. Оставшиеся вожди готского народа срочно призвали *Атанариха*, старого и опытного полководца уважаемого рода, который, перейдя Дунай, решил вновь попытать счастья. Но преклонные годы и мудрость старого гота сделали свое дело: Атанарих вскоре убедился в бесперспективности новой войны с Римом и охотно принял предложение о мире, сделанное императором.

Понимая, какое положение занимал Атанарих у соотечественников, 11 января 381 г. царь не поленился встретить того за несколько километров от стен Константинополя и устроить пышный прием. Надо сказать, что император был прекрасным психологом и сумел продемонстрировать варвару все лучшие стороны римской жизни, которые свидетельствовали о мощи и силе Византии. И это произвело должный

эффект — рассматривая стены Константинополя и его бесчисленные здания, любуясь вооружением и дисциплиной римского войска, вождь германцев сказал: «Действительно, Римский император — земной бог, и тот самонадеянный человек, который осмеливается поднять против него свою руку, поднимает руку на самого себя».

Правда, лидер готов недолго наслаждался жизнью: его преклонный возраст и безудержное пьянство, которому он предавался на многочисленных пирах у императора, сделали свое дело; вскоре Атанарих умер. Надо отдать должное царю, он и в этом случае продемонстрировал гибкую и разумную тактику. Атанариха похоронили с большим почетом в Константинополе, в честь его был воздвигнут великолепный памятник, а готам поступило предложение перейти на римскую службу. Оставшись без вождя, видя, с какой охотой их соплеменники принимают предложение царя, каждый из командиров готских отрядов стремился не стать последним в этой очереди, опасаясь остаться в одиночестве. Удивительно, но факт — в октябре 382 г., менее чем через четыре года после начала правления св. Феодосия, Византия наблюдала картину *добровольной капитуляции захватчиков*.

В целом, можно сказать, император *приручил зверя*, вчера еще готового поглотить последние островки римского мира среди океана варваров. И теперь этот зверь — готы — признавали над собой только его руку, послушно повинаясь царским приказам, но совершенно игнорируя остальные органы власти; даже Церковь была над ними бессильна по той причине, что готы являлись арианами.

Желая сохранить стабильность положения, император приблизил к себе готских вождей, наделяя их пышными титулами и одаривая подарками. Это была обязательная мера для укрепления авторитета императора среди варваров, и она оказалась довольно эффективной. Когда однажды некий *Эриульф* попытался склонить своих соплеменников на измену, другой готский вождь *Фравита* заколол его мечом прямо во время царского пира.

Вскоре царь начал понижать плоды своей стратегии. В 386 г. римскому полководцу Промоту удалось разбить на Дунае остатки тех готов, которые, некогда отделившись от основной массы своих соплеменников, пограбили на Западе, а затем, усилившись аланами, попытались вторгнуться в восточные провинции. Вождь варваров *Одофей* погиб, а остальные сдались на милость победителей. По условиям мирного договора, который был тут же заключен, готам разрешили компактно расселиться во Фригии. Они сохранили свой язык, уклад жизни, общественный строй и религию, их земли не облагались налогами, и они находились вне сферы деятельности римской администрации.

§2. Новая Империя

С этого момента начинается новая страница жизни Византии. Галлы, испанцы, германцы помимо природных италиков и римлян уже давно состояли на военной службе, более того, именно они представляли собой большинство в составах легионов. Но никогда ранее вожди варварских племен не получали довлеющего положения *в управлении* Римской империей. Это стало естественным следствием решения св. Феодосия сделать вчерашних врагов своими союзниками. Поскольку же управление военными силами сохранялось за племенными вождями, а армия традиционно признавала за собой право произвольно устанавливать и снимать царей, то теперь эта прерогатива римских полководцев едва ли не автоматически перешла к готам.

Получая воинские титулы, эти выходцы варварского, германского племени становились сенаторами и постепенно сливались с высшим сословием Византии. Единственное, что останавливало их в окончательном доминировании среди политической элиты, — то, что они являлись арианами. Кроме того, встревоженный ростом могущества готов, желая обезопаситься от них, император принял закон, действовавший еще до середины VI в., согласно которому римлянам запрещается вступать в брак с готами.

Конечно, это было тяжелое и обоюдоострое решение: впервые в истории Римской империи варвары стали преобладать в политической элите государства, но в противном случае они могли вообще его похоронить. В целом хрупкая внутренняя стабильность держалась на тонкой нити *личных отношений* императора с готскими вождями, постепенно наполнившими дворец царя, и требовалась политическая тонкость и точность расчета, чтобы держать готов в рамках интересов Римского государства.

В скором времени, уже после восстановления единоначалия в обеих частях Римской империи, св. Феодосий столкнулся с первыми тяжелыми последствиями своего решения по готскому вопросу. Поскольку местные, традиционные общественные элементы повсюду вытеснялись германцами, в государстве зрело едва скрываемое недовольство таким положением дел. Опасаясь, что готские отряды, расположенные по Дунаю, могут легко изменить ему, царь велел перевести их для несения службы в Египет, отозвав, соответственно, местные войска для охраны западной границы. Готы подчинились, но по дороге устраивали настоящий разбой, забирая бесплатно все, в чем испытывали нужду. В Сирии, в городе Филадельфия, египетские и готские легионы встретились,

«египтяне» заступились за местных жителей, произошла стычка, вследствие которой погибло более 200 германских солдат.

Другой эпизод произошел в Малой Скифии, где одна группа готов получила землю для расселения. Командир гарнизона города Тома (ныне — Кюстендже) Геронтий всерьез опасался, что, пренебрегая договоренностями, варвары захватят город, тем более что своим дерзким поведением готы способствовали появлению соответствующего настроения у римлян. Предупреждая возможную атаку, Геронтий напал на них и разбил, отправив золотые украшения убитых врагов в подарок императору. Но св. Феодосий иначе расценил поступок своего командира, отдав того под суд за нарушение приказа. Только благодаря просьбам влиятельных лиц Геронтию удалось избежать казни.

Дальше — больше. В 387 г. в Антиохии местное население, раздраженное готами и новыми налоговыми повинностями, которыми власть, остро нуждающаяся в деньгах, обложила их, даже свергло на землю статую императора, его отца, сыновей и умершей уже к тому времени императрицы св. Плакиллы, супруги св. Феодосия Великого, и таскало обломки монумента по улицам. Первоначально царь повелел лишить город всех привилегий, сравнять по правилам судопроизводства с деревней и поставить в зависимость от Лаодикии. Кроме того, было назначено следствие для отыскания зачинщиков беспорядков.

Эмиссары императора были уже вблизи города, когда в ставку царя прибыл местный епископ *Флавиан* (381—404). Он прошел к императору и молча выслушивал его упреки в адрес Антиохии. Царь напомнил ему все милости, оказанные городу, и вслух задавался горестным вопросом: «За что, за какое зло они так сильно мстили мне и надругались над моим именем?» Однако у епископа хватило и ума, и такта, чтобы дать возможность императору успокоиться. «Подумай, — заметил Флавиан, — что теперь тебе надлежит позаботиться не только об этом городе, но и о твоей славе, даже обо всем христианстве. Теперь и иудеи, и язычники, и вся Вселенная, и варвары, — ведь и они слышали об этом, — обратили взоры на тебя и ждут, какой произнесешь приговор по этому делу. И если произнесешь приговор человеколюбивый и кроткий, все похвалят такое решение, прославят Бога и скажут друг другу: «Вот каково могущество христианства! Человека, которому нет равного на земле, который властен все погубить и разрушить, оно удержало и обуздало, и научило терпению, какого и простой человек не показывал».

Слова архиерея были услышаны — в завершение беседы св. Феодосий, успокоившись, подвел итог: «Если Господь Вселенной, Который для нас сошел на землю, для нас принял зрак раба и от благодетельствованных был распят, молился за распявших Его Отцу Небесному.. то

как не простить ругавшихся надо мной мне, подобному им человеку?» А после отменил все ранее данные приказы в отношении Антиохии.

Впрочем, с этими и иными проявлениями недовольства римлян император пока еще в целом мирился. Но в 390 г. в Фессалониках разгласилась настоящая трагедия, стоившая многих тысяч жизней горожан и открывшая новую страницу во взаимоотношениях Церкви и верховной власти. Местное население возмутилось поведением варваров, расквартированных в городе и ведущих себя предерзостно. Как следствие, горожане перебили готский гарнизон. Впрочем, по другой версии, причиной волнений стал отказ начальника гарнизона Ботерика выпустить из тюрьмы известного в городе возницу, приговоренного к смертной казни за грех мужеложства. Разъяренные тем, что их лишили любимого зрелища, фессалоникийцы убили Ботерика и нескольких других гарнизонных офицеров. В ответ готы перебили жителей. Правда, жертв было не много, поскольку в тот же день горожане собрались в местном цирке на игры.

Однако на этот раз данное событие вызвало безудержную ярость со стороны царя, находившегося в тот момент в Италии. Жители Фессалоник, послушавшиеся царского приказа, фактически могли развязать новую войну с готами, и еще вопрос, *кто* вышел бы из нее победителем. Поэтому, надо полагать, последовала жесткая реакция императора. Его наказание было быстрым и решительным — многие жители города (по одной версии, число жертв колебалось от 7 до 15 тыс. человек) были перебиты вошедшими в Фессалоники имперскими войсками. В ответ епископ Милана св. Амвросий Медиоланский, имевший большое влияние на императора, немедленно на время отлучил его от Церкви, наложив тяжелую епитимию. Рассказывают, св. Амвросий сказал императору: «Ты подражал Давиду в преступлении, подражай же ему в покаянии».

Правда, история, по обыкновению, не раскрыла нам всех тайн этого события: впоследствии св. Амвросий свидетельствовал, что император был обманут и его гнев излился на фессалоникийцев под влиянием чужих слов, сильно исказивших действительность. По крайней мере, сохранились свидетельства того, что инцидент был инспирирован неким *Руфином* — придворным советником царя, имевшим свои виды на Фессалоники и почти безграничное влияние на св. Феодосия. Он сделал все, чтобы отмщение было действительно жестоким.

Как можно понять, св. Феодосий едва знал, какое наказание его советник готовит городу; очевидно, он надеялся, что, по обыкновению, произведут дознание, обнаружат организаторов волнений и определяют меру наказания. И вдруг царь оказался *перед фактом случившегося*, не имея возможности уже что-либо исправить. Тем более заслуживает внимания его поведение в этой ситуации, когда его, практически не-

виновного в избиении фессалоникийцев, властелина мира, спасителя отечества, всемогущего императора, ждало позорное и публичное церковное наказание.

Отлучение царя от Церкви являлось, конечно, беспрецедентным событием — такого ранее никогда не случалось, да и позднее практиковалось священноначалием крайне редко. Однако св. Феодосий не пытался уйти в сторону и указать св. Амвросию истинного виновника трагедии. Он благородно и смиренно принял наказание, искренне раскаиваясь в избиении жителей города и негодуя на себя за собственную нераспорядительность и вспыльчивость — черты характера царя, не имеющие в данном случае никакого значения. По обыкновению, будучи истинным христианином, св. Феодосий принял всю вину за случившееся на себя, нисколько не сомневаясь в том, что эта жестокая история не случилась бы, если бы он не был грешен и предотвратил ее. Прямым свидетельством этого является то, что ни в данный момент, ни позднее святой царь не отомстил Руфину, хотя его роль в данных событиях ему уже открылась. Сложив с себя знаки царской власти, св. Феодосий публично в храме оплакивал свой грех и со слезами просил прощения. Вскоре он был прощен.

Помимо сугубо государственных дел, св. Феодосий с неослабевающим вниманием занимался вопросами культа, постепенно искореняя язычество и внося христианские начала в законодательство и быт Римской империи. Как говорят, он не был записным теоретиком, но в неменьшей мере практиком, для которого вера не расходилась с делом. При этом весь комплекс его государственных мероприятий, за которыми следовала уголовная ответственность в случае отступления от истинной веры, вовсе не были так «кроваважны», как это могло бы показаться.

Да, еретиков изгоняли с кафедр и запрещали миссионерство, но у них никто не отнимал неприкосновенность личного убеждения — за это никого не наказывали. Все строгости имели своей целью главным образом не допустить еретиков к *общественным постам*, где они могли бы нанести большой вред, и это едва ли может быть квалифицировано как «гонения». Кроме того, строгости римского закона нередко таяли перед не очень тщательным исполнением на местах распоряжений императора. Римская администрация уже была далеко не той, что раньше, и контроль над ней был заметно ослаблен. Император же, постоянно воюющий то на Востоке, то на Западе, был не в состоянии добиться адекватного исполнения государственных законов.

Параллельно борьбе за чистоту Православия св. Феодосий начал решительную борьбу с язычеством, солидаризируясь с политикой Грациана в западных провинциях. Как уже указывалось выше, предыдущие правители Рима не желали, как правило, существенно ограничивать

права язычников; исключение составляли лишь наиболее одиозные культы, приверженцев которых ждали суровые наказания. Еще во времена Западного императора *Валентиниана II* (375—392) в Риме, например, было 152 языческих храма и 183 молельни, посвященные различным «богам». В самой армии были почти сплошь язычники, как и в государственном управлении, и в сенате. Конечно, на Востоке также было много приверженцев древних культов, но, по-видимому, Запад даже преобладал по численности язычников на душу населения. Как и Грациан, св. Феодосий коренным образом поменял государственную политику в религиозной области. Он предпринял решительные действия для искоренения язычества.

Надо полагать, эти шаги св. Феодосия были вызваны не только его личными религиозными пристрастиями. Рим всегда жил в условиях относительной веротерпимости и «длинной скамейки» пантеона, но *единоверие*, следование неким государственным канонам считалось обязательным. Поэтому Грациан и св. Феодосий лишь восстанавливали ту практику, которая не казалась Риму чужой.

Впрочем, первые законы императора были направлены не против язычников, а против *христиан*, принимавших участие в языческих культах. «Неприлично, — говорилось в законе от 381 г., — чтобы забота о храмах и религиозных торжествах (языческих) была предоставлена тем людям, которые исповедуют истинную и божественную религию; не должно возлагать на себя таких дел, хотя бы они не были запрещены законом».

Вслед за этим (в том же 381 г.) были изданы законы против отступников от христианской веры, а таких насчитывалось довольно много. В частности, история сохранила нам имя некоего Феста, правителя Сирии, проконсула Азии, который оставил христианство и вернулся к языческому культу. Теперь же законом было постановлено, что отступники не могут распоряжаться своим имуществом по духовным завещаниям. В 383 г. этого же права лишились и оглашенные, вновь обратившиеся в язычество, с той разницей, что они могли завещать имущество братьям и детям. И, в соответствии с этим же законом, отступники лишились права даже *получать* имущество по наследству.

Только в 391 г. император обратил свою власть непосредственно против язычников, издав закон, по которому всем подданным Римского государства запрещалось входить в храмы и приносить жертвы идолам: «Никто да не осквернится жертвоприношением, не умерщвляет невинных животных, не входит в капища, не защищает кумиров, создаваемых рукой человека, под страхом быть виновным пред законом Божеским и человеческим».

Другими законами, принятыми вскоре после этого, подвергались строгим наказаниям лица, гадавшие о будущем на внутренностях животных, и маги. В соответствии с актами императора правители провинций, посещавшие капища, подвергались денежному штрафу в размере 15 фунтов золота, и даже чиновники подлежали наказанию, если они *не пытались препятствовать* предосудительным действиям своим начальников. Наконец, в 392 г. святой император издал закон, которым категорически запрещал приносить языческие жертвы под угрозой смертной казни, а любое иное совершение обряда — под угрозой конфискации дома и земли.

Правоведы и историки много спорят: предписывал ли св. Феодосий повсеместно разрушать языческие храмы? Скорее всего, такого закона издано не было, но, очевидно, император *не запрещал* эту инициативу, если она имела место со стороны епископата и начальников провинций. Кстати сказать, эта мера носила не только религиозный мотив, но и военный: нередко язычники, застигнутые во время отправления культа, устраивали настоящие бои с имперскими войсками, используя свои храмы как крепости.

Один такой эпизод был связан с разрушением храма Бахуса и Сераписа в Египте. Епископ Александрии *Феофил* (384—412) просил разрешения императора снести первый из двух названных храмов по причине его крайней ветхости. После этого язычники закрылись во втором храме, периодически делая из него вылазки и предавая попавших в их руки христиан страшным мучениям: им ломали руки, распинали, бросали в выгребную яму.

Но св. Феодосий не разрешил казнить убийц, ограничившись только разборкой храма Сераписа. Языческие идолы были вынесены прочь, а из разбитой головы Сераписа, к ужасу язычников, выбежала стайка крыс. После этого язычники массами стали переходить в христианство, включая самих жрецов, среди которых держалось древнее предание, будто их вера закончится, как только восторжествует религия Креста.

§3. Император и узурпаторы

Но вскоре император столкнулся с новыми проблемами — уже на Западе: в 383 г. в Британии, которая не раз уже до этого усмиралась твердой рукой св. Феодосия, вновь вспыхнули волнения, а своевольные легионы, расквартированные на острове, поспешили назвать новым императором единственного военачальника, волей случая коротавшего дни в этой глубокой периферии. Им был *Максим*, сотоварищ св. Фео-

досия, командующий британскими войсками, личность интересная и в буквальном смысле слова историческая.

Опытный полководец, имевший, хотя и довольно скромные, военные успехи, этнический испанец, соперник и конкурент на ниве воинской славы святого императора, он не без зависти относился к его карьерному росту и открыто выражал недовольство решениями Валентиниана I, приблизившего к себе св. Феодосия. В то же время мятежный полководец был на удивление честен, довольно умен и весьма практичен: как говорили, Максим некогда сумел удачно жениться на дочери богатого правителя Карнарвоншира, чем решил многие свои проблемы. Все же, вероятно, потому, что его резкость и недовольство раздражали слух Валентиниана I и Грациана, он оказался в богом забытой и вечной мятущейся Британии, где пребывал *номинальным* правителем, фактически не имея ни военных, ни гражданских полномочий.

Надо полагать, его отношение к императорам династии Валентиниана было хорошо известно и в войсках, не исключено также, что, тонко чувствуя ситуацию, сам Максим тайно подогрел некоторое недовольство в легионах через своих людей. В любом случае взбунтовавшиеся войска именно на нем остановили свой выбор, что, впрочем, было предопределено — никакого другого полководца в Британии просто было не найти. Наверное, сам Максим несколько робел, прежде чем сделал решительный и уже бесповоротный шаг, а поэтому, как ни покажется странным, первоначально отклонил решение британских легионов. Но положение дел было совсем не таким, чтобы долго раздумывать, — в противном случае Максим сам мог бы стать жертвой разъяренной толпы; в конце концов, к чему тогда вообще было затевать этот бунт? Уж не для того ли, чтобы дрогнуть в решающий момент и навсегда остаться в памяти потомков безвестным рядовым командиром, когда сама судьба дает ему в руки такой блестящий шанс?

Так или иначе, но спустя небольшое время Максим принял из рук британцев знаки императорской власти. Несмотря на то что островная молодежь толпами записывалась в его армию, узурпатор прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько шатко его положение. Британия — далеко не самая влиятельная провинция Римской империи, и расчет сохранить свою власть только в рамках острова мог прийти только в голову безумца. Опытный боец, Максим решил действовать *наступательно* и вскоре высадился в Галлии, где не встретил никаких преград. Более того, войска, направленные Грацианом на усмирение бунта, восторженно приветствовали узурпатора.

Сам юный император в это время находился в небольшом городке Париже, но легкая тревога сменилась в его груди тревожным отчаяни-

ем, когда даже когорты личных телохранителей оставили своего царя. С 300 всадниками, единственно оставшимися верными ему, Грациан бежал в Лион, надеясь добраться до Италии и, вернувшись с легионами брата, поразить мятежников. Но, к сожалению, правитель Лиона предал его, а прибывший во главе конного отряда командующий кавалерией Максима Андрагафий 25 августа 383 г. убил Грациана и его лучшего военачальника франка Меробавда. Бедняге Грациану даже не довелось воспользоваться последним правом царей лежать в храме Святых Апостолов — убийцы отказались выдать труп императора его малолетнему единокровному брату Валентиниану II, которого Грациан незадолго перед этим венчал на царство. Максим тщательно исследовал останки покойного царя, желая лично убедиться в смерти юноши, и долго оттягивал похороны, рассчитывая при случае продемонстрировать труп св. Феодосию Великому.

Одержав победу, узурпатор немедленно направил своего посла к св. Феодосию с предложением мира — совсем юного Валентиниана II и его мать *Юстину* Максим, конечно, в расчет не брал. Конечно, св. Феодосий был очень привязан к Грациану и не забывал, из чьих рук он принял императорскую диадему. Но объективно его возможности были очень ограничены — восточные провинции буквально стонали от бесконечных грабежей готских отрядов, а римская армия была еще очень немногочисленна. Поэтому, что называется, наступив на горло собственной песне, св. Феодосий принял предложенный Максимом союз при условии неприкосновенности Валентиниана II и его матери, а также того, что власть юного царя сохранится над Италией, Африкой и Западной Иллирией. После заключения этого мирного договора на государственных актах вновь, как и прежде, стали писать имена всех *трех властителей*.

Хотя св. Феодосий заключил мирное соглашение без восторга, едва ли могут возникнуть подозрения, будто в ту минуту он вынашивал коварные замыслы — его первой и главной целью была защита восточных рубежей Римской империи. Любое отвлечение на Запад могло стать губительным для него лично и всего государства. Кроме того, он представлял собой тот редкий характер, для которого раз данное слово являлось нерушимым. Нельзя сбрасывать со счетов и проявления обычной человеческой разумности и опыта царя — близко зная узурпатора и объективно оценивая его положение, св. Феодосий мудро рассудил, что у Максима немного шансов сохранить свой статус в течение долгого времени. Как вскоре выяснилось, император оказался прав.

На некоторое время ситуация на Западе стабилизировалась. В руках узурпатора оказались Британия, Галлия и Испания. Все его возможные

противники из числа бывшего ближнего окружения Грациана искали убежища или в Медиолане, куда власть Максима не распространялась, либо у св. Мартина Турского, приютившего уже бывшего префекта Галлии Манлия Теодора. Сам Максим решил создать из Западной империи государство с сильным военным режимом — очевидно, он копировал стиль управления св. Феодосия Великого. Кроме того, узурпатор надеялся со временем отобрать владения Валентиниана II и стать единственным властителем всех без исключения западных провинций.

Мирное равновесие длилось недолго: в 387 г. политическая ситуация кардинально изменилась и, как предполагал св. Феодосий, нарушителем спокойствия явился сам узурпатор. Честолюбивый Максим решил претендовать на столь желанную для него Италию. Видимо, он отдавал себе отчет в том, что правитель только лишь Галлии, Британии и Германии едва ли мог в сознании Рима претендовать на *полноценный* статус императора, а останавливаясь на полпути явно не собирался. Для реализации своих планов он прибег к коварному ходу, увенчанному успехом. В это время Валентиниан II и Юстина, встревоженные военными приготовлениями готов в Паннонии, направили своего посла к Максиму с просьбой о помощи. Можно с большой долей уверенности предположить, что посол вскоре был подкуплен Максимом: ведь именно он убедил царя и его мать открыть Альпийские перевалы для прохода выделенного Максимом якобы на помощь им военного отряда. Царственная семья легкомысленно приняла «троянского коня», не подозревая, что за передовым подразделением движется все войско Максима. Прозорливый св. Амвросий пытался убедить их в коварности предложенного Максимом плана, но его советы были отвергнуты.

Западня обнаружилась уже тогда, когда жители Милана, где располагался царский двор, увидели пыль из-под ног легионеров армии Максима. Валентиниану II и Юстине ничего не оставалось делать, как бегством спасти свою свободу и жизнь. Они сели на корабль и вскоре достигли берегов Фессалоник, где их взял под свою защиту св. Феодосий. В это время тиран уже вошел в Милан, пребывая в абсолютной уверенности в близком и окончательном успехе своего предприятия.

Все же, возможно, и на этот раз дело не дошло бы до войны между св. Феодосием и Максимом, если бы не некоторые субъективные обстоятельства. С одной стороны, восточному императору не хотелось начинать военные действия из опасения, что начавшаяся гражданская война еще более ослабит Римское государство. С другой стороны, было много причин обнажить меч на узурпатора. Святой Феодосий понимал, что честолюбие Максима невозможно остановить никакими соглашениями и договорами и после западных провинций он наверняка начнет

посматривать на Восток. Над совестью св. Феодосия довлело также и то обстоятельство, что он не сумел защитить достоинство и сохранить статус близких лиц того человека, который его самого привел к царству. С другой стороны, Максим совсем не был мальчиком для битья, и война с ним могла привести Феодосия к печальному финалу.

Чаша весов еще колебалась, но все решила любовь св. Феодосия к юной сестре Валентиниана II принцессе *Галле*. Будучи вдовцом, он влюбился в принцессу еще два года тому назад, когда она кратко посетила Константинополь. Узнав, что царственная семья находится в бедственном положении, он немедленно сделал предложение Галле, благосклонно принятое ею. Война тем самым была предрешена.

Однако силы врагов были равны, и многие современники не спешили предсказывать победу императору Востока. Перед самым началом боевых действий случилась анекдотическая история, хорошо иллюстрирующая настроение римских граждан. Епископ Александрии *Феофил* (384—412) направил своего посланника Исидора в Рим с двумя поздравительными посланиями; одно было обращено к Максиму, второе — св. Феодосию. Исидор должен был дожидаться победы одного из соперников и преподнести победителю поздравления епископа. На свою беду, посланник так впоследствии разволновался, что вручил св. Феодосию письмо, адресованное... Максиму.

Но св. Феодосий всем показал, насколько он превосходит Максима и как стратег, и как тактик. Он решил проблемы восточной границы, заключив союз с царем Персии, и персы согласились служить под его знаменами, зная св. Феодосия как щедрого и удачливого полководца. Восточный император привлек и других союзников, вследствие чего его армия стала превосходить по численности войско узурпатора; был подготовлен и многочисленный флот.

Кроме прочих преимуществ, св. Феодосий располагал хорошо организованной кавалерией, набранной из гуннов и аланов, способной приводить в трепет закаленные галльские и германские легионы Максима. Наконец, что входило в заранее выработанную стратегию, св. Феодосий умело распределил собственные силы, распылив войска Максима. Умело организовав распространение ложных слухов, св. Феодосий добился того, что узурпатор оказался в полном неведении относительно планов императора. В это же время св. Феодосий уже энергично выступил ему навстречу.

Все закончилось в два месяца. В 388 г. возле города Эмоны, что в Паннонии, осажденного Максимом, на виду неприятеля, армия св. Феодосия начала переправу, которой не смогли помешать отряды узурпатора, защищавшие противоположный берег. Брат Максима Мар-

целлин пытался с отборными западными когортами сбросить войска св. Феодосия в реку, но их атаки не увенчались успехом, и к темноте они сложили свои знамена под ноги императора. Не дожидаясь благодарностей от жителей Эмоны, св. Феодосий форсированным маршем повел свои легионы дальше, желая захватить врага врасплох. Тот в панике пересек Юлийские Альпы и скрылся за стенами Аквилеи, едва успев закрыть городские ворота перед разведчиками св. Феодосия.

Но ничто уже не могло спасти тирана. Разъяренные солдаты и жители города сорвали с него знаки царского достоинства и в жалком виде выдали св. Феодосию. Тот в очередной раз пытался проявить свое врожденное благородство и не хотел предать врага смерти, тем более что *формально* тот никогда не покушался на его власть. Но воспоминания о Грациане и прочих злодеяниях Максима всколыхнули его душу, и он передал узурпатора в руки солдат, которые немедленно отрубили тому голову. Вскоре был убит и сын Максима Виктор, получивший от отца титул августа — очевидно, узурпатор хотел основать свою собственную династию. Блистательно завершив кампанию, св. Феодосий перезимовал в Милане, а затем совершил в 389 г. вместе со своим маленьким сыном *св. Гонорием* триумфальное шествие в Рим. Там св. Феодосий в очередной раз поразил римлян своим благородством. Он не только вернул жителям Запада, поддержавшим узурпатора, конфискованные земли, но и покрыл их убытки; кроме того, царь позаботился о средствах к существованию престарелой матери Максима и его дочерей.

Замечательно, что победа святого императора была ознаменована чудом, явленным Богом в Риме. В полночь в небе появилась чудесная, яркая звезда, возле которой вдруг, словно по волшебству, начали кружиться остальные звезды, образовав форму меча. Затем эта необычная фигура вошла в созвездие Большой Медведицы и погасла.

Рим был совершенно очарован императором, резко выделявшимся на фоне прежних правителей Вечного города. Он посещал игры раждан, был всем открыт и доступен, всякий мог найти у него защиту и помощь. Он посещал с равным удовольствием дома патрициев и рядовых римлян, и вскоре народ полюбил его, непритязательного и доброжелательного. В его поведении не было ничего искусственного, поскольку св. Феодосий глубоко ценил народ и видел в нем единственную опору государственной власти. И благодарные римляне говорили, что св. Феодосий отличается от них только царской одеждой. Его считали не столько императором, сколько гражданином, заслужившим высшие почести, первой из которых являлась священная обязанность служить своему народу.

Эта линия поведения без каких-либо исключений проводилась св. Феодосием повсеместно, он требовал от своих чиновников, чтобы

они во всем подражали ему. В одном из своих посланий в их адрес святой император писал: «Ваша обязанность — обнаруживать себя во всех делах отцом вашего народа, не допускать, чтобы налоги давили крестьян и городских жителей, обуздывать дерзость чиновников, жадность судей, охранять от недостойных требований тот народ, на который вы должны смотреть как на составленный из ваших детей».

...Вся Римская империя теперь находилась в руках св. Феодосия, и никто не смог бы его упрекнуть, если бы он объявил о своем единоличном правлении. Но и сейчас он совершил то, чего от него меньше всего ожидали. Святой Феодосий *вернул* царский престол Валентиниану II и его матери. Однако никто не предполагал, что развязка уже близка. Надорванная предыдущими неудачами, царица почти совершенно удалась от дел, и теперь юный Валентиниан II, которому не исполнилось и 20 лет, пытался входить в практический курс науки управления государством. Римляне восхищались его целомудрием и воздержанностью от мирских наслаждений, способностью входить в существо вопроса, нежной привязанностью к сестрам, с которыми он вместе рассматривал судебные дела и неоднократно выносил мягкие приговоры взамен ранее определенных. Без всяких сомнений, из мальчика мог вырасти блестящий правитель Римской империи и примерный христианин.

Святой Феодосий надеялся, что царствование западного царя отныне будет спокойным, но, к сожалению, этим надеждам не суждено было сбыться, и Валентиниан II Младший погиб в 392 г. вследствие измены франкского вождя *Арбогаста*, состоявшего на римской службе. Надо сказать, что, как и все смертные, св. Феодосий не всегда был прав в конкретных решениях. Так и на этот раз он доверился своему товарищу по военным походам, не отдавая себе отчет в слабости власти Валентиниана II и непомерных амбициях Арбогаста. Можно сказать, в ту минуту, когда св. Феодосий назначил франка первым советником Западного царя, участь последнего была уже predetermined.

Задувив царя в его же спальне, Арбогаст не решился, однако, объявить себя императором. Вместо этого он инициировал восшествие на престол своего бывшего секретаря ритора *Евгения*, сделавшего стремительную карьеру до министра двора и теперь уже претендента на царскую власть. Надо отдать должное узурпатору — в любом статусе (и на частной службе, в качестве секретаря Арбогаста, и на государственной, уже при Валентиниане II) он проявил себя умелым и преданным человеком, а его ученость и красноречие в соединении с чистотой нрава способствовали повышению авторитета Евгения среди народа. Даже то обстоятельство, что Евгений с большой неохотой принял участие в спектакле по провозглашению себя царем, сыграло ему на руку —

толпе нравится зримо видеть, как якобы *их* безудержная воля творит нового царя.

В любом случае, послы нового правителя Запада направились к св. Феодосию с большими дарами, желая получить его согласие на передачу власти над западными провинциями Евгению. Видимо, они рассчитывали, что император был не в курсе *всех* нюансов воцарения Евгения, и с притворной скорбью рассказали ему о неожиданной гибели Валентиниана II.

Но, надо полагать, император, состоявший в близких отношениях со св. Амвросием Медиоланским, был осведомлен обо всех деталях и реальной роли Арбогаста и Евгения в цареубийстве. Однако *внешне* не подал виду и отпустил послов с двусмысленным ответом. На самом деле император был глубоко возмущен убийством Валентиниана II, к которому питал теплые чувства. Не меньше его поразило предательство Арбогаста — своего старого товарища по многим военным походам. С одной стороны, ему не терпелось наказать узурпатора и предателя, с другой — довлело понимание опасности, которой подвергнется Римская империя в случае очередной гражданской войны. Проявив свои таланты уже на дипломатическом поприще, св. Феодосий, по существу, выиграл время для подготовки к новой войне, решив в первую очередь выяснить, насколько его решение будет находиться в согласии с волей Бога.

Сказать откровенно, положение дел св. Феодосия было далеко не столь блестящим, как это может показаться. Едва собранная из лоскутов Римская империя управлялась не столько императором, сколь пестрой смесью различных правителей и военачальников, в воле которых было либо принять власть царя, либо отклонить ее. Трудно даже в общих чертах представить себе, какую титаническую работу проделал святой император, собирая объединенные войска для войны с новыми узурпаторами и заручаясь поддержкой или мирным нейтралитетом лиц, формально состоящих его же подданными или подчиненными.

Хрестоматийный пример демонстрирует правитель Африки, некий мавр Гильдон, потомок древних Нумидийских королей. За свою поддержку св. Феодосия он получил в управление Африку, став комитом Империи, и вскоре, пользуясь полной безнаказанностью и неограниченностью власти, сколотил себе громадное состояние. Целых 12 (!) лет Североафриканские провинции стонали под игом этого сладострастного корыстолюбца, и царь не имел возможности сместить варвара без опасения новой гражданской войны.

Более того, когда началась война с Евгением и св. Феодосий, естественно, обратился к Гильдону с просьбой предоставить африканские отряды для пополнения римской армии, мавр ответил странным ней-

тралитетом. Запомнив историю, царь пока удовлетворился тем, что взял дочь Гильдона, малолетнюю Сальвину, в качестве заложницы в Константинополь. Он воспитал девочку настоящей римлянкой и христианской, а затем выдал ее замуж за племянника своей благочестивой супруги. Когда вскоре муж умер, Сальвина приняла обет безбрачия и все последующее время посвятила служению Церкви, став диаконисой.

Таким образом, война с Арбогастом и Евгением носила многогранный характер: помимо усмирения очередного узурпатора, она требовала восстановления той единой *централизованной* власти, к которой так привык Рим. Кроме того, начинающаяся гражданская война имела и религиозный оттенок. Дело заключалось в том, что узурпация престола была связана с попытками языческой партии вернуть почитание уходящей религии. Хотя сам Евгений был христианином, главой придворной партии в Риме стал всеми уважаемый сенатор Никомакс Флавиан, ревностный язычник.

Войдя во власть, Евгений немедленно дал указание восстановить древний культ; некогда снятые статуи были возвращены на место, и алтарь Победы вновь вернулся в здание сената. В 394 г. Флавиан, избранный консулом, совершал празднества в честь Изиды и приносил очистительные жертвы, а сам «август» Евгений находился рядом. Правда, Арбогаст, Флавиан и Евгений не решились вернуть язычникам их храмы, конфискованные Грацианом и Валентинианом II, но надежды языческой партии были, конечно, связаны исключительно с отцовским культом. Поэтому противостояние св. Феодосия «тройке» узурпаторов было связано не только с политическими мотивами, но и религиозными. По сути, это была последняя попытка язычества побороть христианство.

Тайным велением царя его доверенный евнух Евномий скрытно отправился в Египет, где близ города Ликополя подвизался святой жизни отшельник Иоанн. Очень редко этот старец появлялся на людях из своей уединенной кельи, чтобы ответить на вопросы многочисленных посетителей, жаждавших получить от него помощи; к нему и направился посланник императора. Выслушав Евномия, старец ответил, что война будет кровопролитной, но удачной для св. Феодосия. Вдохновленный царь начал усиленную подготовку к войне. Отправляясь в поход, весной 394 г. он объявил своего старшего сына *Аркадия* соимператором Востока, очевидно, опасаясь за исход кампании и желая обеспечить преемственность царской власти.

Два ближайших соратника св. Феодосия — Стилихон и Тимазий — пополняли легионы новыми рекрутами и укрепляли воинскую дисциплину. Помимо этого, вскоре под римские знамена встали старые

союзники, так что под рукой царя одновременно находились вечно враждовавшие между собой арабы, иберы и готы. Подошли варварские отряды во главе со своими вождями, также вызвавшимися воевать на стороне законного царя. Но и Арбогаст не терял времени даром. Он умело воспользовался рельефом местности и не допустил ошибок Максима, растянувшего линию обороны. Примечательно, что в Юлианских проходах Арбогаст приказал поставить золотую статую Зевса, искренне надеясь на его заступничество. Но «старый» бог в итоге ему не помог.

Позволив войскам св. Феодосия захватить Паннонию, Арбогаст дал тому возможность спуститься с Альпийских перевалов, где и встретил императора в укрепленном лагере. Царь был искренне удивлен численностью и организованностью армии узурпатора, где преобладали галлы и германцы. Желая с ходу разгромить врага, св. Феодосий дал приказ начать атаку, но наступление оказалось неудачным: иберийские отряды во главе со своим вождем Бакурием почти все пали на поле битвы, потери достигали 10 тыс. воинов. Так началась знаменитая битва на Холодной реке (*Frigidus*), первая часть которой не принесла законному императору желанного успеха.

Обескураженный царь удалился на вершину соседней горы, где провел ночь без сна и еды. Положение его стало очень тревожным, но оно могло стать еще и критическим: св. Феодосий не подозревал, что Арбогаст, уже шумно отмечавший в своем лагере победу над императором, осмотрительно велел нескольким своим отрядам выйти через горные проходы за спину восточной армии. Несложно догадаться, чем бы закончилась эта кампания, если бы начальники отрядов, должных напасть на св. Феодосия с тыла, внезапно не изменили бы своего решения. Ночью они явились в ставку императора и заявили, что не желают больше служить узурпатору. Конечно, не последнюю роль здесь сыграли обычные для всех варваров мотивы легкой наживы и желание служить сильнейшему. Вместе с тем трудно отказаться от мысли, что слава св. Феодосия, его умение располагать к себе людей сыграли и здесь решающую роль, подвигнув вождей вражеских отрядов к измене своему господину.

Впрочем, как утверждают современники, еще одно обстоятельство укрепило уверенность св. Феодосия в грядущей победе. Ненамного забывшись под утро, он увидел во сне двух всадников в светлой, блестящей одежде на белых конях. Они сказали ему, что один из них послан апостолом Филиппом, а второй — апостолом и евангелистом Иоанном, дабы показать безопасные пути нападения на Арбогаста. Аналогичный сон привиделся еще одному солдату его войска, пришедшему утром в палатку императора, чтобы рассказать об этом чуде.

Получив наглядные свидетельства Божественной воли и пообещав перебежчикам пышные титулы и богатые награды, св. Феодосий, ободренный ночным происшествием, на рассвете вновь напал на лагерь врага. Битва была в самом разгаре, когда внезапно налетела сильнейшая буря, одна из тех, что часто встречаются в горах, и коренным образом изменила ход сражения. Ветер дул в спину солдатам св. Феодосия и в лицо врагам, вырывал дротики из рук легионеров Арбогаста, расстраивал их ряды, вносил суеверный ужас в сознание галлов. Посчитав, что Сам Бог помогает святому императору, галлы и германцы быстро ретировали, оставив в руках св. Феодосия плененного Евгения.

Бывшему ритору солдаты отрубили голову, а Арбогаст, проблуждав несколько дней по горам, понимая всю бесперспективность своего положения и не надеясь на пощаду, по примеру римских героев прежних эпох сам пронзил свою грудь мечом. Пожалуй, единственный, кому св. Феодосий хотел сохранить жизнь из уважения, питаемого к его личности, был сенатор Флавиан, но и тот погиб в сражении. Победа была полной и убедительной. Святой Феодосий триумфально вошел в Милан, где его ласково встретил св. Амвросий, открыто отвергавший все эти годы власть Евгения и Арбогаста.

Так завершились две попытки узурпации власти, блистательно погашенные св. Феодосием. В Римском государстве наступил наконец-то желанный мир и отдых от гражданских войн и внешних вторжений варваров. Но впереди святого императора ждали волнительные и великие церковные свершения.

§4. II Вселенский Собор

Как и многие его предшественники, св. Феодосий Великий явил миру яркий пример самодержцев, системно и масштабно участвующих в делах церковного управления. Святой император желал *«ходить вслед Христу»* и никаких компромиссов в делах веры не принимал. Все исследователи согласны с тем, что церковные дела беспокоили его больше государственных, и даже на смертном одре он больше беспокоился о том, какими путями пойдем после него Кафолическая Церковь, чем перспективами государственного строительства. И нельзя не согласиться с тем, что именно при св. Феодосии Великом Церковь вступила в новую для себя фазу развития и лично ему обязана появлением *религиозной политики* в Византии в буквальном смысле слова.

Едва вступив во власть, св. Феодосий Великий наряду с первыми неотложными делами решил раз и навсегда положить конец церков-

ному расколу и утвердить истинное благочестие и веру. Казалось, ни одна сторона церковной жизни не ускользала от внимания нашего героя. Он исследовал достоинства кандидатов на епископские кафедры, регламентировал жизнь клириков и монахов, открыл новую практику канонизации святых, определял категории подсудных архиереям судебных дел, не говоря уже о том, что св. Феодосий сам определил веру, которой должны следовать все христиане.

Император категорично не любил ариан, с которыми в западных провинциях, откуда он прибыл в Константинополь, связывали церковную смуту. Ободряемый своей женой, св. Элией Плакиллой, св. Феодосий по-солдатски, без обиняков решил восстановить церковный мир вполне в римских традициях — остановив собственный выбор на той церковной партии, которая казалась ему истинно православной, и запретив остальные.

Судьба благоволила его начинаниям: по дороге в Константинополь св. Феодосий внезапно и тяжело заболел в Фессалониках и принял таинство Крещения от епископа Ахолия, известного никейца. Это был необычный случай — ведь обычно крещение принималось в те времена уже перед смертью. Вскоре царь выздоровел, и его симпатии окончательно перешли к сторонникам Никейского Собора. Таким образом, участь ариан на Востоке была предreshена. К этому времени эта ересь уже внутренне изжила себя, и при живом, деятельном участии св. Феодосия все свершилось на удивление быстро.

В многолетнем противостоянии ариан и никейцев была поставлена точка, когда в Константинополе 27 февраля 380 г. император произнес слова, имеющие силу закона: «Нам угодно, чтобы все народы, управляемые нашим милосердием и умеренностью, твердо держались той религии, которой поучал римлян св. Петр, которая верно сохранялась Преданием и которую в настоящее время исповедует первосвященник Дамас и Александрийский епископ Петр — человек апостольской святости. Согласно с учением апостолов и правилами Евангелия, будем верить в единое Божество Отца, Сына и Святого Духа, соединяющихся с равным величием в благочестивой Троице. Последователям этого учения мы дозволяем принять название *христиан кафолических* (выделено мной. — А. В.), а так как всех остальных мы считаем за сумасбродных безумцев, то мы клеймим их позорным названием еретиков и объявляем, что их сборища впредь не должны присваивать себе почетное наименование церквей. Кроме приговора Божественного правосудия, они должны будут понести строгие наказания, каким заблагорассудится подвергнуть их наша власть, руководимая небесной мудростью».

Как правильно отмечают, здесь нет никакого религиозного фанатизма — император реализовал свой идеал, скопированный с римских устоев: единое государство, единая власть и единая вера. Эту работу начинал еще св. Константин Великий, а св. Феодосий доводил ее до своего логического завершения. Надо сказать, что деятельность императора не сопровождалась каким-либо сопротивлением со стороны высших клириков и рядовых мирян. За десятилетия церковных нестроений у всех сформировалось практически единодушное мнение о том, что только император в состоянии восстановить мир в Церкви и положить конец богословским прениям. Всем надоели бесконечные Соборы и споры, когда пыл сторон легко переходил границы дозволенного и материализовался в самых настоящих преступных деяниях. И если внутренне Никейский Символ уже доказал свою жизнеспособность и истинность, то *внешне* еще требовались немалые усилия для того, чтобы сделать его единственным для всех церковных общин Римской империи. Это было возможно только путем закрепления его в качестве *обязательного для всех государственного закона*, что, собственно говоря, и сделал св. Феодосий Великий. Других форм Древний мир не знал, как, впрочем, и его преемники.

По приезде в столицу, в духе своего указа, император вызвал к себе Константинопольского епископа *Димофила* (370—379), главу одной из антиникейской партий, и потребовал либо принять Никейский Символ, либо оставить кафедру. Епископ попытался было сопротивляться, но был тут же изгнан с престола, историческая правда была не на его стороне. Со своими сторонниками он отправился за город, где еще какое-то время совершал богослужения как епископ, но это уже ничего не значило. А на его место император сам выбрал св. *Григория Богослова* (379—381).

Новый Константинопольский епископ относился к знаменитой «Каппадокийской группе» (или *новоникейцам*), куда входили св. Василий Великий, св. Григорий Нисский и другие выдающиеся представители православной партии. Сам св. Василий Великий был сыном аристократа и держался с таким достоинством и честью, настолько владел мыслью и словом, что невольно вызывал уважение. Он с полным правом мог считаться главой новоникейцев, хотя, к сожалению, и не увидел своими глазами торжества православного богословия, скончавшись еще совсем не старым человеком. В отличие от св. Афанасия Великого, он не был ригористом, как его кумир, и довольно легко в целях икономии опускал вопросы, которые вызывали отторжение у других оппонентов; если, конечно, это не касалось главных вопросов вероисповедания.

Обладая великолепным образованием, Отцы каппадокийцы не только выполнили сложнейшую задачу своего времени — научного

разъяснения Никейского Символа, но и приняли самое деятельное участие в церковной жизни. Благодаря нескончаемой энергии и терпению св. Василия Великого, осенью 379 г. в Антиохии состоялся Собор, где собравшиеся 153 епископа подтвердили решения Римских Соборов 369, 376 и 377 гг. Таким образом, наглядно и зримо все «восточные» епископы объединились под знаменем Никейской веры.

Большого внимания заслуживает и другой яркий представитель каппадокийцев, св. Григорий Богослов — первый помощник св. Василия Великого. Будучи сыном епископа Назианзинского, св. Григорий Богослов до смерти отца помогал тому в управлении епархией, а затем, в 370 г., удалился в Селевкию Исаурийскую. В 379 г. друзья св. Василия — влиятельные Мелетианские епископы — уговорили св. Григория отправиться в Константинополь, где голос никейцев едва был слышен, чтобы занять епископскую кафедру.

Прибыв в восточную столицу, св. Григорий начал проповедовать в доме одного своего родственника, впоследствии переделанном в храм св. Анастасии. Его проповеди имели невероятный успех среди изысканной и утонченной столичной публики, и ариане даже наняли убийц для устранения столь неудобного конкурента. К счастью, покушение не удалось, но это было только началом в цепи неприятностей. Вскоре личность св. Григория насторожила епископа Александрийского *Петра II* (373—374; 379—380) — твердого в своем никействе архиерея, но человека с узким кругозором. Для александрийца все, что относилось к Константинополю, по определению являлось арианским. Поэтому он быстро организовал отправку в Константинополь некоего Максима Киника, которого надеялся «перерукоположить» в епископы «нового Рима».

Однажды, когда св. Григорий лежал больным дома, разнесся слух, будто Максима хиротонисают египетские епископы. Толпа возмущенных православных константинопольцев вторглась в частный дом, где и в самом деле совершалась хиротония. Киник и остальные архиереи убежали прочь от разгневанной толпы, но впоследствии неудавшийся епископ отправился к Петру и потребовал отдать ему Константинопольскую кафедру, а затем просил помощи у Римского папы *Дамаса* (366—384), но также безуспешно. Когда в Константинополь приехал император, вопрос о епископе столицы практически уже не стоял: царь самолично ввел св. Григория в храм Св. Апостолов, хотя цепь солдат сдерживала толпу ариан, окруживших церковь.

Ситуация получилась нелепая — на один и тот же престол одновременно претендовало сразу *три лица*, и св. Григорий попросил императора собрать Вселенский Собор для решения вопроса о том, кому же принадлежит Константинопольская кафедра. Неожиданно выяснилось,

что вопрос о лице Константинопольского епископа способен вызвать новый кризис в Церкви, только что счастливождавшей своего спасителя и покровителя в лице царя. Дело заключается в том, что «староникейская» партия естественным образом была сильна в Египте, где сохранились поклонники таланта и ученики св. Афанасия Великого. Ярким ее представителем, хотя и, повторимся, человеком недалекого ума, являлся епископ Петр.

В свое время он нашел убежище у папы Дамаса, с которым у него возникли тесные отношения. То обстоятельство, что император отверг позицию двух предстоятелей наиболее авторитетных церковных кафедр своего времени при решении вопроса о выборе Константинопольского архиерея, вызвало у обоих чувство сильного недовольства. И хотя личность Максима не вызывала сочувствия у Дамаса, но для него был важен принципиальный вопрос о том, *чье мнение* должно довлеть при принятии такого рода решений. Поэтому св. Григорий Богослов был совершенно прав, попросив императора созвать Собор; это и явилось единственной причиной его созыва.

Конечно, царь придерживался обратного образа мыслей, чем папа Дамас, естественно недоумевая, почему он, взявший на себя ответственность за состояние церковного благочестия, обязан консультироваться по данному вопросу с *одним из* епископов Церкви, пусть даже и весьма авторитетным. Зимой 380 г. св. Феодосий созвал Собор в Константинополе, куда пригласил исключительно восточных епископов, которых собралось около 150 человек. Там блистали такие знаменитые имена, как *Мелетий Антиохийский* (360—381), св. Григорий Нисский — брат св. Василия Великого, св. *Тимофей Александрийский* (380—384) — епископ Петр к тому времени уже умер, Элладий Кесарийский — преемник св. Василия Великого, Петр Севастийский — брат св. Василия Великого. Интересно одно предание, связанное с именем Мелетия Антиохийского. Рассказывают, что, когда император был еще частным человеком, ему явился во сне Мелетий Антиохийский и пророчествовал о его грядущем царствовании. И хотя до этого дня царь и епископ не были знакомы друг с другом, св. Феодосий тут же узнал его и облобызал. В мае 381 г. II Вселенский Собор начал свою работу.

Нам не известно ни числа заседаний, ни их деталей — практически все документы Собора исчезли в веках. Но, как можно предположить из отдельных эпизодов, император наверняка присутствовал на его первом заседании, когда решался вопрос о св. Григории Богослове, и на некоторых других. По-видимому, в последующем он не принимал участия в его деяниях, как это следует из содержания самого послания Собора св. Феодосию. В первую очередь Отцы Собора решили рассмо-

треть дело св. Григория Богослова, из-за чего, собственно, формально выражаясь, они и были созданы императором. Епископы были единодушны в том, что св. Григорий по праву и должным образом введен на Константинопольскую кафедру. Но, очевидно, *внешнее* единодушие было не совсем искренним — египетские епископы даже не скрывали своего недовольства по тому, как решилась судьба Максима Киника, и раздражения на этот счет. По крайней мере, выступление св. Григория (один из немногих документов Собора, дошедших до нас) производит впечатление *защитительной речи*, в заключение которой он просил Отцов разрешить ему оставить престол и удалиться в пустыню.

В конце концов епископы согласились с его просьбой и поставили Константинопольским епископом *Нектария Тарского* (381—397) — знатного сенатора из известной семьи, добродетельного и благочестивого старца. Как следует из документов, Отцы после этого утвердили давнее назначение на Иерусалимскую кафедру епископа *Кирилла* (350—386) и избрали Антиохийским епископом *Флавиана* (381—404), поскольку старец Мелетий умер перед самым окончанием Собора. Отцы недвусмысленно говорят в своем послании Римскому папе, что все эти избрания были сделаны «под наблюдением благочестивейшего императора Феодосия», из чего становится ясной роль царя в управлении Собором.

Вслед за этим по инициативе св. Феодосия на Собор были приглашены 36 македонских епископов, перед которыми напрямую поставлен был вопрос о признании Никейского Символа. Этот эпизод также вполне понятен: во времена правления Валента *Македоний* некогда (в 341—360 гг.) Константинопольский епископ, отрицавшие Божество Святого Духа, но отклонявшиеся от «официальной» арианской версии Символа, были вынуждены согласиться с «Единосушием», чтобы сохранить поддержку Римской кафедры. Но когда Валент погиб и опасность миновала, они вновь вернулись к своим взглядам. Вожди македониан и сами духовоборцы периодически то принимали учение о Святом Духе, хотя и уклончиво, то категорично его отрицали. Нетрудно догадаться, что император желал поставить точку в этой истории, что и сделал по-солдатски просто и незамысловато. В ответ на его предложение македониане решительно отказались признать Никейский Символ и были удалены с Собора. Этого оказалось достаточным, чтобы Отцы объявили их в 7-м правиле Собора еретиками.

Наконец, последним обсуждался вопрос о новой редакции самого Символа. Нет, он не был изменен в своем существе, но Отцы верно рассудили, что в 325 г. тема Святого Духа еще не была актуальна, и поэтому решили расширить определение о Нем. Новый Символ, который отныне и навечно будет называться «*Никео-Цареградским*», был

утвержден Отцами и направлен для ознакомления всем Поместным Церквам. После этого император утвердил новый Символ своим законом и строжайше постановил, чтобы все епископы, отступающие от него, были низвергнуты из сана, удалены из церквей и вообще из сообщества христиан. Из этого эпизода ясно следует, что догматическая сторона не была безразлична св. Феодосию Великому. Он имел способности и образование для того, чтобы выбрать лучшую формулу Символа и вдохнуть ее в жизнь, придав общенародные, *обязательные* черты.

Нетрудно догадаться, что почти все каноны, принятые Собором, также были известны св. Феодосию Великому еще в проекте — настолько они солидаризируются с его представлениями о церковном устройстве и оценкой текущей ситуации. В 1-м каноне Собор подтвердил неизменность Никейского Символа Веры — очевидное свидетельство того, что арианство уже исчахло и публично признано ересью. Но 2, 3, и 4-е правила Собора касались уже сугубо вопросов *церковных полномочий* епископов и определяли судьбу злосчастного Максима Киника. Вторым каноном областным епископам запрещено вторгаться в дела других епархий — прозрачный намек на вмешательство Александрийского архиерея в дело поставления св. Григория Богослова на Константинопольскую кафедру. И 4-й канон тут же подтверждает это правило, хотя бы и «задним числом» — Максим Киник не признается епископом, и «все, для него сделанное и им сделанное, уничтожено, как недействительное».

Это был сильнейший удар по амбициям Александрийского клира, публичное и тяжелое (первое) поражение зарождавшегося «*восточного папизма*». А 3-й канон довершил победу Константинополя, определив, что «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести после Римского епископа, так как Константинополь есть новый Рим».

Мотив принятия Собором и этого канона также понятен: с одной стороны, император лишил Римского папу возможности влиять на судьбу выборов Константинопольского архиерея, поскольку по статусу они отныне являлись *равными* фигурами. С другой стороны, св. Феодосию едва ли мог понравиться вариант, при котором он вынуждался постоянно сноситься по догматическим и каноническим вопросам с Римским папой. Являясь равноправным императором, он хотел *полной симметрии полномочий*: если у Грациана есть Римский епископ, главенствующий в западных провинциях, то у Восточного императора должен быть свой Константинопольский архиерей с аналогичными правами на восточных территориях.

Не очень явно, но 3-е и 4-е правила все же приоткрывают сферу церковных полномочий самого императора. Собор признал «настоя-

щим» епископом того, на кого *указал* св. Феодосий — св. Григория Богослова, и отказал в этом чине тому, кого пытались *навязать* царю. То обстоятельство, что данные попытки получили категоричную негативную оценку Собора, должно было надолго успокоить амбициозные умы на Западе и Востоке — цель, которая в целом была достигнута.

Помимо этого акты II Вселенского Собора интересны теми славословиями, которые его Отцы высказывали в адрес императора («Благочестивейшему императору Феодосию»), подчеркивая роль царя в преодолении смуты и установления истинной веры. «В начале нашего послания к твоему благочестию, — писали епископы, — благодарим Бога, который ознаменовал твое благочестивое царствование общим миром Церквей и утверждением истинной веры; и, воздавая Богу должное благодарение, нужным считаем довести твоему благочестию о том, что происходило на Святом Соборе. Сбравшись по твоему распоряжению в Константинополе, мы, во-первых, возобновили взаимное согласие между собой; потом изрекли краткие определения, в которых утвердили веру отцов, собиравшихся в Никее, и осудили возникшие против них ереси; кроме того, постановили точные правила о благоустройстве Церкви. Все это мы прилагаем к настоящему посланию. Итак, просим твое благочестие — утвердить постановления Собора, дабы, как ты почтил Церковь своим посланием, которым созывал нас, так ты же своим утверждением положил и конец нашим совещаниям».

Эти фразы не нуждаются в комментариях — очевидно, Отцы Собора все заслуги по возобновлению церковного мира и восстановления общения связывали исключительно с именем св. Феодосия Великого. Мало того, они надеялись, что и в дальнейшем он своим утверждением постановлений Собора, то есть приданием им силы *государственного закона*, не позволит разрушить церковное единство Римской империи.

Понятно, что Римский папа и св. Амвросий были крайне недовольны тем, что Вселенский Собор прошел без участия западных епископов и легатов понтифика. Святитель даже направил императору письмо с протестом, но оно осталось без ответа. Тогда, в пику II Вселенскому Собору, в 382 г. в Аквилее был собран Собор из одних западных епископов, где обсуждались вопросы Восточной Церкви. Но и он не изменил мнения царя о месте Римского епископа в управлении Церковью — очевидно, при всем уважении к священству для царя вопрос о *главе церковного управления* не стоял: им мог быть и есть только сам император.

Тогда западные епископы написали императору письмо, в котором резко выговаривали ему за те «ошибки», которые он допустил. Римский папа уже не вспоминал, что еще недавно сам отверг Максима Киника, и теперь откровенно заявил, что тот принят в общение Римской церковью.

Он потребовал освободить Нектария от Константинопольской кафедры и весьма сомневался в православии Тимофея Александрийского.

Относительно канонов и Символа западные епископы были не склонны высказывать *догматические* возражения, но тут же заявили, что рассмотрение их без участия Западной церкви совершенно невозможно, что это — прямой путь к разрыву отношений с Востоком. Они в принципе готовы даже принять их, но при одном условии — чтобы был созван новый Собор, «настоящий вселенский», и не где-нибудь, а обязательно в Риме: «Наша просьба о созыве Собора в Риме для обсуждения восточных дел не есть что-то новое и неожиданное для Востока», — обосновывали они свои требования. А для примера вспомнили западные Соборы, где рассматривались дела св. Афанасия Великого.

Конечно, св. Феодосия не могло удовлетворить такое письмо, но ввиду того, что на Западе царствовал Грациан, именем которого наверняка прикрывались авторы этого послания и который мог бы обидеться на резкий ответ, он решил поступить иначе. Его указом в 382 г. все восточные епископы, за исключением египетских, были вновь собраны в Константинополе, вследствие чего II Вселенский Собор получал некоторое продолжение. В первую очередь император повелел всем арианам, македонианам и евномианам, которые также были приглашены на Собор, дать обоснование своей вере на основе учения Святых Отцов. Когда еретики передали ему свои списки, он легко и наглядно продемонстрировал им их разночтения и вольности в толковании Священного Писания, после чего разорвал приготовленные ими бумаги и выгнал из зала заседаний.

Этим нехитрым ходом император решил одновременно две задачи: еще раз дал наглядное доказательство Западу и Риму, в частности, в православии Востока, открыто порвавшего с арианами и македонианами, и, во-вторых, окончательно поставил арианство вне закона. После этого по инициативе императора восточные епископы подготовили пространное письмо Римскому папе, в котором много благодарили его за деятельное участие в деле утверждения истинной веры. Но решительно отказывались выехать к нему в Рим, где тот хотел созвать новый Вселенский Собор, поскольку, как писали они, такое путешествие должно быть предварительно согласовано с христианами их епархий, да и вообще чрезвычайно трудно из-за дальности дороги. Вместо этого они предлагали принять послов восточных архиереев — епископов Кириака, Евсевия и Прискиона, которые могли бы засвидетельствовать папе их братскую любовь и единоверие. Восточные епископы также изъявили готовность передать папе документы Константинопольского Собора, чтобы он мог *ознакомиться* с ними.

Впрочем, на этом мнимая теплота и некоторая угодливость в адрес папы быстро заканчивается: восточные епископы совершенно искренне недоумевали, почему Рим так беспокоят каноны, принятые в Константинополе в 381 г.? На основании чего папа так легковесно утверждает о неканоничности поставления Нектария на епископскую кафедру? Куда же каноничнее: он был избран в присутствии императора, на Соборе, при одобрении всего народа?! О Максиме восточные архипастыри вообще не упоминают, отчетливо давая понять латинским братьям, что не намерены терпеть их вмешательство во внутренние дела своих епархий. Как бы в пику Риму, новый Собор принимает еще два канона, которые обыкновенно, спустя многие годы, приписывают Собору 381 г. (5-е и 6-е правила). Это была решительная победа св. Феодосия «по всем фронтам». Неудивительно, что его авторитет в Церкви после этого вырос чрезвычайно.

После того как св. Феодосий стал практически единовластным властью Римской империи, его взор устремился на Запад, где, несмотря на все старания Грациана и Валентиниана Младшего, язычество до сих пор имело крепкие позиции. Император приказал изменить календарь, приказав считать все дни года обыкновенными. Исключение составили 125 дней, которые могли отмечаться и язычниками и христианами, в частности, дни рождения императоров и основание столиц государства. Но самый сильный удар был нанесен по язычеству, когда император повелел вынести из курии алтарь и статую Победы.

Эти символы старой веры уже испытали на себе все превратности судьбы: они были вынесены при св. Константине Великом, возвращены при Отступнике, вновь удалены из сената при Грациане и опять восстановлены на старом месте при узурпаторе Максиме. Когда сенат обратился к Валентиниану II Младшему с просьбой вернуть статую на место, тот по совету св. Амвросия обратился за советом к своему старшему сотоварищу, который, конечно, не поддержал язычников. Теперь же св. Феодосий Великий поставил вопрос ребром, письменно задав вопрос сенаторам: «С кем вы? Почтение Юпитеру или почтение Христу должно быть государственной религией?» И хотя среди членов сената было много язычников, большинством голосов старая вера была отвергнута во имя веры во Христа.

А после победы над Евгением, который в короткое свое царствование опирался на язычников, св. Феодосий вообще запретил отпускать из государственной казны деньги на публичные жертвоприношения. Сенаторы тут же напомнили ему, что в этом случае исчезает сам смысл жертвоприношения, поскольку оно не будет совершаться от имени *всего* народа, но император был неумолим. Он был уверен, что одной этой

меры вполне достаточно для того, чтобы через одно-два десятилетия от язычества на Западе ничего не осталось. Так оно и получилось: еще воскурялся фимиам над языческими храмами, но само язычество перестало быть *народной* религией, и его век вскоре заканчивается.

В 391 г. был издан знаменитый Миланский закон, в соответствии с которым все языческие жертвоприношения объявлены *преступлениями против императора*, за которое полагались конфискация имущества и крупные денежные штрафы. В 392 г. были усилены меры наказания для гадателей; помимо прочего, закон предусматривал крупные штрафы для нерадивых чиновников, плохо исполнявших веление царя по борьбе с остатками язычества. В 393 г. были окончательно отменены Олимпийские игры, а статуя Зевса Олимпийского — знаменитое творение Фидия — перевезена в Константинополь.

Но подорванное в корне язычество, лишенное государственной поддержки и последних сторонников, еще долго тенью старой славы напоминало о себе. Тот факт, что раз за разом император *повторял* свои законы об уничтожении язычества — лучшее свидетельство того, что на самом деле никакого нетерпения к ним со стороны верховной власти не было. По крайней мере, законы против язычников появляются в середине V в., что показывает еще и то, что никакой необходимости в острых административных мерах по отношению к язычникам со стороны власти уже не требовалось. Язычество медленно, но верно умирало.

Веротерпимость св. Феодосия вполне характеризует и история с синагогами на Востоке. В 388 г. начальник одной из отдаленных провинций Востока доложил императору, что христиане, возмущенные иудеями и гностиками, чинившими им препятствия в отправлении богослужений, разрушили одну иудейскую синагогу. Докладывалось также, что вроде бы к этому преступлению были причастны местный епископ и монахи. Вспыльчивый император тут же приказал наказать монахов, а епископа обязал восстановить синагогу на средства Церкви. Лишь благодаря вмешательству св. Амвросия Медиоланского, в очередной раз продемонстрировавшего свое влияние на царя, приказ был отменен.

Напротив, духовенство во время правления святого царя достигло невиданного ранее положения и общественного уважения. Он запретил рассматривать в гражданских судах дела с участием клириков, опасаясь унижить их статус, и постоянно спрашивал советов св. Амвросия Медиоланского и других епископов, наглядно демонстрируя, кому он доверяет судьбу государства. Христианские начала при нем постепенно проникают в содержание римского законодательства — естественной базы для становления и развития церковного, канонического права. Например, император запретил браки между двоюродными братья-

ми и сестрами, племянницами и дядями, предавал казням любителей противоестественных пороков и во избежание соблазнов не разрешал рукополагать женщину в диаконысы до достижения возраста 60 лет.

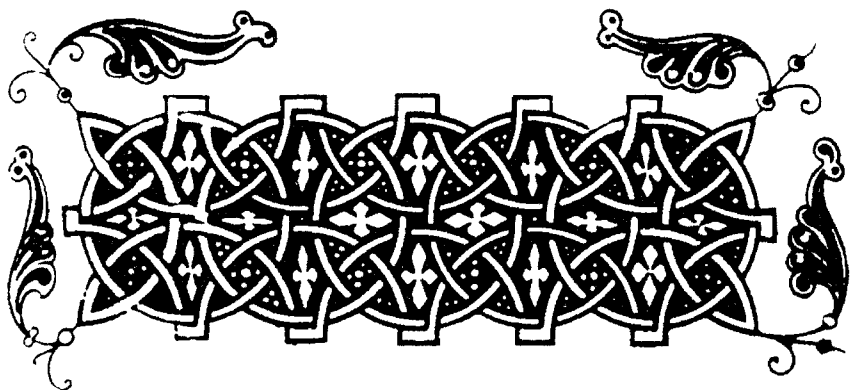
Однако св. Феодосию не суждено было насладиться плодами своего успеха. Здоровье его было подорвано, и симптомы болезни предвещали скорую смерть, наступившую всего через четыре месяца после победы над Евгением. Справедливо названный «Великим», он не прожил и 50 лет и умер на пике своей славы, едва вступив в наиболее плодотворный для мужчины и государя возраст.

Святой Феодосий расставался с жизнью с чувством выполненного долга, сделав все, зависящее от него, и как император, и как глава Вселенской Церкви. Вместо развалин Римской государственности, которые достались ему в начале царствования, он оставил после себя восстановленную Империю; преодолев раскол, воссоздал единство Церкви, а вместо разномыслия помог сотворить и дал силу государственного закона истинному чуду — Символу Веры, до сих пор являющемуся главным критерием для определения православия любого христианина. О личности св. Феодосия Великого *все* можно сказать одним словом, некогда произнесенным св. Амвросием Медиоланским: «Любил я этого мужа...»

Перед смертью св. Феодосий желал причаститься Святых Даров, от принятия которых сознательно отказывался на все время войны с Евгением и Арбогастом, так как считал себя не достойным принять их за пролитие человеческой крови на поле брани. Наконец, его желание было удовлетворено, и он причастился из рук своего друга и наставника св. Амвросия. Кроме того, святой император повелел срочно вызвать второго, младшего сына от своего брака с первой женой (от второго брака с молодой царицей Галлой у него была лишь принцесса Галла Плацидия, а два мальчика Грациан и Иоанн умерли во младенчестве; при родах в мае 394 г. скончалась и сама молодая императрица) малолетнего *св. Гонория*, и провозгласил его императором Запада. Рядом с братом находился и Аркадий.

Покидая грешный мир, император дал сыновьям последние наставления: «Вы должны от своих подданных отличаться более мудростью и добродетелью, нежели величием и властью. Тот находится в великом ослеплении, кто, давая законы всему миру, не умеет давать их самому себе. Тот не достоин повелевать народом, кто не умеет повиноваться Богу. Вы должны упрочить свое царство не собственным благоразумием, не силой оружия, но своей верностью Богу; в этом собственно заключается источник побед, покоя и всякого счастья для правителей».

...Утром 17 января 395 г. святого царя не стало.

Глава 3. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ГОНИРИЙ (395—423)

§1. В окружении узурпаторов и варваров

Святому Гонорию едва исполнилось 11 лет, когда императорский пурпур украсил его плечи. Он принял управление над Италией, Африкой, Галлией, Испанией и Британией. Воспитателем и опекуном Гонория по воле св. Феодосия сделался *Стилихон* — его верный боевой товарищ, магистр армии, вандал по происхождению. Готовясь к войне с Арбогастом и Евгением, св. Феодосий Старший поручил ему заключить мирный договор с персами, и Стилихон блестяще справился с этим поручением. В то время чрезвычайное значение придавалось умению «сохранить лицо» при дипломатических отношениях, и римский военачальник сумел поддержать достоинство императорского двора. По возвращении в Константинополь Стилихон был награжден по-царски: св. Феодосий выдал за Стилихона свою племянницу Серену, красота которой была всем известна.

Уверенный, что муж Серены будет вдвойне верен ему, святой император возвысил его до звания главного начальника всей кавалерии и пехоты Запада. И не ошибся: Стилихон никогда не опускался до продажи званий и наград, неоднократно демонстрируя свои выдающиеся таланты полководца и отца солдат. В частности, в 396 г. Стилихон удачно нейтрализовал короля вестготов *Алариха* (382—410), попытавшегося после смерти св. Феодосия Великого *силой* получить путем грабежа то, что им должны были заплатить за военную кампанию против Евгения и Арбогаста.

Разумеется, при малолетстве законного императора западных провинций от его имени государством фактически управлял Стилихон. Но и на Востоке сложилась аналогичная картина, где всем распоряжался придворный евнух Руфин; конфликт между ними был неизбежен. Для укрепления своей позиции при дворе и в целом в государстве обе стороны прилагали всевозможные усилия и использовали самые различные средства. Влияние Стилихона дошло до того, что в 398 г. он выдал свою дочь Марию за императора св. Гонория, которому едва исполнилось 14 лет.

Первое время после смерти отца св. Гонорий проживал вместе со своим воспитателем Стилихоном в Милане, вдалеке от мест брожения варваров. Опасаясь германцев и сарматов, римляне неоднократно просили императора вернуться в Вечный город, которому грозило банальное запустение. Святой Гонорий не решился исполнить их просьбу, но на помощь Риму отправил армию под руководством Стилихона, который вновь добился ряда крупных успехов. В 400 г. тесть царя освободил Верхнюю Италию от готов, проникших сюда из Иллирии под предводительством того же Алариха.

В ходе военных действий Стилихон продемонстрировал все свои лучшие качества, но ситуация оставалась тревожной. Малолетний св. Гонорий не мог, конечно, быть опорой государства; более того, штат придворных из всех сил уговаривал императора оставить опасную Италию и перебраться в одну из галльских провинций. Не теряя ни минуты, полководец направил приказ всем боеспособным подразделениям выступить в Италию на защиту царя, и галльские границы, по сути, держались в безопасности только благодаря честному слову союзников-германцев. Даже британские гарнизоны, оставленные для отражения атак племени *северных каледонцев*, спешили по зову Стилихона ему на помощь. В очередной раз сильно выручили германцы, согласившиеся поставить своих молодых воинов в римские легионы, и аланы, кавалерия которых прилась очень кстати.

Но еще более волнительные события произошли в 402 г., когда готы осадили город Асты, где скрывался св. Гонорий, и диктовали ему условия капитуляции. Юный император находился в отчаянном положении, когда наконец пришла радостная весть о приближении римских отрядов во главе со Стилихоном. Теперь уже вестготы оказались в затрудненном положении: со всех сторон их окружили римские подразделения, непрерывно подходившие к месту грядущей битвы.

В день Пасхи, 6 апреля 402 г., римляне бросились на варваров, которые оказали им упорное сопротивление, но, в конце концов, были разбиты. Войска Стилихона захватили богатейшую добычу и даже жену

самого Алариха. Так завершилась эта битва, спасительная для Римской империи. Под давлением обстоятельств вождь вестготов согласился заключить мирный договор с римлянами, но, отступая, решил завершить свою не вполне удачную операцию захватом Вероны. К его несчастью, Стилихон имел лазутчиков в лагере готов и полностью находился в курсе его планов. Римляне вновь выстроились в боевые порядки и разгромили готов; сам Аларих едва не погиб в сражении, сохранив жизнь благодаря скорости своего коня.

Победа была полной и блестящей, но только в 403 г. император св. Гонорий, перебравшийся из Асты в любимую резиденцию, решил оставить Равенну и вернуться в Рим. Никогда со времени Диоклетиана Рим не видел ничего подобного — город, по словам очевидцев, был украшен, как невеста. Святой Гонорий проследовал через знаменитый Мальдивский мост на колеснице вместе со Стилихоном, сопровождаемый приветственными криками римлян. Сам Римский папа св. *Иннокентий I* (401—417) вышел навстречу царю, окруженный многочисленным священством. Правда, столичные жители недоуменно взирали на германских воинов, заполнивших место старых римских легионеров, а язычники-сенаторы скорбели по тем временам, когда не Римский епископ вместе со священниками, а они шли навстречу императору.

Святой Гонорий поселился во дворце цезарей, и пестрые толпы императорского придворного штата наполнили Палатин. Он часто посещал храмовые службы и раки святых, чем вызвал доброжелательное отношение к себе со стороны священников. Но император не чувствовал себя в Риме уютно. В городе еще оставалось много язычников, жаждавших от августа красочных зрелищ, включая гладиаторские бои, но св. Гонорий приказал прекратить их как противоречащие христианским началам. Ясно, что такие меры не могли расположить горожан к царю. Кроме язычников в столице проживали и ариане, которых едва ли можно было отнести к союзникам сына св. Феодосия Великого. Римская аристократия не могла не оценить полководческих талантов Стилихона, но очень опасалась возвышения германской партии, как это случилось на Востоке. В общем, вскоре, уже буквально через год, св. Гонорий посчитал за лучшее вернуться в укрепленную и расположенную вокруг болот Равенну, где в безопасности, среди знакомого и близкого окружения со стороны наблюдал за тем, как Стилихон в очередной раз громит варваров.

На этот раз ими оказались кельты, гунны и германцы, числом около 200 тыс. человек, под руководством вождя объединенного варварского воинства *Радагаста* в 404 и 405 гг. перешедшие Альпы и опустошившие Верхнюю Италию. Мощь нового врага Рима была невероятно велика, в его войска во множестве влились готы Алариха, так что Радагаста

даже называли *царем готов*. В противовес им Стилихон, в очередной раз принявший на себя трудную роль спасителя отечества, мог выставить не более 30—40 тыс. легионеров и вспомогательные войска варваров-союзников. Однако он вновь продемонстрировал, насколько превосходит всех других в стратегическом мышлении и как успешно владеет методами ведения войны.

К этому времени варвары уже осадили Флоренцию, державшуюся едва ли не только помощью св. Амвросия Медиоланского, которому было откровение о том, что город спасется. Подойдя к варварам, Стилихон здраво отказался от прямого фронтального столкновения с ними, но, используя старые римские способы войны, окружил врага окопами, так что вскоре его враги стали голодать. В битве (405 или 406 г.), сложившейся в пользу римлян, враги были разбиты, а сам Радагаст попал в плен и был тут же казнен. Очень серьезную помощь Стилихону оказали франки, мужественно сражавшиеся бок о бок с римлянами против войск Радагаста. Победа была полной и убедительной, а добыча — колоссальной. Достаточно сказать, что около 12 тыс. пленных варваров римский полководец поселил в Малой Азии, составив из них особую колонию оптиматов. Кроме того, огромная масса пленных была продана в качестве рабов на рынках.

Остатки армии варваров, числом около 100 тыс. человек, уже не могли наступать на Италию и направились в беззащитные галльские провинции. Берега Рейна сделались местом многочисленных убийств множества мирных жителей, а их земли оказались захваченными бургундами, свевами, вандалами и примкнувшими к ним аланами — вечными искателями денег и приключений, легко переходившими из лагеря в лагерь. Через короткое время эти варварские отряды опять напомнят о себе и вызовут ужас у Рима.

Так Стилихон вторично заслужил титул спасителя Рима, и благодарное отечество вновь отметило своего полководца, поставив ему великолепный памятник и соорудив в его честь триумфальную арку. Но это чествование Стилихона было только *внешним*, а в это же время придворные негодовали на то, что римляне чествуют этнического *германца*. Фактически участь героя была предрешена: гордый Рим искал только повода для того, чтобы устранить варвара из среды аристократии, который не только уравнился с ними в публичных правах, но и зачастую единолично управлял Западной империей. Их союзниками стали тайные и явные язычники, мечтавшие отомстить тому, кто велел сжечь святыне для них Сивиллины книги. Повод вскоре нашелся.

Разбитый, но не уничтоженный Аларих благодаря врагам Стилихона на Востоке еще в 398 г. получил должность наместника провинции

Восточная Иллирия и был признан союзником Восточной империи. Вопрос об Иллирии уже давно возбуждал умы обоих дворов, формировавших негативное отношение обоих императоров друг по отношению к другу. Единственно Северина — жена Стилихона — желала сделать все для примирения Аркадия и св. Гонория, сыновей ее приемного отца. Понимая, что ее миротворческая миссия вряд ли встретит понимание при дворе, она решила действовать в одиночку и втайне, подключив к реализации собственного плана только мужа. По ее просьбе Стилихон вступил в тайные переговоры с Аларихом, но имел в виду и собственные цели. Полководец прекрасно видел слабость обеих частей Римской империи и не желал гражданской войны, зарево которой иногда пробивалось вследствие неуступчивости обоих дворов. Однако ему очень не хотелось уступать Востоку Иллирию, и он решил сыграть на демонстрации силы, подключив для этого Алариха, впрочем, не раскрывая варвару полностью свой план.

Но, видимо, Стилихон был не вполне удачливым комбинатором и не контролировал полностью ход событий в завязанной им же самим интриге. Он распустил слух о том, будто вместе с Аларихом собирается двинуться к Константинополю и восстановить нарушенные права св. Гонория. На самом деле он считал, что таким образом сможет, во-первых, напугать двор Восточного императора и принудить его к принятию своих предложений; а во-вторых, отодвинуть опасного гота подальше от границ Италии. Наконец, в-третьих, приглашая Алариха вступить с ним в союз, он хотел в итоге переподчинить Риму Иллирию, правителем которой Аларих уже являлся по договору с Восточной империей: поскольку варвар перейдет под юрисдикцию св. Гонория, то, соответственно, и данная провинция вместе с ним подпадет под власть Западного императора.

Возможно, план был и не плох, но требовал филигранного исполнения, которого Стилихон — солдат, а не дипломат, не смог обеспечить. Сопоставив грядущие события и предлагаемые ему условия игры, Аларих без труда раскусил замысел Стилихона. Хитрый варвар задумал и провел качественно иной план: он двинул свою армию, но не к Константинополю, а к... границам Италии и в мягкой форме попросил (или потребовал?) от императора св. Гонория вознаграждения за свои мнимые труды в деле обеспечения безопасности Рима. Но этого мало: поняв из поведения Стилихона, что военные ресурсы Западной империи истощены и ей неоткуда ждать помощи, он потребовал одну из галльских провинций для образования самостоятельного Готского государства на территории Империи. Конечно, двор св. Гонория был потрясен условиями гота и попытался смягчить его требования. Переговоры было поручено провести

Стилихону. Когда тот вернулся в западную столицу из ставки Алариха и озвучил условия гота — 4 тыс. фунтов золота за отказ от территориальных претензий, сенаторы тут же обвинили его перед императором в измене, заявив, что это — договор не о мире, а о рабстве.

Прецедент запомнился св. Гонорию, которому и без этого эпизода усиленно внушали, будто бы Стилихон желает свергнуть императора с трона. Конечно, обвинения были ложными, но император не смог найти слов оправдания для бывшего опекуна: измена была повсюду, и кто мог гарантировать, что Стилихон не вынашивал столь дерзкие планы? К тому же полководец действительно невольно подыграл своим обвинителям. Когда в 408 г. император Аркадий скончался и св. Гонорий изъявил желание прибыть в Константинополь, дабы принять опекунство над малолетними детьми покойного, Стилихон решил, опять же к несчастью для себя, восстановить подмоченную репутацию. Он организовал заговор среди телохранителей царя и сам же успешно его ликвидировал. С его стороны это был верный, как казалось, способ вернуть утрачиваемое влияние на царя, важно было лишь сохранить втайне данное начинание. Однако тайна стала известна ближайшему окружению царя, и они вновь принялись убеждать императора, что будто бы таким способом Стилихон желает приобрести корону для своего сына, как отпрыска царского рода, имеющего все шансы принять бразды верховного правления в свои руки после смерти св. Гонория. Время настало такое, что достаточно было лишь бросить более или менее правдоподобную тень сомнения на чье-то имя, чтобы участь сановника была предрешена. Не стал исключением и бывший опекун св. Гонория, сам создавший основу для признания себя в глазах царя не вполне благонадежным человеком. В результате в 408 г. Стилихон сложил свою голову на плахе.

Пока дворцовые интриги устранили одного за другим лучших полководцев Рима, некоторые провинции, окончательно разуверившиеся в способности императорского двора хоть как-то обеспечить их безопасность, пришли в волнение. Наиболее значительные из них вспыхнули в 407 г. в Британии, брошенной вследствие войны с готами на произвол судьбы. Немногие оставшиеся на острове войска признали одного из своих командиров — некоего *Марка* — императором и присягнули ему на верность. Однако вскоре они разочаровались в нем и убили, но и провозглашенный после него императором военачальник разделил участь своего предшественника. Воспоминания о славном равноапостольном царе подтолкнули солдатскую массу найти хотя бы слабый его аналог, и они без долгого размышления выбрали императором Британии и Запада *простого воина* по имени *Константин*.

Удивительно, но его власть оказалась довольно прочной. У узурпатора Константина хватило соображения понять, что на одном острове он не удержится, а потому начал действовать решительно. В 409 г. мятежник высадился с небольшим отрядом в Булони и обратился к населению галльских провинций с воззванием, обещая им безопасность. Отчаявшиеся люди радостно приветствовали своего избавителя и быстро пополнили его армию. Несколько удачных стычек с варварами придали ему дополнительный авторитет, и вот уже узурпатор переправился в Испанию, покорно принявшую его власть.

Единственное сопротивление попытались оказать четыре брата, состоявшие в отдаленном родстве со св. Феодосием Великим: Верениан, Дидим, Феодосий и Лагодий. Замечательно то, что эти «принцы крови», выражаясь языком более поздних столетий, жили как частные лица, ничем не выделяясь из общей массы сограждан. Они собрали за счет своих средств небольшой отряд из рабов и простых крестьян и оказали деятельное сопротивление. Смущенный этим неожиданным препятствием своим замыслам, узурпатор привлек *мавров* и *маркоманов*, вождям которых пообещал значительные должности в Испании, и те разбили слабое воинство четырех братьев. Двое из них были казнены, а остальным удалось спастись бегством в Италию.

Набравшись смелости, Константин направил посольство к св. Гонорию, предлагая тому признать себя *соимператором* (!); поскольку же у царя не было никаких сил для борьбы с узурпатором, он скрипя зубами принял его предложение.

Между тем варварские воинства, кишевшие на просторах Запада, вновь напомнили о себе. Хотя франки, на которых по договору была возложена обязанность по защите границы, храбро сражались, другие варвары прорвали укрепления. В течение трех лет они разоряли Галлию; даже отдаленная Аквитания подверглась разгрому. Среди этого развала остальные орды варваров беспрепятственно перешли Рейн: алеманны, бургунды и присоединившиеся к ним отдельные группы франков укрепились на левом берегу этой реки. От окончательного разорения западные земли спасло только то, что в 409 г. вандалы, аланы и свевы перешли Пиренеи и тоже вторглись в Испанию. Портрет Западной империи изменился до неузнаваемости: германцы (готы, франки, алеманны, бургунды) были повсюду — удивительно, но только Италия еще держалась силой *других* германцев, пока еще сохранявших верность союзническому договору со св. Гонорием.

Западные провинции разорялись, от границ остались одни названия, но двор императора св. Гонория был занят другим: природные аристократы выискивали соратников казенного Стилихона и убивали

их. Кроме того, множество опытных командиров из язычников или этнических варваров, уже многократно доказавших свою преданность Риму, вышвыривались со службы. Даже рядовые солдаты, старые товарищи Стилихона, в том числе многие верные трону готы, были казнены по суду или убиты в городах и селениях Италии разнузданной солдатской массой из числа имперских войск.

Понятно, что эти гонения не прошли бесследно — более 30 тыс. вооруженных воинов из легионов Стилихона перешли на сторону Алариха. Мудрый вождь вестготов не заставил ждать ответных действий — он немедленно назвал себя *мстителем* за Стилихона и, призвав своего родственника Атаульфа из Верхней Паннонии, пошел походом на Италию; он точно знал, что путь на Рим *открыт*.

В 408 г. Аларих уже стоял перед стенами Вечного города, откуда предъявил императору св. Гонорию новый ультиматум: 7 млн золотом и серебром, 4 тыс. шелковых и 3 тыс. пурпуровых кожаных одежд, 3 тыс. фунтов перца в обмен на мир и личную безопасность. Как кажется, в эту критическую минуту разум совершенно оставил римлян: сестра св. Гонория Галла Плацидия вместе с сенатом предала казни жену Стилихона Северину, опасаясь измены с ее стороны в пользу Алариха; были уничтожены и последние сторонники славного полководца, проживавшие в столице. Единственным светлым пятном была вдовствующая императрица Лета, жена императора Грациана, за свой счет кормившая большое количество людей в осажденном городе.

Когда выяснилось, что все способы защиты не принесли желанного успеха и голод все сильнее сжимает римлян в своих тисках, осажденные решили обратиться к старым богам, но потом это предложение было отозвано из-за боязни вызвать народные волнения. В городе открылись случаи людоедства, и тогда римляне сдались. Они не имели достаточного количества средств, требуемых вестготом, и потому были вынуждены переплавить в золотые слитки древние памятники, в том числе злосчастную статую богини Победы.

В это время Западный император оставался в Равенне, не имея никаких возможностей как-либо помешать готам в осаде собственной столицы. Единственным добрым делом его многочисленных советников было то, что они убедили императора утвердить договор с Аларихом о снятии осады за отступное, предоставленное Римом, но мирный договор царь категорически отказался подписывать. Получив добычу, Аларих снял осаду и отправился с войском к Тусции (нынешней Тоскане), где его армию усилили сбегавшиеся отовсюду рабы.

Пока готы собирались с новыми силами, правительство в Равенне словно специально делало все для гибели собственного государства. При-

дворный сановник Олимпий, главный гонитель товарищей Стилихона, продолжал сыск тех, кто, по его мнению, был недостаточно суров в преследовании товарищей Стилихона. Наконец судьба вернула гордому аристократу все, что он так обильно сеял в последние годы: недовольные Олимпиаем придворные организовали заговор против него, и тот погиб от удара меча. Новый фаворит Иовин попытался занять мирную позицию и убедил императора направить посольство к Алариху. Но мудрый гот уже не удовлетворялся прежними требованиями — он пожелал от Рима в обмен на мир провинции Далмацию, Венецию и Норик для образования *собственного государства*. Это было невозможное, невыполнимое требование для св. Гонория, и, получив отказ, в 409 г. Аларих вновь осадил Рим.

Надо отдать ему должное — варвар был чрезвычайно последователен в своих поступках. Ему была нужна не сама столица, а одобрение своих действий по созданию Готского государства. Если это не получалось при св. Гонории, то, следовательно, нужно было сменить императора. И вот в ходе осады он провозгласил императором Западной империи Атталу, префекта Рима. Но римлянин только с виду был послушной игрушкой в руках варвара; вместо того чтобы выполнить волю Алариха и захватить Северную Африку для организации снабжения столицы продовольствием, он направился к Равенне, дабы разгромить св. Гонория и править *самостоятельно*. Однако законный император дал ожесточенный отпор узурпатору, и Аларих понял, что его идея не имеет перспектив. Тогда готский вождь решил удовольствоваться грабежом.

24 августа 410 г. варвары без труда овладели Римом, полностью ограбив столицу Западной империи. Как ни странно, но германцы вели себя вполне цивилизованно, не тронув христианских храмов. Безусловно, добыча была сказочная: достаточно сказать, что в качестве трофея Аларих вез с собой сестру императора св. Гонория Галлу Плацидию. Окрыленный победой, вестгот решил попутно захватить Сицилию, а затем обрушиться на Северную Африку. По счастью для римлян, в том же 410 г. он скоропостижно скончался, дав римлянам некоторую передышку.

Правда, они использовали ее для продолжения необъявленной гражданской войны друг с другом и организации новых заговоров против императора. Иовин, неоднократно ездивший в составе посольства к Атталу, изменил св. Гонорию и принял от узурпатора пост магистра оффиций. Вновь при дворе произошла перемена лиц: самыми influentialными стали препозит Евсевий и магистр армии Аллобих, каждый из которых полагал, что другой конкурент на властном поприще совсем не обязателен. Дело дошло до того, что в 410 г. Евсевий был убит Аллобихом на глазах императора, но и тот недолго хранил верность

своему благодетелю, вступив в тайный альянс с узурпатором Константином. Желая мирным путем передать власть Константину, он старался склонить св. Гонория к подписанию нового соглашения с ним. Как следствие, в том же 410 г. был казнен и Аллобих.

Но и узурпатор Аттал не нашел утешения в захвате Рима и в царском пурпуре, которым так скороспешно накрыли его плечи готы. Еще при жизни Аларих понял бесполезность для него этой фигуры, а Иовин, для которого возвращение ко двору св. Гонория означало неперемennую смерть, затеял интригу с Аларихом против Аттала, увенчавшуюся успехом. Уведомив св. Гонория о своих планах и получив его *формальное* согласие, гот снял с Аттала знаки императорского достоинства и оставил его в своем лагере вместе с сыном Алипием в качестве забавной игрушки. Можно смело предположить, что сам Иовин вполне допускал мысль о занятии через некоторое время императорского престола при помощи Алариха, потому и устранял потенциальных конкурентов.

Разлад управления и слабость власти были настолько очевидны, что уже в 410 г. (по другим сведениям, в 413 г.) комит Африки Гераклиан, ранее верно служивший св. Гонорию во все годы войны, вовлекся в мятеж и также провозгласил себя императором. Он переправился с войском в Италию и направился в Рим, но по дороге был разбит имперской армией под командованием Констанция, некогда служившего у Алариха, но перешедшего на службу к св. Гонорию. Говорят, гот был пленен красотой Плацидии и давно хотел получить ее себе в жены; Впрочем, участь принцессы будет иной.

В это же время св. Гонорий пытался как-то решить вопрос с другим узурпатором — Константином, полностью оккупировавшим Галлию, Британию и Испанию и грабившим вместе с варварами последние остатки римских поселений. Ранее император заключил с ним договор, по которому признал власть Константина на эти территории в обмен на помощь против готов, но тут счастье отвернулось от британского тирана. По неведомой уже нам причине один из лучших военачальников Константина — Геронтий, правивший в Испании на время отсутствия узурпатора и его сына Констанса (поспешно возведенного отцом в сан императора), поднял мятеж и возложил императорскую корону на голову своего друга Максима. Констанс был схвачен и казнен солдатами, а Константин осажден в своей резиденции в Арле. Смещение интересов и отсутствие какой-либо политики у императорского двора хорошо демонстрирует тот факт, что армия св. Гонория под руководством неутомимого Констанция двинулась к Арле, но для помощи... осажденному Константину (!). Геронтий был покинут войсками и бежал в Испанию, где и погиб, а Максим сложил свою голову на эшафоте.

Впрочем, вслед за этим Констанций обратил свое оружие уже против узурпатора, который попытался дать сражение при помощи срочно набранных среди варваров солдат, но потерпел поражение. Под гарантии римского полководца в 411 г. он сдался и был отправлен в Равенну к императору св. Гонорию, однако по дороге его и сына убили слуги царя.

Едва было покончено с этими претендентами на трон, как возникла новая фигура. В 412 г. в Верхней Германии, в Менце, уже знакомый нам Иовин по настоянию царя аланов *Гоара* (410—451) и короля бургундов *Гундахара* (412—436) объявил о своем императорском достоинстве.

Армия Констанция была слишком малочисленна, чтобы сражаться с сонмищем варваров Иовина, она отступила, и узурпатор без труда овладел всей Галлией. В этот момент новый король вестготов *Атаульф* (410—415), преемник Алариха, направил к Иовину уже известного нам узурпатора Атталу, жившего в лагере варваров на правах то ли непризнанного императора римлян, то ли шута. Неожиданно новый узурпатор резко и решительно отклонил любые переговоры с готами, союз с которыми сулил ему столь много шансов на успех, и назвал соимператором своего брата Себастиана. Конечно, настроения Атаульфа также резко изменились, он вновь обещал Риму привезти головы узурпаторов, что ему и удалось сделать. Удивительно, но, схваченный и привезенный пленным в Рим, Аттал не был казнен; его водили в качестве посмешища по улицам, а затем, отрубив два пальца на руке, сослали в ссылку на остров Липари, снабдив всем необходимым для жизни.

Как следствие, в 412 г. Атаульф заключил мирный договор с Римом, подтвердивший права варваров на завоеванные территории, и с согласия императора св. Гонория получил в 414 г. Галлу Плацидию себе в жены — беспрецедентное событие в истории Римской империи.

Через некоторое время Атаульф пообещал императору св. Гонорию выбить варваров из Испании и в ходе боевых действий даже овладел Барселоной. Здесь Галла Плацидия родила ему сына Феодосия, к сожалению, прожившего очень недолго. Однако вследствие заговора, организованного верхушкой готов, вскоре был умерщвлен и сам Атаульф, а на Готский престол был возведен некто *Сингерих*. Царица Плацидия была вынуждена идти вместе с толпой пленных впереди лошади варвара, захватившего ее в плен. Но через семь дней Сингерих был убит своими же готами, а преемник династии Атаульфа *Валлия* (415—419) подтвердил мир с Римом в обмен на дань и продовольствие.

Поскольку римляне вновь к тому времени овладели Галлией, вестготам была предоставлена территория близ современной Тулузы, где они и основали в 418 г. свое государство — *Толозанское*. Второе государство они создали в Испании — *Толедское*. Удивительно, но, образовав

свои политические союзы, готы вовсе не собирались выделять данные территории из состава Римской империи; эти государства считались *федеративными*, то есть в конечном итоге имперскими.

Наконец-то Западная империя смогла вздохнуть относительно свободно. Император св. Гонорий и его заметно поредевший числом, но возмужавший умом двор сделали на пять лет облегчение от налогов для провинций, наиболее пострадавших в войне; свободные земли передавались всем желающим, включая чужеземцев, под условие гарантий неприкосновенности их прав собственности. Была объявлена всеобщая амнистия и приумножены усилия по восстановлению Рима. Менее чем через 7 лет столица приняла свой неизменный величественный облик.

Но и относительно мирное время таило в себе множество чрезвычайных событий, к которым, безусловно, следует отнести потерю Британии. Когда св. Гонорий, а затем узурпатор Константин отозвали последние войска с острова, жители в отчаянии решили самостоятельно защищать себя от *саксов* и других варваров, периодически нападавших на них. Опыт-но познав, что их сил вполне достаточно для этого, они, не мешкая, выгнали римских чиновников и признали себя свободными от власти Рима. Святому Гонорию ничего не оставалось делать, как благоразумно при-знать их «право на самоопределение» и заключить с британцами мирный договор. Это был звучный сигнал развала Западной империи, но далеко не первый. В 413 г. бургунды, самовольно захватившие Юго-Восточную Галлию, заключили аналогичный договор со св. Гонорием.

Войны были закончены, измены истреблены, однако положение императора св. Гонория не казалось ему — и обоснованно — очень уж прочным. Он не имел детей и, похоронив в 407 г. жену Марию, женился на второй дочери Стилихона *Фермации*. Но и этот брак, закончившийся в 415 г. вследствие смерти супруги, не дал наследника. Думая о престиже власти, он в 417 г. провозгласил себя в очередной раз (одиннадцатый по счету) консулом, а полководца Констанция, не раз громившего врагов, консулом во второй раз, пожаловал варвару титул патриция и женил на своей сестре Галле Плацидии, совсем недавно возвращенной готами в Равенну. Рассказывают, Плацидия категорично не желала идти замуж за Констанция — видимо, в память о любви к Атаульф, но брат настоя-ял, и она дала готу столь желанное им согласие. В 418 г. у Констанция и Плацидии родилась девочка, получившая имя *Гонория*, а в следующем, 419 г. мальчик *Валентиниан*.

В это же время (418 г.) св. Гонорий, активно борющийся за чистоту Православия с еретиками и язычниками, был вынужден решать во-прос о том, какой из двух выбранных пап — *Евфалий* или *Бонифаций I* (418—422) — вправе занять вдовствующую кафедру Римского понтифи-

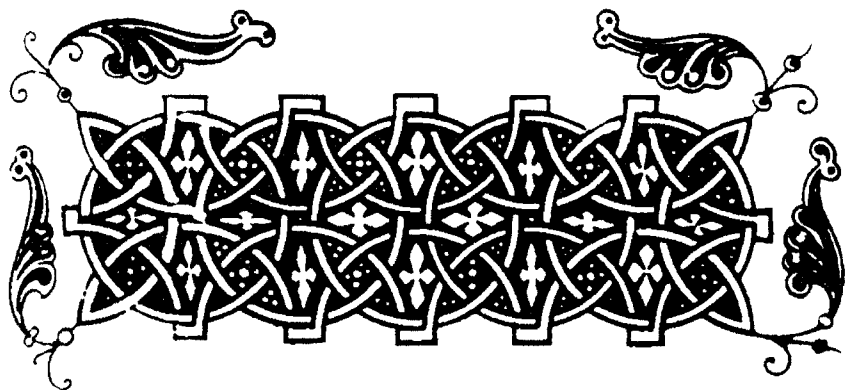
ка; выбор императора пал на Бонифация. Отношения между Западом и Востоком к этому времени настолько улучшились, что всякая добрая весть о победах св. Гонория вызывала сочувственный отклик при дворе Восточного императора. 25 сентября 415 г. в Константинополе были организованы иллюминации и конские ристания по случаю смерти Атаульфа, не менее пышно отметили и победу над узурпатором Атталом.

Видимо, сестра играла значительную роль при дворе своего брата, поскольку в 421 г. св. Гонорий решил объявить августом и своим соправителем Констанция, а Плацидию — августой. Можно предположить, что св. Гонорий, не имевший наследника, желал передать царский престол своему племяннику Валентиниану. В этой связи он и уравнил Плацидию в статусе с собой. Правда, Константинополь отказался признать сразу Констанция августом, но это не сыграло никакой роли, поскольку через семь месяцев Констанций умер, а отношения между сестрой и братом из дружественных превратились в откровенно враждебные.

Доведенная до крайнего положения, Галла Плацидия в июле 423 г. отплыла в Константинополь. А 15 августа 423 г. в Равенне скончался сам св. Гонорий. Так закончилось царствование этого императора, внешне слабосильного, но хранимого Богом царя Западной империи, пережившего семерых (!) узурпаторов и сохранившего в едва ли не самые тяжелые годы существования Западную империю римлян.

Как показывают события, связанные с судом над св. *Иоанном Златоустом* (398—404) и его последующей ссылкой, св. Гонорий вовсе не был игрушкой в чужих руках и за истину был готов на осложнение отношений даже с собственным братом. Когда в 404 г. бывший патриарх Константинополя отправился в ссылку, св. Гонорий немедленно направил письмо Аркадию, в котором присоединился к просьбе Римского папы Иннокентия I о помиловании Златоуста. Получив резкий отказ, св. Гонорий, не скрывая раздражения, писал императору Аркадию: «Что теперь остается иного, как не то, чтобы Кафолическую веру раздирали схизмы, чтобы на почве такого разномыслия возникали ереси, всегда враждебные единению, чтобы народу уже не вменялось в вину его разделение на несогласные секты, если сама государственная власть дает материал для несогласий и если ею раздувается горящий трут раздоров». Пожалуй, если бы не последующие готские события на Западе, отношения между двумя частями Римской империи могли перерасти в откровенно враждебные.

Благочестие императора св. Гонория не осталось незамеченным Церковью, и в западных месяцесловах он фигурирует как *местночтимый святой*.

Глава 4.

СВЯТОЙ ФЕОДОСИЙ II МЛАДШИЙ (408—450) И СВЯТАЯ ЕВДОКИЯ (421—460)

§1. Святая семья

Уже первые страницы жизни императора св. Феодосия II Младшего не лишены интереса. Как свидетельствует история, еще в 400 г. св. Порфирий, епископ Газы Палестинской, испытывающий крайний недостаток в средствах для строительства христианских храмов и миссионерства (а его епархия отличалась наличием множества языческих общин), отправился в Константинополь за поддержкой. По дороге один святой отшельник посоветовал ему искать аудиенции у императрицы *Евдоксии*, супруги императора *Аркадия* (394—408), сына св. Феодосия Великого, чего и удалось добиться.

При встрече с царицей св. Порфирий предсказал ей скорое рождение сына, сказав: «Потрудишься о нашем деле, владычица, ради Христа, а Он за труд твой даст тебе сына, который и воцарится пред твоими очами». И хотя Аркадий, не желавший раздражать газских язычников, не решился выделить просимые средства, императрица в конце концов добилась своего, хотя и не совсем обычным способом. Она рекомендовала епископу задержаться в столице, и когда 10 апреля 401 г. у царей родился долгожданный наследник — будущий император св. Феодосий, Евдоксия посоветовала св. Порфирию изложить свое ходатайство пись-

менно на имя новорожденного *августа*. Прощение поступило к императору, и царица убедила того удовлетворить первую просьбу на имя их сына, поскольку царям подобает начинать свою жизнь *актом милости*. В данной ситуации Аркадий не стал противиться, и св. Порфирий получил искомые средства для христианизации своей епархии.

Святой Феодосий Младший и его сестры рано познали сиротство: вначале скончалась их мать царица Евдоксия, а в 408 г. отдал Богу душу и император Аркадий, которому шел только 31-й год. На краю могилы он очень беспокоился о последующей судьбе своих детей и особенно наследника — маленького св. Феодосия. Понимая, что сразу же после смерти тот станет заложником и игрушкой в руках придворных партий, Аркадий решился на беспрецедентный шаг: в письме к Персидскому царю *Йездигерду* (399—421) он просил того *принять опекунство над сыном* (!) и обеспечить восшествие его на престол по достижении совершеннолетия. В качестве награды он обещал обеспечить мир с Персией и сохранить границы между государствами, как они сложились к тому времени.

Следует сказать, что царственный перс очень благосклонно относился к христианам и сам едва не принял таинство Крещения. В последнюю минуту его остановил массовый протест со стороны ближнего окружения, которое убедило царя в неизбежных волнениях среди населения в этом случае. Он немедленно согласился удовлетворить просьбу Аркадия и даже направил в сенат письмо, в котором обещал немедленно начать военные действия против Римской империи, если вдруг обнаружатся посягательства на трон св. Феодосия.

Мальчик рано обнаружил прилежание, терпение, а также склонность к естествознанию, астрономии и живописи. Мягкий и ласковый в обращении, св. Феодосий Младший всем сердцем усвоил идеал благочестия, заботливо прививаемый ему старшей сестрой — царевной *св. Пульхерией*. Он тщательно изучил Священное Писание и собрал при дворе богатую богословскую библиотеку.

Как правило, каждое утро св. Феодосий II начинал совместно с сестрами с пения антифонов; усердно постился, особенно строго по средам и пятницам, и старался жить по-христиански. Незлобием и человеколюбием он превосходил всех окружающих его людей, никогда не мстил тем, кто оскорблял его, и своей молитвой укрощал бури людских страстей. Встречаясь с епископами, рассуждал настолько глубоко, что те говорили о нем, будто и он архиерей.

Не менее глубокое впечатление производила и его сестра св. Пульхерия. Старшая из детей своих родителей, она обладала умом, характером, тактом и упорством в достижении цели. Искренняя христианка

(результат благочестия ее благочестивых родителей), она еще в юности приняла вместе со своими младшими сестрами *Аркадией* и *Мариной*, позднее ушедшими в монастырь, обет девства. Золотую дощечку, на которой были записаны священные для девушек слова обета, они пожертвовали кафедральному собору Константинополя. У нее возникли добрые отношения со столичным патриархом, имевшим на нее благотворное влияние, и вскоре сам двор, до сих пор видевший далеко не идиллические сцены из жизни прежних фаворитов, стал походить на монашескую обитель.

День во дворце начинался с пения псалмов и чтения Евангелия, среди придворных неукоснительно соблюдались все посты и выработанные церковным уставом правила. Это не мешало царствующей девушке в совершенстве изучить латынь и греческий язык, получить замечательное образование и вплотную, активно заняться государственными делами. Она все делала обдуманно, после зрелого размышления, без излишней спешки и решительно приводила в движение весь государственный механизм для достижения поставленных целей, неизменно приписывая успехи управления не себе, а младшему брату. Как добрая сестра, она окружила юного св. Феодосия лаской, вниманием и заботой, практически заменив ему и рано скончавшуюся мать, и отца.

Царевич и царевна выросли, и в 414 г. произошла перемена носителей власти: св. Пульхерия, достигшая 16-летнего возраста, 4 июля приняла титул *августы* и отставку опекуна. А 30 октября 414 г. в помещение сената были водворены бюсты св. Гонория, св. Феодосия и св. Пульхерии, что наглядно демонстрировало единство Римской империи. Поскольку официально царем являлся один св. Феодосий Младший (статус *августы* хотя и предполагал соправительство св. Пульхерии, но также неявно означал ее *вторичную роль* в иерархии высших государственных должностей; все же императором мог быть только *один* из августов, каково бы ни было их число), царевна обзавелась собственным двором и штатом прислуги.

Конечно же, женщина, пусть даже такая умная и энергичная, как св. Пульхерия, мало что понимала в военных делах. Но зато, обладая недюжинными познаниями в Священном Писании и редкостным даже для той эпохи благочестием, сосредоточилась на церковных делах. Здесь она решительно продолжила курс св. Феодосия Старшего и своего отца императора Аркадия; активно преследовала еретиков и обеспечивала преференции правоверным христианам. В 415 г. вышло два указа против монтанистов и евномиян с запрещением их собраний под угрозой уголовного преследования. В 416 г. ею был издан указ о язычниках, которым теперь запрещалось поступать на государственную службу

и замещать должности правителей провинций. В 418 г. государственная служба закрылась и для иудеев, представители которых подлежали увольнению из армии. Взамен евреям предоставлялось право занимать должности адвокатов, а также участвовать в деятельности городских сенатов, если, конечно, они принадлежали к классу сенаторов.

Святой Феодосий Младший легко подчинялся старшей сестре и вообще любил находиться рядом с сильными характерами, которым по юности легко уступал право принятия решений по государственным вопросам. Из всех остальных собеседников он предпочитал общество духовных лиц, с которыми часто встречался.

Однако мир и покой были нарушены в 420 г. смертью опекуна св. Феодосия II Персидского царя Йездигерда I. Его сын *Бахрам* (420—439), рожденный от дочери еврейского аристократа, по прозвищу Гор, то есть «дикий осел», отличался крайней нетерпимостью к христианам и злобным нравом. Мир был нарушен, и повод для обострения отношений дал один епископ, в порыве неудержимого стремления христианизировать персов поджегший один из самых почитаемых языческих храмов. Бахрам тут же начал гонения на христиан и закрыл церкви, создав верный повод для войны. 5 мая 420 г. св. Феодосий Младший приказал населению приграничных территорий привести в порядок укрепления, и персидские христиане начали массами убегать на территорию Римской империи, спасаясь от гибели; война началась.

Император решил действовать активно, перенеся тяжесть военных действий на территорию противника. В 420 г. римский полководец Ардабурий вторгся через Армению в персидскую область Арзанену и произвел там страшные опустошения — обычное следствие войны. Персидский полководец Нарсей с войском попытался преградить ему дорогу, но потерпел поражение и удалился в Месопотамию, преследуемый римлянами. Скрывшись за стенами сильной крепости Нисибин, он достаточно успешно отражал атаки имперских войск, которые уже изготовили осадные орудия и приготвилились к решительному штурму. Узнав о положении своей армии, Бахрам срочно завербовал арабов и с многочисленным войском, в составе которого были даже боевые слоны, двинулся на помощь Нарсею. Римляне избежали столкновения и, возвратившись на свою территорию, близ берегов Евфрата дали персам сражение.

Это была одна из немногих битв в мировой истории, в которой пало едва ли не *все неприятельское войско* (!). Отступая под атаками римлян, персы во множестве бросались вплавь через реку и тонули, а оставшиеся части были окружены и почти полностью перебиты. В этом сражении погибли до последнего человека и все «бессмертные» — личная гвардия

Персидского царя, около 10 тыс. воинов. Поскольку в это же время персы были вынуждены вести войну с гуннами и ефталитами, Бахрам срочно запросил у св. Феодосия II мир, который и был заключен в 422 г. Помимо других условий, мирный договор содержал обязательное требование к персам не чинить препятствий христианам.

Вступая в зрелый возраст, св. Феодосий Младший выразил желание жениться, о чем и сообщил сестре, уточнив только, что его супруга обязательно должна быть красавицей. Святая Пульхерия и друг детства императора Павлин усердно принялись за поиски, но случай сам привел избранницу к своему мужу. Это была 28-летняя гречанка *Афинаида* из Афин, дочь философа Леонтия, приехавшая в Константинополь жаловаться на своих братьев, отказавших ей в дележе наследственного имущества, оставшегося от отца. Как говорят, умирающий философ, давший своей дочери блестящее образование, распорядился выделить ей ничтожную сумму, видимо, отдавая себе отчет в ее неординарных дарованиях. Напрасно она просила братьев выделить ей чуть большую долю — они неукоснительно точно исполнили отцовскую волю; тогда Афинаида решила ехать в столицу и припасть к ногам царя в надежде на высшую справедливость.

Судьба привела ее к св. Пульхерии, которая сразу же оценила красоту и образованность девушки, навела о ней подробные справки и оставила жить во дворце. Брату она осторожно показала ее через занавеску, и тот в восторге немедленно решил жениться. Поскольку Афинаида была язычницей, ее первоначально крестили, дав после совершения таинства имя *Евдокия*, и 7 июня 421 г. было совершено праздничное бракосочетание. Святой император даже не предполагал, что после их смерти Церковь прославит не только его и сестру, но и урожденную язычницей св. Евдокию.

Через год у юной четы родилась дочь, названная в честь бабушки *Евдоксией*, а в 423 г., в качестве благодарности и в знак доверия, св. Пульхерия предложила брату объявить св. Евдокию *августой*, что и состоялось, к вящему удовольствию всей царской семьи.

Относительно мирные годы были озарены всполохами междоусобиц и политических заговоров, полыхавших на Западе, но доходивших и до Востока. Разругавшись со св. Гонорием, августа Галла Плацидия вместе с юным сыном Валентинианом прибыла (или, возможно, была отослана императором Запады) в Константинополь. А вскоре, пользуясь смертью царя Западной империи, права на власть заявил некий сановник Иоанн, собравший вокруг себя значительные силы и даже привлечший к себе будущего героя и спасителя Рима военачальника Аэция. Рассказывают, что он был благочестив, разумен, бесстрашен

в бою и пользовался уважением солдат. За годы своего правления он никого не умертвил по произволу, не положил руки ни на чье имущество и не слушал донощиков — действительно, достойные и не часто встречающиеся в высоких кругах качества.

Но восточный двор твердо стоял на том, что единственным законным наследником св. Гонория может быть только Валентиниан, которого св. Феодосий, сам едва достигший 22-летнего возраста, объявил императором Западной империи под именем *Валентиниана III* (423—455). Оскорбленный поведением узурпатора, св. Феодосий Младший повелел заключить в тюрьму послов Иоанна, прибывших к нему оговаривать условия воцарения своего господина.

Конечно, тяжесть ведения войны была взвалена на плечи восточного двора — ввиду малолетства императора Запада и бедственного положения его и матери иное было просто невозможно предположить. Армию Восточной империи возглавили *Ардабударий* и его сын *Аспар*, уже прославившиеся на полях сражения с персами. Было решено, что Ардабударий отправится с пехотой по морю, а Аспар будет сопровождать царицу Плацидию и Валентиниана III с кавалерией по дороге вдоль берегов Адриатики. Кавалеристы двигались с поразительной быстротой и легко завладели городом Аквилеей, но с флотом все вышло гораздо сложнее — налетевшая буря раскидала суда, и пехота оказалась на грани разгрома. Но Ардабударий не утратил оптимизма и, быстро восстановив потрепанное войско, известил сына о необходимости срочно идти в Равенну, где и пребывал узурпатор. Иоанн был схвачен и доставлен к Валентиниану III Младшему.

Откровенно говоря, юный принц не проявил большой снисходительности. Узурпатору отрубили одну руку, провезли посаженным на осла перед множеством народа, затем долго пытали и предавали мучениям и, наконец, казнили. Это случилось в 425 г. в Аквилее. Узнав о победе, император св. Феодосий II, находившийся в ту минуту на ипподроме, прервал скачки и под пение псалмов повел своих подданных по улицам города с Крестным ходом.

Конечно, св. Феодосий II имел все права на то, чтобы вновь соединить две половины одной Римской империи в своих руках. Но, во-первых, тем самым нарушались права на трон его родственницы Галлы Плацидии и ее сына, а святой император был чрезвычайно щепетилен в таких вопросах и благочестив. Во-вторых, хотя на Востоке было гораздо более спокойно, чем на Западе, но это все же был *относительный* мир; а воевать сразу на два фронта мог решиться только такой великий полководец, как его дед — св. Феодосий Старший. Правда, то ли по подсказке близких придворных, то ли, напротив, внимая просьбе

Плацидии, желавшей ввиду слабости власти сына укрепить его положение, но св. Феодосий обручил свою еще совсем юную дочь Евдоксию с Валентинианом III. Единственное, что позволил себе св. Феодосий Младший в качестве вознаграждения за свои труды, так это присоединить Иллирию к восточным владениям.

Так мало-помалу юный император входил в управление государством. Надо сказать, что первое время св. Феодосий Младший был несколько небрежен в государственных делах, но вскоре начал проявлять большее усердие. Кроме того, он закалился физически, легко переносил холод и зной, овладел верховой ездой и искусством стрельбы из лука. Общаясь с подданными, император никогда не сердился, стараясь быть со всеми ласковым и обходительным. Царь совершенно воздерживался от пыток и казней, ответив как-то по этому поводу вопросом на вопрос «Почему он не казнит преступников?»: «А можно ли воротить к жизни умерших людей?» Когда по закону преступнику полагалась смертная казнь, он неизменно щадил жизнь виновного. Даже в тех случаях, когда осужденного уже подвели к лобному месту, его всегда встречал вестник царя с сообщением о помиловании преступника. Услышав однажды: «Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой» (Притч. 20: 28), св. Феодосий II положил это правило для себя и исполнял практически без исключений.

Его вера в Бога и следование Божественной воле выделялись даже в ту историческую эпоху, когда человек жил религией. Как рассказывают, однажды он находился в амфитеатре на ристаниях, когда разразилась страшная гроза. Народ взволновался, но тут святой император встал и *запел псалом*! И все присутствующие поддержали его — весь народ, собравшийся на увеселение, стоя пел вместе с императором псалмы и молился. Удивительное зрелище: вечер, гроза, дождь, заполненный многими тысячами стоящих людей, поющих во главе с царем на фоне молний псалмы, амфитеатр — это не может не потрясти воображение!

И нет ничего удивительно в том, что в царствование Феодосия — святого и благочестивого царя, Господь явил миру удивительное чудо, известное в истории Церкви как «*Память семи Эфесских отроков*». Известно, что при императоре *Декии* (249—251), известном гонителе христиан, семь знатных отроков — святые Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан и Антонин — отказались принести жертву языческим богам и укрылись в пещере. Когда за ними пришли гонители, чтобы доставить к царю и казнить, юноши внезапно уснули необычным сном — для всех они казались умершими. Два царских чиновника, тайные христиане, обнаружили их в пещере,

написали на табличках историю их подвига за Христа и завалили вход в нее камнями.

Почти через 200 лет святые внезапно пробудились ото сна и вошли в Эфес — конечно, они не узнали города. Но и горожане не могли понять, *кто* находится перед ними. Наконец, прошли в пещеру и обнаружили в ней таблички с описанием давно минувших событий. Немедленно оповестили царя — и тот срочно отправился в Эфес, чтобы повстречаться со святыми юношами. В это время набирала силу одна из ранних ересей, которая отрицала воскресение человека из мертвых. Император горячо и подолгу молился Богу, чтобы эта ересь была побеждена, и вот — явление Эфесских отроков как дар Христа царю по его молитвам!

Приехав в город, царь отправился к пещере, где по-прежнему проживали святые юноши, пал перед ними ниц и промолвил: «Господа мои! В лице вашем я вижу Самого Царя и Владыку моего Христа, некогда воздвигшего Лазаря из гроба. Ныне Он и вас воздвиг Своим всесильным словом, чтобы явно возвестить нам о грядущем воскресении мертвых, когда находящиеся в гробах, услышав глас Сына Божия, оживут и изыдут из них нетленными».

Император часто целыми днями беседовал с воскресшими ото сна отроками и служил им за трапезой. Один из отроков, св. Максимилиан, сказал императору: «Огньные царство твое за твердость веры твоей будет несокрушимо, и Иисус Христос, Сын Бога Живаго, сохранит его во имя Святое Свое от всякого зла. Верь, что ради тебя Господь воскресил нас прежде дня всеобщего Воскресения». Через неделю на глазах у всех святые юноши опять уснули и во сне отдали Богу души.

Щепетильность императора в религиозных вопросах была просто невероятной: однажды на улице какой-то монах пристал к нему с какой-то пустой просьбой, но получил отказ; тогда тот набросился с бранью на царя и даже произнес над ним отлучение. Вернувшийся домой царь не сел обедать, как обычно, а послал за патриархом просить, чтобы тот, кто наложил отлучение, снял его. Напрасно патриарх убеждал его, что отлучение от рядового монаха не имеет никакой силы, и даже своей властью освободил от него императора — тот был непреклонен. Слуги срочно разыскали монаха, царь перед ним извинился, и тот снял отлучение; тогда только и наступило время обеда.

Под стать царю была и св. Евдокия. По ее инициативе в 425 г. в Константинополе была основана высшая школа, ставшая лучшим образовательным учреждением Римской империи, центром просвещения всего христианского мира. В высшей школе были открыты 31 кафедра, в том числе по грамматике, философии, правоведению,

латинскому и греческому языкам. Назначение на кафедры специалистов было поручено сенату, а заведовал школой сам префект города. Преподавателям школы было строжайше запрещено давать частные уроки, чтобы все свои силы и знания они несли на государственное поприще.

Это событие естественным образом увеличило в обществе интерес к праву, вследствие чего во дворце возникла идея составить для административных органов и судов сборник законодательных актов от св. Константина Великого до настоящего времени. Ранее уже готовились аналогичные кодексы, например *Codex Gregorianus*, соединивший в себе акты от императора Адриана (117—138) до Диоклетиана (284—305), и *Codex Hermogenianus*, вобравший вышедшие в IV в. дополнительные акты, но, конечно, они были далеко не полными. Помимо кодексов, согласно закону императора Адриана, толкования некоторых авторитетных юристов также имели силу закона. Если по конкретному прецеденту их оценки совпадали, то судья был обязан принять их мнение как основание для выносимого решения или приговора. К таким общепринятым юристам относили Юлиана, Помпония, Гая, Сцевола, Папиниана, Ульпиана, Павла и Модестиана; сочинения таких юристов получили наименование «*jus*». Но упадок научной деятельности, многочисленность и дороговизна рукописей привели к настоящему произволу в судах. Поэтому необходимо было срочно систематизировать имеющиеся материалы и источники.

Первая попытка принадлежала св. Константину Великому, и его труды продолжил император св. Феодосий II Младший, признавший своим законом от 426 г. обязательную силу за сочинениями Папиниана, Павла, Гая, Ульпиана и Модеста. Судьям предоставлялось право принять мнение одного из указанных авторов, если дело не может быть решено на основании сочинений главного юриста, чье мнение считалось самым авторитетным — Папиниана. Но и в таком случае участь судьи была нелегкой: помимо сочинений юристов, действовали многочисленные императорские конституции, а также рескрипты, ответы отдельным лицам по конкретным прецедентам.

Законом императора от 29 марта 429 г. была назначена комиссия из опытных правоведов и администраторов, которым давалось поручение подготовить соответствующий законодательный сборник. Однако работа шла не очень споро, и потому 20 декабря 435 г. комиссия была переформирована, а ее компетенция значительно расширена; темпы законотворчества резко увеличились. Уже в 437 г. комиссия представила императору плоды своего труда, и, пользуясь присутствием в Константинополе Валентиниана III и его двора, царь предложил его обсудить

и сделать общим для всей Римской империи. 15 февраля 438 г. он был опубликован на Востоке и получил название «Кодекс Феодосия» (*Codex Theodosianus*).

Кодекс стал главным сводом законов для применения в судах. А 23 декабря того же года Римский сенат рассмотрел его на своем заседании и сделал обязательным для западных провинций. Примечательно, что в последней, 16-й книге *Кодекса Феодосия* были собраны законы, касающиеся религиозной жизни Римской империи. Тем самым император еще раз подтвердил (но уже не на словах, а *законом*) тот факт, что Римская империя является *христианским государством*. Как известно, Кодекс был написан, что уже тогда вызвало некоторые трудности на Востоке, давно тяготевшем к греческому языку. К тому времени греческий этнос уже доминировал в Малой Азии, Иллирии, Паннонии и в столице как культурный монополист.

Хотя это был, безусловно, эпохальный юридический документ, восточное правительство заранее предвидело необходимость прибавления к нему множества других законов. По договоренности с западным правительством было решено добавлять к Кодексу *novellae* (новеллы) и направлять их друг другу для всеобщего опубликования. И это условие строго соблюдалось, хотя в силу естественных причин западные новеллы имели малую силу на Востоке — примечательно, что в более позднем документе, Кодексе Юстиниана, мы не встретим ни одной новеллы, принадлежащей перу Западных императоров.

Как можно понять по анализу законодательных актов, император все еще сталкивался с остатками проявлениями довольно многочисленных еретических сект. Сохранился один указ от 428 г., подписанный обоими царями (св. Феодосием II Младшим и Валентинианом III) и направленный против них. «Неразумию еретиков, — гласит закон, — должны быть поставлены ограничения. Прежде всего, они должны возратить отнятые у православных и находящихся в их владении храмы, ибо нельзя допустить, что те, которым запрещено иметь свои церкви, дерзали удерживать в своей власти православными построенные и насилем у них захваченные храмы. Если кто из еретиков изобличен будет в принятии к себе клирика или пресвитера, то подвергается пене в 10 фунтов золота. Арианам, приверженцам Македония и Аполлинария, воспрещается иметь в городах свои церкви, другим еретикам воспрещается делать собрания для общественной молитвы, а манихеи лишаются права жить в городах. Еретики исключаются из военной службы, за исключением службы в провинциальных когортах и гарнизонах. Точно так же они лишаются права делать дарственные записи на свое имущество, составлять завещания и вообще делать перед

смертью какие-либо распоряжения остающимся после них именем. Воспрещается еретикам совращать своим учением тех, кто исповедует христианскую веру».

§2. III Вселенский Собор

Чтобы полнее почувствовать атмосферу, в которой выпало жить и творить св. Феодосию Младшему, дабы полнее и содержательнее понять величие его подвига как императора Византии и в то же время без фальшивых панегириков показать его таким, каким он был — со всеми достоинствами и недостатками, — обратимся к событиям, взволновавшим всю Кафолическую Церковь и предопределившим многие скорые кардинальные изменения.

Дело заключается в том, что в эти годы политические успехи внезапно затемнились новыми вероисповедальными спорами, хотя, казалось, никакой беды ждать не приходится. Все начиналось буднично: когда Константинопольская кафедра оказалась вдовствующей, по инициативе императора св. Феодосия Младшего на вакантное место был определен антиохийский монах, родом сириец, *Несторий* (428—431). Выбор нового *патриарха*, как стали уже к тому времени называть архиепископа Константинополя, не случайно пал на выходца из Антиохии, известной своей блестящей богословской школой и замечательными проповедниками.

Столичный клир еще не снискал славы на богословском поприще, и его представители едва ли могли рассчитывать на безусловный авторитет среди первых церковных кафедр Империи. Римский престол занимал довольно самостоятельную позицию по отношению к императорам Востока, и его клирики вряд ли могли быть заявлены в качестве кандидатов на Константинопольский престол. Александрия не внушала доверия после скандальных прецедентов, связанных с травлей ее епископатом св. Григория Богослова и св. Иоанна Златоуста. Иерусалим хотя и назывался «городом — матерью Церкви», но, очевидно, имел второстепенное значение на фоне Рима, Александрии и Антиохии. Поэтому выбор царя пал на сирийскую кафедру, откуда был родом знаменитый св. Иоанн Златоуст.

Объективно говоря, Несторий действительно был видным проповедником в своем родном городе и отличался строгой подвижнической жизнью. Еще совсем юношей приняв Святое Крещение, он посещал знаменитые школы, которые обычно заканчивали языческие риторы и христианские ораторы. И считался одним из лучших выпускников

школы, основателем которой являлся Ливаний и где получал образование сам Златоуст. По окончании образования Несторий удалился в монастырь Евпрепия, расположенный неподалеку, и в тишине уединения принялся изучать Святых Отцов. Но все же будущий патриарх не любил серьезного чтения, его поприщем было ораторское искусство, где Несторию действительно почти не было равных.

Это само по себе было тревожным сигналом, поскольку склад ума избранника на Константинопольскую кафедру в то время требовал больше живой работы, чем богословских рассуждений. Тем не менее после вступления в клир по поручению Антиохийского епископа Несторий исполнял обязанности катехизатора; примечательно, что эту должность также ранее занимал св. Иоанн Златоуст. Его красноречие было столь отточенным, что толпы народа собирались на проповеди Нестория, и это породило в нем трудно-скрываемое высокомерие. Он обладал величавой осанкой, полным и звучным голосом, природным даром слова и обаянием.

Когда к нему поступило обращение императора прибыть в столицу для хиротонии, пресвитер охотно его принял, но, желая соблюсти важность и подчеркнуть свою значимость, не спешил с отъездом. Более трех месяцев добирался он до Константинополя, не торопя свой эскорт. Наконец, 10 апреля 428 г. состоялась его хиротония в большой Константинопольской базилике в присутствии императора св. Феодосия II, императрицы св. Евдокии, сената, клира и многочисленного народа.

Заступая в должность, Несторий решил продемонстрировать собственную нетерпимость к еретикам и прочим инакомыслящим, сделав эту черту своей политики своеобразной «визитной карточкой». На процессе хиротонии Несторий, обращаясь к царю, воскликнул: «Император, дай мне землю, очищенную от еретиков, — и я воздам тебе за это Небо!» И на самом деле, став архиепископом столицы, он проявил себя как очень деятельный администратор. Несторий весьма активно боролся с различными ересями и в скором времени организовал настоящие гонения на ариан, монтанистов, валентинян, маркионитов и другие церковные партии, добившись издания (или реанимации) целого ряда государственных законов, подвергавших еретиков ссылкам, конфискации имущества, лишению гражданских прав, заключению в тюрьму.

Первоначально всем казалось, будто патриарх постарается продемонстрировать свою независимость по отношению к царскому двору — его солидность и важный вид предрасполагали к такому умозаключению. Но уже на другой день после своего посвящения он явился во дворец как рядовой чиновник на службу, а затем положил в постоянную практику общение с придворными и с самими императорами. Несто-

рий сделался записным царедворцем, обзавелся широкими связями и обширными знакомствами и, выдавая себя за знаменитого богослова, часто беседовал со св. Феодосием Младшим, который проникся к нему искренним уважением. Со св. Евдокией Несторий также сумел наладить добрые отношения: он напоминал ей софистов Афин и знаменитых ораторов, в среде которых она провела свое детство и юность. Но св. Пульхерия весьма настороженно следила за патриархом, не очень доверяя ему.

Желая завоевать *единоличное* доверие царя и царицы, заметив некоторую намечавшуюся холодность в отношениях между ними и св. Пульхерией, Несторий решил сыграть на опережение, рассорив св. Феодосия с сестрой. Как ему показалось, св. Пульхерия слишком благосклонна к другу детства императора Павлину; до самой августы и ранее доносились злоречивые сплетни, однако она мало обращала внимания на скрытые насмешки придворных евнухов. Но теперь упреки о необходимости соблюдать обет девства, ранее данный ею Богу, о целомудрии и воздержании от пылких чувств были ей *публично* высказаны патриархом Несторием. Конечно, внучка великого св. Феодосия I Великого сумела поставить на место зарвавшегося клирика, но с тех пор возненавидела его всей душой.

Чувствуя — конечно, излишне самоуверенно и явно ошибочно — в своей душе талант богослова, Несторий в скором времени попытался закрепить в общецерковном сознании и практике богослужения те идеи, которые вынашивал еще в Антиохии. Надо сказать, что Несторий был далеко не одинок в своем богословии. Ему лишь принадлежит дерзость первому *открыто* объявить их и заставить признать общепризнанными изложениями истины Боговоплощения.

Как-то раз синкелл Нестория, пресвитер Анастасий, проповедовал народу в присутствии самого патриарха; остановившись на минуту, как будто желая раскрыть перед пришедшими удивительную тайну, он заявил, что *не следует* называть Деву Марию *Богородицей*, Матерью Божьей, поскольку Она была человеком, а от человека Бог родиться не может. Поднялся страшный шум, народ возмущенно роптал, и тогда встал сам Несторий и, защищая своего синкелла, подтвердил сказанное: «Мария — не Богородица, а *Христородица!*»

Эта явно заранее организованная сцена имела широчайший резонанс в Константинополе и вообще на Востоке. Друзья при дворе, взволнованные народными нестроениями, предложили Несторию более категорично и ясно заявить свою позицию, должную отныне считаться официальной точкой зрения Константинопольской церкви. Нашелся и удачный повод — канун Рождества Христова, 25 декабря 428 г. В этот

день, взойдя на амвон для проповеди, Несторий долго и обстоятельно объяснял, почему, на его взгляд, Богородица должна именоваться исключительно «*Христородицей*». Раскол среди присутствовавших сенаторов, клириков и прихожан образовался страшный: одни защищали Нестория, другие гневно протестовали против его слов.

Раздосадованный тем, что его слова не восприняты всеми как «руководство к действию», Несторий внезапно обернул свои выпады на представителей самого Константинопольского клира, заявив, будто отдельные иереи, слабо разбиравшиеся в вопросах веры, смущают христиан и не удосуживаются поучиться у более мудрых богословов. Этот несправедливый упрек в невежестве задел за живое пресвитеров, некоторые из которых являлись питомцами еще св. Иоанна Златоуста. Из своей среды они срочно вызвали человека, способного отстоять традиционную точку зрения о Богородице, — титулярного епископа Прокла.

Для публичной защиты своего мнения Прокл выбрал один из праздников в честь Богородицы и в блистательных выражениях обосновал, почему Она должна величаться именно таким образом. Его успех был полным; слыша овации мирян, собравшихся в храме, Несторий не решился дать немедленный отпор, сказав лишь, что не желает стеснять свободу других, но вскоре объявил сторонников Прокла еретиками. Началась *открытая война* в церковном алтаре между патриархом и его же священниками.

Однажды во время службы, когда Несторий, по обыкновению, проповедовал, встал Евсевий — будущий епископ Дорилейский, в те дни еще адвокат, и громким голосом объявил, что патриарх *еретичествует*. А спустя некоторое время на стенах храма появилось объявление, гласившее, что Несторий — не кто иной, как еретик, исповедующий учение Павла Самосатского. Взмешенный Несторий тут же собрал нечто вроде Собора из присутствующих в Константинополе проезжих епископов и отрешил от Церкви тех пресвитеров, которые выступали против него. Но, будучи осторожным, он опять не посмел коснуться личности народного любимца Прокла. Правда, в виде ответной меры, узнав об одном собрании христиан, где проповедовали его противники, патриарх приказал солдатам разогнать его. Это очень не понравилось столичным жителям, которые кричали: «У нас есть император, но епископа нет!»

Между тем волнения в Константинополе стали известны всему христианскому миру: будучи тщеславным, Несторий рассылал свои поучения во все края света, желая тем самым продемонстрировать собственную ученость и приобрести новых поклонников своего таланта.

Но тут ему пришлось столкнуться уже не с подчиненными клириками Константинопольской церкви, а с самим *св. Кириллом Александрийским* (412—444). Это был великий богослов, организатор и администратор, сумевший в годы своего патриаршества высоко поднять авторитет Александрийской церкви. Как и его предшественники, св. Кирилл был убежден в превосходстве Александрийской кафедры, а когда ознакомился с сочинениями Нестория, понял, что настал удачный час расчитаться с Константинополем.

В день Пасхи 429 г., когда Александрийские патриархи имели обыкновение рассылать пасхальные окружные письма, он подготовил послание под заголовком «Письмо к пустынникам Египта». В нем св. Кирилл раскрыл тайну Воплощения и предостерегал христиан доверять сомнительным учениям, к которым следовало отнести и те, где встречается отрицание Богородицы — явный намек на Нестория, хотя тот и не был назван по имени.

Конечно, получив список с послания, Несторий оскорбился, о чем доброхоты немедленно оповестили св. Кирилла. Тогда святитель направил Несторию открытое письмо, в котором предлагал тому отказаться от своих слов и признать Святую Деву Богородицей. «Если же этого не будет сделано, — добавил св. Кирилл в письме, — то знай, что за веру во Христа мы готовы все претерпеть, подвергнуться узам и самой смерти». Таким образом, Александрийский патриарх прямо указывал, что, во-первых, хотя ему известно о расположении императорского двора к его Константинопольскому собрату, но, во-вторых, он готов к войне. Несторий посчитал ниже своего достоинства отвечать ему, и ограничился тем, что св. Кириллу дал ответ некий пресвитер Фотий — ответ получился колкий и маловразумительный. Но обстоятельства вынудили его все же отвечать: настойчивый Александрийский архиепископ не давал ему покоя, наступая по всем фронтам; впрочем, ответы Нестория были малообоснованными. Он в основном «прощал» александрийца за дерзость, много говорил о братской любви и христианском смирении.

Все же, поняв, что боя не избежать, Несторий, как опытный царедворец и администратор, понимающий силу связей и союзнических отношений, озаботился получением одобрения своих слов со стороны Римского папы *Целестина* (422—432), к которому и направил личное послание, где объяснил свою богословскую позицию. Надо сказать, что первоначально папа Целестин не вмешивался в разгорающийся спор. Но, получив письма от св. Кирилла и Нестория, выслушав сообщения о нестроениях, которыми была полна Восточная церковь, он велел перевести их послания на латинский язык, собрать Собор из итальянских епископов и обсудить это дело. Святитель Кирилл оказался даль-

новиднее Нестория: Рим и ранее имел с Александрийской церковью особые доверительные отношения, обусловленные как апостольским происхождением обеих кафедр, так и многими общими интересами. Позицию святителя приняли в Риме самым сочувственным образом, и папа заявил ему, что отныне он может действовать не только от имени Александрийской церкви, но и Римской как ее *местоблюститель*.

Собранный папой летом 430 г. Собор из западных епископов решил считать два послания св. Кирилла Несторию *вразумлениями* и потому ограничился всего лишь одним посланием ему уже от имени папы Целестина, в котором Константинопольскому архиерею предлагалось в 10-дневный срок публично отречься от своих слов и принять учение, исповедуемое Римской церковью. Эту миссию папа торжественно возложил на св. Кирилла. В случае упорства, говорилось в решении Собора, Несторий считается лишенным епископского сана и отлучается от Церкви. Это письмо, датированное 11 августа 430 г., было направлено не только в Константинополь, но и остальным патриархам, а также архиереям наиболее авторитетных епархий Востока.

Получив мощную поддержку со стороны Рима, Александрийский архиепископ вновь вернулся к богословскому опровержению доводов противника. Святитель Кирилл решил соединить воедино все свои доводы против Нестория, которые получили название «12 анафематизмов», и, одобрив их на Соборе египетских епископов в том же 430 г., направил Несторию вместе с предупреждением папы Целестина. Вместе с посланием представители Александрийской церкви везли в столицу письма своего архипастыря к Константинопольскому клиру, монахам и мирянам; казалось, победа уже не за горами.

Но до этого было еще далеко. Уже сам по себе Собор 430 г. и его решения вызывали справедливые нарекания по каноничности принятых на нем решений. Во-первых, этот Собор едва ли обладал полномочиями судить второго в церковной иерархии епископа Вселенской Церкви, только *поставив в известность* остальных патриархов о собственном решении. Во-вторых, исходя из сложившейся практики решение такого вопроса могло иметь место исключительно после признания его решения императорами, чего сделано не было. Наконец, если это был суд, то, согласно канонам, судьи обязаны были трижды пригласить Нестория на свои заседания — как видим, его право было грубейшим образом игнорировано.

Как следствие, папе и св. Кириллу пришлось несколько охладить свой пыл, с ходу натолкнувшись на мощную, как оказалось, и полномочную фигуру св. Феодосия II. Конечно, царь был крайне удивлен тем, что его статус грубым образом нарушался. Кроме того, он пре-

красно был уведомлен не только о богословской стороне спора, но и *политической*, и его не могли не взволновать попытки двух пап вернуть уже сложившуюся систему власти в Церкви. Святитель Кирилл только подлил масла в огонь, направив одно письмо императорам — св. Феодосию II и св. Евдокии, а другое, совсем с иным содержанием и тональностью, — св. Пульхерии. Если он хотел рассорить между собой членов царской семьи или, по крайней мере, заручиться поддержкой святой сестры царя, то ему пришлось удовольствоваться диаметрально противоположным результатом: император в довольно резкой форме высказал ему свои претензии и признал *его* виновником церковной смуты.

Вскоре случай представил императору дополнительный шанс наказать заносчивого, как ему казалось, александрийца. Как-то в Константинополь прибыла толпа египтян, из которых выделялись три лица: Хермон, Виктор и Софроний, с жалобами на св. Кирилла. Они упрекали св. Кирилла в вымогательстве денег, притеснениях и т.п. Хотя апокрисиарий (поверенный) св. Кирилла в Константинополе предупредил царя и Нестория, *что* это за люди, столичный патриарх не преминул дать им свое покровительство. Предубежденный против св. Кирилла, император пожелал вызвать его на свой суд, но Несторий настаивал исключительно на церковном суде под собственным председательством, абсолютно уверенный в победе. Однако это играло на руку и его противнику — св. Кирилл изъявил полную готовность явиться на суд епископов, собранных со всего Востока, но при условии, что председательствовать будет кто-то иной, но только не Несторий. В принципе, это было справедливое требование, поскольку сам Несторий являлся *заинтересованной* стороной по делу. В контексте минувших и происходящих событий царь оказался в тупике, не вполне понимая, как следует поступить.

Ситуацию, и без того острую, усугубила позиция Антиохийской церкви, предстоятель которой епископ *Иоанн* (427—433) питал привязанность к Несторию как одному из питомцев своей кафедры. Он и остальные сирийские епископы искренне подозревали, что «Египтянин», как они называли св. Кирилла, желает скомпрометировать *всю* Антиохийскую церковь, и решительно заняли сторону Константинопольского архипастыря. Они, конечно, понимали слабость и порочность богословской позиции Нестория и всячески уговаривали его, хотя бы ради чести Антиохийского патриархата, уступить предъявляемым ему требованиям. И нет ничего невероятного в том, что вскоре примирение было бы достигнуто. Но тут подоспели посланники св. Кирилла, и огонь войны запылал с новой силой.

6 декабря 430 г. представители Александрийской церкви вошли в храм св. Софии, где служил Несторий, и вручили ему послания своего предстоятеля. Через неделю, 13 декабря 430 г., они услышали ответ, публично данный им Несторием с кафедры после Литургии. Надо сказать, Константинопольский патриарх правильно оценил ситуацию и настрой слушателей: он напомнил им о постоянных происках Александрийских пап против Константинополя («это болезнь египтян — всюду вносить смуту») и даже согласился признать Святую Деву Марию Богородицей. Зал одобрительно слушал его и аплодировал — конфликт казался исчерпанным, и египетские посланники молча стояли, не зная, что им делать дальше. Но тут же Несторий сам все и испортил: для окончательной победы он решил на месте разобрать учение св. Кирилла и сделал это столь нелепо и беспомощно, что обвинения его в ереси вновь зазвучали со всех сторон. Императору ничего не оставалось, как назначить Вселенский Собор.

Императорская *sacra* (грамота), подписанная, по обыкновению, от имени обоих царей, созывала всех епископов на Собор, который намечено было провести в Эфесе в день Святой Пятидесятницы 431 г. Следует отметить, что император св. Феодосий II постарался сохранить нейтралитет. При всем внутреннем благоволении к Несторию он фактически подвел их *вместе* со св. Кириллом под статус *обвиняемых* в разжигании церковной смуты и расколе. По крайней мере, в своей грамоте император нигде не оговорился о председательстве Нестория на Соборе, чего тот так страстно желал. Более того, желая максимально объективно разобрать дело, он велел пригласить на Собор *блаженного Августина*, епископа Ипоннского, чей авторитет был непререкаем. К сожалению, святой епископ скончался 30 апреля 430 г. Конечно, будь он на Соборе, ни о каком преимуществе Нестория не могло идти и речи, но и сам факт приглашения блаженного Августина на Собор совершенно ясно раскрывает беспристрастность царя.

Император не пожелал присутствовать на соборных заседаниях, вновь подчеркнув, что разбор этого спора, по его мнению, дело епископов. Своему представителю комиту Кандидиану он дал строгое указание не вторгаться в богословский диспут, обязав его обеспечить лишь внешний порядок и безопасность участников Собора. «Придворному сановнику нашему Кандидиану повелено прибыть к вашему святейшему Собору с тем, однако же, чтобы он нисколько не вмешивался в происходящее исследование о догматах, ибо не принадлежащему к числу святейших епископов несправедливо вмешиваться в дела церковные».

Пока шла подготовка к Собору, и гонцы императора по всем провинциям Римского государства рассылали копии его сакры, стороны

пытались просчитать, каков расклад сил. Решительного перевеса не было ни у кого, и, кроме того, отдельные участники будущего Собора попытались примирить двух врагов: даже папа Целестин ответил на одно из обращений св. Кирилла в том духе, что «Бог всегда принимает раскаяние грешников, какое бы оно ни было позднее». Но сам св. Кирилл стоял на своем и желал только одного — полного *уничтожения* Нестория, хотя даже близкие друзья уговаривали его занять мирную позицию. Несторий также был уверен в своей победе, опасаясь лишь того, что его противник не явится на Собор.

Иоанн Антиохийский, смилившийся с необходимостью прибыть в Эфес, исследовал сочинения св. Кирилла и нашел их *еретическими*. Конечно, это было не так, но Александрийский епископ изложил свои сочинения в соответствии с традицией своей Поместной Церкви, где со времен борьбы с арианами уделяли большое внимание *божественной природе* Христа иногда даже в ущерб человеческому естеству; и отдельные его выражения смущали антиохийцев. Безусловно, они не разделяли богословия Нестория, но полагали его менее опасным, чем новая «ересь» св. Кирилла. Поэтому изначально стало ясно, что Иоанн и восточные епископы, если и не будут поддерживать Нестория, то наверняка станут обвинять св. Кирилла. В таком случае положение представителей Александрийской и Римской кафедр было далеко не надежным.

И вот тут-то св. Кирилл решительно взял дело организации Собора в свои руки, чтобы путем разного рода интриг и грубых нарушений принципа справедливости во имя «высшей правды» добиться положительного для себя результата. Однако такой ригористический и внешне малопривлекательный способ обеспечения единства с его стороны вероисповедания не был чем-то из ряда вон выходящим — многие Отцы и Учители Церкви, проявляя ревность по Христу, позволяли себе то, что могло бы вызвать нарекания со стороны светского наблюдателя.

В первую очередь он решил обеспечить себе *численное большинство*, привезя с собой 50 египетских епископов. Неожиданно его союзником стал Эфесский митрополит Мемнон, экзарх церковной области в Азии, собравший максимально возможное число подчиненных ему архиереев — 35 человек. Дело заключается в том, что по воле Провидения место проведения Собора было наиболее благоприятным для партии св. Кирилла. Издавна этот город почитался в народном предании как место смерти Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, где Она прожила последние годы своей земной жизни вместе со св. Иоанном Богословом. Естественно, Богородица особо почиталась жителями Эфеса, видевшими в учении Нестория поправление славы своего родного

города. Вместе св. Кирилл и епископ Мемнон собрали довольно внушительную партию епископов. И ранее эфесские епископы солидаризировались с Александрийским патриархом в гонениях на Златоуста, теперь этот город встал под знамена племянника Феофила.

Напротив, определяя, кто из сирийских епископов поедет с ним в Эфес, Иоанн Антиохийский действовал в полном соответствии с буквой царской сакры, хотя даже и теперь испытал немалые трудности. Ему нужно было дожидаться, пока представители его патриархата соберутся в Антиохии, а это занимало до 10—12 дней. Затем он собрал свой Собор для формирования общего мнения; и лишь после этого «восточные» отправились в путь. *Буквально* восприняв слова императора о необходимости обеспечения нормальной деятельности епархий на время проведения Собора, он вызвал только митрополитов и по два подчиненных им епископа, чем поставил себя в явное меньшинство. Кое-как собравшись, не рассчитав всех превратностей пути, сирийцы начали свое многотрудное путешествие к месту Собора, не удосужившись к тому же посчитать, какое количество дней на дорогу им понадобится.

Первым в Эфес прибыл Несторий в окружении небольшого числа своих сторонников (15—20 епископов), но с пышной, поистине царской свитой, куда входил его друг комит Ириней — замечательный и искренний подвижник Православия. К удивлению Нестория, город встретил их очень холодно: магистрат Эфеса не оказал им никаких почестей, местный епископ запер для них все церкви, а жители всячески старались оскорбить. Вскоре прибыл и св. Кирилл со своими «египтянами», которого встретили с восторгом; казалось, его признают вторым покровителем города. Начали подтягиваться монахи, пресвитеры, христиане и просто любопытствующие миряне, которых набралось великое множество; не было лишь «восточных». Святой Кирилл и Мемнон активно формировали «партию большинства», но это им до конца так и не удалось сделать. Несмотря ни на какие ухищрения, значительная часть епископов, собравшаяся в Эфесе, не желала принадлежать ни к какой партии и ждала сирийцев, чтобы вместе с ними обсудить существо спора. Часть «нейтральных» архипастырей не выдержала напора Александрийского патриарха, но около 60 епископов остались непреклонными и желали *объективного* рассмотрения дела на Соборе.

Между тем время шло, а Иоанн Антиохийский не появлялся. Выдавшееся свободное время члены Собора заняли диспутами и чтением творений Святых Отцов; и эта вынужденная задержка сильно повредила Несторию. Желая продемонстрировать собственные «глубокие»

богословские познания, он дошел до того, что своими речами оттолкнул от себя даже близких друзей — епископов Акакия Мелитинского и Феодота Анкирского. Потрясенные его откровениями, они вскоре станут первыми обвинителями Нестория на Соборе. Сейчас же их смятение дошло до сведения св. Кирилла, который решил действовать не мешкая. И раньше его особенно волновал вопрос о председателе Собора — таковым мог стать только Иоанн Антиохийский, поскольку он сам и Несторий являлись гипотетическими обвиняемыми, Римского папы не было, а Кандидиан выполнял лишь организационные функции. Теперь же, когда у него оказались столь авторитетные обвинители Нестория, он не стал терять время.

Первая группа сирийских епископов уже находилась в нескольких днях пути от Эфеса, и сам Иоанн через посланника, достигшего города, просил подождать его, хотя кто-то пустил слух, что антиохиец не противится против открытия Собора в свое отсутствие, видимо, надеясь успеть к началу диспута. Сославшись на то, что епископы и так провели много дней в Эфесе без толку, *формально* нарушая императорский указ о дате открытия заседаний, что многие из них болеют и даже некоторые умерли, св. Кирилл решил действовать.

22 июня 431 г., на пятнадцатый день после дня Святой Троицы — даты, определенной императором для начала работы Собора, св. Кирилл, Мемнон и сопредседатель Собора Иерусалимский патриарх *св. Ювеналий* (422—458) открыли Собор. Первым делом они направили приглашение Несторию явиться на его заседание, чем недвусмысленно определили *только его* подсудимым, а не его вместе со св. Кириллом, на Вселенском совещании. Конечно, Несторий ответил отказом, ссылаясь на незаконность собрания. Когда св. Кирилл и 198 епископов, принадлежавших к его партии, собрались в храме Святой Марии, туда явился комит Кандидиан и потребовал от них прекратить самочинное собрание, напоминая им, что Собор должен открыть он, прочитав сакру императора, а это невозможно, поскольку «восточные» еще не прибыли.

Но присутствующие епископы обманули старого солдата, совсем не искушенного в тонкостях языка. Ему предложили прочитать сакру царя, дабы *выяснить его волю*, а когда Кандидиан простодушно исполнил данную просьбу, все присутствующие стали кричать, что Собор уже считается открытым, поскольку *необходимая форма* начала его работы соблюдена — ведь грамота императора прочитана! Комит был вынужден удалиться прочь, остальная группа из 60 «непокорных» архиереев также не была допущена к заседаниям, и Собор начал свою работу.

К Несторию тут же отправили представителей Собора. Однако дом, где он остановился, был окружен солдатами Кандидиана, и пройти

к Несторию не удалось. Вторично четыре епископа попытались передать патриарху приглашение, но их избили солдаты и прогнали прочь. Поскольку посчитали, что Константинопольского патриарха уже четырежды пригласили на Собор (сюда зачли общее приглашение на Собор от 20 июня), а он не явился, все решили, что *формально* каноническая процедура суда соблюдена.

Был прочитан Символ Веры, как его сформулировали в Никее и в Константинополе, а затем Отцы Собора по очереди начали высказывать свое мнение о сочинениях Нестория. Со слезами на глазах выступили Акакий Мелетинский и Феодот Анкирский, подтвердившие еретические высказывания патриарха, к вящей радости св. Кирилла. Почитали избранные места из Святых Отцов, подтвердившие ошибочность его богословия, и лишили Нестория епископского сана, тут же предав анафеме. Вместе с епископами, бывшими на Соборе, приговор подписали еще несколько архипастырей, постепенно подходивших в зал заседаний, так что общее число подписавшихся составило более 200 человек.

На этом Собор и завершил свое заседание; жители Эфеса радостно встречали епископов у выхода, несли перед ними факелы, освещая дорогу, курили благовония. А на следующий день, 23 июня 431 г., приговор Собора был объявлен Несторию в самых оскорбительных выражениях; соборный орос был направлен и в Константинополь, царю.

Радость была полная: два дня епископы проповедовали, раскрывая перед слушателями тайну Воплощения и изучая иные богословские вопросы, но уже 25 июня 431 г. в Эфес пришли сирийские архиереи во главе с епископом Иоанном Антиохийским.

Покрытые пылью, изможденные дорогой, сирийские епископы вошли в город, где их встретил комит Ириней, рассказавший о том, *что* произошло буквально пару дней назад. По мере его рассказа гнев овладевал сирийцами, и они, не стряхнув даже дорожной пыли, собрались в гостинице, дабы оценить ситуацию и принять решение. К ним подошли те нейтральные епископы, которые были отвергнуты сторонниками св. Кирилла и Мемнона, а с ними комит Кандидиан. Он дословно передал им содержание императорской сакры, рассказал о событиях на Соборе, и «восточные» согласились, что имело место грубое неповиновение воле царя.

Исследовав события, сирийские епископы довольно быстро пришли к принципиально верному умозаключению, что все маневры св. Кирилла заключались в том, чтобы обвинить и осудить Нестория, после чего сам он оказывался уже неподсудным. Свою оценку, как прямого пособника воли Александрийского патриарха, заслужил в их устах

и епископ Мемнон. Подытожив, сирийцы вынесли свой приговор: низложить св. Кирилла и Мемнона, а остальных епископов из их партии исключить от церковного общения с Антиохийской церковью, пока они не раскаются в своем дурном поступке. Соответственно, осуждение Нестория объявлялось ничтожным. Посланники св. Кирилла и Мемнона попытались встретиться с сирийцами и склонить их на свою сторону, но те, конечно, отвергли их.

Между тем и св. Кирилл не сидел сложа руки: отвергнутые Иоанном Антиохийским епископы под присягой показали, что им не дали слова, били и даже угрожали лишить жизни, вследствие чего Собор вновь собрался для того, чтобы отлучить уже сирийцев; о чем Александрийский архипастырь и уведомил «восточных». По большому счету, против Иоанна было только то обстоятельство, что число «его» епископов явно уступало партии св. Кирилла — всего 37 человек; поэтому он спешно направил свое решение в Антиохию, чтобы его подписали все оставшиеся там архиереи, подписей которых надеялись добрать до 200. Но организовать оппозицию св. Кириллу оказалось очень не просто, поскольку сирийцы жили буквально в условиях осады: перед ними также закрывались храмы, и никто не дал Иоанну хиротонисать нового кандидата в епископы Эфеса взамен Мемнона.

Пока собирались подписи, жалобы сторон друг на друга лились рекой; императорский двор, комит Кандидиан и советники царя не знали, на что решиться. Одни склонялись к тому, что Несторий правильно осужден Собором, другие уверяли императора, будто св. Кирилл — ересиарх и смутьян. Обе партии прилагали все силы для того, чтобы *непосредственно* предстать перед св. Феодосием Младшим и изложить ему свои аргументы, но царь пока еще хранил нейтралитет, уже довольно опасный для создавшегося положения. Император встречался с придворными сторонниками обеих партий, проявляя некое *сознательное слабоволие* и не зная, на что решиться. И дело не в том, что он по слабости характера или ума не желал принять решение. Просто даже теперь царь не оставлял надежд на то, что епископы в состоянии сами, по свободному волеизъявлению, найти примирительную формулу. К сожалению, этим прогнозам не суждено было сбыться.

Постепенно двор и советники царя пришли к мысли, что всему виной наличие *двух* параллельных Соборов, и в первую очередь того, который собрал св. Кирилл. Поэтому св. Феодосий по рекомендации Кандидиана кассировал (то есть отменил) решения Собора от 22 июня, но потребовал, чтобы все епископы остались в Эфесе и ждали приезда его нового уполномоченного. Тем временем наконец в город прибыли римские легаты: пресвитер Филипп и два епископа — Аркадий и Про-

ект, согласно инструкции понтифика поддерживавшие св. Кирилла. Уже 10 и 11 июля были открыты новые заседания Собора, опять без «восточных», где представители Римского папы поддерживали ранее принятые решения и подписали их. Желая уладить конфликт и упразднить маломальскую основу для отмены соборных решений императором, они созвали 4-е и 5-е заседания 16 и 17 июля, куда вновь пригласили сирийцев, но те игнорировали приглашение.

Надо сказать, что информация о том, *что* в действительности произошло на Соборе, поступила в Рим в очень интерпретированном виде. Говорили, будто антиохийцы заодно с пелагинцами, что у епископа Иоанна не более 30 человек, хотя его партия увеличилась за эти дни до 43—50 епископов, что примкнувшие к ним союзники, в массе своей низложенные или изгнанные из своих епархий, — очевидная ложь. О протесте 68 епископов перед началом Собора вообще не упомянули; поэтому папа пребывал в таком же неведении, как и царь.

Время шло, император опять не принимал никакого решения и не присылал своего представителя, и, пользуясь этим, Отцы Собора решали на заседаниях текущие вопросы из церковной жизни. Так, 31 июля 431 г. неожиданно всплыл «*Кипрский вопрос*» — ходатайство епископа острова о своей автокефалии от Антиохии. Епископы подумали и удовлетворили просьбу, очевидно, не без чувства тайной мести сирийцам, присоединив этот канон к другим, ранее принятым по иным вопросам семи правилам Вселенского Собора. В этот же день прибыл императорский уполномоченный Иоанн с приказом арестовать св. Кирилла, Нестория и Иоанна Антиохийского. Это решение было обусловлено тем, что вокруг императора сформировалось мнение, будто нужно сделать вид о том, что в Эфесе собирались не два Собора, а *один*, который и низложил всех главных лидеров спорящих партий. Поэтому остальным епископам было велено возвращаться домой. Конечно, такое механическое объединение низложений ничего не дало, все архиереи остались в Эфесе до окончательного решения вопроса.

Нейтрализовав вождей противоборствующих партий, представитель царя надеялся, собрав сообщая всех епископов, покончить дело миром. Но вдруг с удивлением обнаружил, что степень ненависти архиереев разных партий друг к другу не позволяет им даже *находиться* вместе в одном помещении — пришлось поставить солдат, чтобы участники не подрались. Тогда арестовали св. Кирилла, Мемнона и Нестория, а остальным вновь предложили разъехаться, чего, конечно, не случилось.

Пока вожди раскола сидели под арестом, шла деятельная работа по формированию мнения императора. За Нестория хлопотал его друг

комит Ириней, за св. Кирилла — придворный врач Иоанн и Собор; кроме того, Александрийский патриарх выдал вексель на имя императора о выплате им 2 тыс. фунтов золота из казны своей церкви на государственные нужды, надеясь таким способом хотя бы частично улучшить его мнение о себе. Были подключены монахи, «патриарх» которых, Константинопольский отшельник Далмат — бывший офицер и ныне почитаемый святой старец, 46 лет не выходивший из монастырского уединения, выхлопотал у императора аудиенцию для св. Кирилла.

Царь принял обе стороны, и антиохийцы с Несторием проявили максимум уступчивости. Несторий даже заявил, что готов оставить кафедру, если того требуют интересы Церкви. Этим немедленно воспользовались, и он тут же получил отставку, после чего покорно вернулся в свой монастырь в сентябре 431 г. В ответ сирийцы потребовали встречных шагов от св. Кирилла, но не дождались: святитель и его друзья были непреклонны в своих «12 анафематизмах», которые так не нравились сирийцам. Поскольку Константинопольская кафедра оказалась вакантной, срочно принялись искать преемника Несторию, и им стал (вероятно, по подсказке римских легатов, которым очень благоволил император) апокрисиарий *Максимилиан* (431—434), посредник между царским двором и папой.

Это была уже явная и очередная уступка в адрес св. Кирилла — волей-неволей царь закрыл глаза на бесчинства александрийца, и вопрос о привлечении его к ответственности как-то сам собой отпал. Оставалось каким-то образом решить вопрос с арестованными св. Кириллом и Мемноном и склонить их к компромиссной позиции. Но здесь царя ждало разочарование — лидеры «оппозиции» оставались непреложны.

Когда царским указом Отцам Собора в очередной раз было предложено разехаться и мирным поведением хоть как-то загладить вред, причиненный Церкви, Александрийский патриарх также покинул город (без царского разрешения) и вернулся в свою патриархию, а Мемнон вышел из-под ареста и продолжал архиерействовать. Хотя св. Кирилл и добился нового осуждения Константинопольского архиерея и вновь продемонстрировал высоту положения своей кафедры, дома его встречали отнюдь не с восторгами. Даже друзья делали ему вполне обоснованные упреки, что ради удовлетворения своей страсти он отодвигает на второй план интересы Церкви.

Возможно, раскол мог бы прекратиться, но внезапно Максимилиан и его советники допустили грубую ошибку, низвергнув из сана нескольких сирийских епископов, не принявших изгнания Нестория. Судилище было явно неправомерным, но, поскольку за утверждение

данного решения просили римские легаты, св. Феодосий II согласился с его решением. В ответ возвращающиеся антиохийские епископы срочно организовали в Тарсе свой Собор и вновь низложили св. Кирилла и Мемнона, но пощадили римских легатов и папу. Более того, прибыв в Антиохию, они вновь организовали Собор, где присутствовало уже около 200 епископов Востока, который подтвердил все их решения в Эфесе и Тарсе. Таким способом разрыв с «официальной» церковной стороной — св. Кириллом — оформился документально.

На этом, собственно говоря, *формально* и закончил свою работу III Вселенский Собор — самый скандальный из всех, бывших до него и после великих общецерковных собраний. Он представляет несомненный интерес не только с богословской точки зрения, но и контекстом происшедших на нем и близ него событий. Создавшиеся нестроения в значительной степени были обусловлены *пассивной позицией* императора и его двора, покоящейся на ложной идее, будто данные вопросы должны решаться епископами без участия царя. Но действительность опровергла столь оптимистические ожидания, и никогда после этого императоры не позволят себе игнорировать свои обязанности, уже глубоко осознанные ими и проверенные практикой, по *управлению Вселенской Церковью*.

Фактически *разогнанный* императором Эфесский Собор разорвал Церковь на жестко противостоящие друг другу партии, не сумевшие самостоятельно изжить зародившийся вселенский соблазн. Только теперь св. Феодосий Младший понял, какую ошибку он совершил, самоустранившись от ведения дел Церкви, а поняв, предпринял решительные меры по ее исправлению, организовав спасительное для Церкви давление на вождей обеих партий.

Вначале императорский двор направил приглашения Антиохийскому епископу Иоанну и св. Кириллу в Александрию приехать для примирения в Никомедию, где в то время располагалась царская резиденция, но те отказались. Тогда уже сам император направил письма к вождям противоборствующих партий, предлагая смирить свою непреклонность. Иоанну Антиохийскому царь писал, что раскол прекратится, как только тот подпишет осуждение Нестория. Смягчить свою позицию предлагалось и св. Кириллу.

Исполнителем воли монарха по примирению двух церквей являлся нотариус и трибун (государственный секретарь) Аристолай. Пока шла оживленная переписка между дворами, и Аристолай лично убеждал св. Кирилла отказаться от своих «12 анафематизмов» — непременное условие примирения, высказанное Антиохийской церковью, тот пока еще действовал по своему плану. Александрийский патриарх прилагал

немалые усилия для *подкуна* царского окружения и нейтрализации тех придворных, которые сочувствовали низвергнутому Несторию или просто недолюбливали самого св. Кирилла. Деньги, драгоценности и ценные вещи рекой лились из казны Александрийской церкви, но не могли дать большого эффекта — императорская миссия Аристолая имела в резерве такое сильнодействующее оружие, как *смещение* св. Кирилла и Иоанна с *кафедры* в случае их упорства.

На помощь св. Феодосию II пришел даже Константинопольский патриарх Максимилиан, заявивший, что если Несторий осужден, то к чему теперь «анафематизмы» св. Кирилла? Иоанн Антиохийский направил в Александрию епископа Павла Эмесского, под влиянием слов которого св. Кирилл решил не навязывать всему православному миру свои «12 анафематизмов» и подписал примирительное *Антиохийское вероопределение*, в сущности, не противоречащее его богословской позиции; то самое, что сирийцы изначально привезли с собой в Эфес. Наконец, в 433 г. было подписано «Согласительное исповедание».

И хотя III Вселенский Собор был закрыт еще два года назад, только теперь можно было сказать, что он наконец-то завершился *в действительности*. Взаимные анафемы были по молчаливому согласию сторон упразднены, и «Согласительное исповедание» стало настоящим оросом Вселенского Собора. Подписав «Исповедание», св. Кирилл вместе с Павлом Эмесским отслужил службу, а Иоанн Антиохийский с частью епископов подписал акт примирения и направил св. Кириллу письмо, в котором соглашался ради церковного мира считать Нестория низложенным, а его учение еретическим.

Счастливый св. Кирилл ответил знаменитым письмом «Да возвеселятся небеса, да возрадуется земля!», где отверг мысли, приписываемые ему, и признал Антиохийское вероисповедание тождественным своим тезисам. Это письмо было отправлено в Рим, Константинополь и самому императору, который ради церковного мира вновь принес в жертву Нестория, порывавшегося отозвать свое заявление об отставке и вернуться на патриаршую кафедру. Более того, в 432 г. по требованию папы Целестина I Несторий был сослан в отдаленную пустыню — понтифик опасался его сторонников, которых действительно было еще довольно много, в том числе в Константинополе. Теперь всем стало очевидно, какую важнейшую роль сыграл св. Феодосий II Младший в преодолении раскола и насколько виноват его двор в отсутствии должной организации Собора 431 г.

Но, к сожалению, радость воссоединения враждебных друг другу партий была омрачена тем, что некоторые ригористичные сторонники св. Кирилла, Нестория и Иоанна Антиохийского не согласились с «Ис-

поведением». Группа консервативных сирийцев ушла в Персию, где создала так называемую *Несторианскую церковь*. А Александрия окончательно уверовала в достоинства своего архиерея, как «Вселенского богослова», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вскоре это приведет к образованию нового раскола...

Сам виновник (или *невольный* инициатор?) нового раскола Несторий по инициативе нового Александрийского патриарха *Диоскора* (444—451) был сослан еще дальше в пустыню (6-е место ссылки) близ Панополиса, где занялся писательской деятельностью. Когда к нему неожиданно пришел указ императора об освобождении из ссылки, Несторий заторопился домой, но по дороге упал с лошади (на седьмом десятке лет!) и вскоре умер.

§3. Семейные драмы

Помимо церковных нестроений и внешних дел на императора внезапно свалился груз внутрисемейных неурядиц. Надо сказать, первые годы дела в царственном семействе обстояли прекрасно. Но, увы, и святые не всегда вольны над пороками, рожденными нашей греховной природой. С течением времени между двумя августами — св. Пульхерией и св. Евдокией — возникли трения, вызванные желанием каждой из них занять первое место среди женщин Византии и не утратить в одном случае, а в другом — приобрести влияние на императора св. Феодосия. Надо сказать, что св. Евдокия была не менее деятельной женщиной, чем св. Пульхерия, и ей хотелось, чтобы ее царственный муж никоим образом не оказался в тени своей старшей сестры. Но и св. Пульхерия, прекрасно знавшая недостатки брата, вовсе не собиралась уступать своих позиций по управлению государством, опасаясь дурных последствий.

Как обыкновенно бывает, истинных причин ссоры между членами святой семьи не знает никто; можно догадаться, что, как любая жена, она хотела видеть мужа *настоящим* правителем государства, и ей казалось, что наличие св. Пульхерии у кормила власти рядом и даже *впереди* брата искусственно принижает его способности и таланты. Это настолько стандартный мотив поведения для любящей женщины, что трудно отказаться от мысли, что он не был чужд и св. Евдокии. Повидимому, ей казалось, что царь, ставший к тому времени уже зрелым мужем, способен самостоятельно управлять государством и, более того, сможет избежать некоторых крайностей и ошибок, которые она находила в деятельности золовки.

Со временем при св. Евдокии образовалась группа интеллектуалов, среди которых выделялись придворные Павлин и Кир. Видимо, это обстоятельство несколько взволновало св. Пульхерию, посчитавшую вновь образованную придворную партию орудием оттеснения ее от власти. Конечно, она не собиралась воевать за нее — напомним, что помыслы старшей сестры св. Феодосия были обращены к Богу и обет девства был дан ею далеко не случайно. Но осознание *долга* перед Римской империей довлел над св. Пульхерией, и она всерьез опасалась, зная слабости своего брата, что оттеснение ее от дел государственного управления скажется крайне негативно.

Легкое соперничество между двумя царицами усугубилось прекращением прежних абсолютно доверительных отношений уже с братом. Следует отметить, что характер св. Пульхерии нередко подводил ее в решающие минуты. Желая напомнить брату об их прошлом, когда она являлась для него и матерью, и сестрой, и другом, она перешла границу дозволенного, решившись на не вполне корректный, мягко выражаясь, поступок. Как-то в частной беседе св. Пульхерия попросила брата подарить ей сад, прилегающий к одному из дворцов. Святой Феодосий ничего не имел против этого и, не глядя, подписал закон, поднесенный сестрой. В этом, конечно, нет ничего удивительного — кто стал бы *вчитываться* в документ, поднесенный родным человеком, обратившимся с простой просьбой?

Каково же было его удивление, когда на ближайшем заседании сената, на котором присутствовал и сам государь, св. Пульхерия *вслух* прочла этот документ, где, между прочим, значилось: «Весь дворец, дворы и сады императрицы дарованы мне императором. Императрица Евдокия становится моей рабыней». Конечно, император был в гневе и немедленно отстранил сестру от всех дел; более того, он приказал новому Константинопольскому патриарху *св. Флавиану* (447—449) рукоположить ее в диаконы, чего все же не случилось. Конечно, для этого совсем не обязательно было выносить ошибку императора на публичное осмеяние — видимо, сестра действительно забыла, что перед ней не мальчик, которого она растила, а уже взрослый муж и император. В известной степени такая опала была несправедлива по отношению к св. Пульхерии, но, очевидно, она сама дала этому повод.

Гордая дочь императора Аркадия, узнавшая о замыслах брата, не стала воевать с самым близким для себя человеком. Она решительно заявила ему о том, что отказывается от соправительства, отослала обратно своего препозита, распустила двор и в 443 г. вообще удалилась от дел, переехав в Едом, где с тех пор стала жить в своем дворце по монашескому уставу.

Но и в отношениях между святыми супругами наметили трещинки. Святой Феодосий как любой император и почти каждый мужчина, жаждал наследника, но Бог не даровал его сына. Царь даже направил послание в Египет, в пустыню Скета, чтобы выпросить у святых отшельников, почему он до сих пор не имеет наследника своего царствования. Ответ удручил его: «Бог не дал тебе мужского потомства, чтобы оно не стало дурным». Привыкнув полагаться во всем на Божию волю, император и императрица с тех пор отказались от супружеских отношений и жили в приличествующем целомудрии.

Однако это был не единственный неприятный эпизод из семейной жизни: придворное окружение не уставало ссорить двух императриц, отношения которых друг с другом уже давно не были столь ровными и доверительными, как раньше. Впрочем, св. Евдокия продемонстрировала блестящие нравственные качества своей души и ни разу не позволила себе резких высказываний в адрес св. Пульхерии. Весь свободный досуг она посвятила Богу и созданию замечательных литературных произведений, переложив в стихи гомерического размера избранные места из книг Моисея. В том же духе она переложила пророческие книги Захария и Даниила, а также некоторые эпизоды из жизни Иисуса Христа. Особенно ей удалась поэма о св. Киприане Антиохийском, в которой изображалась борьба христианства с язычеством.

Помимо этого царица первое время отдалась воспитанию дочери, но после ее замужества и отъезда в Равенну жизнь св. Евдокии утратила привычный смысл и ритм. Беспокоясь о Евдоксии, она упросила мужа разрешить ей отправиться в Иерусалим, чтобы у Гроба Господня помолиться о благополучии молодой четы; и муж, конечно, удовлетворил ее просьбу. Окруженная подобающей свитой, она отправилась в Антиохию, где произвела настоящий фурор своей образованностью, благочестием и обаянием. Восхищенные антиохийцы воздвигли в ее честь на площади города бронзовую статую, а в сенате — золотую. В ответ св. Евдокия выделила значительные *личные* средства на укрепление стен города, строительство нового храма и сооружение общественных бань. После Антиохии св. Евдокия отправилась в Иерусалим, где и провела 8 месяцев, живо интересовалась бытом тамошнего монашества, занималась благотворительной деятельностью, строила монашеские общежития и лавры, часто общалась с подвижниками Православия. В 439 г. она вернулась из Иерусалима и привезла в Константинополь множество реликвий, в том числе мощи многих известнейших святых.

Почти прекратив общение с сестрой, в скором времени император неожиданно для всех и для себя самого окончательно расстроил отношения и с супругой, чему способствовала одна удивительная история.

В 440 г., в день Богоявления, император отправился из дворца в храм и по дороге встретил простого человека, поднесшего ему в подарок яблоко необыкновенных размеров. Святой император по-царски вознаграждал дарителя и отослал яблоко жене. Но, получив подарок, св. Евдокия решила по-своему сделать приятное мужу и передала его другу детства царя Павлину, который, пользуясь дружбой с царем, имел свободный доступ к обоим членам императорской семьи. В этот день сановник заболел и находился дома. На беду, она не уведомила верного придворного, откуда яблоко попало к ней самой. Получив подарок, Павлин, в свою очередь, решил отдать его, как редкостный плод, царю. Круг замкнулся, и св. Феодосий, к величайшему удивлению, получил от друга детства то самое яблоко, которое часом ранее отослал жене. Взволнованный царь решил узнать у царицы, где находится его подарок. Ничего не подозревающая св. Евдокия, чувствуя неладное, испугалась и солгала, что съела его. Святой Феодосий был, конечно, добрым человеком, но здесь ревность взяла над ним верх. Он посчитал, что жена изменила ему с Павлином.

Обычно утверждают, что последовавшие вскоре за этим опала, суд и казнь Павлина произошли вследствие данного инцидента. Однако нельзя скидывать со счетов и то свидетельство современников, согласно которому Павлин замыслил мятеж, еще ранее роптал на императора и уготовил ему смерть. В принципе, ничего невероятного в таком предположении нет: в те времена эпизодическая слабость верховной власти смущала и соблазняла многие умы, вчера еще клявшиеся в верности царям. И нет ничего удивительного в том, что Павлин, почувствовавший угрозу своей жизни или даже карьеры, мог попытаться организовать быстрый заговор, закончившийся его окончательной дискредитацией в глазах царя.

В пользу этой версии то простое умозаключение о том, что если бы император действительно подозревал свою жену в измене, то на эшафот взшел бы не один Павлин, но и св. Евдокия, так как прелюбодеяние царской особы было *государственным преступлением*. Поскольку же данная история получила публичную огласку, св. Феодосий никогда не решился бы скрыть измену жены. Как минимум царица была бы немедленно отставлена от дворца и отправлена в ссылку. Но, как мы знаем, этого не произошло, и отношения между супругами *постепенно* охлаждались. В любом случае это был едва ли не первый прецедент в царствовании св. Феодосия Младшего: он сам, по своей воле, осудил человека на смерть. Потеря была тем горше, что осужденный являлся другом детства, с которым царь в течение многих лет делил самые заветные личные тайны.

Ревность ли и недоверие, тяжесть потери близкого человека или что иное, но отношения между супругами в скором времени распались почти

окончательно. Можно предположить, что в глубине души император очень жалел Павлина и, в известной степени оправдывая себя, думал, что если бы супруга ему не солгала, ничего бы не случилось. А св. Евдокия искренне не могла понять своей вины в этой трагедии, снося все беды на ревность мужа и его нетерпимость к чужим любимцам. Ей было искренне неприятно оправдываться (пусть даже и заочно) об их отношениях с Павлином, в которых на самом деле не было ничего неприличного. Ссора продолжалась, и отчуждение супругов друг от друга становилось все заметнее.

В течение нескольких лет, примерно до 442 г., св. Евдокия еще находилась во дворце, хотя полностью утратила какое-либо влияние на царя и дела государства. Наконец, она упросила царя разрешить ей уехать для постоянного жительства в Иерусалим, и царь дал согласие. Примечательно, что формально семья не распалась, и св. Евдокия продолжала сохранять статус *царицы*. Ее сопровождала уже не столь пышная свита, как несколько лет назад: при особе царицы было всего два близких ей клирика — пресвитер Север и диакон Иоанн.

Неизвестно, в силу каких причин царь прогневался на Севера и Иоанна (утверждают, что их оговорили в организации очередного заговора против царя), но уже в 444 г. он послал в Иерусалим комита domestikов Сатурнина, который по приказу василевса казнил священников. Но и царица не замедлила с ответом — Сатурнин был немедленно предан казни в Иерусалиме уже по ее приказу. Царь тут же наказал ее, лишив содержания, которое ей полагалось как императрице из государственной казны, но св. Евдокия была довольно обеспеченной женщиной и, проживая в Иерусалиме в качестве частного лица, продолжала активно заниматься благотворительностью. Например, ее усердию историки приписывают постройку в городе «матери церквей» великолепного храма св. Стефана. Как ни странно, но после отставки царицы их отношения со св. Пульхерией улучшились. Обе женщины обменивались письмами и подарками, св. Евдокия послала бывшей августе образ Божьей Матери, писанный святым евангелистом Лукой, который св. Пульхерия поместила в соименном образе храма в Константинополе.

Крах семейной идиллии тяжело сказался на св. Феодосии Младшем; оставленный сестрой и женой, он подпадал под сильнейшее влияние евнуха Хрисафия, по наущению которого дал разрешение на казнь военачальника Иоанна Вандала, командовавшего войсками во Фракии. Внешнее положение Восточной империи в это время было особенно опасным: угроза войны с персами, нашествие арабов и каннов, попытка военных действий против вандалов, неудавшаяся вследствие нашествия гуннов Алариха, — все это тяжким бременем давило на императора. Он стал более строгим и недоверчивым в общении с двором

и фаворитами, подвергая опале даже старых товарищей. Одним из них стал евнух Антиох, поставленный воспитателем юного царевича еще императором Аркадием. Не отдавая отчета в переменах, свершившихся с царем, Антиох, ранее возведенный в сан патриция, позволил себе прежние вольности в общении со св. Феодосием Младшим, после чего был лишен всех титулов и званий, пострижен в духовное звание, а его состояние конфисковано. Сразу же после этого император издал закон, которым запретил впредь возводить евнухов в члены сената.

Вторым пал префект претория Кир, пользовавшийся ранее особым расположением императрицы св. Евдокии. В период с 439 по 442 г. он занимал пост префекта Константинополя и очень многое сделал для его украшения. Кир был обвинен в *эллинизме* (то есть язычестве), его имущество конфисковали, а самого сановника посвятили в духовное звание и назначили епископом города Коттией, где тот вскоре снискал уважение и любовь прихожан.

Это, кстати сказать, показательный момент: во-первых, наказание могло быть гораздо суровее, зная нравы той эпохи, и его мягкость следует отнести только к характеру царя. А, во-вторых, само обвинение было очевидно ложным — никогда и никто не стал бы хиротонисать человека в архиереи, будь он язычником. Не исключено, что под влиянием «доброжелателей», а также в силу субъективных мотивов царь *поверил* обвинителям, но потом, соотнеся обстоятельства дела, просто велел положить Кира в епископы — почетную и уважаемую должность, чем, по сути, отозвал обвинение и дезавуировал свою подпись на приговоре. Нельзя забывать о том, что в то время епископы осуществляли не только архипастырские полномочия, но и многие государственные, нередко являясь настоящими царскими наместниками в провинциях.

§4. Опасные соседи и внешние угрозы

В этот период времени (в 440 г.) внезапно, хотя и закономерно — данное событие рано или поздно должно было произойти — обострились отношения с гуннами, вернее, с их ханом *Роилом* (432—440). До сих пор варвары ежегодно получали вознаграждение от Восточной империи в размере 350 фунтов золота за защиту границ, но со временем отдельные группы гуннов начали переходить на службу к Римскому императору, видимо, неудовлетворенные перераспределением дани, а может быть, просто в силу слабости варварских представлений о том, насколько они обязаны быть верными своему вождю. Озабоченный укреплением власти над своими соотечественниками, гуннский хан обратился с требованием

к св. Феодосию выдать ему всех перебежчиков. Начались переговоры, однако их ход был прерван смертью самого Роила.

Его преемниками стали племянники *Блед* (440—444) и впоследствии знаменитый *Аттила* (440—453), с которыми римляне заключили мирный договор на условиях выплаты прежней ежегодной дани и выдачи всех гуннов, ранее покинувших родовые стойбища. Мир был восстановлен, но в 441 г. гунны внезапно расторгли соглашение, напав на пограничные территории. Римляне попытались восстановить договор, но условия, предлагаемые двором св. Феодосия, не удовлетворили Аттилу. Он сделал набег на римские земли, захватил укрепления и овладел городом Рацией, главенствовавшим в Побережной Дакии.

Когда вандалы *Гейнзериха* (428—477) напали на Северную Африку, Валентиниан III срочно запросил помощь у св. Феодосия, и тот отрядил 1200 кораблей и огромную армию под командованием полководцев Ареобинда, Апсила, Индобинда и Германа. Но римская армия смогла только пресечь попытку вандалов овладеть Сицилией, не более того, а затем началось страшное вторжение гуннов Алариха в придунайские области. Святой Феодосий Младший срочно отозвал свои войска обратно и заключил мирный договор с Гейнзерихом. Не исключено, что вандалы и гунны действовали сообща, чем и была обусловлена высокая эффективность их действий.

Гунны к тому времени уже захватили Фракию, а их отдельные отряды тревожили и другие прилегающие области. Достоверно неизвестно, как далеко простерлось гуннское нашествие, но угроза его была чрезвычайно опасна. До наших дней сохранился указ императора от 12 сентября 443 г., в котором он предписывает пограничным дуксам довести состав вверенных им войск до нормального состояния и обеспечить выполнение условий службы солдат, включая федератов.

По счастью для римлян, Аттила, устранивший своего брата от власти и ставший единоличным вождем гуннов, удовлетворился обещаниями восточного двора и в 443 г. заключил мир со св. Феодосием Младшим. Очевидно, это было сделано отнюдь не из-за филантропических настроек воинственного варвара — он прекрасно отдавал себе отчет в мощи восточной римской армии и не желал рисковать понапрасну. Надо сказать, что новый государь гуннов явно опередил свое время и, уж во всяком случае, превосходил соплеменников политическим талантом. Его двор стал центром международного общения с далекими народами, ему служили и гунны, и готы, и римляне. Он принял от западного двора титул магистра армии и получал на себя отдельное содержание.

Однако это была не единственная война, в которой Константинополю пришлось участвовать в указанное смутное время. После смерти

Персидского царя Бахрама V в Персии воцарился *Йездигерд II* (438—457), жаждавший реванша с римлянами. Как и следовало ожидать, он вскоре нашел повод для новой войны, которая протекала в очень трудных для Восточной империи условиях. Римские территории подвергались постоянному грабежу со стороны арабов, гунны прорвались через кавказские хребты в восточные провинции, а исавры продолжали свои обычные разбои; а тут еще и персы выступили к границам Империи. В 440 г. римское войско под командованием Анатолия и Аспара выступило навстречу персам, но решительных сражений не произошло. Вскоре, в связи с нашествием гуннов, римское войско было отозвано на Запад, и в 441 г. стороны заключили долгосрочный мирный договор; как можно догадаться, военный успех не сопутствовал ни персам, ни их противникам.

Главным предметом мирного договора явился раздел Армении, где к этому времени пресеклась царствующая династия Арсакидов. К Византийской империи отошла западная часть армянской территории, северная область которой носила название *Великой Армении*, управлявшаяся римским комитом. Южная часть римской Армении была разделена на пять провинций, состоявших под главенством местных родовитых вождей, власть которых носила пожизненный характер и имела своим источником волю императора.

Мирные отношения с гуннами продержались лишь до 447 г., когда Атила вдруг посчитал, будто условия договора не в полной мере выполняются римлянами. Он опять наводнил своими войсками Фракию, а имперская армия под руководством Арнегиска потерпела от гуннов сокрушительное поражение в битве при реке Ута. Среди всеобщей сумятицы только граждане города Асимунта прославили свое имя: будучи осажденными гуннами, они вначале успешно отразили все их атаки, а затем, когда варвары сняли осаду, последовали за ними и отбили в коротких стычках множество пленных и добычу.

Все же это был пусть и героический, но *штрих*, не изменивший общей картины боевых действий. В скором времени гунны дошли до города Анфира близ Босфора, который располагался всего в 22 км от Константинополя. Другая часть гуннов устремилась в Македонию и Фессалию, и вскоре они овладели Фермопилами. В эту трудную минуту на помощь столице неожиданно пришли *исавры*, которые во главе со своим вождем Зеноном предложили услуги Римской империи. Состоявшаяся через некоторое время битва при Фракийском Херсонесе, хотя и закончилась поражением римлян, но сыграла свою роль: обессиленные гунны согласились заключить мир с Восточной империей. От имени римлян переговоры вел магистр армии Антоний, которому с большим трудом удалось убедить Атилу согласиться на мир при условии выплаты дани

в размере 2100 фунтов золота ежегодно и выдаче гуннов-перебежчиков. В 447 г. договор наконец был заключен. Пусть и не без трудностей, но восточный двор смог в состоянии нескольких критических лет сохранить мирные отношения с Атилой, сдерживая его наступательные порывы, пока мысли вождя гуннов не обратились на Запад.

Видя, насколько непрочное состояние Римского государства, ясно отдавая себе отчет в том, что западные провинции вот-вот попадут под власть варваров, св. Феодосий Младший щедро оплачивал мир с Атилой. Он совершенно правильно полагал, что война гораздо разорительнее любой (или почти любой) дани, поэтому исполнял практически всякий каприз гунна, который быстро понял свою выгоду и использовал выпавшее ему счастье максимально эффективно. Однако это не было признаком слабости — так же и по тем же мотивам римляне оплачивали мир с персами, исаврами и сарацинами, постепенно набирая новое войско и приготавливаясь к грядущим войнам.

И хотя некоторые современники ошибочно полагали, будто такие способы сохранения мира претят древней чести римлян, история подтвердила правильность стратегии св. Феодосия Младшего, сумевшего интуитивно верно выбрать именно тот характер отношений с варварами, который являлся оптимальным. При «воинственном» сценарии развития событий римская армия наверняка была бы уничтожена гуннами, а после этого персы и вандалы могли бы беспрепятственно проникнуть далеко в глубь имперских территорий. К тому же указанная сумма в 2100 фунтов золота хотя и выглядит фантастичной (по подсчетам, она равна 25 млн долларов США в современном исчислении), но деньги использовались этими же гуннами, чтобы приобрести предметы роскоши в Римской империи. Иными словами, деньги все равно *возвращались*, стимулируя римскую промышленность и оживляя торговлю.

С 447 г. связано другое, не менее яркое событие, но относящееся уже к церковной сфере. Константинополь и раньше страдал от землетрясений, но в этом году оно было наиболее разрушительным. Когда ночью начались мощные толчки, горожане в панике убежали на безопасное расстояние, а вернувшись, обнаружили мальчика, который, поднятый силой ветра в воздух, услышал славословия Ангелов Богу: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!» Они безболезненно опустили его на землю, и мальчик всем поведал об этом чудесном событии. Благодетельный император немедленно отдал приказ распространить это песнопение («Трисвятое») по всему царству, после чего оно попало в состав Литургического богослужения.

К этому времени мир, хотя и непрочный, вернулся в святую семью. После разрыва с женой св. Феодосий через некоторое время вернул во

дворец свою сестру. А вскоре, под влиянием евнуха Хрисафия, всерьез опасавшегося, что св. Пульхерия быстро восстановит свое положение при дворе и оттеснит его от императора, царь, простив, вернул во дворец и свою жену, которую хитрый евнух решил использовать в качестве противовеса старшей августе (правда, по другой версии, супруга все же оставалась в Иерусалиме; возможно, что лишь их отношения с императором стали теплее). Но, очевидно, обе они уже не имели возможности влиять на св. Феодосия Младшего так же, как раньше. К тому же благодаря проискам вездесущего Хрисафия отношения между невесткой и золовкой вновь стали натянутыми, чему очень поспешествовали события конца 448 г., когда в Церкви разразился новый раскол, связанный с появлением учения монофизитов.

Рассказывают, что под конец жизни, еще относительно молодой, но уже изрядно обессиленный государственными заботами, находясь под сильнейшим влиянием евнуха Хрисафия, св. Феодосий Младший обнаружил в себе подозрительность и большую, чем ранее, жесткость при наказании виновных. Впрочем, не исключено, что заговоры и измены, кажушиеся нам сегодня фикцией, на самом деле существовали — св. Феодосий II не имел наследника и тем самым дал повод заинтересованным лицам задуматься о грядущих перспективах. Например, был обвинен в измене и казнен родственник царя Руфин, префект Константинополя. Двух других потенциальных заговорщиков — Бандона и Даниила император велел удалить от себя, хотя и не предал казни. Он также сомневался в преданности исавра Зенона, который помог ему против Атиллы со своими соплеменниками, и задумывал план отправить засидевшихся в столице исавров обратно на родину.

Однако при всех многотрудных подвигах св. Феодосия II на благо отечества внешнее положение в Римской империи оставалось еще очень тревожным. Увы, его ждали еще большие испытания: несторианством церковные проблемы Византии совсем не закончились — под спудом поверженной ереси уже таилась новая, еще более грозная опасность, создавшая неисчислимые проблемы для всего христианского мира и Византии в частности — *монофизитство*.

§5. «Разбойный Собор» 449 г.

...Прошло почти семнадцать лет после Эфесского Собора; умерли Иоанн Антиохийский и св. Кирилл Александрийский, Несторий в ссылке искупал свою вину вместе с другом Иринеем, некоторое время бывшим епископом Тира. Но вдруг в 448 г. вновь возбудился пожар

богословского спора о природе Богочеловека, на этот раз в одном из монастырей близ Константинополя, где среди трех сотен монахов жил уже немолодой архимандрит Евтихий. Когда император созвал III Вселенский Собор, он, влекомый горячим желанием отстоять истину от ереси несторианцев, отправился в Эфес и вместе с Евсевием Дорилейским, с которым подружился в ходе Собора, активно боролся против учения Нестория. На него обратил свое благосклонное внимание сам св. Кирилл и даже подарил ему список (копию) «12 анафематизмов». Все это вскружило голову Евтихию, посчитавшего себя великим богословом. Увы, самооценка оказалась явно завышенной: хотя он действительно хорошо знал Священное Писание, но весьма скептически относился к не менее важному источнику христианского вероучения — Преданию, в частности к творениям Святых Отцов Церкви.

Пребывая в своем уединении, воспоминания события Эфесского Собора, он постепенно пришел к мысли о том, что Собор не до конца выполнил свое высокое предназначение, отвергнув еретический образ мыслей Нестория. Евтихий решил, будто именно ему надлежит восполнить пробел, связанный с недооценкой Божественной природы во Христе. Здесь он впал в противоположную крайность. Несторий настаивал на истинно человеческом естестве Богочеловека и преувеличивал в своем понимании Троицы значение и силу человечества Христа, представляя Его существующим в себе самом, *отдельно* от Божественного естества, в виде человеческой особи. Напротив, Евтихий, ревнуя о славе Божественного естества Иисуса Христа, преувеличил Его Божественность. Он представлял все существо Его наполненным одной Божественностью, а самое человеческое считая принадлежностью, свойством, *формой* Божественного естества Спасителя. Таким образом, по Евтихию, во Христе есть только одна истинная природа — Божественная.

Как ни спорны были мысли архимандрита, но они пользовались успехом в его монастыре и получили довольно широкое распространение в других обителях. О новаторе заговорили и в столице, тем более что, имея мечту сделаться Константинопольским архиепископом, Евтихий довольно щедро раздавал подарки, надеясь сместить с кафедры правящего архиерея «Нового Рима» св. *Флавиана* (446—449). Вскоре монастырь Евтихия сделался местом паломничества придворных особ, первым из которых был евнух Хрисафий. А затем слух о благочестии архимандрита достиг и слуха императора св. Феодосия Младшего, сделавшегося его горячим поклонником.

Надо сказать, св. Флавиан отнюдь не был всеобщим любимцем в кругу столичной знати и среди клира: его примирительный образ

мыслей не удовлетворял монахов, пылавших ненавистью к Несторию, а при дворе он приобрел противника в лице евнуха Хрисафия, желавшего поставить на эту кафедру своего друга Евтихия. Кроме того, в нарушение некоей сомнительной, мягко говоря, традиции св. Флавиан отказался после своей хиротонии отправить во дворец, придворным, *евлогию* — дар в виде денег, который обычно архиепископы столицы добровольно-принудительно выкладывали чиновникам за свое назначение. И, главное, патриарх ослушался императора, когда тот приказал рукоположить св. Пульхерию в диаконы, и даже предупредил ее о такой инициативе. Конечно же, св. Феодосий под нашептывание Хрисафия пришел к мысли, будто патриарх употребил во зло его доверчивость, и быстро охладел к нему.

В начале 448 г. в монастырь Евтихия заглянул Евсевий Дорилейский, и между старыми друзьями завязался непринужденный разговор о таинстве Боговоплощения. Евсевию не понадобилось много времени для того, чтобы убедиться в ущербности богословской позиции своего собеседника, и они расстались, крайне недовольные друг другом. *Бывшие* друзья еще не раз общались между собой, пытаясь переубедить друг друга, но чем больше они дискутировали, тем холоднее становились их чувства, вскоре отношения превратились в откровенно враждебные.

Осенью этого же года Константинопольский патриарх св. Флавиан назначил Поместный Собор в столице, чтобы обсудить спор лидийских епископов, и, по обыкновению, пригласил на него епископов своего церковного округа, в том числе Евсевия Дорилейского. В понедельник, 8 ноября 448 г., собравшиеся епископы Константинопольского округа быстро разобрали спор и уже потянулись к выходу, когда неожиданно встал Евсевий Дорилейский и потребовал выслушать его записку. К удивлению неподготовленных к данному событию епископов и самого св. Флавиана, это было обвинение Евтихия *в ереси*.

Патриарх попытался в мягкой форме отклонить это обвинение и посоветовал Евсевию повторно побеседовать с архимандритом Евтихием, но тот ответил, что его беседы не дали никакого результата, поэтому архимандрита надлежит пригласить на церковный суд и заслушать. Делать нечего — Собор был обязан принять это новое дело к своему рассмотрению, и уже через 4 дня, 12 ноября, епископы вновь собрались на свои заседания, чтобы рассудить Евтихия.

Собор направил посланников к обвиняемому с вызовом на суд, которых заслушали на очередном заседании 15 ноября 448 г. Те поведали, что в ответ архимандрит категорично отказался явиться на заседания, поскольку якобы связан обетом никогда не покидать стены монастыря. Они также огласили его исповедание, переданное Собору:

«Я исповедую, что родившийся от Девы Марии есть совершенный Бог и совершенный человек; но не признаю, чтобы тело Его было единосущным нашему». Смущенные отцы еще дважды направляли к нему своих посланцев, коротая время за чтением Святых Отцов, когда наконец 16 ноября Евтихий заявил, что явится на суд, но не готов точно обозначить это время. Наивные архипастыри не догадывались, что отпущенное ему время передышки хитрый архимандрит использует для созыва всех своих союзников. Так что, когда 22 ноября Собор открылся вновь, вокруг здания волновались толпы народа, а от императора прибыл его представитель патриций Флоренций.

Несмотря на все старания присутствовавших епископов, св. Флавиана и патриция Флоренция, который весьма активно участвовал в богословском изучении предмета спора и показал глубокие познания, Евтихий отказался признать то исповедание веры, которое было у всех на слуху. Последовали многочисленные увещания от присутствовавших лиц, в том числе со стороны Флоренция, явно не желавшего осуждения архимандрита. Но они не привели ни к какому положительному результату, и тогда Собор лишил его священнического сана. В свою очередь, Евтихий в этот же день направил кассацию императору и написал письмо Римскому папе, прося его поддержки.

Окаменевший в своем заблуждении, Евтихий вернулся в стены монастыря и буквально поднял бунт против патриарха; в ответ св. Флавиан приказал прочитать приговор Собора и анафемы Евтихию, как еретика. Но и противоположная партия предприняла свои действия: архимандрит отписал жалобы в Александрию и многим другим архипастырям, а Хрисафий настойчиво уговаривал императора св. Феодосия II срочно созвать новый Вселенский Собор, против чего, однако, твердо возражал Римский папа *св. Лев Великий* (440—461). Верно оценив Евтихия как человека невежественного и упрямого, понтифик советовал императору и св. Флавиану действовать без шума, отеческими наставлениями и увещаниями, и был, конечно, прав.

Однако, к сожалению, уладить дело без созыва Собора оказалось вскоре невозможным, вследствие чрезвычайной агрессивности обеих сторон и тех мер, которые каждая из партий предпринимала для собственной победы. Евтихий, по-прежнему упорный в своем ложном богословии, рассылал письма во все концы света и призывал поддержать его, как несправедливо оболганного; суда над собой он, конечно, не признавал. Более того, бывший архимандрит сам решил обвинить архиепископа в нарушении правил судопроизводства в отношении себя, заявив, будто протоколы Собора поддельны и содержат тезисы, которые он не произносил.

Надо сказать, что и св. Флавиан в некотором роде потерял контроль над собой — ему, первому архиепископу Востока, казалось невероятным, что его обвинял — и притом ложно — всего лишь архимандрит, пусть и столичного монастыря. Безусловно, *канонически* он был прав, отлучая Евтихия от церковного общения, но в данном случае это лишь подливало масла в огонь. Кроме того, св. Флавиан направил сирийцам письмо, и те поддержали его, немедленно подписавшись под актами Константинопольского собора 448 г. Напротив, «крайние» александрийцы, обернувшие отдельные *неточные* выражения св. Кирилла, к тому же явно вырванные из контекста его посланий, в пользу Евтихия, выказывали ему свое сочувствие и обещали поддержку. Очевидно, они руководствовались не только богословскими соображениями, их вела традиционная неприязнь к Константинопольскому патриарху.

Святой Феодосий Младший, как уже указывалось, сам не питал нежности к патриарху, но первое время остерегался принять просимое решение, видимо, помня о последствиях Эфесского Собора. Император в очередной раз попытался примирить стороны, но из этого ничего не вышло. Рядом спорили св. Пульхерия и св. Евдокия, причем каждая симпатизировала противоположной стороне. Поскольку Антиохийская церковь реципировала акты Константинопольского собора, и Западная церковь находила исповедание св. Флавиана православным, а Евтихия — нет, выходило, что спор вышел за пределы одного церковного круга и требует *вселенского обсуждения*.

Вопрос был решен, и император св. Феодосий Младший законом от 30 марта 449 г. назначил Вселенский Собор на 1 августа того же года в Эфесе; председателем Собора особой грамотой царя был определен Александрийский патриарх Диоскор, племянник св. Кирилла Александрийского. Без всякого сомнения, выбор города был подсказан Евтихием и Хрисафием, полагавшими, что здесь, на месте недавней победы александрийцев над Несторием, им в очередной раз улыбнется удача. Что же касается Диоскора, то Хрисафию не составило большого труда провести перед императором аналогию между нынешним архиепископом Александрии и его великим дядей — если св. Кирилл боролся в Эфесе против одной ереси, то пусть племянник покончит с другой! Оставалось непонятным, пожалуй, только одно — что считать ересью.

Едва ли, однако, это было удачное решение царя, *нашептанное* ему Хрисафием. Дело заключалось в том, что новый архиепископ Египта отличался от св. Кирилла далеко не в лучшую сторону. Вопросы богословия имели для него второстепенное значение, а сам он если чем и был озадачен, так это восстановлением первенства своей кафедры.

Вообще, надо признать, это был политик и администратор, но только не архипастырь. Ввиду слабости государственной власти в Египте император наделил архиерея данного округа широкими публичными полномочиями, и Диоскор, не скрывая, полагал, что является полновластным правителем этих провинций. Когда однажды обиженные граждане пообещали подать на него жалобу императору, он небрежно ответил: «Здесь нет другого императора, кроме меня». Патриарх безжалостно грабил свои епархии, всегда находя предлоги присвоить то, что ему нравится.

Современников коробили не только способы Диоскора по управлению епархиями, но и *личные качества* архиерея. Взойдя на кафедру после смерти дяди, Диоскор совершенно проигнорировал его завещание, попросту *ограничив* родственников. Те направились в Константинополь за защитой, где их уже ждал подкупленный александрийцем все тот же Хрисафий, решивший вопрос в его пользу; в результате почти все обвинители погибли или спрятались, чтобы избежать верной казни. Личная жизнь Диоскора внушала не меньшее отвращение, чем публичная деятельность, — ходили упорные и небезосновательные слухи о систематическом посещении продажными женщинами его покоев.

По согласованию с ним был подготовлен и регламент собрания, который позволял сформировать удобный для Александрийского патриарха кворум. Так, в частности, каждому патриарху разрешалось взять с собой на Собор не более десяти митрополитов своего округа, а им, соответственно, по одну епископу. Это было выгодное для Диоскора соотношение сил. Кроме того, епископам, участвовавшим в Константинопольском соборе 448 г., было *запрещено* подавать свои голоса и даже участвовать в прениях, включая самого Константинопольского архиепископа св. Флавиана и Евсевия Дорилейского. Императора убедили, будто только таким способом можно объективно рассмотреть дело, и он подписал следующее указание: «Судившие ранее богобоязнейшего архимандрита Евтихия пусть присутствуют и хранят молчание, не имея ранга судей, но, ожидая общего решения святейших отцов, так как ныне расследуется произведенный ими суд».

Это очень важный момент, существенно повлиявший на ход соборного суда и его решение. Безусловно, император искренне надеялся (и его убедили, что это единственно верный способ) посредством *проверки правильности судебных процедур* погасить основу церковного конфликта. Но, по существу, такое умаление прав многих архиереев могло иметь место при молчаливом и *осознанном* нарушении сподвижниками Диоскора целого ряда ранее сформировавшихся в виде традиций правил ведения Вселенских собраний. Определение Константинопольского

Собора 448 г. о низложении Евтихия могло рассматриваться Вселенским Собором в качестве кассационной инстанции при условии того, что сами обвинители архимандрита были обвинены в ереси. Но в этом случае св. Флавиан должен был занять место не среди участников Собора, а в качестве *обвиняемого*, то есть посередине зала, чего на самом деле не было. Кроме того, в этом же неприглядном качестве должны были предстать перед Вселенской Церковью и остальные судьи Евтихия — очевидный абсурд, на который не решились отважиться даже Диоскор и Хрисафий. Как следствие, *более трети* епископов изначально выводились из состава равноправных участников совещания. И, конечно, Диоскор решил использовать эти преференции своей партии для собственных целей.

Заместителями Диоскора на Соборе были назначены все его соратники и союзники, в число которых вошел и св. Ювеналий Иерусалимский, с чьей вариативной (мягко выражаясь) позицией нам еще придется столкнуться. В довершение всех бед по инициативе императора на Собор был приглашен и включен в число его участников сирийский монах Варсума, настоящий *разбойник*, которого тем не менее Хрисафий умудрился представить великим подвижником, аскетом и борцом с несторианством на Востоке.

Единственным, кто из клириков активно возражал против Собора, был папа св. Лев Великий. Но, став перед фактом его созыва, он подготовил соборное послание, в котором изложил свое исповедание, и направил четырех легатов (один из них, пресвитер Ренат, умер по дороге). Папа надеялся переломить почти очевидно неблагоприятный для него ход событий, но обстоятельства оказались сильнее.

В понедельник 8 августа 449 г. Собор начал свое заседание в той же церкви св. Марии, где проходил и III Вселенский Собор. Полный чувства собственного достоинства, Диоскор воссел на «горнее место», второе определил для римского легата, третье — св. Ювеналию Иерусалимскому, четвертое — Антиохийскому патриарху *Домну* (443—450), а св. Флавиану предоставил лишь пятое место, таким способом четко и наглядно для всех показав иерархию церквей в своем понимании.

Сразу после открытия Собора и оглашения грамоты императора римские легаты попросили прочитать послание Римского папы, но Диоскор и его сподвижники путем словесных комбинаций уклонились от этого. В принципе, в связи с полной неразберихой по поводу предмета соборного обсуждения, и отказ, и согласие на зачитание послания Римского папы могли найти свое процессуальное обоснование. Если речь шла об изучении правомерности решений Константинопольского собора, то, очевидно, спора о вере вроде бы и не было. Но в данном

случае оспариваемый судебный акт (низложение архимандрита) покоился на обвинении Евтихия в ереси, и, следовательно, нужно было определиться, *как* сами участники Собора формулируют для себя дискуссионный вопрос. Однако Диоскора, очевидно, волновали не эти рассуждения, он хотел наглядно продемонстрировать, что во всей Вселенской Церкви только одна Александрия может и должна давать единый вероисповедальный закон.

Как-то само собой получилось, что предметом обсуждения стало не определение о вере, с которым якобы все были согласны (не уточнив, *какое оно*, и не выяснив мнения Римского епископа), а рассмотрение жалобы Евтихия на решение Константинопольского собора.

Когда папские легаты попытались вновь вернуться к вопросу о вероучении, архимандрит внезапно заявил об их отводе по тому поводу, что они, дескать, часто бывали у Константинопольского патриарха в гостях и предрасположены к нему. Он нисколько не сомневался, что его протест будет принят председателем собрания. Диоскор тут же дал команду зачитать акты Константинопольского собора, и когда дело дошло до исповедания Евсевия Дорилейского, записанного в них, в зале поднялся большой шум. Египетские епископы потребовали анафематствовать его якобы за разделение двух природ Богочеловека — очевидное непонимание его позиции или нежелание понять. Заслушали и бывшего обвиняемого, ныне уже почти обвинителя, и тот повторил Никейскую формулу, признал Эфесский Собор, из хитрости и предосторожности даже не упомянув о собственной редакции исповедания.

Идущий во всем на поводу у Диоскора, св. Ювеналий Иерусалимский заявил, что признает Евтихия православным, поскольку тот исповедует Никейский Символ и согласен с оросом Эфесского Собора 431 г., а потому ему надлежит вернуть сан и монастырь. К сожалению, и Антиохийский патриарх *Домн* (443—451) отозвал свою подпись под актами Константинопольского собора, сказав, что заявления Евтихия убеждают его в православии архимандрита. Мнение главного архиерея Сирии полностью расстроило ряды епископов Антиохийского патриархата, и они замешкались. Как результат, решение Константинопольского Собора было отменено как неправомерное.

Не теряя ни минуты, Диоскор велел ввести в зал заседаний монахов из монастыря Евтихия, которых св. Флавиан своей властью патриарха отлучил от причастия Святых Даров за поддержку мятежного архимандрита. Их прошение было написано в тонах, в высшей степени оскорбительных для Константинопольского архиепископа, содержало обвинения в многочисленных злоупотреблениях власти, клевете, преследовании истинных подвижников Православия и т.п. Конечно,

обвинения были безосновательны, и в любой другой ситуации собрание епископов незамедлительно обуздало бы клеветников, имевших к тому же дерзость столь бесцеремонно обращаться к патриарху; но только не теперь. Диоскор не удосужился даже выяснить, имели ли данные факты место, он также не предоставил слово обвиняемому, сославшись на запрет императора говорить своему противнику без необходимости, посчитав, что ее в данном случае нет. Тонко чувствуя настроение председателя Собора, св. Ювеналий Иерусалимский в очередной раз взял инициативу в свои руки и предложил освободить монахов от запретов, наложенных на них Константинопольским патриархом.

Одержав очередную победу над св. Флавианом, Диоскор предложил зачитать постановление о вере, изложенное Эфесским Собором, — обычно это являлось прелюдией перед принятием дисциплинарных взысканий. Епископы еще терялись в догадках о причинах этого, осторожно предполагая при обмене краткими репликами между собой и не смея в это верить, что речь пойдет о *низложении св. Флавиана*. Чтение началось, и, воспользовавшись актами шестого заседания Собора 431 г., где содержалось запрещение составлять или обнародовать символы, хоть в чем-то покушавшиеся на Никейский Символ, под угрозой отлучения от Церкви и низложения, Диоскор пригласил одного из нотариев, и тот прочитал приговор о низложении епископа Евсевия Дорилейского и св. Флавиана Константинопольского. Как видно, сценарий заседания был спланирован заранее, и Диоскор Александрийский твердо вел Собор к намеченной цели.

Это было уже настоящее бесчинство. В нарушение процессуального законодательства и традиций Диоскор не дал слова обвиняемому, не удосужился установить, насколько его исповедание противоречит Кафолической вере и каково мнение других архиереев по данному поводу. Столь грубый прием, между прочим, со всей ясностью свидетельствует о ложности возведенных на св. Флавиана обвинений в части превышения им своей власти. Ведь для его низложения вполне было достаточно подтверждения факта канонических преступлений против монахов из обители Евтихия. Но александриец побоялся основывать на этом судебное решение полностью находящегося в его воле Собора, поскольку имела опасность того, что император просто *не утвердит* такого приговора ввиду его явной сомнительности. С другой стороны, очевидно, Диоскору очень хотелось все-таки убедить всех в еретичестве патриарха Константинополя с тем, чтобы на его фоне выглядеть непогрешимым богословом.

Когда приговор был прочитан, Александрийский архиепископ с недвусмысленной угрозой предложил присутствовавшим епископам вы-

сказать свое мнение, заметив, что обо всем случившемся он немедленно донесет царю. Очевидно, что при том расположении, какое двор от имени императора высказывал Диоскору, любое противостояние с ним грозило неприятностями для ослушавшегося воли александрийца. Тем не менее некоторые епископы бросились в ноги Диоскору и умоляли его отменить свое решение.

Святитель Флавиан также поднялся со своего места, крикнул: «Протестую!» — и передал римским легатам кратко набросанный им тут же перевод осуждения, переведенный с греческого языка на латынь — легаты не владели греческим языком и попросту не поняли, что произошло. Одни участники Собора шумели, другие, недоумевая о том, что случилось, и, желая поближе разглядеть сцену близ председательствующего, столпились близ него, римские легаты требовали слово, чтобы высказать свой протест происходящему — шум стоял невероятный. Опасаясь, что ситуация выйдет из-под контроля, Александрийский патриарх велел стоящим у дверей храма солдатам вывести склонившихся у его ног просителей вон.

Солдаты бегали по церкви, епископы пытались спрятаться или вырваться наружу, монахи Варсумы и он сам бегали вокруг и грозились убить любого, кто противится Диоскору. Александриец приказал запереть двери, чтобы архиереи не разбежались, и епископ Стефан Эфесский запер их, спрятав ключи, в свою ризницу. Все же постепенно шум утих, и тогда Диоскор, уже совершенно никого не стеснясь, напрямую потребовал от присутствовавших подписать приговор, сказав, что любой не согласный будет иметь дело лично с ним. Евсевий Анкирский попытался робко воззвать к милости, но сам едва не был низложен по требованию египетских епископов. Тогда св. Ювеналий Иерусалимский первым высказался за осуждение св. Флавиана, потом свой голос подал Домн Антиохийский, поднялись и другие руки.

Оставалось *подписать* акты Собора (помимо приговора), которые вследствие шума и беспорядка не были еще составлены нотариями. И тогда один из членов этого позорного совещания предложил *подписать чистые листы* (!), сославшись на то, что в свободное время Диоскор и нотариусы заполняют их правильно. Это было уже совершенно неслышанно, но, видимо, епископам нужно было пережить и такое унижение, чтобы запомнить этот злосчастный день. Диоскор и св. Ювеналий пошли по рядам, собирая подписи, а отказывавшихся подписывать листы называли еретиками. Беспорядок был таков, что два епископа подписались *дважды*.

Между тем настала ночь, и на фоне этого постыдного зрелища у выхода из храма кротко стоял св. Флавиан, ожидая, когда его выведут.

Видимо, это окончательно взбесило Диоскора, и он, подбежав к архиепископу, кулаком ударил его в лицо. Подоспевшие дьяки александрийца повалили Константинопольского патриарха на пол; Диоскор продолжал топтать тело, а монахи Варсумы избивали несчастного осужденного палками под крики своего вождя: «Убей его!» В ужасе от этой сцены епископы бросились вон из храма, двери которого наконец-то были открыты, а солдаты вытащили тело св. Флавиана из церкви и бросили умирать на солому. На следующий день его отправили в ссылку, но по дороге святой мученик умер. Евсевию Дорилейскому повезло гораздо больше — он сумел сбежать из-под стражи и, переправившись через море, нашел убежище у папы св. Льва Великого.

Епископы надеялись уехать на следующий день, но участникам Собора, справедливо названного за происшедшие на нем события «*Разбойным*», не дали такой милости. Желая во всем закрепить свое главенство, 22 августа Диоскор созвал их вновь и потребовал осудить Феодорита Кирского — твердого противника «12 анафематизмов» св. Кирилла Александрийского. Жертвой его гнева стал и Антиохийский патриарх Домн, обвиненный в несторианстве (на самом деле он подал рапорт императору о случившемся, и Диоскор тут же расправился с ним), Ива Эдесский и еще три епископа. Наконец, увидев вокруг себя только соучастников и уголовников из числа монахов Варсумы, Диоскор решил закрыть Собор.

Венцом победы стало поставление Диоскором нового Константинопольского патриарха после прибытия в восточную столицу Римского государства — выбор его пал на дьякона своей церкви *Анатолія* (449—458). По прибытии в Александрию Диоскор имел торжественный въезд, неся перед собой, как великий трофей, акты своего Собора о низложении двух патриархов. Теперь весь Восток был под его ногами, и он даже осмелился присвоить себе титул *Вселенского патриарха*, который ему предложил один азиатский епископ.

Обманутый Хрисафием, не устававшим убеждать императора в его богословской прозорливости и мудрости, не зная подробностей событий «Разбойного Собора», св. Феодосий утвердил его акты законом. Первым доказательством того, что царь находился в полном неведении, служат его слова в ответном послании к Валентиниану III: «В присутствии досточтимейших епископов, с полной свободой и совершенною истиной, отлучены недостойные священства и восприняты те, которые признаны достойными. И мы знаем, что ими ничего не было сделано противного правилу веры и справедливости».

Но торжество и всевластие Диоскора оказались скоротечны. Вернувшиеся в Рим легаты передали св. Льву Великому подробности по-

зорного собрания, а вскоре сюда же дошли апелляции Евсевия Дорилейского, св. Флавиана и Феодорита Кирского. Папа 14 октября 449 г. созвал Собор в Риме и отверг решения «Разбойного Собора». Затем он адресовал письма императору, св. Пульхерии, духовенству и монашеству Константинополя, в которых, опираясь на доклад своих легатов, возлагал всю вину за случившееся на Диоскора. В ответ Диоскор, испытывая искреннее сожаление в том, что не удалось задержать легатов папы, созвал синод из окружавших его епископов, произнес анафему папе и отлучил его от Церкви.

Потерпев крушение на публичном поприще, папа св. Лев Великий решил использовать еще один шанс, даруемый ему судьбой. 22 февраля 450 г., в праздник кафедры святого апостола Петра, в Рим съехались во множестве итальянские епископы, а также император Валентиниан III, Галла Плацидия и Евдоксия. Во время всеобщего богослужения понтифик подошел к императору и заклинал его со слезами на глазах памятью апостола Петра написать св. Феодосию II Младшему и упростить его отменить акты «Разбойного Собора».

Западные императоры обратились с письмами к св. Феодосию и св. Пульхерии в поддержку понтифика о срочном созыве нового Вселенского Собора в Италии. Безусловно, августа была согласна во всем со своими родственниками. Но *официальный* Константинополь ответил, что оснований для тревог нет — еретики повержены, а вера восстановлена. Впрочем, по другим данным, св. Феодосий II все же дознался перед самой смертью о том, что происходило в Эфесе, очень горевал о смерти св. Флавиана, сослал Хрисафия и готов был предпринять восстановительные меры. Но отмщение было уже близко в лице св. Пульхерии, св. Маркиана и созванного ими великого Халкидонского Собора...

§6. Смерть царя и кончина императрицы

Церковные споры, ставшие особенно активными после «Разбойного Собора» 449 г., разрушали не только саму Церковь, но и все государство. Мало того что целые патриархии прекратили между собой евхаристическое общение, но и Запад, едва ли не единственной связью с которым являлся Римский папа, гневно протестовал против решений «Разбойного Собора». Империя вновь была на грани жесточайшего кризиса. Апостолика поддержал и двор императора Валентиниана III, упрашивая св. Феодосия II отвергнуть решения Собора 449 г. Пусть Валентиниан III и Галла Плацидия, будучи во всем зависимыми от

Константинополя, не имели возможности *политически* противостоять св. Феодосию Младшему, но в любом случае противоречия могли привести к тяжелым последствиям для всего государства в целом.

В это время неожиданно св. Феодосия настигла смерть. Говорят, что, проявив в зрелые годы увлечение физическими упражнениями, он однажды верхом на коне ехал вдоль берегов реки Лика, но упал с лошади и повредил себе позвоночник. Как свидетельствуют древние хроники, обеспокоенный вопросом преемственности власти, св. Феодосий II нашел в себе силы собрать в предсмертный час придворных и св. Пульхерию и объявить им о выборе своего преемника, вымоленном у образа св. Иоанна Богослова еще во время поездки императора в Эфес. Им стал воинский командир, сенатор *св. Маркиан*, которого он просил сестру взять себе в мужа. На следующий день, 28 июля 450 г., св. Феодосий Младший скончался.

Воля умирающего царя была доведена до нее, и св. Пульхерия обеспечила избрание св. Маркиана сенатом и армией, что не составило особого труда. 24 августа 450 г., в присутствии армии, по обыкновению приветствовавшей избранника, *св. Маркиан* был объявлен Римским императором, после чего он и св. Пульхерия тут же обвенчались. Для этого императрица получила разрешение патриарха от обета девства, данного в юности, но и теперь уже далеко не молодые супруги жили целомудренно. Вне всякого сомнения, их брак был всего лишь фикцией. Гораздо важнее то, что супругов связывали чистота нравов, добрые духовные отношения и единомыслие в вере. Для большей легитимности прав св. Маркиана царица добилась того, чтобы Константинопольский патриарх Анатолий *короновал* нового императора — событие, до сих пор невиданное.

Обычно повелось описывать этого императора стандартными формулировками, где не последнее место занимают упреки в слабости монарха, его небрежности по отношению к государственным делам, и т.п. Но послушаем, что о нем писал такой замечательный византист, как Ю.А. Кулаковский (1855—1919): «Глубоко и искренне благочестивый, неукоснительно твердый в своей вере, мягкий и кроткий по характеру, Феодосий был преисполнен сознания высоты своего служения и своего сана и неукоснительно нес свой жребий как долг перед Богом и своим народом... Несмотря на свой мягкий и слабый характер и не отличаясь бойкостью ума, Феодосий был всегда прекрасно окружен и имел вокруг себя верных, честных и талантливых слуг. Его правительство ясно осознавало свои задачи и обязанности и было способно вести государство к силе, чести и славе. Эта сила поддерживалась религиозным настроением

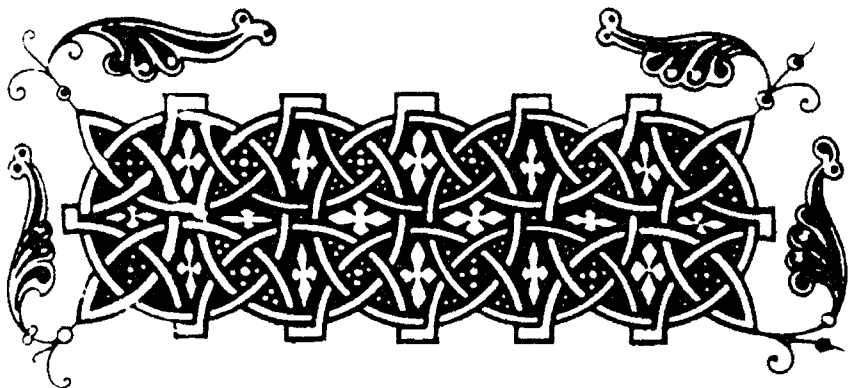
государя, и оно прежде всего обуславливало твердый тон государственной политики за это время. Государство окрепло в царствование Феодосия, и тот мир, в котором пребывали его восточные области, шел на пользу финансовой силы государства и его культурного развития. В то время как на Западе варварский элемент и всемогущество военных людей подрывали самые основы государственной власти, Восток Империи остался свободен от этих бедствий... Варвары верно служили императорскому престолу и проливали свою кровь во славу римской идеи единого мира под скипетром одного Богом поставленного государя... Феодосий сердцем чувствовал свой долг государя и скрепил своим жизненным подвигом Империю, которая признавала себя единой христианской державой... Этот простой и кроткий образ царя, неизменно твердого в своей сердечной вере, имеет право на высокое место в ряду византийских государей и является по-своему великим».

Супруга святого императора пережила его почти на 9 лет. После его смерти она не вернулась в столицу и проживала до конца дней в столь любимом ею Иерусалиме, что было связано с резким расхождением ее оценки последних церковных Соборов с мнением св. Пульхерии и св. Маркиана. После Халкидонского Вселенского Собора (451 г.) св. Евдокия поддерживала монофизитов и отказалась вступать в общение с Иерусалимским патриархом св. Ювеналием. Римский папа св. Лев Великий, Валентиниан III, внучка, брат Валерий и муж внучки Олибий многократно упрасивали ее изменить позицию, и лишь смерть и плен близких (смерть зятя, плен дочери и внучек) сломили ее упорство. Она обратилась за советом к знаменитому святому подвижнику Симеону Столпнику, который, в свою очередь, направил ее к пустынножителю и отшельнику св. Евфимию; тот и посоветовал императрице восстановить церковное общение со св. Ювеналием.

Она покорилась, и многие жители Иерусалима последовали ее примеру. Чтобы увековечить память того дня, когда мир возвратился в ее душу, она велела построить неподалеку от лавры св. Евфимия церковь Св. Петра. Императрица часто ходила туда помолиться и, пораженная царившим там спокойствием и монашескими подвигами, восклицала: «Как хороши твои дома, о Иаков! И твои шатры, о Израиль!» Среди этих благочестивых занятий царица достигла возраста 67 лет и, чувствуя упадок сил, захотела завещать св. Евфимию крупную сумму денег. Старец, однако, отказался, предупредил св. Евдокию о близкой смерти и попросил ее помянуть его, когда она предстанет перед Господом. Последние дни святой царицы были посвящены широчайшей благотворительной деятельности — количество денег, пожертвованных ею

церквам, монастырям, больницам, старым, нищим и убогим, превосходит всякое воображение.

Построенный ею храм Св. Стефана был освящен незадолго до ее смерти, которая последовала 20 октября 460 г., и в этом же храме она была похоронена. Перед смертью царица дала клятву, что никакой измены с ее стороны с Павлином не было. И нет ничего удивительного в том, что «новая Елена», как ее называли монахи и жители Иерусалима, была по достоинству вознаграждена Церковью за свои подвиги во славу Христа и причислена к лику святых.

Глава 5.

ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ МАРКИАН (450—457) И ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ПУЛЬХЕРИЯ (450—453)

§1. «Солдатский» царь

Некогда фракийский юноша по имени Маркиан, решивший пойти по стопам своего отца — военного командира невысокого чина, отправился в Филиппополь (ныне — Пловдив), чтобы там записаться в легион и начать воинскую службу солдатом. По пути он наткнулся на тело убитого человека и, будучи сострадателен и добр, остановился возле него, желая отдать убиенному последний долг памяти. Здесь его и схватили агенты местного префекта, заподозрив в совершении этого преступления. Святого Маркиана допросили, его показаниям не поверили и наверняка признали бы преступником, если бы по Божьей милости в этот день не был бы схвачен истинный убийца.

Придя в один из легионов, св. Маркиан записался простым воином, причем с ним произошел один интересный эпизод, многократно впоследствии повторенный историками и современниками. По уставу св. Маркиана следовало поместить на последнем месте в списке легиона как новобранца. Но его воинский начальник, которому понравились стать, сила юноши и его характер, решил записать его на место недавно умершего легионера, которого звали Август. В результате получилась следующая запись: «Маркиан, который также и Август». Для всех это

являлось Божественным знаком его избранности (ведь и императоров звали *августами*), впрочем, далеко не единичным.

В 430 г. по просьбе Валентиниана III император св. Феодосий II отправил на помощь тому свою армию во главе с Аспаром в Африку. В неудачной для римлян битве с вандалами св. Маркиан был взят в плен. Его, как и остальных пленных, привели на равнину, чтобы вождь вандалов *Гейнзерих* (428—477) мог полюбоваться живой добычей. День стоял жаркий, воины занимались своими мелкими делами, а св. Маркиан лег спать. Каково же было удивление короля вандалов, когда он увидел, что орел спустился с высоты и, паря вблизи кругами, создал над спящим св. Маркианом нечто вроде тени. Он немедленно приказал освободить фракийца, лично взяв с него клятву в том, что тот никогда не поднимет оружия против вандалов, когда достигнет царской власти.

Все же нельзя недооценивать прагматизм Гейнзериха. От остальных пленных он узнал, что св. Маркиан пользуется расположением гота Аспара, фаворита двора, и варвар разумно решил, что никакого проку от убийства римлянина ему не будет, а оставив его в живых, он может впоследствии получить прекрасные дивиденды от своей расторопности. В общем, так все и вышло.

Как свидетельствует историк, аналогичный эпизод еще раз произошел в жизни св. Маркиана. Во время войны с персами св. Маркиан вместе с войском отправился в поход, но по дороге занемог. Он остановился в городе Сидиме, что находился в провинции Ликия, на постой у двоих братьев Юлия и Татиана. Спустя некоторое время, когда здоровье его пошло на поправку, св. Маркиан вместе с ними отправился на охоту, а в полдень они легли уснуть. Проснувшись, братья обнаружили орла, парящего над их попутчиком. Орел с древних времен символизировал царскую власть, и братьям не составило труда прийти к выводу, что перед ними — Божий избранник. Разбудив св. Маркиана, они спросили: что он сделает им, когда станет царем? Удивленный юноша недоумевал, почему это должно произойти («Что я за человек, чтобы это со мной могло случиться?»), но пообещал Татиану и Юлию, что назовет их в таком случае «отцами». Братья дали солдату 200 монет и отправили в Константинополь, где он догнал свою армию. Замечательно, что впоследствии, когда св. Маркиан станет царем, он действительно пригласит этих братьев в столицу и пожалует высокими назначениями. Татиан станет префектом Константинополя, а Юлий — префектом Ливии, и в своих посланиях император будет именовать их «отцами».

Почти всю жизнь прослужив в армии, св. Маркиан получил титул трибуна — не слишком высокий, чтобы задумываться о высоких перспективах. Рядом находились могущественные фигуры, и едва ли мож-

но понять, почему выбор св. Феодосия Младшего и св. Пульхерии пал именно на него. Да, св. Маркиан был благочестив, православен, надежен и весьма скромен в быту, но объективно ни при каких обстоятельствах не мог рассматриваться в качестве нового самодержца. Он был вдовцом, и от первого брака имел дочь, которую выдал замуж за Анфимия, внука опекуна св. Феодосия Младшего, правившего в первый период его царствования. Надо сказать, что, опровергая рассказы о солдатских нравах времен Римской империи, св. Маркиан был предельно целомудрен и никогда не давал повода для скабрезных историй в отношении себя.

Поговаривали, что за него высказался и могущественный готский военачальник Аспар, в течение 15 лет бывший его покровителем в армии. Но в то время он был далеко не единственным фаворитом — нельзя забывать и о грозной фигуре Хрисафия, как минимум уравнивающего гота по силе своего влияния на царя. Поэтому предание о божественном откровении, предопределившем выбор св. Феодосием нового царя, выглядит наиболее убедительным.

Что можно сказать о новом царе? Он был безупречно честен, прямодушен, последователен в решениях, суров, немного грубоват и бескорыстен, физически силен и, несмотря на возраст, все еще по-мужски красив. Его отличала прямота характера и любовь к справедливости, что выглядело чем-то необычным на фоне распущенных нравов аристократов и столичных городов, но напоминало старые римские порядки, которые еще поддерживались в армии.

Как христианин, св. Маркиан был благочестив по отношению к Богу и к людям. Он «считал богатством не то, что сберегается, и не то, что собирается от налогов в одно место, но единственно лишь то, что может помочь нуждающимся и обеспечит большую безопасность владеющих». Пронизанный духом римской военной дисциплины, понимая действенность наказания в деле поддержания общественного порядка, он тем не менее старался не столько карать, сколько *угрожать* карой. Новый император был малообразован, но люди уважали в нем здравый смысл, а его храбрость вошла в пословицу. Святому Маркиану шел 58-й год, и он собирался посвятить последние годы своей жизни на благо отечества и служению Церкви. Это был именно тот *товарищ по трону*, в котором остро нуждалась св. Пульхерия.

Поскольку святая императрица уже давно носила титул августы, ей принадлежала решающая роль в исполнении последней воли царственного брата по возведению св. Маркиана на престол. Тонкость ситуации заключалась в том, что при сложившихся обстоятельствах он мог стать императором только путем *женитьбы* на августейшей деве. Ведь в Иерусалиме проживала императрица св. Евдокия (хотя бы уже и но-

минальная), и при наличии трех августов (Валентиниана III, св. Пульхерии и св. Евдокии) признавать царем *постороннего* человека было совершенно невозможно. Церемония воцарения случилась в Евдоме

Хотя оба императора являлись полновластными правителями Империи, все же по молчаливому и любовному согласию, они фактически поделили полномочия. Святой Маркиан взял на себя внешнюю защиту Римского государства, которому угрожали враги, а его венценосная супруга приняла внутреннее управление и руководство Церковью. Энергичная женщина, она немедленно продолжила традицию своего великого деда, во главе угла которой лежала идея об императоре — главе Церкви. Императрица считала, что только царю принадлежит верховная правительственная власть в Церкви и данное правило не могло иметь отступления. Возвышение александрийца являлось нарушением традиции и таило серьезную угрозу государственной власти, с чем, конечно, св. Пульхерия не собиралась мириться. Царственные супруги пригласили в союзники св. Льва Великого с тем, чтобы опровергнуть догматические позиции Диоскора и Евтихия. Ее старания, сопряженные с усердием св. Маркиана, не пропали даром — блистательный Халкидонский собор, детище царской власти, станет самым величественным памятником этой царственной чете.

Попутно императрица св. Пульхерия решила восстановить единоличное правление царей, избавившись от многочисленных фаворитов и временщиков. Она выдала на суд и казнь ранее могущественного евнуха Хрисафия, на чьей совести было множество загубленных душ. Затем вернула в Константинополь мощи св. Флавиана, жертву козней Александрийских патриархов на «Разбойном Соборе» 449 г. Она же выбрала местом их погребения фамильный для царей храм Святых Апостолов, где уже покоился св. Иоанн Златоуст.

А император св. Маркиан ознаменовал начало своего царствования эдиктом о сложении недоимок с населения за последние 9 лет. Вскоре это станет обычной практикой при воцарении нового монарха. Помимо этого он воспретил всякие поборы, ранее взимавшиеся при вступлении в должности (главная предпосылка коррупции среди чиновничества), и отменил огромные затраты, производимые лицами, вступавшими в консульство. Как рачительный хозяин, император велел обратить эти средства на городские и общенародные нужды, в частности на восстановление городского водопровода Константинополя.

Святой Маркиан был предельно благочестив, и в этом отношении они очень походили со св. Пульхерией друг на друга. Известно, что супруги вместе неукоснительно соблюдали все религиозные церемонии и моления, какие совершались ранее при св. Феодосии Младшем. Ста-

раниями супругов вскоре был построен монастырь Св. Зои и Св. Ирины. В день очередной годовщины сильнейшего землетрясения 447 г. (когда открылось «Трисвятое»), 26 января, император пешком отправился из дворца на Военное поле с крестным ходом. Поскольку было очень холодно, патриарх не одобрил предложение императора пройти пешком вместе с ним, и решил следовать за ним на носилках. Но, вдохновленный примером царя, пошел за ним следом. Даже в последний год своей жизни, будучи тяжелобольным, св. Маркиан продолжал посещать все богослужения и принимал участие в крестных ходах.

Как и его супруга, св. Маркиан с глубоким негодованием относился к «Разбойному Собору» и жаждал восстановления истинного богопочитания, что было, однако, совсем непросто. Почувствовав свою силу и явно не разобравшись в ситуации, Диоскор попытался *выступить против императоров (!)*, задержав в Египте провозглашение св. Маркиана царем. Конечно, этот демарш только укрепил царей в мысли решить дело по-своему.

Две главные задачи стояли теперь перед монархами — отражение внешних угроз со стороны варваров и восстановление единства Кафолической Церкви. Здесь-то и сказались плоды политики св. Феодосия Младшего, которыми вовремя и к месту воспользовался его преемник. В наследство св. Маркиан получил многочисленную и хорошо организованную армию, познавшую вкус победы над персами и горящую желанием сразиться с гуннами. Хотя он стал императором «из солдат» и не получил блестящего образования, но, как отмечалось, был умен особой *народной мудростью*, а потому умел сочетать свои желания и общие интересы.

Святой Маркиан практически всегда предпочитал мир войне, если такая возможность открывалась хотя бы и за деньги, и в этом отношении продолжил очень верную и прагматично-выверенную линию поведения прежних царей, умевших быть и воинственными, и мирными в зависимости от внешних обстоятельств. Но когда Атила прислал к нему посольство с требованием дани, св. Маркиан ответил, что не обязан давать ему столько, сколько ранее *по щедрости* давал св. Феодосий II. «Возвратитесь к вашему государю и скажите ему, что если он обращается ко мне как к другу, то я пришлю ему подарки, а если как к даннику, то я имею для него оружие и войско, не слабее его». Это уже был *ультиматум* с позиции силы. Император немедленно отправил к вождю гуннов своих послов, обещавших выплачивать дань, но на обычных для всех федератов условиях — охрана границы Римской империи и признание власти императора над собой.

Конечно, Атила не принял посланцев царя и, оскорбленный, начал подумывать о полномасштабной войне с Константинополем, но так на

нее и не решился. В сентябре 451 г. он направил небольшой конный отряд в Восточную Иллирию для проведения устрашающего набега, но дальше этого дело не пошло. При всех угрозах в адрес св. Маркиана в 452 г. Атила опять отказался от немедленных боевых действий на Востоке, хотя заочно и объявил Константинополю войну, поскольку св. Маркиан дани так ему и не выплатил. Вместо этого он стал готовиться к походу на Италию.

Но, надо полагать, в тот момент не просто слепой случай спас Восточную империю от гуннов, а сказала та мощь, которую она накопила за последние 50 лет. Атила был слишком умен и расчетлив, чтобы рисковать в борьбе с таким опытным и бесстрашным соперником (особенно если его храбрость была подкреплена реальной силой), как св. Маркиан. Поэтому он выбрал жертву слабее — Рим — и расправился с ней, что в общем-то тоже далось ему не без труда, если вспомнить страшное поражение гуннов на Каталаунских полях.

§2. IV Вселенский (Халкидонский) Собор

Как ни тяжело было внешнее положение Римского государства, внутренние неурядицы, вызванные двумя последними соборами и расколом Кафолической Церкви, казались еще тяжелее. После 449 г. могущественный Хрисафий фактически передал Диоскору все церкви Востока, и те склонили свои головы перед «фараоновой шапкой». А монастыри сделались притонами самых фанатичных евтихианцев. Городские судьи, префекты провинций и другие высшие должностные лица государства приняли постановления «Разбойного Собора» как официальную религию и требовали от населения их неукоснительно точного соблюдения. Но сам Восток не был единомышленным: если Александрия склонялась к евтихианству, то Антиохия, естественно, к несторианству. Остальные епископы едва терпели тиранию Диоскора, мечтая поскорее избавиться от нее.

Но на другом конце Римской империи папа св. Лев Великий не устал бороться за истину. Конечно, ранее Рим всегда более благосклонно относился к Александрии, чем к Константинополю или Антиохии. Но в данном случае Александрийский архиепископ первым начал военные действия, совершенно проигнорировав былую дружбу и добрые традиции взаимоотношений двух апостольских церквей.

Мало того что Диоскор не принял веры Римского папы и даже воспрепятствовал огласить на своем Соборе его «Томос», он позволил себе оскорбить личность Римского понтифика. Епископ Древнего Рима,

преемник первого апостола Церкви, был отлучен горстью египетских епископов во главе с ересиархом, позволившим себе неслыханные ранее преступления! И это все шло из Александрии, епископов которой — св. Афанасия Великого и св. Кирилла — так упорно и настойчиво поддерживала Римская церковь.

Негодование тем более возрастало, что столь бесцеремонно оскорбленный папа являлся в действительности одним из самых великих понтификов, каких видел на своей кафедре Рим. И перу этого епископа, как указывалось выше, принадлежало первое системное учение о прерогативах Римского архиепископа. Конечно, при таких, исключаящих любой компромисс, условиях папа был готов биться до конца. Откровенно сказать, союзников у него было не так много. Император Валентиниан III полностью дискредитировал себя в глазах общества и вообще мало интересовался делами Церкви. Он мог *подписывать* письма своему восточному собрату под диктовку понтифика, но не мог настоять на своей позиции, даже если бы она и была. Лишь св. Пульхерия горячо и открыто поддерживала Римского папу. Это, конечно, было немало, но и не так много, как могло показаться.

Впрочем, вскоре все изменилось. Если во времена Хрисафия голос апостолика был едва слышим, то сейчас, после воцарения нового императора, он вещал в полную силу и пробудил всю Кафолическую Церковь. Теперь рядом с понтификом, как Ангелы Хранители, стояли св. Маркиан и св. Пульхерия. Они немедленно кассировали решения «Разбойного Собора», вернув из ссылки всех сосланных Диоскором епископов. Напротив, мятежный Евтихий был удален царским распоряжением из города без какого-либо судебного разбирательства. Почувствовав опасность, Диоскор попытался восстановить отношения с Римом, но св. Лев потребовал, чтобы он и остальные архиепископы Поместных Церквей признали его «Томос», так и не прочтенный в 449 г. на «Разбойном Соборе». Понятно, что вслед за этим на повестку дня встал бы вопрос о вере самого Александрийского епископа и его протеже Евтихия.

Мог ли «Фараон» согласиться с тем, что его признают еретиком или покровителем ересиархов? Риторический вопрос. Но и делать вид, что ничего не произошло, становилось все труднее: пока Диоскор молчал, вчерашние ставленники и союзники, чувствуя новые веяния, предавали его один за другим. Вначале «Томос» подписал Анатолий Константинопольский, его недавний апокрисиарий, затем патриарх *Максим Антиохийский* (450—456). Вслед за этим архиереи, участвовавшие в заседаниях 449 г., массово начали писать покаянные заявления св. Льву Великому, и всем «вдруг» стало ясно, что два года назад в Эфесе произошло настоя-

щее преступление. Конечно, никто не хотел признавать своей личной вины, и «козлом отпущения» объявили Диоскора, которого оставалось снять с кафедры — вполне разрешимая задача для решительного императора и его мудрой супруги. Но оставалась еще ересь Евтихия, свившая себе многие гнезда на Востоке. И опровергнуть ее только *административными* способами было совершенно невозможно.

Поэтому, едва взойдя на престол, св. Маркиан отписал совместно со св. Пульхерией письмо папе, в котором, между прочим, супруги заявили, что очень надеются на «святость, содержащую начальство в епископстве Божественной веры». Они напрямую признались, что во всем полагаются на авторитет апостолика, который поможет на предстоящем Вселенском Соборе, задуманном царями, дабы восстановить мир в Церкви.

Но тут возникла первая неувязка. Если раньше папе казалось, что только новый Вселенский Собор (и обязательно в Италии) может спасти Церковь от ереси Евтихия, то теперь апостолик резко охладел к этой идее. Во-первых, перед воротами Рима стоял Аттила, и, кроме папы, некому было умирять грозного варвара. Да и едва ли остальным архиереям улыбалась перспектива проводить Собор в условиях военного времени. Во-вторых, ему казалось, что вопрос и так уже догматически решен — ведь цари согласились с его вероучением, чего желать еще?

Поэтому св. Лев Великий предлагал императорам, чтобы остальные Церкви и епископы «всего лишь» подписали его «Томос», признав, соответственно, содержащееся в нем исповедание единственно католичным. Кроме того, совсем не исключено, что в глубине души понтифик опасался всякого рода неожиданностей на предстоящем Соборе — как вскоре покажет время, интуиция его не подвела. Да и вообще ему мало нравилась перспектива *доказывать* всему миру правоту своего вероучения, поскольку минувшие десятилетия много усилили веру Римских епископов в исключительность своей кафедры, ее абсолютный авторитет и непогрешимость.

В результате императоры получили письмо от св. Льва Великого, в котором тот неожиданно для них привел свои доводы *против* нового Вселенского Собора. Но папа слишком долго требовал обратного, чтобы в одну минуту повернуть вспять запущенный им же самим маховик созыва Собора. Императоры без труда доказали папе, что такие вопросы традиционно рассматривались *соборно* и сейчас нет никаких оснований для исключений из правила. Тогда понтифик потребовал, чтобы Собор был созван в Италии, но императоры и на этот раз воспротивились: «Позор произошел на Востоке, на Востоке же он будет и изглажен».

Конечно, императоры не оставались столь наивными, чтобы не понимать, насколько Собор в Италии, который контролировать было бы очень трудно, мог окончательно развалить Церковь, если невозможно будет обеспечить единомыслие епископов. Они хотели *руководить* Собором — желание тем более обоснованное, что повсеместно мир в Церкви в ту минуту связывали все же не с именем папы св. Льва, а с *императорами*. Авторитет понтифика был, безусловно, высок. Но на Востоке многие полагали, что его «Томос» *противоречит* учению св. Кирилла Александрийского и Примирительному исповеданию 433 г., и потому желали обсудить обе богословские позиции. Как следствие, невольно папа оказался *заинтересованной* стороной, а императоры, напротив, нейтральной и не давали повода упрекнуть себя в неправославии.

Делать нечего — папа согласился и с этим условием, взамен потребовав личного присутствия императора на Соборе, председательского места для своих легатов (сам понтифик уже традиционно не собирався посещать соборных заседаний), оглашения своего «Томоса» как образца веры и, наконец, исключения Диоскора из состава участников Вселенского собрания. Это была открытая месть за унижения папы, но императоры сепаратно договорились с понтификом и в принципе выполнили, хотя и не так, как *в деталях* хотелось Римскому епископу, данное ему обещание.

В переписке сторон и размышлениях правителей мира и Церкви прошло время, и вот, наконец, согласовав с папой все детали, 17 мая 451 г. император своей грамотой повелел созвать Вселенский Собор на 1 сентября того же года. Выбор места проведения пал на Никею, с которой у православных были связаны воспоминания о Вселенской *богословской победе* Церкви над страшной ересью Ария. За быстрыми летними месяцами прошло время приготовлений, и с приближением сентября дороги, ведущие в Никею, покрылись множеством народа и повозок. Император, желая услышать всю Вселенскую Церковь, распорядился митрополитам взять с собой столько епископов, сколько им понадобится, и сотни архиереев вместе со свитой, любопытствующими мирянами и монахами, горячими приверженцами Диоскора и Евтихия, заполнили собой тот город, где некогда впервые состоялся Вселенский Собор.

Но в назначенное время царь не смог открыть Собор, как того желал он сам и папа св. Лев Великий. Солдат прежде всего, он во главе римской армии в это время был вынужден находиться у берегов Дуная, чтобы отбить возможные атаки гуннов на Фракию и Константинополь — разбитые Аэцием на Каталаунских полях, они все еще были очень опасны. В ответ на жалобы прибывших участников о задержке заседаний, император приказал всем епископам и приглашенным гостям

Собора переехать в Халкидон, отделенный от Константинополя только Босфором. Здесь ему было гораздо легче руководить работой Собора, не отдаляясь от армии, чем в том случае, когда заседания начались бы в Никее. В Халкидоне в первых числах октября 451 г., в просторном зале храма Св. Евфимии, и начал свою работу самый великий из всех Вселенских Соборов.

Уже количество приглашенных епископов поражает воображение — всего по ходу Собора в его заседаниях принимало участие более 600 епископов; в письме Собора к папе св. Льву насчитывается 520 подписей, но, очевидно, это далеко не все участники. Примечательно, что, как и раньше, из всех Отцов Халкидона всего 7 епископов представляли Запад, остальные были с Востока. Не желая продолжать дурные традиции прежних собраний 431 и 449 гг., св. Маркиан проигнорировал мнение папы предоставить римским легатам место председателей, и на время своего вынужденного отсутствия поставил Собор под контроль 17 высших сановников Империи. В их обязанности входило обеспечение порядка заседаний и объективное рассмотрение догматических разногласий. Общее руководство заседаниями было возложено, к вящему неудовольствию Рима, на архиепископа Константинопольского Анатолия. Обеспечить работу и верность записи происходящих на нем событий должны были нотариусы, которых привлекли в большом количестве.

Епископ Пасхазин первым делом, исходя из договоренности с императором, потребовал изгнать Диоскора из членов Собора, как низверженного папой. Наверное, он действовал в полном убеждении, что сказанное папой имеет *силу закона*, тем более что легат наверняка был предупрежден о наличии договоренности на этот счет св. Льва и императора св. Маркиана. Но одно дело — договоренности по существу вопроса, и другое — его техническое оформление. Сановники попросили легатов сформулировать причину и обоснование их просьбы — те несколько замешкались, не понимая, что происходит. Наконец, сошлись на том, что в отношении Диоскора имеет место обвинение, и поэтому он, как подсудимый, не может быть членом Собора.

Сановники св. Маркиана усадили Диоскора посредине зала, только как обвиняемого, и предоставили слово Евсевию Дорилейскому, старому оппоненту Евтихия, который сейчас обвинил Александрийского папу в оскорблении веры, убийстве св. Флавиана и несправедном суде. Зачитали акты «Разбойного Собора», затем исследовали и акты Константинопольского собора 448 г. Надо сказать, Диоскор держался твердо и мужественно. Когда его стали упрекать в произведенных на «Разбойном Соборе» насилиях, что он силой заставлял епископов (многие из которых присутствовали и на том Соборе, и здесь) подписываться на

чистых листах, он, усмехаясь, сказал: «Ах, бедненькие, они боялись! Это христиане-то боялись! О, святые мученики, так ли вы поступали?!» На упреки о потворстве Евтихию Диоскор твердо ответил, что он печется не о человеке, а о православной вере. В чем же его вина?

Под восторженные крики присутствующих объявили «Разбойный Собор» преступным, а его вождей — подлежащими суду. Зачитали Антиохийское примирительное исповедание, подписанное св. Кириллом Александрийским в 433 г. Поняв, что партия Диоскора проиграна, св. Ювеналий Иерусалимский, а вслед за ним все палестинские епископы и даже четыре египетских архиерея проголосовали за него, как истинно православное. Вслед за ними проголосовали и иллирийцы. Замечательно, что первое заседание Халкидона закончилось пением «Трисвятого», введенного в обиход св. Феодосием Младшим в 447 г. и с тех пор ставшего неизменным атрибутом православного богослужения.

Второе заседание открылось 10 октября, и государственные председатели предложили перейти к обсуждению спорных богословских вопросов, чем не на шутку встревожили римских легатов. Хотя все епископы и вскрикнули дружно, что исповедуют ту веру, какую изложил св. Лев Великий, но по инициативе епископа Атика Никопольского было решено сверить его текст с посланиями св. Кирилла Александрийского к Несторию, где излагаются «12 анафематизмов». Взяли перерыв и дали «рабочей группе» под председательством Анатолия Константинопольского 5 дней, чтобы «сообща рассудить о вере». Римские легаты не могли понять, о чем идет речь. Как им представлялось, сам *факт прочтения «Томоса»* должен был все поставить на место, но вместо этого им предлагают «согласительное определение»? И если епископы справедливо опасаются, что очень трудно привести 500 или даже 600 участников Собора к одной согласительной формуле, то к чему создавать опасные прецеденты и «выдумывать» новые вероопределения, когда существует прекрасное послание св. Льва Великого к св. Флавиану, «Томос», в котором изложено учение о тайне Воплощения? Но после некоторых сомнений они решили уступить, видимо, надеясь, что за несколько дней остальные архипастыри вникнут в суть римской формулы и восторженно примут ее в качестве единственно возможной и кафоличной.

Легаты волновались не напрасно — истинное достоинство и значение «Томоса» заключалось в личности самого св. Льва Великого. Совершенно точно отмечают, что это же послание, но направленное *иным лицом*, никогда не имело бы такого успеха. А богословская проблема возникла вовсе не по личной прихоти восточного епископата и, конечно, не из желания унижить достоинство св. Льва Великого. Не имея основательного знакомства с греческим языком, который уже

довлел на Востоке, папа затруднялся совмещать римские и греческие термины, и потому его послание каждая из партий легко могла толковать по-своему: монофизиты — так, православные — иначе.

В этом отношении, как замечают богословы, «Томос» похож на матовое стекло, принимающее окраску от того предмета, на который положено. Когда его читал православный, оно принимает православный вид, а предубежденный монофизит видел в нем несторианство, поскольку св. Лев решил обойтись без спорных терминов. «Вышло нечто похожее на математика, который вздумал бы решать и объяснять сложную теорему, не употребляя специальных терминов — вычитания и деления, извлечения корня и т.п. Понятно, что у него трудно было бы отличить деление от вычитания и т.п. и открывался бы простор для перетолковывания». То же получилось и в послании св. Льва. В то же время св. Лев, стоя на строго православных позициях, мужественно учил, что нельзя исповедовать во Христе ни человеческого без истинного Божества, ни Божества без истинного человечества.

Пока шла работа комиссии, 13 октября вновь перешли к вопросу об осуждении Диоскора и его помощников за проступки, бывшие в 449 г. В соответствии с каноническими правилами обвиненного Диоскора трижды приглашали на заседания Собора, но тот не явился, до конца продемонстрировав удивительную решительность характера. Поэтому *заочно* признали вину александрийца и пятерых его наиболее близких союзников: св. Ювеналия Иерусалимского, епископа Кесарии Каппадокийской Талассия, Евсевия Анкирского, епископа Евстафии и Селевкии Берита и епископа Василия Исаврийского. Примечательно, что осудили Диоскора не за веру (его догматические взгляды никто не изучал), а за то, что он не доложил «своему» Собору послание папы св. Льва Великого и анафематствовал его. Приговор объявили публично, и царь поспешил, во избежание беспорядков, отправить Диоскора в ссылку в Гангр, находящийся в Пафлогонии.

17 октября состоялось четвертое заседание, на котором вновь перешли к вопросу о вере. Но никакого конкретного ответа сановники, руководящие Собором, от согласительной комиссии не получили. Встал вопрос о голосовании по вопросу: все ли признают, что воля св. Кирилла и св. Льва одна и та же? Поскольку речь пошла о поименном голосовании, вспомнили сторонников осужденного Диоскора, которым повезло гораздо больше, чем их патрону. Когда очередь дошла до обвиняемых епископов, они закричали: «Все мы погрешили, всех помилуйте!», и их просьбу поддерживали остальные епископы.

Государственные сановники попытались возражать, вызывая к разуму, но под давлением окружающих все же направили гонца к импе-

ратору с просьбой высказать свою волю. Обдумав ситуацию, не желая новых жертв, царь отдал на решение остальных участников Собора вопрос о наказании отступников, и вовремя опомнившиеся сообщники «Фараона» были прощены и остались на своих кафедрах. Сановники подвели итог простым словом: «Сказанное пусть будет передано к исполнению». Под ликующие крики Отцы простили прегрешивших собратьев и посадили их рядом с собой.

Затем возникла сцена с 13 египетскими епископами, которые, плача, умоляли Отцов Собора не заставлять их голосовать о «Томосе» папы св. Льва, ссылаясь на отсутствие у них архиепископа. Потрясенные их слезами и сединами, остальные архиереи разрешили им высказать свое мнение после избрания патриарха Александрии при условии, что все это время они будут безвыездно жить в Константинополе. Допросили и сирийских монахов — убийц св. Флавиана, которых передали суду Константинопольского архиерея.

Когда на пятом заседании, 22 октября 451 г., дело дошло наконец до определения, подготовленного согласительной комиссией во главе с Анатолием Константинопольским, легатов ожидала очередная неожиданность. Патриарх прочитал определение, видимо, им самим же и составленное, где содержались отличительные новации по сравнению с текстом «Томоса». К тому же оно было несколько двусмысленным по формулировкам и совершенно не давало возможности поразить ересь Евтихия по существу. Среди восточных епископов послышались роптания: «Определение составлено нехорошо и должно быть исправлено»; папские легаты раздраженно молчали, не понимая, что происходит. Когда Анатолий поставил определение на голосование, Пасхазин поступил просто: «Если «Томос» св. Льва не нравится Собору, то, — сказал он, — дайте нам грамоты на возвращение, и этим Собор закончится». Собрание зашло в тупик — восточные епископы «Томос» св. Льва полностью не признавали, видя в нем известные отклонения от св. Кирилла, но и не опровергали, отдавая дань мужеству и личной преданности Православию со стороны папы.

Вновь ситуацию спасли *царские сановники*, предложившие собрать группу из различных епископов, чтобы дать Собору окончательный текст православного исповедания. Римские легаты и некоторые епископы вновь воспротивились этому предложению, и тогда сановники направились к царю, чтобы получить нужные инструкции.

Вернувшись, они доложили, что император св. Маркиан велел либо создать согласительную комиссию, как это предлагали сделать его сановники, либо предоставить каждому епископу через своего митрополита возможность по очереди свободно высказать собственное

вероопределение. Наконец, сказал царь, «если же и этого не захочет ваша святость, чтобы вы знали, что в западных странах имеет быть Собор, так как ваше благочестие не хотело здесь сделать безусловного постановления об истинной и православной вере». То есть император угрожал в случае неповиновения его требованиям созвать *новый* Вселенский Собор на Западе, в Италии.

Это был уже пиковый момент — оставалось либо разрывать отношения с императором и открыто идти против его воли, либо соглашаться на предложенные царскими представителями условия. Восточным епископам этого, конечно, очень не хотелось, как, впрочем, и римским легатам. Для первых это означало полную *дискредитацию* их как архипастырей, не сумевших сформулировать православное вероисповедание, а для легатов — поражение (пусть и косвенное) «Томоса» понтифика, который должен был стать образцом веры.

Делать нечего — все согласилось с первоначальным предложением. Позиция царя победила — ведь, как правитель государства, хранитель Церкви и ее глава, император требовал четко указать не только то, что является ересью и во что *верить нельзя* (это как раз сделать было нетрудно), но и то, *во что нужно верить*. Или, иными словами, *какая есть* вера истинно христианская. Объективно это было совершенно обоснованное и оправданное требование; не этим ли и занимались в течение всех предыдущих лет Вселенские Соборы, как не формулированием истинного вероисповедания?

Верно называют эту согласительную комиссию «комиссией отчаяния», и — вот чудо: всего за несколько часов она «составила, написала и вынесла мудрейшее тактически, при данных обстоятельствах совершеннейшее, философски-богословски знаменитейшее на все века Халкидонское вероопределение». В его основу положили Антиохийское исповедание 433 г., «Томос» св. Льва и послание св. Кирилла Александрийского Несторию. По существу, это была все же полнокровная богословская победа св. Льва Великого, хотя не без помощи св. Кирилла.

Соборный орос звучал следующим образом:

«Итак, следуя за божественными отцами, мы все единогласно учим исповедовать Одного и Того же Сына Господа нашего Иисуса Христа, Совершенным по Божеству и Его же Самого Совершенным по человечеству; подлинно Бога и Его же Самого подлинно человека; из разумной души и тела. Единосущным Отцу по Божеству и Его же Самого единосущным нам по человечеству. Подобным нам во всем, кроме греха.

Прежде веков рожденным из Отца по Божеству, а в последние дни Его же Самого для нас и для нашего спасения (рожденного) по человечеству из Марии Девы Богородицы.

Одного и Того же Христа, Сына, Господа Единородного, познаваемым в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо.

При этом разница природ не исчезает через соединение, и еще более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо и в одну Ипостась.

Учим исповедовать не рассекаемым или различаемым на два лица, но Одним и Тем же Сыном и Единородным, Богом Словом, Господином Иисусом Христом.

Как изначально о Нем изрекли пророки и наставил нас Сам Господь Иисус Христос и как предал нам символ отцов наших».

...В зале на несколько минут наступила абсолютная тишина. Все были поражены случившимся и осмысливали сделанное согласительной комиссией. Возражений не нашлось — возражать было трудно, если вообще возможно без обвинений в ереси. И тогда Отцы Собора восторженно вскричали: «Это вера отцов! Мы все так мудствуем! Пусть митрополиты сейчас же подпишут ее и — конец!»

Это была величайшая победа соборного разума Церкви, водимого Святым Духом. Ведь всего еще несколько часов назад казалось невероятным преодолеть те разногласия и опасения, которыми были полны Отцы Собора, а сейчас эта цель оказалась достигнутой! И нет ничего удивительного в том, что уже вскоре это событие обросло массой легенд и преданий, объединенных одной целью — подчеркнуть и обосновать истинно *Божественный характер* того откровения, которое состоялось 22 октября 451 г.

Например, в наиболее распространенном сказании повествуется, что, не сумев договориться, противоборствующие партии решились положить на суд св. Евфимии. Они изложили свои редакции вероопределения на бумаге и положили в гробницу к святым мощам мученицы. После этого собрание стало молиться святой, чтобы она просветила их откровением истины, и эта общая молитва продолжалась всю ночь. На следующее утро Отцы Халкидона сняли печати с гробницы и отворили раку, — странное зрелище поразило их. Святая держала один свиток в своей руке (конечно, православный), а второй лежал у ее ног, как будто св. Евфимия с презрением отвергла его.

Другой вариант предания гласил о том, что, когда император св. Маркиан и Константинопольский патриарх Анатолий подошли к раке, святая сама передала им в руки список с истинным исповеданием. В любом случае если это была и легенда, то очень красивая. И с тех пор св. Евфимию, как покровительницу Халкидонского Собора, начали иконописно изображать исключительно со списком вероопределения в руке.

В принципе, это исповедание можно было подписать немедленно. Но председательствующие сенаторы, понимая, что главная цель достигнута, пожелали обставить счастливый финал максимально торжественно, перенеся подписание соборного ороса на три дня, чтобы на Собор могли прибыть императоры. Наконец, в желанный день 25 октября 451 г. состоялось императорское заседание, когда на Соборе в первый и последний раз присутствовали св. Маркиан и св. Пульхерия. Они вошли в залу рука об руку, и их сопровождала пышная свита придворных и самых высших чинов Империи. Они заняли председательское место, а епископы расположились с двух сторон от них. Это заседание Собора было не самым многочисленным (350 епископов из числа всех присутствовавших в Халкидоне, остальные боялись подписывать орос из-за непонимания его, но пока молчали), однако по пышности и великолепию, окружавших царскую чету, превосходило все предыдущие.

Святой Маркиан открыл заседание (шестое по счету) речью на латинском языке, который по-прежнему считался официальным языком Римской империи, повторенной им же самим по-гречески. «Когда Божественным определением мы избраны были на царство, — сказал император, — то между столькими нуждами государства не занимало нас так никакое дело, как то, чтобы православная и истинная вера христианская, которая свята и чиста, пребывала безусловно в душах всех. Поэтому мы позаботились созвать с этим именно намерением святой Собор и, кажется, показали вам свое старание, чтобы очищенная от всякого заблуждения и мрака, как благоволило Божество открыть себя людям и показало учение отцов, вера наша, которая чиста и свята, внедренная в ум всех, сияла блеском своей силы; чтобы и после никто не смел о рождении Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа думать иначе, нежели, как известно, предали потомству апостольская проповедь и согласные с ней определения 318 Святых Отцов, а также, как свидетельствует послание святого Льва, папы города Рима, который управляет апостольским престолом, к святой памяти Флавиану, епископу города Константинополя».

После окончания речи Отцы воскликнули: «Многая лета императору, многая лета августу; православным многие лета! Один сын Константин. Маркиану новому Константину! Да продолжается вовеки царствование Маркиана Христолюбца, достойного любителя православной веры! Прочь от них зависть! Маркиану новому Константину многая лета! Императору многая лета! Да продолжается ваше царствование, достойное Православия! Христолюбцы, благополучие вам!»

Это был триумф императора св. Маркиана и святой августы Пульхерии. С разрешения императора нотариий, он же архидиакон Кон-

стантинопольской церкви, Аэций прочитал соборное определение, под которым, вслед за Пасхазимом, подписались присутствовавшие на торжестве Отцы. Затем св. Маркиан спросил: по согласию ли всех провозглашено прочитанное определение? И Отцы ответили: «Все так веруем; одна вера, одно мнение!»

И далее вновь потекли реки славословия в адрес царей — нескончаемые, искренние и многоголосые. «Маркиану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду, многая лета! Давиду — императору! Господи, жизнь ему благочестивую продли, новому Константину, новому Маркиану! Вы — мир Вселенной! Господи, жизнь ему благочестивую сохрани! Да сохранит вас вера ваша! Ты почитаешь Христа: сам Он да сохранит тебя! Ты укрепил Православие! Вы веруете так, как апостолы! Многая лета августу! Вы — светила Православия; от этого везде — мир. Господи, сохрани светила мира! Господи, сохрани светила Вселенной!»

Со всех концов просторного храма Св. Евфимии неслось громогласное победоносное пение: «Вечная память новому Константину! Да сохранит Бог ту, которая от рода православна! Да сохранит Бог хранилищницу веры! Да сохранит Бог постоянно благочестивую, православную, противницу еретиков! Бог да сохранит вашу державу! Бог да умирит ваше царство! Маркиан — новый Константин! Пульхерия — новая Елена; ты показал веру, а ты явила ревность Елены! Ваша жизнь — охрана всех! Ваша вера — слава церквей! Ты восстановил церкви, ты утвердил Православие! Царство ваше да будет во век! Победитель врагов, *учитель веры!* (выделено мной. — А.В.)».

Постепенно крики стихли. Император велел зачитать подготовленные им правовые нормы по вопросам церковной жизни — ответы на запросы, по ходу Собора направленные на его рассмотрение. Но, как св. Маркиан заявил тут же на заседании, сам он не пожелал утверждать их своим законом (то есть государственным), а посчитал приличным, чтобы они были утверждены Собором. Отцы постановили так, как посчитал нужным сделать царь, даже не вдаваясь в существо вопросов и полностью доверяя его суду.

За заслуги Халкидона святой император тут же предоставил городу статус митрополии, сохранив при этом его подчиненность Никомедии, чем вновь вызвал бурные восторги епископов. Наконец, утомившись, Отцы попросили царя дать им отдых. Император согласился, но предупредил, что Собор не будет закрыт, пока не решатся все остальные накопившиеся дела.

На заседаниях 26, 27 и 28 октября решались административные, канонические, дисциплинарные и личные вопросы. Затем были оправданы Феодорит Кирский и Ива Эдесский, которых обвиняли в несто-

рианстве. Эти обвинения, по сути, имели под собой некоторую основу вследствие не вполне точных и не всегда корректных выражений, присутствовавших в их сочинениях. К сожалению, упоенные победой, Отцы Собора не захотели вникать в богословские тонкости и потребовали от них *формального* анафематствования Нестория и признания Пресвятой Девы Марии Богородицей. Напрасно Феодорит пытался возражать, что и Несторий был готов признать Деву Марию Богородицей, и хотел изложить собственное богословское видение Тайны Искупления — его не желали слушать, требуя только открытого разрыва с Несторием. Наконец, утомленный Феодорит, которого самого со всех сторон начали обвинять в ереси, махнул рукой и прочитал требуемое.

Конечно, участников Халкидонского Собора можно было понять: только-только, ценой невиданных усилий, путем жесткого давления со стороны императорской власти, они пришли к истинной формуле веры. Феодорит был анафематствован Евтихием, и формально после низвержения архимандрита эта анафема, произнесенная еретиком, не имела силы. Но в богословии, в отличие от правоправедения, такие прямые причинно-следственные связи не возникают сами собой. Отцы боялись, заслушав объяснения Феодорита, появления нового прецедента и новых богословских разбирательств, результат которых был заранее неизвестен.

Дошло дело и до бывшего Антиохийского патриарха Домна, который, скорбя по поводу собственных деяний на «Разбойном Соборе», сложил с себя епископский сан и проживал в то время в монастыре. Теперь, ввиду крайней нужды, он просил выделить ему некоторые средства на пропитание. Смягченные ходом последних заседаний, Отцы не стали вспоминать старые обиды и дали удовлетворение просьбе.

В последующие дни, когда разбирались различные жалобы и прошения, восторженные эпитеты в адрес императоров не прекращались. Например, обращаясь к царю, Отцы вновь пишут: «Господь всяческих, видя, что апостольская православная вера обуревается нечестивыми и весь мир волнуется в беспорядке, поставил ваше благочестие блюсти Вселенную и управлять ею, и искоренять смуты, возбужденные непотребными людьми против учения святых, и утверждать свет и силу Православия».

Наконец, уже в завершение работы Халкидонского Собора, в будничной атмосфере, были приняты 30 правил (канонов), одно из которых вызвало многовековые и нескончаемые споры. В отсутствие римских легатов и даже императорских сановников, хотя, как будет видно из последующего изложения, данные события, отнюдь не являлись самовольным экспромтом со стороны Отцов Собора, был принят 28-й канон о правах Константинопольского архиерея, вызвавший очередной раскол между Восточной и Западной церквями.

§3. Последние годы великих царей

Собор завершился, истинное вероопределение было сформулировано, но настал ли в Церкви мир? Как уже было принято к тому времени, утвердив постановления Собора, император св. Маркиан запретил какие-либо публичные рассуждения по вопросам веры: «Известно, что безумие еретиков отсюда получает начало и исход, когда некоторые рассуждают и спорят всенародно. Итак, пусть прекратится невежественная распря, ибо поистине нечестив и святотатец тот, кто после решения стольких епископов представляет что-нибудь собственному мнению для исследования». Но на проверку оказалось, что легальное единство епископов не привело к согласию всю остальную церковную народную массу.

Для всех остальных «Томос» св. Льва Великого являлся плохо скрытым несторианством, помимо которого существовало еще и «истинное» православное учение св. Кирилла Александрийского. Полагали и распространяли сплетни, что в Халкидоне св. Кирилла специально замалчивали, и это в известной степени соответствовало правде, так как Святителя принесли в жертву св. Льву во имя мира. Вот сопротивление крайних последователей св. Кирилла и создало *монофизитский раскол*, бушевавший более столетия и до конца не преодоленный еще и в наши дни.

Утвердившись в собственном заблуждении, они считали ересью все, что идет с «Востока», то есть из Сирии, не признавали человеческую природу в Спасителе, ошибочно полагая, что в Нем присутствует только Божественное начало. «Томос» папы св. Льва они восприняли в лучшем случае как попытку *механически* соединить несторианство и отдельные тезисы св. Кирилла. Конечно, данные подозрения были поверхностны и безосновательны, но, как и любая болезнь, они нуждались во врачевании. Однако опасность распространения этого заблуждения не до конца поняли и почувствовали Отцы Собора — очередной пример слабости человеческой природы и всеислия Духа, Своей Благодатью творящий нашими руками чудеса. Ее совсем не осознали римские легаты, твердо стоявшие на своей позиции, что в Церкви есть только один учитель Православия и это — папа.

Допустила ошибки и императорская власть, совершенно упустившая из виду, что Римская империя включает в себя не только *граждан*, римлян. В этническом плане они представляют собой бесчисленное множество народов, уже осознающих или начавших осознавать свое собственное лицо. Когда на это «национальное лицо» наложилась вера в определенное исповедание, ставшее немедленно своим, *национальным вероисповеданием*, общие, ранее привычные требования подчинения Церкви и царю оказывались безуспешными. Уже несториане считали

себя «халдейскими христианами», то есть христианами восточносирийского языка. А монофизитство затронет широкие слои коптов, сирийцев, армян и отторгнет от Римской империи целые области.

Первоначально всколыхнулась Палестина, где некий монах Феодосий восстал против св. Ювеналия Иерусалимского как предателя веры. Его поддержало десятитысячное монашество Палестинских пустынь, которым оказывала помощь вдова императора св. Феодосия Младшего св. Евдокия и настоятель Латинского женского монастыря Геронтий. Когда в начале 452 г. св. Ювеналий Иерусалимский прибыл в свой город, он ничего не смог противопоставить открытому неповиновению собственной паствы. Тогда, опасаясь разделить участь убитого бунтовщиками Севериана Скифипольского, патриарх бежал в столицу, а на Иерусалимский престол в этом же году горожанами был посажен монах Феодосий. Новый «архиерей» правил почти два года (или даже 20 месяцев), открыто преследовал и изгонял с кафедр сторонников Халкидона и хиротонисал своих выдвинутцев. Наконец императору св. Маркиану надоело мириться с этим, и его войско, двинувшееся на освобождение Иерусалима, встретилось с армией монахов близ Неаполиса-Наблуса, которую без труда разбило. Схватили Феодосия, доставив его в царскую ставку, а потом отправили в монастырь в Константинопольском предместье Сики, где он и умер 30 декабря 457 г.

Святой Ювеналий был восстановлен в правах, через некоторое время смирилась с Халкидоном и св. Евдокия. Но целые массы монашествующих и простого народа совершенно отвернулись от «мелхитов», «царских», то есть сторонников IV Вселенского Собора. Дошло до того, что сам св. Маркиан вынужден был давать разъяснения бунтующим монахам о выражении «два естества» Иисуса Христа, как его просил об этом св. Ювеналий Иерусалимский. Это письмо, как верно замечено одним историком, лучше всего демонстрирует, насколько религиозные требования довели над самодержцами Римской империи. «Кто не подивится, видя этого старого солдата, перед которым отступал Атила, дающим богословские объяснения невежественным монахам, рассеивающим ложные слухи и с заботливой ревностью защищающим свое православие против другого монаха, который осмелился оспаривать его?» Аналогичное письмо, но уже настоятельнице женского монастыря в Иерусалиме, направила св. Пульхерия.

Не лучше обстояли дела и в Александрии. «Фараона», конечно, здесь не любили, но боялись. И александрийцы осознавали, насколько высоко поднялся престиж их города в последние три года. Когда Диоскор был отправлен в ссылку, а на его место хиротонисали протопресвитера св. Протерия (451—457), доверенное лицо бывшего патриарха, народ взбунтовался. Дело заключается в том, что Диоскор был коптом, а св. Протерий греком, по национальному признаку разделились и обе

партии. Дошло до того, что, по свидетельству современников, в Страстную неделю 457 г. только 5 человек желали принять таинство Крещения от св. Протерия, остальные ушли к монофизитскому епископу.

Итак, одни стояли за св. Протерия, другие требовали вернуть Диоскора, говоря, что при живом патриархе нельзя выбирать нового. Как обычно бывает, начались грабежи, убийства, пожары. Царь направил 2 тыс. солдат-новобранцев из варваров усмирить бунт (ну, не ветеранов же ему было посылать на мирный город, когда гунны, арабы и персы стояли у ворот Империи?), и те, напившись, устроили настоящий дебош, разбойничали, насиловали женщин. Население собралось, перебило этих незадачливых вояк, и вообще отказало в повиновении власти царя. Тогда правительство срочно направило в Египет уже настоящие легионы, которые и восстановили порядок.

Новый губернатор Александрии по имени Флор обещал жителям снять с города наложенные царем наказания и тем установил мир. Все же ввиду угроз, которые присылались архиерею Александрии, губернатор вынужден был дать патриарху стражу, так что отныне некогда второй священник Кафолической Церкви священнодействовал под охраной солдат, многие из которых были арианами и язычниками.

Но к этому времени уже организовалась настоящая национальная оппозиция, главным образом из коптов — местного населения, не понимавших по-гречески и не признававших Халкидона. Ее глава диакон Петр Монг направил апелляцию св. Маркиану, но император отклонил ее. А св. Протерий, защищая себя, низложил Монга. Повсеместно нарастал мощнейший кризис, и император уже не имел возможности преодолеть его. Старый и уставший, он бросил все свои последние силы на защиту внешних рубежей, которым угрожала серьезная опасность.

Как в Александрии копты стали повсеместно принимать монофизитство, так и в Антиохии сирийцы стали чуть ли не поголовно несторианами, так что только одни греки сохранили Православие в этой древней Церкви. Впоследствии, как результат постоянных войн с Персией, мощь и значение Антиохии, почти утратившей связь со столицей, резко угасают.

В отношениях с вандалами император соблюдал клятву, данную некогда Гейнзериху, и именно этому современники приписывали его нежелание воевать с ними, когда варварский король отказался вернуть из плена царственных родственников, захваченных его воинами в Риме. Но и сам Гейнзерих не демонстрировал желания приобщить к своим новым владениям те провинции Африки, которые еще оставались во власти Константинополя.

Однако с другими врагами св. Маркиан действовал твердо и решительно. «Мы поставляем себе долгом заботиться о благе жизни че-

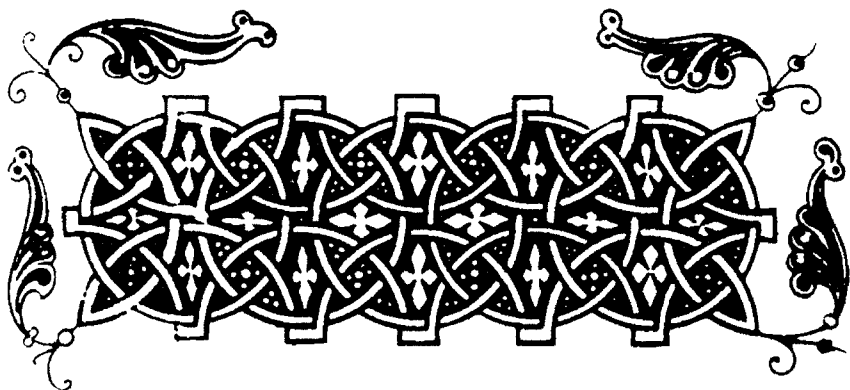
ловеческого рода; мы посвящаем наши дни и ночи попечению о том, чтобы народы, живущие под нашим управлением, защищены были от вторжения варваров оружием наших солдат и жили в мире и безопасности». Это была одновременно доктрина нового царствования и клятва императора на верность родине.

И слова царя не расходились с делом. Когда в 453 г. арабы нарушили мирный договор и вторглись в Сирию, император направил против них Ардабудария, сына Аспара, уже знакомого нам по военным действиям на Западе, и тот разбил захватчиков близ Дамаска. Арабы не на шутку испугались, и тут же с ними был заключен мирный договор, подтвердивший нерушимость римских границ. В этом же победоносном году полководцы св. Маркиана (Ардабударий и Максимин) разгромили племена *влемииев* и *нувадов*, жившие на южной границе Египта. С ними был заключен договор на 100 лет, по условиям которого они обязались бесплатно выдать всех пленных римлян, вернуть ранее награбленное имущество, включая домашний скот, а также уплатить имперским войскам издержки за войну. Договор был уже подписан, но, к сожалению, Максимин умер, и ободренные варвары отбили своих заложников и опять принялись за грабительские набеги. Впрочем, их действия утратили былой пыл и стали гораздо менее агрессивными.

Шло время, и герои нашего повествования подходили к естественному для всякого человека рубежу. В 453 г. скончалась в возрасте 55 лет св. Пульхерия, ее похоронили в церкви Святых Апостолов рядом с братом и отцом. Ей выпала тяжелая и удивительная судьба поразить две самые страшные ереси, когда-либо волновавшие Вселенскую Церковь после Ария, укрепить Римскую империю и мудро ею управлять, сохранив до старости благочестие и целомудрие. Она бывала жестка и даже иногда жестока, но всегда оставалась на высоте своего положения порфирородной царицы, сестры и жены людей, являющихся главами Кафолической Церкви и Римского государства. Обремененная государственными делами, она находила время для широкой благотворительности, построив много домов для убогих, странников, а также храм в Константинополе в честь святого мученика Лаврентия. Еще ранее стараниями св. Пульхерии в Константинополе был возведен храм и монастырь в честь Божьей Матери Одигитрии. Там хранилась всемирно известная икона Пресвятой Богородицы, написанная, по преданию, евангелистом Марком. Незадолго перед смертью она отписала свое *личное* имущество бедным, и святой император исполнил последнюю волю супруги, раздав все нищим.

Сам св. Маркиан умер в январе 457 г. от гангрены ноги, будучи перед этим 5 месяцев прикованным к постели.

Глава 6. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ЛЕВ I ВЕЛИКИЙ (457—474)

§1. Венчанный на царство

После смерти св. Маркиана в Римской империи вновь возникла проблема выбора императора. Поскольку общество было уже давно не столь монолитно и этнически единым, как в старые времена, фактически выбор предопределили не сенат, не армия и даже не Константинопольский патриарх, а наиболее влиятельные фавориты. Самым сильным из них был *Аспар*, полуалан-полугот по происхождению, первый член сената, уже довольно давно прижившийся при царском троне. Три члена этой семьи — Ардабударий, отец Аспара, сам Аспар и его сын Ардабударий — один за другим начальствовали над войсками Востока.

Поскольку значительная и наиболее боеспособная часть римского войска состояла из готов, Аспар не боялся превратностей судьбы. Но, будучи человеком опытным и основательным, заботился о своей репутации, щедрыми подачками покупая расположение средних и низших слоев Константинополя. Ему столица обязана замечательными водохранилищами, выстроенными варваром за собственный счет в 50-х гг. V столетия. Без сомнения, германец чувствовал себя вполне уверенно и при определенных обстоятельствах имел шансы претендовать на высшую честь. Однако у Аспара был один существенный недостаток, напрочь перечеркивающий все его амбициозные планы, — он был ариа-

нином и прекрасно понимал, что никогда Церковь и народ не признают его своим царем.

Не имея шансов украсить свой лоб императорской диадемой, готский вождь вовсе не собирался самоустраняться от выбора нового вассилевса. Мысль его была проста, но логична: если нельзя самому стать царем, нужно поставить *своего* царя. Конечно, в предстоящем выборе императора его голос имел далеко не последнее значение. Как и многие полководцы Империи, разбогатевшие во время войн, он содержал собственную дружину, начальник которой, *доместик*, играл роль его доверенного товарища. В 430 г. это место при Аспаре занимал св. Маркиан, теперь св. Лев. Он и стал кандидатом в императоры от Аспара.

Очевидно, выбор Аспара пал на св. Льва в силу доверительных отношений, сложившихся между ними. Не исключено также, что будущий царь был знаком и со св. Маркианом, едва ли забывшим тот легион, где когда-то и сам был начальником, а потому знавшим его нового командира. Возможно, что за счет сходства жизненных путей св. Маркиана и св. Льва Аспару было проще убедить солдат, чтобы они высказались за его выдвиженца.

Биография нового царя не лишена интереса. Как и его великий предшественник, св. Лев родился во Фракии, в местности, расположенной между Балканами и Родопой. Как и св. Маркиан, он в молодости покинул родину, но какое-то время проживал в Константинополе. Там он работал вместе с женой *Вериной* в мясной лавке, за что он получил прозвище *Макелл* (Мясник), после чего избрал карьеру военного. Святой Лев неоднократно принимал участие в походах и боях и был отличен званиями и наградами за храбрость и солдатскую сметливость. Новый император имел от брака двух дочерей — св. Ариадну и Леонтию. На момент воцарения ему исполнилось 55 лет, это был человек сложившихся убеждений и на редкость благочестивый.

Мнение Аспара без труда возобладало над остальными, св. Лев был признан императором Римского государства и *венчан на царство*. Впервые в истории Римской империи современникам открылось удивительное зрелище. Ранее, облакая избранника Бога в порфиру, солдаты имели обыкновение поднимать его на щит. Теперь же им предстояло увидеть совершенно новую церемонию, ставшую отныне визитной карточкой византийского монархизма, непременным атрибутом поставления лица на царство, без которого ни один выбор, ни одно избрание не имело легитимной силы.

Венчание произошло 7 февраля 457 г. на Военном поле, куда прибыл патриарх Константинополя Анатолий и где собрались все высшие чины, придворные схолы и солдаты гвардейских частей. Очевидно, людей пришло великое множество, поскольку император обращался

к присутствующим через глашатая. Войска опустили знамена, а из толпы послышались возгласы: «Услыши, Господи, Тебя молим! Услыши, о Боже! Жизнь Льва, слыши, о Боже! Лев будет царствовать! О Боже милостивый, государство требует Льва царем! Льва ждут законы! Льва ожидает дворец! Те самые мольбы двора! Те самые желания войска! Те самые желания синклита! Те самые мольбы народа! Льва ожидает мир! Льва принимает войско! Пусть придет Лев, общая краса! Пусть царствует Лев, общее благо! Услыши, Боже, Тебя молим!»

Под эти крики св. Лев был выведен на трибуну, и *кампидуктор* (офицер, занимавшийся муштровкой солдат) Бусальг положил на его голову свою золотую шейную цепь (старый германский обычай, восходящий еще ко временам Юлиана Отступника), а второй кампидуктор, Олимпий, дал такую же цепь ему в руки. Тогда поднялись с земли все знамена, и раздались крики: «Лев август, ты побеждаешь, ты благочестивый, ты севаст! Бог тебя сохранит! Почитая Христа, ты всегда побеждаешь! Да царствует Лев много лет! Христианскую державу да хранит Господь!» Тотчас солдаты окружили св. Льва «черепахой» (вид воинского построения), а император надел на голову диадему, облачился в царскую одежду и показался всему собранию. Ему дали в руки копье и щит, и все сановники по очереди приветствовали его земными поклонами. Отовсюду неслись крики: «Могущественный, победитель, август! В добрый час! Царствуй много лет! Да хранит Бог это царство! Христианское царство да сохранит Господь!»

Затем св. Лев обратился к присутствующим через глашатая с такими словами: «Император кесарь Лев, победитель, всего август. Всемогущий Бог и ваше суждение, храбрые боевые товарищи, избрали меня в добрый час императором Римского государства». Его перебили крики: «Лев август, да будет твоя победа! Избравший тебя сохранит! Своего избранника Бог охраняет! Благочестивое царство Бог сохранит!» Император продолжал: «Вы будете иметь во мне владыку — начальника, сослуживца — воина в ваших трудах, которые я научился выносить, отправляя службу вместе с вами». Вновь раздались крики: «В добрый час! Войско хочет тебя царем, победитель!» Когда они чуть стихли, император сказал: «Я знаю, какие дары я должен войскам. За достижение моего святого и благополучного царства я вам дам по 5 номизм и по фунту серебра на человека». Все закричали: «Благочестивый, мощный, мудрейший! Благочестивый и щедрый! От тебя исходят почести, от тебя имущества! Да пребудет твое счастливое царство золотые века!» Император ответил: «Да будет с вами Бог».

После этого патриарх поспешил в храм Св. Софии. А император в сопровождении патрициев, обоих префектов и магистра официий

направился к походной церкви, вошел в комнату для переодеваний и оставил там свою диадему. Пройдя в походную церковь вместе с тремя священниками, св. Лев помолился и, выйдя из нее, возложил на свою голову царский венец, сел на белого коня и отправился в храм Св. Иоанна Крестителя, располагавшийся рядом. Войдя также в помещение для переодевания, он вновь снял венец и передал его депозиту. Подойдя к алтарю, он положил на него корону, помолился, а затем надел на голову и на коне последовал в храм Св. Софии.

По дороге его пышную процессию сопровождали сенаторы, военные чины, префекты. В храме, переодевшись и опять сняв корону, царь прошел в алтарь, где возложил ее на престол, помолился, выслушал Евангелие, сделал благотворительный взнос на Церковь, а затем в сопровождении сенаторов удалился во дворец. Перед выходом патриарх возложил царский венец на голову св. Льва, а сенаторы и префекты преподнесли ему дар в виде 3 тыс. литров золота, тотчас возвращенный государем назад. Затем император удалился в свой дворец к торжественному обеду в честь восшествия на царство.

§2. Церковь после Халкидона

Внешне совершенно обычный, св. Лев был настоящим *даром Бога* Римской империи, разрываемой монофизитским кризисом, теснимой варварами и почти полностью передавшей верховную власть в руки германцев. И в фигуре рядового офицера, но твердого православного царя она получила очередного спасителя государства и Церкви после св. Феодосия Старшего, св. Феодосия Младшего, св. Маркиана и св. Пульхерии.

По обыкновению, в Византии сложилась негласная традиция обрамлять образ внединастического императора легендами, свидетельствующими о его богоизбранности. Наверняка часть их представляет собой народные апокрифы, но тем не менее они очень точно отображают отношение римлян к императорской власти в целом и к царям, что называется, «из простых» в частности. Не стал исключением и св. Лев. О нем рассказывали, что, будучи еще частным человеком (видимо, совсем юным, поскольку затем будущий царь все время подвизался на военной службе и уже не мог быть частным лицом), он гулял в окрестностях Константинополя. На окраине города, около одного кипариса, св. Лев заметил слепого странника, томимого жаждой. Желая напоить слепца, юноша искал воды, но напрасно. И вдруг он услышал голос с неба: «Император Лев! Войди в эту тенистую рощу и, почерпнув воды,

напои слепца, а илом помажь ему глаза. Кто Я здесь живущая — скоро узнаешь. Устрой Мне здесь храм, в нем Я буду внимать молитвам верующих». Молодой человек исполнил все, что ему было велено, и слепец прозрел. В честь данного события он, сделавшись императором, построил в этом месте великолепный храм в честь Богородицы, известный в народе как *Живоносный Источник*.

Первым делом царь попытался урегулировать церковные дела. Он был горячим сторонником Халкидонского Собора и не собирался ставить его определения под сомнения. Но одно дело — религиозные убеждения императора, другое — тактические трудности, которые ему необходимо было преодолеть для закрепления в Римской империи единого православного исповедания. Последняя цель была тем более трудна по своему достижению, что повсеместно Халкидон отвергался и сторонниками Нестория, и последователями Диоскора и Евтихия. Они не бездействовали и в первую очередь силой смешали с престолов епископов, принявших IV Вселенский Собор, насадив на их кафедры своих единоверцев. Особенно драматические события разыгрались в Египте, где местное население не собиралось мириться с засильем несторианцев, к которым они относили всех этнических греков и сторонников Халкидона.

Так, узнав о смерти св. Маркиана, александрийские монофизиты, воспользовавшиеся отсутствием в столице Египта губернатора Дионисия, решили возвести на патриарший престол *Тимофея Элур* (457—460 и 475—477). Примечательно, что прозвище Элур, или *Кот*, узурпатору патриаршего престола дали местные православные жители за ловкость в интригах, плетущихся им против патриарха св. Протерия. Прежде Тимофей ревностно предавался монашеской жизни, потом был причислен к пресвитерам Александрийской церкви, а теперь покусился на архиепископство при живом св. Протерии. Особенностью богословия нового «патриарха» являлось полное отрицание воззрений как Нестория, так и Евтихия, которых он искренне считал еретиками.

Когда Дионисий узнал о бунте, он тотчас поспешил в Александрию, однако не успел спасти св. Протерия. По подстрекательству Тимофея толпа монофизитов-александрийцев в Пасхальное воскресенье, 31 марта 457 г., ворвалась в церковь Св. Квирина и убила своего архипастыря. Мертвое тело выставили напоказ в центре города, вздернув на веревке, а после протащили по улицам и предали огню. Получив известие о происшедшем, император направил в Александрию сановника Стиллу, который усмирил восставших, наказав, правда, всего двух человек (им обрезали языки).

Заслуживает внимания, насколько бережно св. Лев относился к церковным канонам и как он желал максимально *мирным* путем раз-

решить любые спорные ситуации, не снимая вместе с тем с себя ответственности за состояние дел в Церкви. Почти одновременно он получил послание православных клириков Александрийской церкви, возмущенных убийством своего предстоятеля, и самого Тимофея, требовавшего отменить постановления Халкидонского Собора. Заметим, что сторонники Тимофея не только отвергли последний Вселенский Собор, но и не признали II Вселенского Собора 381 г. — видимо, не без тайного умысла вернуть былую честь второй церковной кафедры столице Египта.

Им оппонировали сторонники Халкидона. «Одаренный от Бога высшей милостью, ты по справедливости не перестаешь помышлять об общей пользе, после Бога всяческих досточтимый император, — писали ему православные александрийцы. — Недавно избранный Богом и украшенный порфиroy, ты, которого избрал сам Творец всего, прекрасно рассудил показать твое великое назначение, воздавая благими начатками Подателю благ, когда немедленно, в самом начале, своим благочестивым голосом, выходящим из письма к святейшим епископам-митрополитам, укрепил неразрушимую скалу Кафолической Церкви и утвердил постановления в пользу православной веры всех прежних благочестивейших государей».

Затем они поведали, при каких обстоятельствах пал св. Протерий, и отвергли епископство Тимофея Элура как неканонически возведенного на кафедру. «Пусть постановит ваше величество, — заканчивали они письмо, — чтобы так разоривший церковные постановления удалится от святой церкви Александрийской, в которой предстоятельством тираническим образом, предпринял и совершал незаконные распоряжения и чтобы он подвергся наказанию за столько преступлений. Потом пусть повелит, чтобы, как заповедуют святые правила отцов и предает древний обычай, весь Собор Египетского округа, православный и имеющий общений с епископами всей Вселенной, избрал какого-нибудь мужа святой жизни, достойного священства и имеющего общение с Вселенским Собором, равно как и с вашим благочестием».

Попутно эти же епископы попытались найти защиту и у Анатолия Константинопольского. «Как ты держишь кормило первосвященства, — писали они ему, — и преемства отцов, так и подражаешь их ревности о неповрежденности веры». Фактически это было признание высших прерогатив Константинополя. Правда, далее панегирик несколько уходит в сторону, и египетские отцы говорят о Константинопольском архиерее как *об одном из* святейших архиепископов, занимающих равночестный престол. Но все-таки это был большой прогресс по сравнению с дохалкидонскими временами. По существу, *впервые* Александрийская

церковь обращалась к Константинопольскому патриарху с просьбой о защите Православия и принятии мер к самозванцам.

Встревоженный происшедшим, император направил письмо архиепископу Анатолию Константинопольскому, в котором поручал тому организовать очередной *Вселенский Собор*. На нем он предлагал официально реципировать Халкидонский орос и, кроме того, исследовать дело Тимофея Элура. Правда, в качестве возможной альтернативы Собору царь решил письменно опросить архипастырей об их отношении к данным вопросам — замечательное свидетельство предусмотрительности и мудрости императора. Он справедливо рассудил, что, если все выскажутся единообразно, надобность во Вселенском собрании отпадет. Послания св. Льва ушли почти ко всем митрополитам и епископам главных церковных округов Римской империи, включая папу св. Льва Великого.

Последний, разумеется, категорически выступил против нового Собора. Объективно он был совершенно прав. Достаточно вспомнить, с какой неохотой и опасениями епископы — участники IV Вселенского Собора признавали необходимость дать Церкви истинное исповедание веры, желая ограничиться анафематствованием Нестория и Евтихия и указать только то, *как верить нельзя*. Невозможно было также не заметить, что почти третья часть участников «благоразумно» уклонилась от подписания ороса, когда на Собор прибыл император св. Маркиан. И казалось совершенно невероятным, что в новых условиях, когда Халкидон вызвал столь широкие волнения, удастся обеспечить единомыслие. Впрочем, по мнению папы св. Льва Великого, как он изложил его в ответе царю, никаких проблемных догматических вопросов после Халкидона уже не оставалось.

Понтифик беспокоился также тем, что возвращение к богословским дискуссиям прямо или косвенно поставит под сомнение авторитет Римского епископа. «Они (сторонники Тимофея. — *А.В.*) дерзают искать себе права на похищенное достоинство и вызывать на Соборы неповрежденную веру Апостольского учения», — замечал он царю. Поэтому зачем новый Вселенский Собор? Достаточно принять адекватные меры к еретикам и бунтовщикам, что, собственно, и делает император. Далее следует тонкий пассаж, из которого мы неожиданно узнаем, что сомнения в истинности Халкидонского исповедания — суть прямое следствие 28-го канона. Настраивая императора против Константинопольского архиерея, св. Лев Великий недвусмысленно обвиняет архиепископа Анатолия в плохом исполнении собственных обязанностей.

В целом в период с 457 по 460 г. папа написал императору 10 посланий, в которых настойчиво отстаивал свою позицию. Но эти нападки

не возымели успеха. Император прекрасно понимал, к чему клонит папа, и не собирался менять устойчивую тенденцию «симфонических» отношений своих великих предшественников с Константинопольской кафедрой. Он просто проигнорировал слова апостолика, не удостоив их ответа. Что же касается основного вопроса, то после того, как все опрошенные епископы вновь подтвердили, что для них Халкидон — «безопасный и прочный якорь, который стал неприступным щитом и непреодолимым оружием против всякой еретической тирании», он отказался от мысли созвать новый Вселенский Собор.

Получив общее мнение о неканоничности избрания Тимофея, император св. Лев Великий велел отправить того в ссылку вначале в Гангр, а затем, по просьбе местного епископа, еще дальше — в Херсон, что располагался в Таврии. По его поручению на место Элуря был рукоположен *Тимофей Салофакиал* (460—475) (что переводится *Белый*), всеми любимый православный муж. Но однажды, явившись в Константинополь, он в присутствии царя вступил в спор с новым Константинопольским патриархом *Геннадием* (458—471), доказывая тому, что не принимает его второго места в Кафолической Церкви, и требовал от императора восстановить старинную иерархию. Его уклончиво поддержал и Римский епископ, подтвердивший св. Льву Великому, что привилегии каждой епархии должны быть восстановлены в первоначальном положении. Однако царь не принял таких советов.

Время было очень непростое. Бурлила Церковь, за внешним спокойствием на политическом олимпе скрывалась борьба за первенство в Империи между императором и Аспаром. Казалось, сама природа пробудила мощные, разрушительные силы и заставляла сердца сжиматься в тревоге. На второй год царствования императора, в 458 г., страшнейшее землетрясение потрясло Антиохию, в Константинополе случился пожар, пожравший значительную часть города, во Фракии и на побережье Малой Азии прошли землетрясения, так что часть острова Книда ушла под воду, а поселки оказались смыты селевыми потоками.

§3. Войны, победы и поражения

Внешние опасности также не оставляли Римскую империю. В 463 г. к св. Льву прибыло посольство от новых варваров — *сарагуров, урогов, оногуров*, которые, теснимые савирами и аvaraми, просили помощи у римлян. Они были благосклонно приняты царем, но после, следуя своим традициям, вскоре забыли о договоре и доставляли массу хлопот набегами и грабежами.

В 464 г. перед императором встали новые проблемы: прибыли послы из Рима и умоляли защитить их от вандалов, разорявших Италию. Для переговоров с варварами в Италию был отправлен Татиан, незадолго перед этим получивший высокое звание патриция, но его посольство не имело успеха. Гейнзерих отказался даже принять римского посла. А спустя некоторое время с посольством прибыли посланники Персидского царя, который потребовал от Константинополя выставить гарнизоны в окраинных крепостях или уплатить деньги за их охрану, а также помощи в борьбе с гуннами-кидаритами. Царь вполне обоснованно решил потянуть время, выдвинув встречные условия взаимодействия обоих государств на границах. Для их обсуждения св. Лев направил в Персию сановника Констанция, для солидности возведенного в звание епарха и получившего титул патриция.

Его посольство сопровождалось многими приключениями, в том числе римляне стали свидетелями одной жестокой «шутки», авторство которой принадлежало Персидскому царю *Перозу I* (459—484). Устав от войны с гуннами, он предложил их молодому и еще не женатому предводителю Кунху в жены свою дочь в знак мира и добрососедства. Конечно, гунн согласился — но откуда было ему знать, что коварный перс выдал за него не дочь, а *служанку*, которую соответственно обстоятельствам переодели в царские наряды? Все было бы ничего, но вскоре новобрачная раскрыла своему мужу хитрость Персидского царя, и гунн в ответ заманил к себе 300 знатных персов и всех изуродовал. Как и можно было предположить, война между персами и гуннами вспыхнула с новой силой. Когда Констанций прибыл к Перозу, тот не смог дать ему никакого удовлетворительного ответа на римские предложения в связи с резким изменением ситуации и вернул его обратно в Константинополь.

Растущую мощь воинской силы Римской империи и уверенность ее повелителя вскоре почувствовали на себе и гунны. Сыновья Атиллы *Денгизих* и *Ирнах* предложили императору заключить мир на прежних условиях: фиксированные границы и доступ гуннов к внутренней торговле, но св. Лев отказал им в этом, нимало не опасаясь варваров. Разгневанный Денгизих предложил брату тотчас пойти войной на римлян, но тот отказался, опасаясь внутренних неурядиц и мощи Константинополя.

События в те годы менялись как в калейдоскопе. Не найдя победы в боях с гуннами-кидаритами, персы вновь отправились в столицу Восточной империи, чтобы выпросить деньги и солдат для войны, но получили отказ императора, который вполне резонно ответил, что всякий должен, защищая свою страну, заботиться и о содержании собственного войска.

В это же время воинственный Денгизих, не послушав брата, решил-ся все-таки объявить св. Льву войну, если римляне не будут выплачивать ему дани и не предоставят земли для расселения. Но когда его посланники прибыли во дворец, сановники царя передали им, что император охотно поможет гуннам в случае признания ими его власти, однако в противном случае им нечего ждать подарков от Константинополя.

В 467 г. началась война, удачная для Римской империи. Византийские (употребим уже в тексте *этот* термин) полководцы Анагаст, Василиск и Острый заперли объединенные войска готов и гуннов в долине. Поскольку численность врагов была довольно велика, а их бесстрашие — общеизвестно, полководцы решили действовать хитростью. Они затеяли сепаратные переговоры с готами, посеяв в их сердцах недоверие к союзникам. В результате готы напали на гуннов и многих перебили, чем и воспользовалось римское войско, одержав решительную победу.

В этом же году вновь осложнились отношения с вандалами, не желавшими оставлять свои разорительные набеги на Италию. Представления св. Льва они не удовлетворили, ссылаясь на нарушения условий мирного договора со стороны Римской империи. И хотя на Востоке вновь замаячила персидская угроза — те наконец победили гуннов, — император все свое внимание обратил на Запад, поскольку вандалы почти полностью оккупировали многие римские территории. Так, в частности, Сицилия уже почти полностью была захвачена ими, на очереди была Сардиния.

Вандалы забрали себе третью часть всех захваченных земель, беспощадно сгоняя с ним прежних собственников и земледельцев и обирая до нитки принадлежащие им города. Часть населения Африки успела убежать в Сицилию и Италию, а остальные владели крайне жалкое существование. За время своего господства в Африке вандалы сильно преуспели в военном деле и стали отличными мореплавателями. А слабость царской власти на Западе и необходимость для Константинополя отражать военные угрозы на Востоке сделали их хозяевами положения в Италии, прибрежные территории которой очень страдали от пиратства варваров.

Однако разбой был не единственной причиной резко осложнившихся отношений Византии с вандалами. Поскольку варвары являлись арианами, они особенно не церемонились с православным клиром и мирянами. Положение их стало очень тяжелым и опасным — вандалы *системно* искореняли Православие на захваченных территориях и выселяли епископов из своих провинций. Храмы сжигались, множество православных епископов и пресвитеров погибли под пытками — вар-

вары пытались заставить их выдать церковные сокровища, причиняя страшные муки.

Ощущая себя в равной степени хранителями государства и Церкви, императоры не собирались мириться с засильем арианской ереси на еще недавно православных территориях. Первыми западные римляне решили положить предел вандалскому владычеству. В 460 г. *Майориан* (457—461), император Западной империи, деятельный и энергичный человек, заключил союз с готами, проживавшими в Галатии, против Гейнзериха. Вместе с ними против вандалов поднялись окрестные народы; вместе союзники подготовили около 300 судов, чтобы переправиться в Ливию.

Встревоженный Гейнзерих пытался через свое посольство заключить мирный договор, но не преуспел в этом начинании. Тогда он опустошил территории, где надлежало высадиться римлянам и готам, и отправил все источники воды. После этого договор был заключен, но сам же король вандалов и нарушил его, отправив многочисленное войско в Сицилию и Италию. Последовал целый ряд посольств, в том числе и от императора св. Льва I Великого, с требованием не нарушать мира и возвратить плененных представителей царского рода, включая дочь св. Феодосия Младшего Евдоксию. Гейнзерих отпустил их, но перед этим принудительно обручил своего сына *Онориха* с Евдокией, старшей дочерью Валентиниана III. А другая дочь западного императора — Плацидия — вышла замуж в Константинополе за сенатора Олибрия, с которым была обручена еще при жизни отца.

К сожалению, воинственно настроенный Майориан был убит варварами 7 августа 461 г., и по воле гота Рехимера на царский престол 17 ноября 461 г. был посажен сенатор *Ливий Север* (461—465) — об этом уже писалось выше. Майориан был последним стержнем, скрепляющим собой расшатанные римские устои. Теперь же Западная империя буквально трещала по швам, теряя одни земли за другими. Далмация отсоединилась от Империи и находилась под властью магистра армии Марцеллина, друга Майориана, в Галлии хозяйничал некто Эгидием. Пользуясь слабостью имперской власти, Гейнзерих потребовал выдачи ему всех владений Валентиниана III на Востоке, поскольку дочь покойного императора теперь являлась его невесткой. Грабежи побережья Италии он оправдывал невниманием царственных родственников в Константинополе к своему сыну. Кроме того, он сумел перекупить Олибрия и имел в его лице своего кандидата на Римский престол.

Так продолжалось до 464 г., когда скончался император Север и находящийся на грани отчаяния Римский сенат попросил у св. Льва Великого немедленной помощи против Марцеллина и вандалов. Первый

вопрос не потребовал больших усилий — бывший римский командующий оказался покладистым человеком и не отказался признать захваченную им Далмацию имперской территорией. Но с вандалами дела обстояли гораздо хуже — посла св. Льва, Филарха, даже не допустили до Гейнзериха: вандалы действовали все увереннее и наглее.

Рехимер, хотя и являлся фактическим правителем Италии, уже не решался вступать с ними в единоборство. Он тайно инициировал посольство римского сената в Константинополь с просьбой дать Италии нового царя. Надо сказать, и Восток совсем не собирался замыкаться в границах своих провинций. Как только Константинополь почувствовал силу, св. Лев Великий удовлетворил просьбу итальянцев и назначил им в 467 г. императором *Анфимия* (467—472), мужа дочери св. Маркиана. 12 апреля 467 г. новый царь торжественно вступил в Рим, где был радостно встречен местным населением. Правда, Гейнзерих не признал Анфимия в данном качестве и сетовал на нарушение святым императором каких-то неведомых соглашений, но это скорее свидетельствовало о слабости варвара, чем о силе.

Анфимий, отличавшийся громадным богатством и твердостью характера истинного воина, сумел быстро поднять авторитет царской власти в Италии. Он сошелся с галльской знатью, тоскующей по старым римским временам, и сумел добиться симпатий со стороны германских вождей Испании и Галлии. Он же выступил инициатором грандиозной военной экспедиции против вандалов, аналога которой в истории Рима, по-видимому, еще не было. Объединение усилий двух частей единой Империи, как в прежние времена, позволило римлянам создать серьезную угрозу владычеству варваров.

За счет личных средств Анфимия и невероятных усилий государственной казны был снаряжен огромный флот в размере 1113 судов и собрана многочисленная армия. Достаточно сказать, что общая сумма расходов на эту экспедицию исчислялась в размере 65 тыс. фунтов золота и 700 тыс. фунтов серебра. Главнокомандующим объединенными армиями был назначен *Василиск*, брат царицы Верины, имевший огромный боевой опыт военных действий в битвах с готами и гуннами, командующий имперскими войсками во Фракии. План кампании предполагал, что флот Василиска отрежет все морские коммуникации Гейнзериха и обеспечит римское господство на побережье. В это время сухопутная армия во главе с Ираклием, уроженцем Эдессы, высадится в Триполисе и создаст условия для наступления основной массы войск под командованием Василиска. Одновременно с этим Марцеллин обязался овладеть Сардинией, после чего его войска должны были отправиться на юг, чтобы окончательно сломить сопротивление вандалов.

Что и говорить, с военной точки зрения замысел был великолепен. К несчастью, действительность оказалась гораздо прозаичнее этих грандиозных планов. Как утверждают многие летописи, и у нас нет оснований для опровержения этого мнения, Аспар совсем не желал этой войны по многим причинам. Он понимал, что победа в ней поднимет престиж императора св. Льва, которого он до сих пор считал своим *ставленником*, то есть несамостоятельной фигурой; и, конечно, варвар не собирался усиливать его политический статус. Кроме того, как и Гейнзерих, Аспар был арианином и в глубине души сочувствовал вандалам. Не имея шансов предотвратить экспедицию, его жаркие дебаты с царем, в ходе которых он пытался отговорить государя от этой войны, не дали положительного результата. Поэтому гот задумал свой план, в конечном итоге увенчавшийся успехом. Пока Ираклий громил варваров на пути своего следования, Аспар *подкупил* Василиска, пообещав тому императорскую диадему, и полководец, прельщенный такой перспективой, предал царя и всех римлян.

Вместо того чтобы с налету взять Карфаген и другие, практически незащищенные города (вандалы срыли все крепостные укрепления, опасаясь восстания местных жителей), Василиск дал Гейнзериху 5 дней перемирия, якобы для подготовки проекта мирного договора. Уже этот шаг являлся прямым отступлением от заранее разработанного плана: разве император начинал эту войну только для того, чтобы вынудить у вандала мирный договор, который мог быть нарушен варваром в любой момент? Но тогда никто из римлян еще не почувствовал грозившей им опасности.

Конечно, хитрый вандал использовал эти дни для других целей. Получив в руки тактическую инициативу, так благосклонно и подло подаренную ему Василиском, он блестяще использовал все выпавшие на его долю шансы для спасения. Поняв, что в сухопутном бою римлян не одолеть, Гейнзерих наполнил несколько кораблей горючими веществами и, когда подул благоприятный ветер, неожиданно для противника пустил их на вражеский флот.

В стане римлян началась страшная паника, моряки пытались отвести суда на глубину, но их скопилось множество, и они мешали друг другу. А тем временем вандалы напали на остальные суда и отряды римских войск. Солдаты десанта храбро отбивались в своем лагере, но и там Гейнзерих умудрился произвести пожар, смешавший римские ряды. Ситуация усугубилась тем, что в самом начале сражения Василиск предательски покинул войска и уплыл в Сицилию на быстроходном судне. В результате войска остались без единого руководства, что еще более усилило панику. Но в римлянах еще обитал воинский дух

и высокое чувство чести и достоинства. Их военачальники, храбрецы из храбрецов, отбивались и гибли от огня или меча, но не сдавались врагу. Сохранился рассказ об одном из них — ипостратигоне Иоанне, которому давал гарантии сохранить жизнь сын Гейнзериха Генцон. Однако Иоанн сражался до конца, а затем бросился в море, крикнув в лицо врагу: «Никогда Иоанн не будет в руках псов!» К несчастью, погибли и другие талантливые офицеры.

Тем временем, узнав о катастрофе армии св. Льва, Рехимер на Сардинике предательски умертвил Марцеллина, посчитав, что в новых условиях ему выгоднее добрые отношения с вандалами, чем с римлянами. В общем, римляне потерпели сокрушительное поражение, подорвавшее и международный престиж государства и истощившее казну. Практически после гибели стольких солдат и командиров наступательные действия на Западе уже оказались невозможными.

Измена Василиска ни у кого не вызывала сомнений. Достаточно сказать, что после возвращения в Константинополь Василиск был вынужден искать спасения в храме, прячась в алтаре, и только заступничество царицы Верины избавило его от неминуемой смерти. Прощенный царем, он удалился в город Гераклею на Пропонтиде, где проживал частным человеком, лишенным всех должностей и общественных обязанностей.

§4. Восстановление самодержавного правления

Поражение от вандалов сорвало маску внешней благопристойности с отношений между царем и готами. Еще в ходе приготовления к неудачной экспедиции Аспар предпринимал шаги, чтобы отговорить царя от нее, опираясь в своей позиции на мнение соплеменников. Конечно, как ариане, он и его родичи не желали гибели вандалов. Им казалось более приемлемым заключить мир с вандалами, чем воевать с ними. Но когда речь зашла о дилемме — стереть тех с лица земли или, напротив, залить Африку кровью римских солдат, но сохранить жизнь единоверцам, они без раздумья выбрали второе. Сознание готов, даже тех, кто уже давно служил Римскому государству, осталось в границах племенной эклектики — имперское сознание было для них еще недостижимо.

Однако при всех неординарных способностях Аспара уже вскоре после воцарения св. Льва стало ясно, что гот обманулся, полагая увидеть в лице императора *послушное орудие* собственной воли. В последующем различия между ними стали проявляться еще более рельефно. Новый

царь был полной противоположностью варвару. Тот был другом солдат и готом-арианином; император — православным фракийцем, римлянином по гражданству и другом Церкви. Естественно, рано или поздно должен был возникнуть конфликт интересов.

В 466 г. начали наглядно проявляться разногласия между царем и его прежним покровителем Аспаром. Когда в столицу прибыли послы от воевавших друг с другом скиров и готов с одновременным предложением заключить мир, Аспар предложил уклониться от помощи и той и другой стороне. Но св. Лев, еще и ранее втайне задумавший план освобождения Империи от готского влияния, заключил договор со скирами, приказав военачальнику Иллирии прийти с войсками им на помощь.

Будучи всем обязанным Аспару, царь желал оставаться и в дальнейшем благодарным другом готского вождя. Тем не менее, как человек твердый и решительный, св. Лев не собирался ронять престиж царской власти, так высоко поднятый во времена св. Феодосия Младшего и св. Маркиана. Несложно было понять, что ситуация была критической — почти все важнейшие должности в римской армии занимали германцы, в массе своей легионеры были арианами и управлялись готами, а не царем. Поэтому первой задачей императора стал поиск *противовеса* готскому засилью, который император, к удивлению, нашел в своевольных и свободолюбивых исаврах, некогда предложивших свои услуги трону. Следует сказать, что, хотя исавры и стояли на более низкой по сравнению с готами ступени развития, они не считались, в отличие от германцев, варварами, поскольку являлись уже несколько столетий подданными Римского государства. Да, коренные римляне их не любили, но из двух зол, как известно, выбирают всегда меньшее.

К началу правления св. Льва исавры пополняли собой, как правило, гарнизонные отряды Константинополя, поэтому царю не составило большого труда создать из них особый отряд *экскувитов* — личной гвардии. Чтобы еще более приблизить к себе исавров, император решился на неочевидный поступок. Один из вождей исавров, некто Тарасикодисса, стал по воле императора мужем его дочери св. Ариадны. Зять принял имя *Зенона*, своего славного соплеменника, некогда спасшего Римскую империю от гуннов, и был почтен в 469 г. консульским званием.

Но, по-видимому, царь все же не очень доверял вчерашнему варвару и знал о его легком отношении к ранее принятым на себя обязательствам. Как рассказывают летописцы (и если этот рассказ верен, то наверняка и император знал об этой истории), прибыв в Антиохию в сопровождении священника храма Святой мученицы Вассы Петра Белильщика, Зенон *за деньги* поддержал последователей ересиарха Апол-

линария. Он устроил настоящие гонения на местного православного епископа Мартирия и предал проклятию тех, кто не верил, что на Кресте был распят Бог (а не Богочеловек, как учит ортодоксальная вера). В это же время Белильщик добавил в «Трисвятое» приставку «Распныйся за ны...», ставшую с тех пор визитной карточкой монофизитов.

В том же 469 г. произошла история, резко ускорившая по времени развязку конфликта. Шли выборы префекта Константинополя, и Аспар, имевший широкие связи при дворе, потребовал назначить на данное место своего ставленника, но царь настоял на собственной кандидатуре. Прилюдно Аспар схватил царя за одежду и крикнул: «Носящему багрянцу не прилично лгать!» На что св. Лев не менее обоснованно сказал: «Не прилично царю слушаться кого-то противно общественной пользы!»

Потерпев первое публичное поражение, разъяренный гот ультимативно настоял на назначении цезарем одного из трех своих сыновей, и царь, не имея в тот момент сил противопоставить что-либо варвару, уступил ему — сын Аспара Патрикий стал консулом на следующий год. Но тут взволновался весь Константинополь, поскольку горожане, во главе которых стоял архимандрит монастыря «неусыпных» Маркелл, посчитали, будто царь предает православную веру. Лишь с большим трудом св. Льву удалось успокоить их тем, что якобы, став консулом, Патрикий обещал принять Православие. Но Аспар не удовольствовался этой уступкой. Он решил открыто поставить на место царя и, в пику замужеству его старшей дочери св. Ариадны на Зеноне, потребовал выдать замуж младшую дочь Леонтию, которой едва исполнилось 12 лет, за Патрикия.

Делать нечего — св. Лев исполнил и это требование гота. Но все же царь убедился в том, сколь малой популярностью пользуются готы среди населения Константинополя, что придало ему уверенности в собственных силах. Как говорят, искренне надеясь привести Патрикия к Православию, царь отправил сына Аспара в Антиохию, чтобы тот смог проникнуться истинной верой. Но из этой благой затеи ничего не получилось.

После этих событий всем стало очевидно, что конфликт порожден вовсе не личным противостоянием св. Льва и Аспара. По большому счету, речь шла о будущем Римской империи: *какой* она будет впоследствии (римской или германской) и будет ли она существовать вообще. Пример Западной империи уменьшал оптимизм тех, кто, опасаясь гражданской войны, соглашался сохранить готскую гегемонию в армии и сенате. Было ясно также, что развязка конфликта не обойдется без крови. Но начинать первым ни одна из сторон не решалась — у готов Аспара не было никаких шансов поставить своего, германского, императора из ариан; у св. Льва не было реальной силы, чтобы сокрушить вооруженное

сопротивление со стороны друзей Аспара, если дело дойдет до открытого столкновения.

Так, в темных, скрытых интригах и предательствах прошел 470 год. Четырнадцать лет св. Лев терпел рядом с собой назойливого советника и тайного конкурента. «И благочестивый царь Лев, будучи кроток и богобоязлив, терпел Аспара до времени, частью по незлобию, частью потому, что все войско стояло на стороне дома Аспара».

Но в 471 г. их отношения зашли уже слишком далеко: стало понятно, что *только один* из них может управлять Римской империей. Царь помогал Церкви в борьбе с монофизитами, а арианин Аспар строил собственные планы, чрезвычайно тяжкие, по словам современника, для православных. Над Аспаром по-прежнему висело никем официально не доказанное, но никем публично и не опровергнутое обвинение в поражении имперских войск от вандалов. Более того, разочаровавшись в Зеноне, Аспар устроил заговор против него, который только по счастливой случайности не закончился смертью зятя царя. Зенон бежал в Сердику и тем спасся, а поведение гота окончательно убедило императора в необходимости *кардинально* решать германский вопрос.

Национальная партия все выше поднимала голову в столице, а вскоре наступила развязка. Однажды, воспользовавшись беспечностью врага, император пригласил того с сыновьями к себе во дворец, где телохранители царя убили Аспара и его двоих сыновей — Ардабудария и Патрикия. Третий сын гота — Арменрих, приятель Зенона, — был спасен им и скрылся в Исаврии, где и проживал долгое время. Там он даже породнился с Зеноном — говорят, женившись на дочери побочного сына исавра. Лишь после смерти святого императора он вернулся в Константинополь, но более не решался претендовать на государственные должности.

В семнадцатый год царствования св. Льва, в том же 473 г., случилась еще одна интересная история. В Константинополь прибыл священник — христианин от арабов-скинитов, вождь которых *Аморкес* отказался признавать над собой власть Персидского царя, перебрался в Аравию и успешно воевал с местными сарацинами. Хотя попутно он отнял у римлян остров Иотава, но, желая состоять с ними в дружбе, просил сделать себя *филархом* (начальником) практически покоренных им сарацин. Царь одобрил намерения араба, и вскоре тот прибыл во дворец, где на званом пире император пожаловал его патрицием и подарил множество драгоценных вещей. Все же этот союзник доставлял массу хлопот — варвар не собирался тщательно выполнять условия договора, и вскоре подчиненные ему арабы стали досажать римлянам Востока.

Это были последние месяцы царствования великого императора. Умер св. Лев Великий 18 января 474 г. от дизентерии, уже совсем старым человеком, на 73-м году жизни. Как и его отмеченные Богом предшественники, св. Лев умирал с осознанием выполненного долга. Несмотря на поражения, Римская империя была сильна, как никогда. Восток был почти успокоен, монофизиты опасались открытых выступлений, Церковь умиротворилась. Готский вопрос, столько лет терзавший государство, почти потерял свою актуальность. Впервые за последние 100 лет возникла возможность воссоздать *национальную армию* взамен варварских дружин — замысел, который св. Льву почти удалось довести до конца.

Современники искренне считали св. Льва *благороднейшим* из бывших до него царей. Он был грозен для врагов, но милостив к подданным. Кафолическая Церковь совсем не случайно прославила св. Льва I Великого. Как отмечают историки, православие и благочестие императора выразилось в трех аспектах: 1) законодательстве; 2) отношении к св. Даниилу Столпнику и 3) отношении к еретикам.

В 467 г. император приказал проводить христианские праздники без работ и чтобы, кроме того, они не были оскорбляемы игрой на свирели, гитаре и других музыкальных инструментах. По идее царя, продолжавшего традиции своих великих предшественников, все государство превратилось бы в монастырь, чему, разумеется, помешали старые народные языческие пристрастия, так что во многом царский закон остался благим намерением. А в 468 г. последовал указ святого царя, по которому только православные христиане могли в будущем занимать государственные должности в администрации и суде. Кроме того, вышедшим в следующем году законом запрещалось работать в воскресные дни, включая судопроизводство и арест должников.

Личное благочестие царя проявилось в его отношениях со св. Даниилом Столпником, сирийским отшельником, поселившимся с 465 г. близ Константинополя. Жизнь подвижника Православия была чрезвычайно тяжела, и однажды зимой он чуть было не замерз. Узнав об этом, император пришел к нему и на коленях просил разрешение для установления навеса над ним. По его приказу патриарх Константинополя Геннадий рукоположил Столпника в пресвитеры. Однажды, проезжая мимо столпа, царь был сброшен своим конем наземь. В письме к святому подвижнику он так объяснял свое падение: «Виновник моего бедствия — я сам, потому что дерзнул перед твоими очами сесть на коня, а не отошел подальше от святого столпа твоего». Но и св. Даниил уважал царя и пророчествовал ему рождение сына (обстоятельство, далее не раскрытое в истории), неудачное нападение вандалов на Александрию

и великий пожар в Константинополе в 469 г., когда царь и царица искали спасения, а большая часть города выгорела. Великий святой предрекал Империи тяжелые бедствия и просил совершать дважды в неделю соборные молитвы, чтобы смягчить его.

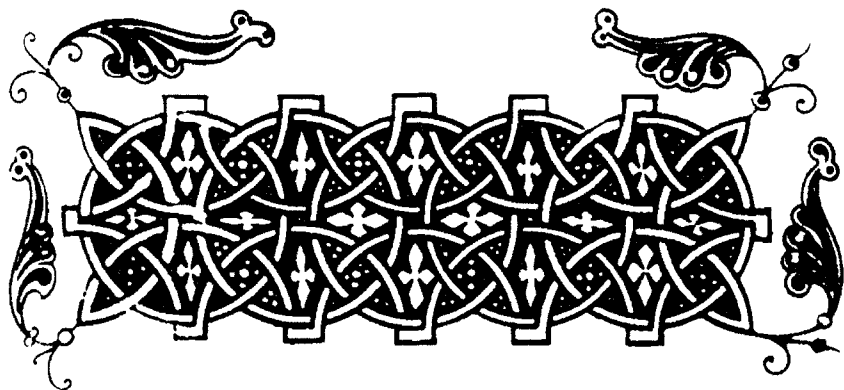
В 469 г. произошло другое знаменательное событие: перенесение ризы Пресвятой Богородицы, приобретенной у одной благочестивой иудейки в Иерусалиме. Она была водворена во Влахернском храме, сооруженном еще св. Пулхерией, и стала одной из самых знаменитых и чтимых святынь Константинополя.

Благочестивый по своей натуре, святой царь был известен как радетель Православия и правды. Начинал он свой рабочий день с посещения статуи Питтакии, поставленной сестрой императора Евфимией. Она была незамужней женщиной, жила благочестиво и благоразумно. Император посещал статую вначале еженедельно, а потом ежедневно и принимал от стражей, поставленных возле нее, переданные прошения, немедленно накладывая на них резолюции, а после передавал ответы просителям.

Не получив высокого образования, св. Лев тем не менее покровительствовал наукам и образованию. Он как-то заметил на упрек в пожаловании высокой суммы денег философу Эвлогию (мол, лучше употребить эти деньги на солдат): «Дай Бог, чтобы в мое время жалованье воинов было даваемо ученым!»

Пуškai не всегда эффективные, но последовательные действия царя вели к полной христианизации Римской империи и формированию *православной политической культуры*. А личные поступки императора давали прекрасный образец для его подданных идеала православного василевса и подвига служения Церкви и государству.

«Симфония властей» выросла не на ровном месте, а благодаря усилиям, систематически предпринимаемым благочестивыми Римскими императорами, не последнее место среди которых занимает и св. Лев Великий.

Глава 7.

СВЯТОЙ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН I ВЕЛИКИЙ (527—565) И ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ФЕОДОРА

§1. Счастливая семья

Император св. Юстиниан I, с чьим именем связано множество величайших событий в Кафолической Церкви и Римской империи, вступил на престол уже зрелым мужем и опытным государственным деятелем. Родившись ориентировочно в 483 г. в селении Бедериана, провинции Дардания, в семье Савватия и Вигленизы, людей самого простого звания и ревностных христиан, он изначально получил первоначальное представление о Православии и остался ему верным до конца своих дней. Прожив до вполне взрослого возраста, будучи уже 20 лет от роду, он был неожиданно вызван в Константинополь своим дядей императором *Юстином I* (518—527), который волей судеб в 518 г. внезапно стал очередным Римским императором. Юстин был бездетным, а потому излил на племянника весь тот запас любви, который ему полагался Богом.

Под чутким руководством Юстина св. Юстиниан получил прекрасное и разностороннее образование, в том числе богословское. После того как дядя усыновил его, юноша из чувства благодарности к опекуну сменил свое имя Петр Савватий на *Юстиниан*. Доброе отношение

к нему дяди привело св. Юстиниана в число первых лиц Римской империи. Он последовательно становился комитом, патрицием, консулом и командующим войсками столичного гарнизона. Несколько лет св. Юстиниан провёл в качестве заложника (или дипломатического агента) при дворе Остготского короля *Теодориха Великого* (493—520), захватившего Италию. Помимо непосредственного знания варварских устоев и дипломатического опыта, он близко познакомился с жизнью Италии и глубоко проникся римскими идеями; самыми серьезными его увлечениями, которым он сохранил верность всю жизнь, стали богословие и римское право.

Своим православием он нравился Риму, а благочестием — епископам и монахам. По одному преданию, за свою приверженность Православию они с дядей едва не пострадали: по наветам врагов Юстина I, ненавидевших его за приверженность к Халкидону, велением Римского императора *Анастасия I* (491—518) он и племянник были брошены в темницу и собирались принять мученический венец. По счастью, до казни дело не дошло, и царь через какое-то время освободил их. На момент воцарения св. Юстиниану исполнилось 45 лет, он был высокообразованным и разносторонне развитым человеком. Достаточно сказать, что его педагогом был известный богослов св. Леонтий Византийский, а философии царя обучал св. Феофил.

Это был человек среднего роста, розовощекий и несколько плотноватый, как многие крестьянские дети, но не толстый, простодушно круглолицый, с прямым носом и светлыми, вьющимися волосами. Среди пышного императорского двора с его сложнейшим этикетом царь демонстрировал неподдельную простоту обхождения: был доступен, милостив, незлобен и абсолютно нетщеславен. Император отличался широкой благотворительностью и состраданием к несчастным, был щедр и незлопамятен к своим врагам, благодарен старым слугам. В самых сложных обстоятельствах св. Юстиниан не терял хладнокровия и спокойствия духа, не позволял себе повышать голос и не опускался до личных оскорблений.

Император *никогда* не пил вина и был непритязателен в еде, ограничиваясь обычно малой порцией вареных овощей. Ревностный христианин, он строго постился и поэтому иногда по нескольку дней оставался вообще без еды или как минимум без твердой пищи. Царь не случайно получил прозвище «неусыпный»: он спал очень мало — не более 3—4 часов в сутки. Ложился спать глубокой ночью и вставал с рассветом, чтобы тут же начать работать. Он был военным стратегом, но не стал полевым полководцем и не испытывал желания водить войска в сражения. В некотором роде это был типичный «кабинетный» ученый в сане царя.

Его трудолюбие не знало границ: зачастую он в ущерб ночного сна он изучал текущие дела Римской империи, рассматривал жалобы лиц, записавшихся к нему на аудиенцию, и вел богословские диспуты с епископами. О св. Юстиниане говорили, что он «император, который никогда не спит». Царь охотно собственноручно писал документы, и ему нельзя отказать в удивительной способности к труду, в чрезвычайной любви к порядку и во внимательной заботливости о регулярном ходе правления. Об этом он открыто говорит в одной из своих новелл: «Случается, что целые дни и ночи мы проводим без сна в заботах о том, чтобы доставить полезное нашим подданным и вместе с тем угодное Богу. И не напрасно это бодрствование, ибо оно ведет к планам дать счастливую жизнь, свободную от всяких попечений, нашим подданным и принять на себя заботу обо всех». Благороднейший мотив, замечательные слова!

Более того, его дворец был открыт всем посетителям — от высшей знати до рядового гражданина, и все имели возможность высказать императору свои просьбы или просить удовлетворения. Даже самые записные недоброжелатели св. Юстиниана Великого не могли сказать, что царь эгоистичен или злопамятен. Его скромность и даже аскетизм отмечали все современники. Нельзя не заметить, что «кабинетный» стиль своего правления св. Юстиниан компенсировал редким умением удачно подбирать талантливых назначенцев на самые ответственные должности. Причем ревностный христианин, император тем не менее доверял высшие государственные посты умеренным язычникам, например Иоанну Каппадокийцу.

Но, как и любой смертный, император имел свои недостатки, вполне, впрочем, извинительные. В частности, он был недоверчив и стремился взять под *личный контроль* самые сложные и разнообразные дела, одновременно вынося судебные приговоры, выполняя работу архитектора, устанавливая налоги и описывая своим полководцам детальные планы кампаний. Однажды он писал своему вельможе такие строки: «Если какой-либо вопрос покажется сомнительным, пусть о нем доложат императору, дабы он разрешил таковой своей самодержавной властью, которой одной лишь принадлежит право истолкования закона». Поскольку же таких «сомнительных» дел накапливалось очень много, св. Юстиниан дни и ночи выполнял функции высшей судебной и законодательной власти.

На фоне такой централизации управления самые верные сановники и самые преданные военачальники опасались выглядеть чрезмерно самостоятельными, и никто никогда не имел гарантии, что избежит ложного обвинения в своеволии. Впрочем, для такого поведения

императора были веские причины, и сам он едва ли мог быть уверен в том, что кто-то не пытается его обмануть или свергнуть с престола. По крайней мере, *три* раскрытых заговора против него не способствовали чрезмерному доверию к сановникам и столичной аристократии. Как ни странно, но при этом св. Юстиниан нередко был чрезвычайно доверчив к лицам из ближнего окружения, и слова, будто многие его добрые начинания не были реализованы вследствие бойкота высшего света или искажения велений царя, не кажутся преувеличением.

Брезгливо относясь к всевозможным случайным половыми связям, *презирая* эту страсть, св. Юстиниан не был ловеласом и, прожив до зрелого возраста, так и не нашел спутницу жизни. И вот тогда, когда ему исполнилось почти 40 лет, в жизни этого человека произошла удивительная встреча: он встретил свою единственную любовь — *св. Феодору*.

Будущая императрица родилась около 500 г. Вопрос о ее родине до сих пор остается открытым: некоторые называют местом рождения св. Феодоры о. Кипр, другие — Сирию. Простое человеческое чувство нетерпимости к скабрзностям не позволяет удовольствоваться грязными пасквилями Прокопия Кесарийского в его «Тайной истории», где императрице уделено немало места, и обязывает нас воспользоваться более выдержанными в оценках источниками, не пытаясь ни облагородить ее облик (а *святая императрица* в этом вовсе не нуждается), ни осквернить его. Почти достоверно известно, что она происходила из простой семьи, и ее отец, дрессировщик медведей в цирке, погиб, когда св. Феодора и ее сестры были совсем девочками. Мать и дочери оказались в крайне бедственном положении. Хотя их глава семьи относился к ипподромной партии «зеленых», помощи от них женщины не дождались; помогли, как ни странно, их извечные враги «синие», давшие им приют и небольшое содержание.

Святая Феодора рано приобщилась к жизни простого народа и узнала далеко не лучшую ее сторону — театральные подмостки. Но, с другой стороны, это знание дурных наклонностей и человеческих страстей помогло ей воспитать свой характер, привило стойкость и мужественность, глубокую неприязнь к человеческой непристойности. Едва ли могут возникнуть сомнения в чистоте ее нравственных качеств и безосновательности возводимых на нее обвинений. Примечательно, что никто из современников, даже из числа тех, кто упрекал ее в ереси, ни словом не упоминали каких-либо «увлечений молодости» святой царицы. Между тем очевидно, что, будь слова Прокопия истинными, недоброжелатели не преминули бы упрекнуть ее в безнравственности.

Сам св. Юстиниан не раз говорил о своей супруге, что она «является женщиной *в высшей степени благочестивой*». А суровость его законов

в отношении прелюбодеяний, по-видимому, напрямую опровергает любые сплетни современных ей недоброжелателей о юности царицы — *такая* женщина, какой иногда рисуют императрицу, никогда не могла бы стать рядом с царем в качестве его законной супруги.

Подросши, она стала прелестной молодой женщиной, небольшого роста, но чрезвычайно грациозной. На ее красивом, слегка матовом лице особенно выделялись большие, полные жизни глаза. Святая Феодора относилась к первым красавицам Константинополя, но отличалась и другими способностями. Царица была очень умна, смыслена и обучаемая. Веселый, игривый характер делал св. Феодору очень коммуникабельной, но женщина также умела ответить на оскорбление дерзкой насмешкой, остроумие которой умножалось ее актерским талантом. Будущая царица не ждала милости от судьбы и считала, что сама обязана добиться успеха. Совсем юной девушкой волею случая она оставила столицу и много путешествовала по Востоку.

Некоторое время она жила в Александрии, где встречалась со многими отшельниками, святыми подвижниками Православия и одновременно с вождями монофизитства. Говорят, те имели невероятное влияние на нее, да и самой св. Феодоре, наверное, был более предпочтителен образный и идеалистичный взгляд монофизитов на тайну Боговоплощения, чем ортодоксальный Халкидонский догмат. Неизвестно достоверно, насколько в действительности она прониклась монофизитством, но, во всяком случае, почти бесспорно то, что она *лично* знала многих его вождей и те доверяли этой женщине.

Вернувшись в Константинополь, св. Феодора представляла собой уже не озорную девчонку, а уверенную в себе и умудренную опытом жизни женщину. Ей было за 20 лет — возраст для византийской женщины почти предельный, если она хотела устроить личное счастье. Но наша героиня даже и не пыталась использовать последний шанс. По преданию, в столице она поселилась в маленьком домике на окраине города, где случайно встретилась с будущим императором св. Юстинианом. Позже, после замужества, императрица поставит на месте старого домика великолепный храм в честь св. Пантелеимона.

Встреча со св. Феодорой перевернула всю душу внешне спокойного и сдержанного св. Юстиниана Великого. Он быстро и окончательно сделал свой выбор и реализовал его с присущей ему последовательностью и осторожностью. Поскольку его тетка, жена императора Юстина была категорически против этого брака, он, не перечая ее воле, терпеливо дождался, когда та умрет, и лишь после этого предпринял следующие шаги. Сам император, выросший в простой среде, не стал возражать против такого союза и по настоянию племянника отменил закон, ко-

торый запрещал браки высокопоставленных лиц с актрисами, танцовщицами и вообще с особами из низших социальных групп.

Святой Юстиниан чрезвычайно дорожил своей будущей супругой и еще до женитьбы решил обеспечить ей *финансовую независимость*. Он передал ей довольно крупную сумму денег, но затем предпочел, чтобы его избранница имела более надежный и постоянный источник дохода — недвижимость и землю. Безусловно, женитьба преемника императора не могла оставить равнодушной ни высший свет, ни Церковь, ни армию. Поэтому св. Юстиниан очень осторожно выяснил мнение всех трех общественных групп на этот счет и лишь после того, когда понял, что они расположены к св. Феодоре, решил узаконить с ней отношения. В 523 г. состоялась наконец свадьба — св. Феодора к тому времени по просьбе св. Юстиниана получила титул патрицианки.

Редко история знает такие любящие, удачливые и гармоничные семьи, как св. Юстиниана и св. Феодоры. В какие-то моменты они являлись полными противоположностями друг друга, восполняя недостатки своей второй половины. Святая Феодора очень быстро освоилась с ролью императрицы и всецело поддержала желание мужа максимально возвысить престиж императорской власти. Потеряв маленькую дочь — плод их брака с императором, св. Феодора всецело отдалась делам государства и Церкви.

Императрица являлась прирожденным политиком и прекрасно понимала проблемы государственного управления. Все летописцы единогласно утверждают, что в государственных делах св. Феодора была первым соратником и товарищем императора и пользовалась авторитетом едва ли не большим, чем он сам. Императрица обладала великим даром эффективного организатора, и ее двор стал фактически «интеллектуальным ведомством». Святая Феодора знала все или почти все, что происходило в государстве, и нет полной уверенности в том, что все свои тайны она делила с мужем. Она без всякого кокетства говорила, что император ничего не решает без совета с ней, и сам св. Юстиниан Великий писал, что «посоветовавшись в этом случае еще раз с нашей преосвященнойшей и благочестивейшей супругой, которую Бог нам даровал, мы решили...» — и далее по тексту.

Ее приказания исполнялись немедленно, и если так случалось, что веление императора шло вразрез с мнением императрицы, нередко побеждала воля женщины. Она лично принимала послов, и многие желали попасть на прием вначале к ней, а затем уже представиться императору. При аудиенции гость также падал ниц перед ней и целовал туфлю. Она без всяких оговорок считалась фигурой, *равной императору*. Ей, как и св. Юстиниану, присягали, как и василевсу, ставили статуи.

Чиновники и патриции, полководцы и солдаты клялись «Всемогущим Богом, Его Единородным Сыном, Господом нашим Иисусом Христом, и Святым Духом, святою славною Богородицей и Приснодевой Марией, четырьмя Евангелиями, святыми архангелами Михаилом и Гавриилом, что будут хорошо служить благочестивейшим и святейшим государям Юстиниану и Феодоре, супруге ее императорского величества, и нелицемерно трудиться ради преуспевания их самодержавия и правления».

Императрица вела во многом самостоятельную политику, подвергая опале высших сановников и поднимая талантливых, верных исполнителей ее воли. Многие решения царицы делают честь женскому уму и поражают своей оригинальностью и свежестью. При этом она оставалась женщиной *памятливой*, и многие сановники, решившиеся обойти ее и подорвать авторитет государыни, поплатились за это. Начальник гвардии (комит экскувитов) Приск за интриги был по приказу императрицы сослан в Кизик и пострижен в духовный сан, а военачальник Буза за попытку провести альтернативного императора в дни болезни св. Юстиниана отсидел в тюрьме почти три года по ее приказу. В числе жертв царицы числится даже всемогущий Иоанн Каппадокиец, руководящий финансами страны.

Приемы у императрицы были редки, но чрезвычайно многолюдны. Царица была педантом в одежде и всегда изысканно одевалась. Любила много спать и обожала морские ванны. Императрица стала настоящим «женским лидером», если можно так выразиться, и любая женщина могла обратиться к ней с жалобой на своего мужа или с просьбой о помощи. Когда она путешествовала, ее сопровождала огромная свита, куда входили высшие сановники Римской империи и провинций, которые она посещала. Царица занималась большой благотворительной деятельностью и выделяла громадные личные средства на больницы, монастыри и храмы.

Своим тонким умом она быстро поняла опасность той прямолинейной борьбы с монофизитством, что велась до последнего времени. Многократно бывая на Востоке и глубоко зная его менталитет, она стремилась смягчить политику супруга и вернуть Сирию и Палестину, где уже процветал религиозный сепаратизм, в лоно Римской империи. Именно ей Египет и Сирия обязаны терпимым отношением верховной власти к их религии вплоть до смерти императрицы. Она приютила у себя во дворце патриарха Анфимия и многих монофизитских монахов, гонимых в Сирии и Азии, и монофизиты не уставали называть ее «императрицей, любящей Бога, императрицей, любящей Христа, правоверной императрицей». Она сумела возвести на патриаршие кафедры своих выдвиженцев: Севера — в Антиохии, Тимофея — в Александрии, Анфимия — в Константинополе. Впрочем, много доводов за то, чтобы

признать ее действия результатом *единой политики* святых императора и императрицы, так сказать, распределением ролей. Не имея возможности открыто демонстрировать свое желание уладить дела миром, василевс прибегал к помощи императрицы как авторитетной и полноправной фигуры. В подтверждение этих слов можно привести тот факт, что во время публичных мероприятий царица всегда приветствовала партию венетов, «синих», традиционных сторонников Халкидона, а не прасинов, «зеленых», придерживавшихся монофизитства.

Правда, рассказывают, что, когда она, страстно желая подарить императору сына, просила св. Савву помолиться об этом, тот грубо отказал, сославшись на то, что императрица способна рожать лишь врагов Церкви. Но этот эпизод в той же степени может быть правдоподобен, как и прочие пасквилы в духе Прокопия Кесарийского. По другой версии, св. Савва лишь уклонился от прямого ответа, произнеся: «Бог славы да сохранит ваше царство в благочестии и победе». Откровенно говоря, эта версия представляется гораздо более близкой к истине.

К сожалению, супругам ненадолго выпало счастье быть рядом друг с другом. 29 июля 548 г. св. Феодора умерла от рака после продолжительной болезни, и св. Юстиниан долго оплакивал потерю, для него непоправимую. В память о царице он оставил на службе всех ее бывших слуг и, когда хотел дать наиболее торжественную клятву, обыкновенно клялся ее именем. Характеризуя св. Феодору, можно с полным основанием повторить слова одного автора: «Ее пороки принадлежали ее происхождению, ее царские достоинства принадлежали ей самой».

§2. Родоначальник «византийской симфонии»

Государственная деятельность нового императора началась гораздо ранее того дня, когда из соправителя он стал единовластным правителем Римской империи. Еще в годы царствования своего дяди, с которым они не имели секретов друг от друга и полностью доверяли, он неизменно стоял за всеми нововведениями, провозглашаемыми от имени императора. Вне зависимости от того, касались они церковного вопроса, войны или внутренней политики. Вступив на царствие уже зрелым человеком со сложившимися убеждениями, св. Юстиниан I последовательно продолжил реализацию тех идей, которые сформировались у него ранее.

Церковная и государственная политика, которую разработал император, и которую собирался начать реализовать немедленно, включала

в себя строго определенные принципы и направления деятельности. Святой Юстиниан I в буквальном смысле слова являлся императором «нового типа». Не все ближайшие преемники св. Юстиниана обладали его талантами и были довольно равнодушны к римской идее всеединства, но не таким был сам святой император. А со временем многие идеи св. Юстиниана стали совершенно органичными и естественными для граждан, политической власти и Церкви. Во внешней политике он хотел реставрировать естественную для имперского сознания римского народа идею единого вселенского государства. Внутри государства царь стремился сконцентрировать в своих руках всю власть, будучи последовательным, он полагал, что все подлежало централизации: власть, религия, закон.

Как правильно отмечают, постоянным принципом Византии было — никогда не признавать понесенных территориальных потерь. Римские императоры, неизменно считавшие себя законными наследниками древних цезарей, мало смущались тем, что в действительности многие провинции уже давно превратились в независимые варварские королевства. Они никогда не считали такое отчуждение законным и, в чем нет никаких сомнений, полагали себя имеющими *исключительное* и полное право на них. Какие бы титулы ни давали себе варварские вожди, для императоров на берегах Босфора это были *их уполномоченные*, вассалы, зависимые слуги, которым царь жаловал те или иные пышные звания. А потому любая попытка с их стороны признать себя самостоятельным от императора рассматривалась в столице как государственная измена и переворот, покушение на основы государственной власти. Эта идея была столь развита и популярна в Римской империи, что самые категоричные противники и недоброжелатели императора св. Юстиниана считали его требования к варварам о возврате римских земель их единственному легитимному властителю — Римскому императору законными и обоснованными.

В некотором роде св. Юстиниан был *идеалистом от политики*, но не в том понимании, что он витал в мечтательных умозрительных построениях — император был вполне опытным государственным деятелем и практичным человеком. Его идеализм заключался в том, что царь был творцом и — одновременно — *рабом имперской идеи*. И, раз признав для себя правильным этот путь, он никогда не сворачивал с него, чего бы это ни стоило. Однако здесь следует добавить, что идеализм св. Юстиниана имел солидную практическую основу.

В странах Африки местное население по-прежнему хранило живое и теплое воспоминание о Римской империи и нетерпеливо обращало взоры в сторону Константинополя, где находился их верховный глава, Римский император. Он был для них последней надеждой и послед-

ним утешением. Хотя бы иго варваров и было легким (а это случалось нечасто), оно разрушало римскую идею *всеединства*, и потому уже нерасположенность римлян к своим варварским завоевателям имела устойчивые причины. В тех же случаях, когда их политическое иго сопровождалось еще и религиозными гонениями на православных, отвращение к вандалам тем более возрастало. В такие минуты буквально все население поголовно ожидало и добивалось прибытия имперских войск своего царя-освободителя.

В Италии была такая же картина. На фоне православных императоров Юстина и св. Юстиниана Остготские короли-ариане, только-только прекратившие преследования православных, выглядели *чудовищами*. Поэтому св. Юстиниан действовал не столько и не только теоретически, но и как записной практик, тщательно рассчитывающий свои дальнейшие шаги на политической карте мира.

Конечно, здесь присутствовало и *идейное* обоснование имперской политики св. Юстиниана Великого. Кафолическая Церковь есть и может быть по замыслу Спасителя Церковью Вселенской. Следовательно, полагал св. Юстиниан, никакие исключения из этого правила невозможны. Любые ереси, всевозможные отклонения от истины неприемлемы, как искажающие подвиг Христа и саму цель Его воплощения, должны быть прекращены, в том числе и административным путем. Не разделяя государство и церковное общество, он полагал, что Церковь и Империя — лишь *две эманации* одной и той же сущности. В завершенном виде Римская империя являлась, по мнению родоначальника «симфонии властей», единой богоустановленной административной структурой, возглавляемой императором и исповедующей истину единого христианского Православия, определенную Вселенскими Соборами. В этой связи Римское государство и сама Кафолическая Церковь не могут нормально существовать в усеченных границах некогда единой Империи, на территории которой незаконно разместились отдельные племена варваров или их государства.

Поскольку Римская империя и Церковь суть одно целое, остро вставал вопрос о должных, гармоничных и естественных формах их взаимоотношений. И здесь св. Юстиниан *до совершенства* развил те идеи, которые ранее, может быть, несколько эклектично высказывали его знаменитые предшественники: св. Константин Равноапостольный, св. Феодосий Великий, св. Феодосий Младший, св. Маркиан и св. Лев Великий.

Для св. Юстиниана принципиально невозможно понимание Церкви и государства как двух различных социальных образований. Для него они полностью *совпадали* и в географическом смысле, и в общности целей, и по составу их членов. Если Богу угодно было объединить под

Своим началом всю Ойкумену, то эта *политическая* задача исторически была поручена Римскому императору. И царь в этом смысле слова исполняет на земле служение Иисуса Христа. Церковь же должна *сакрально* осуществлять то, что содержит в себе православная вера. Таким образом, подытожим, народ Божий должен руководиться двумя различными иерархиями: первая ответственна за внешний порядок, благосостояние и безопасность, вторая должна вести народ Божий в сакральное предвосхищение Царствия Небесного. Поэтому хотя компетенция обеих иерархий (государственной и церковной) различна, но неотделима одна от другой. Кроме того, в практической деятельности они, безусловно, пересекаются и перекрывают друг друга.

Вслед за своими великими предшественниками св. Юстиниан повторяет: «У нас всегда была и есть забота, правую и неукоризненную веру христианскую и благосостояние святейшей Божией Кафолической и Апостольской Церкви во всем соблюдать непричастными смятением. Это мы поставили первою из всех забот, и мы уверены, что за нее и в настоящем мире нам Богом дано и сохраняется царство и покорены враги нашего государства, и надеемся, что за нее и в будущем веке мы обречем милосердием перед Его благодатью».

Император был твердо уверен в том, что «благотворный союз Церкви и государства, столь вожделенный для человечества, возможен только тогда, когда и Церковь со всех сторон благоустроена, и государственное управление держится твердо и путем законов направляет жизнь народов к истинному благу». В 59-й новелле император торжественно объявил: «Мы убеждены в том, что наша единственная надежда на прочность Империи под нашим правлением зависит от милости Божьей, ибо мы знаем, что эта надежда есть источник безопасности души и надежности управления».

Политическое кредо св. Юстиниана — неприкосновенность в государстве догматов веры и церковных правил, возвращение еретиков в лоно Православия и вообще торжество Православия внутри и вне Римской империи и вместе с тем видимое благоустройство Церкви, усовершенствование ее состояния в государстве.

В замечательной 6-й новелле «О том, как надлежит хиротонисать епископов и пресвитеров, и диаконов, и диаконис, и какие наказания преступающим предписания сего указа», св. Юстиниан пишет: «Священство и царство — два великих дара, данные Божеским человеколюбием. Первое служит божественному, второе правит человеческим и печется о нем; но оба они происходят из одного начала и оба украшают человеческую жизнь. Поэтому для царей не может быть большей пользы, как о чести иереев, потому что те непрестанно молят Бога о них. Ибо если священство во всех отношениях безупречно и обращается

к Богу с полным чистосердием, а царская власть правильно и достойным образом устраивает государство, тогда образуется некая добрая гармония («симфония»), которая может доставить человеческому роду всякую пользу».

Как не раз отмечали исследователи, теория «симфонии» в изложении св. Юстиниана является откликом на теории церковно-государственных отношений, которые в конце V — начале VI в. излагали Римские папы. Те стремились показать *превосходство духовной власти* и подчиненное значение государства в церковных делах. Напротив, в предисловии к 6-й новелле св. Юстиниана говорится не о главенстве духовенства, но *о единстве и согласии царства и священства внутри Церкви*. Один авторитетный исследователь отмечает, что для верного понимания этого предисловия следует устранить распространенную ошибку, состоящую в отождествлении императором священства и Церкви. Такой прекрасный богослов, как св. Юстиниан, не впадает в этот «клерикализм» — слово «Церковь» вообще отсутствует в его предисловии. Для него под «Церковью» понимается не «священство», а *все человечество*. Святой Юстиниан говорит о дарах Божьих не Церкви, но человечеству, и, таким образом, соотношение царства и священства вовсе не понимается как соотношение государства и Церкви, а как соотношение различных властей *внутри Церкви-человечества*. Речь идет о нераздельном и неслиянном единстве Церкви и Империи вполне в духе Халкидонского догмата.

Но это единство вовсе не симметрично. Если «священство» представляет собой собирательное имя всех патриархов, епископов и клириков, то, напротив, «царство» не отождествляется с государством и сосредоточено в единой *личности императора*. Как говорит сам св. Юстиниан, «священство служит вещам Божественным», но такое отличие духовенства от прочих членов Церкви относительно: дело священства — молитва, то есть предельно широко понимаемая литургическая и сакраментальная жизнь Церкви. На этом фоне утверждается безусловная супремация (превосходство) царства.

§3. Идея царской власти, прерогативы императора

Если, по мысли св. Юстиниана, царь являет собой стержень, основу существования государства, то необходимо раскрыть существо царской власти и дать ей должное обрамление. По словам древнего историка, св. Юстиниан «первый среди царствовавших в Византии показал себя

не на словах, а на деле Римским императором». Как нередко отмечают исследователи, немногие из царей высокого происхождения обладали в большей мере, чем св. Юстиниан, чувством римского достоинства и благоговейного отношения к римской традиции. Человек чрезвычайно скромный, он был наполнен чувством гордости за свой титул, ощущая себя в полной мере наследником св. Константина Великого и св. Феодосия Великого. Когда он вспоминал, что императорские регалии, захваченные вандалами при разграблении Рима, находятся у варваров, то испытывал чувство нестерпимого оскорбления.

Его видение христианского императора не являлась чем-то искусственным, выделяющимся на фоне общего сознания, тем более — противоречащим православной традиции. Известно, что еще в начале царствования св. Юстиниана диакон храма Св. Софии Агапит поднес ему писанный труд о царской власти, и идеи, изложенные там, почти полностью тождественны мыслям самого императора. Сочинение написано в стиле своего времени: разбито на 72 главы, каждая из которых содержит одну-две важные мысли. Приведем для наглядности некоторые из них.

«Имея сан превыше всякой чести, государь, почитай прежде всего Бога, Который тебя им удостоил, ибо Он, наподобие Небесного Царства, дал тебе скипетр земного владычества, чтобы ты научил людей хранить правду и удержал лай хулящих Его, повинаясь сам Его законам и правосудно повелевая подданными».

«Тебе от Бога дарована эта власть, в которой ради нас нуждается твое промышление».

«Уподобляясь кормчему, многоочитый разум царя бодрствует непрерывно, крепко держа руль благозакония и мощно отражая волны беззакония, чтобы корабль вселенского царства не впал в волны нечестия».

«Мы, люди, научаемся первой и божественной науке — знать самих себя, ибо знающий сам себя познает Бога, а познающий Бога уподобляется Богу, становясь достойным Бога. Достойным Бога является тот, кто не делает ничего такого, что недостойно Бога; но, помышляя божественное, изрекая то, что помышляет, делает то, что говорит».

«Выше всех красот царства украшает царя венец благочестия. Богатство уходит, слава проходит, а хвала богопроникновенной жизни живет бессмертные века и ставит ее обладателей превыше забвения».

«Существом тела царь равен всем людям, а властью своего сана подобен Владыке всего, Богу. На земле он не имеет высшего над собой. Поэтому он должен, как Бог, не гневаться и, как смертный, не возноситься. Если он почтен Божьим образом, то он связан и земным прахом, и это поучает его соблюдать в отношении всех равенство».

«Как глаз прирожден телу, так миру — царь, данный Богом для устройства того, что идет на общую пользу. Ему надлежит печься обо всех людях, как о собственных членах, чтобы они успевали в добром и не терпели зла».

Другой современник св. Юстиниана, магистр официий Петр Патрикий также известен своими политическими трудами, в которых высказывает сходные мысли. Государство имеет своим источником Бога, писал Патрикий, и являет собой отражение и подобие Божественного мироправительства. Цель государства — обеспечение благополучия и благочестия, и для ее достижения ему дается царская власть. Царь, как Бог, обладает четырьмя главными качествами: 1) благостью, 2) мудростью, 3) силой, 4) справедливостью. И, подражая Богу, царь должен царствовать не для себя, а *для народа*, имея конечной своей целью спасение человека.

Эти мысли, повторимся, были чрезвычайно близки царю. В своей 105-й новелле василевс отмечает, что «Бог подчинил императору самые законы, посылая его людям как одушевленный закон». В другом акте, устанавливая, что постановление императора, состоявшееся по какому-нибудь делу, имеет на будущее силу закона для всех однородных случаев, он дает этому принципу следующую мотивировку, крайне интересную.

«Если императорское Величество изучит дело посредством судебного разбирательства и вынесет решение противоборствующим сторонам, пусть все сановники, находящиеся под нашей властью, знают, что это постановление имеет законную силу не только по отношению того случая, по поводу которого принято, но и относительно всех подобных случаев. Ведь что может быть величественнее, священнее, чем императорское величие? Или кто преисполнен столь большим высокомерием, что отвергает толкование со стороны императора, тогда как и знатоки древнего права дают ясное и понятное определение, что конституции, происходящие от императорского декрета, получают силу закона? Когда же мы обнаружим, что и в постановлениях прежних императоров высказывается сомнение в случаях, когда в императорском постановлении содержится толкование закона, должно ли такого рода толкованию иметь законную силу, мы потешались над их столь напрасной тщательностью и сочли необходимым ее исправить. Мы выносим определение считать всякое императорское толкование законов как по отношению к прошениям, так и к судебным процессам или сделанное каким-то иным образом, несомненно имеющим законную силу. Ведь если только одному императору позволено в настоящее время принимать постановления, то и подобает, чтобы только один он был

достоин обладать правом их толкования. Кто может считаться правомочным в разрешении неясностей постановлений и разъяснении их для всех, если не тот, *кому одному позволено быть законодателем?* Только император будет законно считаться как творцом, так и толкователем законов: при этом данное постановление ничего не отменяет в отношении законодателей древнего права, поскольку и им это позволило императорское величие».

Как Божий ставленник, император во всем ищет Божьей помощи и Его благодеяний. «Властью Бога нашего управляя Империей, которая передана нам Небесным величием, мы и войны счастливо преодолели, и мир украшаем, и устои государства поддерживаем, — пишет он в своих знаменитых «Дигестах», — и таким образом возлагаем чаяния наши на помощь Бога Всемогущего, чтобы полагались мы не на оружие, не на наших воинов, не на военных предводителей или на наш гений, но всю надежду обращаем только к высшему видению Троицы, от коей произошли сами первоосновы всего мира и установлено их распределение в земном кругу». Его вера в небесное покровительство была так крепка, что он без колебаний прилагает к себе слова пророков и стихи Псалмопевца, по его приказу вырезанные на базисе конной статуи, поставленной в его честь: «Он воссядет на коней Господних и езда его будет спасение. Царь возлагает надежду свою на Бога, и враг его не сможет его одолеть».

В другой новелле св. Юстиниан Великий поясняет: «Великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу все пусть воздадут благодарственные гимны за этот закон, который создает для них великие преимущества: жить спокойно в своих отечественных местах, с уверенностью в завтрашнем дне, пользоваться своими имуществами и иметь справедливых начальников. Ибо мы с той целью издали настоящее распоряжение, чтобы, почерпая силу в праведном законе, войти в тесное общение с Господом Богом и препоручить Ему наше царство, и чтобы нам не казаться невнимательным к людям, которых Господь подчинил нам на тот конец, дабы мы всемерно берегли их, подражая Его благодати. Да будет же исполнен долг наш перед Богом, ибо мы не преминули исполнить по отношению к нашим подданным все доброе, что только приходило на ум».

В одном из законов царь писал: «Так высоко поставил Бог и императорское достоинство над человеческими делами, что император может все новые явления и исправлять, и упорядочивать, и приводить к надлежащим условиям и правилам». Здесь что ни слово, то — жемчужина.

Чрезвычайно шепетильный в делах веры, он никогда не шел на измену своим убеждениям, даже если ему обещали скорый результат. Как

следует из одной легенды, некогда в Константинополь прибыл известный чародей, который сумел внушить некоторым близким сановникам царя веру в свое волшебство. Они принялись уговаривать св. Юстиниана принять услуги мага, ссылаясь на то, что тот, хотя и черпает силу от ада, поможет римлянам сокрушить персов. Император призвал чародея, но лишь затем, чтобы сказать ему: «Ты хочешь, чтобы я, христианский император, торжествовал с помощью демонов? Нет, помощь моя от Бога моего и Господа моего Иисуса Христа, Творца небес и земли». А потом велел выгнать кудесника из города.

В политической философии, если можно так выразиться, св. Юстиниана нет и следов римского народного суверенитета времен республики и ранней Империи. Характерно, что император не отрицает само существование или ошибочность этого принципа, но *качественно иначе* обыгрывает его: «Так как по древнему закону, который называется царским, все право и вся власть римского народа были перенесены на власть императора, безусловно, и мы не дробим незыблемое это постановление на те или иные части учреждений, но желаем всю ее власть целиком иметь нашей». В другом месте это звучит так: «Ведь раз по древнему закону, который называется царским, все право и вся власть римского народа переданы императору, и мы не разделяем закон на части, относящиеся к его различным создателям, но повелеваем, чтобы он был целиком нашим».

Хотя св. Юстиниан признавал сенат и народ источниками права, но в 1-м титуле 1-й книги Институций прямо заявлял: «То, что угодно императору (*princeps*), имеет силу закона, так как по царскому закону, который принят относительно высшей власти императора, народ ему всю свою высшую власть и полномочия уступил. Таким образом, то, что император постановил путем письма и подписи, или предписал, исследовав дело, или вообще высказывал, или предписал посредством эдикта, как известно, является законом». Неудивительно, что в 541 г. император решил вообще *упразднить* титул консула как напоминание о республиканских атавизмах, давно утративших содержательную часть, но сохранившихся в Империи.

Едва ли не все правовые акты царя содержат мысль о Богоустановленности императорской власти и той высокой ответственности, которую царь несет перед Богом за состояние дел в Церкви и Империи. В 86-й новелле царь замечает: «Поскольку Бог вручил нам Римскую империю, мы заботимся направлять все к пользе подданных дарованного нам от Бога государства». Закончив свой великий свод законов, император славословит Бога за тот труд, который не по силам человеку, но есть *дар Божий*. А на престоле в Софийском Соборе сохранилась

надпись, сотворенная по приказу императора: «Твоя от Твоих, Тебе приносим, Христе, Твои рабы, Юстиниан и Феодора, прими милости-во, Сыне Божий, нас же сохрани в сей истинной вере, и царство сие, которое вручил нам, на честь Твою умножай и защищай, ходатайством Пресвятой Богородицы Девы Марии».

Принцип — «царская власть установлена Богом» — красной нитью проходит через многие законодательные памятники св. Юстиниана. В 6-й новелле он пишет, что «царская власть — дар Божий», в 77-й новелле говорит о «людях, вверенных Богом императору», в 85-й новелле — «об управлении, вверенном императору Богом». В 73-й новелле царь озвучивает главную задачу своей власти: «Бог установил царскую власть, чтобы она уравнивала несогласия добром». В уже упоминавшейся 77-й новелле эта мысль выражена еще рельефнее: «Всем благомысленным людям, мы думаем, вполне ясно, что забота наша и желание направлены на то, чтобы вверенные нам от Господа Бога люди жили достойно, и чтобы они нашли у Него благоволение, ибо человеколюбие Божье хочет не погибели, а обращения и спасения людей, и согрешивших и потом исправившихся Бог приемлет».

Как легко догадаться, перед нами не образчик абсолютизма, а основанная на православных догматах и римском праве *всесильная обязанность* императора выполнять Божью волю, классическое христианское понимание существа верховной единоличной власти. Да, конечно, Бог вручил императору право законодательствовать и творить закон, и потому уже царь стоит *выше закона*: источник права не может подчиняться производной от него норме. Но, во-первых, имея в своей основе высшую правду, являясь через посредство императора Божьим творением, этот закон становится тем более обязательным для всех подданных и судей, правителей, военачальников и, естественно, самого царя. Во-вторых, помимо позитивного закона царь связан нравственным законом, данным в учении Христа, и потому уже не имеет абсолютной власти, но *самодержавен*.

Безусловно, царь волен в некоторых случаях менять закон и даже игнорировать. Пример этого подхода содержится в 113-й новелле, где дается строгое предписание судьям принимать решения только на основе общего закона, а не особенных царских повелениях. Исключения составляют дела, переданные *непосредственно* императору, которые тот решает на основании своего свободного усмотрения. Само понятие «свободного усмотрения» говорит не о возможности царя творить злое, но, напротив, предусматривает возможности с его стороны *смягчить требования закона* в отдельных случаях, если это способно оказать помощь несчастному и облегчить его нужду.

В 133-й новелле св. Юстиниан Великий пишет: «Нет ничего недоступного для надзора царю, принявшему от Бога общее попечение обо всех людях. Императору подобает верховное попечение о церквях и забота о спасении подданных. Император есть блюститель канонов и Божественных Законов. Царь через Соборы священников утверждает правую веру».

Как первый слуга Бога на земле, император в своем достоинстве обладает свойством, сходным с *непогрешимостью*, имевшею своим источником Божественную благодать. «Наше величество, — писал он, — по рассмотрении доложенных ему проектов, исправило по Божественному вдохновению все неопределенности и неясности и придало делу его окончательный вид».

В этой идее нет, по существу, ничего нового. Византийское сознание четко отделяло высший титул от конкретной личности и вовсе не собиралось обожествлять *конкретного человека*, как того требовали некогда языческие цари. Мы видели, что еще со времен св. Константина Великого считалось само собой разумеющимся, что Соборы епископов, водимые Святым Духом, *не могут* по Природе своего Покровителя творить несправедливое — Благодать Божья неуклонно ведет к Истине. Поэтому нет ничего удивительного в том, что такое же свойство непогрешимости и с этим же содержанием приписывалось и императору, защитнику и хранителю Церкви, получавшему особые дары при вступлении в сан, руководимому непосредственно Богом.

При этом нужно понимать, что император — вовсе не абсолютный деспот, которому подвластно все. *Над ним* стоят Божий Закон, церковная иерархия, Вселенские Соборы, «страж благочестия» — римский народ и монашество. И *невидимую для формального права* границу своего всевластия император прекрасно осознавал. Хотя сам св. Юстиниан был талантливым богословом, он никогда не претендовал на то, чтобы доктринально и законодательно закрепить право царя на роль источника христианского вероисповедания. Он всегда признавал тот принцип, который другие православные императоры также исповедовали задолго до него, что издание догматических постановлений является прерогативой епископов. Правда, в практической деятельности в силу различных объективных причин он издавал собственные толкования, которые, по его мнению, должны были правильно отобразить истинный дух Церкви и содействовать порядку в Римской империи. Но это не являлось ординарным полномочием царя, скорее *вынужденным исключением* из общего правила. Кстати сказать, будучи великолепным богословом, он часто снискивал восхищение современников, имевших счастье слушать его рассуждения. Один архиерей писал: «Если бы я не

слышал своими ушами слова, которые по милости Божьей исходили из благословенных уст государя, то с трудом бы тому поверил, настолько в них обретались соединенными кротость Давида, терпение Моисея и благодать апостолов».

Естественно, в понимании св. Юстиниана *внешние формы* императорской власти должны были соответствовать ее идейному содержанию, подчеркивая величие царского сана, хотя сам носитель этого звания и был величайшим скромником. Едва став консулом в первый раз, 1 января 521 г., св. Юстиниан ознаменовал получение титула зрелищами невероятной пышности. На подарки и оплату увеселений было потрачено почти 4 тыс. фунтов золота — невероятные по своей величине средства. Приняв по старой традиции консульство на новый, 528 г., император вновь выразил свое понимание величия императорского сана великолепными играми и щедрыми подарками народу, которых не раздавал до сих пор никто из его предшественников.

На ипподроме он перестроил и богато украсил императорскую кафизму и портики, где члены сената наблюдали за игрой. В самой столице он возвел огромную цистерну для питьевой воды и провел в нее воду из старого водопровода, сооруженного еще при языческих императорах. В той части города, которая носила название Сики, он построил стены и соорудил театр, а сам пригород переименовал в Юстианополь.

Желая возвеличить статус царя, св. Юстиниан большое внимание уделил своей «малой родине», провинции Дардиния, в пределах которой лежал город Бедериана. Небольшой поселок вскоре преобразился в цветущий город, украшенный общественными зданиями, и, получив именование *Первой Юстинианы*, стал административным и церковным центром северного диоцеза Иллирика. Другая старая крепость, обновленная и расширенная по проекту императора, получила имя *Второй Юстинианы*.

§4. Внешняя стратегия святого императора

Как мы увидим, у св. Юстиниана слова никогда не расходились с делом. В нарушение богоустановленных принципов, полагал он, варвары покусились на абсолютность Римской империи, создав свои политические союзы на ее исконных территориях. А изнутри Церковь-Империя страдала от монофизитов и других иноверцев, которых необходимо было привести или вернуть к истинной вере.

Одним из традиционных врагов Римской империи являлась Персидская держава Сасанидов, не принявшая христианства и представлявшая

серьезную угрозу безопасности государству. Конечно, св. Юстиниан не исключал эту державу из списка первоочередных противников, которых необходимо усмирить. Однако за Персией стояла ее древность, а Рим испытывал пиетет к седой старине и в известной степени за этот счет оправдывал существование Персидского царства. Достаточно сказать, что лишь через столетие, когда Персидское государство будет разрушено, византийцы смогут, не погрешая против совести и истины, называть своего императора единственным *василевсом* во всей Вселенной. А до того момента этот титул имел Персидский царь, чьи легитимные права на него никто из римлян не отрицал.

Помимо таких «романтических» причин, император по достоинству оценивал силу Персидского царства. Это было компактное, хорошо организованное государство, имевшее сильное войско и умелых полководцев. А национальному чувству персов могли позавидовать сами римляне. Древний враг был бы еще опаснее, если бы, по счастью для Константинополя, Персия сама не страдала некоторыми внутренними недугами и ее северные границы не беспокоили кочевники, отвлекавшие персов от римских земель. Помимо всего, существовала так называемая «проблема Армении» — армяне, христиане по вероисповеданию, легко шли на контакты с римлянами и охотно помогали им в Римо-персидских войнах. Но и в таком состоянии это государство было невероятно сильно.

Конечно, *когда-нибудь* и оно должно пасть от Божьего гнева, но сейчас св. Юстиниан был готов удовлетвориться безопасностью христиан в Персии, в отношении которых периодически устраивали гонения персидские власти, неизменностью восточных границ и возможностью вести миссионерство среди диких народов Кавказа. Как здравомыслящий практик, он понимал, что одним только желанием Персидское царство не разгромить. Поэтому в практической политике он хотя и не собирался уступать Персии, но при открывавшихся возможностях неизменно с удовольствием шел на мирные переговоры, концентрируя силы для войны с другими врагами.

Несравнимо более опасными для императора казались остготы и вандалы, *еретики*, покусившиеся на римские владения, узурпаторы, уронившие римскую славу. Возможно, св. Юстиниан еще мог бы мириться с фактом появления варварских политических обществ в Италии и в Африке, если бы они являлись *православными* государствами. Но, как известно, и вандалы, и остготы были арианами и не раз поднимали руку на «святая святых» для императора — Кафолическую Церковь, а с этим мириться было нельзя. Остро и глубоко чувствуя свою обязанность быть хранителем веры и первым защитником Церкви, св. Юстиниан не мог принять такое положение дел.

Безусловно, он отдавал себе отчет в том, что монофизитство на Востоке пустило глубокие корни, и был бы искренне расстроен, если бы узнал, что и сегодня оно существует в Египте. Однако, какой бы трудной ни казалась задача, ересь должна быть искоренена. Для св. Юстиниана наличие еретических общин в государстве — такой же нонсенс, как наличие в Империи территорий, живущих вне рамок римского права, игнорирующих государственные законы. Но это только теоретически — в действительности император старался, насколько возможно, без ущерба имперской политике смягчить те гонения, которым подверглись противники Халкидона, подключив к этой деятельности свою жену, императрицу св. Феодору; к этой истории мы еще вернемся. Но без *официального* утверждения в этих провинциях императорским законом того вероисповедания, которое на Халкидонском Соборе были признано истинно православным, никакой союз с Римским епископом становился невозможным. А такой союз был необходим, так как только папа обладал в Италии и вообще на Западе тем авторитетом, который единственно мог обеспечить св. Юстиниану успех в деле возвращения западных провинций под власть Римского императора.

Необходимость прибегнуть к помощи апостолика обуславливалась и теми изменениями в церковном устройстве, которые произошли в 537 г. Ранее, несмотря на все споры и ереси, никогда иерархи церковной партии, находившейся в меньшинстве, не пытались создать *параллельную Церковь*. Все конфликты воспринимались как происходящие исключительно *внутри* Церкви. Если кто-то был не согласен с вероучительной позицией какого-нибудь архиерея, то он мог переехать в другую область и войти в состав иной церковной общины. И, как правило, подавляющее большинство населения сохраняло общение со своим епископом, веруя так, как и он.

Однако в 537 г. этот неписанный порядок был нарушен. Пусть и с сомнениями, но, в конце концов, Севир Антиохийский и епископ города Теллы Иоанн начали практиковать формирование собственной, монофизитской иерархии, так что к ним для рукоположения порой приходило до 300 человек.

Это вызвало не только шок на православном Востоке, но и создало многие политические проблемы. Христианские племена арабов, проживавшие между Палестиной и Евфратом, систематически обращались в Константинополь с просьбой направить им епископов. С учетом того что они играли большую роль в противостоянии между Римской империей и Персией, настроениями и симпатиями арабов нельзя было пренебрегать.

В 541 г. в Константинополь прибыл посланник вождя племени гасанидов *Ал-Харида*, просивший направить к нему исключительно монофизитского по своей вере епископа. Присутствие в столице патриарха *Феодосия Александрийского* (535—537) в практическом сиюминутном плане позволило решить эту проблему: александриец хиротонисал двух епископов, один из которых — Яков Барадей, «вселенский митрополит Эдессы», в течение почти 35 лет рукополагал монофизитов в иереи по всей Малой Азии, Сирии, Армении и даже в Египте. С его именем связано появление новой, «Яковитской» церкви. Очевидно, в таких условиях, когда со всей остротой вот-вот должен был встать вопрос о том, какая же из Церквей является «правильной», очень многое решал авторитет Рима, на который единственно могли опираться императоры в своей церковной политике.

Поэтому во имя Римской империи и Православной Церкви император пошел на то, чтобы бросить тень — нет, не в еретичестве, а только в *неправоверии* царей Зенона и Анастасия I, когда согласился устами императора Юстина принять ультиматум папы Гормизды и исключить имена василевсов из диптихов. Святой Юстиниан простил даже известную измену понтификов идее Империи, признание ими власти над собой Остготского короля, вовсе не собиравшегося обеспечивать преимущественное положение православных в своем государстве. К слову сказать, религиозные отношения между варварами и итальянцами были совсем не безоблачными и периодически осложнялись серьезными беспорядками. Так, в 520—521 гг. в Италии случились волнения по поводу еврейского погрома в Равенне, когда христианами была сожжена еврейская синагога, аналогичные эксцессы случились и в Риме.

Тогда король Теодорих решил примерно наказать виновных и приказал христианскому населению Равенны возместить евреям убытки, что вызвало бурное негодование. Следующим шагом стал политический процесс, организованный Остготским королем против патриция Альбина и его товарищей, которых обвинили в переписке с Римским императором и предали казни. Но папа никак не проявил себя в этих ситуациях, и, конечно, его поведение едва ли могло вызвать сочувствие в Константинополе. Однако, повторимся, император пропустил и это, надеясь, что в дальнейшем союз с Римским епископом с лихвой окупит такие нюансы.

Потому с таким почтением и обращается император к Римским папам, всячески подчеркивая их первенство в Кафолической Церкви. В принципе, и в этом св. Юстиниан не лукавил: если в свое время возвышение столичного архиерея было вызвано тем, что императоры желали получить рядом с собой помощника по делам Церкви, то *теперь*

такой помощник св. Юстиниану был нужен не в Константинополе, а в Риме. Правда, как и раньше, император не забывал столичного архиерея и, славословя понтифика, не забывает и Константинопольского патриарха, который хотя и уступает первенство чести папе, зато стоит вторым вслед за ним в иерархии Церкви, оставляя позади себя Александрию и Антиохию.

§5. Кодификация римского права. Каноническое творчество императора

Излагая историю св. Юстиниана Великого, нельзя не упомянуть ту сторону его деятельности, которая принесла ему не меньшую славу, чем военные победы и церковные дела. Как истинный римлянин, император был глубоко уверен, что Рим черпал свою непобедимую силу в сочетании военной мощи с блеском права, и хотел восстановить эту победоносную гармонию. В одном из своих актов царь писал: «Наивысшее попечение о государстве берет начало из двух источников — заботы о военных делах и о правопорядке. Поэтому благословенный род римлян, черпающий свою силу из этих источников, как в прошедшее время превознесся над всеми народами и всеми владычествовал, так и будет вечно с Божьей помощью владычествовать. Ведь одно из этих дел всегда укреплялось с помощью другого, и как военное дело сохранено в целостности законами, так и законы сбережены защитой оружия. Поэтому мы, с полным основанием обратив наши помыслы и наши усилия к первому основанию поддержания государства, с одной стороны, исправили течение военных дел, с другой стороны, мы укрепляем защиту законов, сначала сохраняя уже принятые, затем издавая новые».

А потому с самого начала самостоятельного правления св. Юстиниан Великий решил провести гигантскую по сложности работу, направленную на *кодификацию римского права*. Полагая, что «императорское величество должно быть украшено не только трофеями, но должно быть вооружено законами для того, чтобы государство могло быть управляемо и в военное время и в мирное надлежащим образом», он поставил перед собой гигантскую задачу: составить сборник из императорских постановлений, разрешить противоречия, сделать и обобщить извлечения из сочинений юристов и подготовить учебник римского права для обучения студентов.

Уже 13 февраля 528 г. своим законом он создал специальную комиссию из десяти правоведов, куда вошел впоследствии знаменитый,

но тогда еще малоизвестный Трибониан, в задачу которой входило обобщение всех императорских указов, вышедших после Кодекса Феодосия. И всего через год, в апреле 529 г., император известил сенат об окончании работы и издании нового сборника, получившего название «Кодекс Юстиниана». В традициях римского права Кодекс был разделен на 12 книг (по аналогии с «12 таблицами»), куда вошли многие законодательные акты самого св. Юстиниана. Примечательно, что, в отличие от Кодекса Феодосия, Кодекс Юстиниана основывается на иной структуре изложения материала. Так, в частности, первый титул первой книги начинается с главы «О Верховной Троице, Кафолической вере, и чтобы никто не дерзал публично состязаться с ней». Последующие за ним 12 глав первой книги посвящены исключительно вопросам религии, и только потом идут чисто государственные узаконения.

Затем пришел черед для другого свершения: император решил обобщить в одном системном сборнике все сочинения древних юристов, имевших силу закона. Поручением от 30 декабря 530 г. вновь была создана комиссия из 16 человек, председателем которой стал уже сам Трибониан, продемонстрировавший по предыдущей работе замечательные способности юриста. Эта работа была грандиозной по масштабу и по технике ее исполнения, но император питал надежду на выполнение своего плана и обещал санкционировать сборник, решения которого будут рассматриваться как истекающие из конституций и «божественных уст царя». В откровенных беседах он даже публично сомневался в возможности выполнения всего задуманного даже в течение 10 лет, но, с упованием на Бога, приступил к работе.

Несмотря на невероятные трудности в обобщении материала, работа была закончена за три года (!), и 16 декабря 533 г. в свет вышли «Дигесты», или «Пандекты», в составе 7 частей и 50 книг, 432 титулов и 9132 отдельных фрагментов. Сам царь так комментировал свой труд: «Столь велико по отношению к нам Провидение Божественного человеколюбия, что оно всегда, с постоянным милосердием соизволяет поддерживать нас. Господь позволил нам привести к новой красоте и умеренному сокращению древние законы, уже отягощенные своей старостью. До нашего правления никто даже в глубине души никогда не надеялся, что это по силам человеческому гению. Ведь удивительным было то, что римские узаконения, накапливавшиеся от эпохи основания Рима вплоть до времени нашей власти в течение почти 1400 лет, расшатывавшиеся междоусобными войнами и дополненные императорскими конституциями, вдруг возродились в едином созвучии настолько, что теперь в них нельзя найти ничего ни противоречивого, ни повторяющегося, ни прочего подобного рода, и нет среди них ни

двух одинаковых законов об одном и том же предмете. Ведь это было некоей особенностью Небесного Провидения, ибо ничто из подобного рода деяний не под силу человеческой немощи. Но с помощью Господа Бога нашего Иисуса Христа нами в меру наших возможностей и нашими помощниками в этом деле все это было превосходным образом завершено».

За месяц до издания «Дигестов» вышел в свет и другой замечательный юридический сборник — «*Институции*» в четырех книгах, который представлял собой краткое руководство по изучению римского права. О мотивах подготовки этого документа император говорит так: «Усмотрев, что непривычные люди и те, кто, стоя в преддверии законов, спешат войти в тайны законов, но не в силах снести такую громаду мудрости, мы нашли, что необходимо дать предварительное образование, чтобы, войдя во вкус и как бы напившись начатками всего, они могли проникнуть в глубины тайника и принять немигающими глазами прекрасную форму законов».

Действительно, новые законы качественно изменяли жизнь римского общества, наглядно демонстрируя, что они являются законами *христианского государства*. *Jus gentium* («право народов») окончательно уничтожило узкие в своем национализме нормы «12 таблиц» и внесло новый дух времени в римские понятия. Например, полностью исчезает старое понимание семьи. Теперь женщина становится равной мужчине и в некоторых вопросах получает даже более привилегированное положение. Закон определяет ее право на приданое, упрощает способы возврата его в случае расторжения брака, ограничивает право мужчины по распоряжению приданым.

Более того, для обеспечения прав женщины закон обязывает мужчину наделить будущую жену некоторыми средствами, которые отходят к женщине после развода. Нетрудно догадаться, что здесь чувствуется сильное влияние св. Феодоры. Дети также получили имущественные права на собственность отца; теперь ничто не напоминает в сыне вчерашнего раба, каким он был под властью *pater familias*; отныне он самостоятельный и ответственный человек, *личность*. Закон декларирует, что все люди рождены свободными и равными перед Богом, и потому категорически не приемлет рабства, хотя и не отменяет его полностью. Но выход из него облегчается, и такая практика поощряется.

Сам император не оставался безучастным к данной работе и принимал в ней самое деятельное участие, с полным правом не только признавая Кодекс, «Дигесты» и «Институции» вершиной правовой мысли, самым совершенным сборником римского права, но и назвав себя их идеологом и автором. Конечно, как настоящий римлянин и знаток права,

св. Юстиниан писал законы по-латыни и разрешал их использование на греческом языке только в виде отдельных компиляций.

Правда, вскоре обнаружили и некоторые недостатки этих сборников, вследствие чего св. Юстиниан Великий вместе со своими сотрудниками еще раз пересмотрел их, добавил вышедшие после первого издания эдикты, и 18 ноября 534 г. новая редакция вышла в свет. «Прошли века, и право Юстиниана стало живым и действующим во всех западноевропейских государствах, — писал о результатах кодификации права один автор. — Наряду с единым универсальным исповеданием веры христианской стало единое универсальное римское право как великое наследие будущему от Древнего мира».

Но правотворческая деятельность императора на этом, конечно, не закончилась. Публикуя вторую редакцию сборника, царь упомянул, что новых «Дигестов» больше не будет. Он указал, что новые законы императора, изданные после выхода в свет второй редакции, должны быть собраны в отдельный сборник под названием *Novellae constitutiones*. Чрезвычайно плодотворный как законотворец, св. Юстиниан издал за 30 лет 168 новых законов, новелл (*Novellae leges*), вышедших в свет после 534 г., но объединить их в специальный сборник уже не успел. Примечательно, что почти все новеллы написаны царем уже по-гречески.

Величие св. Юстиниана как законодателя заключается не только в кодификации права. *Впервые* в истории Римской империи государственные законы и церковные каноны (правила) не были разделены по различным сборникам, но естественно и органично вошли в состав одних и тех же книг. Так, появились на свет первые *номоканоны*, государственно-церковные юридические сборники — еще одна отличительная и неизменная черта византийского права. В 4-й и других новеллах император откровенно пишет: «Первым предметом нашей заботы являются догматы Бога и достоинство священства», и далее: «Если мы так стремимся усилить гражданские законы, силу которых Бог доверил нам для безопасности наших подданных, то сколь же ревностно надлежит нам стремиться укрепить каноны и священные законы, созданные для спасения наших душ».

А в начале трактата против Оригена он отмечает: «Мы всегда стремились и стремимся всюду защищать истинную и безупречную веру христиан и мир в самой Святой Кафолической и Апостольской Церкви. Это наша первая и главнейшая задача. Мы убеждены, что императорская власть вручена нам в этой жизни и утверждается Богом, обуздавшим врагов нашего правления. И мы надеемся, что в будущей жизни Он не оставит нас и окажет нам Свою милость в Своем совершенстве».

Поскольку государственный закон и церковный канон имели, по мысли императора, один источник, хотя и регулировали различные

стороны деятельности римского общества, в Кодексе и новеллах содер­жится масса актов, напрямую относящихся к области *канонического права*. Некоторые из них впоследствии были подтверждены канонами Вселенских Соборов, другие послужили основой для принятия самостоятельных норм церковного права, значительнейшая же часть имела *прямое действие* и даже в настоящее время воспринимается не в качестве актов императора, а как церковные каноны. Надо сказать, что в этом отношении св. Юстиниан значительно опередил время, вновь продемонстрировал высочайшую юридическую технику и знание основ церковной жизни.

Поставив перед собой цель наилучшим образом обеспечить благо­состояние Церкви, император издал ряд узаконений, определяющих ее права. В первую очередь святой Юстиниан старался государствен­ными мерами усовершенствовать ту сторону Церкви, которой она со­прикасалась с государством и обществом. С другой стороны, в целях нравственного совершенства римского общества он отдал в ведение Церкви множество вопросов, традиционно входивших в круг полномо­чий государственной власти. Всего по этим вопросам он издал 14 со­держательных новелл.

Своим законом царь установил иерархию патриарших кафедр, по­кончив с неопределенностью, связанной с 28-м канонем Халкидона. В 131-й новелле от 545 г. он написал: «Основываясь на правилах Святых Соборов, определяем святейшему епископу Древнего Рима быть пер­вым пред всеми, а блаженнейшему епископу Константинополя, нового Рима, занимать второе место после престола Древнего Рима и быть выше всех прочих». Следом по очереди шли патриархи Александрии, Антиохии и Иерусалима. Затем была определена и иерархия остальных епархий. Император особо укрепил права своего детища: митрополиту Первой Юстинианы, как *местоблюстителю патриаршего престола*, надлежало быть первым в своем церковном округе.

В отличие от поздних идеологов папизма, царь не признавал па­триаршество четвертой степенью священства, поэтому установил, что патриархи также подлежат утверждению императором после их избра­ния — царь неоднократно возвращался к данному вопросу и установил на этот счет четкие правила. Замечательно, что, считая Римского епи­скопа архиереем *своего* государства, св. Юстиниан не сделал для него никаких исключений из общего правила, хотя охотно признавал его авторитет как верховного епископа Кафолической Церкви. Император установил законом, что постановление понтифика римским клиром, сенатом и народом непременно должно основываться на предвари­тельном одобрении царя и *его* последующем *утверждении избранной*

кандидатуры. В противном случае папа подлежал лишению сана как незаконно избранный.

Сторонник централизации во всем, царь последовательно провел этот принцип и в государстве, и в церковном управлении, закрепив права епископов и клириков своими законами. Так, патриархам предоставлялось право в пределах своей области поставлять митрополитов, созывать Соборы и председательствовать на них, принимать кассации на решения митрополичьих судов и даже Поместных Соборов, привлекать к своему суду митрополитов и остальных епископов (37, 123 и 137-я новеллы). Аналогичные права по отношению к подчиненным им епископам имели митрополиты. Желая сохранить древние церковные традиции, царь подтвердил, что хотя бы раз в год патриархи обязаны призывать подведомственных им епископов, клириков, монахов и исследовать дела в патриархии и епархиях (123-я новелла).

Озабоченный нравственной чистотой предстоятелей Церкви, св. Юстиниан обращается к *епископату* и устанавливает такие знакомые нам нормы, как возраст епископа. По закону им мог стать мужчина старше 35 лет (123-я новелла). Как следует из императорского закона, кандидат в архиереи должен отличаться особым благочестием, и потому епископом мог стать либо неженатый мужчина, либо женатый, но бездетный, и в любом случае после хиротонии кандидат обязывался оставить супружество (137-я новелла). Иными словами, император ввел *целибат епископата* — норма по тем временам хотя и предуготовленная жизнью, но до последнего момента никогда не содержавшая четкого императива и не сформулированная в виде конкретного закона. Как известно, это правило впоследствии было повторено VI Вселенским Собором. Те же лица, которые в браке жили невоздержанно или были женаты не на девицах, хотя бы и принадлежали к духовному званию, не допускались к хиротонии.

Помимо требований к кандидатам император установил и *порядок избрания в епископы* (6-я и 137-я новеллы). Император трижды — в 535, 546 и 565 гг. и обращался к данной проблематике и установил, что такое избрание является прерогативой местной церковной общины и должно происходить в собрании клира и знатнейших граждан. Приговор об избрании должен завершаться скреплением акта подписями избирателей и их клятвой в том, что избранник общины обладает всеми необходимыми нравственными качествами. Лишь при этих условиях митрополит хиротонисал нового архиерея.

Нет никаких сомнений в том, что император желал в первую очередь укрепить в народе почтительное отношение к священству в целом и к епископам в частности, искренне полагая последних преемниками

святых апостолов. В знаменитой 6-й новелле он писал: «Если священство повсюду свободно от укоров, а Империя, полная уверенности в Боге, управляется беспристрастно и справедливо, то всем будет от этого лучше и всякое благо будет даровано всему человечеству».

В свою очередь, избираемый в епископы обязан был засвидетельствовать свое православие и собственноручно изложить истины православной веры. Помимо этого кандидат должен был публично пообещать соблюдение со своей стороны церковных правил и постановлений в будущем. Наконец, кандидат в епископы должен был обладать ученостью и образованием.

Очевидно, под эти правила более всего подходили монашествующие лица и «белые» клирики, благочестие которых основывалось не только на *личном* духовном подвиге, но и на должной внешней обстановке. Светское лицо также могло быть хиротонисано в епископы, но только по прошествии трех месяцев пребывания в клире (123-я новелла). Впрочем, по мнению царя, это должно было стать *исключением* из общего правила, и то при соблюдении двух условий. Во-первых, кандидат должен был с детства жить постоянно в монастыре и, во-вторых, после хиротонии отдать третью часть имущества в государственную казну.

В 6-й новелле прямо отмечается, что если при таком избрании не были соблюдены все указанные правила, то лицо, избранное в епископы, принудительно возвращается в прежнее звание. Если же избираемый в епископы обвинялся в непозволительной торговле, то хиротония становилась возможной только после установления его невиновности в возводимых обвинениях. Известно, что представители военного сословия подвергались некоторым ограничениям с точки зрения церковных правил, например в части допущения их к принятию Святых Даров. Но и им дозволялось хиротонисаться в епископы. Вместе с тем согласно 123-й новелле военные никак иначе не могли стать епископами, как пробыв перед этим 5 лет в монастыре.

Урегулировав порядок и обязательные условия избрания лица епископом, св. Юстиниан определил и требования к архиереям после хиротонии. В частности, новопоставленный епископ обязан был жить в своей епархии неотлучно, занимаясь ее делами, и мог выезжать в столицу только ввиду неотложных дел или по приказу императора. В первом случае архиерей обязывался получить у патриарха или своего митрополита письменное разрешение на пребывание в Константинополе, а если дела вынуждали его обратиться непосредственно к царю, то он обязан был прежде снестись с патриархом или его референтом и только после этого ожидать приглашение на аудиенцию императора (6-я новелла).

Живя в своей епархии, епископ должен проповедовать Слово Божье, и неисполнение этой главнейшей обязанности приравнялось к *святотатству*. В отношении же образа жизни архиереев св. Юстиниан Великий прямо указывает, что им единственно приличны посты, молитвы, ночные бдения и размышления о Христе. Лица, замеченные в играх, посещениях развлекательных мероприятий и иных непристойных мест, подлежали запрету служения сроком на три года с высылкой в монастырь на покаяние, хотя сана не лишались (123-я новелла).

В контексте принципа централизации *любой* власти в Римской империи епископы по законодательству св. Юстиниана получили широкие полномочия в своей епархии. Без согласия, торжественного освящения молитвой архиерея места закладки престола и водружения епископом креста не позволялось строительство ни одного храма (5-я новелла). Ему же вменялось в обязанности осуществление контроля строительства храмов, на которые дано предварительное разрешение. Но здесь архиерей должен был руководствоваться гражданским законом императора, который детально определял права и обязанности жертвователя. Так, если жертвователь на новый храм давал достаточно средств на его строительство и содержание, ему предоставлялось право выбирать священнослужителей в своей церкви (123-я новелла). Но это право влекло за собой и конкретные обязанности. Согласно 131-й новелле, если жертвователь нового храма умирал, то расходы по его достройке брал на себя наследник умершего. В любом случае строительство не могло продолжаться более 5 лет.

Ведению епископов подлежали и другие дела, в том числе публично-правовые, связанные с жизнедеятельностью римского общества. В частности, они должны были участвовать в надзоре за состоянием общественных темниц, посещать их каждую неделю не менее одного раза, заботясь о содержании узников и благоустройстве самой тюрьмы. Кроме того, епископы обязывались надзирать за благотворительными учреждениями: больницами, вдовьими, сиротскими и странноприимными домами (86-я новелла).

Архиереям вменялись в обязанности контроль цены продовольствия на рынках, обеспечение прав сирот и наследников, определение опекунов и попечителей. Они же осуществляли надзор за состоянием общественной нравственности и народными зрелищами. Особенно царь обязал их заботиться о том, чтобы женщины не были принуждаемы записываться в актрисы. Епископы наблюдали за отправлением правосудия местными городскими начальниками и соразмерностью назначенных наказаний преступлению (134-я новелла). Наконец, по 116-й и 128-й новеллам, архипастырям предписывалось участвовать

в выборах и назначении городских чиновников и вносить ходатайства об увольнении нерадивых лиц.

Епископы должны были строго следить за тем, чтобы на протяжении 15 дней после праздника Святой Пасхи везде прекращались общественные работы, публичные и частные дела, не собирались налоги и не взыскивались долги. Исключение составляли случаи выдачи рабам вольной — по таким делам открытое производство не приостанавливалось. Другим исключением являлись случаи расследования дел в отношении лиц, совершивших святотатство в самый день Святой Пасхи, а также оскорбление императорского величества, ограбление усопших, отравление, прелюбодеяние, хищничество, убийство.

Добавим также, что в дни Рождества Христова, Богоявления, Пятидесятницы, в дни памяти апостольских страданий, в продолжение двух месяцев жатвы и сбора винограда, в дни основания Рима и Константинополя, в дни восшествия на престол императора и в воскресные дни запрещались любые зрелища, игры в цирке и делопроизводство в судах. В дни Великого поста запрещалось производство уголовных дел, а в Страстную неделю прекращалось вообще любое судопроизводство.

Естественно, не были обойдены вниманием и попечением императора другие клирики. Согласно 4-й и 6-й новеллам избираться в пресвитеры и диаконы могли только лица с безупречной репутацией, происходящие, как правило, из политической элиты или военного сословия. Кандидаты на эти высокие должности должны были иметь 31 и 25 лет от роду соответственно и так же, как и епископы, пресвитеры и диаконы, становились после рукоположения свободными, даже если являлись прежде рабами.

Определяя требования к священникам, диаконам, иподиаконам, чтецам, певцам, заклинателям и дверникам, царь требовал, чтобы они были людьми грамотными. Неграмотным, как и двоеженцам, а также лицам, женатым на вдовах и на разведенных женщинах, путь в клир был заказан (6, 123 и 137-я новеллы).

Борясь с симонией (продажей церковных должностей), св. Юстиниан установил 123-я новеллой, что при рукоположении священник и епископ должны клятвенно подтвердить, что никакой платы за это не последовало и не обещано. В противном случае оба они лишались своего сана. В первую очередь от священников он требовал ревности по вере, ее охранение и распространение. Император узаконил, что богослужение и священные обряды должны составлять особенный предмет заботы пастырей и священники обязаны поддерживать в храмах благочиние и благопристойность, особенно в то время, когда проходит служба (123-я и 137-я новеллы).

Царь детально установил, при каких условиях лица могут попасть в клир. Для поставления в священники необходимо было достижение возраста 35 лет, диакона и иподиакона — 25 лет, причетника — 18 лет. При этом кандидаты в священники и диаконы должны состоять в браке (123-я новелла). Безбрачные также могли стать иереями, но при обязательном условии, что после рукоположения они останутся целибатными. Переход из духовного звания в светское в принципе был возможен, но при условии, что все имущество такого лица должно стать собственностью той церкви, в клире которой он состоял (6-я и 123-я новеллы).

Помимо этого, еще в 527 г. император издал «Уложение о епископах, сиропитателях, экономах и странноприимцах», в котором определил, что они более не вправе делать духовные завещания и должны довольствоваться тем, чем владели до вступления в духовное звание. Кроме этого, он определил, что епископы утрачивают после хиротонии право распоряжаться своей собственностью и должны передать ее своей епархии.

Также детально была регламентирована жизнь и монашествующих лиц. Это было тем более актуально, что уже к 536 г. только в Константинополе и его окрестностях насчитывалось 67 мужских монастырей, не считая женских. Вообще, следует отметить, царь испытывал особый пиетет к монашеству, полагая этот институт идеалом христианской жизни. Святой Юстиниан писал: «Монашеская жизнь столь почетна и делает вступившего в нее столь угодным Богу, что может освободить его от человеческих слабостей, от покорности естественным нуждам, обогатить его знания, очистить и возвысить его помыслы». Поэтому, главная задача монаха — изучать Священное Писание и совершенствоваться в духовном подвиге.

«Если в монастыре нет церкви, то, поскольку монахам не позволено совершать прогулки и общаться с другими людьми, мы приказываем, чтобы они присутствовали в церкви только во время службы, в сопровождении настоятеля, диакона и старших монахов, и чтобы после окончания службы они возвращались в монастырь и оставались там, славя Всемогущего Бога, и посвящали себя изучению Библии. Поэтому в монастырях всегда должно быть достаточное количество этих книг, чтобы каждый мог очистить свою душу и омыть ее водой Священного Писания, ибо частое и внимательное изучение освобождает от искушения, обмана и всех человеческих забот».

Согласно 123-й новелле императора поступать в монашеское звание разрешалось всем желающим, вне зависимости от сословной принадлежности; при этом родителям запрещалось препятствовать своим детям

уходить в монастырь. Это право распространялось и на рабов при условии, что их господа дали на то согласие (5-я новелла). Даже в отсутствие завещания дети, желавшие по достижении установленного возраста стать монахами, получали четвертую часть наследства — законодательство св. Юстиниана вообще очень подробно определяло имущественные права лиц, желавших принять ангельский чин, и их родственников. «Мы не разрешаем родителям лишать наследства своих детей, а детям — родителей, и в неблагодарности лишать их доли в своем имении, если кто-то из них оставляет мирскую жизнь для жизни монашеской».

Конечно, имущественный статус — далеко не главное для кандидата в монахи. Поэтому император специально определил трехлетний испытательный срок для таких лиц и обязанность настоятелей монастырей строго следить за духовным состоянием постригаемого послушника (123-я новелла). Император специально оговорил правило, согласно которому оставление иночества категорически запрещено — такие лица подлежали обратному водворению в монастырь и при повторной попытке вернуться в мир подлежали принудительному призыву на военную службу (123-я новелла).

Святой Юстиниан полагал, что все монастыри должны быть четко разделены на женские и мужские, и категорично запрещал их совмещение. Визиты монахинь в мужские монастыри, и наоборот, в принципе разрешались, но не поощрялись. В женских монастырях мужчины-пресвитеры, окормлявшие данные обители, ни при каких обстоятельствах не имели права проживать там постоянно, и их вход и выход контролировался привратником, имевшим безупречную репутацию.

Вновь, как и ранее в других законах, св. Юстиниан проводит начало централизации церковной власти в жизнь. Монахи обязаны были проявлять послушание своему епископу, постоянно пребывать в монастыре, не вмешиваться в церковные и гражданские дела. Главная их забота — упражняться в посте и молитве. Основной надзор за монастырями осуществлял местный епископ или его экзарх. Кроме этого, все монастыри должны были иметь своих настоятелей, поставляемых на эту должность братией или епископом; при этом одно лицо не имело права быть настоятелем двух и более монастырей (5, 123 и 133-я новеллы).

Ревнуя о благочестии своих подданных, император своим законом разрешил частным семействам иметь молитвенные дома от приходских церквей, но при условии строжайшего контроля местного епископа за тем, чтобы в них не совершались Литургия, Крещение, таинство брака (58-я и 74-я новеллы). Но в целом, конечно, св. Юстиниан стоял за сохранение церковных приходов и церковных общин и совершении всех таинств непосредственно в церквях.

Благоговейно относясь к христианскому храму, император издал закон (120-я новелла), согласно которому ни сами храмы, ни церковная утварь не могли выступать в качестве залога, а также отчуждаться, вымениваться и облагаться податями. В строго определенных случаях исключение допускалось: во время общего голода для приобретения пищи прихожанам и для выкупа пленных. Но и тогда церковная утварь не могла приобретаться частными лицами, а исключительно другими церквями.

Сохраняя старинное право Церкви давать убежище лицам, жизни которых угрожает опасность, св. Юстиниан Великий подтвердил, что получившие таковое не могут быть *силой* выведены из храма. Епископам предоставили право ходатайства перед имперским судом в отношении таких лиц, если, конечно, те заслуживают снисхождения. Опять же данное правило знало свои исключения. «Несообразно с целью этого права, — говорит царь, — принимать под защиту Церкви убийц, прелюбодеев, похитителей дев и других подобных преступников, тогда как право это предоставлено невинным, терпящим обиды и насилие; потому что закон дарует защиту в храмах не обидающим, а обидимым, и потому если кто из этих преступников будет пред алтарем искать себе убежища, такового должно оттуда исторгать и законным порядком подвергать заслуженному им наказанию».

Разумеется, приведенные примеры составляют лишь незначительную толику церковных узаконений святого царя, позволяющих, впрочем, оценить масштаб канонической деятельности св. Юстиниана.

§6. Война с Персией и бунт «Ница»

Теперь самое время перейти от «бумажной» деятельности святого императора к самым что ни на есть его политическим и военным свершениям. Надо сказать, что Римская империя в течение первого времени царствования св. Юстиниана Великого жила своей обычной жизнью, полной опасностей и тревог как внутри государства, так и вне его. Особую обеспокоенность вызывали персы, и поэтому одним из первых мероприятий, которые предпринял новый царь, было усиление восточной границы. Война с Персией была неизбежной, поскольку помимо политических вопросов императора всерьез занимал и религиозный аспект. Известно, что нетерпимый к христианству Персидский царь Кавад перед нападением на Лазик, правитель которой *Зата* принял Православие, обратился к жителям Иверии с категоричным запретом предавать мертвых христиан земле, чтобы «не осквернять

погребением священной стихии», но предоставлять их тела на съедение зверям и птицам.

Следует признать действия царя по подготовке к войне стратегически правильными. Еще в 527 г. по приказу императора все войско Римской империи было сведено в 5 полевых армий, не считая большого числа отдельных территориальных подразделений, гарнизонов и пограничных отрядов. Эти армии прикрывали государство с Востока, включая Армению, Месопотамию, Персию и Египет. Во Фракии и Иллирии находились два больших отдельных корпуса, которые обеспечивали помимо этого безопасность самого Константинополя. Особые части составляли личные дружины полководцев — пример создания такого подразделения дал Велизарий. Помимо них была сформирована Палатинская гвардия — 7 полков по 500 воинов, находившихся под личным командованием царя. Еще одна особенность военной организации заключалась в том, что командующие армиями имели права наместников территорий, на которых их подразделения были расквартированы.

Перед началом войны с Персией св. Юстиниан отправил на границу молодого полководца Ситту, усилил того четырьмя полками регулярной армии и начинающим военным гением Велизарием, своим бывшим оруженосцем. Самого Ситту царь наделил высокими полномочиями и приблизил к себе через женитьбу на сестре св. Феодоры. Прибыв по назначению, Ситта благоразумно создал специальный штаб, куда включил местных людей, и укрепил пограничные крепости. Одна из вновь возведенных крепостей получила имя Феодориады, в честь государыни. Вездесущий Ситта не только упрочил власть императора на армянских землях, но и распространил ее на горную область, занятую племенем цаннов, которые отныне будут поставлять своих сыновей в римскую армию.

Аналогичные усилия были предприняты и на Сирийской границе, где командовал знатный римский полководец, этнический армянин Патрикий. Кроме этого, император завязал дружеские (насколько это было возможно) отношения с арабами, находившимися под властью персов, и предоставил одному из них, Аламундару, титул римского патриция и царя своего племени. Эти мероприятия принесли свои плоды: в 528 г. небольшой отряд персов, по обыкновению, сделал набег на римские земли, но был разгромлен Ситтой, вполне осведомленным обо всех их передвижениях.

Кавад направил в Римскую Армению другое войско под командованием полководца Мермероя, в котором состояло почти 3 тыс. гуннов. Но Ситта вместе с другим полководцем Дорофеем напал на вражеский лагерь и опрокинул врага; это был фрагментарный, но все же успех.

Оправившийся от поражения, Мермерой вновь вторгся в римские пределы и стал лагерем в местечке Октава возле города Саталы, что находился в 100 км от Трапезунда. Но римские вожди действовали очень умело: Дорофей и Ситта разделили свои силы, и пока персы атаковали одну часть армии, Ситта ударил им во фланг. Тем не менее битва была очень упорной, и только мужество отряда конных фракийцев во главе с их командиром Флорентием, погибшим в схватке, решила исход сражения.

Как следствие, три талантливших персидских полководца — Нарзес, Аратий и Исаак (очевидно, этнические армяне) — перешли на римскую службу, а последний вдобавок сдал византийцам еще и крепость Болон, что находилась неподалеку от города Феодосиополя. Эти три военачальника прославились ранее победой над Велизарием в Римо-персидской войне при императоре Юстине I. Теперь они преданно будут служить Римской империи в других войнах — их имена мы еще услышим.

Однако, как это часто случается на войне, удача всегда ходит рядом с поражением. Весной того же 528 г. Велизарий был разбит персами, когда пытался построить новое укрепление, а многие его командиры погибли. Отметим, что по численности и опыту его войска заметно уступали персидским, поэтому поражение римлян в известной степени было предопределено не неумелыми действиями полководца, а более значимыми и не зависящими от него причинами. Встревоженный император направил подкрепление из исаврийских, гуннских, иллирийских и фракийских полков под командованием Помпея, родственника императора Анастасия I. Кстати сказать, неудача Велизария не охладила к нему императора — он верил в него и не ошибся.

Но, как можно понять, обе стороны не были расположены к серьезным действиям, поэтому благодаря умелой дипломатии византийского посла Германа, магистра официй, в 529 г. мир был заключен сроком на один год.

Правда, опасность пришла с другой стороны. В 529 г. на Римскую империю было совершено нападение со стороны гуннов, перешедших Дунай под руководством двух своих ханов. Они разбили гарнизонное войско римлян, но затем подоспевшие византийские части выиграли битву и захватили всю добычу гуннов. На беду, римские командиры не знали о другой орде, находившейся неподалеку, и попали в ловушку. После этого поражения св. Юстиниан всерьез озаботился защитой дунайской границы и сооружением сети крепостей.

В 530 г. персидский полководец Фируз, командовавший войсками в Нисибине, на свою беду, возобновил военные действия и с большими силами подошел к городу Даре, где его поджидал с римским войском

оправившийся от неудач Велизарий. Вследствие упорной битвы персы были наголову разбиты, а Велизарий впервые продемонстрировал свой военный талант в полном блеске. Под началом Велизария было около 25 тыс. солдат, у персов — почти 40 тыс. воинов. Не выдержав атак римлян, персы бежали, потеряв до 5 тыс. гвардейцев. Преследование персов прекратилось в кровавую бойню, и от тотального уничтожения их спасли ночь и опасения Велизария, что на помощь Фирузу могут подойти свежие подкрепления. В целом впервые за много лет это была первая крупная победа римлян над сильнейшим врагом, добытая в меньшинстве. Кроме того, великий Велизарий впервые продемонстрировал свои блестящие тактические способности.

Однако надежды императора на быстрое окончание войны после такой славной победы не оправдались: восставшие еще в 529 г. самаритяне фактически вызвали к себе на помощь Персидского царя. Через своих послов они пообещали тому выставить со своей стороны 50 тыс. войска, и перс замедлил проявлять мирную инициативу. И, что называется, угадал: весной 531 г. Аламундар, изменивший римлянам, и персидский военачальник Азарет вторглись в области Антиохии. Им противостояли византийские войска, среди многих командиров которых *значился* и Велизарий. Возле реки Калинник 19 апреля 531 г., в день Святой Пасхи, состоялась битва, против которой резко возражал Велизарий, но, увы, не был услышан высшим командованием. Воспользовавшись отсутствием у римлян единого руководства, персы одержали блистательную победу. Правда, самому Азарету эта победа стоила дорого: узнав, сколько потерь понесли персы, Кавад не только не наградил своего полководца, но и отстранил от командования и зачислил в неудачники.

На этот раз св. Юстиниан I все же отозвал Велизария (он уже начал готовить того к походу на Запад, хотя и не оглашал своих планов) и заменил полководцем Мундом, действовавшим совместно с Ситтой. Им противостояло большое персидское войско, полководец которого Мермерой решил взять город Мартирополь. Казалось, город не сможет долго защищаться, но римский лазутчик явился в персидский лагерь и «по секрету» сообщил им, что гунны заключили союз с римлянами и вскоре придут к ним на помощь. Пока персы пребывали в нерешительности, произошли важные события. 8 сентября 531 г. в возрасте 83 лет, процарствовав 43 года, престарелый Кавад умер от паралича. Персидская армия отошла от осажденного города, и редкие военные действия переместились на армянские земли.

При новом Персидском царе *Хосрове* (531—579), пусть и с большим трудом, мирный договор без указания срока все же был заключен

сторонами осенью 532 г. Хотя эта война и тем более мир не могут быть зачислены в актив Римской империи, св. Юстиниан с благодарностью Богу принял известие о заключении нового договора. Мир развязывал ему руки для главного — освобождения Африки и Италии от варваров и реставрации Римской империи в ее первоизданном виде.

Но тут ему был нанесен страшный удар *изнутри*, удар тем более неожиданный, что никаких внешних предпосылок этому событию император не ощущал до последнего мгновения, — мы говорим о бунте «Ника» («Победа! Побеждай!»), потрясшем Константинополь в 532 г. Волнения возникли так неожиданно, а события развивались настолько стремительно, что власть оказалась просто не готова дать своевременный и действенный отпор заговорщикам. Дошло до того, что в определенный момент всем казалось, будто никаких шансов на спасение и сохранение царского титула у св. Юстиниана уже не осталось.

Впрочем, объективные причины, приведшие к бунту, конечно, были. Например, восстановление общения с Римским епископом, ради которого на алтарь победы императором были принесены в жертву авторитетные на монофизитском Востоке патриархи и епископы. Категоризм властей в 518 г. и методы *официального навязывания* Халкидона при Юстине I не были забыты монофизитами, и, разумеется, они не могли простить того унижения, которым подверглись 10—15 лет назад. Последующая религиозная политика св. Юстиниана, направленная на упрочение отношений с Римом, имела для них вид крайне негативной тенденции, которую нужно было оперативно пресечь.

Внешняя политика св. Юстиниана и его имперские замыслы также вызывали мало сочувствия среди придворных и даже в ближайшем окружении царя. Относительно неудачная война с Персией, в которой открылись недостатки римской армии, едва ли внушала оптимизм. Можно с легкостью предположить, что мирная инициатива св. Юстиниана по прекращению войны с Персией не встретила большого сочувствия у военной и финансовой аристократии. Во-первых, мир не был получен с позиции силы, скорее *выстрадан* римлянами, а это больно было по честолюбию сановников и военных. Во-вторых, царский двор прекрасно знал, что после заключения мира император захочет начать войну с вандалами. Перспектива этой кампании казалась совершенно мрачной, и ни у кого не возникало сомнений, что гораздо правильнее воевать с Персией, что называется, «до победного конца», чем ввязываться в изначально проигрышное мероприятие в Африке.

Внутренние реформы царя, особенно в финансовой сфере, тоже сформировали большую группу недовольных его режимом лиц. Уже в это время, задолго до войны в Африке и в Италии, финансовые дела в Рим-

ской империи оставляли желать лучшего. И личность Иоанна Каппадокийца вызвала крайнее раздражение среди населения, не говоря уже об аристократии, не привыкшей к таким жестким, почти грабительским способам взыскания с их имуществ налогов и недоимок, которые применял главный финансист государства. А последовательное устранение св. Юстинианом Великим от государственных дел и законотворчества сената, ставшего вдруг фигурой «второго плана», рисовало совсем уж пессимистические картины в глазах старой политической элиты.

И, как показали ближайшие события, едва ли могут возникнуть сомнения в том, что «Ника» явилась не плодом экспромта рядовых жителей столицы и тем более не результатом противостояния двух ипподромных партий — венетов и прасинов. «Синие» и «зеленые» традиционно враждовали друг с другом, часто допуская кровопролитные стычки, где жертвы исчислялись десятками. И до «Ники», и много позднее, чуть ли не ежегодно, в том числе и в последующее время царствования св. Юстиниана, как свидетельствуют летописные источники, эти вечные антагонисты неизменно решали спорные вопросы *кровью*. Да, св. Юстиниан симпатизировал «синим», но это никак не могло стать причиной волнений для «зеленых». В течение всего времени существования Константинополя каждый из императоров традиционно брал покровительство над одной из партий. И партия, временно оказавшаяся без высшего патрона, всегда надеялась, что следующий царь изберет объектом своей привязанности именно ее. И естественное чередование симпатий императоров к той или иной партии действительно имело место.

Нет, это был настоящий *государственный заговор*, где представители высших кругов государства вступили в альянс с монофизитскими вождями, заранее организовались и лишь использовали внешне ничем не выделяющийся повод для реализации своих планов.

Все началось на ипподроме утром в воскресенье, 11 января 532 г. В перерыве между двумя заездами на трибуне «зеленых» поднялся человек и обратился с речью к императору, присутствовавшему здесь же. Правильно говорят, что это было далеко не случайное, хотя и оставшееся для истории безымянным лицо. Зная размеры ипподрома, представляя гул, стоявший на нем в ходе соревнований, можно с уверенностью сказать, что это был заранее *подготовленный глашатай*. Он громко обвинил св. Юстиниана в том, что его права, как римского гражданина, нарушены, а царь бездействует, покрывая преступников.

Император попросил назвать имя обидчика — им оказался один из вельмож, входивший в его близкий круг. Иными словами, глашатай фактически обвинил самого государя, подчеркнув, что покровитель-

ствуемые царем лица находятся вне закона. Император опроверг обвинения и открыто заявил, что выступление «потерпевшего» *подстроено*, но «зеленые» дружно закричали, будто им в действительности угрожает опасность и они ищут защиту у царя. Св. Юстиниан опять возразил, что никаких признаков надвигающихся для прасинов бед он не видит; в общей суете и неразберихе все оставили ипподром и разошлись.

Хотя утреннее происшествие закончилось ничем, уже в полдень произошли более тревожные события. Казнили семерых преступников, двое из которых принадлежали к партиям «синих» и «зеленых». Каким-то чудом они остались живы, вырвались из рук палача, и их немедленно укрыли монахи в монастыре Св. Лаврентия. Отметим это слишком удивительное, чтобы признать его случайным, стечение обстоятельств. *Профессиональный* палач почему-то не смог умертвить свои жертвы, и они оказались представителями двух ипподромных партий, а не рядовыми обывателями. Так или иначе, но попытки префекта города арестовать скрывшихся преступников не принесли успеха.

Через день, 13 января, публика вновь собралась на ипподроме, и невооруженным глазом было видно, что представители обеих партий успели сговориться между собой, проявляя подозрительное единодушие. В перерывах между заездами они поочередно кричали в сторону императора, чтобы тот помиловал спасшихся преступников, но император ответил, что не видит причин вмешиваться в правосудие. И чем более напирала толпа и примкнувшие к ней обыватели, тем тверже был отрицательный ответ царя. По окончании заездов толпа с криками «Да здравствуют человеческие «сине-зеленые!»», направилась к зданию претории. Там они выломали двери и принялись избивать чиновников. Не остановившись на этом, мятежники принялись поджигать правительственные здания, включая Бронзовый дворец императора.

Утро следующего дня не принесло никакого облегчения: толпы *вооруженных* (уже!) мятежников бродили по городу, громя здания. Часть их вернулась к ипподрому, где они начали выкрикивать политические требования об отставке самых близких св. Юстиниану чиновников. Словесный камуфляж никого не обманул: по сути, это было требование к самому императору отречься от трона. То обстоятельство, что выступление носило отнюдь не стихийный характер, хорошо иллюстрируют требования восставших. Вскоре, забыв о преступниках, которых просили помиловать, и об отставке чиновников, толпа начала скандировать лозунги о возведении на престол *нового царя* из дома покойного императора Анастасия! После этого всем стало ясно, что заговор инициировали монофизиты, поскольку с именем старого императора они связывали довольно лояльную государственную политику по отношению к себе.

Стали искать племянников покойного царя, но Ипатий и Помпей находились во дворце рядом со св. Юстинианом; их третий брат Проб вовремя скрылся из дома, который в отместку был сожжен восставшими. Таким образом, все встало на свои места: это была прямая попытка *сместить св. Юстиниана*, осуществленная руками двух партий и обезумевшей, слепой толпы.

Неизвестно, как бы развернулись дальнейшие события, но на счастье императора в Константинополе в это время были расквартированы части Велизария, должны составить основу экспедиционного корпуса для похода на Африку, и герульский корпус Мунда. Это были в буквальном смысле слова боевые части, солдаты которых владели всеми навыками рукопашного боя и отличались едва ли не полным индифферентизмом к монофизитству, вожди которого стояли во главе мятежа.

В четверг и пятницу шли мелкие стычки, не давшие перевес ни одной из сторон, отметим лишь, что пожары в городе множились, и в огне сгорела больница с больными. Мятежники были очень многочисленны и сильны — достаточно сказать, что в субботу Велизарий со своими солдатами попытался взять штаб-квартиру мятежников в здании Октагон, но не сумел. Очевидно, им противостояли не только простые обыватели. Не добившись успеха, опасаясь потерять свою дружину в огне и в узких городских улицах, ночью полководец пробился к дворцу, где находился император. Ввиду того что никто и никогда не предполагал, будто царский дворец может оказаться в осаде, царская семья и придворные уже испытывали недостаток в пище и воде. Не доверяя своим сенаторам, включая Ипатия и Помпея, св. Юстиниан приказал всем покинуть здания дворца, где теперь остался он с царицей и очень узкий круг близких соратников, включая Иоанна Каппадокийца и Трибониана.

В воскресенье, 17 января 532 г., император предпринял последнюю попытку мирно договориться с зачинщиками мятежа. С Евангелием в руках он пришел на ипподром, где прилюдно пообещал объявить полную амнистию спасшимся преступникам и гарантировал мятежникам отказ от любых видов их преследований, если те перестанут бунтовать. Часть присутствовавших здесь людей, случайно вовлеченных в мятеж, присмирела, зато другие, иницилируемые некоей *организованной группой*, кричали царю: «Клятвопреступник!» Трудно сказать, каким образом император покинул ипподром, но, очевидно, только чудом он вернулся во дворец невредимым. А толпа, узнав, что Ипатий находится дома, отправилась к нему. Вытащив его из покоев, мятежники понесли Ипатия на руках к форуму Константина, где и короновали;

надев на голову узурпатора золотую цепь. Следующие за этим события полностью подтвердили самые плохие предчувствия св. Юстиниана, что мятеж — вовсе не случайное событие, но за ним стоят вполне реальные люди, относящиеся к политической элите государства.

Вслед за коронацией Ипатия состоялось *экстренное заседание* сената в полном составе. Сенаторы приняли Ипатия как нового императора и решили штурмовать дворец св. Юстиниана. Против этого высказался только один патриций по имени Ориген, да и то только потому, что считал, будто время работает на мятежников. Ипатия принесли на ипподром и посадили в царскую ложу; для собственного спокойствия (а узурпатор не отличался смелостью) он пытался навести справки о том, где находится св. Юстиниан, но его неверно информировали, что царь сбежал из столицы.

Но царь не оставлял Константинополь. Как раз в это время он проводил совет с последними товарищами, которые действительно все без исключения предлагали ему покинуть город и перебраться в Гераклею, чтобы оттуда начать новую борьбу за трон. Однако тут слово взяла св. Феодора, и ее речь, в общем-то краткая, была чрезвычайно зажигательной. «Каждый из родившихся должен умереть, — сказала царица, — но это вовсе не значит, что каждый, кто занял императорский трон, должен быть насильственно его лишен. Так пусть этот день никогда не наступит! Если вы хотите спастись сами, то никто, даже император, не остановит вас. Море перед вами, суда готовы, и у вас достаточно денег, чтобы оплатить плавание в любом направлении. Что же касается меня, то я придерживаюсь старой поговорки: лучший саван — пурпурная императорская мантия!» Скажем откровенно, очень редкая женщина способна, как св. Феодора, сохранить самообладание, мужество и трезвый ум в такой ситуации. Это выступление воодушевило присутствующих, и более никто уже не помышлял о бегстве.

Как выяснилось вскоре, вооруженные мятежники не могли в действительности составить конкуренцию солдатам Велизария. Если, конечно, над ними не довлел многократный численный перевес и была применена правильная стратегия уличных боев. Полководец незаметно вывел своих солдат на ипподром, где уже действовал евнух Нарзес (не путать с персидским военачальником Нарзесом, перешедшим на римскую службу), и поставил их в засаду. Евнух тем временем раздавал деньги вождям «синих» и доказывал, что новый царь от «зеленых» станет их врагом: неужели *ради этого* они вступили в мятеж? Не все, но по крайней мере значительная часть «синих» одумалась и ушла с ипподрома — к счастью для себя, поскольку легионеры Велизария уже изготовили оружие к бою.

Уменьшение численности мятежников дало имперским войскам перевес, и они решили действовать быстро. Отряды Велизария и герулы Мунда появились совершенно неожиданно для восставших, и пока первые действовали мечами, вторые, меткие стрелки, избивали из лука остальных. Всего за несколько часов в этой ужасной бойне погибло около 30 тыс. восставших, после чего восстание «Ника» перестало существовать.

Весьма характерно для личности императора то, как он разобрался с оставшимися мятежниками. Хотя жизни св. Юстиниана угрожала серьезная опасность, он обошелся с ними довольно милостиво. Были казнены только Ипатий и Помпей — конечно, никакое милосердие по отношению к ним, узурпаторам, было в принципе невозможно, зато не пострадал ни один сенатор. Восемнадцать из них были высланы из Константинополя, а их имущество конфисковано, зато остальные избежали даже такого наказания. Впрочем, даже ссыльные недолго оставались в этом качестве: вскоре их дела были пересмотрены, и сенаторов освободили. Конфискованное имущество было возвращено всем бывшим владельцам, включая детей Ипатия и Помпея. В течение 40 дней город лежал в руинах и пожарищах, а затем появились рабочие, начавшие строительство нового храма — жемчужины византийской архитектуры на месте сгоревшей церкви Св. Софии.

§7. Освобождение Африки

Последовательно реализуя свои имперские идеи, св. Юстиниан начал подготовку к освобождению старинных римских владений — Италии и Испании, что, однако, было невозможно при наличии королевства вандалов в Северной Африке. Когда в 523 г. на вандалский трон сел полуримлянин-полугерманец, в чьих жилах текла кровь Римских царей, король *Гильдерих* (523—530), отношения между двумя государствами начали налаживаться. Святой Юстиниан и Гильдерих дружили, и, по мнению вандалской аристократии, не было ничего невероятного в том, что когда-нибудь их король захочет перебраться в Константинополь, признав над собой власть Римского монарха. Собственно говоря, это действительно могло случиться по завещанию Гейнзериха, который предусмотрел *наследование* Вандалского трона *по крови*. Поскольку же св. Юстиниан являлся далеким родственником уже немолодого Гильдериха, при некоторых обстоятельствах наследником мог стать и он.

Прекращение гонений православных в Африке по тем временам расценивалось вандалами однозначно как согласие их короля с хри-

стианской ортодоксией и покушение на суверенитет Вandalьского королевства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 530 г. произошел дворцовый переворот — Гильдерих оказался в темнице, а на трон взошел *Гелимер* (530—534).

Византийский император тут же откликнулся на это событие и направил вандалам послание, в котором требовал вернуть трон Гильдериху. Ввиду старости сверженного короля он предлагал в качестве альтернативного варианта оставить за Гильдерихом только титул, а фактическое управление передать в руки Гелимера. Но национальная вандальская партия и их ставленник даже не удосужились дать ответ послу Римского императора, отправив того без аудиенции обратно. Они не знали упорства св. Юстиниана: в скором времени тот направил настоящий ультиматум, в категоричной форме потребовав безусловного исполнения договора между ним и Гильдерихом и недвусмысленно заявив права на Вандальское королевство. Ответ варваров был не менее резок, чем требования императора. Они отметили, что прежний король свергнут за измену интересов вандальского народа, который, используя свое старинное право, выбрал себе другого вождя. Конечно, никаких прав Римского царя на Африку они не признали. После этого война стала неизбежной.

Как уже говорилось выше, в Константинополе подготовку императора к этой кампании воспринимали крайне негативно. Действительно, еще не истерлась из памяти экспедиция Василиска при императоре св. Льве Великом, окончившаяся катастрофой и разорившая имперскую казну. Новая попытка освободить Африку требовала серьезных денежных средств и значительного числа солдат, которые могли понадобиться на персидском фронте. Кроме того, только что подавленный государственный переворот «Ника» наглядно демонстрировал, что *любая* крупная неудача св. Юстиниана может стоить ему царского трона, а его сподвижникам — жизни. Особенно уговаривал царя оставить саму мысль об этой войне Иоанн Каппадокиец, волновавшийся за состояние казны. Даже мужественный солдат Велизарий скептически относился к данному походу, полагая, что ему предстоит сыграть роль смертника.

Однако император видел дальше и глубже, чем его советники. Он отдавал себе отчет в том, что в силу природных качеств и низкой политической культуры вандалы не сумели стать настоящими правителями захваченных римских областей, для которых оставались *грабителями* чужого имущества. Жесткое неприятие вандалами Православия ожесточило против них местное население. Ну и, самое главное, в течение века спокойной жизни вандалы утратили тот воинский запал

и мужественную, непреодолимую силу, благодаря которой их предки неизменно выходили победителями в воинских баталиях. Теперь это были в значительной массе изнеженные рабовладельцы, самоуверенные и беспечные. Однако эти тезисы требовали практической проверки, и решиться на нее мог только сам царь. Правда это или нет, но, по свидетельствам очевидцев, все решил случай.

Во дворец царя пришел епископ с Востока, просивший аудиенции. Представ перед императором, он сказал, что Бог в сновидении приказал ему явиться к василевсу и упрекнуть того, что, решив освободить христиан Африки от тирана и еретика, он без всякого основания передумал. По словам епископа, Господь велел передать следующие слова: «Я буду ему Помощником в этой войне и сделаю его владыкой Африки». После этого сомнения прекратились, и св. Юстиниан отдал приказ Велизарию готовиться к отплытию.

Надо сказать, Господь действительно благоволил св. Юстиниану, хотя складывается небезосновательное впечатление, что преференции, так неожиданно дарованные ему в войне с вандалами, были в значительной степени плодами рук самого императора. Как только Гелимер начал готовиться к войне, внезапно выяснились неприятные для него детали. Первой неожиданностью стало восстание правителя провинции Триполитана Пуденция, который решил отделиться от Вandalьского царства. Он направил Римскому императору послание с признанием его власти и с просьбой о помощи. Туда немедленно был отправлен отряд под руководством полководца Таттимута, и вскоре Триполитана признала себя частью территории Римской империи. *Одновременно* с этим восстала Сардиния, где мятеж возглавил гот Года — трудно отделаться от ощущения, что эти события были подготовлены тайной византийской дипломатией. Гелимер направил на Сардинию войска, но Велизарий, которому поручено было возглавить эту чрезвычайно рискованную экспедицию, уже приближался к берегам Африки.

21 июля 533 г. римская армия отплыла из Константинополя на 100 транспортных судах, причем войско, доверенное Велизарию, было довольно немногочисленным. В состав экспедиционного корпуса входило 16 тыс. воинов: фракийцев, готов, герулов, гуннов. Наиболее боеспособной частью армии была личная дружина Велизария, состоявшая из настоящих профессионалов, приобретших богатый опыт на войне с Персией. Флот направился к Геракле, где на суда погрузили лошадей, необходимых для римской кавалерии — третьей части армии.

Нельзя сказать, что все происходило гладко: в дороге хлеб зацвел, почти 500 солдат отравились им и умерли. Тогда Велизарий закупил зерно за собственные деньги и организовал свежую выпечку. Затем

закончились запасы воды, и войска стали страдать от жажды. Наконец византийцы достигли Сицилии, где Велизарий с удивлением узнал, что вандалский флот находится около Сардинии и враги вообще не в курсе его экспедиции. Такую неслыханную удачу нельзя было упускать из рук. Велизарий тотчас отдал приказ пересечь безопасное море и высадился в Триполитании, где их уже ждали восставшие против вандалов местные жители.

2 сентября 533 г. византийское войско спокойно высадилось в Капут Ваде, а через два дня они уже были в 19 км от Карфагена. Велизарий отправил гонца с посланием к Вандальскому королю, в котором объяснял, что война началась из-за нарушения установленного Гейнзерихом порядка престолонаследия. В ответ Гелимер отдал приказ казнить находившегося в темнице Гильдериха и его близких товарищей, что и было исполнено братом нового короля Амматом.

Отдав приказ авангарду двигаться вперед, Велизарий ускоренным маршем шел к своей цели, навстречу ему надвигались колонны вандальской конницы. Возле города Децима враги столкнулись. 13 сентября 533 г. передовые части вандалов опрокинули авангард римлян, и те поспешно отступили. Но, на беду варваров, их войска были разделены на три армии, и несогласованные действия полководцев погубили вандалов. Кроме того, брат Гелимера Амнат погиб в одной из схваток, что стало полной неожиданностью и страшным горем для короля. Пока тот скорбел о покойном, римляне развернули свои силы и начали атаку — вандалы побежали. Только надвигающаяся ночь спасла их от полного истребления.

Желая закрепить успех, Велизарий не стал терять времени и двинулся вперед к Карфагену, отдав строжайший приказ своим войскам не мародерствовать — он крайне нуждался в поддержке местного населения. 15 сентября 533 г. римляне вошли в полном порядке в Карфаген. Но это еще не означало, что война закончена. Гелимер с остатками армии сосредоточился в Булла Регии и ожидал подхода войск с Сардинии под руководством своего другого брата Цацона, который разгромил восставших сардинцев во главе с Годом. Однако и у Велизария появились неожиданные союзники — вожди арабских племен, традиционно быстро менявшие объекты своих симпатий, быстро сообразили, в чьих руках удача и отправили к римлянам посольство с предложением мира.

Гелимер и Цацон встретились и, объединив свои силы, подошли к Карфагену на расстояние 30 км. Передовые отряды варваров испортили водопровод и практически отрезали Велизария выходы из города. Но и римский полководец не сидел сложа руки: он спешно восстановил стены Карфагена. Объективно оценив своего врага как

внешне грозного, но в действительности уступающего ему по силе, византиец не собирался отсиживаться в осаде и в середине декабря 533 г. вышел навстречу вандалам. Возле города Трикамара состоялась битва, где войска Велизария вновь одержали победу. Уже в начале сражения погиб Цацон, а упавший духом Вандальский король бежал, чем вверг в панику своих воинов. Атака тяжелой римской кавалерии, личной дружины Велизария, вновь сыграла решающую роль.

Удача следовала одна за другой: в погоне за Гелимером Велизарий встретил группу вандалов, передавших ему всю казну королевства, чем лишили своего правителя финансовых средств для пополнения армии. Сам Гелимер спрятался в крепости на горе Папуа, но Велизарий просто обложил ее своими отрядами, а затем продолжил освобождение Африки. Посланный им на Сардинию отряд освободил остров от вандалов, и тот вошел в состав Римской империи. Затем были освобождены Корсика и Балеарские острова. Весной следующего года сдался наконец и Гелимер, не выдержавший мук голода. Его привезли в Карфаген, и Велизарий с огромной добычей, варварским королем и 5 тыс. пленных вандалов отплыл в Константинополь.

Нельзя сказать, что этот неожиданный отъезд совпадал с планами Велизария. Но верные друзья из столицы сообщили ему, что кто-то посеял у императора сомнения в верности полководца, насплетничав, будто тот собирается образовать *свое царство* в Африке и стать его государем. Конечно, слух был беспочвенным, но сколько св. Юстиниан видел вокруг себя предательства, чтобы с ходу отвергнуть такое серьезное обвинение? От греха подальше, он предложил Велизария вернуться обратно, и тот не стал множить сомнений императора. Осенью 534 г., по возвращении в столицу, ему был организован великолепный триумф в Константинополе, и в знак благодарности он получил консульство на 535 г.

По словам историка, 600 лет (!) Римская империя не видела такого триумфа. Дочери и родственники покойного Гильдериха были приняты с надлежащим почетом как члены дома св. Феодосия Младшего и родственники императора. Пленные вандалы составили 5 новых полков и были отправлены на границу Сирии и Персии. Замечательно, что Гелимера не казнили и ему даже предлагали титул патриция, если он откажется от арианства. Поскольку этого не произошло, бывшего Вандальского короля просто поселили как частного человека на вилле в Вифинии, где он жил до конца своих дней и умер естественной смертью.

Сразу после окончания этой победоносной кампании, повергшей всех — и врагов, и царский двор — в изумление, император принялся

восстанавливать управление Северной Африкой. Как и в старые времена, были обозначены семь провинций, руководимых префектами претория со штатом чиновников. Назначили и пятерых военачальников, в чьи обязанности входило обеспечение безопасности этих земель. Несколько преувеличивая свои возможности в Африке, император не считался с тем, что годы вандальской оккупации изменили жизнь в этих провинциях, а также не учитывал агрессивности диких племен, граничащих с римскими провинциями. Он отдавал распоряжения с таким размахом, будто речь шла об обычной территории, находившейся глубоко в тылу. К сожалению, эта искусственная политика через некоторое время принесла свои дурные плоды.

Едва Велизарий удалился в столицу, как тут же арабские племена начали привычный для них грабеж цивилизованных территорий, не особенно интересуясь, под чьей властью те находятся. Один за другим гибли римские военачальники, пытавшиеся во главе своих слабых отрядов отбить нападения кочевников, только один из них — Соломон, товарищ Велизария по оружию, — сумел разбить арабов в затяжном походе в глубь их территории. Но его успехи были крайне ненадежны: многие оставшиеся римские солдаты, ариане по вероисповеданию, переженились на пленных вандалках, и в армии началось брожение, подогреваемое арианскими священниками. Часть помилованных св. Юстинианом вандалов вернулась на родину и восстала.

Весной 536 г. ситуация стала особенно тревожной: мятежники решили убить Соломона и захватить Карфаген. Первая часть их плана не удалась, но зато город был подвергнут грабежу, после чего они почему-то решили оставить его и организовать свою стоянку в Булла Регии; командование над собой они предоставили некоему Стотца.

Этот бунтарь по крови, но талантливый военачальник и организатор, быстро понял ошибку своих товарищей и первым делом решил занять Карфаген. По счастью, на Сицилии в это время находился Велизарий с войском. По приказу императора он должен был начать военные действия в Италии, но, получив известия из Африки, немедленно повернул на Карфаген и вошел в город буквально накануне того дня, когда им собирался овладеть Стотца. При нем находилось всего 100 человек его личной дружины, но слава полководца была такова, что уже на следующий день он имел под рукой 2 тыс. воинов, а из лагеря Стотца началось повальное бегство. Близ города Мембресы противники встретились, и византийский полководец в очередной раз показал свои лучшие качества: мятежники были разбиты наголову, а Стотца бежал в Нумидию.

Однако дела не позволили Велизариям далее оставаться в Карфагене, и он отбыл на Сицилию, передав армию полководцам Феодору

и Ильдигеру. На помощь им св. Юстиниан Великий прислал своего племянника, опытного военачальника Германа, который в очередном сражении разбил Стотца и завязал мирные отношения с арабами. Но вскоре дела заставили и его отбыть из Африки, а на смену ему прибыл уже знакомый нам Соломон. Печально, но через некоторое время и он сложил свою голову в битве с арабами, которых подвигали к войне неутомимый Стотца и мятежные вандалы. Вслед за этим еще много раз менялись римские правители, но твердого и спокойного мира в Африке обеспечить так и не удалось. Фактически вплоть до конца правления св. Юстиниана это была *территория битвы*, требовавшая отвлечения сил и внимания.

Как бы критично ни относиться к такому положению дел, нужно признать, что этой победой св. Юстиниан решил сразу несколько задач. Он разгромил вандалов и вернул территории Римской империи, обезопасил свои войска перед войной с остготами, предотвратил последующие экспансии вандалов на римские земли и восстановил Православие в Северной Африке, стерев там последние организованные следы арианства. Едва ли кто-либо другой может похвастать большим успехом, чем св. Юстиниан.

§8. Война в Италии

Замышленная св. Юстинианом война в Италии, преследовавшая своей целью разгром Остготского королевства и возвращение западных владений под власть Римского царя, казалась не меньшим безумием, чем вандалская кампания. Готы являлись едва ли не самыми организованными воинами того времени, десятилетия нахождения Теодориха Великого в Италии было в целом временем покоя и благоденствия для итальянцев, и, за исключением некоторых с виду незначительных обстоятельств, никаких признаков грядущей победы византийского оружия не угадывалось. Но св. Юстиниан учел некоторые нюансы, сыгравшие свою решающую роль.

В первую очередь император правильно оценил слабость королевской власти у остготов после смерти Теодориха, не имевшего мужского потомства. Его единственная дочь *Амаласунта* (526—534) была выдана замуж за храброго гота Евриха из царственного рода Амалов, но тот вскоре погиб в бою, оставив наследниками сына Аталариха и дочь Метасвинту. Десятилетний *Аталарих* (526—534) оставался номинальным «царем готов и римлян», а его мать — опекуном и фактическим правителем государства. Но она не пользовалась расположением своих

соплеменников — воспитанная в римском духе и культуре, Амаласунта напрасно пыталась привить остготам навыки римской жизни, чем только раздражала их и предоставляла поводы для обвинений ее в измене собственному народу.

В известной степени королева-мать явилась жертвой политики собственного отца, пытавшегося совместить едва ли совместимое: готскую власть и римскую цивилизацию. В какой-то момент она даже направила св. Юстиниану тайное послание, в котором просила у него убежища на случай, если ей не удастся справиться с врагами. По счастью для королевы, все обошлось, если не считать того, что ее повзрослевший сын Аталарих впал в крайний разгул, в конце концов заболел туберкулезом и медленно угасал. Выбранный Амаласунтой в правители Остготского государства некто *Феодогаст* (534—536), ее ближайший родственник, не пылал любовью к королеве и затеял тайные переговоры с Римским императором об условиях передачи тому власти над Италией.

Кроме того, из тайной дипломатии св. Юстиниан знал, что значительная часть итальянской аристократии уже разочаровалась в остготах и желает возвращения под руку православного и законного Римского царя. При условии поддержки начинания Римским папой поход на Италию становился уже не совсем безнадежным делом, как казалось кому-то из сановников императора. Нельзя было сбрасывать со счетов и коренное население Италии, крайне недовольное гонениями на православных, имевшими место в последние годы царствования Теодориха.

Наконец, св. Юстиниан объективно оценил силу остготов, которые за десятилетия спокойной жизни несколько утратили свои боевые навыки, как и вандалы, разгромленные в блестящем стиле Велизарием. С учетом того что союзников у остготов практически не было, его военный поход на Италию мог оправдать себя при правильной стратегии и верном *тактическом* исполнении императорского замысла. Забегая вперед, скажем, что в целом стратегия войны была разработана блестяще. Но в части тактического исполнения основного замысла обнаружились серьезные проблемы: далеко не всегда римским полководцам удавалось обуздать свою гордыню, объединить усилия и выполнить то, что им приказывал сделать император. Эта тактическая «неряшливость» многократно затянула войну, в какой-то момент, как казалось, уже выигранную, и привнесла в ее ход множество неожиданных обстоятельств.

После смерти Аталариха, последовавшей 2 октября 534 г., Феодогаст и Амаласунта официально вступили на престол и уведомили о том Римского императора. Но уже вскоре королева и ее ближайшее

окружение были заточены в темницу, где Амаласунту тайно умертвили по приказу Феодогаста. Для св. Юстиниана это был формальный повод к войне с остготами, и он отдал приказ магистру армии Иллирика Мунду и Велизария начать военные действия. Очень скоро Мунд разбил передовые части готов в Далмации и занял административный центр этой провинции, а Велизарий высадился на Сицилии и 31 декабря 534 г. вступил в Сиракузы.

Положение Феодогаста стало отчаянным, и он завязал переговоры с Константинополем, предлагая передать Италию под власть православного царя, назначить правителем Велизария, а себе просил имение, где мог бы доживать век как частное лицо. Но вскоре положение дел изменилось. В Далмацию вступил сильный отряд остготов, который разбил в бою сына Мунда Патрикия; сам римский полководец погиб. Оставшееся войско деморализованно разошлось по Иллирике и не представляло опасности для врага. Феодогаст тут же сорвал переговоры, не думая о том, что этот кратковременный успех не мог изменить неблагоприятной для него в целом ситуации.

В Далмацию прибыл Констанциан, комит царских конюшен, с новыми силами, а Велизарий получил приказ выступить из Сицилии в Италию. Шаткость остготских настроений прекрасно иллюстрирует факт предательства зятя Феодогаста Евримута, которому ставилась задача не допустить высадку войск Велизария. Но вместо этого остгот дал присягу на верность св. Юстиниану, был отправлен в Константинополь и получил титул патриция. Взятие после этого римлянами Неаполя поставило точку на политической биографии Феодогаста, который был свергнут своим же окружением. Новым королем готы избрали старого воина *Витигеса* (536—540), участника почти всех походов Теодориха Великого.

Зима с 536 на 537 г. прошла в приготовлениях обеих сторон. Король остготов сумел перекупить союзников римлян — франков, отдав тем за нейтралитет Прованс и Готскую Алеманнию, и усиленно поднимал упавший дух соплеменников. А Велизарий тайно завязал переписку с сенатом Рима, в котором нашел надежного соратника. В результате внезапно для всех 9 декабря 536 г. Велизарий вошел в Вечный город, а готский гарнизон срочно покинул стены Рима, не в силах его защитить. Пока Велизарий укреплял стены древней столицы Империи, готы собрали близ Равенны войско, численность которого доходила до 150 тыс. человек.

Ранней весной 537 г. Витигес с войском спустился на юг к Риму, желая только одного — чтобы Велизарий не ускользнул от него. Но тот, имея всего 5 тыс. солдат, и не собирался прятаться. Возле знаменитого

Мальвийского моста он устроил засаду и, когда показались передовые отряды готов, бросился в контратаку во главе своей личной дружины. Совершив удачный и дерзкий налет, Велизарий попытался вернуться в город, но в темноте горожане не узнали его и не открыли ворота. Тогда он вновь перестроил свою дружину и опять напал на неприятеля, заставив того отступить. Этот подвиг личной храбрости поразил всех — и врагов, и римских солдат.

На следующий день готы всей армией подошли к городу и начали сооружать осадные башни. Однако первый штурм Рима, состоявшийся через 18 дней, не принес остготам ничего, кроме позора. Велизарий настолько умело расставил свои силы и контратаковал, что, потеряв множество воинов, готы вынужденно отступили. Велизарий отправил императору письмо, в котором горделиво уверял того в том, что до тех пор, пока он находится в Италии, готам никогда не взять Рима. Но враги были еще очень сильны, и осада продолжалась. Опасаясь измены и голода, Велизарий приказал выслать из Рима всех женщин и детей, а также произвел превентивные аресты. Это было отнюдь не напрасно, поскольку вскоре задержали двух изменников, пытавшихся усыпить стражу у ворот вином со снотворным. Им отрезали уши и на ослах препроводили в лагерь Витигеса. Среди других арестованных оказался и Римский папа *Сильверий* (536—537), которого лишили сана по личному приказу императора — этой истории мы еще коснемся более подробно.

Между тем осада продолжалась с переменным успехом. Готы теряли силы вследствие молниеносных, но чрезвычайно опасных вылазок римлян, те, в свою очередь, начали испытывать к середине декабря 537 г. голод. Однако в это время морем прибыли новые подкрепления из Константинополя, что вынудило Витигеса прекратить осаду и начать мирные переговоры. Правда, старый гот не был вполне последовательным: как только казалось, что удача улыбается ему, переговоры немедленно заходили в тупик. Велизарииу надоели эти «качели», и он захватил сильную крепость Аримина, находившуюся в одном дне пути от Равенны. Готские гарнизоны сдавались повсеместно и, дав присягу, переходили в армию Велизария. Вскоре уже вся Центральная и Южная Италия оказались в руках византийцев. Но Велизарий не удовлетворился этим. Расставив сильные гарнизоны, он смело двинулся на Геную и Медиолан, разбив по дороге несколько готских отрядов.

К середине лета 538 г. Велизарий был уже далеко на севере и имел все основания надеяться, что война вот-вот будет закончена. Но тут в ситуацию вмешались обычные для римской армии недостатки военного управления и вечное недоверие верховной власти к успешным

подчиненным. Принцип «разделяй и властвуй», применявшийся не только внутри дворца, но и вовне, на этот раз был реализован Константинополем удивительно не вовремя. В Италию по приказу царя прибыл полководец Нарзес с подкреплениями, и ввиду начавшегося двоевластия в римской армии темп военной операции оказался сорванным. Готы немедленно воспользовались этим и отвоевали ряд крепостей и городов. Осознав свою ошибку, император отозвал Нарзеса, но часть герулов все равно успела завязать с готами сепаратные переговоры, продала свою добычу и осела близ Венеции. В это время к Велизарияу прибыли два патриция от императора, которым поручалось заключить мир. Но Велизарий ослушался царя, решив, что ему на месте «виднее». Он сорвал попытки послов связаться с готами, утверждая, что война и так уже выиграна и все остальное — дело времени. Таким образом, многие плоды решительной и удачной кампании оказались утерянными.

Всю осень 539 г. обе стороны вновь собирали свои силы и спешно искали союзников. Узнав, что король лангобардов не желает портить отношения с римлянами, Витигес направил послов к персам (!), надеясь на их помощь. Зимой того же года франки перевалили через Альпийские перевалы, но — неприятная для остготов неожиданность — их король *Теодеберт I* (534—548) вместо того, чтобы сражаться с византийцами, напал на Витигеса. Тайное соглашение франков с Константинополем сделало свое дело: римляне удачно сыграли на том, что *православные* франки имели все основания не любить остготов-ариан, и Константинополь этим воспользовался. Впрочем, варвары всегда остаются варварами: разграбив первый готский лагерь, франки затем разгромили лагерь римлян, нимало не беспокоясь о том, что убивают своих же союзников. Затем они вообще затеяли сепаратные переговоры с обеими сторонами: готам предлагали разделить правление Италией, а императору — помощь и свое оружие в войне с готами. В конце концов, вследствие приближающегося голода и болезней, франки покинули Италию, вернувшись в Галлию.

Остготы к тому времени были уже обессилены и соглашались заключить мирный договор с Константинополем на том условии, что им оставят во владение северные области страны. Но тут сказалось обаяние, которое Велизарий произвел на готов: они предложили ему стать их царем и согласились признать на этом условии власть Римского самодержца. Очевидно, в данном случае желание *выжить любой ценой* победило национальное тщеславие и чувство собственного достоинства. И Велизарий принял предложение, в начале 540 г. вступив в Равенну, где ему присягнули готские вожди. Он собирался почить на лаврах, когда ему последовал вызов из Константинополя. Быстро одумавшийся полководец спешно

собрался в дорогу, прекрасно понимая, что такое поведение вызовет различные интерпретации в столице и может закончиться для него плачевно. В 540 г. он забрал большую часть готских сокровищ, самого Витигеса, многих знатных готов и их детей и прибыл в столицу. На удивление, никакого триумфа ему предоставлено не было: св. Юстиниан справедливо пенял полководцу за затяжку войны, которая могла закончиться раньше, если бы воля императора была точно исполнена. Несколько утратив доверие к Велизария, император не захотел вновь направлять того в Италию, но решил, что воины Велизария будут востребованы на севере, где в том же году произошло нашествие славян и гуннов на беззащитные провинции. Едва ли это был правильный шаг.

После того как главные силы римлян оставили Италию, повсеместно начались беспорядки. Их вызвали главным образом сами римские чиновники, решившие воспроизвести старые податные списки и взysкать с населения средства, необходимые для оплаты армии. Но война никогда не умножает богатства земледельца, и разоренные итальянцы безрадостно восприняли первую инициативу императора, впервые пожалев, что перешли под власть Константинополя.

Отсутствие Велизария и его армии вселило в сердца остготов надежду. Свои обязательства перед Велизарием они забыли, заявив, что римлянин просто обманул их, дав согласие стать королем, но тут же уехав из Италии. Избранный царем готов *Ильдибад* (540—541) вскоре собрал готские силы в один мощный кулак и даже разбил римские отряды в одном из сражений в 540 г. близ Тарвизия. Вскоре к готам присоединились германцы из племени ругов и многочисленные дезертиры из имперской армии.

Но все же королевская власть у варваров была слаба — сказывалось отсутствие у обладателей ею законных оснований для занятия царского трона. Вскоре вследствие заговора Ильдибад был убит, но ставший на его место руг *Эрарих* (готы согласились теперь передать царство в руки германского вождя) также процарствовал недолго — всего 5 месяцев. Единственное, что он успел сделать, — подтвердить соглашение с Константинополем, согласно которому оставлялись северные территории Италии от реки По и выше. Наконец удача улыбнулась варварам, и в 541 г. после свержения Эрариха царем был выбран молодой и решительный *Тотила* (541—552), будущий бич римского войска и последняя надежда остготов.

Впрочем, едва ли могут быть сомнения в том, что попытки Тотилы противостоять Византии были обречены на успех, если бы не одно трагичное обстоятельство, спутавшее все планы св. Юстиниана Великого. Дело в том, что, по свидетельствам современников, в 540 г. Римская империя и особенно ее восточные области были поражены

бубонной чумой, унесшей в течение короткого времени жизни около 1 млн византийцев. Воинские подразделения потеряли до 50 % личного состава, вследствие гибели земледельцев резко уменьшились доходы государства от налогообложения, замерла промышленность. Римская империя оказалась чрезвычайно ослабленной вследствие указанной болезни, которая, как ни странно, почти не затронула западные области, возможно, потому, что они были менее заселены. И в одночасье была утрачена победа, завоеванная гением римского оружия.

Численность римской армии в Италии к этому времени была немалая — около 12 тыс. солдат, но их распределили между 11 (!) полководцами, не сумевшими организовать единое командование. Напротив, Тотила мудро привлек в свою армию рабов и итальянских колонов, взяв под свою защиту практически ограбленные римским войском и римскими чиновниками бедные слои населения. Вследствие этих нехитрых, но своевременных мер он вскоре стал настоящей легендой Италии и народным героем. В таких условиях Тотиле не составило большого труда отбить попытки византийцев захватить Верону — один из готских оплотов — и оттеснить противника к городу Фавенции, неподалеку от которого он нанес им новое поражение. Следует отметить правильную стратегию Остготского вождя: все пленные милостиво были избавлены им от неприятностей и, пораженные добрым отношением к себе вождя варваров, многие из них переходили к нему на службу.

Несмотря на строгие приказы св. Юстиниана, оставшиеся в Италии вожди так и не смогли объединить силы, поэтому готы почти беспрепятственно спустились на юг, обошли Рим, который был им пока еще не по силам, и осадили Неаполь. Когда вести об этом дошли до императора, тот направил в Италию Максимиана в звании префекта претории и магистра армии Димитрия. Однако попытка последнего деблокировать Неаполь не принесла успеха опять же вследствие разрозненности действий римлян. Флот Димитрия был разбит, множество солдат попало в плен, а доведенный до истощения Неаполь весной 543 г. сдался Тотиле на милость победителя. Такая резкая перемена диспозиции сказалась на симпатиях местного населения. В довершение всего Тотила публично объявлял, что не причинит никаких бед итальянцам, и честно исполнял свои обещания. На беду, вскоре Италию охватила новая эпидемия чумы. Тысячами умирали люди, население роптало, война приняла затяжной и неопределенный характер, малопривлекательный для Константинополя.

Делать нечего — император вновь призвал Велизария, жившего последние годы в почетной отставке в звании комита царских конюшен, приказал тому срочно набрать новую армию и отправиться в Италию.

Дело, однако, осложнялось тем, что основной армии Велизария в прошлые годы являлась его личная дружина, которую «на всякий случай» отослали на восточную границу подальше от их вождя. А без своих гвардейцев Велизарий едва ли мог начать успешные боевые действия. Полководец объехал Фракию, набирая новых солдат на собственные средства, и там объединился с магистром армии Иллирика Виталием. Совместными усилиями им удалось набрать около 4 тыс. человек — смехотворные силы для новой войны. В 544 г. Велизарий и Виталий прибыли в город Салону, но после некоторых незначительных, локальных успехов римляне опять потерпели поражение от Тотилы под городом Ауксимом (Озимо), который хотели сделать опорной базой для дальнейших операций. Отчаявшись, римский полководец отправил императору письмо, в котором объективно и красочно описал ситуацию в Италии, просил денег и свежие войска.

Пока византийский двор состоял в переписке со своими полководцами, Тотила очистил Италию от крупных соединений противника и подошел к стенам Рима. Велизарий отправил на помощь осажденным римлянам небольшой отряд, но силы были не равны. Римляне страшно голодали, и диакон Пелагий, замещавший на время отсутствия папу Вигилия, направился в лагерь Тотилы и просил его о снисхождении, но безуспешно. Хлеба не было, доведенные до отчаяния люди ели падаль, нередко были случаи самоубийства, многие умирали от истощения. Отдельные византийские отряды пытались доставить в Рим съестные припасы по морю, но их храбрость очень редко приносила успех — готы блокировали морские пути. Как назло, в это время тяжело заболел Велизарий и не смог организовать должного сопротивления в осажденном городе. Возможно, Рим еще мог бы продержаться какое-то время, но предали исавры, открывшие 17 декабря 546 г. ворота Тотиле. Собрав сенаторов, он укорял их за измену в пользу Римского императора (?!), пеня на то, что они забыли свою присягу Остготскому королю.

Желание мстить настолько сильно владело готами, что они изрубили на месте 26 византийских солдат и 60 римлян из числа простых обывателей. В качестве мести Тотила велел поджечь дома знатных римлян и множество общественных зданий, а также снести третью часть крепостных стен Рима. Оставшихся в живых сенаторов и других знатных горожан спасло заступничество диакона Пелагия, замещавшего Римского понтифика. Он со слезами на глазах молил Тотилу пощадить «несчастных грешников», и тот смиростивился. Впрочем, гот не собирался оставаться в этом ненадежном, как он считал, городе и вскоре покинул его, уведя в плен всех сенаторов и принудительно выселив все оставшееся население. Поразительно, но впервые за всю многовековую

историю Рима в течение 40 дней город оставался совершенно пустым. На самом деле оставление Рима было серьезнейшей ошибкой Остготского вождя, стоившей ему в конце концов всей кампании.

Впрочем, возможно, эта оплошность родилась не на пустом месте: Тотилу встревожили сведения о римском полководце Иоанне, который успешно организовал военные действия в Южной Италии, в Лукании, при посредстве местного населения. Оставив небольшой отряд для наблюдения за Велизарием, гот отправился на юг. Но оправившийся от болезни Велизарий смелым маневром занял пустой Рим и срочно организовал восстановление стен. Из порта сюда везли продовольствие на случай будущей осады, а разбежавшиеся горожане, видя перемену, вновь стали стекаться в древнюю столицу Империи. Замечательно, но всего за 25 дней крепостные стены были полностью восстановлены, не хватало лишь ворот, уничтоженных готами.

Когда, узнав о захвате Рима, Тотила спешно повернул обратно и пошел к городу, ему открылся неприятный вид: крепостные стены были полны солдат, и даже на месте ворот были водружены баррикады, из-за которых выглядывали римские шлемы и копья. Дважды готы пытались прорвать оборону и каждый раз безуспешно. Тотила отошел к Тибургу и, разбив лагерь, вновь попытался привлечь франков в качестве союзников, попросив у их короля руки его дочери. Но Теодеберт ответил, что человек, отдавший Рим врагу, никогда не может называться царем, а потому не достоин его дочери. Только теперь Тотила по достоинству оценил значение Рима и осознал степень своей ошибки.

Но и для Велизария это оказалось последним славным делом на Западе: не доверявший ему император буквально связал своими инструкциями полководца по рукам, но при этом и не отзывал из Италии. Только в 548 г. разрешение оставить театр военных действий было наконец получено (рассказывают, этому способствовала жена Велизария Антонина, имевшая близкие отношения со св. Феодорой), и он уехал в Константинополь. Может быть, единоначалие в римской армии и могло бы быть восстановлено, но тут произошло событие, надолго отвлекшее царя от Италии.

В 548 г. умерла его жена, св. Феодора, и, полный горя, император впал в протрацию, ничего не предпринимая и вообще не интересуясь, что происходит на Западе. В известной степени некоторую помощь, хотя и не желая того, оказали франки, перешедшие Альпы и занявшие готские города на севере Италии. Готы не в силах были им что-либо противопоставить. Они вновь попытались заключить с ними мирный договор, но получили отказ. Лишь небольшая группа германцев (алеманнов) согласилась пополнить ряды остготского войска. Но и римское

посольство, напомнившее новому Франкскому королю *Теодобальду* (548—555) — Теодоберт умер в 547 г., — что он связан договором с Константинополем и не должен претендовать на римские земли, получило неприятный ответ. Из него следовало, что война в Италии — *частное дело* франков и готов, а потому вмешиваться в их отношения Константинополю вовсе не обязательно.

Не исключено, что такой дерзкий ответ мог бы пробудить честолюбие императора и подвигнуть его на решительные действия, но в этом же году против него был организован очередной заговор с целью свержения св. Юстиниана с трона. Его главой стал знатный армянин Арсак, родственник военачальника Артабана, пытавшегося какое-то время назад породниться с домом св. Юстиниана. Получив отказ, он занял пост магистра армии в столице и публично негодовал на императора за бездействие в Италии. Арсаку не составило труда привлечь к себе Артабана. Он уговорил того убить императора, чтобы посадить на его место Германа, племянника св. Юстиниана. Привлекши еще нескольких своих соотечественников, заговорщики открылись Герману, а тот поведал обо всем Марцеллу, другому племяннику св. Юстиниана, занимавшему пост комита экскувитов. Желая узнать имена всех заговорщиков, Марцелл не открыл сразу своему царственному дяде эту историю, чем навлек на себя подозрение если не со стороны самого императора, то по крайней мере потомков. Не невероятно, что замыслы заговорщиков могли увенчаться успехом, если бы они решили действовать быстро. Но заговорщики хотели подождать прибытия из Италии в столицу Велизария, которого также предполагалось убить, чтобы не оставлять потенциального мстителя за смерть св. Юстиниана. Это обстоятельство достаточно характеризует полководца, несмотря на последние неудачи, по-прежнему любимого армией, и доказывает его верность императору.

Ситуацию разрешил сам Герман, тайно приведший на одно из заседаний мятежников свидетеля, и сообщивший обо всем царю. Следствие и суд были быстрыми, но, на удивление, св. Юстиниан обошелся с заговорщиками очень мягко. Никто не был казнен, и даже Артабан ограничился двухлетним домашним арестом, после чего ему доверили армию на Сицилии.

Хотя франки и беспокоили остготов на севере Италии, Тотила верно оценил состояние римских войск в центральной части полуострова и на Юге. Понимая, что в данный момент они не в силах оказать ему сопротивление, король решил вновь овладеть Римом. Несмотря на храбрость отдельных частей и солдат, вследствие предательства исавров (опять!) Тотила зашел в Рим, который уже не собирался покидать. Он приказал доставить в город сенаторов, живших под стражей в разных частях

страны, отстроил новые здания взамен сгоревших и начал давать общественные представления, включая конские ристания. Видимо, все же его положение оставалось довольно шатким, а силы далеко не безграничными, поскольку, находясь на вершине успеха, он направил посольство в Константинополь с предложением заключить мир *на условиях союза* Римской империи и остготов. Однако св. Юстиниан просто не принял послов, и те вернулись ни с чем. Очевидно, императора не устраивало такое предложение, оставлявшее за готами статус самостоятельного государства. Тогда Тотила решил продемонстрировать свою силу и отправился с войском на Сицилию, где завладел сильной крепостью Регий. Но затем путь остготам преградил римский полководец Либерий, невзирая на старость успешно противостоявший варварам на Сицилии.

В это же время вестготы, основавшие свое государство в Испании, попытались занять некоторые африканские города, отвоеванные Велизарием в войне с вандалами. Им навстречу император направил Либерия, которого население Испании встречало как освободителя. Вскоре целый ряд городов (Кордуба, Малага, Ассидона) были освобождены византийцами. В 548 г. Либерий без особых усилий разбил под Севильей вестготов и занял юго-восточное побережье полуострова от устья Гвадалквивара до устья Хукара. Обладание такими важными городами, население которых *намертво* стояло за воссоединение с Римской империей, обеспечило византийцам господство на всем пространстве Средиземного моря.

Все же государственные обязанности взяли верх над горем царя, и в 549 г. он отдал приказ своему племяннику Герману, состоявшему через жену в родстве с Теодорихом Великим, завершить войну в Италии. Его воинский авторитет и деньги, данные императором, способствовали быстрому набору новой армии, куда вошли старые проверенные солдаты, задунайские варвары, лангобарды и даже дезертиры, перешедшие к Тотиле, но, узнав о назначении Германа, поспешившие оповестить его о преданности римскому вождю и готовности служить ему, как только он высадится в Италии. Когда армия, сосредоточенная в Сардики, была готова к походу, внезапное нападение славян заставило св. Юстиниана отложить исполнение плана по занятию полуострова и срочно вызвать Германа в Далмацию. В пути в 550 г. Герман неожиданно умер, и армия, оставшаяся без полководца, стала на зимовку в Далмации, в Салоне.

К счастью, в поисках нового командующего взор императора остановился на Нарзесе, который уже направлялся единожды (в 538 г.) в Италию на помощь Велизарию. Этот евнух, внешне слабый и тонкий человек, обладал замечательными талантами полководца и отличался предусмотрительностью и здравым рассудком. Он убедил царя в возможности победоносно закончить эту войну в краткие сроки и получил

требуемые средства для дополнительного укомплектования армии. Это было поистине интернациональное, *имперское войско*, куда помимо ранее набранных отрядов вошли герулы, гепиды, гунны и даже персы-перебежчики под командованием внука царя Кавада Зама. Всего собралось более 15 тыс. солдат и командиров, кроме того, к ним должны были присоединиться силы, уже находившиеся в Италии. В основной массе это были хорошие, испытанные солдаты, снабженные по первому разряду и получившие щедрое вознаграждение за предыдущую кампанию. Пока армия готовилась к отплытию в Италию, Тотила, пропустивший на Сицилии несколько тяжелых ударов от римских войск под руководством Артабана, попытался войти в сношения с императором, предлагая тому взамен мирного договора уступку Сицилии и Далмации, но св. Юстиниан опять оставил такую инициативу без внимания.

Хотя франки и отказались пропустить Нарзеса через Верону, тот прошел побережьем в глубь территории и достиг Равенны, где к нему присоединились полководцы Валериан и Юстин. Туда же со всем своим войском подошел Тотила. Возле города Тадин в 552 г. разыгралась решающая битва, должная определить правителя Италии. Но уже скоро готы дрогнули и побежали, а римляне преследовали их до самой ночи. Врагов пало более 6 тыс., среди них было много бывших перебежчиков из римской армии и сам король Тотила. Его тела не нашли, но окровавленный плащ короля в августе 552 г. был доставлен в Константинополь во дворец императора.

Отслужив благодарственный молебен Богу, Нарзес понял, что сил у него достаточно для освобождения Италии и без некоторых сомнительных союзников. Он отправил домой диких лангобардов, причинявших ему большое беспокойство своими грабежами населения и бесчинствами, и, заняв попутно несколько городов, подошел к Риму. В третий раз за эту долгую войну римляне взяли свою древнюю столицу, разоренную и потерявшую цвет своей аристократии. Вместе с другими завоеваниями Нарзесу достались богатства готов, находившиеся в городе Кумы.

Но остготы и теперь не собирались складывать оружие. Вместо Тотилы они выбрали своим королем храброго племянника покойного вождя *Тейю* (552), который завладел остатками казны в Равенне и попытался продолжить борьбу. На беду молодого остгота, его надежды на союз с франками не оправдались — те открыто заявили, что претендуют на всю Италию и не желают связывать себя дружбой с готами. У города Кумы произошла решающая битва, в которой победа досталась римлянам; погиб и сам Тейя. Оставшиеся в гарнизонах готы дали в 553 г. присягу императору, перейдя на его службу.

Однако битва за Италию еще не завершилась. В начале 553 г. два брата-алеманна из области, покоренной франками, Бутилин и Левтарид привели большие соединенные силы франков и германцев, надеясь в союзнчестве с готами, все еще проживавшими на севере Италии, подчинить себе римские территории. В одном из боев варвары разбили византийцев, но около Равенны Нарзес вновь блеснул своим талантом и нанес им крупное поражение. Все же это поражение не остановило германцев, продолжавших наступление на юг и грабивших все на своем пути. Алеманны разделились, но армия Левтарида попала в засаду, организованную гуннами Артабана из состава римских войск, и потеряла многих людей. Остатки этой орды дошли до франкских областей, но затем повальные болезни практически полностью уничтожили их; кажется, из них никто не вернулся на родину.

Другая часть варваров, которой руководил Бутилин, осенью 554 г. вышла навстречу римлянам во главе с Нарзесом к реке Казилин, что находится в Кампании, где произошло еще одно сражение. Варваров было около 30 тыс. бойцов, римлян — не более 11 тыс. солдат, но искусство византийского полководца и храбрость его войска вполне компенсировали разницу в силах. В завязавшейся битве франки несли большие потери из-за римских лучников, и их первоначальный успех, когда они потеснили центр византийского войска, был вскоре утрачен вследствие умелых действий византийской кавалерии. Окруженные римлянами, сбитые в бесформенную массу, они погибали тысячами, не имея возможности сопротивляться. Как говорят, из всей армии Бутилина удалось спастись только пяти (!) воинам. Даже если это — явное преувеличение, то все равно перед нами пример *полного истребления* вражеского войска, один из великих и великолепных примеров воинского искусства.

Вернувшись в Рим, Нарзес отслужил благодарственный молебен и предпринял строгие меры, чтобы удержать свое войско от мародерства. Он благоразумно прекратил отдых и начал упражнять своих солдат, добившись твердой дисциплины. И, как оказалось, не напрасно. Около 7 тыс. оставшихся готов под руководством гунна Рагнариса укрепились в замке Кампса и оказали серьезное сопротивление римлянам. Все же благодаря умелым действиям Нарзеса в 555 г. сдались и они. Нарзес с полным основанием смог принять титул освободителя Италии.

Нарзес справедливо опасался, что недавний набег франков является лишь «первой ласточкой». Он затеял с ними переговоры, но умер их король Теодебальд, и у франков началась междоусобная война. Новым королем стал *Хлотар* (558—561). Франки по-прежнему продолжали удерживать за собой север Италии, а в 556 г. несколько их вождей устроили

совместный рейд на римские провинции, но на реке Атезисе Нарзес вновь нанес им тяжелое поражение. На время франки перестали представлять собой опасность для Италии. Однако в это же время внезапно взбунтовались герулы, царь которых *Синдвальд*, ранее верно служивший императору, попытался отделиться и получить политическую самостоятельность. Увы, это легкомыслие стоило герулу очень дорого — он был разбит Нарзесом и закончил жизнь в Константинополе на виселице.

Так завершилась великая Итальянская война, ветер которой унес в небытие остготов, война, восстановившая власть православного императора Римской империи в Италии. Конечно, десятилетия военных действий разорили цветущую страну, и, несмотря на все старания императора и Нарзеса, долго еще остававшегося верховным правителем полуострова, реставрация Империи воспринималась населением как тяжелое бремя. Все невольно вспоминали правление остготов и, по старой человеческой привычке облагораживать прошлое, отдавали предпочтение времени своего рабства у ариан. Италия была освобождена, но, как оказалось, война отметила эту прекрасную страну своей особой меткой, и уже вскоре борьба за обладание ею началась с новой силой.

§9. Поход в Испанию

События в Испании внешне казались оптимистичными, но опытный глаз заметил бы, что *стратегически* Испания для Римской империи уже потеряна. Казалось бы, внешние обстоятельства играли на руку римлянам: в 531 г. у вестготов случилась кровавая междоусобица, вследствие которой к власти пришел *Тевдис* (531—548), пытавшийся сблизить своих соплеменников с романизированным населением Испании. Как говорят, он даже женился на дочери одного знатного римского патриция, урожденного испанца. Как и все крупные политические силы Средиземноморья, вестготы волей-неволей должны были определиться с Римской империей, к которой имели весьма настороженное отношение. Но и с вандалами Тевдис не решился завязать союзнические отношения — как и св. Юстиниан Великий, мудрый вестгот понял, что вандалы *обречены*. Однако, когда римляне высадились на южном берегу Гибралтара, чтобы овладеть крепостью Сеуту, вестготы тут же предприняли встречные меры и опередили их.

В 548 г. Тевдис был убит заговорщиками, но его преемник *Теодегизил* (548—549) правил чуть больше года, после чего также расстался с жизнью. Опять началась гражданская война между различными кланами вестготов, и в 551 г. некто *Атанагильд* (554—567), правитель Севильи

и будущий король Вестготского королевства, обратился за помощью в Константинополь против правящего тогда короля *Агила* (549—554). Для св. Юстиниана это был прекрасный повод вторгнуться в Испанию для защиты Кафолической Церкви, которую сторонники Агила повсеместно притесняли. В 552 г. имперское войско высадилось на побережье между Картахеной и Малагой и овладело несколькими населенными пунктами, включая Кордобу. Но хотя Атанагильд и пожертвовал частью территорий, чтобы завершить междоусобную войну и взойти на престол, его отношения с Византией не были прочными. В Испании, в отличие от Италии, произошло довольно быстрое сближение испаноримлян с германцами, обусловленное тем, что со временем вестготы постепенно оставили арианство и перешли в Православие. Началось создание новой *национальной идентичности*.

Уже в скором времени Атанагильд охладел к бывшим союзникам и попытался вернуть себе Кордобу — его не удовлетворяла перспектива править в одной Севилье. Однако в 554 г. под стенами этого города он потерпел два чувствительных поражения от римских войск. Главная причина заключалась в сильном римском флоте, которому вестготы ничего не могли противопоставить. Тогда взор вестгота обратился к недавним врагам — франкам, которые до недавнего времени воевали с его соплеменниками и были причастны к гибели Остготского королевства. Тем не менее Атанагильд точно подметил, что у некоторых франкских вождей есть интересы в Италии, а потому их ближайший военный конфликт с Константинополем *неизбежен*. Как мы уже знаем, он оказался прав. Для закрепления отношений (вернее, для создания их) король Атанагильд в 565 г. предложил Франкскому королю *Сигиберту I* (561—575), правителю *Австразии*, руку своей дочери *Брунгильды* — выдающемуся историческому персонажу; его предложение было благосклонно принято.

Так распадалась Западная Римская империя, рождая новые государства и давая жизнь новым народам. Но *пока* все выглядело довольно оптимистично, и св. Юстиниан мог с чистой душой быть доволен результатами своей политики на Западе.

§10. Религиозная деятельность св. Юстиниана. Спор о «трех главах»

Духовное состояние Византийской империи, открывшееся взору нового монарха, являло собой тяжелое зрелище. Религиозный сепаратизм раздробил на части некогда единое церковное и политическое

тело. Все население государства разделилось на партии халкидонитов, несториан, ариан, монофизитов, манихеев, монтанистов, иудеев, язычников и представителей множества сект. Сирия и Египет вообще почти не подчинялись центральной власти вследствие ее покровительства Халкидону. В таких непростых условиях, многократно осложненных тяготами военных действий на Востоке и подготовкой операций на Западе, святой император начал свою деятельность по собиранию Кафолической Церкви в единое тело.

Общеизвестно, что любая концепция религиозного плюрализма была совершенно чужда св. Юстиниану. Но нередко упускается из виду, что религиозный ригоризм царя никогда не выливался в масштабное административное преследование *всех* иноверцев. В практической политике св. Юстиниан действовал очень осторожно, чутко реагируя на любые изменения ситуации, и если совершал ошибки — неизбежное следствие любой человеческой деятельности, то сам же старательно и оперативно их исправлял. Его отношение к иноверцам существенно разнилось: если к умеренным монофизитам он относился с мудрой осторожностью, действуя в основном убеждением, то к уже «признанным», закоренелым еретикам (арианам, гностикам, монтанистам и пр.) применял сильно действующие средства.

Это было вполне естественно, поскольку ни одна из «малых» ересей не была в состоянии существенно повлиять на церковное и политическое единство Римской империи. Их ложь настолько уже стала общеизвестной, что адептами таких направлений являлись в основном не римляне, а варвары. И административно преследуя, например, ариан, император тем самым попутно превентивно ликвидировал политическую и военную угрозу Римскому государству. Представители старых языческих культов также составляли крайне незначительную долю населения, и поэтому св. Юстиниан считал вполне возможным и оправданным попросту их запретить. Его меры в отношении язычников были тем более уместны, что к таковым относились главным образом не сторонники отеческих культов, как раньше, а адепты самых крайних, сатанистских сект. Однако в отношении древних национальных религий, например иудеев, велась довольно умеренная политика.

Как всегда, мотивация императора предельно конкретна. В 82-й новелле, изданной в 544 г., царь пишет: «Что касается еретиков, не почитающих ни Бога, ни наказаний, которыми угрожают им наши суровые законы, с радостью выполняющих дьявольскую работу, отвлекающих от истинной Церкви простых людей, тайно сходящихся на сборища и устраивающих свои крещения, то я считаю благочестивым деянием принудить их этим эдиктом оставить свое еретическое безумие и пре-

кратить разрушение душ других людей своими обманами и поспешить примкнуть к Святой Божией Церкви, в которой исповедуется истинное учение и проклинаются все ереси вместе с их защитниками. И пусть все знают, что отныне мы не будем терпеть этих преступлений, и если будет задержан кто-то созывающий или посещающий эти сборища, то дома, где они проводятся, будут переданы Святой Церкви, а сами преступники понесут законное наказание».

Царскими законами св. Юстиниан лишил еретиков права распространять свои учения, поставлять клириков, иметь храмы, осуществлять общественное богослужение и совершать таинства и требы — в целом не признавал такие общества *религиозными* и отказал в гражданских правах. Еретикам запрещалось занимать государственные должности, приобретать рабов, заниматься публичным воспитанием детей. Брак православных с еретиками считался прелюбодеянием, и супруга покойного не обладала правом вступления в наследство. Дети от супругов-еретиков передавались в государственные сиротские учреждения, причем их непременно воспитывали в православной вере. Как правило, еретикам не разрешалось выступать в качестве свидетелей в суде. С манихеями, монтанистами, гностиками расправлялись особенно сурово. Им была запрещена любая религиозная деятельность, не разрешалось заниматься свободными профессиями, их лишили гражданских прав и не признавали за ними право собственности. После завоевания Испании, Северной Африки и Италии ариане утратили свои храмы, их священников высылали, а имущество еретиков подлежало конфискации.

Язычники и иноверцы также претерпели некоторые ограничения, хотя для иудеев, как уже говорилось, традиционно были сделаны некоторые послабления. Запретили браки между евреями и христианами, и такое сожителство считалось прелюбодеянием, *adulterium*. Евреи не имели права держать у себя в услужении христиан, не могли достигать почетных и военных должностей. Но в остальном их правоспособность не ограничивалась. Святой Юстиниан справедливо указывал, что еретики, как враги Церкви и государства, должны быть лишены некоторых прав. Только православные лица получают полную защиту от законов, но не еретики. «Мы желаем, чтобы те, кто принимает и защищает православную веру, имели большие привилегии, чем те, кто держится в стороне от паствы Господней, ибо несправедливо еретикам пользоваться теми же преимуществами, какими пользуются православные».

Полагая, что мягкая миссионерская деятельность способна привести многих из них к Православию, император приказал употреблять в синагогах греческий, а не еврейский текст Библии с целью скорейшей интеграции евреев в римское общество. Но гражданские права сама-

ритян были несколько урезаны, вследствие чего они неоднократно устраивали восстания. Трудно однозначно сказать, что послужило причиной объединения самаритян и иудеев, но в мае 529 г. самаритяне из города Неаполя, что в Палестине, напали на христианские поселения и многие истребили огнем; были жертвы. К ним присоединились иудеи, восставшие избрали «своего» императора, убили местного епископа Саммона, а остальных священников *изрезали на куски* и сожгли вместе со святыми мощами, которые хранились в христианских храмах.

Опасаясь мести со стороны царя, иудеи и самаритяне обратились за помощью к Персидскому государю Каваду, соблазняя того громадными богатствами, хранящимися в Иерусалиме, и обещая военную поддержку. Против мятежников выступили войска под командованием Феодора, дукса Палестины, и военачальника Иоанна, которые в сражении наголову разгромили мятежников. Голова их «царя» в качестве трофея была направлена в Константинополь. Начались ответные гонения православных на самаритян, и императору вместе с Иерусалимским патриархом *Евстохием* (552—564) пришлось решать непростые задачи, с которыми они в целом справились. Но в 555 г. волнения повторились, и, помня о *политическом* предательстве иудеев во время войны с Персией, на этот раз император не остановился перед казнями и массовыми расправами.

В 529 г. императорским эдиктом была закрыта знаменитая Афинская академия, остававшаяся в руках языческих философов. Обыкновенно эта акция василевса оценивается далекими потомками чрезмерно жестко. Но, по мнению многих исследователей, неоплатоновская академия к тому времени давно уже утратила свои лидирующие позиции, и ее влияние на современников было ничтожным. Интересно, что после закрытия своей школы языческие философы перебрались в Персию, но вскоре, разочарованные, вернулись в Империю. Вопрос о философях, преподававших в университете, вернее, о разрешении им вернуться в римское подданство, решался многократно и даже стал предметом мирного договора между Империей и Персией в 532 г. В 530 г. началась «чистка» государственного аппарата от язычников. Все приверженцы старой религии были освобождены от занимаемых должностей, а их имущество конфисковано.

Для искоренения многих нарушений в церковном быте и обеспечения эффективной миссионерской деятельности св. Юстиниан, как уже указывалось выше, издал множество законов. Кроме того, встревоженный невежеством христианского населения, св. Юстиниан приказал читать в церквах Священное Писание на греческом языке в переводе 70 толковников, а в 146-й новелле предписывал использовать во время

церковных служб общенародный язык, то есть *греческий*. 137-я новелла поясняет мотивы этого узаконения: «Повелеваем всем епископам и пресвитерам совершать божественное приношение и молитвы при крещении на понятном для народа языке, совершать не втайне, но громким голосом, во услышание всех верных, дабы души слушающих возбуждались через то к большему благоговению, хвалению и благодарению Богу».

Но, конечно, особое место в церковной политике св. Юстиниана занимал вопрос о монофизитстве. В число *умеренных* монофизитов (напомним, что «крайние» монофизиты в Египте уже давно порвали с Церковью и едва ли подлежали переубеждению) входили многие восточные римляне, составлявшие устойчивые этнические группы и зачастую отрицавшие Халкидон по *второстепенным причинам*. Они объединяли значительное число граждан Византийской империи, причем не только в Сирии или Египте, но и в самом Константинополе. Так, когда в ноябре 533 г. в столице произошло землетрясение, жители высыпали на улицы и стали петь «Трисвятое» в монофизитской редакции. Затем они напрямую потребовали от императора сжечь Халкидонский орос.

Было ясно, что жесткие меры против монофизитов по-настоящему грозят *физическим развалом* Римской империи на небольшие религиозно-этнические политические общества и массовыми беспорядками. Жизнь неоднократно давала императору практические подтверждения этих умозрительных заключений. Религиозная политика императора Юстина I привела к открытому противостоянию монофизитов политической власти, а ее продолжение в первые годы правления св. Юстиниана — к бунту «Ника». Это убедило императора в малоэффективности подобных мер. Поэтому в первую очередь он широко применял средства убеждения и уточнения спорных богословских формул. Царь стремился не карать, а *разъяснять* догматические ошибки, используя для этого публичные диспуты и соборные обсуждения.

С этой целью им был организован в 533 г. публичный диспут между монофизитами и православными епископами. Святой Юстиниан занял внешне нейтральную роль третейского судьи, предоставив епископам возможность высказаться, хотя периодически действенно вступал в спор. Но, к сожалению, благое начинание царя не дало положительного результата: только один из монофизитствующих епископов отказался от своих заблуждений, остальных доводы архиереев-халкидонитов не убедили. Примечательно, что никаких административных мер к монофизитам, участвующим в диспуте, царь не предпринял — те спокойно разъехались по своим епархиям. Более того, чтобы облегчить диалог с монофизитами, император отменил старые приговоры об их высылке

и разрешил вернуться на старые места проживания. Как следствие, многие монофизитские епископы и монахи, числом до 500, оказались в Константинополе, где образовали мощную фракцию. Они настолько осмелели, что без всякой робости писали василевсу свои послания об истинности собственной веры.

Стало совершенно ясно, что надеяться по примеру императоров Зенона (474—475; 476—491) и Анастасия I, будто ситуация разрешится «сама собой», совершенно не приходилось — результат такого упования был очевиден. Если царь является защитником Церкви, то он *обязан* применять и соответствующие меры по обеспечению ее целостности и интересов — это давно уже стало аксиомой для христианского сознания. И если император уклонялся от своей обязанности, на него не только падало подозрение в неправовереии, но и авторитет такого монарха резко падал в народе. Помимо прочего, над св. Юстинианом довели сторонники Халкидона на Востоке и Римский епископ на Западе. Нередко чрезвычайно категоричные в своей верности Православию, но далекие от текущих политических проблем, они никогда не простили бы святому царю любую попытку отойти от догматов Вселенских Соборов, даже если такие подозрения и не имели под собой никакой почвы.

Для понимания линии поведения царя следует сказать, что, часто общаясь с Апостольским престолом, св. Юстиниан довольно быстро утратил то почти безоговорочное доверие к богословию Рима, которое питал ранее. Уже споры со скифскими монахами показали полное пренебрежение Западом проблемами церковного единства на Востоке и нежелание хоть чем-то жертвовать ради воссоединения всех христиан в лоне Кафолической Церкви. И это открытие больно задело императора. Погружаясь в богословскую проблематику, он пришел к вполне очевидному выводу, что меры против монофизитов, принятые в угоду Риму в 518 г., лишь ожесточили население. Но и «отозвать» их означало оттолкнуть в очередной раз от себя Римского папу, без которого война в Африке и в Италии была бы обречена на провал.

С учетом всех нюансов св. Юстиниан избрал следующую тактику. С одной стороны, своим законом он подтвердил православие Халкидонского Собора, и поэтому все монофизиты едва ли не автоматически подпали под категорию правонарушителей и даже преступников, что позволяло при необходимости применять к ним меры государственного принуждения. С другой стороны, в практической деятельности царя суровая норма римского закона многократно смягчалась многочисленными неафишируемыми снисхождениями к человеческим слабостям.

Здесь ему на помощь пришла жена св. Феодора, которую народное сознание считало *тайной монофизиткой*. Пока святой император де-

монстрировал Риму свои православные убеждения и принимал меры против инакомыслящих, она оказывала тайную поддержку их вождям и смягчала официальные действия правительственной власти. Очень много доводов за то, чтобы признать это «домашней заготовкой» царской семьи. Было выгодно, чтобы рядом с императором, разделяя с ним верховную власть, располагался человек, с которым связывалась надежда на милость и благоволение к монофизитам. Гонимые монахи из Сирии в озлоблении оскорбляли портрет императора и тут же благословляли св. Феодору, желая ей победы над «несторианствующим синодом», то есть над ее же мужем. Помимо прочего, для самого императора св. Юстиниана это была некоторая гарантия того, что в случае волнений монофизиты не станут свергать его с трона из-за уважения к личности св. Феодоры. А то, что такая возможность существовала в течение всего царствования святого царя, подтверждают три раскрытых заговора. И кто знает, сколько *в действительности* нереализованных заговоров устраивалось на св. Юстиниана?

Как это традиционно повелось в Римской империи, вероисповедание императора почти всегда предreshало вопрос о признании той или иной церковной партии — православной или еретической. Поэтому св. Юстиниан с первых дней определил свою позицию, издав уже в 527 г. безупречно православный закон «О Всевышней Троице и Кафолической вере». «Поскольку правая и непорочная религия, — заявил он, — которую исповедует и проповедует Святая Божественная Кафолическая и Апостольская Церковь, не признает никакой новизны, то мы, следуя учению святых апостолов и пастырей Церкви, признали необходимым объявить всенародно, как мы, руководствуясь Преданием и исповеданием св. Божьей Кафолической Церкви, понимаем веру нашу таким образом». И далее следует изложение православного вероисповедания.

Много дискутируя с епископами и богословами, целыми ночами проводя в изучении тонкостей Священного Писания и творений Святых Отцов, император написал несколько книг о Тайне Боговоплощения, которые он разослал по провинциям, а также знаменитый тропарь «Единородный Сыне и Слове Божий Бессмертный Сый...», вошедший в состав православного богослужения.

Помимо богословских способов борьбы за истину Православия, св. Юстиниан широко использовал государственный закон для достижения поставленных целей. Понимая, что настоящих *идейных* противников у Халкидона немного, а основная масса антихалкидонитов, включая клириков, сочувствует монофизитам по иным мотивам, император применил действенное средство для очищения Церкви от тай-

ных еретиков или сомневающих в своих догматических убеждениях христиан. Своим эдиктом он установил, чтобы каждый вновь хиротонисанный епископ *письменно* свидетельствовал о согласии со Вселенскими Соборами и анафематствовал еретиков. Если же принадлежность епископа к ереси открывалась уже после его восшествия на престол, то того вызывали в Константинополь для *личной беседы с императором* (!), а в случае отказа отречься от заблуждений — низвергали из сана.

Надо сказать, что эта вариативная политика в отношении монофизитов нередко была предметом жесткой критики со стороны ортодоксов и царя часто обвиняли в непоследовательности. Однако *лично* св. Юстиниан был безупречно православен (в том числе и как богослов), а что касается его «перегибов», то, как увидим ниже, даже в крайних случаях царь никогда не предавал Халкидон, хотя и не склонялся к огульному преследованию всех сторонников Севира Антиохийского. Нельзя умолчать и о некоторых ошибках императора, вызванных верным осознанием размаха монофизитского движения, но неточным выбором средств борьбы с ним. В некоторый момент времени его компромиссная политика едва не привела к публичному покровительству монофизитства и даже бросила тень на православие императора.

В 535 г. умер Константинопольский патриарх Епифаний. Зная настроение масс, св. Феодора настояла на поставлении патриархом Трапезундского епископа *Анфима* (535—536), постника и аскета, признававшего Халкидон в части анафем на Нестория и Евтихия, но отвергшего его орос. Восторгу монофизитов не было предела, но это было только начало. Ободренный покровительством царя, еще вчера гонимый халкидонитами, Севир приехал в Константинополь и полностью подчинил своему влиянию столичного патриарха. Теперь св. Юстиниану пришлось поволноваться всерьез: внезапно выяснилось не только то, что он мало-помалу отказался от собственных убеждений, но в результате под угрозой оказалось общение с Римским епископом, столь необходимое императору для начала войны с остготами.

Помог св. Юстиниану замечательный подвижник Православия Антиохийский патриарх *Ефрем* (526—545), ставший на кафедру после смерти патриарха *Евфрасия* (521—526), погибшего во время землетрясения. Аскет, чрезвычайно порядочный и образованный человек, он пользовался непререкаемым авторитетом у своей паствы. Видя положение дел на Востоке и всерьез обеспокоенный ситуацией в столице, он написал напрямую Римскому папе *Аганиту* (535—536) письмо, в котором объективно описал состояние Восточной Церкви. Тот как раз отправлялся из Рима в Константинополь в качестве официального посла Остготского короля Феодогаста — кажется, это был единственный, хотя

и малопривлекательный, способ для понтифика *непосредственно* переговорить со св. Юстинианом по наиболее важным вопросам, не опасаясь обвинений в измене остготам. Под восторженные крики православных папа прибыл в столицу Римской империи и первым делом отказался вступать в общение с Анфимом Константинопольским, сославшись на формальное нарушение древнего канона, согласно которому не разрешалось переводить епископа с кафедры на кафедру. Человек тихий и кроткий, Анфим решил добровольно оставить кафедру и укрылся по предложению императрицы в ее покоях царского дворца.

Как рассказывают, первоначально император без энтузиазма встретил инициативу апостолика и даже заявил, что отправит того за своеволие в ссылку. На что Агапит ответил: «Я думал, что еду к христианнейшему императору Юстиниану, а приехал к Диоклетиану. Но твои угрозы не запугают меня!» Император понял и признал свою ошибку, и с его согласия Римский папа поставил в патриархи православного св. Мина (536—552), которого рукополагал он сам, шесть итальянских епископов и пять римских диаконов. Никто из восточных епископов при хиротонии не присутствовал. Это было время решительного перелома в религиозной политике императора.

Апостолик сразу после этого заболел и умер, но император св. Юстиниан довел дело, начатое папой, до конца. В 536 г. он созвал Собор, который осудил нескольких предводителей монофизитства, после чего утвердил это осуждение *государственным законом*. В этом законе (42-я новелла) говорится, что издание таких церковных актов — дело не необычное для царства, поскольку всякий раз, когда епископы осуждали и низлагали еретиков, царство присоединяло свой голос к авторитету иереев, таким способом сходились воля Божественная и воля человеческая, составляя единое согласие — «симфонию». Анфим, писал св. Юстиниан, виноват в том, что не захотел принять человеколюбие и снисхождение императора, который, заботясь о его спасении, предлагал отречение от ереси. Постановление епископов на Соборах само по себе действительно, но, как отмечает император, еще более законным его делает *царство*. Патриарху Константинопольскому св. Мине, на имя которого был издан этот закон, предписывается сообщить его содержание всем подчиненным митрополитам, чтобы те довели его до своей паствы.

Новый патриарх немедленно рассмотрел жалобы столичных монахов, просивших разогнать монофизитов в Константинополе, заочно лишил на Соборе Анфима Трапезундской кафедры и вообще священства. Впрочем, в этой акции было больше политики, чем богословия: достаточно напомнить, что постановления Собора 536 г. легли в основу

праздника в честь Халкидонского Собора. В службе праздника (16 июля в русской Минее) патриарх Анфим не упоминается среди осужденных еретиков. Это свидетельствует о том, что византийцы не придавали большого значения его осуждению.

Под давлением обвинений, могущих перерасти в приговор, Севир Антиохийский оставил Константинополь и удалился в пустыню, где скончался в 538 г. Когда Александрийский патриарх *Феодосий* (535—537) отказался признать Халкидон в полном объеме, он тут же был отставлен с кафедры. Вместо него Константинопольский патриарх св. Мина совместно с апокрисиариями Антиохийского и Иерусалимского архиереев хиротонисал в патриархи монаха *Павла* (539—541) из Тавенниссии. Всем александрийским епископам, священникам и монахам *приказали* признать Халкидон, и *внешне* все покорились. Но втайне патриарх Феодосий рукоположил в епископы монаха Иоанна, ставшего организатором монофизитского сопротивления на Востоке. Лишь после многих приключений митрополит Ефрем из Антиохии сумел вытребовать того из Персии, где монофизит сколотил группу последователей. Иоанна препроводили в монастырь, где он и скончался в 538 г.

Своеобразным «репрессиям» подверглись не только вожди умеренного монофизитства. Императора не могла не угнетать слепо ригоричная позиция Рима, где всех сколь-нибудь сомневающих в Халкидоне тут же зачисляли в еретики. Он небезосновательно подозревал, что в такой принципиальности гораздо больше желания отстоять непогрешимость Римской кафедры и нежелания входить в тонкости восточного богословия (гораздо более содержательного и нюансированного, чем казалось Западу), чем объективно желания воссоединить с Церковью заблуждающихся монофизитов. К папе Агапиту св. Юстиниан, конечно, хранил почтительное отношение. Но когда Велизарий вошел в Рим, и казалось, что Империя уже зримо восстала в прежних размерах, царь не простил самовольного, без его участия и одобрения, поставления на престол папы *Сильверия* (536—537).

Суть развернувшейся интриги заключается в том, что Сильверий был «избран» Остготским королем, причем с нарушением канонических норм. Как следует из «Папской книги», в ходе «избрания» Сильверия в ход были пущены подкуп и угрозы по отношению к клирикам и мирянам. И, конечно, императору никак не мог импонировать ставленник остготов в период развернувшихся военных действий. Помощь Сильверия Велизарию, вследствие которой римлянам удалось захватить Вечный город, мало помогла папе. В Константинополе и в самом Риме на него смотрели с подозрением, справедливо рассуждая, что человек, раз предавший готов, может предать и византийцев. Когда на Остгот-

ский престол взошел Витигес, Сильверий попытался вступить и с ним в тайный сговор, но его действия своевременно были пресечены.

По приказу царя Велизарий предъявил папе обвинение в государственной измене (сношение с готами), сверг с кафедры, а понтификом по велению царя был избран *Вигилий* (537—555). Из общих соображений новый кандидат казался императору более привлекательной фигурой, чем Сильверий. Он являлся личным другом и секретарем покойного папы Агапита, и св. Юстиниан искренне полагал, что Вигилий, с которым он состоял в переписке, станет его единомышленником и по цели религиозной политики — воссоединить с Церковью монофизитов, и по способам ее достижения — полемика, диспуты, убеждение.

Здесь произошел случай, бросающий тень на непогрешимость Римской кафедры и лично на Вигилия. Вступив на престол, новый понтифик должен был обменяться с остальными патриархами Кафолической Церкви посланиями, в которых следовало изложить собственное вероисповедание. Видимо, желая устранить малейшие сомнения в каноничности своего поставления на кафедру, он направил послания не только остальным Вселенским патриархам, но даже в Феодосию и Севиру, причем его письмо было составлено в духе «Энотикона». И хотя понимая, *чем* может для него обернуться публикация таких писем, папа сделал все, чтобы текст его вероисповедания оставался тайным, этот секрет недолго удержался.

Несколько ужесточив меры против монофизитов, св. Юстиниан не оставил метод убеждения и разъяснения. В 542—543 гг. он собственноручно написал замечательный трактат «Против монофизитов», где полемизировал с покойным уже к тому времени Севиром Антиохийским. Он доказывал, что ересь Нестория и Евтихия затрагивает далеко не терминологический уровень, как казалось некоторым. В монофизитской формуле «до соединения — две природы, после соединения — одна» проявляется *несторианская* идея предсуществования человека, в которого вселился Бог. В этой связи выход для тех и других один: принятие Халкидонской терминологии, которая, *по сути*, есть терминология св. Кирилла Александрийского. Таким образом, легко разрешалось старое недоумение многих восточных епископов, ошибочно полагавших, будто в Халкидоне свершилось *предательство* богословия св. Кирилла.

Дискутируя с монофизитами, император рассчитывал на помощь Рима. Но попытка императора обратить критику в сторону несторианства и таким способом привлечь отпавших христиан в Церковь вновь натолкнулась на непонимание Запада, ошибочно заподозрившего в действиях св. Юстиниана ревизию Халкидона. «Возникшая в связи

с этим западная полемическая литература до сих пор оказывает большое влияние на историографию, и многие дела св. Юстиниана представляются в анекдотическом виде».

В результате всех перипетий св. Юстиниан пришел к единственно верному выводу: для привлечения антихалкидонитов нужно осудить то, что они *приписывали* Православию и что было для них неприемлемым, равно как и для самой Церкви. Святой Юстиниан не поднимал нового богословского вопроса, он лишь задумал лишить монофизитов повода к нападкам на Церковь, а несториан — средств к утверждению собственной ереси. А логика последних была проста: в Халкидоне епископ Феодор Мопсуэстийский, духовный отец Нестория, не был осужден — следовательно, он *признан православным*. Вслед за этим получилось, что Халкидон якобы принял сторону Нестория и несториан. Помимо Феодора смущение вызывали еще два архиерея — Феодорит Кирский и Ива Эдесский. По крайней мере в 533 г. севериане в диспуте с православными епископами, организованном императором, возражали против Халкидона со ссылкой на фактическое восстановление, по их мнению, Вселенским Собором в сущем сане Феодорита Кирского и Ивы Эдесского.

Потратив много времени на *личное* изучение данного вопроса, в 543 г. император пишет трактат «Против «Трех глав» — сочинение названо так потому, что каждому из персонажей посвящена отдельная глава. Этим событием открывается спор о богословии епископов Феодора Мопсуэстийского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского, вызвавший новую бурную полемику и неожиданно жесткое противодействие Рима.

Восток хотя не без колебаний, но принял указ императора, и восточные епископы почти в полном составе одобрили документ. Правда, патриарх св. Мина подписал указ при условии того, что, если Римский папа не согласится с ним, он дезавуирует свою подпись. Патриарх *Зоил Александрийский* (541—551) подписал документ под угрозой ссылки и снятия с престола. Аналогичный мотив сыграл решающую роль в подписании сочинения императора Антиохийским патриархом *Ефремом* (526—545). Наконец, Иерусалимский патриарх *Петр* (524—552) вначале также объявил себя врагом указа, но спустя некоторое время все же признал правоту царя. Причина такого сопротивления заключалась в том, что все они опасались подрыва авторитета Халкидона. Кроме того, осуждение уже умершего Феодора Мопсуэстийского, пребывавшего до последней минуты в мире с Церковью, считалось превышением человеческих полномочий. Однако богословская позиция царя была столь аргументированной, а его действия столь настойчивыми, что

восточный епископат или принял указ об осуждении «Трех глав», или «поверил на слово» св. Юстиниану.

Но на Западе ситуация развивалась иначе. Следует иметь в виду, что в свое время именно по инициативе Рима три богослова, на которых обратился взор царя, были прощены Вселенским Собором, и в покушении на их имена Запад увидел косвенное как минимум опровержение Халкидона. Помимо этого, в Италии господствовало ошибочное убеждение, будто послание Ивы Эдесского персу Мару, ставшее предметом критики св. Юстиниана, было одобрено Халкидонским Собором. Естественно, Рим в *категоричной форме* не принял богословия императора. Римский диакон Стефан Факунд Гермиянский из Африки написал трактат «В защиту «Трех глав», отрицательные ответы на сочинение императора были получены из Рима от папы Вигилия и от Карфагенской церкви. А архидиакон Карфагенской церкви Ферранда в письме к диаконам Римской церкви Пелагию и Анатолию отверг императорский эдикт на том основании, что провозглашение истинных богословских утверждений находится всецело в компетенции епископов, но не царя. «Никто не может, — писал он, — заручившись множеством подписей, придать собственной книге авторитет, признаваемый Кафолической Церковью только за каноническими книгами. Для спокойствия Церкви было бы полезно, чтобы никто не предписывал Церкви, что она должна делать, но всякий придерживался бы того, чему учит Церковь». Конечно, такой подход принципиально был неприемлем для св. Юстиниана Великого.

Впрочем, нельзя сказать, что протесты всегда носили содержательный характер. Например, епископ Понтиан отписал св. Юстиниану, что сочинение Феодорита Кирского неизвестно в его епархии, поэтому он рекомендует уклониться от осуждения этого епископа, тем более что автор уже давно мертв, а мертвых осуждать не следует.

Для умиротворения ситуации осенью 544 г. св. Юстиниан решил вызвать папу Вигилия в Константинополь — действительно, должен же был он хоть когда-то начать оправдывать то доверие, которое оказал ему царь? Формально вызов был обусловлен опасностью, которой папа подвергался в осажденном Остготским королем Тотилой Риме. Очень неохотно папа принял этот вызов (приказ?) — на Западе это нежелание даже позднее переродилось в легенду, будто императорский чиновник, доставивший понтифику повеление св. Юстиниана, имел поручение задержать папу и силой доставить того в восточную столицу. В любом случае Вигилий тянул время, надеясь, что все уляжется само собой без его деятельного участия. Папу посадили на барку и отправили на Сицилию, где на него со всех сторон накиннулись противники императора.

Сюда же прибыл Зоил Александрийский, позднее отозвавший свою подпись под осуждением Феодора Мопсуэстийского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского. Осенью 546 г. папа Вигилий наконец тронулся в дальнейший путь, по дороге рассылая письма остальным патриархам с предложением отказаться от осуждения трех богословов. Нарекания в свой адрес вызвал и Константинопольский патриарх св. Мина, которому папа пенял на неразумие и скоропоспешность в выводах.

В конце концов в сопровождении пышной свиты 25 (или 27) января 547 г. Вигилий торжественно въехал в Константинополь. Его встреча была беспрецедентно пышна и торжественна. Константинопольцы хором скандировали при проезде апостолика: «*Ecce dvenit dominator dominus!*» («Се грядет господин и владыка!»).

Но после этого мир в Церкви внезапно закончился: папа тут же отлучил патриарха св. Мина и вычеркнул того из диптихов, а Константинопольский архиерей, естественно, сделал то же самое. Император пригрозил обоим архипастырям ссылкой и, видимо, был по-настоящему грозен в своем гневе. По крайней мере, как свидетельствуют летописи, страшась царя, папа пытался бежать в церковь Св. Сергия, чтобы там искать защиты, но был вытянут силой из храма. Остыв, св. Юстиниан принял понтифика, а тот по просьбе царицы св. Феодоры 29 июня 547 г. принял в общение патриарха св. Мину. После этого папе ничего не оставалось делать, как дать императору и императрице письменное согласие на осуждение «Трех глав». Он также пообещал возглавить несколько «конференций» епископов и обсудить на них этот вопрос.

11 апреля 548 г. он передал императору секретный приговор суда епископов, *judicatum*, в отношении «Трех глав» при условии неприкосновенности авторитета Халкидона. Хотя документ был закрытым (по просьбе самого понтифика), папа показал его римским диаконам Рустику (своему племяннику) и Севастиану, которые после этого отделились от него и оповестили о *judicatum* весь Запад; в ответ папа отлучил обоих от Церкви. Но дело было сделано — Запад проклинал и своего папу, и всех, кто соглашался с *judicatum*. Иллирийские епископы низложили за его принятие архиепископа Первой Юстинианы Бенената, а Африканские архиереи в 550 г. осудили самого Вигилия. Как нередко бывает, далеко не все поняли, о чем вообще идет речь. Так, в Галлии обеспокоенные епископы, не получившие точных известий, 28 октября 549 г. собрались в количестве 71 человека и на всякий случай произнесли анафему... на Евтихия и Нестория, после чего разъехались. Ввиду таких осложнений император 15 августа 550 г. дал разрешение Вигилию публично отказаться от *judicatum* при условии, что тот будет тайно помогать царю в осуждении «Трех глав».

Надо сказать, терпению и спокойствию императора не было конца: желая мирно уладить недоразумения и решить вопрос богословски, а не административно, он организовал 17 июня 550 г. Собор в самой Мопсуэстии, чтобы узнать, как Мопсуэстийская церковь относится к Феодору. На Соборе выяснилось, что имя Феодора не значится в диптихах этой церкви и вместо него туда внесено имя св. Кирилла Александрийского. Это было подтверждением неправославности епископа: собственная церковь изгладила память о нем из себя, и потому Феодор не мог считаться членом Кафолической Церкви. Как следствие, правомерно вставал вопрос о возможности анафематствования умерших — по крайней мере, тех, которые еще при жизни *фактически* отпали от Церкви.

Трудно сказать, желал ли изначально св. Юстиниан вынести эти вопросы на Вселенский Собор, но теперь получалось, что без того уже не обойтись. Следует отметить, что святой царь был искренне убежден в том, что изменчивая позиция папы Вигилия обусловлена тем давлением, которое на него оказывает Запад. По его мнению, Вселенский Собор, расставивший все точки над «i», спасет авторитет понтифика и позволит тому более успешно содействовать миру в Церкви. Но, прежде чем созвать Собор, император в начале 551 г. издал новый эдикт под названием «Исповедание веры», в котором изложил 13 анафематизмов. Александрийский патриарх Зоил не принял документ и не стал его подписывать. За это он был снят с кафедры, но документ не принял и папа Вигилий, нарушив тем самым в очередной раз свое обещание императору. Более того, на новой «конференции» епископов он потребовал, чтобы архиереи уговорили императора отозвать свое «Исповедание веры» до тех пор, пока его не рассмотрят латинские епископы (!). Если же царь не согласится с таким предложением, заявил папа, епископы должны были прекратить с ним общение под страхом быть отлученными от Церкви Апостольской кафедрой.

Конечно, это было *прямое предательство* и клятвопреступление. Опасаясь гнева императора, папа Вигилий тайно бежал из дворца, в котором проживал, в базилику Петра и письменно засвидетельствовал отлучение Константинопольского патриарха Мины. Спасли понтифика терпение императора и народ, оказавшийся в храме в тот момент, когда прибывшие чиновники и солдаты начали вытаскивать Вигилия из алтаря. Тяжеловесный и грузный телом, папа едва не погиб под крышкой мраморного стола, за который ухватился, чтобы не быть вытасканным из церкви, и ропот народа, вознегодовавшего на такое обращение с апостоликом, избавил того от ссылки.

Но история на этом не закончилась — да и как она могла завершиться *ничем* в такой ответственный момент? Спустя некоторое время

папа вновь решил ретироваться из ненавистного ему Константинополя, где пребывал в качестве пленника. В декабре 551 г., переодевшись, он бежал в Халкидон, где написал послание ко всем Церквям, в котором перечислил все свои мытарства в столице и осудил патриарха св. Мину. В довершение всего он издал энциклику «*Constitutum*», в которой кардинально изменил свою позицию и официально выступил против осуждения Феодора Мопсуэстийского, Ивы Эдесского и Феодорита Кирского.

Такого самоволия св. Юстиниан выдержать уже не мог, хотя и на этот раз уклонился от административных мер. К понтифику несколько раз являлась делегация от императора, предлагая вернуться в Константинополь, но папа требовал письменных гарантий того, что царь оставит свои нововведения и продолжит политику предшественника, императора Юстина. Неудивительно, что такого предложения царь принять не мог, но продолжал упорно добиваться *мирного* разрешения опасной для Церкви и самой императорской власти ситуации. Вопрос разрешился смертью Константинопольского патриарха св. Мины, мягкого и незлобивого человека, старавшегося за счет отдельных компромиссов примирить монофизитов с Церковью. Вместо него по прямому указанию св. Юстиниана, которому привиделся вещий сон, патриархом столицы был поставлен *Евфимий* (552—565), апокрисиарий Амасийского митрополита. Новый архиерей был давним сторонником политики императора и даже помогал ему в подыскании богословских доказательств возможности осуждения умерших. Ему после избрания св. Юстиниан и поручил восстановить отношения с Вигилием.

Понимая всю тонкость и деликатность порученной миссии, Евтихий не спешил. Только 6 января 553 г. он направил папе послание, в котором засвидетельствовал признание всех Вселенских Соборов и собственное православие, заявив, что целью его письма является желание сохранить единство с Апостольской кафедрой. Он же предложил созвать Вселенский Собор под председательством понтифика, и это предложение подписали патриархи св. *Аполлинарий Александрийский* (551—568), *Домнин Антиохийский* (545—559) и митрополит Илия Фессалоникийский.

Попутно понтифик издал новую энциклику «*Universo populo Dei*», в которой обвинил императорский двор в насилии над собой и тут же «скромно» заявил себя ревнителем Православия, подтвердив приверженность Халкидону. Он высокомерно предлагал василевсу отменить декрет о «Трех главах» и направить двоих представителей для встречи с папскими легатами, дабы устранить новый церковный раскол. Это был очередной пример величайшей дерзости. По счастью, император обла-

дал куда более глубоким религиозным чувством, чем папа, и св. Юстиниан перетерпел и это оскорбление. Как справедливо говорят, если бы святой царь действительно являл собой образчик «цезаропапизма», он, без всякого сомнения, немедленно сместил бы Вигилия, вне зависимости от последствий.

Наконец, папа согласился вступить в общение с Константинопольской кафедрой и даже согласился на Вселенский Собор, но при условии, что тот пройдет в Италии или на Сицилии, поскольку, дескать, западные епископы, недовольные осуждением «Трех глав», желают познакомиться с этим вопросом более обстоятельно. Но св. Юстиниан обоснованно не принял такого условия: он прекрасно понимал, что в таком случае ему угрожает серьезная оппозиция, сильная своим количеством. С другой стороны, император убедился в том, что пресловутый западный «папизм» безусловен пока что только для самих Римских епископов — остальные итальянские епархии все еще сохраняют за собой свободу суждения.

Для того чтобы не ставить папу в безвыходное положение, в качестве альтернативного варианта царь предложил Римскому папе созвать третейский суд — Вигилий охотно согласился, полагая, будто он и остальные восточные патриархи будут представлять собой две равные по численности партии по четыре человека. Но на самом деле в предложении императора шла речь о пропорциональном представительстве *всех* патриархов — каждый должен был прибыть в сопровождении равного количества епископов своего патриархата, а не Востока и Запада. Когда заблуждение папы выяснилось, тот срочно отозвал свое согласие на третейский суд, но и император показал характер, настояв на созыве Вселенского Собора помимо воли и согласия понтифика.

§11. V Вселенский Собор

Весной 553 г. в Константинополь стали съезжаться епископы. Как и повелось, этот Вселенский Собор был тоже преимущественно «восточный»: всего присутствовало около 150 восточных епископов и 25 западных; отсутствовали даже епископы из Иллирии, не говоря уже об Испании или Галлии. Из Африки приехали 8 епископов, из которых 6 приняли участие в первых заседаниях. Но вина в этой диспропорции никак не может быть возложена на императора, поскольку св. Юстиниан предложил папе вызвать столько западных епископов, сколько понтифик пожелает. Но тот сам отказался от этой мысли, понимая, что латиняне не испытывают желания обсуждать спорный вопрос.

Наконец, 5 мая 553 г. в Константинополе Вселенский Собор открыл свое первое заседание. Не желая давать поводов для слухов об императорском давлении на епископов, св. Юстиниан ни разу не появился на его заседаниях. Даже его представители из числа высших сановников не прибыли на Собор, и диалог царя с Отцами велся посредством гонцов, передававших послания от одной стороны другой. Председательствовали на Соборе совместно патриархи Евтихий Константинопольский, св. Аполлинарий Александрийский и Домнин Антиохийский. Император общался с Собором исключительно с помощью чиновников, которые приносили его послания Собору и по прочтении сразу же удалялись.

Папа Вигилий, ссылаясь на непропорциональность представительства западного и восточного епископатов на Соборе, сразу же отказался на нем присутствовать, но официально это не было сообщено собравшимся Отцам. Святой Юстиниан *внешне* старательно скрывал истинные взаимоотношения между императором и Римским папой, щадя его достоинство и честь Апостольской кафедры. Особенно показательным явилось первое заседание Собора. Явившись на него, селенциарий Федор зачитал послание св. Юстиниана, в котором выделяется несколько аспектов. В первую очередь император обращал внимание на свое *законное право* заниматься внутренними вопросами Кафолической Церкви. «Искоренять возникающие по временам ереси посредством собирания благоговейнейших епископов, и единодушным провозглашением правой веры доставлять мир святой Церкви Божией — было всегдашней заботой православных и благочестивых императоров, предков наших», — говорит он.

Затем св. Юстиниан перечисляет духовные подвиги своих предшественников во имя чистоты веры и обеспечения благочестия в Церкви, приравнивая к царям, созывавшим Вселенские Соборы и императора св. Льва I Великого. Царь детально разбирает богословскую подоплеку вопроса, объясняя, чем опасны *уже осужденные* им Феодор Мопсуэстийский, Феодорит Кирский и Ива Эдесский. Он излагает свое мнение об этих лицах и их сочинениях, а затем спрашивает мнение епископов. Нет сомнения в том, что это был *заочный* и несколько закамуфлированный ответ императора на категоричное нежелание папы Вигилия признавать за ним право заниматься богословскими вопросами и высказывать свое мнение по ним.

Поскольку так или иначе у присутствовавших Отцов Собора должен был возникнуть вопрос о папе Вигилии, император очень тактично смягчил истинное положение дел. «Вигилию, благоговейнейшему папе Древнего Рима, — пишет он в своем послании Собору, — мы объяснили о «Трех главах» подробно все, когда он прибыл в наш царствующий город,

и спрашивали его, как он думает об этом деле. И сам он не раз и не два, а довольно часто в своих посланиях излагал анафему на нечестивые «Три главы». А что у него всегда была мысль об осуждении «Трех глав», это он выразил и в весьма многих иных своих поступках и в осуждении Рустика и Севастиана». Затем св. Юстиниан пространно и очень умело обходит вопрос о возникших между ним и понтификом разногласиях и о предательстве папы и оправдывает отсутствие того на Соборе желанием понтифика *самостоятельно* разобраться с этим вопросом.

Впрочем, присутствовавшие епископы не в полной мере удовлетворились таким объяснением и напомнили царю, что уже не раз просили папу принять участие в Соборе. Большая делегация епископов отправилась к Вигилию, но, вернувшись, объяснила, будто понтифик по «слабости телесной» не может явиться на заседание, но завтра обещал высказать свое мнение о «Трех главах». По этой причине заседание решили отложить на другой день.

На следующем заседании Отцы выслушали епископов, вновь направленных к папе Вигилию за ответом. Те поведали, что апостолик опять отказался явиться на Собор, поскольку, по его словам, на нем много восточных епископов и очень мало западных. Отцы напомнили ему, что и ранее, на других Вселенских Соборах, существовала такая диспропорция, и в этом нет ничего страшного. Сейчас же, когда в Константинополе находится сам папа и множество латинских епископов при нем, никаких преград для его участия нет. В мягкой форме они заметили, что по велению императора в таком случае они будут вынуждены *сами* рассмотреть вопрос, «ответ на который наполовину готов», чтобы не вводить народ в соблазн; но и это не убедило Вигилия. Присутствовавшие на заседании императорские сановники также сообщили, что были у папы, но тот повторил свое желание самостоятельно, *вне стен Собора* (!), дать ответ на поставленные вопросы. Сановники огласили ответ св. Юстиниана, который рекомендовал епископам не смущаться отсутствием папы и напомнил им, что он всегда защищал и защищает все четыре Вселенских Собора, и велел внести их в диптихи, чего не решались сделать другие, бывшие до него, императоры.

Со страниц «Деяний» остро чувствуется, какая волнительная атмосфера возникла на Соборе. Папа не являлся, открыто *бойкотируя* Вселенское собрание, и не высказывал своего письменного мнения. Для всех непредубежденных лиц, убедившихся в искусственной вариативности отказа Вигилия явиться на Собор, было ясно, что ждать его бессмысленно. Вслед за понтификом попытались игнорировать Вселенский Собор и некоторые западные епископы. Ссылаясь на то, что понтифик отсутствует на Соборе, они также отказались участвовать

в его работе. Потратив много времени, Отцы решили обсудить вопрос о «Трех главах» без папы.

Впрочем, попытки образумить папу не прекращались: Вигилия неоднократно приглашали на Собор, но вновь и вновь безуспешно. В конце концов, св. Юстиниан предписал Собору удалить имя папы Вигилия из диптихов, «сохраняя при этом единство с Апостольским престолом». Конечно, это был вопиющий прецедент, вполне, впрочем, адекватный поведению понтифика. «Документ этот настолько скандален для папизма, что в первых католических изданиях Соборных деяний он отсутствует, как отсутствует и в русском переводе Деяний. Впрочем, и св. Юстиниан сознавал беспрецедентность своего шага. Отсюда — необычное различие *«inter sedem et sedentem»* («между престолом и занимающим его»). Первоначально св. Юстиниан направил Собору устную рекомендацию, и только потом, при редактировании Деяний, было составлено письменное распоряжение, датированное 14 июля 553 г.»

Как следствие, Вселенский Собор превратился в судебный орган по отношению к папе Вигилию, где обвинителем выступил сам император, а обвиняемым — понтифик. И, что весьма обидно для Римской кафедры, Собор признал апостолика виновным в ереси. Это наглядно свидетельствовало о том, что епископство Вигилия приблизилось к своему не вполне естественному завершению.

Наконец, на четвертом, довольно длительном заседании Собора Отцы начали рассмотрение вопроса по существу. Заслушали отрывки из сочинений Феодора Мопсуэстийского, наверняка подобранные непосредственно императором, и дружно решили предать того анафеме, но не немедленно. Хотя епископы и отметили, что законы императорские уже осудили его, однако для полного изучения всех обстоятельств они решили продолжить обсуждение сочинений, что и произошло на пятом заседании. В этот день помимо иных свидетельств были заслушаны законы императоров св. Феодосия Младшего и Валентиниана III, в которых Феодор и Несторий предавались анафеме. Были рассмотрены и другие подтверждения неправославия заочных подсудимых, включая деяния Мопсуэстийского Собора 543 г., о котором выше шла речь.

Видимо, Отцам надоело выступать в роли безответных просителей перед Римским папой, поэтому на этом же заседании они направили Вигилию представление, в котором отметили, что если он получил свыше жребий священства, то ему надлежит известить свое мнение о том, что касается спокойствия Святой Церкви. Разумеется, для Востока было совершенно непонятно, как Римский папа, авторитет которого так высоко подняли III и IV Вселенские Соборы, мог столь беззастенчиво

игнорировать новый Собор и вопросы, нарушающие мир Церкви. Это было не только попрание обязанностей епископа, тем более архиерея одной из главенствующих церковных кафедр, беззастенчивое нарушение старинных традиций, но и открытое пренебрежением к императору и Вселенскому Собору.

На шестом заседании Отцы приступили к исследованию сочинения Ивы Эдесского персу Маре, в котором тот анафематствовал св. Кирилла Александрийского. Разбирательство было очень обстоятельным: зачитывали различную переписку, выписку из деяний Халкидонского Собора, и в завершение работы анафематствовали послание Ивы.

На седьмом заседании Отцы выслушали царского сановника Константина, квестора императорского дворца, который предложил епископам изучить послания папы Вигилия, должны свидетельствовать о его отношении к «Трем главам». «Известно вашему блаженству, — сказал он, — сколько попечения имеет всегда победитель император о том, чтобы возбужденный некоторыми спор о «Трех главах», которые рассматриваются теперь у вас, получил конец, и Святая Церковь Божия освободилась от возведенных на нее нареканий. Не потому, чтобы он не знал правоты вашей святости в догматах, и намерение, которое вы имеете относительно того, что служит предметом волнения, но для того, чтобы еще соборно было постановлено определение об этих «Трех главах».

Затем он предложил зачитать некогда письменно высказанные папой Вигилием мысли. Этот отрывок очень любопытен. Император еще раз показывает, что для него вопрос о «Трех главах» — давно решен. Но, желая соблюсти собственную формулу: «Царь через Соборы епископов утверждает правую веру», император дает возможность епископам *максимально полно* исследовать все нюансы. Кроме того, поскольку отказ Вигилия от участия в Соборе подрывает вселенский характер соборания, св. Юстиниан различными способами пытается «пристегнуть» его к V Собору. Примечательно и то, что, заслушав документы, Отцы не остались безвестными в отношении истинной роли св. Юстиниана и Вигилия, начав славословия в адрес царя (!). «И ныне ясно обнаруживается угодное Богу попечение благочестивейшего и миролюбивейшего императора, который всегда делал и делает все, что сохраняет святую Церковь и православные догматы».

Наконец, на восьмом заседании Собора, ставшем последним, было вынесено общее и окончательное осуждение «Трех глав» и утверждены 14 анафематизмов.

Прежде чем Вселенский Собор сделал последние постановления, папа Вигилий отправил 25 мая императору подписанный им и еще

16-ю западными епископами письмо — «*Constitutum de tribus capitulis*», в котором признает еретическими сочинения Феодора Мопсуэстийского, но не готов анафематствовать умершего, поскольку тот уже предстоит перед Богом и ждет Страшного суда. Затем он развил ту мысль, что, собственно говоря, анафематствовать Феодора как несторианца было бы неправильно, поскольку в Халкидоне тот публично осудил Нестория; таким образом, принятие предложения императора подорвало бы авторитет Халкидона. Дальше — больше: в окончании письма папа обязывает архиереев учить *все Церкви* (!) о «Трех главах» только так, как *предписывает он сам*, а все, сделанное иначе, анафематствует властью Апостольского престола.

Конечно, император даже не принял его послов. Через чиновников царь пояснил им, что если понтифик имеет что-либо сказать по поводу обсуждаемых на Соборе вопросов, то он рекомендует папе принять участие в нем. Но, в общем, в этом нет особой нужды: папа уже столько раз высказывался по «Трем главам», что если в новом послании отказывается от самого себя, то, следовательно, заслуживает анафемы. Этот эпизод описан в протоколе седьмого заседания Собора, и ответ императора получил одобрение Отцов. В целом епископы очень высоко отзывались о заботах св. Юстиниана по охранению Православия. Достаточно привести хрестоматийный отрывок из послания императору от епископов Второй Киликии, в котором они пишут: «Всегда мы удивляемся трудам Вашего христианства для благочестия, относящегося к Богу, и верим, что награда за усердие, которое Вы имеете к лучшим и превосходнейшим из дел человеческих, даст Вам участие в Царстве Небесном».

Особое место в истории V Вселенского Собора занимает осуждение Оригена. Еще в 529 г. св. Юстиниан закрыл Академию в Афинах, которая являлась последним очагом языческой культуры. Однако языческие учения продолжали жить, и одно из них тесно переплеталось с именем великого христианского богослова и подвижника Оригена. В IV в. продолжателями учения Оригена явились Дидим Александрийский (ум. около 398 г.) и Евагрий Понтийский (ум. в 399 г.). В век св. Юстиниана оригенизм был широко распространен среди монашеской интеллектуальной элиты, причем многие мысли, приписываемые поздними почитателями Оригену, мало корреспондировались с его учением.

Что же представляло собой интерпретированное учение Оригена? Как отмечают богословы, в триадологии Ориген вводит субординационизм, а его христология тесно связана с учением о мире и человеке. Мир вечно сосуществует Богу, считал Ориген, и все сотворенные духи существуют в Боге как нерасчлененная единица, поскольку расчлене-

ние связано с удалением от Бога. По мере удаления от Бога тварный ум охладевает и превращается в душу. Воплощение душ — наказание за их удаление от Бога. Единственный тварный ум не отпал от Бога; этот ум, предвечно соединенный с Богом Логосом, воплотился на земле от Девы Марии. Крестная Жертва не уникальна, так как может быть повторена Христом, когда Он воплотится в других зонах. Как следствие, Ориген допускал *перевоплощение* других людей.

Отпавшие от Бога духи воплощаются не только в человеческие тела, но и в животных, и в небесные светила. Спасение состоит в возвращении к Богу, которое Ориген понимает как *развоплощение*. Хотя в воскресении будет некая телесность, это будет совсем новая, тонкая, «сферообразная» форма тела. А после определенного периода окончатся муки осужденных нечестивых людей и демонов и произойдет всеобщее восстановление «в прежний ранг».

К чести св. Юстиниана, он понял противоречие философии Оригена Священному Писанию и Церковному Преданию. Он противопоставил ему Библейское учение об *одновременном* сотворении тела и души, из которых и состоит человек, и отметил, что учение о совечности мира по Оригену утверждает *зависимость* Бога от мира и *ограниченность* Бога.

В 543 г. св. Юстиниан обратился к патриарху Константинопольскому св. Мине с посланием против Оригена, где подробно разбирал учение этого богослова. В том же году в Константинополе состоялся Поместный Собор, осудивший Оригена. В опровержении мнения некоторых историков, анафематствование Оригена случилось не на V Вселенском Соборе, а в 543 г. на указанном Поместном Соборе, анафематизмы которого были впоследствии приписаны Вселенскому Собору. И хотя иногда утверждают, что V Вселенский Собор вообще не занимался вопросом об Оригене и, следовательно, того нельзя считать осужденным высшей церковной инстанцией, но в 11-м анафематизме Ориген анафематствован вслед за Несторием и Евтихием. «Если кто не анафематствует Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия и Оригена с нечестивыми их сочинениями и всех прочих еретиков, которые были осуждены и анафематствованы святой Кафолической и Апостольской Церковью и святыми помянутыми Соборами, и тех, которые мудрствовали или мудрствуют подобно вышесказанным еретикам, и пребыли в своем нечестии до смерти; тот да будет анафема».

Как полагают исследователи, по всей видимости, об Оригене шла речь на *неофициальных* заседаниях Собора. Впрочем, эти исторические детали не имеют принципиального значения, поскольку VI Вселенский Собор повторил осуждение Оригена, прибавив к его имени имена Дидима и Евагрия, и их осуждение повторил VII Вселенский Собор.

Так завершил свою работу V Вселенский Собор 553 г., который интересен еще и тем, что на нем не было принято ни одного канона, как неизменно случалось ранее.

На Востоке решения Собора были восприняты безоговорочно, но иначе сложились дела на Западе. Там возник раскол, длившийся десятилетия, и для прекращения его император отправил в ссылку основных своих идейных противников — диакона Рустика и Феликса, а заодно с ними и самого понтифика. Но уже 8 декабря 553 г. Вигилий в послании к Константинопольскому патриарху Евтихию признал свой протест против «Трех глав» безосновательным, а 23 февраля 554 г. повторил собственное признание в документе «*Constitutum dedamnation etrium capitulorum*», предназначенном, как можно понять, для западных епископов. Простив папу, летом 554 г. император разрешил тому вернуться в Рим. Но по дороге папа Вигилий умер на Сицилии.

Его преемник папа *Пелагий I* (556—561), ранее активно содействовавший Вигилию, без колебаний принял V Собор. В извинение того, что папа Вигилий не сразу осудил «Три главы», он в своем послании к епископу Илию Аквилейскому и другим епископам Истрии, также не принявшим V Вселенский Собор, отмечал, что все дело в незнании латинянами греческого языка (!). Конечно, это было грубой натяжкой, но за ней скрывалось главное — Рим признал правоту императора. Однако, как и следовало ожидать, раскол на Западе временно только усилился. Тосканские епископы считали Вигилия еретиком, их мнение разделяли и франкские архиереи; некоторые епархии не вступали в общение с Римом вплоть до конца VII в.

Пожалуй, самое интересное в данной истории заключается в том, что новый понтифик ранее был широко известен как *личный враг императора* и его декрета об осуждении «Трех глав». Он помогал Вигилию в написании конфронтационных посланий царю и даже по царскому указу провел некоторое время в заточении за оскорбление царского величества в константинопольских монастырях. Там он написал большую апологию «Трем главам» и даже обвинил папу Вигилия в нерешительности. Но, как видим, св. Юстиниан не побоялся выдвинуть кандидатуру именно этого человека на пост Римского епископа и не прогадал. Как честный человек, Пелагий во всем разобрался и стал ярым приверженцем V Вселенского Собора.

Вскоре после смерти папы Вигилия, когда раскол на Западе деятельными усилиями других понтификов был преодолен и V Собор получил повсеместное признание, для Рима встал актуальный вопрос: каким образом оправдать своего предшественника. Интересную попытку предпринял папа *Пелагий II* (579—590), заявивший в одном из своих

ИКОНЫ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

1. Святая Императрица Феодора, жена императора святого Юстиниана I Великого.
2. Святой Император Юстиниан I Великий.
3. Святой и равноапостольный Император Константин I Великий.
4. Святая Императрица Елена, мать императора святого и равноапостольного Константина I Великого.
5. Святой Император Феодосий I Великий.

1. Святая Императрица Евдокия, жена императора святого Феодосия II Младшего.
2. Святой Император Феодосий II Младший.
3. Святой Император Лев I Великий.

1. Святой Император Маврикий.
2. Святой Император Маркиан.
3. Святая Императрица Пульхерия, жена императора святого Маркиана.

1. Святой Император Константин Новый, сын императора Ираклия Великого.
2. Святая Императрица Феодора, жена императора Феофила.

1. Святая царевна Анфуса, дочь императора Константина V Исавра.
2. Святой и благочестивый Император Никифор II Фока.
3. Святой Император Мануил II Палеолог.
4. Святая царевна Сосипатра, дочь императора святого Маврикия.
5. Святая Императрица Ипомония (Елена), жена императора святого Мануила II Палеолога.

1. Святая Императрица Ариадна, дочь императора святого Льва I Великого, жена императора Зенона и императора Анастасия I.
2. Святая Императрица Ирина, жена императора Льва IV Хазара.
3. Святая Императрица Плакилла, жена императора святого Феодосия I Великого.
4. Святая Императрица Маркиана (Лукакья, Евфимия), жена императора Юстина I.

1. Святая Императрица Ирина, жена императора Иоанна II Комнина.
2. Святая царевна Феврония, дочь императора Ираклия Великого.
3. Святой Император мученик Константин XI Палеолог.
4. Святой Император Иоанн III Дука Ватац.
5. Святая Императрица Феофания, жена императора Льва VI Мудрого.

1. Преподобная Мария Монгольская, дочь императора Михаила VIII Палеолога.
2. Патриарх Константинопольский святой Игнатий, сын императора Михаила Рангаве.
3. Патриарх Константинопольский святой Стефан, сын императора Василия I.
4. Император Западной Римской Империи святой Гонорий.

посланий следующее. «Вы прибавляете, — пишет он адресатам, — что сначала и Апостольский престол в лице папы Вигилия, и все предстоятели латинских провинций твердо противостояли осуждению «Трех глав». В этих словах мы замечаем, что та же самая вещь, которая должна была бы вас призвать к согласию, отвлекает вас от него. Ведь латиняне, а также люди, незнакомые с греческим языком, поздно узнали свою ошибку потому, что не знали языка. И им тем скорее должно верить, что их твердость не оставляла спора до тех пор, пока они не осознали истину. А если бы они согласились опрометчиво, прежде чем осознали истину, то ваша братская любовь справедливо смотрела бы на них с презрением, но они согласились после долгого труда и после того, как долгое время спорили, даже до обид».

Конечно, эти аргументы абсурдны. Более того, как легко убедиться, они идут вразрез с обычным утверждением предстоятелей Римского престола, будто Вселенские Соборы созывались их велениями (в отношении V Собора такой тезис просто нелеп и смешон) и будто бы Соборы провозглашали лишь то, что высказывал понтифик.

В литературе иногда встречаются попытки умалить достоинства V Вселенского Собора, а следовательно, и императора св. Юстиниана Великого. Но послушаем, что сказал по этому поводу авторитетный автор. «Пятый Вселенский Собор, — пишет он, — нередко оценивается негативно. Иногда — резко отрицательно. Такая оценка основывается не на внутреннем достоинстве Собора, а на его исторических обстоятельствах и последствиях. Для католиков Собор являет вопиющее несоответствие догмату папской «непогрешимости» и вообще представлениям о канонической роли папы в Соборах. Последствия Собора не были во всем таковы, какими их хотели увидеть инициаторы Собора. Большие массы окраинного населения, иногда целые народы, так и не приняли Халкидон. Но, думается, в области греческого богословия Собор был решительной и решающей победой, которая положила предел столетнему творческому цветению «монофизитского» богословия. С тех пор монофизитство консервируется в элементарных формулах-лозунгах и окончательно становится знаменем окраинного антиимперского национализма. Отныне в греческом богословии пересмотр Халкидона был невозможен. Появившееся позднее монофелитство было попыткой компромисса с антихалкидонитами без отречения от Халкидона».

С практической точки зрения V Вселенский Собор, наверное, не принес тех результатов, на которые рассчитывал император, да и могло ли быть иначе? Уже в течение 100 лет Империю и Церковь раздирал национально-религиозный сепаратизм окраинных провинций, и неудивительно, что политика св. Юстиниана не могла в одночасье

решить все те проблемы, над разрешением которых бились его предшественники.

Но человеческая натура суть греховна, и от слабостей и страстей не свободны даже великие и благочестивые люди. В некоторых летописях содержатся сведения, будто богословски победив монофизитство, в последний год жизни св. Юстиниан начал менять свое отношение к нему и даже попытался издать не дошедший до нас новый указ «О тленном и нетленном», чуждый благочестию, как говорит историк. Если это и так, то, по счастью, документ не был подписан и опубликован — великий император скончался; Господь уберег его от греха ереси.

Впрочем, следует особо отметить, что ссылки на монофизитство «позднего» св. Юстиниана должны воспринимать критически. В первую очередь нужно обратить внимание на чрезвычайную скудость исторических свидетельств на этот счет. Во-вторых, «все то, что известно о богословской линии св. Юстиниана, которая, подобно его церковно-политическому курсу, была *средней линией*, противостоящей, как это и свойственно истинному Православию, крайностям и с одной и с другой стороны. Очень трудно допустить, что св. Юстиниан, который анафематствовал даже умеренное монофизитство, вдруг в конце жизни впал в самую крайнюю его форму».

Как видим, об этом событии можно судить только по *косвенным* признакам. Справедливости ради отметим, что в пользу существования сочинения «О тленном и нетленном» — факт освобождения от кафедры бывшего царского любимца патриарха Евтихия, которого император снял за то, что тот не подписал данный документ.

Но все же наиболее правильным объяснением обвинений императора в уклонении от Халкидона является его небольшая популярность при жизни среди подданных. Еретики действительно не любили василевса за «новую линию», а население тяжело страдало от податей, взыскиваемых для ведения войны. Излишне, наверное, говорить, что, не знаящая греха, Церковь своим соборным разумом расставила все на свои места. И сегодня, как и 1500 лет назад, имена св. Юстиниана Великого и св. Феодоры содержатся в списке святых и прославленных Церковью христиан.

§12. Войны на Востоке и на северной границе

После заключения мира с Персией ситуация на восточной границе оставалась крайне беспокойной — честолюбивый царь Хосров желал восстановить политические и территориальные позиции на Кавказе.

Его план казался тем более перспективным, что св. Юстиниан был занят войной на Западе. Тайные сношения остготов с персами позволили скоординировать (насколько, конечно, это было вообще возможно) им свои действия, и Хосров неплохо знал, сколько римских войск может противостоять ему. В значительной степени облегчили нападение персов на Византию армяне, недовольные притеснениями со стороны римской администрации и поднявшие в 538 г. антиримское восстание.

Нечего и говорить, что Хосров не стал терять время в столь благоприятных условиях. Первоначально он велел арабу Аламундару придумать повод для расторжения мирного договора с Империей, и тот заявил, будто другой арабский вождь *Ареф* — союзник римлян — покушается на его владения. Затем уже сам Хосров заявил римскому послу Стратегию, что император хотел переманить на свою службу Аламундара, чем оскорбил его и нарушил условия договора. Весной 539 г. к персу прибыли тайные послы Остготского короля Витигеса, которые в очередной раз убеждали Хосрова объединить усилия и просили его начать войну с Римской империей. Это событие вдохновило Хосрова, и он начал деятельно готовиться к войне. Для умирения армян император направил своего любимца Ситту, проживавшего в столице после заключения мира с Персией, и действия полководца первоначально были очень успешными. К сожалению, однажды он во главе небольшого отряда попал в засаду, устроенную армянами, и погиб.

Заменивший его военачальник Вуза не сумел найти общего языка с восставшими армянами, хотя и убил их вождя. Как следствие, те явились к Хосрову, предложили свои услуги и настойчиво просили напасть на Римскую империю. Осенью 539 г. Персидский царь направил королю остготов Витигесу письмо, в котором уведомил того о своем согласии воевать с римлянами. Своим полководцам перс дал поручение не позднее весны следующего года выступить в поход. Узнав об этом, император направил к нему послом Анастасия, но тот не сумел убедить перса сохранить мир. Зимой 540 г. Хосров с громадным войском вторгся в римские владения. Хитростью ему удалось захватить город Сурана (Сура), жителей которого постигла печальная участь. Большинство из них погибло в неволе, и только некоторых удалось выкупить при содействии местного епископа.

Получив известие о вторжении персов, св. Юстиниан направил на Восток своего племянника Германа, отрядив тому вследствие недостатка сил (все остальные войска были на Западе) только 300 кавалеристов, пообещав, правда, вскоре передать под его командование более многочисленное войско. Но дать обещание оказалось гораздо легче, чем его исполнить. Томимый вынужденным бездействием, не имея должного

числа солдат, Герман терпеливо ждал помощи, не в силах противостоять персидскому войску, а Хосров тем временем подошел уже к Антиохии. По пути перс овладел городом Верои и, не получив ответа от антиохийцев о том, сколько они готовы заплатить ему за то, чтобы его армия не штурмовала город, решил осадить столицу Сирии.

Осада Антиохии была очень тяжелой для персов и стоила многих жизней, но все же город был ими взят. Впрочем, силы персидской армии были сильно подорваны этими боями, поскольку Хосров внезапно сменил свое настроение, принял римских послов, долго препирался с ними, доказывая, что виновником этой войны является св. Юстиниан, однако в конце концов согласился заключить мир на определенных условиях. Но пока послы сносились с Константинополем и определяли суммы ежегодных выплат, не отличающийся шепетильностью в вопросах чести Хосров разграбил Селевкию, Апамею и Халкиду. Когда перс был уже неподалеку от Эдессы, прибыли римские послы с предложением св. Юстиниана заключить мир на условиях выплаты тех сумм, которые установил Хосров; тот согласился. Готовясь к возвращению на родину, перс решил продать всех пленных антиохийцев, и тогда жители Эдессы проявили удивительную ревность по вере и собрали деньги на выкуп своих сограждан.

Но на обратном пути коварный Хосров решился-таки захватить столь ненавистную ему римскую крепость Дара, доставлявшую персам множество неприятностей, однако прямой штурм ничего не дал. Возмущенный тем, что во время перемирия Хосров продолжает боевые действия, св. Юстиниан заявил, что расторгает договор и не считает себя связанным его условиями. Встревоженный положением дел на сирийской границе, император поначалу вообще хотел прекратить италянскую кампанию. Как только пала Равенна, он немедленно отозвал Велизария с Запада и направил против персов.

Весной 541 г. император назначил его военачальником Востока; вместе с ним римские войска возглавил Валериан, боевой товарищ Велизария. Очевидно, византийцы сделали выводы из предыдущей кампании, поэтому готовились к войне тщательно и собирались начать первыми, чтобы вести войну на территории врага. Но и персы деятельно готовились к началу военных действий. Целью летней кампании для них являлась Лазика, обладание которой открывало доступ к Черному морю и к Балканам. Хосров весьма профессионально запутал врага, распуслав слух, будто в действительности начнет военные действия в Иверии, и в результате византийцы оказались дезинформированы.

Помимо прочего, персы получили союзника в лице народа лазиков, недовольных тем, что римляне содержат на их землях свои воинские

подразделения. Их царь *Губаз* предложил свои услуги Персии, чем еще более осложнил положение византийцев. Как следствие, война пошла на встречных курсах: Хосров грабил римские поселения и даже взял город Петру, казавшийся неприступным, а Велизарий вторгся в Персию, сея там панику и смятение. Но оба войска уже устали и потому отбыли на зимние квартиры, а Велизарий уехал в Константинополь.

Весной 542 г. Хосров в третий раз перешел границу и напал на город Сергиополь, что на берегу Евфрата. Но осада оказалась безуспешной для персов, которые не смогли сломить сопротивления римских солдат числом не более 200 человек; поэтому Хосров отошел. Не праздновал труса и римский полководец. Прибыв из столицы в местечко Европ, Велизарий начал спешно собирать разбросанные по гарнизонам войска, и вскоре под его началом оказалась достаточно сильная армия. Сюда вошли иллирийские, фракийские, готские, герульские части, а также вандалы и маврусии, всего числом не менее 8 тыс. воинов — довольно грозная сила в руках талантливого полководца. По крайней мере, Хосров, узнав о его присутствии, спешно затеял мирные переговоры, ссылаясь на то, что будто бы именно император отказался заключать новый договор. Приняв посла, Велизарий хитростью убедил того в силе римского войска, разбив свой лагерь на открытой местности и приказав солдатам непрестанно ходить с места на место, чтобы возникла видимость их многочисленности. Персидский царь испугался и отдал приказ своему войску отступать, для чего срочно организовал переправу через Евфрат. Но и Велизарий переправился через эту реку, и, уже находясь на персидской земле, посредством демонстрации римской силы окончательно укрепил Хосрова в мысли о необходимости вновь затеять мирные переговоры.

К сожалению, ухудшение дел в Италии вынудило императора вернуть Велизария на Запад (тот, как мы видим, буквально разрывался между Италией и Востоком), и Хосров, пренебрегая заключенным договором, вновь напал на римлян, захватив город Калинник. Однако дальнейшие военные действия внезапно пресекла моровая язва, охватившая и Империю, и Персию. Византия, воюющая в течение нескольких лет на два фронта, была буквально *истощена*. В довершение всех бед Константинополь сильно пострадал от землетрясения, произошедшего 16 августа 542 г.

Из-за страха перед страшной болезнью Хосров перебрался с войском в Ассирию, где ее признаков еще не наблюдалось, а навстречу ему уже направлялось римское войско численностью около 30 тыс. воинов. Единственный, но существенный недостаток армии заключался, как обычно, в множественности командиров и *отсутствии единоначалия*. В 543 г. со-

стоялось сражение у города Англона, закончившееся страшным поражением римлян. Погиб и храбрый военачальник Нарзес, некогда перешедший на римскую службу из Персии вместе со своими братьями.

В следующем, 544 г. Хосров вновь совершил набег, двинув свои войска в Месопотамию. Как пишет современник тех событий, единственным его желанием было *унизить христиан*, поскольку с городами Эдессой и Авгарью у них связаны особые воспоминания. Персу очень хотелось взять город, тем более что во сне ему привиделось, будто если он не возьмет Эдессу, то покроет свое имя страшным позором. Но горожане мужественно отбили все атаки персов, раскрыв их хитрости в ходе осады, и Хосрову ничего не осталось, как получить выкуп и уйти обратно. Очевидно, и возможности Персидского царя были не беспредельны — когда к нему в 545 г. явились римские послы, он заключил долгожданный мир с Римской империей на довольно сносных для византийцев условиях.

Впрочем, мир продолжался недолго. Святой Юстиниан, как православный император, считал делом чести прекратить работорговлю в Кавказском регионе, где издревле существовала практика покупки молодых красивых мальчиков, их кастрации и продажи в качестве евнухов богатым лицам. Кроме того, ему хотелось закрепить свои права на Лазику, которую он просил уступить Хосрова еще при заключении мирного договора, но не получил согласия.

Желая покончить со страшными традициями, император отправил к абазгам, жившим рядом с лазами, евнуха своего двора Евфрата, уроженца этих мест, со строгим приказом прекратить чудовишный промысел. Посланнику было также поручено организовать миссионерство среди диких язычников. Проповедь христианства была столь успешной, что абазги выгнали своего царя и признали над собой власть Римского императора. В городе Севастополе, отстроенном царем после персидского нашествия, был воздвигнут храм Пресвятой Богородицы. Вскоре власть Константинополя признали над собой даже *готы-тетраксиды*, проживавшие в низовьях современной Кубани. Они даже приняли в 547 г. к себе православного епископа из столицы.

Впрочем, настроение горцев было очень нестабильным. В скором времени они начали тяготиться налогами и повинностями, которыми их обложили имперские чиновники, и, восстановив у себя царя, обратились к Хосрову с просьбой принять их под власть Персии и защитить от Римского императора. Но когда лазы узнали, что Хосров вынашивает план переселить их в глубь своей территории, а родовые земли кавказцев заселить более лояльными ему подданными, их царь Губаз тут же отправил посольство в Константинополь. Он просил св. Юстиниана

принять лазов под власть Византийской короны и помощь в борьбе с персами. Император тотчас откликнулся на эту просьбу и послал в Лазу молодого полководца Дагисфея с отрядом в 7 тыс. воинов. Кроме того, Лазский царь завязал сношения с гуннами-сабирами и аланами, обещая тем денежные средства за помощь против Персии. Начальные действия Дагисфея не отличались успехом. Когда на помощь осажденной византийцами крепости Петра подошли подкрепления во главе с персидским военачальником Мермероисом, римские воины попросту *разбежались* и оставили осаду. Но начавшийся так неудачно 549 г. завершился успешно: Дагисфей соединился с лазами Губаза и, неожиданно напав на персидский лагерь, захватил богатую добычу.

В 550 г. из Константинополя пришли деньги для оплаты услуг гуннов и подкрепления под начальством полководца Рекифанга. На свою беду, персы не учли нового соотношения сил, и когда весной они решили дать римлянам сражение у крепости Петра, то потерпели сокрушительное поражение. Заменивший Дагисфея полководец Бесс восстановил власть императора в земле абазгов и в 551 г. захватил при помощи гуннов уже упоминавшуюся крепость Петра, имевшую громадное стратегическое значение. Примечательно, что во время штурма Бесс, несмотря на свой возраст и тучное тело, первым влез на крепостную стену, был сброшен оттуда врагами, отлежался в палатке, а затем вновь возглавил атаку и овладел городом. Персы храбро сражались, остатки их гарнизона заперлись в цитадели и погибли в огне. Римлянам достались громадные запасы продовольствия и оружия. К сожалению, вместо того чтобы закрепить успех, старый воин почил на славе и получал дивиденды от своей должности магистра армии. В результате армия оказалась разбросанной по многим крепостям и местам расквартирования. Как выяснилось вскоре, это было чрезвычайно легкомысленно.

Весной того же 551 г. персидский военачальник Мермероис опять пошел походом на Лазу, имея под рукой 12 тыс. воинов и шесть боевых слонов, еще 4 тыс. воинов ему прислали сабиры, воюющие на обе стороны. Узнав о приближении персидской армии, римляне бросились бежать, и только случайность избавила их от полного разгрома. Но затем Мермероиса ждало первое разочарование: он попытался с ходу овладеть крепостью Археополь, но натолкнулся на упорную оборону защитников. В какой-то момент они сделали удачную вылазку и ранили боевого слона персов, который смял ряды наступающих; контратака осажденных завершила разгром. Погибло около 4 тыс. персов, а римлянам достались четыре вражеских знамени, отосланные императору в качестве дара от армии. После этой неудачи Мермероис направился в Лазу и занял города Мухерезий, Кутаиси и крепость Ухимерий.

Пока шли военные действия, Хосров отправил в Константинополь посольство с предложением заключить новый мирный договор. Соглашение было возобновлено на условиях выплаты персам денег за защиту границ от кочевников, но вопрос о Лазике был обойден молчанием. Пользуясь этим, Хосров тут же после возвращения послов отдал часть полученных от св. Юстиниана средств Мермероису для продолжения войны. Персидский полководец еще раз попытался в 553 г. разгромить римлян на их территории, но вновь неудачно. Кроме того, его действиям очень мешал царь Губаз, оставшийся верным св. Юстиниану. В результате действия персов в стране абазгов окончились провалом, равно как и новая попытка захватить Археополь.

Озабоченный судьбой кавказских владений, св. Юстиниан прислал подкрепление во главе с Юстином, сыном своего племянника Германа. Но качество подготовки римских солдат и состояние боевого духа были крайне невысокими. Обманув римских военачальников ложными слухами, Мермероис удачным маневром поставил их в тяжелое положение, и римское войско бежало, едва не потерпев страшное поражение. Единственным утешением византийцам стало то, что осенью 554 г. Мермероис неожиданно заболел и скончался.

Его заменил знатный перс Нахораган. Но вместо того чтобы воспользоваться сменой командующего у врагов, римляне устроили интригу между собой, вследствие которой вначале был выслан из армии старый Бесс, а затем погиб от рук своих же товарищей Губаз. Взволновавшиеся лазы прекратили все отношения с Константинополем, и среди них пошла широкая агитация в пользу персов. По счастью, проримская партия и христианская вера оказались сильнее, и лазы обратились к св. Юстиниану с просьбой поставить им нового царя — брата покойного Губаза *Тцафия*. Император удовлетворил эту просьбу, сопроводив посольство в Лазик богатыми дарами и приказом провести расследование об убийстве бывшего Лазского царя.

Пока происходили эти события, персидский полководец Нахораган весной 555 г. вступил в Лазик, имея под рукой почти 60 тыс. воинов и множество боевых слонов. Ему противостоял командующий римской армией Мартин. Первые действия персов вновь закончились провалом — сабиры и римские войска предупредили попытку неожиданно напасть на них и разбили врага. В следующей схватке возле города Фазиды персы вновь потерпели поражение — погибло более 10 тыс. воинов, но в целом Нахораган сумел сохранить порядок в своей армии. Военные действия проходили уже с очевидным преимуществом римлян, которые снискали уважение среди местного населения справедливым правосудием над убийцами Губаза и своими победами. В развитие успеха

римские войска в 557 г. захватили сильную крепость Цахар, и война, по существу, завершилась. Вызванного в царскую резиденцию Нахорагана осудили и казнили: с него с живого сняли кожу.

В 557 г. было заключено новое перемирие сроком на 5 лет, и оба государя договорились признать свои владения по факту на момент заключения соглашения. В 558 г. отряд римских войск под главенством полководца Феодора вступил в земли цаннов и окончательно восстановил власть императора в этой земле.

Однако политический статус Лазики так и остался неопределенным на все время перемирия между двумя державами. В 561 г. на границе между Нисибинем и крепостью Дара съехались уполномоченные послы обеих сторон, высокопоставленные и опытные дипломаты. Стороны урегулировали почти все важные вопросы, включая подчиненность спорных территорий, суммы ежегодных выплат персам за охрану границы, международную торговлю и, очень важное условие для св. Юстиниана, *неприкосновенность христиан* и разрешение беспрепятственно отправлять свой культ. Подписав договор, византийский посол Петр отправился непосредственно к Хосрову, чтобы обсудить с тем вопрос о том, кому принадлежит Свания, граничащая с Лазикой. Собственно говоря, ответ на этот вопрос предопределял стратегическую судьбу самой Лазики и всего Кавказа. Персидский царь отказался уступить Сванию, но согласился на уступку Лазики византийцам. Таким образом, св. Юстиниан установил на длительное время ясные и четкие границы между двумя империями и обеспечил за собой *единоличное господство* над Черным морем.

Помимо войны с персами, большие тревоги св. Юстиниану начали доставлять северные границы, пролегающие по Дунаю. Особенно досаждали гунны, систематически разрушавшие приграничные укрепления и наносившие жестокие поражения местным гарнизонам. В 540 г., когда все внимание Константинополя было приковано к Западу и Персии, гунны совершили дерзкий налет на Иллирику, где взяли 32 укрепления и дошли почти до стен Константинополя. Второй волной они прошли в Грецию и в Херсонес Фракийский, также разоряя все на своем пути. Рассказывают, что общее число пленных римских мирных жителей достигало 120 тыс. человек.

Северная граница являла собой пеструю картину, а проживавшие близ нее народы всерьез угрожали безопасности Римской империи. Несмотря на запустение этих земель, император приказал восстановить старые укрепления и гордо уверял, что это — *римские земли*. Размах его пограничного строительства потрясает: всего, по расчетам специалистов, было восстановлено и реставрировано более 500 укрепленных

пунктов. И, надо сказать, это был очень своевременный шаг, учитывая опасных соседей.

Дикие племена герулов, жившие на территории Фракии, считались самыми грубыми из германских племен. И хотя их царь *Гретис* принял Крещение и его восприемником стал сам св. Юстиниан, все же среди них господствовало арианство. Неподалеку, в землях Прибрежной Дакии, жили другие роды гепидов, более цивилизованные и верно служившие императору. В частности, они принимали участие во всех его западных войнах. Признав власть Римского императора над собой, они традиционно сохранили определенную самостоятельность и свой общественный строй. В излучине Дуная и Тиссы издавна проживали гепиды, систематически воевавшие с Римской империей и *лангобардами* (в переводе с германского — «длиннобородые»). Поощряя последних, св. Юстиниан передал лангобардам некоторые римские земли для проживания, что еще более усилило вражду между ними и гепидами.

Еще после ухода остготов с Теодорихом Великим в Италию часть бывших римских территорий оказалась занята гепидами, не хотевшими теперь отдавать уже обжитую ими провинцию Вторая Пannonия. Но на нее претендовали и лангобарды. В 545 или 546 г. вражда между двумя германскими племенами достигла своего апогея и обе стороны обратились в Константинополь, чтобы император разрешил между ними территориальный спор и помог воинскими соединениями. Сохраняя добрые отношения с лангобардами, втайне надеясь за счет этой войны ослабить неусмных гепидов, св. Юстиниан послал их врагам на помощь 10 тыс. воинов под командованием полководцев Константианиана, Бузы и Аратия. Но военные действия велись вяло, и вскоре стороны заключили перемирие, как и следовало ожидать, недолговечное. Опасаясь, что св. Юстиниан и на этот раз окажет помощь лангобардам, гепиды обратились к гуннам-кутугурам, проживавшим в низовьях Дона, и те прибыли к ним с 12-тысячным войском. Но и римляне поспешили на помощь союзникам, хотя формально мирный договор Константинополя с гепидами не расторгался. Совместно византийцы и лангобарды нанесли гепидам тяжелое поражение.

Это были не единственные варвары, требовавшие пристального внимания. Ближайшими соседями гепидов являлись *славяне*, в начале VI в. прочно осевшие на берегах Дуная. Разбитые на множество племен, они не знали единой власти, часто воевали между собой, но иногда объединялись для совместных набегов на римские земли. Несколько ранее, в 530 г., римский полководец Хильбудий попытался совершить предупредительный поход против них, но потерпел поражение, и с тех пор Дунай стал открытым для славянских набегов. Император попы-

тался применить к славянам те формы взаимоотношений с варварами, которые уже были апробированы на германцах. В 545 г. он предложил им некоторые свободные земли на левом берегу Дуная при условии, что те примут на себя обязательства охранять имперские провинции от гуннов, но согласия достигнуто не было. Напротив, славяне совершили набег, который отразили герулы, освободившие множество пленных римлян. Но в 547 г. славяне повторили набег, на этот раз удачный, и разграбили Иллирику. В 549 г. набег был повторен, и вновь военное счастье улыбнулось им. Они взяли несколько городов, усеяв свой путь множеством трупов, и дошли до местечка, находившегося всего в 12 днях пути от Константинополя.

В 550 г. славяне вновь перешли Дунай и направились к Фессалонике. Получив известие о приближающихся имперских войсках, они сменили направление движения и ушли в Далмацию, где перезимовали, а затем, получив подкрепления, двинулись на Адрианополь, под стенами которого разбили римские войска. В последующие годы славяне не прекращали своих набегов, но обычно кооперировались для этих целей с гуннами.

Самое страшное гунно-славянское нашествие приходится на 559 г. Зима была очень морозной, и, воспользовавшись тем, что Дунай замерз, варвары перешли огромной массой на левый берег реки и прошли во Фракию и Македонию. Разграбив все по дороге, захватчики подошли почти к самому Константинополю. Все окрестное население спешило под защиту столичных стен, а царь приказал свозить из ближайших церквей драгоценности, чтобы ими не завладели варвары.

Спас положение, последний раз блеснув своим полководческим искусством, Велизарий, составивший из старых солдат и остатков своей личной дружины небольшой отряд, отразивший захватчиков. Те отошли, но, услышав, что на Дунай выходят римские суда, собираясь перекрыть им обратную дорогу домой, вступили в переговоры с императором о выкупе пленных, которых было великое множество. В конце концов выкуп был заплачен, и варвары ушли на север. И хотя политика св. Юстиниана, зачастую воевавшего с варварами *золотом*, а не оружием, встречала недовольство среди подданных и сановников, это была наиболее правильная стратегия в условиях войны сразу на несколько фронтов.

Тяготы царского служения и одиночество, остро чувствуемое после потери любимой жены, к тому времени совершенно измотали св. Юстиниана. Ему было далеко за 70 лет, и его работоспособность уже была далеко не та, что раньше. Современники замечали, что он часто оставался равнодушным при поступлении известий с театра военных действий,

все более и более находя себе отраду в диспутах с епископами и написании сочинений на богословские темы. Эта перемена в поведении царя (впрочем, нельзя сказать, что внезапная) вызвала к жизни новых претендентов на императорский титул. Многие сановники были недовольны св. Юстинианом и его политикой по отношению к варварам. В результате жизнь царя сильно осложнилась: мало того, что ему приходилось воевать на всех границах, решать внутренние вопросы, отдавать значительное время урегулированию отношений с Римом и монофизитами, так теперь опасность нависла над его жизнью.

В 559 и 560 гг. царя ждали сразу два заговора, раскрытые один за другим. В первом случае сановники-заговорщики распустили слух, будто царь умер, — очевидно, они надеялись посеять панику, а в идеале вообще поднять народ на бунт. Но сенат вовремя сориентировался в ситуации, и город был успокоен. Евгений, бывший префект города, видимо, желая отогнать от себя подозрения, ложно обвинил сановника Феодора в этих беспорядках, но в очередной раз потенциальный цареубийца был помилован. Хотя его имущество и было конфисковано, сам заговорщик остался невредимым, прибегнув к защите Церкви и спрятавшись в храме. Во втором случае замысел устранить царя принадлежал некоему Зимарху, куратору Плакидия. Но заговор был раскрыт, а обвинителями Зимарха выступили родственники царицы св. Феодоры — Георгий, куратор Марины, и Иоанн, бывший ипат.

Под конец жизни св. Юстиниана произошло еще несколько событий, значение которых будет понято позднее, — на историческую арену начали выходить новые народы, существенно изменившие политическую карту мира. В 558 г. многочисленное племя аваров обратилось к аланам с просьбой познакомить их с римлянами, то есть, буквально выражаясь, свести с Римским двором. Те согласились, и вскоре послы варваров прибыли в Константинополь с предложением назначить им ежегодный пенсioen в обмен на их союзничество. В принципе это предложение не несло больших выгод Византийской империи, а война с ними, в случае нападения варваров, едва ли была бы тяжелой. Но император был уже очень стар и решил добиться мира обычным путем, подарками и хитрой дипломатией отдалив опасность от римских границ.

Когда послы следовали по столице, на удивительных варваров выбежало поглядеть все население города, особенно византийцев поражали длинные волосы, заплетенные в косы и свисавшие у тех на плечи со всех сторон. Обсудив вопрос с сенатом, император согласился на мирные инициативы варваров. В 562 г. договор был продлен, и авары пошли на Запад, вторглись в Тюрингию и даже разгромили франков

в жестоком сражении. А в 563 г. в столицу прибыли послы *турок*, только что впервые потревоживших восточные границы Персии.

В 561 г., уже под конец жизни, императору было дано испытать еще одно покушение на свою жизнь. Двое сановников — Марцелл и Сергей — воспользовались служебным положением, чтобы попасть на императорский прием, и приказали своим слугам, стоявшим в проходе, убить царя. По счастливой случайности заговор был раскрыт, и Сергей показал на двух офицеров из свиты Велизария, якобы действовавших с ним заодно. Арестовали и тех — задержанные офицеры оклеветали Велизария, заявив, будто тот является организатором заговора. Старый полководец был искренне возмущен этим обвинением, но он все равно попал под судебное следствие, продолжавшееся почти 8 месяцев. В конце концов суд признал Велизария невиновным, ему возвратили имущество и прежний почет. Даже крайне тенденциозные авторы не верят, будто, как утверждают позднейшие историки, св. Юстиниан лишил полководца зрения и, конфисковав его имущество, низверг старика в нищету. Никаких оснований утверждать подобное не имеется — в действительности Велизарий благочестиво отдал Богу душу через несколько месяцев после окончания судебного разбирательства.

В 562 г. император отдал Вторую Паннонию аварам, но те, привыкшие к своим степям, отказались переселяться. И вскоре мир между римлянами и аварами сменила затяжная вражда, стоившая Империи многих беспокойных минут. Продолжали беспокоить персы, искавшие повода для новой войны. Все жизнь вынужденный воевать за Римскую империю, св. Юстиниан даже под конец жизни не имел покоя. Все же последним актом императора в земной жизни был мир. В 562 г. по поручению царя начальник придворной гвардии Петр выехал к Хосрову и после долгих переговоров подписал мир с Персией.

§13. Личность и итоги жизни святого императора

Жизнь любого человека, тем более поставленного Богом императором, подлежит оценке не только на Страшном суде, но и на земле. В отношении св. Юстиниана, чье царствование продолжалось почти 40 лет, это — более чем трудная задача. Слишком много событий мировой истории связано с его личностью, слишком разнородные и многочисленные силы противостояли ему, а круг вопросов, которые повседневно вынужден был решать император, поражает воображение.

Что можно сказать о святом царе? В описаниях тех исторических событий перед нами встает личность сильная, уверенная в себе, хотя и сомневающаяся, цельная, творческая и многогранная, удивительно последовательная и бесконечно терпеливая в реализации своих идеалов. Святой Юстиниан был зачастую на удивление незлопамятным человеком, и множество виновных лиц, совершавших государственные преступления, включая попытки дворцовых переворотов, остались не только не наказанными, но и получали впоследствии высокие назначения.

Это был способный администратор и управленец, умеющий найти опытных и верных помощников. При нем существенно изменилась правящая верхушка Римской империи. Будучи прагматичного склада ума, св. Юстиниан ценил в своих помощниках не умозрительные рассуждения, а *результат*. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вокруг него сплотились «новые люди», выдвинувшиеся исключительно *практическими талантами*. Замечательные способности Трибониана раскрылись исключительно благодаря св. Юстиниану, вовремя заметившего молодого юриста. С моральной точки зрения это были далеко не все, не всегда и не во всем безупречные люди, например Иоанн Каппадокиец, но взяточничество и стяжательство являются отличительной чертой не только византийской бюрократии. При св. Юстиниане появились и проявили себя в качестве талантливых полководцев многие военачальники: Сита, Велизарий, Догисфен, Нарзес, Герман, Патрикий, Юстин.

Его личные характеристики невероятно высоко оценивались современниками, увидевшими после многих веков отчаянной обороны от варваров и утраты территорий в Римской империи настоящее *Вселенское государство* и вершину человеческой культуры. Пожалуй, никогда ранее ни один Римский самодержец не получал такого восторга доверия со стороны варварских вождей и племен, тянувшихся к римской цивилизации и считавших за счастье быть ее союзниками и вассалами. И успех христианского миссионерства в эти десятилетия в значительной степени связан с именем св. Юстиниана.

Замечательно, что в летописях времен царствования св. Юстиниана Великого содержатся неоднократные упоминания того, как варварские вожди один за другим обращались с просьбой к императору стать их восприемником от святой купели. Так, уже в первый год самостоятельного царствования василевса к нему обратился царь герулов *Гретис*, принявший христианство, а вместе с ним его 12 родственников и все знатные лица племени. В этом же году царь боспорских гуннов *Гордас* сделался христианином и союзником императора. Вернувшись в свое племя,

варвар уничтожил всех языческих истуканов, которым поклонялись его соплеменники. И хотя вскоре те убили своего царя-христианина, но в конце концов на Боспоре воцарился мир и спокойствие.

Иверийский царь *Саманорс* также прибыл в Константинополь вместе с женой и вельможами и просил мира у императора, желая стать его верным союзником и другом. Аксумский царь *Адад* в 543 г. направил к св. Юстиниану послов, которые просили дать им епископа и клириков, чтобы те научили их христианской вере. Им был выделен благочестивый муж, 62-летний девственник, и вскоре вся страна аксумитов стала православной.

Вожди варварских племен обращались к царю как высшему третейскому судье, когда между ними происходили территориальные споры. У него же варвары *просили разрешения* поставиться на царство. Его дружбой гордились и дорожили, а военная помощь римлян оказывалась решающей силой, определявшей успех того или иного племени в варварских междоусобных баталиях. Очевидно, такие события были бы немыслимы без, во-первых, *доверия* варваров императору как главе Вселенской Империи, и, во-вторых, без высокой оценки его *личного* благочестия.

Иногда встречающиеся ссылки на коварство императора как его природные качества души можно опустить как бездоказательные и искусственные. Любая государственная политика содержит в себе известную степень *целесообразности*, а потому не всегда корреспондируется с нормами морали — в этом отношении святой царь не открыл ничего нового. Но он никогда не был «железным канцлером», для которого цель являлась *самодостаточным* фактором, и император никогда не собирался делать этот принцип в своей деятельности довлеющим.

Невероятно высоко оценивая статус царя, св. Юстиниан в жизни был скромным человеком, крайне шепетильным и строгим по отношению к себе в вопросах морали. Обстоятельства организации и проведения V Вселенского Собора показывают, что в навязанных царю условиях демонстрации папских амбиций и прямого предательства со стороны понтифика св. Юстиниан был на высоте положения. Он отразил атаки Рима на свои царственные prerogatives и в то же время не дал ни малейшего повода упрекнуть себя в жестком администрировании при проведении собственной религиозной политики. По сравнению с индифферентизмом Запада в отношении целостности Империи, полного пренебрежения судьбой многих восточных провинций и Поместных Церквей император показал себя государственным и защитником интересов Кафолической Церкви в несоизмеримо высшей степени, чем некоторые апостолики.

Один из исследователей назвал внешнюю политику св. Юстиниана «*блестящей*» по замыслу и результатам, и такая оценка является объективной и обоснованной. Как бы ни казались кому-то тщетными его надежды на реставрацию Римской империи в прежнем виде, но при отдельных неудачах успехи в этом отношении просто поразительны. В конце его царствования размеры территории государства выросли почти *вдвое*. Действительно, часть бывших римских территорий (Галлия, Испания, Западная Африка и даже Прованс) оказались недоступными. Но у варваров были отвоеваны Далмация, Италия, Восточная Африка, Юго-Восточная Испания и острова западного бассейна Средиземноморья: Сицилия, Корсика, Сардиния, Балеарские острова. Средиземное море вновь стало «*Римской лужей*». А император, как и древние цезари, именовался Африканским, Вandalьским, Алеманнским, Готским, Германским и Франкским царем.

Можно сколько угодно долго дискутировать на тему ошибочности имперской внешней политики св. Юстиниана. Но при этом нужно учитывать, что Римский государь жил и смотрел на мир глазами *своего* времени, мыслил *современными* ему категориями, зачастую уже просто недоступными для нас, и соблюдал тот нравственный закон, который жил в его груди. Вселенная вмещалась для него в рамках той территории, которую некогда его доблестные предки присоединили к Риму в оборонительных и наступательных войнах. Это была *территория цивилизации*, облагоустроенная римским правом и светом учения Христа. За ее пределами лежали другие, *дикие земли*, еще требующие своих святых сподвижников и должны влиться в состав Римской империи.

Впрочем, это было делом будущего. Но отдать *сейчас* мраку и безверию то, что ранее принадлежало Церкви-Империи, ни один разумный и полный силами император не мог *физически* — это было бы в их понимании актом *предательства* Христа, забвением своих обязанностей перед Богом и человечеством. Не только св. Юстиниан, но и другие Византийские цари, имевшие необходимый запас сил, неизменно вели войны за восстановление Римской цивилизации и защиты тех людей, которых некогда Рим взял под свою защиту и с кем делился своей величайшей культурой. Другое дело, что результаты внешней политики св. Юстиниана на фоне иных, более поздних попыток — беспрецедентны.

Оценивая военные походы императора, нельзя не отметить, что все враги, покоренные им и прекратившие свое существование как исторические персонажи, являлись *сильнейшими народами своего времени*. Почти не прекращавшаяся на протяжении всего царствования война с Персией также была не «загородной прогулкой». Персия и до

св. Юстиниана, и позднее была и оставалась могущественной державой. Достаточно сказать, что всего через 60 лет после смерти святого императора персы поставили под сомнение само существование Римской империи. Лишь с великим трудом Империя перехватила стратегическую инициативу, а потом сломила сопротивление многовекового врага. Безусловно, было бы нелепо ожидать, что при масштабных и многолетних военных действиях, происходящих в царствование св. Юстиниана, удача всегда будет сопутствовать византийцам. Но, как правило, побеждали они, наглядно демонстрируя старый римский принцип: Рим может проиграть сражение, но не проигрывает войн.

Зная, чьи руки потянутся к Италии после смерти св. Юстиниана, невольно возникает вопрос: а имели ли смысл военные предприятия на полуострове? Ведь вскоре Империя будет вынуждена отказаться от своих исконных территорий, а властителями их станут франки. Но следует учесть, что *объективно* разница между франками и остготами была большая. Остготы — правители Италии, являлись арианами, а *православная* страна жила по *римским* законам и сохранила свою национальную элиту. И совершенно невозможно предположение, будто конструкция того искусственного политического равновесия, которое выстраивал Теодорих Великий, имела перспективы в будущем. Рано или поздно должен был встать вопрос «или — или», и неизвестно, что случилось бы с Италией в случае торжества германцев.

В отличие от остготов, франки были православными. Как писал современник, «франки не номады, как многие из варваров, но в большинстве случаев пользуются римскими гражданскими законами, равным образом одинаково мыслят о договорах, браке и божественной службе. Все они христиане (то есть православные. — *А.В.*) и придерживаются вполне христианской веры. Праздники они совершают так же, как и мы, и для варварского племени они представляются очень благопристойными и культурными, ничем от нас не отличаясь, кроме варварской одежды и особенностей языка». Облагороженные Римской цивилизацией и христианством, они гораздо органичнее вписались в жизнь Италии, чем их предшественники, и переняли многие традиции Византийского двора.

Безусловно, затраты на бесконечные войны были колоссальными, но, с другой стороны, победы в них создали Империи особый престиж, авторитет и обеспечили ей ту *моральную силу*, которой во многом и живет государство. Помимо чисто военных приобретений, войны св. Юстиниана дали другие результаты, для древнего сознания не менее значимые. Так, окончательно было стерто арианство в лице своих носителей, и никогда более оно уже не могло подняться с земли хотя

бы на колени. Италия сбросила с себя варварское иго и вновь вернулась в лоно Римской цивилизации. Итог напряженных войн с Персией — полная религиозная терпимость персов по отношению к христианам. С военно-политической точки зрения, Римско-персидские войны отдали в руки Византии Лазику и отрезали Персии выход к морю.

Реставрируя Римскую империю, св. Юстиниан действовал на освобожденных территориях не как завоеватель, а как рачительный хозяин, деятельно восстанавливая старые культурные и хозяйственные связи, возникшие столетия назад во времена единой Римской империи. Особой заботой был окружен Боспор — старый культурный центр, служивший посредником между Империей и восточными странами. После крещения гуннов в Таврии власть императора на этой территории стала прочной. Такого же внимания со стороны Римского царя заслужил и Херсон, являвшийся перевалочным пунктом на пути торговли Востока с Константинополем. Святой Юстиниан заново отстроил его стены и усилил оборонительные укрепления. Примечательно, что жившие поблизости готы, сохранившие Православие, получили нового епископа из столицы и, обладая известной самостоятельностью, признали над собой власть Римского императора. Они поставляли в его войско свое ополчение и оберегали Херсон от набегов других варваров.

Святой Юстиниан был убежден (и в этом он оказался совершенно прав), что одним из столпов Римской империи в древние времена являлась активная и самостоятельная провинциальная организация, допускавшая широкую местную автономию. Поэтому он всячески стремился обеспечить необходимым административным аппаратом, позволявшим, с одной стороны, проводить единую государственную политику, а с другой — справедливость и защиту прав местного населения. Он без сожаления укрупнял провинции, если того требовали интересы населения и правосудия, вследствие чего в 535 и 536 гг. были объединены обе Каппадокии, Пафлогония и Онориада, Полемонийский Понт и Еленопонт.

Под руководством царя была восстановлена хозяйственная жизнь Северной Африки после освобождения от вандалов и отстроено 150 новых городов, а старые города, как, например, Карфаген, Адрумет, Капса, Капут-Вада, значительно расширены и обустроены. Хотя только под конец своего царствования, но св. Юстиниан сумел укротить Африку — римские войска под командованием племянника императора Маркиана подчинили мавров.

Творчеству и внимательной заботе императора обязано своим появлением чудо из чудес света — храм Св. Софии в Константинополе, созданный за 5 лет (!), по-прежнему не устающий поражать воображе-

ние величием своей архитектуры и внутренним убранством. Вообще, за годы царствования императора Константинополь невероятно преобразился и расцвел: на строительство и украшение столицы золото текло буквально рекой. Было построено множество великолепных храмов: Св. Апостолов, Св. Ирины, Архангела Михаила, храм Богородицы «У источника», апостолов Петра и Павла, Свв. Сергия и Вакха, Св. мученицы Феодоры и множества других. «Непрекращающееся с тех пор строительство отовсюду стягивало в столицу таланты и возбуждало творчество. С этих пор Византия стала на целый ряд веков царицей искусства и из нее исходили лучи, будившие дремавшие еще инстинкты варварского и варваризованного Запада».

Святому царю Римская империя обязана широкой благотворительной деятельностью. Василевс построил новую богадельню в Бостре и восстановил богадельни в городе Курике и в Апамии. Для удобства путешествующих он устроил странноприимные дома, бани и церкви. Многие из них использовались одновременно как дома для престарелых и больницы. Например, в Иерусалиме существовало два таких заведения и одно в Антиохии. В самом Константинополе был построен по совету св. Саввы большой странноприимный дом на 200 человек, на нужды которого василевс ежегодно выделял 1850 солидов. Больницы в Пифии и Вифинии, известные своими горячими источниками, были расширены и реконструированы. На берегу Черного моря царь открыл лепрозорий. Много учреждений было создано для бездомных детей и детей-сирот. Причем многие из них существовали на личные средства императора.

Ревнитель благочестия, василевс проявлял редкую заботу о римских пленных воинах, разрешая употреблять на их выкуп даже церковную утварь, которую в иных ситуациях категорически запрещал пускать в торговый оборот. В 7-й новелле содержатся следующие строки: «Наказанию должен быть подвергнут всякий, кто, в нарушение нашего закона, закладывает, продает или меняет церковные сосуды, ибо мы полагаем, что тот, кто осмелится совершать столь неблагочестивые поступки в отношении церковной утвари, посвященной Богу, должен понести наказание. Исключение может быть сделано для названного нами случая выкупа пленных, когда человеческие души могут быть спасены от смерти и цепей путем продажи неодоушевленных сосудов».

Император прилагал титанические усилия для обеспечения женской чести и ликвидации проституции — по крайней мере, принудительной. В 17-й новелле от 535 г. он запретил предоставлять церковное убежище прелюбодеям, насильникам и торговцам проститутками. Большую помощь в этой деятельности св. Юстиниану оказывала его святая супруга

императрица Феодора. В один момент она выкупила всех столичных проституток у содержателей притона, обеспечила несчастных женщин средствами к существованию и работой. Для них они организовали специальный женский монастырь «Метаноя» («Раскаяние») на берегу Черного моря, куда могли попасть только раскаявшиеся проститутки. Как говорят, там пребывало до 500 сестер.

Святой Юстиниан прославил свое имя не только как великий законодатель и богослов, военный стратег и политик, но и как реформатор. Он уделил самое серьезное внимание оптимизации государственного управления и борьбе с пороками, всегда в той или иной степени присущими государственному аппарату: продажа должностей, беззаконие, взяточничество. Вообще следует сказать, что вопросам государственного управления посвящено огромное количество новелл св. Юстиниана. Так, в 8-й новелле от 1 мая 535 г. царь откровенно описывает беды, которым подвергаются его подданные, а затем дает указание префекту претория, на чье имя, собственно говоря, и «выписана» новелла, воспретить на будущее два вида оплаты административных должностей, существовавших ранее, — обычай и суффрагий. Теперь все чиновники получали четко установленную таксу, а другие вознаграждения запрещались. В этой же новелле император установил, что чиновниками могут быть только *православные* (т.е. халкидониты), и обязал их перед вступлением в должность давать клятву, в которой те обязуются под страхом Страшного суда по совести служить государю и государыне.

«Как не воровать без всякой опасности для себя, — горестно восклицает император, — или как не грабить безответственно, когда смотришь на власти и видишь, что все у них променивается на деньги, и раз выносишь убеждение, что за любое преступление можно откупиться серебром! Отсюда проистекают убийства и прелюбодеяния, набеги и хищения, увод женщин и смуты в собраниях, пренебрежение законом и властями, так как и у всех сложилось мнение, что власти выставлены на продажи, точно жалкие рабы». Спросим откровенно: многие ли правители так искренне и с такой болью в душе раскрывали перед всем народом общественные язвы? Но св. Юстиниан не только восклицал: понимая, насколько эта практика пагубна для государства, он предпринимал многочисленные усилия для борьбы с казнокрадством и беззаконием чиновничества.

Но, увы, он встретил жесткую фронду. Как верно замечают, поражает факт написания императором многочисленных указаний своим чиновникам по одним и тем же поводам. Догадка о том, что его распоряжения часто просто *не исполнялись*, подтверждается самим св. Юстинианом, который в 545, 553 и 556 гг. в своих новеллах указывает на проворовав-

шихся администраторов, бесстыдно бойкотирующих царские указания, и обращает внимание на крайнее нерадение многих должностных лиц, не спешащих прибыть в провинции на свое место работы. Высшие и низшие чины как до св. Юстиниана, так и позднее неизменно воровали и повсеместно брали взятки, и сам император ничего не мог с ними сделать. Для усмирения казнокрадов и взяточников он вводил один вид контроля над другим, обязывая даже местных епископов следить за государственными чиновниками, но в целом успеха не достиг.

Изменился порядок управления провинциями, а также расширились полномочия чиновников. Своими новеллами царь определил области, где отменялось старое разделение между военной и гражданской властью и все бразды правления сосредоточил в руках одного лица: Писидия (24-я новелла), Ликаония (25-я новелла), Геленопонт (28-я новелла), Каппадокия (30-я новелла), Пафлогония (29-я новелла), Фракия — Европа (26-я новелла). Эти правители получали титул *претора*, а иногда и консула, и, помимо общих указаний об их компетенции, император каждому из них дал детальные инструкции, направленные на улучшение быта граждан этих провинций. Особое внимание царь обязывал уделять состоянию дорог, мостов, водопроводов и крепостных стен.

Понимая тем не менее всю тяжесть римской администрации, св. Юстиниан предусмотрел создание (вернее, *восстановление*, поскольку этот институт существовал и ранее, но затем пришел в забвение) на местах специального органа *defensor civitatis*. На эту должность избирались лица местных сообществ, и *defensor* имел право *непосредственно* обращаться к самым высшим чинам Римской империи, если того требовали обстоятельства дела. В 535 г. император издал даже специальный закон о дефензорах (15-я новелла) и распространил этот институт на все провинции.

Все же, к сожалению, его административная реформа в целом хотя и продемонстрировала фонтан всевозможных идей, но в итоге не реализовалась полностью. Величайшая занятость царя, постоянные военные хлопоты, дела Церкви, природные катаклизмы, бунты ипподромных партий и внешние набеги варваров постоянно отвлекали его на более неотложные дела.

Серьезное влияние царя испытала на себе финансовая политика государства и торговля. 30 апреля 531 г. на пост префекта претория был назначен Иоанн Каппадокиец, длительное время служивший мелким чиновником в ведомстве магистра армии, а затем сумевший добиться доверия царя. Это был один из самых близких ему людей. Его целеустремленная политика в деле взимания налогов и устранения любых

субъективных препятствий дала государству невиданный прирост налоговых поступлений и... отставку самого Иоанна, который ополчил против себя всех. Но в 532 г. император, остро нуждавшийся в средствах, вновь предоставил ему этот пост. И до второй своей отставки Иоанн преданно служил интересам государства, хотя сам не был чужд казнокрадству.

Презирая откупщиков налогов, св. Юстиниан тем не менее не решился отменить данный институт. Главное заключалось в том, что он обязал правителей провинций взыскивать налоги полностью под угрозой *отрешения правителей от должности*. Но и после отставки к такому правителю мог быть предъявлен иск, ответчиками по которому становились даже его наследники. Мысль в данном случае проста и понятна — не желая допускать всевозможных договоренностей и поблажек, которые местные правители зачастую оказывали определенным знатым лицам за вознаграждения, он заставил чиновников помнить о долге перед государством.

Для пополнения казны и устранения спекуляций при продаже хлеба в Константинополе св. Юстиниан *монополизировал* этот вид торговли, наделив полномочиями префекта города, которому предоставлялось право самостоятельно устанавливать цену на него, исходя из конкретных обстоятельств. В скором времени такая же государственная монополия была введена и на товары первой необходимости. По-видимому, это была эффективная мера, она касалась только строго определенных видов товаров и имела свой «потолок» цен. В отношении частных лиц никакая монополия не допускалась.

Но в некоторых случаях император был довольно непоследователен. Ненавидя продажу должностей, он *по факту* разрешал ее, если такой источник мог дать казне реальные средства. Так же несколько опрометчиво он отдал на откуп частным лицам взыскание таможенных сборов — основной источник дохода Константинополя с давних пор. Стабилизации финансов очень препятствовала война и, конечно, землетрясения и чума.

Святой Юстиниан очень заботился об имущественном состоянии средних слоев населения, видя в них основу государства. В 17-й новелле, изданной на имя Трибониана, устанавливаются полномочия правителей провинций, которым вменялось в обязанности следить за правопорядком и не допускать, чтобы богатые землевладельцы захватывали земли бедных крестьян или уводили колонов.

Среди ежедневных поисков финансов случались иногда и неожиданные удачи, как, например, распознавание секрета шелка и сосредоточение всего производства этой ткани, ранее находившейся в руках финикийцев, у римлян. Торговля шелком дала казне очень серьезный доход.

Жизнь св. Юстиниана была обильна не только войнами и религиозными волнениями, но и уличными столкновениями ипподромных партий. В 547 г., 11 мая, в день Святой Троицы, произошло побоище между венетами и прасинами, которых царю пришлось разгонять экскувитами и меченосцами. В 549 г. ипподромные партии вновь схлестнулись в кровавой схватке, в результате которой отдельные предместья Константинополя охватил пожар. В 550 г. кровавые ристания опять имели место. За два года до смерти царя очередной бунт ипподромных партий был подавлен Юстином, предавшим виновных лиц публичному позору.

Особенно донимали природные катаклизмы, значительно опустошившие казну. В 536 г. землетрясение разрушило город Помпейополь Мезийский, и половина строений вместе с жителями ушла под землю. Тогда же царь выделил много денег из личных средств на организацию раскопок, спасение жителей и их благоустройство. В 544 г. землетрясение разрушило почти полностью город Кизик. В следующем году прилив воды до 4 км (!) покрыл побережье Фракии, вследствие чего погибло множество людей. А в 546 г. землетрясение в очередной раз сильно разрушило Константинополь. В 548 г., за несколько месяцев до кончины святой государыни, опять было большое землетрясение и сильные дожди, уничтожившие урожай. В 551 г., 9 июля, сильнейшее землетрясение накрыло целые области Палестины, Аравии, Месопотамии, Сирии, Финикии. Море ушло от берега на 1 км, а в городах Тире, Сидоне, Берите, Триполе и Библосе погибло множество людей. Как и прежде, царь вновь проявил щедрость и человеколюбие и дал средств из личных запасов на помощь пострадавшим. Эти печальные события можно перечислять долго: почти каждый год та или иная восточная провинция Империи страдала от страшных землетрясений, ливней и других природных явлений.

Неверно было бы умалчивать о том, что великие дела св. Юстиниана нередко имели и обратную сторону. Борьба с монофизитами, объективно неизбежная, вела все же к постепенному *обособлению* Египта и Сирии и развитию сепаратистских настроений. Большое напряжение податных сил населения также подрывало экономику Римской империи и не способствовало благодушному отношению граждан к верховной власти — впрочем, это обязательное следствие любой войны, даже победоносной. Когда царствование св. Юстиниана естественным образом завершилось, оценка императора была двойственной. Им восхищались, но его преемника население нередко встречало словами: «Сжался над нами, иначе мы погибнем; облегчи нашу нищету!»

Конечно, далеко не все мероприятия св. Юстиниана дали немедленные и эффективные результаты, но вот вопрос: можно ли было рассчи-

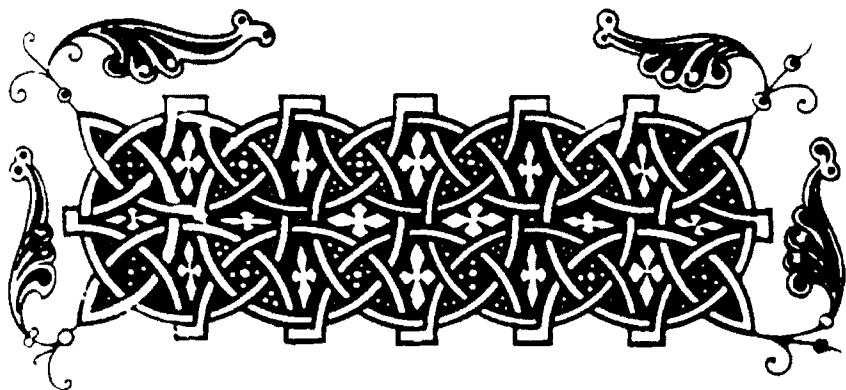
тивать на большие успехи? Император боролся с внешними врагами, недостатками государственного управления и расколом Церкви и сделал все, что мог. При всех ошибках его царствования в Египте и в Италии с неизменным восхищением говорили о превосходных мерах, которые помогли восстановить порядок в этих странах. Вокруг его имени народное воображение соткало целый цикл живописных и чудесных рассказов. Сразу же после смерти его называли «*Великим*», а затем в течение многих веков его имя неизменно оставалось символом Римской империи. Век спустя Римский папа *св. Агафон* (678—681) свидетельствовал о святом императоре следующее: «Блаженной памяти Юстиниан Август — ревнитель истинной Апостольской веры; правота его веры была столь же угодна Богу за свое чистое исповедание, сколько и за то, что возбуждала христианское царство, поэтому у всех народов почитается достойным уважением благочестивая память того, правая вера которого хвалится во всем мире за его святейшие постановления».

Другой папа — *св. Аганит* (535—536) — восторженно писал святому императору: «Мы благодарим тебя, о достойнейший император, за твое горячее усердие в Кафолической вере, за то, что, живя в страхе Божиим, ты ежедневно являешь столь преданную решимость сохранить и укрепить мир Церквей; за твое горячее желание, чтобы всем христианским народам была проповедана одна и та же вера, твердо охраняемая и неизменная».

Отцы VI Вселенского Собора величали его исключительно в величественных эпитетах: «Святой почивший», «благочестиво скончавший дни свои», «благочестивейший государь», «пребывающий среди святых». Епископ Медиоланский в письме к императору Константину IV восхвалял *св. Юстиниана* за его православные убеждения и труды на благо Церкви. А при Константинопольском патриархе *Иоанне* (1111—1134) впервые был установлен день памяти *св. Юстиниана* — 2 августа. Позднее память святого царя стала праздноваться четыре раза в году — 2 августа и 14, 15, 16 ноября.

Хотя император был уже глубоким стариком и физически не мог править государством, до последнего дня он не выпускал из рук бразды правления Римской империей. Иногда с огорчением, а зачастую с благодарственной молитвой Богу взирал он на плоды своего царствования. Император уже не имел сил исправить свои ошибки, а плоды его деятельности пожинали другие императоры Римской империи.

14 ноября 565 г. святой и благочестивый император Юстиниан Великий скончался. Его тело было похоронено в храме Святых Апостолов, а в 1204 г., когда вандалы-крестоносцы разрушили его гробницу, всем были явлены нетленные мощи *святого царя*.

Глава 8. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ МАВРИКИЙ (582—602)

§1. Путь к царству

Весной 582 г. завершалось царствование императора *Тиберия II* (574—582), одного из наиболее выдающихся самодержцев Византии. Чувствуя свою кончину, царь вызвал к себе полководца св. Маврикия и обвенчал его со своей дочерью *Константиной*, а 5 августа объявил его соправителем и венчал на царство. Рассказывают, что незадолго перед этим, уже подумывая о преемнике, Тиберий видел чудесный сон, будто перед ним предстал Ангел в сиянии божественной красоты. На нем было белоснежное одеяние, осиявшее лучами света все помещение.

Простерши руку к императору, он торжественно произнес: «Вот что, Тиберий, возвещает тебе Пресвятая Троица: времена тирании и безбожия не вернутся в твоё царство». Царь пришел к тому выводу, что этим знамением Господь показал Свое одобрение его предварительного выбора нового императора и окончательно утвердился в своем решении передать власть св. Маврикию. Коронация, ввиду плохого самочувствия Тиберия, была скоротечной, но оттого не менее трогательной по содержанию.

Император приказал вынести себя под открытое небо. Призвав патриарха, высших духовных лиц, всех преторианцев, сановников и виднейших граждан, он поручил глашатаю прочитать свою речь, которую по слабости здоровья сам произнести не мог.

«Римляне! — сказал царь. — Последние великие муки забот стоят ныне предо мной. Одни из них заставляют меня оставить все в надлежащем порядке, другие смущают меня ввиду перемены в моем существовании и побуждают дать ответ Творцу мира за все совершенное в этой жизни. И сейчас повергает меня в страх прежняя моя беспечность и суесловие: ведь за тем, кто наделен обилием власти, естественно следуют и большие прегрешения. Но больше заботит меня, первенствуя над всеми, вопрос о государстве, не о том, на чьи плечи возложить поскорее эту тяжесть, но кто лучше всего может справиться с этой обязанностью, так как и мне она была вручена не для пышности и роскоши жизни моей и потакания телу. Вместе с высоким моим положением заботят меня и мои семейные обязанности. Государство, жена и дети равно предъявляют ко мне требования: государство желает иметь мудрого руководителя, жена — надлежащего и богобоязненного опекуна в ее вдовстве, дочери — тех, кто, взяв их за руку, провел бы через незрелую юность их и слабость женской природы.

Но под влиянием болезни не раз забывал я о естественных склонностях и избегал, как освободившийся раб, цепей законов природы. Не раз оставлял я без внимания детей и свою жену, уже собираясь умирать и тем освободиться от этих забот. И все же неумолимые думы о державе овладели мной: ведь дело шло не только о том, чтобы сохранить доверенную мне власть, но и передать это наследие, как должно, в руки других. Ведь необходимо, чтобы последующие владыки были лучше своих предшественников, чтобы они могли внести исправление в то, что совершено неправильного теми, кто правил раньше их; иначе же, говоря немногословно, уничтожится вся государственная власть, так как слабо будет основание Империи.

Когда ум мой терзали эти сомнения, мудрая созидательница всего — прозорливость — облегчила мои мучения и указала мне в качестве будущего императора, который после меня приступит к кормилу этой власти, Маврикия. Он будет наиболее полезен для Империи; во имя блага нашей державы он взял уже на себя многие труды, как бы некий вперед уже возложенный задаток попечения о благе своих подданных. Отныне его вы увидите императором. И настолько я уверен в нем, давая ему столь важное поручение, что вместе с царским престолом я доверяю ему и свою дочь. Подкрепив перед вами таким залогом свои слова, я унесу это утешение в долгий путь моего нового переселения. Вы для меня самые надежные свидетели этого прекрасного союза; с того времени как я стал вашим вождем, вы сами испытывали его в высшей степени разумное мне содействие.

Ты же, Маврикий, свое правление сделай прекраснейшей для меня эпитафией. Укрась мою могилу своими доблестями; не пристыди на-

дежд тех, которые верят в тебя, не преуменьшай своих заслуг и не унижай благородства своей души. Держи в узде разума произвол своей власти, с помощью философии, как рулем, управляй кораблем своей Империи.

Высокое и возвышенное дело — императорская власть; обладающему ею она дает возможность сильно выдаваться и делаться гордым в мыслях своих. Бойся думать, что ты превосходишь всех умом, если судьбой и счастьем ты поставлен выше всех. Стремись заслужить не страх, а расположение у своих подданных, лстивым речам предпочитай упреки: они лучшие наставники жизни; императорская власть не любит наставлений и не хочет принимать руководства над собой. Пусть перед твоими глазами вечно находится справедливость, которая по поступкам нашим воздаст нам вечный дар. Будучи любителем мудрости, считай, что эта порфира — дешевая тряпка, которой ты обернут, а драгоценные камни твоего венца ничем не отличаются от камешков, лежащих на берегу моря.

Мрачен цвет пурпура, и, мне кажется, царям нужно взять за правило быть сдержанным при благополучии, а не сходить с ума от радости, не предаваясь гордости из-за этого злосчастного царского одеяния; ведь императорский скипетр говорит не о праве на полную свободу действий, но о праве жить в блестящем рабстве. Пусть кротость управляет твоим гневом, а страх — благоразумием.

Когда речь императора закончилась, слезы полились у присутствовавших византийцев. А царь, взяв венец, возложил его на голову св. Маврикия. На следующий день, 14 августа 582 г., император Тиберий скончался. Прах его, по обыкновению, был погребен в храме Святых Апостолов. Когда его тело вынесли из дворца, по Константинополю, словно волны моря, прошли плач и стенания. Взрослые люди плакали навзрыд, рвали на себе светлые одежды и надевали траур. Толпа потекла к царскому дворцу, и охрана едва удерживала ее, с трудом обеспечив доступ туда только знатнейшим гражданам. Весь народ сопровождал тело императора к месту захоронения, печально звучали псалмы, лились славословия. Когда тело царя было предано земле, все устремились к св. Маврикию, желая стать *живым щитом* нового императора и огородив того от любой опасности, исполнить последнюю волю Тиберия.

Почему же выбор покойного императора пал именно на св. Маврикия? Что представлял собой этот избранник Небес? Кратко расскажем о нем. Новый царь происходил из знатного каппадокийского рода, являлся этническим армянином и родился в 539 г. в городе Арасвиссе. Среди императоров Византии уже встречались исавры, фракийцы, испанцы. Но желание подчеркнуть преемственность власти Римских

самодержцев среди современников св. Маврикия была такова, что его родословную произвели из старинного *латинского* рода, что конечно же не соответствовало действительности.

Еще в юности, будучи обеспеченным молодым человеком, начав придворную карьеру, св. Маврикий отличался спокойствием, исполнительностью, полным отсутствием высокомерия и гордыни, умением сочетать авторитет начальника с ласковым словом «отца солдат». Это был, как отмечает летописец, муж благоразумный, проникательный, во всем добросовестный и твердый. Святой Маврикий отличался постоянством и строгостью нрава, не злоупотреблял пищей, принимая только необходимое количество самой простой еды. Он мало обращал внимание на сплетни и вообще и являлся человеком довольно замкнутым. *Прирожденный военный* и лично очень храбрый человек, царь сделал риск нормой жизни, не терял при этом чувства осторожности.

Задолго до воцарения св. Маврикия случались видения, свидетельствующие о том, что этому человеку выпал высший жребий. Так, однажды ночью, когда будущий царь воскурял фимиам в святилище церкви Пресвятой Богородицы в Антиохии, завеса, отделявшая алтарь от остального храма, предстала перед ним как бы охваченная пламенем. Находившийся рядом Антиохийский патриарх *Григорий* (570—593) сказал, что это — божественное знамение, и оно свидетельствует о чем-то величественном и выдающемся. В другой раз ему наяву явился Спаситель, потребовавший от него защиты Церкви. Отец св. Маврикия вспоминал, что в пору зачатия сына видел во сне огромную виноградную лозу, выросшую из его ложа, с которой свешивалось множество гроздьев. А мать утверждала, что при рождении св. Маврикия земля источала невиданное благоухание. Благовествовал св. Маврикию и св. Симеон Столпник Младший Дивногорец (память 24 мая).

И жизнь святого царя свидетельствует о том, что он в действительности являлся любимцем Бога. Вот как описывает императора один из древних летописцев: «Только ради одного Маврикия богочестие и счастье вступили в такой тесный союз друг с другом, что богочестие тормозило колесо Фортуны и не позволяло ему опуститься вниз. Впрочем, он уже был готов облечь пурпуром и венцом не только свое тело, но и душу.

Ведь он единственный из недавних царей стал царствовать над самим собой и, будучи подлинным самодержцем, изгнал из души своей охлократию страстей, утвердив в своих мыслях аристократию; он являл собой живую картину добродетели, уча подданных подражать ему. Я рассказал это не ради лести, — продолжает повествователь, — разве с таким намерением это было сказано? Ведь он не знает о том, что я на-

писал. Однако в истинности этого убеждают и то, что было даровано ему от Бога, и самые происшедшие с ним события, которые мы также единодушно должны приписать Богу».

В довершение всего царь строго придерживался православного обряда и являлся безусловным приверженцем Халкидона. За время своего 20-летнего правления он достроил храм в честь 40 мучеников, начатый еще при императоре Тиберии. А в городе Тарсе соорудил храм Св. апостола Павла. Другие родственники царя также активно выделяли средства для строительства церквей и монастырей. Вместе с тем у василевса встречали и качества, не украшавшие его. Будучи чрезвычайно бережливым в средствах, он щедро изливал золотой дождь на ближних родственников, иногда совсем не зная меры. В конце концов эта черта сыграет свою трагическую роль в судьбе св. Маврикия.

В 577 г. император Тиберий II назначил его, совсем еще молодого человека, командующим армией на персидском фронте. Это был довольно рискованный выбор, поскольку новый военачальник не имел боевого опыта. Вместе с тем, как человек, привыкший все делать обстоятельно, св. Маврикий быстро восстановил в римской армии дисциплину и даже возобновил старое правило ежедневно разбивать и окапывать военный лагерь.

Вынужденно остановившись в Кесарии Каппадокийской, чтобы пополнить войска подходящими подкреплениями, св. Маврикий не смог воспрепятствовать набегу персов на римские земли, которые в течение 15 дней разорял все вокруг и предавал огню монастыри и храмы. Но собрав силы, св. Маврикий прошел в персидскую область Арзанена, где проживало в основном христианское население. Не желая причинять вреда жителям, полководец предложил им в течение трех дней переехать в пределы Византии. Желавших набралось почти 10 тыс. человек — всех их св. Маврикий переселил вместе с имуществом и скотом на остров Кипр, после чего предал страну огню и мечу. Хотя сам полководец во время похода заболел, его действия были успешны: св. Маврикий захватил сильную крепость Афум и с богатой добычей перебрался в область Нисибина. Оттуда его легкоконные отряды продолжали беспокоить персов. Так завершилась военная кампания 578 г.

Дело склонялось к мирному договору, но в феврале 579 г. на персидском троне появился новый царь *Хормизд III* (579—590). Гордый и заносчивый, он использовал любые поводы для того, чтобы развязать новую войну с Византией. Задерживая мирные переговоры с Константинополем, он тем временем усиленно снаряжал новую армию и восстанавливал укрепления в областях, где недавно победоносно воевал св. Маврикий. В беседах с послами, которых наконец-то допустили к нему во дворец,

Хормизд категорически отказывался отдать римлянам спорную крепость Дара, напоминая, что она была захвачена его отцом.

«Я мог бы, — сказал Персидский царь, — отдать бы ее обратно, но это было нарушением памяти отца. Кроме того, — высокомерно заявлял он, — мне ли бояться римлян, которые не могут похвастаться победами. Нет, они обязаны платить дань, как и ранее, и радоваться, что персы дают им возможность существовать». Кроме того, в нарушение всех дипломатических традиций римских послов держали в плохом помещении и вообще относились к ним как к пленникам. Но в этом году военных действий так и не произошло — стороны все еще готовились к войне.

Весной 580 г. св. Маврикий первым начал кампанию, направив через реку Тигр легкую конницу под командованием полководцев Романа, Теодориха и Мартина, а сам осадил крепость Хломар. Правда, серьезных военных столкновений не случилось. В 581 г. св. Маврикий возобновил операции, вновь привлекая на свою сторону арабов и собираясь через пустыню проникнуть в глубь Персии. Но вождь арабов выдал римские планы врагу, вследствие чего кампания не удалась. Святой Маврикий вернулся в Месопотамию, по дороге получив известие о том, что, пользуясь его отсутствием, персы вторглись в римские пределы. Бросив обозы, он спешным маршем двинулся наперерез врагам, но, к сожалению, не успел. Тем не менее действия персов утратили былую легкость. Они убедились, что в лице св. Маврикия им встретился достойный противник, способный наказать их за малейший промах в военной стратегии.

В 582 г. император Тиберий предпринял еще одну попытку заключить мирный договор. Пока шли переговоры, обе враждебные армии стояли друг напротив друга у крепости Дара. Полагая, что переговоры не принесут результата, персидский вождь Тамхосров начал наступление. Но на беду персов, он же и пал в первые минуты боя, убитый римским воином Константином, прорвавшимся к нему и поразившим того копьем. Герой заплатил за это своей жизнью: телохранители Тамхосрова изрубили его в куски, но враги были деморализованы. Вскоре персидское войско перестало сопротивляться и побежало. Это сражение еще более подняло авторитет св. Маврикия, которого император срочно вызвал в Константинополь и наградил триумфом.

§2. Начало нового царствования

Получив власть, первым делом император вызвал в столицу своего отца Павла, мать, родного брата Петра и обеих сестер — Гордию и Феоктисту. Отец и брат получили сан патрициев, причем отец стал первым

членом сената. Не оказался обделенным и брат: ему было даровано большое имение. Зять императора Филиппик занял пост комита экскувитов и также получил в собственность великолепный дворец, равно как и сестра царя. Двоюродный брат императора св. Маврикия Домициан, бывший епископом города Мелитены в Армении, стал влиятельным лицом при дворе, и его советы по делам вероисповедания царь считал самыми дельными.

Родной город императора получил щедрое вспомоществование из государственной казны. Император направил на родину художников и архитекторов, богато украсил главный храм города, заказал множество золотых и серебряных сосудов и устроил киворий с драгоценными шелковыми покрывалами, аналогичные тем, какие находились в храме Св. Софии в Константинополе. Были заново отстроены и стены города. И хотя на следующий же год землетрясение буквально стерло Арасвисс с лица земли, царь удвоил субсидии и все восстановил вновь.

Конечно, такое расточительство, помноженное на текущие трудности казны, вызвало некоторое неудовольствие в народе. Ведь в остальном император сэкономил буквально на всем, включая армию, а также отменил многие традиционные торжества и увеселительные мероприятия. Взойдя на трон, он не установил, как его предшественники, льгот по налогам и не простил недоимок в бюджет. И единственное крупное мероприятие, ознаменовавшее начало нового царства, заключалось в строительстве нового водопровода в столице. Нет ничего удивительного, что уже вскоре св. Маврикия стали называть «скупцом».

После положенного траура по покойному императору св. Маврикий пышно отпраздновал свое бракосочетание, венчал новобрачных патриарх Константинопольский *св. Иоанн Постник* (585—595), здесь же присутствовали отец и мать императора. Церемония прошла в замечательном дворце, носящем название «Августея». Все высшие сановники Римской империи собрались здесь в парадных одеждах и пели гимны молодым. Молодая царица под рукоплескания вышла навстречу супругу в замечательных одеждах, украшенных драгоценными камнями.

Под восторженные крики толпы царь и царица выпили вино из одного кубка. Во всех домах по приказу царя происходили пиры, оплаченные за его счет. Вся столица в течение 7 дней справляла царский праздник и украшалась. «Везде была роскошь золотых украшений — вещей, которые прежде были спрятаны по домам. Для каждого желающего услаждать свои взоры были зрелища». Это событие имело чрезвычайный для константинопольцев характер, поскольку со времен императора св. Феодосия II Младшего, то есть больше 160 лет, столица не видела царских свадеб. Император на этот раз явил неслыханную

щедлость, поэтому склонный к перемене настроений народ благословлял его и прославлял.

26 сентября 585 г. у царственной четы родился наследник. Это яркое событие, неизменно придающее стабильность политике любой царственной фамилии, тем более было приятно византийцам, что со времен императора Аркадия Римская империя не знала полноценных наследников престола. Вспомнив на радостях об этом историческом факте, счастливый отец назвал своего сына *Феодосием* в честь императора св. Феодосия II Младшего. Его радость разделял и простой народ, среди которого упорно ходили слухи о том, что вокруг императора зреет заговор недовольных его правлением лиц. Когда весть о рождении наследника разнеслась по городу, народ собрался на ипподроме и оттуда радостно приветствовал императора криками: «На счастье Бог дал тебе сына! Ты нас освободил от рабства многих!»

Желая продолжить династию и упрочить свое царство, 26 марта 590 г., в день Пасхи, император венчал как соимператора своего трехлетнего сына, имя которого как царя, однако ж, в официальных актах не упоминалось. Вслед за рождением первенца царственная чета имела скорое счастье получить второго ребенка. Вообще, брак св. Маврикия и Константины был чрезвычайно плодovit, причем император проявил себя добрым, нежным и заботливым отцом. У них родилось 6 сыновей: Феодосий, Тиберий, Петр, Павел, Юстин и Юстиниан, и 4 дочери. Царевны Анастасия, Феоктиста, Клеопатра жили с родителями, а еще об одной дочери императора — *преподобной Сосипатре* — речь пойдет в другом месте.

Когда царевичу Феодосию исполнилось 16 лет (602 г.), император женил его на знатной девушке, дочери патриция Германа, и это событие также было радостно отмечено народом. Венчал молодых Константинопольский патриарх *Кириак* (595—606).

Вечная проблема противостояния монофизитов Кафолической Церкви, доставшаяся ему по наследству, не могла не волновать св. Маврикия. В это время Александрийская и Антиохийская патриархии лишь номинально могли считаться халкидонскими, поскольку *параллельно* официальной церковной иерархии там разрастался и укреплялся монофизитский клир. Хотя раздор среди самих монофизитов продолжался, и это даже привело к тому, что некоторые их общины вступали в евхаристическое единство с официальной Церковью, деятельность халкидонитов на этих территориях не имела большого успеха.

Оставаясь верным внутренней политике своих предшественников, св. Маврикий не стремился к административному давлению на монофизитов, чем обеспечил хотя бы на время мирное существование Еги-

петской церкви. При нем в Александрии, где государственным законом монофизитам было запрещено проживать в столице Египта и служить в ее главных храмах, отличался своим благочестием и верой твердый халкидонит *св. Евлогий* (581—608). Действуя фактически одновременно в качестве верховного гражданского правителя и духовного вождя народа, он стоял на примирительной позиции и даже разослал остальным патриархам послание, в котором предлагал отказаться от давления на монофизитов. Он не осудил ни одного монофизита, никогда не ссылался прямо на Халкидонский Собор, чем даже вызвал вначале негативную оценку со стороны Римского папы *св. Григория Великого* (590—604). По счастью, опасения понтифика, будто *св. Евлогий* является тайным монофизитом, были развеяны, и оба архиерея долгое время состояли в дружеской переписке.

Помимо вечной проблемы — монофизитства, в царствование *св. Маврикия* неожиданно (впрочем, так ли уж неожиданно?) возникли серьезные разногласия с Римским престолом, который в 590 г. занял папа *св. Григорий Великий*. Конечно, свою лепту в тот холодок, которым покрылись отношения между Константинополем и Римом, внесли и внешнеполитические обстоятельства. Но главное заключалось в двух событиях, *по-разному* воспринятых на Востоке и Западе. Вечно озабоченный поиском денег для ведения войны с внешними врагами, крайне недовольный тем, что многие римские воины, еще не выслужившие полный срок службы, покидали армию и уходили в монастыри, император издал в 593 г. соответствующий закон. Согласно этому документу, всем государственным служащим, включая солдат, запрещалось *совмещать* службу с духовным званием. Конечно, ничего необычного в этом правиле нет, но *св. Григорий Великий*, искренне испытывающий особую любовь к монашеству, горячо воспротивился царскому указу. Понтифик обратился ко многим влиятельным сановникам с просьбой воздействовать на императора, чтобы тот отменил свой закон, усиливал непосредственное давление и на самого царя. Политика папы была далеко не безуспешной: *св. Маврикий* пошел ему навстречу и вскоре отменил столь ненавистный апостолику закон. Мир был восстановлен, но некоторое недовольство друг другом у папы и императора осталось.

В этом споре трудно принять сторону апостолика. Чрезвычайно благочестивый, император тем не менее не мог не заметить, сколько сил и средств у государства забирает монашество, куда рекой текли многие боеспособные люди молодого возраста. Реплику папы императору: «Я, ваш недостойный слуга, знаю многих воинов, которые, обратившись на служение Богу, совершили много чудес», один историк

не без остроумия и оснований прокомментировал следующим образом: «Папа не подумал, что самым приличным чудом для этих набожных воинов было бы, если бы они отразили варваров и тем самым спасли своих сограждан от разграбления и плена».

§3. Войны с персами, аварами и славянами. Мирный договор с Персией 591 г.

Наибольшей внешней опасностью, всерьез угрожавшей Византии, по-прежнему оставалась Персия. Как известно, зачастую арабы-христиане являлись исконными союзниками византийцев во время Римо-персидских войн. Но на беду, еще будучи полководцем на восточном фронте, св. Маврикий испортил отношения с Арабским царем *Мундаром*, которого после воцарения отправил в ссылку на остров Сицилия, где вскоре араб и скончался. Эта временная перепалка между римлянами и их союзниками не позволила Константинополю упрочить дела на Кавказе и внесла элемент неуверенности во внешней политике императора.

После смерти Мундара власть над арабами ненадолго захватил его брат, но вскоре и он умер. Другой вождь *Нааман* сам явился в Константинополь для заключения мира, но, видимо, вследствие его категорического отказа воссоединиться с Кафолической Церковью (Нааман был монофизитом), араба арестовали по дороге и отослали на Сицилию. Это событие всколыхнуло арабов, и большая часть их отказалась от союза с Византией, сблизившись с Персией.

Но беспокоила не только персидская граница. Уже в самом начале царствования император должен был столкнуться с серьезной угрозой с севера — аварами. В 583 г. Аварский хан, посчитавший уплачиваемую ему дань в 80 тыс. золотых монет слишком маленькой, прислал в Константинополь посольство. Едва ли можно сомневаться, судя по характеру переговоров, в том, что замыслы авара были куда более обширными и он лишь искал *повода* для войны. На приеме у царя послы потребовали от имени своего вождя увеличение дани до 100 тыс. золотых монет.

Понимая, что война на три фронта (Запад, Персия, Север) очень опасна для государства, св. Маврикий согласился на это требование. Тогда хан попросил подарить ему индийского слона — царь удовлетворил и эту прихоть варвара. Затем в качестве подарка была испрошена кровать из золота, но, когда византийцы прислали ее аварам, хан вернул дар обратно. Наконец, Аварский хан потребовал добавить к 100 тыс. монет еще 20 тыс. — и на этот раз возмущенный св. Маврикий ответил категоричным отказом.

Тогда авары летом этого же года вторглись на римские земли и захватили города Сингидон, Виминачий и Августы, перешли Балканы и там организовали свою стоянку. Римские послы — сенатор Ельпидий и оруженосец царя Коменциол — выехали к аварам, чтобы уладить дело миром, но хан, желая запугать римлян, грозился взять со дня на день столицу Империи. Храброго Коменциола, имевшего неаккуратность дерзко возразить хану, тотчас бросили в темницу и хотели казнить; только благодаря заступничеству советников хана жизнь посла была спасена. Все же в этом году авары больше военных действий не вели и удалились в свои родные степи.

Опасаясь нового нашествия, в 584 г. император опять направил Ельпидия послом к аварам, и дело закончилось миром, хотя и скоротечным. Уже вскоре *славяне*, подстрекаемые Аварским ханом, огромными отрядами вторглись во Фракию, но на реке Ергинии были разбиты римским войском под командованием Коменциола, за что тот был возвышен царем до должности магистра армии. Но пока римляне очищали окрестности от славянских разбойников, авары сами вторглись за Дунай, разграбили Мезию и Скифию; пострадал также целый ряд приграничных крепостей.

Надеясь на Коменциола, император направил того отражать аваров, придав ему армию в количестве 10 тыс. легионеров. Но операция византийцев была неудачной. В начале кампании один из римских отрядов попал в засаду и был разгромлен. Когда же Коменциол собрал оставшиеся силы в один кулак и решил ночью внезапно напасть на стоянку аваров, случился эпизод, после которого победа окончательно выскользнула из его рук. Во время ночного перехода с одной лошади упал вьюк, и товарищи погонщика стали звать его обратно: «Вернись, вернись!» Крик этот волной пошел по войску, и все вдруг решили, что армия подверглась нападению аваров и нужно отступать. Начались паника и всеобщее бегство, с которым Коменциол справиться уже не смог. Но и авары, подумав спросонья, будто на них напали, также сочли за благо немедленно сняться со стоянки и отойти подальше.

Однако, в отличие от деморализованных римлян, варвары быстро пришли в себя и продолжили поход. Хотя города Диоклетианополь, Филиппополь, Адрианополь и Берое храброй защитой отстояли себя, авары подошли к самому Константинополю, что вызвало панику в столице и гневное недовольство населения императором. Используя едва ли не последний шанс, св. Маврикий передал командование войсками полководцу Иоанну Местакону (Усатый) и Лангобардскому герцогу Дроктульф (или Дроктону), которые в блестящем стиле разгромили

правились в Эдессу, чтобы посчитаться с ним, Приск немедленно ускорил в Константинополь. Организовавшаяся вокруг Германа римская армия мало напоминала мирное войско в собственной стране: солдаты грабили окрестности, добирая то, что им недодал император.

Но все же смелый командир умел подчинить своей воле даже такую колеблющуюся среду. Последующие события показывают, насколько внешние обстоятельства могли влиять на боеспособность римской армии. Пока солдаты выбирали новых командиров и решали, что им делать дальше, персы, легкомысленно надеясь на отсутствие достойного противника, сделали набег на город Константину. Но Герман уже овладел ситуацией и с отрядом всего в 1 тыс. воинов отразил это нападение. Почувствовав удачу, он тут же сам сделал набег на персидские земли, который увенчался успехом. Прибывший — и очень своевременно — посланец императора с солдатским жалованьем в прежнем размере еще более воодушевил войско.

Персидский полководец Маруз, не почувствовавший изменения в обстановке, вновь попытался овладеть римским лагерем, но получил достойный отпор, потерял много воинов убитыми и 3 тыс. пленными и сам пал в бою. В довершение всех для персов бед римские пленники, находившиеся в заключении в Гилигерде, что в области Бизака, внезапно каким-то чудесным способом освободились, перебили стражников и, дойдя до римского лагеря, воссоединились с соотечественниками. Ликование было полным: войско окончательно примирилось с императором, прислав тому в качестве дара захваченные персидские знамена, голову несчастного Маруза и часть добычи.

Но стоило св. Маврикию попытаться вновь вернуть в армию Филиппика (видимо, по недоверию или в силу некоторой неосмотрительности он не считал возможным закрепить за Германом судьбой дарованный ему статус главнокомандующего), как волнения вспыхнули с новой силой. Более того, солдаты поклялись друг перед другом ни при каких обстоятельствах не признавать Филиппика своим командиром, и тогда тот вернулся в Тарс. Ситуацию спас Антиохийский патриарх *Григорий I* (570—593), просивший представителей армии прибыть для переговоров в город Литабры, находившийся в 50 км пути от Антиохии.

Небезынтересна судьба Германа. Как только Филиппик вступил в командование армией, того немедленно вызвали в столицу, где состоялись следствие и суд. Германа, как ослушника воли императора, приговорили к смертной казни, но сам св. Маврикий отменил этот приговор и щедро наградил храброго полководца. Так закончился полный волнений, тревог и побед 588 г. Однако следующий год начался неудачно для византийцев. Зимой с 588 на 589 г. они потеряли крепость

Мартирополь, сданную персам предателем-офицером Ситтой. Ободренный прежними успехами римлян, Филиппик попытался с ходу вернуть крепость, но в упорной битве, завязавшейся под стенами осажденного города, потерпел поражение.

Окончательно разочаровавшись в своем зяте, св. Маврикий заменил в 589 г. его военачальником Коменциолом, в помощь которому прибыл полководец Ираклий, покинувший армию при Филиппике. Этот дуэт был гораздо успешнее своего предшественника — вскоре они провели битву с персами при Нисибине и одержали блестящую победу. Затем, используя фактор времени, они захватили крепость Афраат и в ней богатейшую добычу. Разбитые отряды персов срочно закрылись в Нисибине, но Коменциол, полностью используя свой шанс, быстро овладел укреплениями Окбу, одновременно осадив крепость Мартирополь. Весть об очередном успехе вызвала бурные ликования в Константинополе, и император св. Маврикий дал в честь победы римского оружия роскошные ристания.

Победа византийцев была тем более полной, что в это же время в Персии произошел государственный переворот, в результате которого Хормизд III свергли с трона (несчастливого государя ослепили), а царем персов стал его брат *Хосров II* (591—628). Но власть нового монарха была очень шаткой (его власть оспаривал некто *Варахран Чубин*), и весной 590 г. он срочно отправил посольство в Константинополь, прося у императора дружбы, мира и военной помощи против своего врага.

«Дай мне престол и страну царства отцов и моих; отпусти мне войско на помощь, чтобы я мог поразить врага моего; восстанови царство мое и буду тебе сыном», — писал Хосров императору. За помощь он обещал отдать византийцам богатые области Персидского царства. Император срочно собрал сенат, и многие сенаторы советовали ему отклонить предложение персов, ссылаясь на коварность Сасанидов и недолговечность их клятв. «Они народ незаконный и совершенно ложный. В стесненном положении обещают исполнить многое, а, успокоившись, отрекаются. Много зол мы понесли от них; пусть истребляют друг друга, а мы отдохнем», — говорили они. Но под влиянием Филиппика св. Маврикий принял предложение Хосрова и повелел полководцу Коменциолу оказать тому военную помощь.

В принципе решение императора нельзя назвать неправильным. Персия столько веков входила в число наиболее сильных врагов Римской империи, что трудно было отказаться от шанса, если не на веки вечные, то по крайней мере на несколько лет отодвинуть от себя эту опасность и сделать врага *послушным орудием* своей воли. Кроме того, нельзя забывать, что над Римской империей нависла угроза войны

аваров. Те ушли и несколько лет не осмеливались вторгаться на территорию Римской империи.

Когда св. Маврикий был отозван императором Тиберием с восточного фронта, ему на смену откомандировали полководца Иоанна Местакона, ранее командовавшего римскими войсками в Армении. Но замена была явно неадекватной — в этом же году персидская армия нанесла византийцам два совсем не обязательных поражения подряд, главной причиной которых являлась слабая дисциплина и низкий воинский дух римлян.

Как следствие, император в 584 г. отозвал Иоанна из армии и заменил его своим зятем Филиппиком, слывшим умелым и опытным военачальником. Прибыв на театр военных действий, Филиппик в первую очередь занялся усилением оборонительного сооружения Монокарта, начатого еще при императоре Тиберии, и расположенного очень удачно со стратегической точки зрения в предгорьях хребта Айсума. После окончания строительных работ полководец переименовал сооружение в честь умершего царя, дав ему имя Тибериополь. Уже осенью этого же года Филиппик совершил удачный набег на персидские земли двумя отрядами. В 585 г. он повторил набег, и вновь не без успеха, но, к сожалению, тяжело заболел и, оставив армию на ипостратега гунна Апсиха, срочно уехал лечиться. За время его отсутствия персы попытались взять штурмом Тибериополь, но безуспешно. Все же сумели захватить и разграбили знаменитый монастырь Св. Иоанна, расположенный неподалеку.

Ранней весной следующего 586 г. Филиппик прибыл в город Амиду, где был объявлен общий сбор воинских сил, выступающих в Персию. Сюда же приехал Мебод, командир персидской крепости Нисибина, надеявшийся договориться миром. Но его предложения, конкретные условия которых до нас не сохранились, были отвергнуты императором св. Маврикием. Последовавший затем поход сложился счастливо для римлян. Неподалеку от крепости Дара, на равнинах Солах, войска встретились для битвы. Перед началом сражения Филиппик приказал пронести перед рядами своей армии образ Нерукотворного Спаса, и в результате упорной битвы византийцы наголову разбили персов. После этого победоносные отряды Филиппика вступили в город Арзанену, население которой было уведено в плен, а город — разграблен.

На этом везение римлян закончилось. Они еще попытались захватить крепость Хломар, находящуюся неподалеку от Афума, но один из отрядов, находившихся под командованием стратега Ираклия, попал в трудное положение. Филиппик пошел на выручку старому другу, срочно подняв войско по тревоге. Этот марш вызвал ропот армии, вы-

нужденной на виду наступавших персов бросить весь обоз и с большим трудом отступать к Анфуму. Разочаровавшись и потеряв интерес к персидской войне, Филиппик в следующем году фактически лишь *номинально* возглавлял византийскую армию, предоставив своим подчиненным возможность самостоятельно проявить себя.

Хотя не невероятно и то объяснение, что, зная о грядущем уменьшении расходов на армию, не желая подвергать себя опасности и неудовольствию со стороны императора, Филиппик сознательно делал все, чтобы тот сам отозвал его в Константинополь. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что, симпатизируя Ираклию, он тайно написал тому послание, в котором советовал *немедленно* под благовидным предлогом сдать армию дуксу Константины Нарзесу, а самому уезжать на родину в Армению. Ираклий воспользовался добрым советом, но, конечно, быстрая смена двух командующих негативно повлияла на римскую армию, где начались брожения.

Вместо не лишнего хитрости Филиппика император направил главнокомандующим восточной армии полководца Приска, который прибыл весной следующего года в Антиохию и назначил местом сбора войск город Монокарт. В Эдессе он соединился с дуксом Дамаска Германом, который поспешил выехать навстречу войску, дабы организовать достойную встречу новому военачальнику. Надеясь на перемены к лучшему, солдаты вышли встречать полководца за 3 км от лагеря, но Приск, совершенно не прочувствовав обстановку, вопреки старой традиции не сошел с коня и проигнорировал легионеров.

Этот инцидент усилил раздражение солдат, и, как в таких случаях нередко бывает, скорые надежды быстро сменились тяжелыми слухами, будто Приск привез приказ *о сокращении* солдатского жалованья. Наступивший день Святой Пасхи несколько отсрочил бунт в армии. Но уже через несколько дней ни Эдесский епископ, срочно вызванный Приском в лагерь, ни обносимый между палаток образ Нерукотворного Спаса не смогли умиротворить легионеров. Дошло до того, что солдаты стали бросать камни в саму икону. Приск вскочил на первого попавшегося коня и постыдным бегством спас свою жизнь, за ним последовали многие полевые командиры среднего звена.

Оставшись одни, солдаты разграбили палатку бежавшего полководца и, собравшись на спонтанно сформировавшийся совет, провозгласили своим полководцем Германа, которому обстоятельства просто не оставили никаких возможностей отклонить это своевольное предложение. Предчувствуя реакцию императора, Приск из Эдессы пытался как-то найти общий язык с бунтовщиками, но все его старания не дали положительного результата. Когда же он узнал, что римские солдаты на-

в Италии, где царствовали лангобарды, и на Дунае, давно ставшем местом разбоя аваров и славян.

Замирившись с одним из самых опасных врагов, тем более получив за эти мир и военную помощь многие спорные территории, св. Маврикий развязывал руки для более деятельных операций на западе и севере. Надо сказать, что римляне почти ничем не рисковали, приняв предложение Хосрова, — в крайнем случае, они могли потерпеть поражение, которым персы, в силу внутренних беспорядков, *физически* не могли бы воспользоваться. А в случае удачи плана св. Маврикия полученные дивиденды многократно окупали средства, вложенные в восстановление прав Хосрова на царство.

В Константине, где скрывался Хосров, перса окружили епископы во главе с Антиохийским патриархом Григорием I, которые предприняли усилия обратить варвара в православную веру, но безуспешно. Помимо войска, по просьбе Хосрова император передал ему деньги на ведение кампании. Взамен перс, как и обещал, сдал Мартирополь, где скрывался изменник Ситта, виновный в передаче крепости врагам во время последней войны. По приговору суда предатель был казнен жестоким способом: его сожгли на костре.

Но еще до начала похода Хосров рассорился с Коменциолом и попросил императора заменить полководца. Царь удовлетворил и это ходатайство. Вместо отъехавшего в столицу блестящего победителя персов св. Маврикий назначил начальником римского войска Нарзеса, одного из оруженосцев Коменциола, фракийца по происхождению. В ответ, выполняя условия соглашения, Хосров сдал византийцам крепость Дара, что являлось большим успехом, если мы вспомним ее стратегическое положение и то, сколько византийской и персидской крови пролилось за обладание ею.

В наступившей войне против внутренних врагов Хосрова византийцы одержали блестящую победу, в очередной раз прославив римское оружие. Но основания власти Хосрова были все еще шатки, и он даже не смог полностью расплатиться по долгам с командирами римских отрядов, помогавших ему. Напротив, ощущая свое одиночество среди враждебных соотечественников, он упросил св. Маврикия передать ему отряд римской гвардии в количестве 1 тыс. человек, которые отныне стали его телохранителями. Наконец, увенчанный царским венцом, Хосров организовал для римлян пышный пир и раздал подарки командирам. А Нарзес, возвращаясь в Константинополь, перед отъездом сказал Персидскому царю: «Помни, Хосров, настоящий день. Римляне *дарят тебе царство* (выделено мной. — *А. В.*)». Так закончился очередной победный 591 г.

Хотя Хосров не был лишен лукавства и с неохотой исполнял старые обязательства перед св. Маврикием, но в целом ситуация складывалась довольно перспективно для Константинополя, где были рады и тому, что бесконечные войны с персами хоть на время прервались. Очень важно то, что, исполняя свою клятву, Хосров передал Римской империи армянские области Арзанена, Тарон и Айрарат, а также вернул Константинополю всю Иверию с городом Тифлисом.

Кроме этого, резко улучшилось положение христиан в Персии, чему в немалой степени способствовало то обстоятельство, что жена Хосрова *Ширин*, женщина дивной красоты, была *христианкой*. Она построила монастырь в окрестностях Персидской столицы, где сам царь одаривал клириков подарками в Лазарево воскресенье. Оставаясь язычником, но вместе с тем глубоко почитая святого мученика Сергия, Хосров сделал в его честь золотой крест, который отослал на гроб святого в Антиохию. А однажды во время аудиенции, данной Халкидонскому епископу Пробу, Персидский царь заявил, что предсказание о счастливом завершении похода ему во сне пророчествовала Пресвятая Богородица.

Пусть даже и *вынужденно*, но Хосров проявил редкую для Персидских царей толерантность и по воцарении объявил свой указ: «Чтобы никто из язычников не посмел обратиться в христианство и чтобы никто из христиан — в язычество, а чтобы каждый оставался твердым в своем отечественном законе. Кто же не захочет держаться своей веры и, возмутьившись, отречется от закона, тот да умрет».

Кстати сказать, в это время произошел один интересный случай. Будучи благочестивым, св. Маврикий обратился с просьбой к Хосрову передать в Константинополь находившееся в одном персидском городе тело святого пророка Даниила — тот не посмел отказать названному отцу. Но царица Ширина искренне опечалилась и вместе с другими христианами Персии молилась, чтобы мощи святого не были увезены из страны. Произошло чудо — когда мощи были вынесены из города, источники вод высохли. Множество людей, обезумевших от горя и страха, шло вслед за носилками с мощами, но когда процессия отделилась всего на три стадии от города, где они ранее почивали, лошади внезапно повернули обратно и, никого не слушая, вернулись к городским воротам. Когда об этом донесли императору, тот приказал оставить мощи в покое.

Однако хитрый перс вовсе не собирался довольствоваться теми территориями, которые остались за Персией на Кавказе. Он несколько раз демонстрировал свой крутой нрав и ждал подходящего случая, чтобы отказаться от некоторых неприятных для него условий мира. Помимо честолюбия Персидским царем двигали и вполне матери-

альные соображения: понимая всю шаткость своей власти, он просто *обязан* был компенсировать своему государству те территориальные потери, которые оно понесло вследствие договора с римлянами. Если бы он не попытался продемонстрировать свои агрессивные планы, его царствование, надо полагать, продлилось бы недолго.

Такой момент вскоре едва не наступил. Перемена власти в захваченных римлянами областях Армении вызвала восстание армян, во главе которого стоял *Сумбат Багратуни*, далекий предок известного русского полководца *Петра Ивановича Багратиона* (1765—1812). И хотя римляне подавили восстание, попытка императора привести Армянскую церковь, не принявшую Халкидона, в единение с Кафолической Церковью, вызвала новые волнения. Кроме того, армянам очень не понравилось то, что император, нуждающийся в войсках для войны с аварами, потребовал от них выставить в римскую армию известное число солдат. Правда, значительная часть армянской знати все же перешла на службу к Римскому императору. Тот принял их и, щедро одарив, отправил на службу во Фракию.

Но остальные восставшие довольно долго и успешно сопротивлялись византийцам. По-видимому, реализации воинственных планов Персидского царя помешала его же собственная жестокость по отношению к армянам-христианам на территориях, перешедших под власть Константинополя. Там начались ужасные гонения на христиан, которые все же надеялись и верили, что Римский император защитит их от варваров.

Поскольку в целом отношения с персами оставались пока еще мирными, св. Маврикий решил разделаться с аварами и перевести часть войск на Дунайскую границу. Скажем, несколько опережая события, что это была верная стратегия. Император правильно рассудил, что война на собственной территории гораздо разорительней для Империи, чем пусть и опасная, но операция на землях врага. И хотя предстоящая многолетняя война принесла римлянам не только победы, но и разочарования, однако в целом для византийцев это был успех.

§4. Начало конца

Весной 592 г. царь *лично* возглавил армию, хотя против этого открыто выступала императрица и многие сенаторы, увидевшие в принятии императором на себя единоличного командования нарушение уже устоявшихся традиций. Для всех уже давно царь был *больше*, чем полководец, как некогда в эпоху первых императоров. К ним присоеди-

нился и патриарх св. Иоанн Постник, но тщетно: св. Маврикий принял решение и начал поход с выезда в Евдом.

Но в этот день случилось солнечное затмение, что всеми окружающими было воспринято как дурное предзнаменование. Вернувшись в столицу, чтобы принять персидского посла, царь всю ночь молился в храме Св. Софии, затем двинулся в путь, щедро одаря нищих, встречавшихся ему по дороге. На рассвете следующего дня он уже стоял во главе армии, но тут случилось еще одно событие, сильно повлиявшее к худшему на воинский дух солдат. Огромный кабан внезапно бросился под ноги царского коня, и тот со страху сделал «свечку», хотя император усидел в седле.

Прибыв в Гераклею, св. Маврикий решил продолжать поход морем, но случилась буря, и его корабль едва не утонул. Дальнейший путь тем более не внушал оптимизма — странные события и дурные предзнаменования едва ли не на каждом шагу преследовали войско. В один из дней пал любимый конь царя. Затем движение войска задержало большое стадо оленей, но когда царь и его свита бросились в погоню, один из оруженосцев св. Маврикия пропал без вести. Правда, по иному свидетельству, его по ошибке убил другой слуга царя, преследовавший вместе с несчастным зверя. В одном селении родился страшный урод, которого царь велел умертвить. Наконец, в Анхиале войско стало лагерем и пробыло там 15 дней. Оценив все обстоятельства, св. Маврикий вернулся в Константинополь под предлогом прибытия туда персидских послов, прекрасно отдавая себе отчет в том, что дальнейшее его нахождение в армии не принесет ей успеха.

Оставшийся вместо него командующим армией Приск занял своими отрядами перевал через Балканы и отразил несколько атак аваров, но после подхода хана с основной ордой римляне отступили в глубь страны. Дойдя до города Дризиперы, Аварский хан устроил там восьмидневную стоянку, а затем подступил к городу Цурулу и осадил его. Относительно немногочисленное римское войско не смело принять сражения, но тут Приска спасла хитрость, выдуманная императором. По его совету в руки аваров «случайно» попал посыльный с письмом из Константинополя, в котором царь предлагал Приску задерживать хана на месте до тех пор, пока из столицы по морю подойдут основные силы византийцев. Хан поверил этой дезинформации, предложил римлянам мир, удовольствовавшись скромной суммой дани, и увел свое войско на родину. Затем и Приск распустил армию на зимние квартиры, а сам уехал в Константинополь.

Весной следующего года Приск вновь собрал армию, определив на этот раз сборным пунктом город Гераклею. Встревоженные авары

прислали протест, но Приск объяснил им, что цель похода его войска — славяне, с которыми у Римской империи нет мирного договора. Переправившись через Дунай, Приск с армией направился по направлению к Доростолу. Его действия были успешны: римляне не встречали организованного сопротивления и почти беспрепятственно разоряли славянские земли, взяв в качестве добычи множество пленных.

Получив известие об удачном походе, император организовал все-народные моления и молебны, возблагодарив Бога за победы. Желая закрепить успех, он приказал Приску перезимовать с армией за Дунаем, что тут же вызвало раздражение и недовольство солдат. Лишь с большим трудом Приск сумел восстановить порядок и, послушавшись царя, двинулся в обратный путь. Но тут наперерез ему выступили авары, заявившие, будто римляне разграбили их земли, и потребовавшие за это часть добычи. Хотя солдаты и не желали делиться с варварами, но опасность быть отрезанными от переправы казалась очень серьезной. В конце концов Приск убедил армию отдать аварам просимое и беспрепятственно переправился через Дунай обратно.

Но св. Маврикий остался недовольным действиями Приска и заменил его, возложив командование на своего брата Петра, который весной 594 г. явился в город Одисс (нынешняя Варна). Помимо общего командования придунайской армией Петру поручалось *практически* реализовать некоторые законодательные начинания императора, касающиеся регулирования правового статуса военнотружеников, а также формы и содержания довольствия солдат.

В частности, по новому закону царя предполагалось выдавать деньгами только третью часть солдатского содержания, вторая треть должна была выдаваться оружием, а третья — одеждой. Но когда Петр попытался сделать первые шаги, возникло всеобщее недовольство, грозившее обернуться серьезным военным бунтом. В этой связи Петр явился в лагерь солдат и объявил им, что император устанавливает новые *привилегии* для солдат, срок службы которых окончен, но ни слова не сказал о непопулярных мерах, задуманных царем. Хотя Петру не удалось выполнить инструкции царя, зато он смог успокоить войско и продолжить военную кампанию против славян.

Полководец двинулся на Марцианополь, и его передовой кавалерийский отряд наткнулся на славян, возвращавшихся с большой добычей из очередного грабительского похода. В ожесточенной схватке византийцы одолели врага, но, собственно говоря, на этом кампания и завершилась. Оставшееся время Петр и его офицеры проводили на охоте, а армия бездействовала. Узнав об этом, император выразил свое неудовольствие, но однажды на прогулке Петр сильно ушиб одну ногу

и заболел, поэтому в характере военных действий ничего не изменилось.

Так проходило время, и только в следующем году Петр с армией переправился через Дунай, но начал войну с *аварами* (!), которые, удивленные столь бесцеремонным нарушением условий мирного договора, разгромили римлян в одном из рядовых сражений. Поход против славян также не принес славы брату императора. Поскольку ему не удалось превентивные удары по славянам, они большой массой подошли к Фессалоникам и осадили город. Лишь заступничество св. Дмитрия Солунского — небесного покровителя этого города — спасло Фессалоники от разорения, и славяне, бросив обозы, скороспешно откатились обратно.

Неудачные действия брата заставили царя вернуть Приска в армию, и весной 596 г. новый командующий, назначив местом сбора для армии город Астику, убедился в огромной убыли солдат и полной деморализации войска. Кое-как пополнив армию новыми свежими соединениями, Приск переправился через Дунай, но тут вновь столкнулся с протестом аваров, посчитавших его действия нарушением мирного договора. Возле старой крепости Констанциола состоялось его свидание с ханом, не внесшее ясности в отношения между римлянами и аварами.

По приказу Приска его командир Гудуин отправился на помощь осажденной аварами крепости Сингидон и победил врагов в сражении. Аварский хан решил реабилитировать свое имя и приказал орде захватить Далмацию, но тот же Гудуин напал на вражеский лагерь и нанес аварам поражение. Неудача заставила хана отойти обратно, и, возможно, именно эти поражения охладили пыл аваров.

Хан объяснился с Константинополем, и стороны пришли к выводу, что такие инциденты не должны рассматриваться как полномасштабные военные действия. В результате мир был продлен и держался еще почти полтора года. Лишь зимой 599 г. Аварский хан с войсками вторгся в Скифию, но почти сразу наткнулся на римское войско под руководством Приска. Поскольку силы были примерно равны, стороны не спешили вступать в сражение и простояли друг против друга до самой Пасхи, пришедшейся на 10 апреля 600 г. К этому времени враги уже почти забыли обиды, мирно общались и даже делились продовольствием.

После этого хан с войском двинулся по направлению к городу Никополу, желая помешать движению другой римской армии под предводительством Коменциола. Но на этот раз действия боевого полководца были малоэффективными, да и дисциплина в римской армии была не самой высокой. Он так и не смог дать отпор аварам и свободно про-

пустил их до города Дризиперы, который варвары захватили и предали огню. В этом городе они разграбили церковь в честь мученика Александра и выбросили его мощи — возмездие не заставило себя ждать: в лагере аваров началась чума, унесшая много жизней, включая семерых сыновей хана.

Тем временем известие о том, что авары находятся в прямой близости от столицы, повергло всех в панику. Император приказал отправить на охрану Длинных стен гвардию и народное ополчение, а сам собрал сенат, чтобы обсудить ситуацию. После долгих дискуссий сенаторы убедили царя отправить посла к аварам для заключения нового мирного договора. Хан, отмечавший поминки по умершим сыновьям, 12 дней не принимал посла, но затем предоставил тому свидание и, долго гневаясь на вероломных римлян, нарушивших соглашение, согласился за дополнительную дань отвести войска. «Пусть Бог будет судьей между Маврикием и ханом, между римлянами и аварами!», — сказал он. Впрочем, по новому договору римлянам предоставлялось право переходить Дунай для войны со славянами.

Столь позорный исход войны вызвал бурное негодование среди солдат придунайской армии. Коменциола открыто обвиняли в предательстве, и в столицу даже явилась делегация, требовавшая предания главнокомандующего суду. На созванном заседании сената один из делегатов, сотник Фока, вел себя настолько дерзко и вызывающе, что некий сенатор выбралил его за неуважение к особе императора и даже оттянул за бороду. Это событие, как мы скоро узнаем, будет дорого стоить обидчику строптивого сотника. По делу Коменциола создали специальную следственную комиссию, которая тем не менее признала того невиновным, и царь сохранил за полководцем командование армией.

Неясно, какие мотивы двигали св. Маврикием и его ближайшим окружением, но в следующем 601 г. он первым нарушил мирный договор, приказал Коменциолу и Приску, соединив армии, выступить на аваров. Преодолев легкое сопротивление варваров, римские командиры переправились через Дунай, заняли на берегу сильные позиции и разбили лагерь. Пока византийцы ожидали врага, Коменциол внезапно заболел, но Приск, принявший единоличное командование, отбил нападение аваров с большими для варваров потерями, а через три дня в состоявшейся битве еще раз разгромил аваров, к которым подошли большие подкрепления. Как рассказывают, общие потери аваров достигли 15 тыс. воинов, включая сыновей хана.

Не снижая темпа наступления, победоносный Приск преследовал хана, бежавшего за Тиссу, и через месяц одержал очередную громкую

победу над аварами, а затем его четырехтысячный отряд по дороге разгромил три поселения гепидов. Через 20 дней состоялась еще одна битва, и вновь победа в ней досталась римлянам. В плен было взято более 17 тыс. варваров, из которых 3 тыс. были аварами, а 8 тыс. — славянами. Приск хотел препроводить пленных в свой лагерь, чтобы затем подарить царю от имени войска, но Аварский хан прежде его сумел отправить посла в Константинополь с требованием вернуть ему своих пленных соотечественников. По не вполне понятным причинам (видимо, напуганный воспоминаниями о прежнем набеге аваров) св. Маврикий велел полководцу исполнить просьбу хана.

Обратная дорога домой была очень трудной для византийцев, и, потеряв часть выючных лошадей из обоза, Приск с армией добрался наконец-то до Филиппополя, где провел с войском зиму. Весной 602 г. он вернулся в Константинополь, поскольку император решил заменить его своим братом Петром. К сожалению, это было далеко не лучшее решение, трагично сказавшееся уже в самое ближайшее время на судьбе св. Маврикия.

Впрочем, первоначально ничего не предвещало трагедии. Петр, хотя и не очень любимый войсками, прибыл в армию в момент наивысшего подъема римского духа, когда солдаты, опьяненные последними громкими победами, бегством врага и богатой добычей, были готовы забыть старые обиды. Под руководством Петра армия вторглась на территорию проживания славян, и вновь эта операция на другом берегу Дуная принесла успех римскому оружию. Византийцы практически беспрепятственно разоряли селения славян, вследствие чего многие из них решили отделиться от Аварского хана и признали над собой власть Римского императора. Перед наступлением зимы победоносные византийские войска собирались вернуться домой, когда последовал приказ императора остаться за Дунаем на зимовку. Что последовало за этим, мы вскоре узнаем.

§5. Гибель святого императора и его семьи

При всех достоинствах император св. Маврикий обладал одним крупным недостатком — он не умел располагать к себе людей. Его экономность в делах государственного управления на фоне дорогих подарков собственным родственникам не могли не вызвать вполне обоснованного раздражения у населения столицы. Как уже указывалось выше, к величайшему сожалению, среди современников за ним укрепилась репутация жадного к деньгам и весьма *скарредного* правителя.

Желая уменьшить военные расходы, св. Маврикий дважды пытался осуществить свой замысел — сменить виды солдатского довольствия (разумеется, в сторону его уменьшения), и оба раза неудачно. Нашествие аваров на Константинополь в 588 г. современники рассматривали как печальное последствие ослабления армии вследствие ее хронического недофинансирования. Естественно, это не прибавило симпатий к нему со стороны горожан, и лишь с большим трудом при помощи патриарха удалось умиротворить византийцев.

Не обладая широким кругозором, он рассматривал государство как свою вотчину. Когда в 597 г. император находился при смерти в приступе тяжелой болезни, было составлено царское завещание, согласно которому его сын Феодосий получал в наследство... Константинополь, а другой сын, Тиберий, — Рим. Это было решение, неудачное во всех отношениях. *Деление* Римской империи воспринималось римским сознанием чрезвычайно болезненно — а как еще можно было квалифицировать это решение царя?! Кроме того, в отсутствие закона о престолонаследии столь категорично назначать сына следующим императором можно было лишь при высочайшем, безусловном авторитете, которым, как мы знаем, св. Маврикий не обладал. И хотя затем царь выздоровел, эта история запомнилась.

Говорят, некоторые события дурно предзнаменовали его земное будущее. Когда на Пасху 601 г. супруга поднесла в качестве подарка св. Маврикию золотую корону, тот не надел ее на голову, а положил на престол в храме Св. Софии. Императрица очень обиделась на мужа (было отчего!), а окружающие усмотрели в этом верное свидетельство скорого падения его царства. В другой день некий монах, известный строгим, аскетическим образом жизни, прошел по Константинополю от центральной площади до Медного крыльца с обнаженным мечом и всем объявлял, что самодержец вскоре примет смерть от этого оружия.

Это суеверное мнение родилось не на пустом месте, и с ним связана удивительная и практически беспрецедентная история. Как повествует летописец, при заключении последнего мирного договора между Константинополем и Аварским ханом, вождь варваров предложил императору выкупить византийских солдат, томившихся у него в плену, по одной золотой монете за человека. Император отказал, тогда хан уменьшил сумму выкупа вдвое, но и теперь царь не принял этого предложения, желая еще более уменьшить цену за пленных. Он полагал, будто, желая получить средства, авар согласится освободить солдат на более приемлемых для римской казны условиях. Однако разъяренный хан отдал приказ умертвить всех пленников, которых было, по различным подсчетам, до 12 тыс., что и было сделано его людьми.

Только тогда император понял, *какую* ошибку он совершил и какой страшный грех взял на свою душу. Находясь в глубоком раскаянии, царь часто молился, и однажды ему было видение, будто он стоит в храме, а Божий глас спрашивает его, где василевс хотел бы получить возмездие за грех: здесь или в будущей жизни. Святой Маврикий ответил, что здесь, на земле, и услышал ответ, что он отдаст власть простому солдату. Немедленно по всем провинциям Римской империи, монастырям и скитам были посланы царские гонцы, прося молитв перед Господом за себя, чтобы Спаситель *наказал императора* при этой жизни (!). И вся Кафолическая Церковь ежедневно взывала к Господу с этой просьбой.

Наконец, в один из дней императору передали послание от пустынного старца, который сказал ему: «Господь, приняв твое раскаяние, спасет твою душу и упокоивает тебя со святыми, но ты потеряешь царство с позором и опасностью!» Услышав это, св. Маврикий возблагодарил со слезами на глазах Христа за великую милость и послушно ждал развития событий, конец которых был ему уже известен. Кара Господня не заставила себя долго ждать.

Поздней осенью 602 г. император, как уже указывалось выше, отдал приказ своему брату Петру, командующему придунайской армией, перезимовать в землях славян. Это известие вызвало ропот среди солдат, и так уже пресыщенных воинскими походами, битвами и лишениями. В этих обстоятельствах Петр действовал далеко не лучшим образом. Опасаясь враждебного отношения легионеров, он разбил свою палатку вдалеке от основного лагеря, совершенно упустив из рук инициативу и даже не пытаясь успокоить солдат. Что же удивительного в том, что через несколько дней к нему явилась делегация от армии с требованием прекратить зимовку и вернуться на родину? Сам Петр совсем не считал приказ своего царственного брата правильным и в разговорах с ближайшими офицерами свиты горячо осуждал образ действий св. Маврикия, который, как считал сам Петр, ошибочно хотел уменьшить расходы казны на содержание армии, предоставив ей кормиться грабежом на захваченных землях славян.

Трудно сейчас проникнуть в существо подлинных замыслов императора. Вполне возможно, зная его бережливость, он действительно желал уменьшить расходы казны. Но трудно отделаться от предположения, что им двигали и иные, гораздо более практичные помыслы. Не очень веря в миролюбие славян и аваров, опасаясь, что с уходом римского войска те вновь попытаются весной сделать нападение на Балканы, он решил оставить свою армию на их землях для превентивного предупреждения возможной агрессии.

Как бы там ни было, но Петр поступил двояко, и уже потому неправильно: с одной стороны, он «за глаза» ругал приказ императора (но так, что об этом «тайном» непослушании скоро узнали многие), но одновременно с этим лично приехал в солдатский лагерь и объявил приказ по армии остаться на зимовку. Среди легионеров поднялось ужасное волнение, а Петр вместо того, чтобы попытаться смягчить гнев войска, со своими близкими офицерами спешно ретировался в Константинополь. По существу, он оставил армию без командования на чужой, враждебной земле; рядом с солдатами не осталось никакого авторитетного командира из числа победоносных военачальников, приписанных к войску. И тогда войско подняло на шит смутяна и узурпатора сотника *Фоку* и объявило того своим вождем. С ним мы уже встречались во время недавнего прибытия в столицу солдатской делегации по делу Коменциола.

Надо сказать, в такой ситуации это было самое естественное и легко угадываемое решение придунайской армии, за которым последовали и не менее естественные действия людей, поднявших бунт и хорошо понимавших, *чем* для них закончится его подавление со стороны законной власти. А так ничего и не предпринявший для успокоения войска Петр прибыл в Константинополь и объявил царю о восстании солдат.

Получив известие о том, император не предпринял никаких ответных шагов, будто опасности не было вовсе. Вместо организации обороны от мятежников царь давал ристания народу. Когда стало известно, что Фока находится уже неподалеку от столицы, св. Маврикий направил к нему послов, но мятежники не приняли их. В это же время его сыну Феодосию, отдыхавшему в своем имении в 20 км от Константинополя, пришло послание Фоки, в котором глава мятежной армии предлагал царевичу принять на себя верховную власть или передать ее Герману, поскольку армия *отказывается* подчиняться императору. Взволнованный Феодосий немедленно отправился к отцу, который велел расставить караулы на крепостных стенах столицы. Но никаких более адекватных мер опять не предпринял.

Словно общая слепота овладела всеми, включая самого царя. Целое войско шло к столице, но никто не противостоял мятежникам. Напротив, Фоку приветствовали восторженными криками, будто ждали от него избавления от бед, нахлынувших на Римскую империю. В этих условиях св. Маврикий перестал доверять самым близким людям, включая Германа, обвиненного в измене и спешно бежавшего от явной смерти, а константинопольцы с нетерпением ожидали подхода армии Фоки, всячески понося императора бранными словами.

Потеряв самообладание, св. Маврикий решил покинуть столицу и спастись бегством. Сняв царские одежды, он и его семья погрузи-

лись на корабль, но на море была буря (стоял ноябрь), и им с большим трудом удалось пристать к пристани около города Пренета, близ храма мученика Автонома. Истрепанный плаванием, св. Маврикий окончательно занемог — его мучила подагра — и попытался использовать последний шанс, чтобы спасти хотя бы сына. Феодосия он направил к Персидскому царю Хосрову, своему названому сыну, но по дороге царевича, который был уже в Никее, неожиданно настиг приказ отца вернуться обратно. Причина так и осталась неизвестной.

Тем временем в столице разыгрались настоящие страсти по опустевшему трону. Герман, чудесным образом спасший свою жизнь, решил попытать счастья и занять царский престол, но прасины не поддержали его и выдвинули кандидатуру Фоки, которого все ждали, как лучшего преемника недостойного, как казалось тогда *всем*, царя. К этому моменту мятежное войско остановилось в Евдоме, куда Фока пригласил патриарха, ипподромные партии и сенат. На состоявшемся вскоре заседании радостными криками было названо имя нового царя — узурпатора *Фоки*. Избрание было завершено торжественным шествием в храм Св. Иоанна Предтечи. Новый самодержец пышно въехал в столицу, разбрасывая по сторонам золотые монеты из царской казны, а затем выдал солдатам обычное в таких случаях вознаграждение. Через 5 дней его жена *Леонтия* была провозглашена императрицей.

После этого судьба несчастного императора св. Маврикия была решена. Мстительный и злопамятный Фока не желал сохранять ему жизнь и отдал приказ умертвить святое семейство, который привел в исполнение его близкий поверенный Лилий. Святого Маврикия, его жену и детей привезли в Халкидон, где им публично отсекли головы. Как гласит предание, одна благочестивая женщина решила подменить маленького царского сына своим ребенком, но св. Маврикий не позволил этого сделать. Для прибавления мучений отцу, сначала отрубили головы его сыновьям — св. Маврикий стоял на коленях и молился Богу со словами: «Праведен еси, Господи, и прав суд Твой!» Потом настал и его смертный час.

Эта картина столь красноречива, что не нуждается в комментариях. Тела казненных бросили в море, а головы выставили на Военном поле в Константинополе на всеобщее обозрение. После св. Маврикия казнили его брата Петра, Коменциола, domestика Петра Презентина, стратега Филиппика Георгия и сенатора, который некогда таскал Фоку за бороду на заседании синклита. Возвращенный с полпути отцом, царевич Феодосий искал спасения в церкви Св. Автонома, но и его убили слуги Фоки.

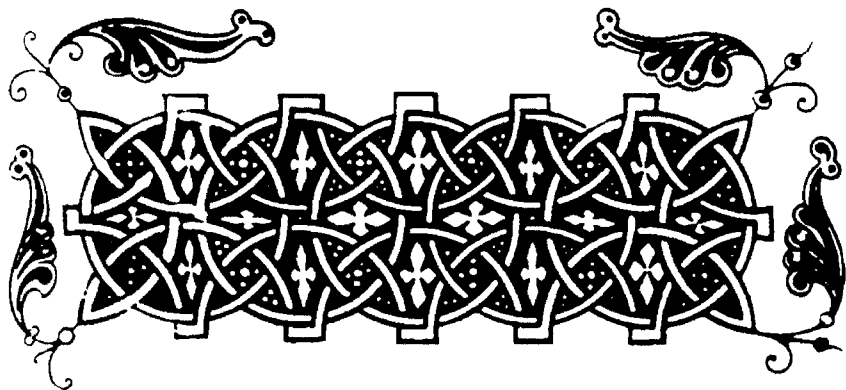
Бывшая императрица с тремя дочерьми была препровождена в дом префекта, а затем, по-видимому, в темницу, но и их постигла страшная

участь. Некоторое время царица томила с детьми, гадая о своей судьбе и молясь за упокоение души казненного мужа и сыновей. Но уже скоро стало ясно, что Фока не намерен дарить им жизнь. Для проформы их ложно обвинили в подготовке государственного заговора, хотя для всех была очевидна нелепость и беспочвенность таких обвинений, а затем предали пыткам и казни на том самом месте, где погибли их муж, сыновья и братья. Затем мученицы были погребены в храме Св. Маманта.

Спустя века на надгробном камне царицы сохранялась трогательная элегия от лица несчастной императрицы Константины: «Я, несчастнейшая сродница двух царей, дочь Тиберия и жена Маврикия, я, многочисленная царица, мать доблестных и державных детей, я лежу здесь вместе с детьми и отцом семьи, падши под ударами бешеного и буйного войска. Я потерпела больше Гекубы, Иокасты и Ниобеи — и тяжело лежать костям моим! Пусть бы они убили мать, но за что они убили малых детей, не знающих людской злобы? Рим уже не будет осеяем нашими отраслями, ибо корень исторгнут фракийскими ветрами». Если семейство св. Маврикия, давшее Церкви двоих святых, и было в чем-то виновато перед Богом, то кровь невинных детей и императрицы смыли все их грехи.

Можно без труда предположить, что смерть витала и над головой св. Сосипатры — единственной оставшейся в живых дочери св. Маврикия и Константины. Но, видимо, Фока понял, что казнь благочестивой игуменьи, пользовавшейся большим уважением в народе, оставившей земную жизнь ради спасения души, вызовет гневную реакцию в народе. Как бы там ни было, но св. Сосипатра осталась живой.

Страшными и таинственными явлениями ответило Небо на смерть царя и его семейства. Летописи сообщают, что в день их казни мощи св. Евфимии, хранящиеся в Халкидоне, стали обильно источать кровь, которую местный епископ собирал губкой. А в Александрии один человек, возвращавшийся домой ночью, видел, как статуи, стоявшие на улицах города, начали двигаться и провозгласили весть о гибели св. Маврикия. Долго еще ходили упорные слухи о том, будто царевич Феодосий спасся, и многие с надеждой ожидали его чудесного прибытия, но, конечно, эти мечты не сбылись. «С тех пор, — как написал летописец, — не прекращались различные и чрезвычайные несчастья в Римском царстве».

Глава 9. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ КОНСТАНТИН III НОВЫЙ (641)

§1. Отец и сын

Сын императора *Ираклия Великого* (610—640) св. Константин III, которого в народе прозвали Новым, принадлежал по отцу к знатному армянскому роду, уже давно закрепившемуся в Азии. Он родился 3 мая 612 г., и его матерью была первая супруга Ираклия Великого императрица *Евдокия*. К сожалению, его рождение оказалось смертельным для матери — будучи подверженной припадкам эпилепсии, она скончалась спустя несколько месяцев после появления сына на свет. А через год у мальчика появилась мачеха императрица *Мартина*, которая приходилась его отцу родной племянницей по сестре Марии.

Желая укрепить свою власть и положить основания для создания новой династии, Ираклий Великий уже 25 декабря 612 г. венчал св. Константина Нового императорской короной и сразу же начал вписывать имя сына в государственные документы, наглядно демонстрируя, что имеет равноправного себе соправителя. Помимо этого император помолвил сына с Григорией, дочерью своего двоюродного брата Никиты, который являлся для него едва ли не единственной опорой в государственных делах. Надо сказать, этот брак действительно состоялся спустя 17 лет и оставил царственное потомство в лице будущего императора *Константа II* (641—668). Венчание на царство вовсе не являлось только символическим событием, в действительности св. Константину III бук-

вально с первых сознательных лет жизни пришлось управлять Римским государством в отсутствие отца.

Дело заключается в том, что Ираклию Великому досталась в наследство разоренная страна, утратившая более половины своих территорий, римская армия, потерпевшая несколько тяжелейших поражений, фактически перестала существовать. Буквально выражаясь, ему пришлось заново создавать по крохам новую армию, с которой Византия связывала свои последние надежды. Кое-как заручившись миром с варварами, весной 622 г. Ираклий Великий перенес новую кампанию на территорию Персии, оставив столицу и последние остатки некогда величайшего государства на сына св. Константина III и Константинопольского патриарха *Сергия* (610—638) — великого защитника государства и, увы, одновременно с этим нового ересиарха, положившего начало учению монофелитства.

К сожалению, сохранилось немного свидетельств, позволяющих узнать нечто содержательное о юных годах героя нашего повествования. Есть свидетельства, что мальчик рос довольно болезненным — как полагают, он хронически болел туберкулезом. Но нам хорошо известно о событиях, вольным или невольным участником которых он являлся. Пожалуй, самым ярким из них стала осада Константинополя персами и аvaraми. Желая противодействовать Ираклию, который с основными воинскими подразделениями находился на территории Персии, весной 626 г. персидский полководец Шахрбараз взял Халкидон и расположил свою армию на побережье, дожидаясь подхода аваров к Константинополю.

Столичный гарнизон и жители тем временем, выполняя указания св. Константина Нового, приводили в порядок оборонительные сооружения: чистили рвы, насыпали валы, восстанавливали стены. Тревога, сжимавшая сердца людей, иногда прорывалась в случайных волнениях по ничтожным поводам. В эту минуту серьезным помощником св. Константину III стал мудрый и опытный патриарх Сергий, вновь продемонстрировавший силу своего характера и способность контролировать ситуацию. Он совершал многочисленные моления о спасении Римского государства и Константинополя, и на всех воротах города по его приказу был написан образ Пресвятой Богородицы с предвечным Младенцем на руках.

В середине июня 626 г. с азиатской стороны Босфора появились персы, разграбившие все в округе Халкидона. А 29 июня 626 г. с севера подошел передовой отряд аваров численностью 30 тыс. воинов. В течение двух недель авары разоряли окрестности, а затем хан отправил посла узнать, за какую сумму константинопольцы согласны выкупить

свое право на жизнь. К удивлению посла, римляне горели желанием сразиться за родной город и отказались вести переговоры о выкупе. Через месяц, 29 июля 626 г., подошло все войско аваров, в которое во множестве были включены данники хана — славяне, гепиды, болгары. Варваров было так много, что они заполнили собой весь горизонт, и жители пришли в ужас от силы и мощи врага.

Тем не менее осознание превосходства варваров не привело римлян к трусости. Они пользовались любой промашкой врага, чтобы нанести ему урон. Через 10 дней после блокады Константинополя солдаты и добровольцы из числа жителей сделали смелую и глубокую вылазку на лагерь противника, располагавшийся от городских стен на расстоянии 10 км. Погибло много аваров, и результаты этой смелой операции могли быть еще более успешными, если бы солдатам не пришлось отвлекаться на защиту горожан, попутно жавших урожай со своих полей. В течение нескольких дней после этого происходили мелкие стычки, в перерывах между которыми авары возводили осадные орудия. Оценив крепость городских стен, Аварский хан решил штурмовать Константинополь не только со стороны суши, но и с моря.

Вечером 2 августа 626 г. хан приказал прислать посольство для переговоров с римлянами. Он настолько уверовал в свою грядущую победу, что заявил, будто уже не удовлетворится обычным выкупом, но требует *безоговорочной капитуляции* и сдачи Константинополя — конечно, римляне ответили отказом. После этого хан отдал своим войскам приказ наступать на город.

С 3 по 7 августа 626 г. продолжался ожесточенный штурм, причем потери осаждавших были очень велики, а римлян — ничтожны. Несмотря на множество осадных орудий и безусловный численный перевес, авары так и не смогли продвинуться вперед. Хан выстроил 12 укрепленных осадных башен, очень надеясь на то, что с их помощью сможет преодолеть городские стены, но матросы сожгли их, используя воздушную брандеру — лодку, спущенную на шесте со стены, и наполненную горюче-смазочными материалами.

Наконец, на 7 августа хан назначил генеральный штурм, но уже с моря, направив для этих целей славян на их легких суденышках. Однако его план стал известен магистру Вону, командующему римскими войсками в Константинополе. Когда варварская флотилия двинулась к городу, навстречу им вышли римские суда, беспощадно громившие врага и сжигавшие их. Навстречу спасшимся в воде варварам вышел сильный армянский отряд, отправленный императором в столицу, без всякой пощады уничтожавший аваров. Спасшиеся славяне искали спасения в лагере аваров, но хан приказал без всякой жалости убивать всех

беглецов. Как следствие, оскорбленные славяне самовольно покинули лагерь хана, серьезно ослабив его войско.

Вдохновленные успехом морской операции, защитники Константинополя открыли ворота и бесстрашно ринулись на врага, причем в их рядах было множество женщин и детей. Не имея возможности восстановить порядок в своем войске, хан отдал приказ сжечь осадные орудия, а сам приступил к переговорам с магистром Воном, надеясь выторговать условия мира. Конечно, его инициатива не встретила сочувствия у византийцев, командующий которых заявил, что ждет подхода брата царя Феодора с основными войсками. Это решило дело — хан отдал приказ срочно сворачивать лагерь и отступать.

Забавно, но персы, расположившиеся на другом берегу Босфора и видевшие огонь у Константинополя, посчитали, что авары взяли город. Когда до них дошла весть о масштабах поражения аваров, Шахр-бараз немедленно увел свои войска в Сирию. В отличие от персов, аварам пришлось испить горькую чашу поражения до дна. Отступление причинило им не меньшие страдания, чем неудачный штурм римской столицы. Среди них было множество раненых воинов, умиравших в дороге, свирепствовала какая-то эпидемия, и они несли громадные потери в людях.

А население Константинополя торжественно праздновало свою победу, искренне веря, что Пресвятая Богородица спасла их от неминуемой смерти. В Ее честь был составлен акафист «Взбранной воеводе», и отныне Церковь ежегодно отмечает праздник освобождения Константинополя в субботу пятой седмицы Великого поста. Конечно, это предание и праздник родились не на пустом месте: многие рассказывали, ссылаясь на аварских пленных, что сам хан видел, как Женщина в белоснежных одеяниях ходила по крепостным стенам. Радость константинопольцев была тем более полной, что вскоре пришло известие о замечательной — и уже очередной — победе римлян под командованием царского брата Феодора над персами. Правда, как обычно, радость и горе ходят вместе: 11 мая 627 г. умер магистр армии Вон, которого похоронили с почестями в храме Иоанна Предтечи в Студийском монастыре.

Поражение аваров имело еще и то серьезное последствие, что постепенно Аварская держава перестала существовать, распавшись на самостоятельные государства. Среди самих аваров развернулась ожесточенная война за наследство вскоре умершего хана. Теперь на некоторое время северные границы Римской империи получили мир и покой.

Конечно, у данной победы действительно было много творцов, но трудно отделаться от вполне естественной мысли, что всем им был не-

обходим некий централизирующий элемент, роль которого могла играть исключительно повзрослевший св. Константин III. При всем авторитете патриарха Сергия, он не мог осуществлять все государственные функции при находившемся рядом с ним живом наследнике престола. Хотя бы потому, что указания в адрес государственных чиновников, в том числе и по военным вопросам, не могли исходить от патриарха, а лишь от лица, обладавшего царским титулом.

После блистательной победы отца над персами Византия испытала еще одну радость — возвращение Креста Господня, захваченного ранее в Иерусалиме. Разделяя свое ликование со своим народом, Ираклий Великий отправил сыну послание, в котором были следующие строки: «Ликуйте Богу вся земля, служите Богу в радости, выходите в сретение Его в веселии и знайте, что Бог есть Сам владыко. Он нас сотворил, в нем мы сами. Мы Его народ и овцы стада Его. Входите в сени с песнями и исповедуйтесь Ему. Хвалите имя Его! Вовеки милость Его и в роды истина Его. Да возрадуются небеса, да торжествует земля, да возрадуется и море, и все, что в них. И все мы, христиане, вознесем хвалу, славословие и благодарение Единому Богу, радуясь великой радостью о Его святом имени. Пал высокомерный царь персов! Пал и низвергся в недра земные, и истреблена с земли память его! Надменный и глаголавший неправду в гордыне и уничтожении против Господа нашего Иисуса Христа, Бога истинного, и Приснодевы Марии, погиб, нечестивец, с шумом. Труд его пал главу его, и неправда его взошла на макушку его».

Встреча императора-победителя персов, сокрушившего великую державу, 6 лет подряд испытывавшего тяготы воинских походов и подвергавшего свою жизнь опасности в боях, произошла очень торжественно. Патриарх Сергий, св. Константин III, члены сената, клирики, народ встречали царя-победителя масличными ветвями, криками радости и пением псалмов. Подойдя к отцу, св. Константин Новый упал на колени и поклонился ему, не в силах сдержать слезы радости и благодарности. Вступая в город через Золотые ворота, царь-триумфатор ехал на колеснице, которую везли четыре слона, взятые у персов в качестве военных трофеев, а сам он бросал щедрые подарки народу.

В отличие от отца св. Константин III не поддался соблазну разрешить противоречие между халкидонитами и монофизитами через *монофелитство* — а именно эту цель преследовал и его царственный отец, и патриарх Сергий. Столичный архиерей разработал новое богословское учение о двух природах во Христе, как это определил Халкидонский Собор, но одной воли. Надо сказать, это учение очень быстро собрало широкую аудиторию, поскольку всем казалось, что оно наилучшим образом объясняет тайну Боговоплощения и примиряет

всех противников. Даже Римский папа *Гонорий* (625—638), получив послание от Константинопольского патриарха, высказался вполне благосклонно относительно нового учения. И в скором времени ересь монофелитства буквально залила весь Восток. К чести Западной церкви следует сказать, что позиция папы Гонория не нашла отклика у остальных латинских архиереев, и уже вскоре новый раскол между Западом и Востоком стал явью. Решать эту проблему придется уже сыну и внуку св. Константина III.

Твердость характера св. Константина III прекрасно уживалась у него с врожденным христианским смирением и незлобивостью. Так, не желая конфликтовать с нелюбимой в народе мачехой, он тем не менее не возражал против венчания своего единокровного брата Ираклона на царство как соправителя, хотя, конечно, мог воспрепятствовать этой инициативе царицы Мартины.

Впрочем, не только новый церковный раскол тревожил сердца современников той далекой эпохи. Буквально сразу после поражения Персии арабы напали на византийские владения, и Византия, чьи силы оказались подорванными предыдущими испытаниями, уже не могла им противостоять. Ираклий Великий прекрасно осознавал, какое тяжелое бремя он, расставаясь с жизнью, перекладывает на плечи Константина III. Все его многолетние труды и подвиги растаяли в одночасье как дым, и потрясенное страшными поражениями Римское государство вновь оказалось на грани жесточайшего кризиса. Царь надеялся, что предпринятые им меры по закреплению прав Ираклона на царство позволят Мартине сохранить свое влияние при дворце. Но, увы, уже в первые дни после смерти императора стало ясно — надежды на то, что последняя воля Ираклия Великого будет исполнена и Ираклон вместе с матерью и св. Константином III станут *совместно* управлять государством, не оправдались.

Первой жертвой народной нелюбви стала Мартина, решившая публично объявить волю своего покойного мужа. Когда цари и августы по традиции совершили праздничный выход, Мартину ждал неприятный сюрприз. Приветствуя обоих царей и славословя их, константинопольцы отдали предпочтение св. Константину III, поскольку тот был облачен в пурпур едва ли не с рождения. Саму же Мартину византийцы отвергли, причем в очень обидной форме: «Ты только мать царей! — неслись к ней крики из толпы. — Они наши цари и владыки! Когда в наше царство являются варвары и иноплеменники, ты не можешь принимать их и вести с ними переговоры. Не дай Бог, чтобы в такое состояние пришла держава римлян!» После этого Мартине ничего не оставалось, как молча признать свое поражение и на время затаиться.

Вполне естественно, что при 15-летнем брате св. Константин III *полностью* взял бразды правления в свои руки. Уже его первые шаги как единовластного государя показали всем, что на трон взошел человек со сложившимися убеждениями и добрым характером, хотя и слабый здоровьем. Положение Римского государства в этот момент оставалось все еще очень опасным. Арабы практически полностью завоевали Сирию и Египет, остались лишь крохотные римские островки, залитые арабским морем. Необходимо было быстро решать вопрос о заключении с арабами мирного договора, если, конечно, царь не желал, чтобы вскоре те стояли у стен Константинополя. Он срочно вызвал в столицу Александрийского патриарха и предоставил тому необходимые полномочия для определения условий мирного договора, включая размер подлежащей выплате арабам дани. Одновременно с этим император стянул войска и флот для помощи последним осажденным крепостям Египта, в которых византийцы отчаянно сопротивлялись мусульманам.

Но пока шли эти приготовления, арабы завершили начатое дело до конца: 9 апреля 641 г. пала крепость Вавилон в Египте, 13 мая город Никиус, а затем Антинуполь. Причем последние поражения ознаменовались *полной деморализацией* римских командиров и солдат, панически отступавших при виде арабов, и жестокой резней мусульманами местного населения. В Сирии арабский полководец Муавия, благодаря предательству одного иудея, захватил Кесарию Палестинскую. После этого арабы проникли в Киликию, прошли в Каппадокию и захватили город Евхаиты.

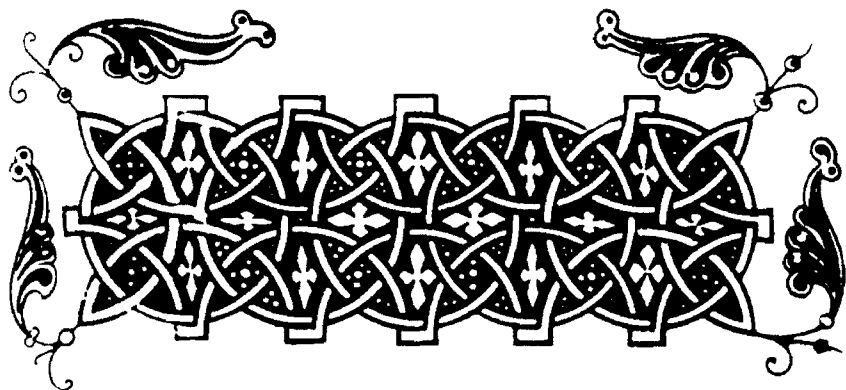
Любые семейные склоки, тем более в августейшей семье, едва ли уместны во время войны. Но все же в скором времени отношения между Мартиной и императором резко испортились. Святой Константин III очень нуждался в средствах для ведения войны, и тут комит царских щедрот Филагрий, знавший о последних распоряжениях покойного Ираклия Великого, открыл царю тайну, что у Константинопольского патриарха *Пирра* (638—641; 641—653) хранятся деньги Мартины. Император потребовал от архиерея вернуть их в казну, полагая, что Мартина не нуждается в *отдельном обеспечении*, и Пирр был вынужден подчиниться царскому приказу. Правда, это не помогло ему: он пал в немилость и был отстранен от дворца. Однако царица люто возненавидела своего пасынка, и вскоре двор разделился на две партии, открыто враждовавшие друг с другом.

Исправляя ошибку отца, связанную с изданием «Эктесиса», св. Константин Новый благосклонно принял послание Римского папы *Иоанна IV* (640—642), в котором тот жаловался на Константинопольских патриархов Сергия и Пирра. Царь не стал вдаваться в эти подробности

и просто пообещал апостолику отменить «Эктесис», подписанный его покойным отцом, в котором излагалось монофелитское учение. Однако он не знал, что дни его уже сочтены, и исполнить обещанное император уже просто не успел.

Напряженная атмосфера, довлевшая в царском дворце, усугубила его болезнь, от которой он страдал с детства. Надеясь найти облегчение от страданий, он оставил столицу и переехал в Халкидон, где имел собственный дворец. Отъезд царя из Константинополя и его болезненное состояние вызвало тревогу в городе, где ходили упорные слухи, будто царь *отравлен* Мартиной. Верил ли в это сам св. Константин — неизвестно, но, безусловно, он не доверял мачехе. Тогда император обратился *с просьбой* к войску (!) обеспечить безопасность своему сыну, которому было всего 10 лет. Исполнителем воли императора был назначен знатный армянин Валентин Аршакуни, которому царь передал для выплаты войску в качестве подарка 216 тыс. золотых монет.

Едва святой царь успел отдать последние распоряжения, как 25 мая 641 г. умер, процарствовав всего 103 дня.

Глава 10.

ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ КОНСТАНТИН IV ПОГОНАТ (668—685)

§1. Юный царь и борьба за единовластие

После гибели императора *Константа II* (641—668), внука Ираклия Великого и сына св. Константина III Нового, осталось три его сына — все венчаные на царство царевичи — соправители *св. Константин*, *Тиберий* и *Ираклий*. Но на их пути встал узурпатор Мизий, начальник византийского войска на Сицилии. Хотя сам Мизий, отличавшийся красотой, силой и недюжинной храбростью, не стремился к узурпаторству, его солдаты фактически *принудили* к принятию незаконного для него царского сана. Более полугода длился мятеж, на устранение которого выступили византийские войска под руководством экзархов Италии и Африки. Большую помощь имперской армии в подавлении бунта (хотя, очевидно, *моральную*, а не силовую) оказал Римский папа *Виталиан* (657—672), что не было забыто впоследствии. Мизия схватили, казнили, и голова его, по страшному обыкновению того времени, была отослана в Константинополь. Вместе с ним пострадали и те савновники, которые поддерживали узурпатора. В общем, когда новый царь *св. Константин IV* прибыл на Сицилию, чтобы восстановить порядок и законность, бунт был уже подавлен. С путешествием св. Константина IV связано и его прозвище, вскоре распространившееся в народе. Уплывая в Италию безусым юнцом, он вернулся с большой бородой, за что был прозван *Погонатом*.

Это был, как уже говорилось, совсем молодой человек. Он расстался с отцом перед отъездом того на Запад, когда ему самому исполнилось всего 9 лет. По-видимому, в это время его мать еще была жива, но при дворе правила не она, а два фаворита — евнух Андрей и патриций Феодор, этнический армянин из Каппадокии. Именно они за отсутствием царя, которого мало интересовали дела на Востоке, управляли Византией, причем, как можно судить, не самым худшим образом.

Когда в столицу пришла весть о смерти императора Константа II, св. Константин IV не стал мешкать и немедленно принял консульство, подчеркнув тем самым, что отныне он *самостоятельно* правит государством. Тем не менее бывшие фавориты остались при Константине IV в качестве его близких помощников и доверенных людей, которым царь начал поручать самые ответственные дела.

Хотя отец венчал на царство трех сыновей, св. Константин IV проявил стремление в скором времени избавиться от своих братьев и стать *единовластным* правителем Римской империи. Это стремление не осталось незамеченным окружающими, в первую очередь войском, которое по сложившейся традиции ежегодно приносило клятвы на верность императору. Первоначально в официальных документах значились имена всех трех царей. Но когда вместо привычного «благочестивейшего Константина, богопоставленного великого государя, постоянного августа и самодержца и богохранимых братьев его Ираклия и Тиберия» в клятвенной грамоте оказалось имя одного Константина, войско заволновалось.

Их поддержали и представители народа, решившие напомнить царю о правах на престол его малолетних братьев. Активно настроенная группа жителей пришла в город Хрисополь, где находился св. Константин IV, и заявила: «Мы верим в Святую Троицу и идем венчать на царство троих!» Как пишет летописец, «Константин смутился, что братья его оставались без всякого достоинства», но выводы для себя сделал довольно быстро. Он направил к делегатам от армии и народа патриция Феодора, своего бывшего опекуна, который рассыпался в похвалах в их адрес. Затем хитрый сановник предложил им выделить переговорщиков, которые могли бы от лица народа обсудить этот вопрос в сенате. Но когда обманутые «парламентеры» вошли в город, царь без затей приказал повесить их. Остальные, увидев конец своих товарищей, немедленно разошлись.

Нельзя, конечно, назвать этот поступок красивым, но как не принять во внимание то обстоятельство, что император св. Константин IV, обладавший всеми достоинствами семейства Ираклидов, недолго думал, когда речь шла об ограничении его власти? Не исключено, что, учитывая малолетство своих братьев, он не стал бы предпринимать ни-

каких жестоких мер по своей инициативе. Но, увидев, что их личностями пытаются *манипулировать* во вред государству и покушаться на его царственные prerogatives, император предпринял превентивные меры. Первоначально он для проформы указывал их имена в государственных актах, но потом решил вопрос кардинально. Братья подрастали, император уже имел наследника (будущего царя *Юстиниана I*), а поэтому приказал в 681 г. *отрезать им кончики носов* и тем самым навсегда исключил возможность приобщиться к царской власти. Традиция калечить потенциальных и нежелательных претендентов на царский трон уже вошла в Византии «в моду». Пожалуй, это — *единственное* деяние, которое не украшает царствование св. Константина IV, при котором Византийская империя обрела мир, а Церковь покончила с ересью, расколовшей ее на части.

Как и все предыдущие императоры Ираклиды, св. Константин IV принял государство в тяжелом положении. И, как его предшественники, проявил недюжинную волю, мужество и характер, сумев вывести Византию из тяжелого кризиса. Пока Констант II пребывал на Западе, Арабский халиф организовал новое вторжение в Малую Азию. Не мудрствуя лукаво мусульмане удвоили атаки, поставив перед собой целью захват Константинополя. Особенно страшным для Византии стал 673 г. Халиф организовал громадный флот и отправил его на штурм византийской столицы. Помимо этого, как рассказывают очевидцы, арабы собрали гигантскую по тем временам армию. Примечательно, что поход тут же был объявлен «*священным*». Предстоящему событию было придано значение исполнения воли Аллаха, и сам халиф пророчески выразился, что рано или поздно, но зеленое знамя ислама будет развеиваться над стенами Константинополя. Воинам было обещано, что все погибшие получают прощение грехов и попадут в рай.

Арабы захватили полуостров Кизик в Мраморном море, который стал их морской базой. Попутно они оккупировали остров Кипр. Однако и св. Константин Погонат не сидел сложа руки. Он сумел создать флот, довольно успешно отражавший атаки арабских кораблей. Семь лет подряд (!) длились морские сражения, следствием которых стало отступление арабов от Константинополя — несомненный успех византийского оружия. Несмотря на явный перевес в силах, мусульмане ничего не могли сделать с византийцами, у которых к тому времени образовалось тайное, страшное и очень эффективное оружие — «*греческий огонь*». Его изобретателем стал некий Калинник — сирийский грек, бежавший от арабов в Константинополь. Тонкость его использования заключалась в том, что «греческий огонь» нельзя было потушить водой, и арабские суда горели, как спичечные коробки. Наиболее удачным для

греков стал 678 г., когда все попытки арабов овладеть Константинополем закончились для них тяжелыми потерями.

После этого поражения арабы начали отступление, причем их флот на обратном пути попал в бурю и почти весь затонул. А остатки арабских отрядов были почти полностью истреблены византийцами в сухопутных сражениях. Рассказывают, что только при отступлении потери арабов достигали 30 тыс. воинов.

Последующими историками дается очень высокая оценка действий молодого царя, возможно, иногда даже преувеличенная. Например, такая: «Если бы магометане завладели тогда Константинополем, то византийский народ подвергся бы опасности быть стертým с лица земли, да и для истории всего человечества это было бы роковым событием. Если бы магометане захватили тогда этот оплот христианства на Востоке, то ничто более не помешало бы дальнейшему распространению магометанского владычества в Европе. Ни слабые славяне, ни разделенные и враждебные между собой германцы, ни франки. Западные историки приписывают обыкновенно спасение Европы от магометанства победе Карла Мартелла в 732 г., но они забывают, что за 60 лет до этого опасность грозила Европе с другой стороны. И опасность эта отвращена ничем иным, как мужественною, терпеливою и искусной обороной, какую противопоставили византийские христиане полчищам и кораблям арабским». Здесь можно спорить *о деталях*, но не о целостной оценке самого события.

По другой, не менее авторитетной оценке, победа византийцев над арабами в 678 г. относится к числу трех эпохальных сражений — Льва III Исавра в 718 г., уже упомянутый успех Карла Мартелла и св. Константина IV. Именно эти люди остановили мусульманскую экспансию и спасли христианскую цивилизацию. Причем победа св. Константина Погоната признается не только первой, но и *величайшей*.

Более того, деблокировав столицу своего государства, св. Константин IV с войсками высадился в Сирии и возмутил против арабов некоторые области Финикии, и уже опасность нависла над Дамаском, где пребывал стареющий халиф. Победоносные византийские войска опять ощутили вкус давно забытых побед, и их угрозы приняли явные очертания. Халиф всерьез стал опасаться за безопасность своих земель и решил завершить войну с Византийской империей. Теперь все силы он приложил для обеспечения прав на престол своего сына.

Впрочем, эта неудача не остановила натиск арабов в Африке, которые совершали ежегодные набеги и продвинулись вплоть до Триполиса. Измаилиты проникли до Туниса и в 670 г. заложили город Кайруван, ставшим позднее одним из наиболее многочисленных и богатых в Север-

ной Африке. В целом успехи арабов были не слишком впечатляющими. А потому халиф отправил послов к императору с предложением заключить мирный договор, и царь благоразумно принял это предложение. Св. Константин IV прекрасно понимал, что в настоящий момент его сил явно недостаточно, чтобы всерьез думать о полном разгроме арабов — все еще *очень сильного* противника, а рисковать государством он считал легкомысленным. В ответ император направил к халифу патриция Иоанна, сумевшего заключить мирный договор сроком на 30 лет, причем, в отличие от предыдущих периодов, дань византийцам выплачивали уже арабы. В частности, мусульмане обещали давать ежегодно 3 тыс. золотых монет, возвращать 50 пленников и дарить 50 коней.

Это был несомненный успех, имевший серьезные внешнеполитические последствия. Узнав об инициативах арабов, мятежные авары тут же прислали св. Константину IV подарки, свидетельствующие об их покорности. Аналогичные поздравления прислали правители других государств с нижайшей просьбой «держат их в любви». Конечно, эта победа состоялась во многом благодаря тому, что после смерти халифа среди арабов начались междоусобные войны. Но ведь искусство правителя государства и военачальника и заключается именно в использовании выпавших ему шансов максимально эффективно. И, несмотря на молодость, 30-летний царь проявил способности опытного государя, заставившего врагов считаться с ним, обезопасив свое государство от внешних угроз.

Может показаться удивительным, но вчерашняя смертельная опасность сменилась твердым миром, и вновь Византийская империя возвышалась над остальными народами, полная сил, могущества и внешнего блеска. Очевидно, арабы не заблуждались на свой счет, поскольку, как следует из сообщений летописцев, в 684 г. они *просили* императора подтвердить мир. В знак своих добрых намерений, они предложили дополнительную дань в размере 365 тыс. золотых монет, не считая рабов и благородных коней. Конечно, у царя не было оснований отклонять столь выгодное предложение.

Однако отказ измаилитов от дальнейших приобретений в Малой Азии не означал отсутствия у них интереса к Северной Африке. В 682 г. уже при халифе *Язиде ибн Муавия* (680—684), сильная арабская армия и направилась в сторону Восточного Алжира. Первоначально успехи мусульман были весьма значительны: они глубоко проникли на Юг и Запад, попутно разбив войско берберов, куда входили несколько византийских отрядов. Но в 683 г. новая армия византийских карфагенян совместно с берберами дала бой арабской армии, оказавшийся для нее последним; она вся полностью была уничтожена. С этого момента

власть арабов над Северной Африкой прекратилась: берберы заняли Кайруван, а Триполис и Фазан освободились от арабского ига.

Успехи мусульман на Востоке были чуть более впечатляющими: они заняли Мерв, Балх и Герат, покорили Хорасан, Согдиану, дошли до Бухары и нанесли *тюрмам* несколько чувствительных поражений. Вершиной успеха стал захват в 681 г. Самарканда, который, впрочем, пришлось дважды брать штурмом, поскольку после первой победы местное население восстало и перебило измаилитов, стоявших в городе. Впрочем, покоренные арабами турки также не собирались признавать их власть над собой. И как только арабская армия удалялась прочь, так жизнь принимала прежние формы. А в Табардистане вся арабская армия, *до единого человека*, сложила свои головы в горах, заваленная камнями. Как следствие, на время Византия могла заняться иными делами, чем отражение экспансии арабов.

А их накопилось достаточно: славянские набеги на севере и раскол Церкви. Обеспечив мир с арабами, св. Константин IV предпринял в последующие годы ряд военных походов против славян, едва ли не полностью занявших Балканский полуостров и Грецию. Однако здесь его успехи были не столь явными, хотя в целом главная цель, которую ставил перед собой царь, была достигнута. К началу его царствия ситуация сложилась такая, что за исключением укрепленных приморских городов и недоступных горных областей почти весь полуостров уже находился в руках разрозненных, нередко воюющих друг с другом славянских племен. Правда, византийскому правительству удавалось удерживать их в повиновении и обеспечивать относительное спокойствие своих границ, но не более того. Пользуясь тем, что основные силы римлян отвлечены для защиты Константинополя, славяне в 678 г. осадили (в очередной раз!) Фессалоники. До лета 680 г. они грабили окрестности, и только поражение, нанесенное им осажденными византийцами, охолодило пыл варваров.

Но еще большую опасность несли активно вступившие на страницы истории *болгары*, ставшие очередным многовековым противником Византии. В середине VII в. Дунайская орда болгар под руководством своего князя *Аспаруха* (642—701) начала набеги в Мизию и во Фракию. Следствием их успехов стало образование самостоятельного государства *Болгария* и... постепенная ассимиляция со славянскими племенами, уже проживавшими здесь.

Против болгар св. Константин IV Погонат организовал в 679 г. большой поход с привлечением флота. К сожалению, кампания оказалась неудачная. Первоначально византийцы дошли до Истры, где обосновались болгары, и те, испугавшись греческой (будем употреблять этот термин

как синонимичный словам «византийский», «римский») армии, заперлись в своих укрепленных местечках, со дня на день ожидая штурма имперских войск. Византийцы медлили, поскольку местность была болотистая и не давала возможности маневрировать. Как на беду, в этот момент внезапно заболел император, страдавший, несмотря на молодой возраст, подагрой. Он отплыл в город Месемврию для лечения, и тут же среди солдат пронесся слух, будто царь *бежал*, оставив их на произвол судьбы. И победоносная римская армия... лихорадочно начала отступление, преследуемая осмелевшими болгарами. Потери были не очень большими, но царю ничего не оставалось делать, как заключить с болгарами довольно постыдный мирный договор на условиях выплаты ежегодной дани.

Впрочем, пусть и таким непопулярным способом, но император св. Константин IV сумел обезопасить свои границы. Хорваты и сербы признали над собой власть Византийского императора и обещали выставлять свои отряды в случае войны. Кроме этих успехов, св. Константин IV сумел продолжить политику разделения славянских племен, что позволяло обеспечить гегемонию Константинополя над ними. Отныне до конца царствования императора Византия отдыхала от войн.

§ 2. VI Вселенский Собор

Едва внешние условия позволили уделить время для решения внутренних проблем, император обратился к вопросу воссоединения Западной и Восточной церквей. 10 сентября 678 г. он направил письмо Римскому епископу *Домну* (676—678). «Ваше отеческое блаженство знает, — писал св. Константин IV, — как и большинство вашей святейшей Церкви нашего Древнего Рима, что с того самого времени, как Бог повелел нам самодержавно царствовать, много раз некоторые заявляли желание возбудить движение и прения между частями вашей святейшей Церкви и затем между частями всей Святейшей Великой Церкви Божьей, по поводу спорных выражений в одном из догматов благочестия. Но мы препятствовали этому, почитая это неблагоприятным, и зная, что из частного прения не только не может произойти согласия относительно спорного предмета, но зло только увеличится».

Конечно, рецепт преодоления раскола был известен — Вселенский Собор. Но в условиях тяжелейшей войны его созыв был едва ли возможен. Наконец, как посчитал св. Константин IV, после одержанных побед и усмирения внешних врагов время для Вселенского собрания пришло: «Мы поручили себя Богу нашему, провидящему лучшее о нас, в полной уверенности, что в то время, когда Его благодать повелит быть

исправлению самого существенного, Он дарует нам благоприятные обстоятельства для общего собрания обоих престолов, дабы, сообразуясь с определениями пяти Соборов и объяснениями Святых Отцов, они достигли непоколебимого убеждения и соединились в единые уста и единое сердце для прославления пречестного имени Бога нашего».

Многого св. Константин IV папе *официально* не обещал. Как следует из послания, он лишь заранее *не пытался предугадать*, чем завершится обсуждение догматического вопроса, и гарантировал, что посланцам папы будет обеспечена возможность высказать его мнение. «Настоящая наша благочестивая грамота будет охраною для тех, кои придут от лица Вашего престола. Свидетель Бог Вседержитель, что мы не относимся пристрастно к какой-либо части Церкви: мы сохраним равенство той и другой, никоим образом и ни в чем не делая принуждения тем, кои присланы будут от Вас, примем их со всякой честью, подобающим почетом». Но, конечно же, в действительности он целиком разделял догматическую позицию Рима; и папа об этом знал. Едва ли можно представить, что Римский епископ направил бы своих легатов на Собор, не имея внутренней уверенности в том, что они являются с императором союзниками и единомысленниками.

В то же время, как истинный глава Кафолической Церкви, царь беспристрастно и объективно размышлял о причинах раскола, не пытаясь переложить вину на кого-то, но и не скрывая некоторых весьма неприятных для Рима обстоятельств. Так, император недвусмысленно отмечал, что вина в прекращении общения Римской и Константинопольской церквей лежит не только на восточных патриархах, но и на некоторых *понтификах*, мнение и поведение которых кажутся ему сомнительными.

«Святейший и блаженнейший патриарх Константинополя с большой твердостью настаивал на исключении из диптихов блаженнейшего Виталиана, говоря, что Гонорий поминается ради чести Апостольского престола Древнего Рима; затем не принимать в поминание бывших после патриархов упомянутой святейшей Римской церкви до тех пор, пока не состоится исследование и соглашение относительно возбуждающих разногласие между обоими престолами выражений. Наконец, и ваше отеческое блаженство подобным же образом помянуть только впоследствии».

Правда, тут же замечал св. Константин IV, он сам настоял на том, чтобы Виталиана не исключали из диптихов. «С одной стороны, потому, что мы сохраняем полное равенство и считаем тех и других православными, с другой стороны — ради оказанной упомянутым Виталианом при жизни любви к нам во время восстания наших гонителей».

Пообещав обеспечить личную безопасность всех участников грядущего Вселенского собрания и возможность всем заинтересованным лицам высказать свою позицию по вопросу о волях и энергиях во Христе, император ни на йоту не уклонился от своего слова. И если потребуется охарактеризовать VI Вселенский Собор одним словом, то, наверное, наиболее удачно будет указать на отсутствие в его деяниях какой-либо *заданности*.

Здесь следует обратить внимание на одну важнейшую деталь, органично присущую практически всем императорам Византии, имевшим касательство к церковным спорам и нестроениям. В отличие от церковных партий, для которых их оппоненты, как еретики, казались уже отпавшими *от* Церкви, императоры считали ересь болезнью *внутри* Церкви. По этой причине цари, как посредники и арбитры, желали не полного низвержения падших или заблудших, а *воссоединения* двух расторгнутых спором частей Кафолической Церкви. Это, как справедливо замечают, далеко не всегда со слепой неизбежностью вело к вероучительному компромиссу — способу, довольно часто используемому в предыдущие годы, но почти всегда несколько умаляло победу победившей церковной партии. Как правило, Римские императоры требовали от нее принять кающихся еретиков в лоно Церкви и дать им достойное место.

И в данном случае св. Константин IV проводил ту же политику, что и его предшественники. Для умиротворения Церкви, для обеспечения истины и торжества православного вероисповедания император был готов пожертвовать самым близким и дорогим. Далеко не спонтанно, отдавая отчет своим словам, он пообещал папе Агафону (678—681) анафематствовать собственного отца, императора Константа II, если выяснится, что тот что-то изменил в вере. Но скажем, немного забегая вперед, что до этого дело, конечно, не дошло.

Конечно, невмешательство императора св. Константина IV в существо прений вовсе не означало полного вероисповедального индифферентизма царя. Как указывалось выше, сам по себе факт обращения к Римскому епископу с предложением обсудить спорные догматы уже значил очень многое для опытных людей и позволял без труда понять, *к какой* вероисповедальной формуле император более расположен.

Папа Агафон с энтузиазмом принял предложение императора, прекрасно понимая и одобряя его позицию, а также отдавая должное тактичности царя. Надо полагать, что, если бы у апостолика возникли сомнения в православности взглядов св. Константина IV, он мог вообще отказаться от обсуждения данного вопроса. Ссылаясь, например, по образцу некоторых своих предшественников, на то, что вопрос по существу *уже решен* в Риме и Константинополе достаточно просто под-

писаться под той формулой, которая была распространена на Западе. Эта ситуация совсем не кажется вымышленной или искусственно надуманной, если мы вспомним обстоятельства, при которых проходили III и IV Вселенские Соборы, и позицию римских легатов.

Но, повторимся, в те дни никто не мог гарантированно сказать, *чем закончатся богословские дебаты*. Поскольку предыдущие события создали впечатление, будто бы весь Восток заражен монофелитством и до сих пор пребывает в ереси, папа решил усилить свою позицию и продемонстрировать восточным архиереям единую, дружную и выверенную позицию всего Запада. В 680 г. он *с разрешения императора* созвал на Собор в Риме всех западных епископов, включая архиереев из лангобардов, франков, славян, готов, бретонцев — всего 125 архипастырей. Поэтому под его посланием св. Константину IV значатся подписи Ювеналия, епископа Албанского, Адеодата, епископа Галльского, Кириака, епископа Поленского из Истрии, и других Истрийских архиереев — Андрея Вейентанского, Бенената Опитергийского, Урсиниана, епископа Падуанского, и других «варварских» епископов.

Непосредственно апостолика представляли его легаты — пресвитеры Феодор и Георгий, а также диакон Иоанн. Помимо них на Собор прибыли и представители западного епископата — итальянские архиереи Абундаций Патернский, Иоанн из Реджио и Иоанн из Порты Римского. Наконец, завершали делегацию, насчитывающую 10 персон, пресвитер Феодор, представитель Равеннской церкви, и четыре греческих монаха из итальянских обителей.

По-видимому, первоначально у императора не было намерения созвать *Вселенский Собор* — в его послании папе речь шла о некоей «конференции» Римского епископа и Константинопольского патриарха. Но, когда 7 ноября 680 г. епископы собрались в зале царского дворца, именуемой «Труллой», выяснилось, что *вся* Кафолическая Церковь представлена на этом собрании. И участники торжественно именовали себя «Вселенским Собором». Как это нередко случалось ранее, число Отцов Собора не оставалось неизменным и постоянно возрастало: к концу работы Собора их насчитывалось 174 человека. Первые 12 заседаний Собора проходили под председательством самого царя св. Константина IV, уделившего вопросу церковного раскола много времени. И, очевидно, благодаря позиции царя Собор в буквальном смысле этого слова явил собой замечательный образец «соборной» мысли.

Уже на первых заседаниях Собора, на которых началось исследование дела, наглядно обнаружилось монофелитство Антиохийского патриарха *Макария* (653—680). Но и он, обратившись с просьбой

к царю, получил возможность представить доказательства истинности своей позиции. Но когда антиохиец и его сторонники огласили списки свидетельств (всего три документа), римские легаты дружно заявили, что списки подложны (в частности, письмо Константинопольского патриарха Мины папе Вигилию), и попросили принести из патриаршей библиотеки подлинные источники.

Не желая насиловать волю присутствовавших Отцов, император предоставил перерыв на два месяца, в течение которых участники изучали представленные свидетельства Учителей и Отцов Церкви. Лишь 7 марта 681 г. Собор вновь собрался на очередное официальное заседание. В последующих затем прениях о том, насколько истинны представленные списки со святоотеческих трудов, авторитет Римской церкви вновь решил дело, и опять не без помощи царя.

Император *напрямую* спросил *Георгия* (679—686), Константинопольского патриарха, и *Макария* (653—680), Антиохийского архиерея, насколько те согласны с определениями Римского собора папы Агафона. Вслед за патриархом Георгием один за другим восточные епископы начали заявлять о своем согласии с оросом того собрания. Но тут Собор «споткнулся» на епископе Мелитинском Феодосии, который предложил прочесть монофелитскую грамоту, составленную в ближайшем окружении патриарха Макария. Однако остальные антиохийцы, не желая разделять обвинения в ереси, выступили и заявили, будто грамота, на которую ссылается Мелитинский епископ, составлена без их участия, а сами они исповедуют веру православно, как папа Агафон и Римский собор.

Фактически после этого уже стало ясно, что как таковой раскол в Церкви уже *не существует*, не считая, конечно, небольшой группы антиохийцев, исповедующих монофелитство. Желая исключить видимые проявления былого недоверия к Риму, Константинопольский патриарх Георгий обратился к императору с просьбой включить Римского папу Виталиана в диптихи: «Потому что твоя богомудрая кротость тотчас находит соединяющихся с Кафолической Церковью и отделяющихся от нее из-за лица».

Когда император св. Константин IV дал согласие, Собор радостно провозгласил: «Константину, великому императору, многая лета! Православному императору многая лета! Защитнику Православия многая лета! Императору-примирителю многая лета! Новому Константину Великому многая лета! Новому Феодосию Великому многая лета! Новому Маркиану императору многая лета! Новому Юстиниану императору многая лета! Мы — рабы императора!» И лишь затем последовали славословия в адрес папы Агафона, патриарха Георгия и императорского синклита (сената).

Последующие заседания вплоть до двенадцатого были полностью посвящены изобличению Антиохийского патриарха Макария и его ученика, пресвитера Стефана, не желавших принять учение о двух волях во Христе. Примечательно также, что среди святоотеческих свидетельств, приведенных на Соборе против монофелитства, было зачитано сочинение императора св. Юстиниана Великого против несториан и акефалов. Тем самым спустя столетие Церковь публично признала его заслуги как богослова, безупречного с точки зрения Православия. В конце концов патриарх Макарий был лишен своего сана как еретик, а на его место антиохийцы избрали патриархом *Феофана* (680—687).

На 12-м заседании Собора Отцы приступили к изучению послания Константинопольского патриарха Сергия к папе Гонорию, а затем обратного послания апостолика своему Константинопольскому собрату. Но самое яркое событие случилось на следующем, 13-м заседании Собора, 28 марта 681 г. Царским сановникам, председательствующим на заседании вместо отсутствующего императора, Собор торжественно объявил: «Мы рассматривали догматические послания, написанные Сергием, бывшим патриархом сего богохранимого царствующего города, к Киру, бывшему тогда епископом Фасидским, и Гонорию, бывшему папе Древнего Рима, а также ответное послание сего последнего, т.е. Гонория, к тому Сергию, и, нашедши, что они совершенно чужды Апостольскому учению и определениям Святых Соборов и всех славных Святых Отцов, а следуют лжеучениям еретиков, совершенно отвергаем их и гнушася как душевредных. Нечестивых догматов их мы отвращаемся, а имена их присудили исключить из Святой Церкви Божией, а именно имена: Сергия, Кира, Павла и Петра, потом Феодора, бывшего епископа Фаранского. Кроме того, мы находим нужным вместе с ними извергнуть из Святой Церкви Божией и предать анафеме Гонория, бывшего папу Древнего Рима».

Конечно, это было нерядовым событием: Отцы VI Собора «одним махом» признали еретиками трех Константинопольских патриархов, Александрийского архиерея и самого Римского епископа — небывалый случай в истории Церкви! Понятно, что, опасаясь ошибки, царские сановники предложили еще раз произвести следствие над архиереями, над чьей головой надвигались такие страшные обвинения. Не исключено, что император, до сведения которого доводили обо всех событиях на Соборе, попытался смягчить удар и дал шанс Риму найти доводы в защиту папы Гонория.

Следствие открылось немедленно, но лекарство едва не оказалось хуже болезни. После того как было зачитано письмо Константинопольского патриарха *Петра* (655—666) к папе Виталиану, все обратили вни-

мание на следующую фразу: «Письмо вашего единоклубного и святого братства доставило нам духовную радость». И тень анафемы скользнула уже над именем папы Виталиана. Римские легаты стали убеждать Отцов Собора в том, что послание Петра содержало лишь отрывочные сведения, и папа Виталиан был *введен им в заблуждение*. Ситуацию спасли царские сановники, предложившие прекратить чтение посланий папы Виталиана и писем к нему, с чем Собор послушно согласился. Трудно отделаться от мысли, что и в этот раз добрая память царя о помощи, которую ему некогда оказал папа Виталиан, спасла умершего понтифика от позора и отлучения от Церкви.

Пасхальная неделя 681 г. ознаменовалась восстановлением отношений между Константинопольским патриархом и Римским епископом. Папский легат, епископ Портоский Иоанн сослужил вместе с Константинопольским патриархом Георгием Литургию по-латыни. А император принял решение об отмене платы, ранее официально взимаемой в пользу государственной казны после утверждения императором кандидатуры очередного понтифика. Этот первый прецедент отказа императора от своего права утверждать нового папу, избранного на Римскую кафедру, впоследствии будет широко использоваться Западом, чтобы отстоять независимость Апостольского престола от Константинополя.

Но на следующем заседании вопрос об анафематствовании архиереев не рассматривался — очевидно, в это время шли *непубличные* переговоры об их посмертной судьбе. Пользуясь этим, римские легаты произнесли анафемы на «Три главы», чем подтвердили истинность определений V Вселенского Собора и богословскую правоту императора св. Юстиниана Великого.

На 15-м заседании Собора произошел интересный случай, прецедентов которому не найти во всей истории Вселенских Соборов. Некий монах Полихроний, уже далеко не молодой человек, исповедник монофелитства, пожелал проверить истинность своей веры опытным путем. Он явился на Собор и предложил положить написанное им вероисповедание на мертвеца, уверяя, что при имени Иисуса Христа тот воскреснет. При отрицательном результате он отдавал себя на суд Собора. Конечно, ничего хорошего для Полихрония из этого «опыта» не получилось — мертвец не воскрес, и монофелитство не подтвердило своей истинности таким способом. Полихроний был анафематствован Собором и лишен сана.

Развязка интриги произошла на 16-м заседании, когда под конец (видимо, вопрос об анафематствовании патриархов и папы еще не был решен окончательно) Константинопольский патриарх Георгий обратился с просьбой к Отцам: «Я и некоторые из приближенных к моему

престолу блаженнейших епископов просим некоторого снисхождения, чтобы, если можно, не анафематствовать в восклицаниях лиц по именам, т.е. Сергия, Пирра, Павла и Петра». Согласно «Деяниям», Отцы единодушно воскликнули: «Тех, которые однажды оказались осужденными и по нашему приговору уже исключены из священных диптихов, нужно анафематствовать и в восклицаниях по именам».

Но именно эта фраза об *«уже осужденных и исключенных из диптихов»* позволяет усомниться, будто данный возглас принадлежал всем присутствовавшим Отцам. Ведь никто, кроме Рима, не рассматривал до этого соборно вопрос о монофелитстве и не исключал, естественно, Константинопольских патриархов из диптихов. А сделано это было на Римском Соборе 648 г., на котором анафематствовали патриархов *Пирра* (638—641, 655) и *Павла* (641—653), и Латеранском Соборе 649 г., где провозглашены анафемы против всех указанных выше лиц. Римский Собор 680 г. папы Агафона лишь подвел окончательные итоги борьбы Западной церкви с монофелитами, признав все предыдущие Соборы истинными.

Очевидно, что категоричный отказ смягчить посмертную участь восточных патриархов прозвучал из уст римских легатов, а Отцы Собора приняли его. Но, отказывая в просьбе собрату своего понтифика, латиняне, видимо, до конца надеялись, что папу Гонория эта чаша минует. Если так, то их ждало быстрое разочарование. Как и на предыдущих заседаниях, Собор единогласно воскликнул славословия в адрес императора св. Константина IV: «Многие лета Стражу Православия! Господи, сохрани Утверждение Церквей! Господи, спаси Стража веры!», а затем анафематствовал поочередно патриархов Сергия, Пирра, Павла, Петра, Кира, Макария, остальных еретиков, выявленных Собором, и... папу Гонория.

Последнее, 18-е заседание прошло опять под председательством царя, заслуженно принявшего славословия в свой адрес и имевшего удовольствие насладиться победой над ересью. Засвидетельствовав своими подписями Символ Веры, участники VI Собора отдали дань чести императору, роль которого в преодолении ереси и умиротворении Церкви для всех была очевидна. «Многая лета императору! Ты сделал ясною всецелость двух естеств Христа, Бога нашего. Господи, сохрани светильник мира! Константину, новому Маркиану, вечная память! Константину, новому Юстиниану, вечная память! Ты изгнал всех еретиков! Господи, сохрани низложившего еретиков! Да сохранит Бог державу вашу! Ваша жизнь — православных жизнь! Царь Небесный, сохрани земного! Тобой умиротворена Вселенская Церковь!» А затем вновь посыпались анафемы в адрес Сергия, Гонория, Павла, Петра, Пирра, Кира, Макария, Похрония, Стефана.

И вновь: «Многая лета императору! Христолюбивому императору многая лета! Господи, сохрани благочестивого императора христиан! Ты утвердил Православие! Вечная память императору! Вечно да пребудет царство ваше!»

По окончании заседаний Отцы направили в адрес императора св. Константина IV приветственное послание, полностью проникнутое благодарностью царю за низвержение ереси и наполненное чествованиями его имени. «Христолюбивый император! Приняв по достоинству от Десницы, все сотворившей и содержащей, диадему самодержавной власти, ты любишь воздавать воцарившему тебя Богу человеколюбием и кротостью, постоянным усердием к вере и правотою; ибо ты знаешь, что Он умиляет такими дарами, которыми любит чествоваться. Какое принесение даров с вашей стороны приличнее Богу, как не пламенное изъявление любви к Нему и веры и умирное чрез вас состояние святых церквей? Поэтому-то и совершил ты столько много подвигов сверх тех, которые у тебя есть, чтобы привести к единомыслию отступников. И вы царствуете чрез Христа мирно, и Христос любит подавать чрез вас мир Своим церквам».

В другом документе «Деяний» Собора Отцы сравнивают императора с Римским епископом. И хотя никто из Отцов даже не думал ставить под сомнение заслуги Рима в преодолении монофелитства, но в своем послании папе Агафону они уточняют: «Будучи просвещенными Духом Святым и руководясь вашими наставлениями, мы отвергли негодные догматы нечестия, уравнивши прямой путь Православия, причем во всем богомудро сочувствовал нам и руководил нами благочестивейший и светлейший наш император Константин». И опять оценка того, *какой* подвиг веры совершил император: «Мы остановили распространение исполненного многих заблуждений мнения недавно появившейся ереси после того, как нам дал пример в догматах Константин, божественно царствующий и милостиво управляющий скипетрами».

После этого Отцы обратились к императору с просьбой утвердить соборные определения, и царь согласился, уточнив, однако, что архиепископ Сардинии Китонат был *ложно обвинен* в сопротивлении императорской власти, а потому должен быть восстановлен в церковном общении. Собор воскликнул: «Просим богомудрую державу государя, для большего обеспечения и утверждения православной веры, выдать пяти патриаршим престолом списки с прочитанного в присутствии вашей светлейшей державы определения за подписью членов Собора и с вашим благочестивым подписанием». Константин ответил: «То, о чем просил теперь ваш Святой и Вселенский Собор, благочестиво исполним».

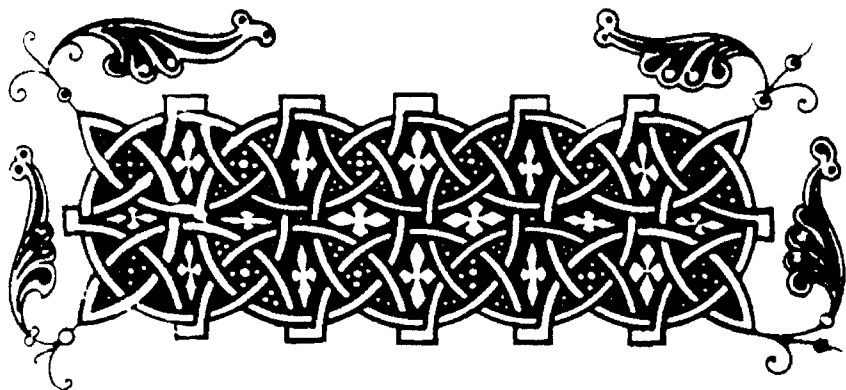
Соборные акты были направлены в Рим для утверждения папой Агафоном, но тот умер, не дождавшись возвращения своих легатов. Утвердить соборные акты со стороны Римской церкви пришлось уже папе *Льву II* (682 683). Конечно, тому крайне неприятно было признавать еретиком одного из своих предшественников, особенно после известного послания папы Агафона, в котором тот утверждал непогрешимость Римского епископа как прямого преемника апостола Петра.

Но вина Гонория была настолько для всех очевидна, что деваться было некуда, и папа Лев анафематствовал и его. И хотя впоследствии и он, и другие понтифики многое сделали, чтобы «дипломатически» *интерпретировать* соборный приговор 681 г., факт остается фактом — вплоть до разделения Церквей каждый апостолик, восходя на престол, анафематствовал Гонория наравне с другими еретиками. И великое значение VI Собора заключается в том, что его решения в корне подорвали основания для присвоения Римом себе высших административно-церковных и судебных полномочий.

Еще одна особенность, на этот раз печальная, отличает VI Вселенский Собор. Хотя его определения суть плод творчества св. Максима Исповедника и папы св. Мартина, но *нигде* в соборных актах эти светильники Православия не упоминаются. Очевидно, потому, что, по мнению Отцов Собора, они пострадали не за веру, а за совершение *государственных преступлений*. Едва ли Отцы сами верили в этот факт, но тем не менее, либо ради ли величия императорского достоинства, либо не желая напоминать о суровой расправе, случившейся над святыми при царе Константе II, они не посмели упомянуть их.

Так завершил свою работу один из величайших Соборов в истории Кафолической Церкви. *Первый* из бывших до него Вселенских собраний, где никто из присутствовавших Отцов не мог пожаловаться на насилие или плохую организацию. Где все, желавшие того, были услышаны. Нет никаких сомнений в том, что это было достигнуто исключительно вследствие мудрой и продуманной позиции императора, благодаря его такту, выдержке и терпению. Победа на Соборе, хотя и вселенская, грандиозная по последствиям, стала последней для царя.

14 сентября 685 г., будучи совсем молодым человеком 32 лет, император св. Константин IV скончался. Позднее император св. Константин IV был прославлен Кафолической Церковью как благоверный царь.

Глава 11.

ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ИРИНА

(797—802)

§1. Наследники престола. Иконоборчество

Прошло довольно времени после последнего повествования, много событий произошло с тех пор. Благодаря героической деятельности императора Ираклия Великого было повержено Персидское царство. Но, словно удар возмездия, Византия подверглась страшной арабской экспансии, с которой ей пришлось бороться почти четыре века. Стать мощнейшей преградой арабской экспансии довелось императору *Льву III Исавру* (717—741) и *Константину V Исавру* (741—775), разгромившим арабов под стенами Константинополя, а затем нанесяшим им несколько весьма чувствительных поражений. Увы, как это нередко бывает, грандиозные свершения великих людей и в данном случае омрачились негативными событиями — появлением нового учения *иконоборчества*, которое горячо поддержали оба императора.

Надо сказать, что иконоборчество существовало *всегда*, хотя его идеологи и сторонники не составляли единой партии. И для скептического, а порой нетерпимого отношения к иконопочитанию существовали свои объективные причины. Так, например, взоры просвещенных современников и интеллектуалов нередко просто коробили грубые сцены неблагочестивого поклонения иконам, даже их *обоожествления* со стороны рядовых невежественных христиан. Повсеместно иконам предписывались магические, таинственные свойства. Священники

соскабливали краску с них и помещали в Чашу, где размешивали со Святыми Дарами. Нередко иконы почитали как восприемников от святой купели. И нет ничего удивительного в том, что многие интеллектуалы категорично отрицали иконы. Заблуждение ополчилось на ложь, а в результате восстало на истину. Так рождалось иконоборчество.

Безусловно, подобные факты требовали определенной реакции Византийского императора, как признанного защитника Церкви и главы церковного управления. В этом отношении Лев III лишь продолжил практику, зародившуюся еще во времена первых христианских Римских царей. Так происходило до императоров Исаурийской династии, так продолжалось и после них вплоть до падения Константинополя в 1453 г.

Ничего нового Лев III Исаур не придумал, создав епископов и савновников, дабы изучить жалобы на языческие формы иконопочитания и вынести конкретное решение. Более того, много лет обдумывая этот шаг, василевс пришел к убеждению, что поставленный на повестку дня вопрос носит не догматический характер, а относится к проблемам *обрядовой практики*.

Было бы нестерпимой ложью характеризовать ересь иконоборчества так, будто за сохранение иконопочитания стояла «вся Церковь», т.е. просвещенное священство и монашество, а против икон — необразованная и грубая светская власть. На самом деле иконоборчество возникло в *клерикальной среде* самых образованных и современно мыслящих для своего времени людей, включая многих столичных епископов. Они искренне и горячо желали избавить Церковь от элементов язычества. И искренне полагали, будто с уничтожением икон исчезнут многочисленные суеверия, а Церковь вновь обретет свою духовную чистоту. Их поддержали многие военачальники, и вскоре император был окружен людьми, деятельно подталкивавшими его к активным поступкам. По их мнению, *крест*, как древний символ христианства, практически идеально удовлетворял требованиям достижения церковного единства и военного благополучия, а, стало быть, потребность в иконах отсутствует.

Весьма характерно, что многие иконоборцы вышли из Малой Азии, что во многом предопределило их успех в императорском дворце. Вследствие арабской экспансии от Византии были отторгнуты Северная Африка, Палестина, Сирия, Египет, Месопотамия. Балканы были в буквальном смысле слова наводнены славянами. Вследствие этого территория Византийской империи, по существу, была ограничена Константинополем и Малой Азией, где и зародилось иконоборчество. По сути, Малая Азия и стала *на время* Византийской империей. Поэто-

му, ни император Лев III, ни его преемники не могли игнорировать мнение малоазиатской духовной и политической элиты, от которой так зависели.

Впоследствии ряды иконоборцев с завидным постоянством пополнялись клириками самых высших рангов, включая патриархов. Следует отметить, что шесть из десяти архиереев той эпохи, занимавших Константинопольскую кафедру, являлись вождями иконоборцев: *Анастасий* (730—754), *Константин II* (754—766), *Никита I* (766—780), *Феодот Каситера* (815—821), *Антоний I* (821—836), *Иоанн VII Грамматик* (836—842). Особенно ошутимо проявилось клерикальное влияние на иконоборчество в период его ренессанса после VII Вселенского Собора, когда вождями ереси выступили не цари, а в первую очередь столичные патриархи и другие архиереи. Данный факт, между прочим, совершенно нейтрализует любые обвинения позднейшими историками императоров-иконоборцев в церковном реформаторстве.

Помимо патриархов, к какому лагерю следует отнести сотни епископов, участвующих в деятельности Соборов 754 и 815 гг., и тысячи архиереев, руководящих Восточной церковью в эпоху иконоборчества? Спускаясь по лестнице церковной иерархии, мы должны будем с полным правом отнести к иконоборцам (хотя бы и пассивным) десятки тысяч рядовых священников, живших в эту эпоху, и их миллионную паству. Если это не «Церковь», то каким понятием можно охарактеризовать византийское общество на протяжении описываемых 120 лет? В том-то и дело, что в такие эпохи *вся Церковь переболевала* болезнью очередной ереси. Напротив, в списках горячих и преданных почитателей святых икон значится множество светских лиц.

Однако это учение было категорично отринуто на Западе, где Римские папы вообще поставили под сомнение право императоров вторгаться в догматические споры. Следствием этого противостояния стал отказ Рима выплачивать налоги в императорскую казну и передача — как обратная мера — балканских епархий от Римского папы Константинопольскому патриарху.

Первое время реализация новой церковной политики проходила без жестких мер. Но затем, уже в годы правления Константина V, начались настоящие гонения на иконопочитателей, которые заметно поутихли в правление сына Константина V императора *Льва IV Хазара* (775—780). В 769 г. отец женил его на гречанке, 17-летней афинянке св. Ирине и в декабре того же года венчал ее титулом августы. Молодая женщина появилась на свет в 752 г., и ее красота очаровала всех. Она происходила из бедной семьи и на момент замужества являлась сиротой. Величественный город Эллады в то время уже не был центром фило-

софии и культуры, и св. Ирина получила поверхностное образование. Но девушка отличалась благочестием и набожностью, причем ее набожность была пылкой и восторженной.

Хотя Византия знала широкую практику внезапного воцарения низкородных мужей и девиц, но до сих пор остается тайной, почему Константин V решил выбрать в жены своему сыну эту бедную, если не сказать *нищую* девушку с периферии. Возможно, таким способом царь желал исподволь примириться с иконопочитателями, большинство которых проживало в Элладе и в Афинах.

§2. Иконоборческий собор 754 г.

В 754 г. умер Константинопольский патриарх Анастасий, и царь увидел в этом некое знамение, решив предоставить вдовствующую кафедру самому достойному лицу по итогам заседаний Собора, созвать который он задумал уже давно как «Вселенский». Конечно, Константин V мог самостоятельно, как ранее делали до него другие Византийские цари, назначить столичного архиерея. Но, во-первых, он вспомнил, как некогда на Вселенских Соборах присутствующие Отцы избирали новых патриархов на вдовствующие кафедры, и решил реанимировать эту практику. А во-вторых, ему хотелось убедиться, что новый кандидат будет разделять его взгляды, иначе он мог бы получить в лице патриарха не оппозицию, а верного помощника. А это можно было сделать лишь во время соборных обсуждений. Но планам царя не дано было реализоваться в полном объеме.

Рим открыто и буднично, как отмахнувшись рукой, проигнорировал предложение императора прислать своих представителей на Собор. Александрия, Антиохия и Иерусалим, находясь в руках арабов, не имели *физической возможности* направить своих патриархов, а без них ни один подчиненный архиерей не мог оказаться в Константинополе. Оставался только столичный патриархат, всех епископов которого император пожелал видеть на созванном им собрании. На организацию Собора ушел почти год, в течение которого царь деятельно интересовался мнением местных епархий по существу тех вопросов, которые он выносил на обсуждение архипастырей. Всего по приказу царя на Собор собралось 338 епископов — число, сравнимое разве с Халкидоном.

Царь озаботился материальным содержанием епископов и тем, чтобы Собор прошел в максимально удобной для них обстановке. Епископам предоставили императорский дворец Иерия на азиатском берегу Босфора между Хрисополем и Халкидоном. Там они заседали

с 10 февраля по 8 августа 754 г., а затем переехали во Влахернский дворец императора, в Константинополь, где 27 августа приняли окончательный орос и выбрали нового Константинопольского патриарха *Константина* (754—766), епископа Силейского.

Как известно, время не сохранило для нас деяний этого собрания — они были сожжены после VII Вселенского Собора. Однако в шестом деянии указанного Собора приведен орос иконоборческого собрания 754 г., позволяющий немного раскрыть смысл сказанного его участниками против святых икон и понять аргументацию иконоборцев. Соборный орос имел большой резонанс в Константинопольском патриархате. Многие были удовлетворены аргументацией епископов на Соборе и охотно приняли ее. И в этом была своя логика, поскольку собрание 754 г. не являлось сугубо еретическим. Оно осудило, строго говоря, только *идолопоклонство*, а не почитание икон. Вторым каноном Собора запрещалось изображать Божество Христа, но никто из истинных почитателей икон и не посягал на такое святотатство. Они лишь изображали Его образ, в котором Спаситель явил Себя миру, то есть *человеческий* образ Бога. Главные ошибки Собора 754 г. заключались в том, что, найдя ущербным идолопоклонство, он вообще запретил иконы. А, кроме того, анафематствовали самых интеллектуальных защитников иконопочитания, диспуты с которыми (пусть и заочные) могли открыть глаза на многие заблуждения.

Иконоборцы в соответствии с восточными магическими представлениями считали, что если образ возможен, то он должен быть *тождествен* своему оригиналу. Поэтому единственно возможным образом Христовым они провозгласили Святую Евхаристию. Напротив, почитатели икон полагали, что образ не тождествен своему оригиналу, отличается от него. Так что с самого начала между иконопочитателями и иконоборцами наблюдалось отсутствие общей лексики и понятий, они как бы говорили на *разных языках* и потому с трудом могли понять друг друга.

Как всегда, когда Священное Писание, Православное Учение и Предание не давали прямых ответов на поставленные вопросы, участники соборных собраний стремились опереться на святоотеческую традицию. И те и другие отождествляли любую новацию (вне зависимости от того, шла речь о догматике или о канонических вопросах) с *плохим*. «Иконоборчество плохо, потому что оно вносит новое учение в Церковь», — говорили почитатели икон. Но то же самое говорили и иконоборцы, признавая почитание святых икон неким новшеством в Церкви и изо всех сил пытаясь найти в свою пользу аргументы не только из Писания, но и из Предания. Впрочем, впо-

следствии Церковь подтвердила, что многие аргументы иконоборцев на Соборе 754 г. были *фальшивыми* или излишне широко, а потому ошибочно толкуемыми.

Пожалуй, это — главный (и сознательный!) грех, который можно поставить в вину участникам Собора. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов резкое падение интеллектуального (по сравнению с прежними временами) уровня епископата, а также в целом богословия и догматики. Участники иконоборческого Собора легко принимали аргументы, зачитанные из карточек, а не из книг, некоторых авторов *вообще не знали* (!), только о них слышали, иных толковали крайне тенденциозно. Например, аргументом из Нового Завета стали слова святого апостола Иоанна: «Бога никто же видеть не может» (Ин. 1: 18) — совершенно очевидно, что таким «доказательством» вопрос о почитании икон разрешить было невозможно. Таким образом, Собор сформулировал «окончательное» определение об иконах, как того желал Константин V и с которым пришлось бороться уже св. Ирине.

§3. Мать и сын. Война с арабами

Смерть императора Константина V внезапно резко осложнила ситуацию вокруг трона. Дело заключалось в том, что в большой семье покойного царя имелись другие претенденты на царский трон помимо Льва IV Хазара, св. Ирины и их малолетнего сына *Константина VI* (780—797). Так, еще до замужества св. Ирины августой *уже* являлась третья супруга Константина V Евдокия. А оба его сына от третьего брака Христофор и Никифор получили титул цезарей — то есть по сложившейся традиции напрямую претендовали на будущее императорство. Третьего сына от Евдокии, малолетнего Никиту, Константин V наградил саном *нобилиссимуса* («наисветлейший»).

Совершенно очевидно, что остальные братья Льва IV не считали права того на царский престол абсолютными. А потому, по совету жены, имевшей на императора безоговорочное влияние, тот немедленно решил укрепить свое положение щедрой раздачей денег народу и войску. Опасаясь междоусобных столкновений, василевс резко увеличил численность воинских частей, расположенных в столице. Наконец, и этот шаг также, без всяких сомнений, был подсказан супругой царя, Лев IV демонстративно отказался от гонений на монахов и других почитателей икон. Более того, он возвел в митрополиты наиболее авторитетных епархий игуменов монастырей и простых монахов. Напротив, в пику императору и св. Ирине братья царя решили снискать симпатии войска,

иерархов и сановников тем, что заявили себя преемниками иконоборческой политики покойного царя.

Но в итоге победа в дворцовой войне досталась императору — в апреле 776 г., в Страстную неделю Великого поста, ему удалось венчать на царство своего сына Константина VI. Тем самым он сильно ослабил династические претензии своих единокровных братьев. История эта также не лишена интриги. По заранее подготовленному сценарию к василевсу явилась представительная делегация от народа и войска. Они обратились к царю с горячей просьбой венчать на царство первенца. Затем была разыграна сцена, наверняка заранее продуманная святой императрицей.

Лев IV сделал вид, что не желает царствования сына: «Он у меня единственный, и я боюсь исполнить ваше прошение, боюсь сам общей участи человечества; а вы воспользуетесь его слабым возрастом, умертвите его и выберете другого». Делегаты начали убеждать царя, что никого иного не признают царем, кроме его сына, даже если вдруг, не дай Бог, Лев IV внезапно умрет. Целых 5 дней длились переговоры, наконец, в Великую пятницу царь дал долгожданное согласие. В этот день войско принесло присягу на Кресте Господнем, а за ним сенаторы, представители сословий и граждане подписали письменную присягу.

Однако, как и следовало ожидать, эта инициатива встретила сопротивление со стороны других детей Константина V. И Льву IV на следующий день, 14 апреля 776 г., в Святую субботу, пришлось в присутствии двух цезарей и 19 ближайших сановников, Христофора и Никифора, признать титул нобилиссимуса за другим своим единокровным братом — Евдокимом. Только *после этого* император в сопровождении свиты, со своим маленьким сыном, торжественно прошествовал в храм Св. Софии. Переменив одежду и встав, по обыкновению, на амвон, он позволил начать праздничную церемонию. За принятием Святых Даров войско *повторно* принесло письменную присягу царевичу, а затем Лев IV произнес: «Вот, братие, исполняю ваше прошение и даю вам в цари моего сына; вот вы принимаете его от Церкви и из руки Христа».

В ответ послышалось громогласное: «Поручись за нас, Сыне Божий, что мы от руки Твоей принимаем господина Константина в цари, чтобы охранять его и умирать за него». На другой день, в Святую Пасху, ранним утром царь вместе с патриархом вышли на ипподром, где архиерей совершил молитву, а царь венчал своего сына на царство. После этого император вместе с братьями проследовал в храм Св. Софии, причем императрица св. Ирина шла сразу после мужа и сына впереди цезарей и нобилиссимусов.

Впрочем, мир во дворце продлился недолго: уже через месяц от описанных событий, в мае 776 г., были арестованы брат царя цезарь Никифор, несколько оруженосцев, постельничих и других близких сановников по подозрению в измене. Одни полагали, будто это дело рук императрицы, другие считали, что в действительности Никифор что-то злоумышлял против царственного брата. Лев IV созвал тайный совет, на котором его советники презрели клятву покойному Константину V не обижать царских детей и вынесли приговор удалить их из дворца, предварительно подвергнув телесным наказаниям. Император так и поступил: всех арестованных высекли, остригли и сослали на край земли (по тем понятиям, конечно), в Херсонес. После этого интрига прекратилась, и Лев IV мог считать свое положение стабильным.

К несчастью, этот царь, подающий большие надежды, умер в совсем еще молодом возрасте, оставив вдовой свою жену и малолетнего сына. Ввиду незначительного возраста наследника престола единоличным правителем Византийской империи фактически стала его мать, императрица св. Ирина. Помимо красоты она являла собой тип умной, честолюбивой, последовательной, решительной и смелой женщины и ради императорского венца готова была принести в жертву многое. Опасаясь падения своего авторитета, она после смерти мужа не позволила себе никаких внебрачных связей и создала окружение из евнухов, хотя на Востоке к тому времени уже сложилась пословица: «Если у тебя есть евнух — убей его; если нет — купи, а потом убей!» Достаточно красноречивая характеристика ближайших советников царицы.

Хотя св. Ирина сама была венчана на императорство, но, по обыкновению, считалось, что *официально* власть в Римской империи принадлежит ее малолетнему сыну как мужчине, и имя Константина VI стояло в государственных документах впереди имени матери. Но, конечно, никто не обманывался на этот счет. Святая Ирина принадлежала к тем могучим фигурам, которые способны, презрев время, менять ход исторических событий, не боясь нести ответственность за свои поступки. По несчастью, дворцовые интриги и необходимость постоянно бороться за свою власть и самую жизнь со временем несколько изменили ее характер, сделав его прагматичным и даже жестоким.

Императрица была прирожденным политиком, сродни св. Пульхерии и св. Феодоре. Со временем ее хладнокровие и прагматизм — первые качества государственного деятеля — приняли гипертрофированные черты. Впоследствии для императрицы не будет более важных критериев, чем интересы Римского государства, даже в ущерб материнским чувствам. Став самодостаточным, этот критерий постепенно вытеснит из императрицы привычные и естественные для женщины

мотивы, что, в конце концов, приведет к трагичной развязке. Но сейчас об этом мало кто задумывался, поскольку жизнь ставила перед всеми более актуальные проблемы.

Неожиданная смерть императора Льва IV в одночасье многое изменила в Византийском государстве. В первую очередь положение его вдовы и сына стало почти отчаянным. Остальные братья покойного царя от третьего брака Константина V вовсе не собирались отказываться от своих претензий на императорский престол, и 28-летней царице, имевшей на руках 10-летнего мальчика, пришлось довольно тяжело. Хотя в кулуарах витали слухи, будто бы отношения императрицы и ее покойного мужа незадолго до смерти стали натянутыми, нужно было быть совершенным самоубийцей или отчаянным искателем тронов, чтобы *избавиться* от супруга и решиться остаться один на один с могущественными и многочисленными конкурентами на титул императора. Очевидно, царица св. Ирина, несмотря на присущую ей властность и решительность, никогда не решилась бы на такую авантюру.

Уже через 40 дней после смерти Льва IV, когда св. Ирина вместе с Константином VI по праву заняли императорский трон, состоялась первая попытка со стороны дядей малолетнего царя захватить власть. Многие самые высокие сановники Римской империи провозгласили царем цезаря Никифора. Но тут императрица наглядно показала, *что* может сделать внешне слабая женщина, когда речь идет о жизни сына и будущем ее лично. Трудно сказать, что именно сыграло решающую роль в решении вопроса. То ли благодарная армия и сенат сохранили верность внуку столь любимого ими Константина V, то ли всех подкупила решительность царицы — византийцам вообще импонировали «любимцы судьбы».

Так или иначе, но заговорщики были арестованы, подвергнуты телесным наказаниям, пострижены в монашество и сосланы в различные места. Тогда же императрица вернула мощи св. Евфимии, выброшенные в море по приказу Константина V, но чудесным образом вновь обретенные, в святилище. Затем настал черед испытать гнев императрицы другим царственным родственникам. Святая Ирина приказала постричь их всех в монахи, а затем, для наглядности, заставила служить Литургию перед войском в праздник Рождества Христова.

Данный заговор был далеко не единственным в то смутное время. Размышляя о таящихся опасностях, императрица решила проревизировать главных чиновников и с этой целью пригласила в столицу патриция Елпидия, стратига Сицилии. В феврале 781 г. она переутвердила его в старой должности, а уже в апреле того же года ей сообщили, что, вернувшись на остров, Елпидий недвусмысленно в тайных разгово-

рах высказывался за братьев-цезарей. Императрица тут же направила на Сицилию оруженосца Феофила, чтобы арестовать и доставить Елпидия в Константинополь, но тот категорично отказался выполнить приказ царицы, а сицилийское войско поддержало своего командира. Делать нечего — царица на время отступилась от своего плана, пока что приказав высечь жену Елпидия, проживавшую в Константинополе, и затем постричь ее в монахини. Тем самым она окончательно развеяла какие-либо сомнения в том, что способна на самые жесткие решения, если речь о безопасности ее семьи и интересах государства. На время ее внутренние враги притихли.

Вскоре императрице представилась возможность продемонстрировать всем качества своего характера не только в вопросах внутреннего управления, но и в военных делах. В 781 г. арабы напали на византийские земли, но св. Ирина вовремя получила известия от своих осведомителей и направила им навстречу с войском евнуха Иоанна, своего сакеллария. Как рассказывают, силы обеих армий были весьма велики, и у города Миле 9 февраля враги встретились. Арабы выдержали первый, самый страшный удар византийской конницы, а затем перешли в контратаку. В результате христианское воинство отступило, и сарацины преследовали его через всю Анатолию вплоть до Никомедии.

В очередной раз воины ислама стояли перед стенами Константинополя, но взять его так и не смогли. Принц Харун, следовавший с армией, согласился на переговоры со св. Ириной и удовольствовался ежегодной данью и освобождением пленных арабов, после чего подписал мирный договор. Он вернулся в Багдад как победитель, но и императрица считала себя выигравшей в этой схватке. Хотя победила она не арабов, а оппозицию в царской дворце.

Ведь, без всякого сомнения, для Константина VI и св. Ирины это был переломный момент: не дай Бог, римляне лишились бы войска на поле боя — никакая сила не спасла бы ее. Но теперь все встало на свои места: общество ободрилось, и почитатели икон, прекрасно зная о расположенности к ним святой царицы, стали ждать благоприятных известий.

Будучи почитательницей святых икон, она, однако, опасалась негативной реакции свекра и двора. Первое время св. Ирина публично не проявляла своего отношения к иконам и даже дала клятву царю, что никогда не признает икон. Но после воцарения появились первые признаки толерантного отношения императрицы к тем, против кого еще вчера была направлена вся мощь государственной машины. Монастырские обители, недавно почти разгромленные, вновь наполнились братией. Стали распространяться сведения о чудесных известиях,

должные подтвердить, что время правления императрицы св. Ирины и Константина VI *предзнаменовано Богом* как благословенное. Но осторожная царица благоразумно не стремилась форсировать события, тем более что иконопочитателям в данный момент уже ничто не угрожало, зато внешние враги по-прежнему беспокоили Римскую империю.

Измена постоянно кружила вокруг царских палат. В 782 г. арабы опять предприняли нападение на римские земли, причем действовали большими силами и в разных направлениях. Полководец Лаханодракон потерпел поражение, причем из 30 тыс. войска римляне потеряли почти 5 тыс. солдат. Царица направила на театр боевых действий придворного сановника Антония с сильными легионами, но военачальник вукеллариев, некто Татцатий, перебежал к арабам из ревности к положению нового царского фаворита Ставракия, евнуха и патриция.

Помимо Татцатия перешел на сторону врага и Елпидий. В этом же году императрица направила сильное войско с флотом под руководством деятельного патриция Феодора, евнуха, против мятежных сицилийских солдат. Елпидий упорно сопротивлялся, хотя потерпел несколько поражений от имперских войск, а затем вместе с комитом Никифором переплыл в Африку и принял власть Арабского халифа. Сам по себе Елпидий был безынтересен мусульманам, но они попытались использовать изменника для организации внутренних беспорядков у греков. Неясно, на каком основании, но арабы признали того *Римским императором* и вручили знаки царской власти — пурпурные сапоги и скипетр. Однако в целом мусульмане не сумели эффективно использовать эти благоприятные обстоятельства и советы перебежчиков и в итоге заключили с греками мирный договор, хотя и бесславный для византийцев.

783 год принес византийцам победы: пользуясь спокойствием на сирийской границе, царица направила Ставракия с войском на славян. Византийская (греческая) армия прошла через Фессалоники в Элладу, проникла в Пелопоннес и возвратилась домой с громадной добычей и множеством пленных врагов. За этот успех св. Ирина жаловала Ставракия триумфом на ипподроме.

§4. Попытки восстановления иконопочитания

В мае 784 г. св. Ирина с 14-летним императором Константином VI и с армией направились во Фракию, где заложила новый город Иринополис. Пока цари находились в походе, 31 августа того же года Константинопольский патриарх св. Павел IV (780—784) снял с себя титул

архиеерея столицы и, не спрашивая императоров, принял схимничество в обители Флора. Когда св. Ирина прибыла к нему и спросила: «Почему ты это сделал?», монах скорбно ответил, что, став патриархом по приказу царя-иконоборца, он оказался огороженным от всей Кафолической Церкви. Теперь же наступил предел и его терпению, и он отправляется в монастырь замаливать грехи.

Используя этот случай, царица направила к бывшему патриарху самых близких сановников, которым св. Павел напрямую заявил: «Если не будет Вселенского Собора и не исправится погрешность среди нас, то вам не иметь спасения». Вскоре после этого схимник умер, но его слова глубоко запали в души современников. Нужно представить себе, как мыслили византийцы, чтобы понять, насколько близко они восприняли слова о грядущем ответе за ересь. После этого вольно или невольно вновь повсеместно разгорелись дискуссии об иконах.

Едва ли со стороны св. Ирины было разумным не использовать выпавший шанс и не сделать попытку восстановить иконопочитание. Посоветовавшись со св. Тарасием, своим личным секретарем, царица оценила свои шансы созвать Вселенский Собор — без него никакая реставрация иконопочитания была принципиально невозможна. Это в Риме могли думать, что для упразднения иконопочитания вполне достаточно *констатации* факта неправославности Собора в Иерии, собранного императором Константином V в 754 г. и вынесшего осуждение иконопочитателям. Но в Константинополе были твердо убеждены в том, что отменить Собор, созданный императором, можно только таким же Вселенским собранием, организованным царской волей.

Насколько трудна была поставленная задача для св. Ирины? Ведь помимо сугубо церковных вопросов ей нужно было поднять престиж своей власти — в противном случае ни о каком Вселенском Соборе нечего было и думать. Вот почему императрица расторгла договор с арабами и в 785 г. начала военные действия, имея немалый успех. Правда, первое нападение не принесло громких побед — более того, как утверждали арабы, они смогли с уроном отбить неприятеля. Но уже в 786 г. византийцы захватили город Адат, расположенный в Германикее, который арабам пришлось возвращать с большими потерями.

А затем, как будто капризная судьба решила наказать сарацин, византийцы брали один город за другим, в том числе далекий Тарс, который удалось вернуть только после того, как военачальник *Абу Сулейман Фарадж* по прозвищу Турок прибыл к его стенам с большой армией. Максимум, что оставалось делать арабам, — срочно возводить новые укрепленные пункты на сирийской границе.

После того как военные успехи укрепили авторитет царицы, настало время подумать о том, как распределяются силы среди священноначалия. Однако по здравом размышлении императрица пришла к выводу о том, что опасность в этом вопросе не следует преувеличивать. Многие епископы являлись иконоборцами не в силу идейных соображений, а либо в силу неграмотности и общей конъюнктуры, либо потому, что боялись идти против мнения покойных царей и патриархов. Когда близкая опасность миновала, некоторые архиереи начали высказывать обратную точку зрения. Так, например, один из участников иконоборческого Собора 754 г., некто епископ Иоанн, прислал на Иерусалимский Собор 760 г. многие свидетельства в защиту иконопочитания.

Но все же положение дел в государстве было не столь контролируемым и управляемым св. Ириной, чтобы она по примеру прежних императоров могла открыто *навязать* свою волю иконоборцам, которых поддерживали войско и сановники. В частности, три восточных патриархата — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский — находились под властью арабов и потому переживали эпоху откровенного упадка. Даже церковное общение с ними было затруднено, в связи с чем на грядущем Вселенском Соборе они были представлены всего двумя священниками. Отношения с Римом были хуже некуда. Кроме того, папа не мог забыть, что целый ряд епархий был отчужден от Рима волей императоров-иконоборцев. Единственный союзник святой императрицы в части восстановления иконопочитания — монашество — также могло быть использовано лишь с соблюдением чрезвычайной осторожности. Дело заключается в том, что крайние ригористы, монахи, требовали *суда* над иконоборцами и ни при каких обстоятельствах не желали принимать раскаявшихся еретиков в сущем сане.

И тогда вместе со своим секретарем она разыграла комбинацию, имевшую целью подготовить общественное мнение к восстановлению иконопочитания и грядущему Вселенскому Собору. Понятно, что в случае открытой поддержки царицей монахов все иконоборцы наверняка соединились бы вместе в оппозицию правительству и тогда участь св. Ирины была бы предопределена.

Императрица созвала сенат и синод и предложила назначить Константинопольским патриархом своего секретаря *св. Тарасия* (784—806). Для многих присутствовавших лиц это была удачная кандидатура: св. Тарасия многие знали лично и были покорены его умом, скромностью, образованием и тактом. Тонкость, между прочим, состояла еще и в том, что св. Тарасий не являлся клириком и становился архиереем *из светских лиц*, но это не смутило ни царицу, ни присутствующих сановников.

Выбор императрицы был весьма удачен: св. Тарасий представлял собой кроткого, рассудительного и глубоко православного человека. Кроме того, как мирянин, он, в отличие от клириков, не был связан церковной дисциплиной обязательного принятия иконоборческого Собора 754 г. Просвещенный чиновник, помощник императрицы, прекрасно разбирающийся в вопросах вероучения, он отчетливо видел, что иконоборчество уже подорвало себя и не имеет серьезной опоры в обществе. В отличие от монахов, к которым императрица относилась с большой симпатией, он был сторонником *медленного* возвращения Византии в лоно Православия и делал ставку на *икономию*.

Императрица в собрании народа заявила следующее: «Вы знаете, братие, что сделал патриарх Павел. Если бы он был жив, то мы не допустили бы его оставить патриаршеский престол, хотя он уже принял отшельническую схиму. Но поскольку, как угодно Богу, он преставился от жизни, то подумаем о человеке, который бы мог упасти нас и утвердить Церковь Божью поучительными словами. Мы его назначаем, но он не слушается; пусть он скажет, по какой причине не принимает голоса царицы и всего народа».

Неожиданно для всех тот отказался — конечно, по предварительной договоренности с царицей. Он заявил, что примет приглашение св. Ирины только в том случае, если будет созван Вселенский Собор. Святой Тарасий объяснил, что императорам угодно было назначить его патриархом, и это вызвало целую гамму чувств в его душе. «Как же я, обращающийся в мире и принадлежащий к числу мирян, подвизающийся на императорской службе, так необдуманно и неосмотрительно могу ступить на высоту священства? Это будет решимостью страшной для моего ничтожества и попыткой дерзкой. Но самая важная причина моего страха и отказа заключается в следующем. Смотрю я и вижу: основанная на камне Христе, Боге нашем, Церковь Его ныне раскается и разрывается. И мы в одно время говорим так, в другое иначе, а наши восточные единоверцы еще иначе; с ними согласны и христиане западные. И мы отчуждены от них и каждый день анафематствуемся ими... Итак, братие, я прошу — думаю, что и вы просите, потому что знаю, что имеете страх Божий, — благочестивейших и православных императоров наших созвать Вселенский Собор, чтобы мы, как сыны Единого Бога, были едино».

Кто-то из присутствовавших попытался возразить — легко догадаться, что в качестве аргумента было высказано замечание, будто бы «вселенский» Собор 754 г. уже дал *окончательные* определения относительно икон. На что св. Тарасий, правда, не без уклонения от

истинного хода событий, заметил, что иконы низверг «господин император Лев и когда собрался Собор, то нашел их уже низвергнутыми рукой императорской». Поэтому главная сторона дела заключается в том, что «дерзнули самовольно уничтожить древний обычай, преданный Церковью. Но истины Бог не связал!». Дело было сделано: 26 декабря 784 г. св. Тарасий стал Константинопольским патриархом, а затем направил соответствующие приглашения на Собор остальным восточным патриархам, которые, как следствие заключенного с арабами мирного договора, имели возможность прибыть в Константинополь.

После этого императрица от имени своего и сына направила Римскому папе *Адриану* (772—795) письмо, в котором, скорбя о гонениях на святые иконы и их почитателей, заявила о своем намерении созвать Вселенский Собор. Вообще-то по сложившейся неписаной традиции новый патриарх должен был направить остальным Вселенским архиереям синодик с изложением своего вероисповедания. Однако в данном случае ситуация не оставляла времени для столь сложных процедур. Пока бы синодики подтверждались, вполне могло случиться так, что иконоборческий епископат под тем или иным предлогом спровоцирует низвержение св. Тарасия из патриаршего чина. Нельзя было забывать и того, что его поставление в архиереи из мирян по «ускоренной процедуре» в те времена уже выглядело неким нарушением устоявшихся канонических правил. В конце концов, никто не гарантировал, что созываемый императрицей Вселенский Собор обязательно состоится — временами все висело на волоске. Этими причинами и объясняется некоторая торопливость св. Ирины, решившейся в одном письме уведомить папу и о своем выборе нового патриарха столицы, и пригласить понтифика на Собор.

Святая царица напомнила папе о его *обязанности* установить и утвердить древние традиции в отношении почитания икон. Она просила Адриана *лично* прибыть на Собор и только в силу явной невозможности заранее соглашалась с тем, чтобы папу представляли его легаты. Кстати сказать, эта историческая справка со всей очевидностью свидетельствует о ложности позднейших утверждений римокатоликов, будто бы постоянное отсутствие папы на Вселенских Соборах вызывалось необходимостью *после* окончания работы придавать его актом законную силу их определениям.

В ответ Римский епископ направил послание по-латыни, которое, переведенное на греческий язык, впоследствии с *купюрами* было зачитано на Вселенском Соборе. В первой части письма папа заявил, что, безусловно, несказанно рад духовному прозрению и ревности импе-

раторов и св. Тарасия о вере. Но затем тон понтифика резко меняется. Римский епископ потребовал начать Вселенский Собор с анафемы Собору 754 г., прислать ему от лица императоров, патриарха и сената письменное ручательство, что обсуждение будет проходить в состоянии полной беспристрастности, а также вернуть епископу Рима те области, которые были отобраны у него Львом III Исавром и переданы в пользу Константинопольского патриарха. Наконец, и едва ли не самое главное, понтифик потребовал устранить из титулатуры Константинопольского патриарха термин «Вселенский».

Адриан недвусмысленно выбрал императоров также за то, что Константинопольский патриарх поставлен из мирян. «Слишком мы встревожены и смущены, что принадлежащий к сословию мирян и находившийся на государственной службе, внезапно возведен на высоту патриаршества; бывший солдат, вопреки суду святых канонов, сделан патриархом. И что стыдно сказать, но и тяжело промолчать: те, которые должны быть руководимыми и учимыми, не стыдятся казаться учителями, не боятся без стыда принимать на себя руководство душами. А им путь учителя во всех отношениях неизвестен. Они не знают, куда им самим идти». Папа напрямую говорит, что никогда *не утвердил бы (?)* патриаршества св. Тарасия (хотя никогда до сих пор понтифики не утверждали Константинопольских патриархов), если бы тот не был верным помощником ему и императорам по восстановлению Православия. Близкое по духу и содержанию письмо получил и св. Тарасий.

Несмотря на просьбы о личном присутствии, папа отклонил предложение императрицы и направил в Константинополь двух своих легатов; от восточных патриархов с доверенностями прибыли пресвитеры и синкеллы Иоанн и Фома. Но как вскоре выяснилось, инициатива императрицы восстановить почитание икон встретила мощное противодействие со стороны иконоборческого епископата. В Константинополе один за другим прошло несколько епископских собраний, причем довольно многочисленных, на которых архиереи активно высказывались *против иконопочитания*.

Сохранились известия даже о заговорах против Константинопольского патриарха, по счастью, не доведенных до логического завершения. Но и св. Тарасий показал свой характер — он объявил мятежным епископам, что без патриаршего ведома те не вправе созывать Соборы и по канонам подлежат за это низвержению из сана. За патриархом стояла грозная тень императрицы, и епископы сдались. Вселенский Собор был назначен на август 786 г. в Константинополе, но, когда епископы стали прибывать в столицу, неожиданно взбунто-

валось войско. Ворвавшись в баптистерий храма Святых Апостолов, где должен был открыться Собор, солдаты потребовали закрыть его. Патриарх срочно уведомил императрицу, но та понадеялась, что все уляжется само собой. Однако солдаты быстро доказали, какая грозная сила противостоит ей.

17 августа 786 г. Собор открылся, были зачитаны первые акты, и тут вместе с иконоборческими епископами в храм вошли гвардейские солдаты и закрыли собрание. Делать нечего — императрица распорядилась подчиниться этому требованию, и архиереи разошлись по домам. Пользуясь моментом, некоторые из созванных на Собор епископов присоединились к мятежникам и деятельно убеждали, что никакого нового Собора не требуется, поскольку «вселенский» Собор 754 г. уже дал необходимое определение относительно икон. Это событие прекрасно характеризует мудрость и осторожность святой императрицы, весьма неторопливо и осмотрительно взявшей за дело восстановления иконопочитания.

Обождав, пока бунтовщики утихнут и разойдутся по домам, св. Ирина придумала интересный способ вновь взять инициативу в свои руки. Через короткое время она объявила, будто арабы угрожают границам Римской империи, и под этим предлогом направила столичные полки на Восток, причем предварительно разоружив их. В это же время в Константинополь прибыли пограничные воинские части, верные императрице.

Лишь когда мятежные полки прибыли в город Малагену, был зачитан приказ императоров *о роспуске* непослушных частей и отставке солдат. Им надлежало оставить военную службу и удалиться в свои родные места. В результате бунт был подавлен без пролития крови, и партия иконопочитателей получила полнокровный год на проповедование своих убеждений. К сожалению, эта экстренная и неординарная мера вскоре даст себя знать самым негативным образом — ведь императрица расформировала самые боеспособные и опытные воинские части, без которых византийская армия оказалась неготовой вести войны в том же победоносном режиме, что и раньше.

Через год, в 787 г., императоры объявили свое повеление вновь созвать Вселенский Собор, но уже, от греха подальше, в Никее. Это был хорошо укрепленный город, где, в отличие от столицы, проще было обеспечить порядок и безопасность Отцов Собора и императорской семьи. Кроме того, по указанию царицы было решено проводить короткие, но содержательные заседания, принимая необходимые решения под руководством василевсов.

§5. VII Вселенский Собор

Собственно говоря, по составу новый Вселенского Собора мало отличался от того, который был собран год назад. Римского папу представляли все те же два пресвитера, каких он направлял на разогнанный Собор 786 г., восточных патриарха, находящихся под арабами, — синкеллы Иоанн и Фома. Как всегда, римские легаты занимали первое место в иерархии, на втором располагался Константинопольский патриарх, а затем уже остальные архиереи. Дабы достойно противостоять Собору 754 г., патриарх и императрица постарались, чтобы число Отцов Собора было не меньшим — задача, до конца не выполненная. И хотя на некоторых заседаниях количество епископов доходило до 380, но максимально число подписей не превышало 308.

Первое заседание Собора (всего их было восемь) состоялось 24 сентября 787 г. в храме Св. Софии, что располагался в Никее. Хотя, как следовало предположить, Отцы должны были непосредственно начать с обсуждения спорного вопроса, но вместо этого речь зашла о возможности принятия в общение епископов-иконоборцев. Собственно говоря, тем самым общий настрой Собора и его определения были *предreshены*: если иконоборцы уже признаны преступниками против Церкви и Православия, то какие уж тут обсуждение и дискуссия? Но в том-то и состояла спасительная для Кафолической Церкви сила власти православных императоров, что их царственная *единоличная воля* промыслительно предопределяла решение догматического спора.

Эта стадия Собора не обошлась без некоторого противостояния — уже между самими иконопочитателями. Константинопольский патриарх и сановники императоров (матери и сына), отдавая предпочтение принципу «домостроительства», икономии, считали возможным принять в общение тех епископов-иконоборцев, которые по заблуждению подчинились решению Собора 754 г. и теперь раскаивались. Но им противостояло монашество, сделавшее акцент на чистоту канонов и совершенно игнорировавшее общественно-политическое значение этого Вселенского Собора. Для них вопрос о церковном лечении больных членов Церкви вообще не стоял — считалось, что те, как еретики, уже отвергли себя от Кафолической Церкви и нужен только формальный акт, подтверждающий их отлучение. В качестве компромисса все иконоборцы были разделены на три группы — по степени тяжести их преступлений против Православия.

По приказу императоров обвиняемые явились на Собор, где предстали перед церковным судом. В первую очередь допросили митрополи-

та Анкирского Василия, митрополита Мир Ликийских Феодора и епископа Аморийского Феодосия. Те горячо раскаялись в своих прежних заблуждениях, а затем принес анафемы всем иконоборцам.

В этот же день были приглашены и 7 епископов «второй очереди». Вина этих архипастырей была большой — именно они в прошлом году сорвали созванный Вселенский Собор. На заседании, начавшемся во второй день, эти епископы деятельно раскаивались, объясняя свое заблуждение «неведением и неразумением». Правда, это раскаяние было поставлено под сомнение, но, в конце концов, и их согласились оправдать.

Самым упорным иконоборцем, представшим на Соборе в последнюю очередь, был Неокесарийский митрополит Григорий, доставленный на заседание царским сановником. Единомыслие Отцов произвело на него такое большое впечатление, что и он раскаялся в своих заблуждениях; простили и его. После этого, когда, собственно говоря, стало ясно, что Собор единодушно стоит за почитание святых икон, зачитали ряд посланий. Как повелось, первым было прочитано письмо императоров — сына и матери.

В нем они утверждали, что главной их целью являются мир и единомыслие в Римской империи, а также единение иереев восточных, северных, западных и южных, то есть всей Кафолической Церкви. Затем цари описали, при каких обстоятельствах и *на каких условиях* св. Тарасий согласился принять священство и сан Константинопольского патриарха. Василевсы еще не сказали ничего об иконопочитании, хотя их оценка состояния дел в Церкви недвусмысленно предугадывала следующие соборные события.

После этого по традиции зачитали послание апостолика, а затем начался опрос присутствовавших лиц: все ли согласны с мнением Римского епископа об иконах? Все согласились. На следующем заседании зачитали послания восточных патриархов, также подтвердивших необходимость почитания икон. Эти послания удовлетворили римских легатов: «Благословен Бог, что и восточные святейшие архиереи оказались согласными в православной вере и в учении о поклонении честным иконам с святейшим Адрианом Римским и Тарасием, патриархом нового Рима».

После дисциплинарных вопросов и прочтения посланий началось обсуждение самого главного вопроса об иконопочитании, что лишний раз продемонстрировало идейную predeterminedность Отцов, направляемых императорской властью к истине. Собор очень аргументированно отменил довод иконоборцев о «рукотворности» святых икон ссылками на Святых Отцов и Учителей Церкви.

На 5-м заседании ознакомились с некоторыми свидетельствами, на которых основывал свое решение иконоборческий Собор 754 г. Было зачитано апокрифическое сочинение «Путешествие святых апостолов», которое все признали еретическим — и справедливо. Рано или поздно, но Собор должен был затронуть грандиозные фигуры императоров — Льва III и Константина V. Но когда это случилось, не было произнесено *ни слова упрёка*. Более того, когда Феодосия Аморийского начали обвинять в том, что иконоборцы использовали в качестве доказательства еретический апокриф, тот стал оправдываться, будто им на Соборе 754 г. зачитывали подложные свидетельства Отцов. И реплика патриция Патрония: «Но при этом они все делали по царскому соизволению» — звучит не в качестве упрёка царям-иконоборцам, а как довод в... защиту невиновности епископа Феодосия Аморийского.

Почти все время 6-го заседания Собора было посвящено изучению деяний иконоборческого Собора 754 г. Нет сомнения, что в силу природы победоносного диспута, когда любое слово заочного оппонента кажется легкомысленным и ложным, Собор несколько драматизировал отдельные догматические определения иконоборческого собора, вполне, впрочем, православные.

Например, было зачитано такое определение иконоборцев, реципировавшее предыдущие шесть Вселенских Соборов: «Эти шесть святых и Вселенских Соборов благочестиво и богоугодно изложили догматы нашей непорочной христианской веры. Будучи научены из богопреданных Евангелий, они предали, что одна ипостась во Христе Господе и Боге нашем имеет два естества и две воли и два действия, и учили, что одному и тому же принадлежат и чудеса и страдания». На что прозвучала следующая оценка: «О, какая заносчивая и тщеславная мысль! Они пытаются учить Церковь, как будто она не познала еще Божественных догматов. Церковь Кафолическая приняла и запечатлела эти догматы, как твердый якорь и нисколько не нуждается в назидании этих учителей».

Безусловно, с исторической точки зрения это было передергивание фактов, поскольку каждый Вселенский Собор одним из своих актов реципировал предыдущие вселенские соборные оросы. И если епископы-иконоборцы признали свой Собор «Вселенским», то и им следовало сохранить древнюю традицию. Другое дело, что с духовной точки зрения даже истина, высказанные еретическими устами, облекалась в черные одежды и Отцы VII Собора всячески старались устранить этот зловредный налет.

Вновь «запнулись» на императорах-иконоборцах, но ни у кого не хватило духу поднять руку на властителей Вселенной, глав и защит-

ников Церкви. И вместо этого зазвучали упреки в адрес епископов-иконоборцев: «Совершая беззаконие за беззаконием, эти еретики не только язык свой изощрили во лжи и нечестии, но и убедили руку правителей поражать мнимые преступления, говоря, что не повинующийся им должен считаться виновным и пред царским законом».

Нисколько не затрагивая вопрос об ересиарстве Константина V, Отцы отметили другие замечательные достоинства этого императора, вновь перекладывая всю вину на епископат. «Им следовало бы скорее высказывать подвиги их мужества, победы над врагами, подчинение им варваров, что многие изображали на картинках и на стенах, возбуждая тем самым любовь к ним; точно так же — защищение ими покорных им, их советы, трофеи, гражданские постановления и сооружение ими городов. Вот похвалы, которые делают честь императорам! Они возбуждают хорошее расположение духа и во всех подчиненных им. Но еретики, имея языки наостренные и дыша гневом и стремлением к обличениям, хотят в темном месте подстрелить имеющих правое сердце и потому говорят так».

Наконец, настал день 7-го заседания, на котором Собору предстояло утвердить свои определения. Как результат соборного труда, Никейскому вселенскому собранию принадлежит чрезвычайно важное учение об образе поклонения святым иконам: не только благоговейное лобызание икон, но и *поклонение* им. Причем поклонение не такое, как Богу, но как поклоняются святым людям и Ангелам, которым тем не менее не служат как Богу.

Следующая фраза, сказанная епископом города Констанции на Кипре Константином, встретила общее одобрение: «Приемлю и лобызаю с глубоким почитанием святые иконы, но что касается поклонения в смысле служения, то я воздаю его исключительно Святой Троице». Затем последовали анафематизмы иконоборцам и славословия императорам: «Многая лета императорам! Константину и матери его Ирине многая лета! Победоносным императорам многая лета! Новому Константину и новой Елене вечная память!»

И наоборот: «Ересеначальникам Иоанну Никомидийскому и Константину Наколийскому анафема! Лжеименному епископу Эфесскому Феодосию анафема! Сисиннию, прозванному Пастиллою, анафема! Василию, носящему гнусное прозвище Трикаккав, анафема! Анастасию, Константину и Никите, преемственно председательствовавшим на Константинопольской кафедре, анафема!»

В окончании Собор принял 22 канона, в основном касающиеся правил монашеской жизни. После завершения всех обсуждений Отцы откликнулись на приказ императрицы прибыть в Константинополь, где

состоялось последнее заседание Вселенского Собора. Это случилось 23 октября 787 г. в Мангаврском дворце столицы. На заседании в присутствии императоров, высших государственных сановников и виднейших военачальников под одобрительные выкрики присутствующих лиц были зачитаны соборные определения.

Затем св. Тарасий поднес царям книгу, в которой были изложены все соборные деяния и определения, и просил утвердить их своими подписями. Святая Ирина и Константин VI подписались первыми, затем легаты, столичный патриарх и епископы. Получив щедрые дары от царицы, епископы разъехались по своим епархиям. Так завершилось *последнее* вселенское собрание Кафолической Церкви, но об этом еще никто не знал и не догадывался.

§6. Святая Ирина и Карл Великий

Едва завершили церковные дела, как вновь пришлось решать сложнейшие внешнеполитические проблемы. На далеком и уже непослушном Константинополе Западе франки под водительством своего короля *Карла Великого* (800—814) создали собственную могучую державу, покорив лангобардов и саксов. Франки уже давно являли собой серьезную военную и политическую силу, и, заняв земли лангобардов, стали *фактическими* хозяевами Италии.

В мире теперь существовала не одна христианская Империя под властью Римского царя — рядом с ней возникла огромная держава, включающая в свои границы народы и земли от Пиренеев до Дуная и от Северного моря до Рима. По сравнению со старой Римской империей это государство франков имело то преимущество, что вошедшие в его состав народы были скованы одной железной волей политической власти Карла, единством церковного и административного устройства и общностью интересов, поскольку в нем довлел германский элемент. Этот гигант должен был найти свое место в истории, что вскоре и произойдет.

В традициях тех далеких веков Карл Великий не представлял возможности существования двух империй. Как Кафолическая Церковь может быть только в единственном числе, так и Империя может быть только одной. Вопрос поэтому мог быть только один: *кто* из двух христианских властителей — св. Ирина или Карл Великий являются легитимными правителями Священной Римской империи? Однако и на пике своего успеха Карл Великий не решался заявлять о самостоятельном статусе, предпочитая называться «управляющим Западной империей» (*Imperium*

Romanum gubernans). Вечная, никогда не исчезающая Римская империя являлась для современников той идеальной силой, непосредственным творением Бога, которую не могли сломить ни оружие, ни деньги. Впрочем, на стороне Карла стоял Римский папа, которому великий франк не раз деятельно помогал в борьбе с лангобардами. Сами франки искренне полагали, что св. Ирина, как женщина, не имеет никаких легитимных оснований для занятия императорского трона. Как видим, положение св. Ирины и ее державы было очень сложным.

В этот момент императрица предприняла далеко не очевидный шаг, демонстрирующий в равной степени ее политическую мудрость, предусмотрительность и... *слабость престола*. В 782 г. она направила сакеллария Константина к Карлу Великому с предложением обручить восьмилетнюю дочь того Ротруду со своим сыном, императором Константином VI. Получив согласие, царица приказала евнуху и нотариусу Елисею обучить Франкскую принцессу греческому языку, традициям и законам Римской империи. Обручение прошло в самом Риме в присутствии представителей сторон.

В этой связи брачный союз его дочери с сыном св. Ирины значил очень многое. Один из современников тех событий так писал Карлу Великому: «Я радуюсь, что Ваша прекрасная дочь может поехать за моря и получить скипетр для того, чтобы сила королевства, благодаря ей, направилась в Азию». Но и св. Ирине данный брак как минимум обеспечивал серьезную поддержку Константину VI в борьбе с внутренними врагами. Нельзя не отметить, что, как это обычно принято в дипломатии, царица организовала некоторую конкуренцию своим контрагентам, формируя для себя почти беспроегрышную ситуацию. Отвергну ее предложения Карл Великий — она объединится с его противниками в Италии. Если те начнут играть в самостоятельную игру, она ничего не проиграет от долгосрочных отношений с франками.

Но спустя 6 лет, в 788 г., императрица внезапно резко изменила свою позицию по данному вопросу и спешно сорвала переговоры с Франкским двором. Причина этого вполне очевидна: авторитет императрицы в Церкви и, как следствие, в государстве поднялся чрезвычайно высоко. Теперь ей уже казалось несколько опасным видеть Карла Великого потенциальным советником собственного сына. Кроме того, случись что с Константином VI, его вдова могла смело претендовать на царство, особенно если бы к тому моменту имела наследника. Да и ставить мир в Церкви в зависимость от необразованных и бескультурных франков, уже вполне явно продемонстрировавших стремление вторгаться в вопросы христианского вероучения, было несколько легкомысленно.

Еще в 787 г. царица намечала высадку византийских войск в Южной Италии и окончательно склонилась к мысли, что женитьба императора Константина VI на дочери Франкского короля будет только способствовать планам Карла. А потому в одностороннем порядке расторгла бывшие договоренности. Она немедленно подыскала сыну невесту *Марию* из числа представительниц армянской аристократии и женила его, к вящему неудовольствию самого молодого императора. Сын не оценил по достоинству политическую игру своей матери (а, возможно, она в силу жесткого характера и не пыталась объяснить ему все нюансы политической баталии), и вскоре между ними возникло отчуждение.

Окончательно отвергнув Карла, св. Ирина направила в Италию сакеллария Иоанна и сына прежнего Лангобардского короля, названного на греческий манер Феодотом, отдав им приказ вступить в сражение с франками и вернуть прежние римские земли. Вскоре к ним присоединился стратиг Сицилии Феодор. Но Карл Великий был действительно блестящим полководцем: в сражении 787 г. греки потерпели поражение, а сакелларий Иоанн попал в плен и был умерщвлен франками. Как рассказывают, погибло до 4 тыс. союзных войск и почти 1 тыс. солдат попала в плен к франкам.

Моментальный поворот отношений между державами от дружеских к враждебным — не новость для дипломатии. Однако в данном случае на политические обстоятельства наложилось *вероисповедальные* недоразумения, и наоборот. Уже по окончании VII Собора внезапно выяснилось, что франки не готовы довольствоваться старыми правилами и традициями созыва Вселенских собраний. Ранее так повелось, что право созывать Соборы признавалось только за Византийскими императорами, а легаты, представлявшие Римского епископа, глаголали от имени всего Запада, духовным сердцем которого считался папа. Теперь франки выказали явное неудовольствие тем, что понтифик направил легатов в Nikeю *без разрешения* Карла Великого, и тем более не признавали Собор Вселенским, поскольку там не присутствовали франкские епископы.

Официальным ответом Карла Великого Константинополю и VII Вселенскому Собору стал Франкфуртский Собор 794 г., на котором была представлена вся Западная церковь, включая папу, направившего туда своих легатов. Председательствовал, желая придать ему статус «Вселенского», подражая Византийским императорам, сам Карл Великий. Нет сомнения, что, структурируя этот Собор по примеру «византийского», Франкский король уже задумал многоходовую комбинацию, призванную перевернуть естественный ход христианской цивилизации. Карл решил — ни много ни мало — заявить *собственные*

права на императорскую диадему Римских царей, отодвинув в сторону законных наследников Исаврийской династии. До сих пор он назывался «*управляющим Западной империей*» — непрозрачный по своему содержанию титул, позволяющий уйти от привычного категоризма термина «вассал Римского императора» и в то же время подчеркивающий специфику политико-правового положения Франкского короля.

Аргументы, на которых Карл Великий основывал свои амбиции, были довольно очевидны. В первую очередь, он заявил, что никогда женщина не владела царским титулом, тем более не председательствовала на Соборах епископов. «Немощность женского пола и непостоянство духа, — говорится в «каноническом» обосновании претензий Карла, — не позволяют женщине выступать с авторитетом учительным; легко склонная к ошибкам, женщина нуждается в руководстве мужчины. В священных книгах читаем, что женщина дана мужчине для размножения рода, для помощи, но не сказано, что она была назначена для учительства».

Итак, один довод можно было считать найденным. Правда, помимо св. Ирины еще существовал и император Константин VI, но здесь Карлу удалось отыскать второй аргумент в свою пользу. Ссылаясь на иконоборческий Собор 754 г. и оклеветанный во Франкфурте VII Вселенский Собор, Карл Великий выставил императоров Исаврийской династии *еретиками*, включая, разумеется, и Константина VI. Как известно, еретик не вправе быть главой Церкви и, следовательно, ни св. Ирина, ни Константин VI не вправе занимать императорский престол. Оставался один Карл Великий, к которому «по праву» переходила власть и в Римской империи, и в Кафолической Церкви.

Папа Адриан прекрасно понимал, что Никейский Собор 787 г. никак не может быть отнесен к числу еретических собраний, и потому во Франкфурт прислал тех же легатов, что представляли его в Никее. Возможно, папа надеялся, что они, как живые очевидцы тех событий, смогут раскрыть глаза на правду. Но Карл Великий *приказал* ему анафематствовать VII Вселенский Собор, и понтифик не смог отказать. Чтобы придать своим анафематизмам хотя бы *видимость приличия* и законности, он заявил Карлу Великому: «Я буду увещевать императора, чтобы он возвратил св. Петру все его земли, которые он отнял; если он откажется, я объявлю его еретиком».

Последующие события, занявшие почти 6 лет, изображают реализацию грандиозных замыслов Франкского короля. 25 декабря 795 г. умер папа Адриан, и Римским епископом стал *Лев III* (795—816); Карл Великий даже и не подумал уведомлять об этом событии Константинополь и приказал оповестить о начале нового понтификата только

Запад. Хотя формально франк лишь подтвердил новому папе, что готов выполнять тот договор, который был ранее заключен с Апостольским престолом, некоторые фрагменты его письма папе Льву III полны новационных идей. Нет сомнений, что в уме великого творца истории уже созрела мысль о себе как носителе *универсальной власти*, подчиняющей и Церковь, и Вселенную.

Видимо, и папа Лев III почувствовал перемены, поскольку прислал королю не только, как обычно, ключи от гроба святого апостола Петра, но и знамя города Рима — символ передачи всей гражданской и духовной власти над Вечным городом. А уже осенью 798 г. в Ахен (или Аахен) — ставку Франкского короля — прибыло посольство из Константинополя, уведомившее Карла о свершившемся перевороте и начале единоличного правления св. Ирины как Римской царицы.

А 25 декабря 800 г., в праздник Рождества Господня, когда Карл со своим двором находился в Риме, папа Лев III при большом стечении народа возложил на главу Франкского короля императорскую корону. Хотя впоследствии и говорили, что франк ничего не знал о замыслах понтифика и его инициатива была для него совершенно неожиданной, но в это слабо верится. Единственно, что можно принять из числа догадок, так это то, что Карлу явно не понравился *способ*, каким его венчал папа. Он справедливо опасался (и предчувствия его не обманули), что эта процедура могла быть многократно впоследствии интерпретирована.

Так Франкский король стал *императором*, правда, фактически пока что еще только Западной империи. Но в глазах современников никакой альтернативы на Востоке Карлу уже не было: ведь св. Ирина и Константин VI, как «еретики», *незаконно* занимали престол древних Римских императоров. Так Римская империя, которая со времен Константина Великого, сына Елены, пребывала в Константинополе в лице греческих императоров, благодаря Карлу перешла с этого момента к королям, вернее императорам франков.

То, что рука великого франка еще не дотянулась до берегов Босфора, в идейном отношении ничего не значило. И тем лицом, которое самим Богом было уполномочено расставить все точки над *i* и определить легитимность власти того или иного правителя, явился Римский понтифик. Едва ли в глазах коренных итальянцев венчание Карла императорским венцом являлось событием, окончательно и бесповоротно предопределившим законность его власти, не говоря уже о сыновьях.

Как ни странно, но получившаяся позиция первоначально представляла возможности для проведения различных политических комбинаций. Так, в частности, при согласии Константинополя св. Ирина

и Карл Великий могли считаться, как некогда в старину, *соимператорами* единой Римской империи. Конечно, при дворе обоих императоров были партии, склонные к кардинальному решению вопроса о взаимоотношении Западной империи и Византии.

В частности, в Константинополе усматривали (и не без оснований), что коронация Франкского короля папой унизила императорское достоинство и *не легитимна*. И когда осенью 802 г. в Константинополь прибыло посольство от Карла Великого с предложением к св. Ирине сочетаться браком с франкским властителем, это выглядело как самый естественный, хотя и далеко не самый перспективный для Востока выход из данной запутанной ситуации. Однако события, случившиеся в Константинополе, внесли коррективы в этот план; женитьба не состоялась. Отныне между Западом и Востоком простерлась глубокая трещина, с веками все более и более расширяющаяся и ниспадающая в бездну.

§7. Самостоятельное правление святой Ирины. Трагедия с сыном

Манипуляции с женитьбой не могли не расстроить отношений матери с сыном. Константину VI уже исполнилось 20 лет, и он, крепкий и статный молодой человек, проявлял знания и опыт в делах государственного управления. Ему, естественно, было очень обидно, что мать откровенно *отодвигает* его от власти, советуясь лишь с евнухами и фаворитами. В 790 г. сам собой организовался заговор близких друзей молодого императора против св. Ирины. Они договорились захватить императрицу, лишить ее сана и отослать на Сицилию, в ссылку. Но верное окружение императрицы было начеку: евнух Ставракий каким-то образом узнал о готовящемся перевороте и предупредил св. Ирину. Заговорщиков схватили, лишили почестей и титулов, кого-то постригли в монахи, других сослали на Сицилию. Самого Константина VI мать бранила, била по лицу, а затем посадила под домашний арест до того момента, пока войско не присягнет ей как *единоличной* императрице.

Пока шли разбирательства внутри царской семьи, внешние дела продвигались не очень успешно. Арабы предприняли поход на остров Кипр, и византийцам не удалось остановить их флот. Военные столкновения возникали каждый год, и едва ли не всякий раз сопровождались для византийцев неудачами. В 787 г. поход против христианской Империи возглавил полководец *Сулейман ибн Абдулла аль-Бекаа*, а в сле-

дующем — *Исхак ибн Сулейман ибн Али*. Противопоставить блеску их меча византийцам было нечего.

Такие неудачи всегда подмывают авторитет верховной власти, и нет ничего удивительно в том, что, когда св. Ирина попыталась получить присягу от войска, часть полков взбунтовалась. Солдатам предлагалось дать клятву следующего содержания: «Не признаем, царица, сына твоего царем при жизни твоей», но одна часть, сформированная из этнических армян, отказалась это делать со словами: «Мы не будем ставить имени Ирины впереди Константина, но Константина, как прежде, поставим впереди Ирины».

Это было совершенно недвусмысленное *неповиновение*, хотя и справедливое. Царица направила в мятежный полк своего спафария Алексия Муселя схватить зачинщиков, но армянские солдаты сами захватили того и... предложили стать их начальником. Посадив под стражу прежнего командира полка Никифора, они провозгласили Константина VI *единственным* императором, отказав в царстве его матери. Этот пример быстро распространился по всей армии — один за другим полки прогоняли своих командиров и признавали своим императором только Константина, без св. Ирины.

Таким образом, в октябре 790 г. все вдруг изменилось в одночасье. Армия единодушно признала Константина VI царем и отстранила мать от власти. Ее верных евнухов разогнали, Ставракия постригли в монахи, а саму императрицу заключили под домашний арест во дворце Елеферия, построенном ею же самой. Мудро рассудив, что человек, предавший раз, предаст и во второй, император отказался от услуг первого спафария Иоанна, взбунтовавшего армию против св. Ирины (в массе своей иконоборцы, они не могли простить ей VII Вселенский Собор), а сам решил во главе войска наказать болгар. Как только потеплело, в начале апреля 791 г., император Константин VI дошел до крепости Провата, где в небольшом сражении потерпел неудачу. Ночью после боя его войска окончательно пали духом — все же это были не железные легионы Льва III и Константина V — и бежали, оставив своего императора. В итоге царь вернулся в Константинополь без славы.

Следующая неудача императора — уже в войне с арабами, случавшаяся в сентябре 791 г., привела молодого царя в уныние. Осень и начало зимы придворное окружение внушало ему, что эти неудачи суть следствие отстранения императрицы, которая на самом деле является добрым помощником и советником сыну. Видимо, Константин VI и сам начал испытывать угрызения совести, поэтому в январе 792 г. вернул царицу на трон, к вящей радости всего народа и армии. Исключение

составил все тот же мятежный армянский полк, отказавшийся признать св. Ирину царицей Римской империи. Но императрица тут же показала, что теперь врагам противостоит *ее* воля, решительность и характер: она приказала схватить Алексея Муселя по обвинению в попытке насильственного захвата верховной власти и постричь в монахи. После этого бунт сам собой прекратился.

К несчастью, молодой царь был плохим военачальником и не унаследовал от деда и прадеда их таланта полководца. В июле 792 г. он совершил поход на болгар, но возле крепости Макерлон хан *Кардам* (777—803) разбил его войско. Дело обстояло так: легкомысленно понадеявшись на предсказания придворного астролога, император перешел в наступление, и византийская кавалерия опрокинула врага. Но когда всадники увязли в шеренгах болгар, в спину им ударили резервы, скрытно расположенные ханом Кардамом. Вскоре в рядах византийцев началась паника, и исход сражения был уже предопределен.

Константин VI потерял много воинов убитыми, причем не только среди солдат, но и командиров. Варвары захватили громадный обоз с царской прислугой, коней, шатры и войсковую казну. В общем, поражение было полным, каких уже давно не испытывала византийская армия. Раздосадованный царь вернулся в Константинополь, где его авторитет пал совершенно, и с тревогой узнал, что войско пытается возвести на царский престол бывшего цезаря Никифора, своего дядю. Тогда-то и случилась очередная неприглядная история: по приказу Константина VI в 792 г. Никифор был лишен зрения, а Христофор, Никита, Анфим и Евдоким — языков.

Какой-то злой рок стал кружить над царской семьей после этих событий. В 793 г. вновь взбунтовался армянский полк, посадивший под стражу своего командира патриция Феодора. К ним император направил начальника вукеллариев Хрисохерина и первого спафария Константина Артасира, чтобы те устроили армян, но солдаты арестовали сановников и ослепили их. Дошло до того, что императору пришлось вступать в настоящий бой со своими же солдатами, и лишь благодаря предательству некоторых армян после двух боевых столкновений он сумел в 794 г. одержать победу.

Главари мятежников были казнены, некоторые солдаты сосланы в ссылку, остальных, уже как частных лиц, переселили на Сицилию и другие богом забытые острова Средиземноморья. Однако и здесь царя ждали разочарования: предатели из армян, не получившие обещанной награды, сдали арабам крепость Камах, а в октябре того же года мусульмане без боя овладели крепостью Фиваза. Правда, в апреле 795 г. Константин VI совершил удачный поход против арабов, которых разбил

возле крепости Апусан, но это сражение носило откровенно *локальный* характер и не могло повлиять на общий ход военных действий.

Не снискав своими ратными подвигами уважения в армии, молодой император, словно специально, делал все для того, чтобы лишиться его и в общественных кругах. В августе 795 г. Константин VI, давно уже тяготившийся женой Марией, развелся с ней, объявив, будто бы жена хотела отравить его — очевидная для всех ложь. Патриарх св. Тарасий справедливо усомнился в этом преступлении и напомнил царю, что римский закон знает только *одно* основание для развода — прелюбодеяние супруги. Император настаивал и даже приказал принести для обозрения какую-то чашу с жидкостью, утверждая, что это и есть яд, подготовленный женой. Но архиерей оставался непреклонным.

Тогда, даже не пытаясь подыскать должных канонических оснований, Константин VI постриг бывшую супругу в монахини, а после чего объявил царицей дочь придворного сановника *Феодоту*, с которой уже давно состоял в близких отношениях. Патриарх св. Тарасий попытался не допустить этот явно неканоничный брак царя, но тот пригрозил, что в случае отказа архиерея благословить их союз ревизует VII Вселенский Собор и восстановит иконоборчество. Патриарх сдался и в качестве нейтральной фигуры взирал на то, как приглашенный императором придворный игумен Иосиф совершил обряд венчания.

В сентябре того же года император в течение 40 дней пышно праздновал свадьбу во дворце Св. Маманта, чем вновь вызвал новый и неожиданный *раскол* в Церкви. Феодота была дочерью известных родителей, и ее родственником являлся знаменитый игумен монастыря на Олимпе Платон. Другим родственником Феодоты был преподобный Феодор Студит, непреклонный борец с иконоборчеством. Узнав о замужестве племянницы, игумен Платон открыто отказался поминать на Литургии Константинопольского патриарха св. Тарасия и игумена Иосифа, попустивших Константину VI супружеские вольности, за что был схвачен слугами императора и посажен под арест в темницу.

Это известие всколыхнуло Церковь и еще более охладило отношения между матерью и сыном. Не вернула положения царю в римском обществе даже победа над болгарами, давшаяся практически византийцам без боя: враги просто побоялись принять сражение и отступили, не став требовать дани, которую желали получить.

К несчастью для Константина VI, его брак и неканонический развод все более раздражали византийское общество. Монахи, не противившие царю ареста одного из великих подвижников веры, постоянно подогревали нездоровый интерес к личной жизни императора,

как будто никто из самодержцев ранее не имел внебрачных связей, вторых жен и весь мир должен был разрушиться из-за его связи с Феодотой.

Между тем отношения императрицы с царем стали совершенно невыносимыми. Они по-прежнему являлись соимператорами, но Константину VI не составляло труда визуально определить, насколько холодно относится к нему Церковь в лице иерархов и какой любовью они пылают к св. Ирине. Армия также сторонилась своего главнокомандующего, при дворе вновь набирали силу бывшие фавориты императрицы, включая Ставракия, вызволенного из монастыря и назначенного советником царицы. На свою беду, молодой царь явно уступал матери в искусстве дворцовой интриги, а потому то и дело совершал необдуманные поступки, нисколько не догадываясь, что готовит себе трагичный конец.

В 796 г., когда в столицу прибыли болгарские послы за очередной годовой данью, вновь произошел конфуз, едва ли достойный императора. На справедливое требование послов исполнить обязательства по мирному договору Константин VI приказал передать болгарам вместо золота... *навоз* со словами: «Какая прилична дань вам, ту и посылаю». Хан Кардам еще попытался исправить положение и отправил новое послание: «Отдай, что положено по договору, или я дойду до Золотых Ворот», на что император ответил: «Зачем тебе утруждать себя походом? Ты стар и дряхл, лучше я сам приду к тебе». И летом 796 г. вместе с армией двинулся в путь. Но, дойдя до Адрианополя, Константин VI не решился атаковать болгарскую армию. Простояв 17 дней, он вернулся без битвы в Константинополь.

Кажется, что такие кампании не приносят вреда полководцам и государству, но это не так. Любой военный поход — крайне *затратное мероприятие*, негативное отражающееся на жизни и отрывающее от обычной деятельности множество людей. Не дав сражения и не покрыв расходы на кампанию, не одержав победы и не убедив врага в своей силе, Константин VI тем самым просто нанес государству и финансовый ущерб, и политический, не взяв реванша за свое недавнее поражение.

В самом начале осени 796 г. мать и сын отправились на теплые воды в Прузию, а в октябре Константин VI получил известие, что его новая жена разрешилась от бремени младенцем *Львом*. Счастливый отец немедленно отправился в Константинополь, а св. Ирина, поняв, что лучшего времени уже не представится, деятельно вступила в переговоры с командирами полков, убеждая тех признать *ее* единодержавной императрицей.

Как нетрудно догадаться, военачальники гвардейских частей византийской армии без труда были привлечены на сторону царицы. Оставалось только ждать удобного случая, чтобы переворот произошел максимально мирно и легитимно, поскольку было очевидно, что многие полки византийского войска едва ли согласятся признать единодержавное правление *женщины*. Таких прецедентов просто еще не случалось.

Из Константинополя, где он проводил время в обществе любимой жены и маленького сына, в марте 797 г. царь отправился в новый поход на арабов. Ничего не подозревая о заговоре своей матери, он взял с собой на войну ее ближайшего советника Ставракия и многих других патрициев, не расположенных к нему. У Константина VI были все основания надеяться на счастливый исход кампании: его войско насчитывало 20 тыс. закаленных бойцов, а мусульмане явно не были готовы к большим сражениям.

Но заговорщики верно рассудили, что долгожданная победа обеспечит царю мощную поддержку армии и народа (византийцы всегда были чутки к успехам своих правителей), и потому сделали все, чтобы война не была выиграна. Конечно, это была *прямая измена* Византийскому государству, один из тех редких (пока еще) случаев, когда личные интересы перевесили общенациональные выгоды. Подкупленные заговорщиками разведчики доложили царю, будто арабы, испугавшись римлян, бежали и потому впереди нет никакого войска, с которым можно было бы сразиться. Огорченный император повернул обратно в столицу. Едва он вернулся в Константинополь, как страшная весть склонила в горе главу царя — 1 мая 797 г. его сын Лев скончался.

Но если византийская армия не снискала успеха, то Арабский халиф *Харун ар-Рашид* (786—809) был куда удачливее. Став во главе армии, он перешел границу с главными силами, а его другие полководцы, отвлекая внимание византийских войск, ударили в направлении Анкиры и Эфеса. Контрнаступление римских полков не смогло остановить этого потока огня и меча, и с тех пор многие годы арабы грабили и *выжигали* Малую Азию. Некогда процветающие районы обнищали, население в страхе уходило от бед на запад, вследствие чего резко изменился демографический состав Анатолии.

Пожалуй, если что-то и мешало арабам развить свой успех, так это целый ряд спасительных для Византии событий, к которым, как можно без труда предположить, приложила руку и многоопытная греческая дипломатия. Так, внезапно хазары вторглись в Армению и тем самым отвлекли на себя значительные силы мусульман. Кроме того, многолетние попытки каким-то образом примирить персов и арабов пока положительных результатов не давали. И в то время, когда границы

Византии так заманчиво были открыты, арабы были вынуждены гасить очередное восстание в Персии.

После всех неудач и смерти сына Константин VI на время пал духом и просто не замечал, что творится вокруг. В таких условиях шансы заговорщиков на успех резко возросли, и 17 июня 797 г., когда царь возвращался с конских ристаний, на улицу вышли командиры нескольких частей с солдатами, чтобы схватить его. Впрочем, кто-то предупредил императора об опасности, и он успел найти лодку, на которой надеялся переплыть в восточные провинции, где память царей из династии Исавров чтится чрезвычайно высоко. Пока что он остановился в городе Пилосе, где оказался вне досягаемости столичных полков. Внезапно заговорщикам открылось, что император Константин VI не так уж и беззащитен, как им казалось — пришли известия о подходе некоторых полков, оставшихся верными ему.

Это был самый критический момент. Императрица собиралась даже написать сыну письмо, передав его через наиболее уважаемых епископов, что просит пощады и готова совершенно отойти от власти, приняв домашний арест. Но в качестве последнего шанса передала тайным друзьям, находившимся при особе Константина VI, что в случае неудачи выдаст их сыну. Это сыграло решающую роль: когда император молился в храме, сановники схватили его и 15 июля 797 г. доставили арестованного императора в Константинополь.

Затем случилось страшное, преступное перед Богом и людьми событие, до сих пор не имевшее аналогов в истории Римской империи, — по приказу матери заговорщики *ослепили императора*. «Солнце помрачилось на 17 дней и не давало лучей своих; корабли во мраке плавали наудачу; все говорили и сознавались, что солнце утратило свои лучи за ослепление царя», — писал византийский летописец. Это может показаться преувеличением, но и западные хронисты (например, Саксон Анналист) подтверждают это уникальное природное явление. Дальнейшая судьба императора Константина VI неизвестна. Говорят, он проживал под домашним арестом вдали от столицы, причем его жена неотлучно находилась при нем. Скорее всего, бывший царь умер в 802 г. в возрасте 32 лет.

§8. Одиночество матери, лишение власти

С этого момента императрица стала единодержавным правителем Римской империи — случай в истории государства невиданный. Замечательно и то, что, став по-настоящему единодержавной ца-

рицей, добившись исполнения своей мечты, св. Ирина неожиданно полностью утратила интерес к политике, все более погружаясь в духовную жизнь. Нет, конечно, она соблюдала правила царского этикета и являлась перед народом в пышных одеждах, а на монетах велела писать: «Ирина, великий василевс римлян, автократор» (любопытно, что императрица не склоняла своего титула по родам), но в душе ее царили другие чувства. Она еще в большей степени стала *другом монахов*, и ее царствие оказалось настоящим «золотым веком» византийского монашества. Так, в частности, только в Студийском монастыре за 5 лет ее правления число монахов увеличилось с 12 иноков до тысячи.

Хуже всего то, что при всем уважении к ней византийцев св. Ирина целеустремленно, хотя и неосознанно, подрывала авторитет и «съедала» кредит доверия царской власти, до сих пор безграничный. Получив сообщение с Запада об анафематствовании папой VII Вселенского Собора, она волей-неволей была вынуждена предпринять меры по повышению авторитета Константинопольского патриарха и тех кругов, которые твердо стояли за иконопочитание — в первую очередь монашества. Архиерей столицы получил едва ли не те же преференции, какие на Востоке имел до сих пор только император, — его решения стали считаться окончательными и не подлежащими соборному суду.

Поскольку же двух высших глав церковного управления не может быть как таковых, расширение компетенции патриарха привело к негласному *урезанию полномочий императора*. В ситуации, где нравственные основания власти монарха ослабели, это внезапно привело к резкому дисбалансу власти в пользу столичного священноначалия.

Не случайно после VII Вселенского Собора стали понемногу поговаривать о том, что императору не следовало бы вмешиваться в дела церковных догматов и канонов; его дело — управление Римской империей, но не Церковью. Этот дисбаланс остро ударил по обществу, воспитанному на традициях «симфонии», и по казне, поскольку императрица последовательно предоставила церковным имуществам существенные льготы по налогам. Иными словами, наступал политический и финансовый кризис, из которого императрица уже была не в состоянии вывести Римское государство.

Нельзя сказать, что дальнейшее царствование св. Ирины оставило славный след. Пока мать спорила с сыном за императорскую диадему, арабы постоянно и серьезно тревожили Каппадокию и Галатию. Поэтому императрица тотчас направила к халифу своих послов — игумена Хрисополя и хранителя архива храма Св. Софии Константина про-

силь мира; однако Арабский вождь отверг это предложение. Правление женщины далеко не все оценивали высоко, и уже в ноябре 797 г. был раскрыт заговор, целью которого было возведение на царский престол братьев покойного Льва IV, пребывавших в принудительном монастырском заточении.

Очевидно, они, лишенные языков и глаз, уже не имели никаких желаний напоминать о своем царском происхождении, и их просто попытались использовать некоторые враждебные св. Ирине силы. Все же Никифору хватило сил обратиться в храме Св. Софии к византийцам с такими словами. «Соотечественники и христиане! — прокричал бывший цезарь Римской империи. — Посмотрите на сыновей вашего императора, если вы можете еще признавать их лица в этом ужасном положении. Злоба наших врагов не оставляет нам ничего, кроме жизни, и какой жизни! Она теперь в опасности, и мы взываем к вашему состраданию».

Вовремя сказанное слово может многое сотворить — расчувствовавшийся народ едва не ринулся низвергать св. Ирину. По счастью для царицы, ее верный евнух Аэций, находившийся в храме, предложил проводить братьев во дворец, дабы там обсудить условия их содержания. Но когда они зашли за крепостные стены, их немедленно арестовали, посадили на корабль и отправили в Афины.

Вскоре обнаружилась новая незадача: два самых ближайших советника царицы — патриции Ставракий и Аэций — схватились в смертельном единоборстве, надеясь предоставить царский венец кому-нибудь из своих родственников после смерти (или убийства?) св. Ирины. Все, буквально все восстало против матери-преступницы. Уже не опасаясь римской армии, обезглавленной заговорщиками, арабы в 798 г. совершили удачный рейд на Византию, дойдя до Манган и даже захватив царских лошадей и коней Ставракия. Другой арабский отряд дошел до Лидии и захватил множество пленных и богатую добычу. Наконец, третий отряд мусульман вступил в сражение с византийским войском и нанес тому тяжелое поражение.

Но противники царицы нашлись даже в любимой ею Элладе. По наущению каких-то граждан славянский вождь *Акамир* хотел захватить находящихся под арестом в Афинах братьев Льва IV и объявить кого-нибудь из них царем. Только чудом этот план удалось нейтрализовать. Словно очнувшись, царица пыталась вернуть расположение народа: устраивала ристания, щедро раздавала деньги, но удача не сопутствовала ей.

От тяжелых переживаний св. Ирина заболела в мае 799 г. и едва не отдала Богу душу. Как только известие об этом дошло до слуха ее

сановников, самые близкие к царице люди вновь вступили в смертельную схватку за власть. Болезнь императрицы длилась долго, и все это время борьба за власть в Римском государстве не прекращалась. Аэций и Ставракий вступили в очередную схватку, и Ставракий все-речь готовил дворцовый переворот, подкупив столичный гарнизон. К своему несчастью, в июне 800 г. он скончался — по-видимому, от туберкулеза.

Выпавшую ей передышку св. Ирина, оправившаяся от болезни, использовала максимально эффективно — словно «вторая молодость» вернулась к этой 50-летней женщине. Она приняла закон об освобождении от податей на один год своих подданных, затем облегчила сборы с торговли. В принципе положение дел в Византийской империи, некогда поднятой с колен императорами Львом III и Константином V, было не столько плачевным, чтобы впасть в отчаяние. Но, к сожалению, императрица уже не владела ситуаций при дворе — императорская единодержавная власть оказалась для нее в действительности непосильной ношей. Выздоровев, она все дни проводила в горьких размышлениях о судьбе сына, вернуть которого уже не могла. Все дворцовые страсти, все политические темы перестали волновать ее: мать и благочестивая христианка *возвысилась* в ней над императрицей.

В это время подоспело посольство от Карла Великого, предложившего царице соединиться брачными узами и тем самым разрешить вопрос об императорстве в Римском государстве — об этом писалось ранее. Но эта инициатива наткнулась на жесткое противодействие со стороны почти всесильного евнуха Аэция, имевшего планы посадить царем своего брата, занимавшего пост стратига Македонии и Фракии. Силы, собранные под рукой мятежников, были очень велики — Аэций сумел сговориться с командирами восточных пограничных полков. И как бы ни хотела св. Ирина принять предложение Карла Великого, она (царица!) *не посмела* пойти против воли Аэция, запретившего ей этот брак. Оторопевшие послы Франкского короля все же оставались в столице, надеясь на перемену обстановки, но им предстояло увидеть еще худшие события.

Престол св. Ирины был уже настолько слаб, а беспомощность императрицы столь широко известна, что первый смелый авантюрист имел шансы стать преемником императрицы. Пока Аэций готовился к будущему триумфу, не чувствуя опасности, выяснилось, что у него объявились серьезные конкуренты. 31 октября 802 г. патриций *Никифор Геник* и группа патрициев, включая начальника военных корпусов Никиту, придя к Медным воротам, собрали войска столичного гарнизона.

Они заявили, будто царица провозгласила Никифора царем, опасаясь самозванного провозглашения Римским василевсом брата евнуха Аэция. Солдаты поверили — амбиции евнуха ни для кого уже не являлись секретом.

Никифор с сотоварищами прошли во дворец, где находилась императрица, окружили его своими сторонниками и отправили гонцов по всему городу объявить, что Никифор стал Римским императором. Народ начал понемногу собираться возле дворца; всем казалось невероятным, что святая царица, столь много сделавшая для Церкви, была предана и обманута самыми близкими ей людьми, прельстившимися золотом и будущими чинами. Все стояли подавленные горем, и только осенний воздух, неожиданно ставший морозным в эту ночь, навевал мрачные мысли о будущем царствии самозванца.

Утром Никифор вошел в покои царицы и с улыбкой на устах объяснил ей, что якобы *против своей воли* был объявлен царем. Проклиная этих неведомых никому «насильников», он клялся святой императрице, что по-прежнему будет чтить ее как царицу. Более того, как раб готов выполнить любой ее приказ, если, конечно, она добровольно передаст ему царские сокровища. Ответный монолог св. Ирины заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью. Перед нами раскроется немолодая, изможденная жизнью и ошибками, раскаявшаяся благочестивая женщина, покорно принявшая волю Бога.

«Я уверена, — начала императрица, — что Бог, возвысив меня, прежде сиротствующую, и недостойную возвел на престол, и теперь причину падения своего приписываю себе и своим согрешениям. Во всем и всячески будь благословенно имя Господа: вопия перед Царем царей и Господом господей, предоставляю Господу судить способы твоего возвышения и верю, что без Господа ничего не бывает. Часто доходили до меня слухи о достоинстве, в которое ты теперь облечен, и последствия доказывали, что те слухи были истинны. Они тебе известны, и если бы я увлекалась ими, то беспрепятственно могла тебя убить. Но, веря твоим клятвам и щадя многих соумышленников твоих, я согрешила перед Богом, но и тогда предалась в волю Того, которым цари царствуют и сильные владеют над землей. Теперь кланяюсь тебе, как благочестивому и от Бога поставленному царю, прошу тебя пощадить мою слабость и уступить мне построенный мной дворец Елеферия, в утешение мне в моем беспримерном бедствии». Нет никаких сомнений в том, что «беспримерным бедствием» царица назвала не потерю царской власти — ей уже безынтересную, а одиночество и боль от потери сына, которую никак не могла заглушить.

Никифор попытался ответить благородством на благородство, заявив, что ни в чем царица не будет иметь нужды, если только — он повторился, не скрывая своей алчности, — св. Ирина передаст ему полностью все царские сокровища. Императрица послушно и безропотно принесла требуемую Никифором клятву на Честном и Животворящем Кресте Господнем, что не оставит себе ни одной монеты, и сдержала обещание. Но, получив желаемое, узурпатор *немедленно* приказал постричь государыню в монахини и сослать на остров Принцип (один из Принцевых островов в Мраморном море), в монашескую обитель. Но уже в ноябре 802 г., опасаясь, что константинопольцы пожелают вернуть св. Ирину на царство, он в жуткие морозы переслал ее на остров Лесбос, где сверженную императрицу стали содержали под крепкой стражей.

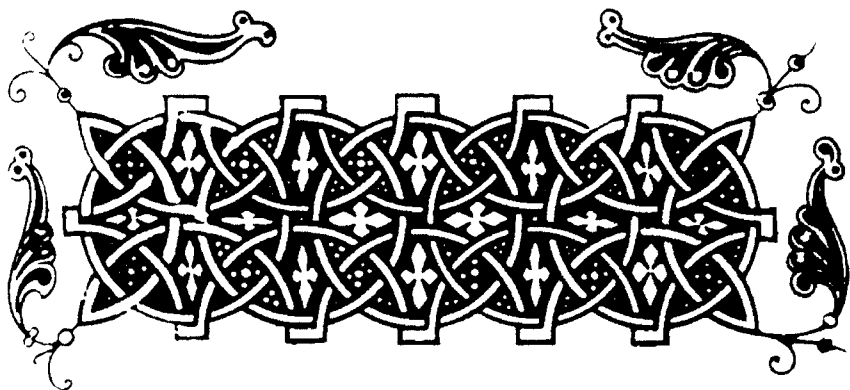
Разбитая физически, но обновившаяся *духовно*, царица встречала свой смертный час достойно. Спокойно и радостно восприняла она выпавшие на ее долю тяготы, как земное искупление за многие грехи, в первую очередь против сына. 9 августа 803 г. императрица скончалась, и ее тело было перенесено в монастырскую обитель, которую она сама же и строила, на острове Принцип.

Кафолическая Православная Церковь не случайно прославила царицу как святую. При всех ошибках, совершенных в жизни, ей принадлежит великий *личный подвиг* восстановления Православия через организацию VII Вселенского Собора и закрепление его определений в качестве государственных законов. Это было далеко не рядовым событием: при яростном сопротивлении значительной части восточного епископата, склонного к иконоборчеству, с учетом реальной опасности быть низвергнутой армией за иконопочитание, проявив недюжинные дипломатические способности для реставрации отношений с Римской церковью, св. Ирина вышла победительницей из этого смертельного для нее пике.

Конечно, ею двигали отнюдь не пустое тщеславие или эгалитарное чувство, когда она решилась противопоставить свое мнение, в истинности которого была убеждена, *политическим реалиям* и наперекор всему решилась восстановить иконопочитание. Как мы вскоре увидим, опровергнутая на Соборе ересь оказалась долгоживущей, и успех св. Ирины был вовсе не предопределен. Но Бог не в силе, а в правде, и святая императрица победила.

Святая Ирина заслуживает того, чтобы, завершая рассказ о ней, мы привели панегирик, написанный другим великим подвижником Православия преподобным Феодором Студитом. «Скажи нам, государыня, откуда вселилась в тебя такая любовь к благочестию, что ты не-

насытно возжелала благоугождать Богу и до чрезвычайности простерла попечение о душевной и телесной пользе христиан? Все царство твое наполнилось радости и веселия. Кто слышал о таких делах? — скажите мужи. Кто видал при другом царствовании столь великое и важное благодеяние? Хвалите ее все народы; величайте ее с нами начальники и подчиненные, священники и монахи, и весь род христианский. Ты угождаешь Богу, ты радуешь избранных Ангелов Божьих и людей, живущих преподобно и праведно, богоименитая Ирина! В этом сияет твое благочестие, за это все уста и всякий язык прославляют тебя. Это поистине слава Церкви, это — печать содержимого тобой отеческого и боговдохновенного Православия христиан, ревнительница по Боге и поборница истины!»

Глава 12.

ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ФЕОДОРА

(842—856)

§1. Годы счастья

Император *Феофил* (829—842), супруг героини нашего повествования, являл собой блистательный пример настоящего императора, любящего мужа и заботливого отца. Казалось, в его лице воскресли св. Константин Равноапостольный и св. Юстиниан I Великий, чтобы восстановить стабильность, справедливость и порядок в Византии. В течение многих десятилетий ни один из царей не демонстрировал такой отрешенности от личных интересов и не придавал образу василевса такой внутренней силы и красоты, как Феофил.

Под стать ему была и супруга *св. Феодора*. Она являлась этнической армянкой и родилась в Пафлогонии, в городе Эвиссе. Ее родителями были Марин, турмарх местного фемного войска, и Феоктиста (по другим источникам, Флорина). Она вместе с другими девушками из знатных семей была приглашена в самом начале 830 г. мачехой Феофила, императрицей *Евфросинией*, для участия в конкурсе кандидаток в невесты юного императора. Девиц выстроили в ряд, и Феофил с золотым яблоком в руках начал обход.

Первоначально взор царя упал на девушку *св. Кассию*, стоявшую рядом со св. Феодорой. Не зная, как начать с ней разговор, Феофил сделал общее замечание типа того, что вообще женщины причинили немало зла мужчинам — обычный наигранный категоризм молодого

го человека, желавшего продемонстрировать представителям слабого пола «глубокое» знание жизни. Однако св. Кассия не поняла истинных намерений царя и дерзко ответила: «Но они совершили и немало доброго!» Ответ не понравился Феофилу — он счел его чересчур нескромным. И тут внимание василевса привлекла стоявшая рядом с Кассией св. Феодора, в глазах которой без труда можно было прочесть благочестие и женственность. И царь, который сам был благочестивым до крайности, сделал свой выбор. Ему не пришлось раскаиваться в этом: их брачный союз был счастливым, и молодые люди искренне любили друг друга.

Святая царица была на редкость красивой женщиной. Уже родив шестерых детей и потеряв мужа, она сохранила такую красоту, что сумела поразить ею послов Кордобского халифата, когда те прибыли в Константинополь. И муж отвечал ей взаимностью, неизменно демонстрируя по любому поводу свое теплое отношение к жене и детям. Так, например, после рождения очередной дочери он приказал выбить золотую монету. На одной стороне монеты была изображена св. Феодора и старшая дочь Фекла, на другой — дочери Анастасия и Анна. В Византии изображение членов царской семьи женского пола встречалось крайне редко. И уже это событие позволяло судить о том, *как* развивались отношения.

Кроме того, всем было прекрасно известно, что императрица имела большое влияние на супруга. Она умела теплотой и кротостью смягчать его гнев в некоторых, даже очень непростых ситуациях. Царь уважал не только свою жену, но и ее родителей. Так, например, теща Феоктиста была возведена в сан патрицианки и имела *право свободного голоса*. Иными словами, возможность давать собственные оценки тем или иным распоряжениям царя и напрямую высказывать их своему царственному зятю.

Как благочестивый христианин, царь упорно боролся с любыми проявлениями греховной человеческой природы, но, увы, и сам однажды был соблазнен красотой одной из служанок императрицы. Совершив блуд, император ужаснулся содеянному им греху и открылся св. Феодоре. Он поклялся страшной клятвой супруге, что впредь никогда не позволит себе ничего подобного, и слово свое сдержал.

Эти небольшие размолвки не испортили теплых отношений двух любящих друг друга сердец. Феофил был счастлив в браке и имел от союза с благочестивой супругой двоих сыновей и четырех дочерей. К сожалению, в 831 г. первенец Константин во время детской игры утонул в цистерне с водой, после чего очень долго в царственной семье не рождалось наследника. Как заботливый отец, Феофил возвел для

детей дворец во Влахернах, а рядом с ним роскошно обставленный дом и дворец в районе Кариан.

Нежно относясь к своему семейству, Феофил тем не менее всегда ставил интересы Византийского государства выше личных, и политические соображения нередко довлели над его родительскими чувствами. Сохранилось предание, что Феофил, опасаясь в дальнейшем борьбы за власть в Римской империи, сделал все, чтобы его дочери не вышли замуж, а приняли монашеский постриг. Будучи строгим законником, напоенный идеей царской власти, прекрасно ощущая свою ответственность перед Богом, он не делал исключения ни для кого, подтверждением чему является одна история, связанная с императрицей св. Феодорой.

Для отдыха от трудов царь приказал перестроить один из пригородов Константинополя и разместил там свой дворец среди роскошных деревьев. Как-то отдыхая в послеобеденную жару, Феофил увидел громадный корабль, заходящий в гавань. Поинтересовавшись, чье это судно, император услышал: «Царицы». На следующий день василевс явился в порт, где на якоре стояло интересующее его судно, узнал, какой груз находится в его трюме, а затем собрал синклит и завел разговор. «Кто из вас имеет нужду в хлебе, вине или какой другой домашней провизии?» — спросил Феофил. На это сановники, не понимая, куда клонит василевс, нестройно ответили, что не нуждаются ни в чем. «Неужели вы не знаете, — продолжал царь, — что августа, моя супруга, превратила меня — царя Божьей милостью в судовладельца? А кто когда видел, чтобы Римский царь или его супруга были купцами?» Сенаторы скорбно молчали. После этого император приказал спустить всех моряков, находящихся на корабле, на землю, а судно сжечь вместе со всеми товарами.

Единственное, что их разделяло, — отношение к святым иконам. Императрица выросла в семье иконопочитателей, таковыми она воспитала и собственных детей. Феофил, как мы знаем, придерживался крайних позиций в этом вопросе. Когда дети царицы немного подросли, ее мать Феоктиста, тайная приверженка святых икон, начала постепенно приучать девочек к поклонению иконам. Встречи бабушки и внушек не укрылись от отцовского взора, и как-то за ужином император поинтересовался у дочерей, чем они занимаются у Феоктисты и как проводят время. Наученные Феоктистой, девочки отвечали, что играют, а бабушка дарит им подарки. Но тут проговорилась совсем еще маленькая Пульхерия, наивно желавшая похвастаться перед отцом. Не чувствуя опасности, она напрямую сказала, что у бабушки в сундуке много «лялек», к которым она дает им прикладываться. Возмущен-

ный государь приказал явиться Феоктисте, но та, женщина смелая и пользовавшая по своему авторитету у императора «правом свободной речи» — специальная преференция для самых близких членов семьи императора, — без обиняков призналась в своих взглядах. Гнев царя понемногу улегся, и он в виде наказания лишь запретил дочерям *часто* являться у бабушки.

Вскоре на тайном почитании святых икон попалась и святая императрица. Однажды один из шутов царя случайно застал царицу в ее покоях с иконой в руках, которую та прижимала к губам и груди. По незнанию ума он не сумел понять, какие предметы так трепетно лобызает императрица, а та, схитрив, ответила в том же духе на вопрос шута, что и ее мать: «*Ляльки*». Шут вернулся к обеденному столу царя, и тот поинтересовался: «Чем занимается императрица?» — «Целует ляльки», — ответил придворный дурачок. Но Феофила уже нельзя было обмануть. Он тут же вскочил из-за стола и направился в покои супруги, где осыпал ее бранными словами. Однако св. Феодора твердо стояла на том, что шут увидел в зеркале изображения служанок, с которыми играла императрица, а остальное ему просто померещилось. Кое-как гнев василевса удалось остудить, но с тех пор его подозрения в отношении жены усилились.

К несчастью, в 842 г. император, которому едва исполнилось 29 лет, внезапно скончался. Надо сказать, что и в последние минуты своей жизни Феофил проявил благоразумие и рассудительность. Понимая, что одной св. Феодоре будет едва ли по силам примирить все разногласия, таящиеся в византийском обществе, и обеспечить стабильность царствования их сына, император в помощь царице назначил опекунов. Ими стали первый министр двора евнух Феоктист, брат царицы патриций Варда и дядя св. Феодоры магистр Мануил. Как видим, двое из трех опекунов являлись этническими армянами и обеспечивали мощную поддержку могущественной армянской партии.

Предсмертные часы императора были тяжелы. Он страдал оттого, что не смог окончательно уберечь свое государство от невзгод и не справился с «ересью» иконопочитания. Рядом с ним находилась верная царица св. Феодора. В последние минуты жизни своего возлюбленного эта благочестивая женщина попыталась в последний раз вернуть его к истине и горячо внушала, что постигшие Византию неудачи являются следствием отступления от Бога и святых икон. Эти слова не пропали даром: незадолго до кончины царь попросил жену принести икону, и, когда царица поднесла ее к нему, он прильнул своими устами к святому изображению, примирившись с Богом и отвергнув свои заблуждения.

Так, прожив 11 лет в браке, царица св. Феодора стала вдовой и матерью-регентшей при малолетнем наследнике *Михаиле III* (842—967).

§2. Агония иконоборчества и «Торжество Православия»

Поражение иконоборчества на VII Вселенском Соборе оказалось не смертельным, и по-прежнему против икон выступала значительная часть епископата, армия и политическая элита Византии. А потому, сообразуясь с мнением общества, император *Никифор I* (802—811), заменив собой на престоле св. Ирину, начал осторожную реставрацию иконоборчества. Иконоборцы практически восстановили свои позиции при дворе, в высших эшелонах власти и епископате. Однако, желая остаться в стороне от конфликта, сам василевс демонстративно назначил на Константинопольскую кафедру иконопочитателя и своего секретаря св. *Никифора* (806—815). Как оказалось, его стратегия была единственно верной для того времени.

Напротив, попытка императора *Михаила I Рангаве* (811—813) решить все одним властным ударом в пользу вселенских определений немедленно провалилась. Если Константина V обоснованно называли гонителем иконопочитателей, то Рангаве в течение короткого времени своего царствования прослыл гонителем иконоборцев. Многие из них, в том числе и монахи-иконаборцы, были казнены, подвергнуты пыткам и ссылкам. Но василевса не поддержали многие архиереи и сановники, а армия категорично отвергла императора, ревизовавшего религиозную политику славных царей-победителей из династии Исавров. В результате император Михаил I лишился трона, а почитатели икон — ореола мучеников за веру, который с ними теперь начали делить иконоборцы.

Подспудная борьба партий продолжалась, и лишь на Соборе 815 г. при императоре *Льве V Армянине* (813—820) иконоборческая партия взяла временный верх. В царствие следующего императора *Михаила II Травла* (820—829) наступило время нейтралитета. Василевс вернул из ссылки некогда отправленных туда почитателей икон, но категорически запретил какие-либо споры и Соборы на этот счет. Сам он лично не проявлял особого расположения ни к одной из борющихся партий.

Совсем иная картина возникла в царствование его сына императора *Феофила*: иконоборчество вновь стало процветать, иногда казалось даже, что наступили времена гонений Константина V. Этому были

свои причины — юный василевс вырос в иконоборческой среде, и его учителем был идейный иконоборец, будущий Константинопольский патриарх *Иоанн Грамматики* (836—842). Вообще, именно в этот период основными вождями иконоборцев стали восточные епископы, а не светские лица.

Было бы наивным полагать, что император Феофил, воспитанный Иоанном Грамматиком в духе иконоборчества, сменит церковную политику своего отца и Льва V. Да это было едва ли возможно: иконоборчество ассоциировалось с *патриотизмом*, и поддерживалось большинством восточных епископов и аристократии. Попытка остальных восточных патриархов, направивших поздравления Феофилу с началом его царствования, убедить того вернуться к почитанию святых икон, была изначально обречена на провал. Другое дело, что раскол в Церкви настолько *утомил* все стороны, что никакой ригоризм был уже физически невозможным. При всей внешней суровости мер византийского правительства в отношении последователей VII Вселенского Собора, следует сделать несколько важных оговорок.

Первоначально отношение императора Феофила к иконам было вполне терпимым. Первый пример тому — его женитьба на св. Феодоре, о любви которой к иконам он просто не мог не знать. Но царь не придавал этому большого значения. Лишь впоследствии, когда ему пришлось столкнуться с православной *оппозицией* своей власти, начались административные преследования.

Кроме того, нельзя не заметить, что личности последних вождей иконоборчества были до неузнаваемости демонизированы позднейшими почитателями икон. Так, в действительности Иоанн Грамматики являл собой образ образованнейшего человека своей эпохи, человека, всей душой и сердцем радеющего о благе Византии, «исполненного гражданского благочестия», как говорит о нем древний летописец. Не случайно император выделял Иоанна из толпы остальных придворных и философов и доверял ему самые ответственные поручения.

Административная политика царя так же лишилась того внутреннего напряжения и суровости, которые ранее иногда были присущи действию римских властей при императорах Константине V и Льве V. Наказывая видных сторонников иконопочитания, император тем не менее *был избирателен* в отношении конкретных лиц. Например, никак не пострадали ближайшие ученики прп. Феодора Студита: Николай, будущий игумен Студийского монастыря, Афанасий, будущий игумен Саккудиона, св. Игнатий, сын императора Михаила Рангаве, будущий Константинопольский патриарх, и многие другие видные сторонники иконопочитания. Будущий патриарх св. *Мефодий* (842—846) свободно

жил в царском дворце, и Феофил неоднократно брал его с собой в походы, желая его советов по самым разным вопросам. Не исключено также, что царь опасался оставлять клирика без присмотра. Вообще, в отличие от политики императора Льва V, Феофил стремился не столько наказывать непослушных или обязать их вступить в общение с иконоборцами, сколько *изолировать* вождей противостоящей ему церковной партии.

Не случайно в мартирологе лиц, пострадавших при императоре Феофиле, мы почти не видим вождей иконопочитания (вернее, они *отсутствуют*); фигурируют далеко не самые известные имена, занимающие скромные должности, в первую очередь рядовые монахи. Но и здесь все далеко не однозначно. Возникает закономерный вопрос: за что наказывались монахи — за открытую *пропаганду* иконопочитания и нарушение царских запретов покидать монастыри и проживать в городе или за *почитание* святых икон?

Но наступили новые времена. Поскольку положение дел в государстве заметно улучшилось стараниями императора Феофила, на повестку дня встал самый главный вопрос — об отношении к иконам. Византийское общество уже настолько устало от церковного раскола, что деятельность императрицы в этом направлении, что называется, была обречена на успех.

Тем не менее прошел почти год, пока ожидания переросли в реальность, — и, как обычно, устранение разногласий связали с чудесными событиями, которые придали примирению наиболее красочную и мистическую форму. Рассказывали, что внезапно магистр Мануил тяжело заболел и уже не чаял остаться в живых. К нему явились студийские монахи, с которыми Мануил имел дружеские отношения, и пообещали, что его здоровье быстро восстановится, как только он поклонится святым иконам и убедит в том же правителей Римского государства. Действительно, так и случилось.

Тогда монахи вновь явились к выздоровевшему Мануилу и настойчиво побуждали того сохранить верность ранее данному слову. Но Мануила не нужно было уговаривать: он, давний почитатель икон, отправился к остальным опекунам маленького царя Михаила III, и вместе они решили обратиться с соответствующей просьбой к св. Феодоре. Стоит ли говорить, что в ее лице они нашли горячего сторонника? Императрица ответила, что уже давно мечтает *только об этом*, но многие сановники и епископы препятствуют ей. На это откровение опекуны разом высказали мысль, что, как полноправная августа, она сама может принять решение: «Раз ты, госпожа, так похвально рассуждаешь и мыслишь, что мешает тебе привести все в исполнение и велеть совершить это всенародное торжество?»

Конечно, не имея твердой уверенности в том, что данная инициатива будет поддержана повсеместно, никто бы не решился восстанавливать иконопочитание. И все же без лукавства и преувеличения нужно сказать, что св. Феодора совершила *настоящий подвиг* для Кафолической Церкви, взяв всю ответственность за грядущие события на себя. Никогда влияние женщины-царицы не могло сравниться в сознании византийцев с авторитетом императора-мужчины. И любая ошибка или просчет с ее стороны могли стоить государыне очень дорого.

Сразу после этого св. Феодорой через патрикия Константина по прозвищу Армянин был направлен настоящий ультиматум патриарху Иоанну Грамматiku: «Все собравшиеся отовсюду благочестивые люди и монахи просят нашу царственность распорядиться восстановить все святые иконы. Если ты с ними согласен и заодно, да восстановит былую красоту Божья Церковь. Если же пребываешь в сомнениях и не тверд мыслью, оставь трон и город, удались в свое имение, жди там Святых Отцов, что готовы и обсудить, и поспорить, и убедить тебя, если будешь дурно говорить об иконах».

Этот момент очень важен: не предложение дебатировать о вере, а *приказ* принять веру, исповедуемую царицей, передала августа Константинопольскому архиерею. В противном случае ему дано *повеление* оставить патриарший престол и удалиться от дел. Ссылка на монахов, с которыми столичный архиерей мог бы продолжить беседу, чтобы ему стали ясны его же заблуждения, касалась, конечно, только *личного спасения* души самого Грамматика, но не существа вопроса: принимать святые иконы или нет. Очевидно, ответ на этот вопрос был уже предрешен св. Феодорой.

Последующие события, произошедшие вокруг патриарха, несколько туманны и в различных источниках излагаются по-разному. По одной версии, Грамматик в это время находился в своих палатах близ храма Св. Софии. Послание царицы глубоко поразило его, и он решил разыграть хитрую комбинацию, чтобы выиграть время. Отправив назад посланца августа, он умело нанес себе ножом рану на животе с тем расчетом, чтобы та максимально кровоточила, но в то же время была не опасной. Вошедшие к нему слуги увидели архиерея, лежащего в крови на постели. Весть о том, что *патриарх убит*, вскоре всколыхнула весь город и дошла до царицы. На место происшествия с приказом досконально разобраться во всем происходящем был отправлен патриций Варда, брат св. Феодоры.

Прибыв в патриаршие палаты, патрикий несколько грубовато и довольно прямолинейно спросил патриарха: «Почему ты не оставляешь патриаршества?», на что тот ответил, будто исколот язычниками, при-

бывшими во главе с Константином, но, как поправится, обязательно сложит с себя сан. Однако Варда без особого труда выяснил, что раны Грамматику нанес сам себе целенаправленно, а в подтверждение этих слов архиерейские слуги принесли тот самый нож, которым патриарх порезал свой живот.

По другой версии, прибывшие к Грамматику Константин Армянин и его солдаты действительно вели себя бесцеремонно, требуя от архиерея подчиниться воле императрицы. А когда Иоанн Грамматику попытался оказать им сопротивление, они нанесли ему несколько ударов, вызвавших кровотечение, хотя и не опасное для жизни. Так или иначе, но Грамматику был смещен с престола и сослан в имение Психе. Вместо него Константинопольским патриархом был провозглашен св. *Мефодий* (843—847), давний подвижник Православия, сицилиец по рождению.

Весной 843 г. императрица созвала Собор в Константинополе, чтобы торжественно и по старым традициям объявить об окончательной победе истины над ересью. Этот Собор носил далеко не формальный характер, и его решения еще нужно было отстоять от иконоборцев. Об этом позднее писал сам патриарх св. Мефодий.

«Понимая, что ничто так не будет способствовать безопасности Римской империи, как окончание церковной смуты, царица Феодора, переговорив с высшими сановниками государства, призвала наиболее влиятельных между монахами и предложила им на обсуждение вопрос о восстановлении иконопочитания. Когда же нашла, что все они согласны и ежедневно горят одним желанием и болят сердцем о перемене религии, потребовала от них, чтобы они выбрали места из святоотеческих книг в подтверждение истины, указала место во дворце, куда предполагалось созвать Собор, и обратилась с манифестом к народу. Собралось такое великое множество, что нельзя было перечесть, ибо прибыли не только те, которые сохранили чистый ум во время нечестия, но очень многие из тех, что разделяли еретические мнения и были назначены на церковные должности иконоборцами. Переменив свои мысли, и они предали проклятию врагов святых икон».

Помимо всего прочего, возникла одна (но далеко не последняя) деликатная ситуация: во время подготовки к Собору выяснилось, что помимо бесспорного для всех списка ересиархов иконоборчества, которых следовало по заведенному порядку предать анафеме, в среде столичного клира появилась и получила признание чья-то инициатива вычеркнуть имя императора Феофила из *диптихов*. Конечно, это не было тождественно анафематствованию царя — об этом даже никто

и думать не посмел, но все же редчайший случай в истории Восточной церкви.

Но, во-первых, тогда это сверхординарное событие произошло по требованию Римского папы Гормизда и вызвало глухой ропот со стороны восточного клира. Во-вторых, оно свершилось при соглашении Византийского императора — вернее, по его приказу. Наконец, уже тогда данная мера была воспринята, мягко говоря, без энтузиазма и обосновывалась высшими церковными и политическими интересами все еще единой Священной Римской империи. Теперь же аналогичная инициатива исходила от ранее всегда послушного и преданного своему императору *византийского священства*, чем серьезно подрывался и статус Римского царя, и старые традиции. Тем более что отсутствовали объективные основания хоть в чем-то отличать императора Феофила от предшествующих ему царей-иконоборцев. Если же вопрос об исключении императоров Льва III, Константина V, Льва IV, Никифора I, Льва V, Михаила II Травла из церковного поминовения вообще не стоял, то с какой стати этой незавидной участи должен был «удостоиться» император Феофил?

Святая Феодора разглядела опасность ситуации и попыталась остановить пагубные выступления еще накануне открытия Собора. Но окончательно решить этот важнейший вопрос не удалось; тогда императрица решилась на крайнюю меру. Наступил день, на который был назначен Собор. Царица вместе с малолетним сыном императором Михаилом III и синклитом, держа по свече в каждой руке, вошла в храм. Цари подошли к патриарху и вместе прошли к алтарю, а оттуда до Царских ворот, называемых Ктенарийскими. Все восклицали: «Господи, помилуй».

Затем, начав заседание, царица выступила с горячей и искренней речью, в которой проявила, с одной стороны, редкостное благочестие и уважение к епископату, но с другой — недвусмысленно напомнила о том, что ставить точку в вероисповедальных спорах является царской прерогативой. Если же кто-то забыл об этом, жестко подчеркнула св. Феодора, она готова тут же напомнить об этом *древнем праве* Римского императора.

«Отцы и клир Божий! — далее произнесла царица. — С великой благосклонностью дарую я вам восстановление всечтимых и святых икон. Соболаговолите же и вы по справедливости воздать благодарность госпоже своей, причем благодарность не малую и ничтожную, не ту, что и благодарностью назвать нельзя, которая неприлична и неподходяща ни для вас, ее воздающих, ни для меня — просящей, а ту, что была бы и уместна, и солидна, и Богу угодна. А прошу я для своего мужа и царя

от Бога прощения, милости и забвения греха. Если этого не случится, не будет ни моего с вами согласия, ни почитания и провозглашения святых икон не получите вы».

Это был *ультиматум*, поскольку, очевидно, без царского указа никакое восстановление святых икон было *в принципе* невозможно. Новый Константинопольский патриарх попытался (правда, едва ли эту попытку можно назвать удачной) сгладить ситуацию. «Справедливого просишь, госпожа, — ответил он императрице, — и мы не можем тебе отказать, ибо положено щедро воздавать должную благодарность властителям и благодетелям, если они не правят самовластной рукой, и нрав их боголюбив. Но не посягаем на то, что выше нас, не в силах мы, как Бог, простить ушедшего в иной мир. Нам доверены Богом ключи от Неба, и мы в силах отворить его любому, однако тем только, кто живет этой жизнью, а не переселился в иную. Иногда, однако, и переселившимся, но только тогда, когда их грехи невелики и сопровождаются раскаянием. Тех же, кто ушел в иной мир и чей приговор ясен, мы не можем освободить от искупления».

Для человека XXI века эти слова, может быть, ничего и не говорят, но для современников тех далеких событий они были открыты во всей их полноте. Проведя многие годы при дворе Римского папы, патриарх св. Мефодий перенял те идеи, которые уже давно проводились — хотя и безуспешно — понтификами в их многовековых отношениях с Византийскими василевсами. И неудивительно, что, в отличие от прежних лет, столичный архиерей высказал «крамольную» мысль. Оказывается, *не всякий* Римский император вправе рассчитывать на признание и молитвы Церкви, а лишь тот, кто «благочестив» и — главное — *правит не самовластно*. Иными словами, тот царь, кто не признает за собой право выступать главой церковного управления, *но разделяет его* с епископатом. Особенно заметны «римские» нотки во фразе патриарха о «ключях от Неба» — настолько характерных, что спутать их просто невозможно. Трудно было не понять: Константинопольский клир во главе со своим архиереем пытается закрепить за собой те же права, какие на Западе Римский апостолик декларировал в отношениях с императором Западной империи.

По счастью, дело не дошло до крайностей. Воспользовавшись словами патриарха, императрица радостно открыла находящимся здесь епископам, что в последние минуты земной жизни ее муж принял святые иконы и лобызал их — об этом говорилось ранее. В этом она поклялась всем присутствующим на Соборе лицам. Едва ли этот рассказ являлся выдумкой, как иногда полагают: св. Феодора была не той женщиной, чтобы сознательно опуститься до клятвопреступления. То,

что данная история до сих пор не стала достоянием гласности, также не представляет собой чего-то необычного: уход человека из жизни часто сопровождается многими *личными* подробностями и тайнами, которые совершенно необязательно делать публично-доступными. И императрица оповестила о раскаянии любимого мужа только тогда, когда в этом возникла острая необходимость.

После таких слов деваться было некуда. Св. Мефодий и клир дали письменное удостоверение царице в том, что если ее рассказ — правда, то Феофил обязательно будет прощен Богом. Всю первую неделю Великого поста епископы и народ молились в церквах о даровании императору Феофилу прощения грехов. В ночь с пятницы на субботу царица уснула, и ей привиделся сон. Будто она стоит на форуме около колонны императора св. Константина Великого, а какие-то люди с орудиями пыток тащат впереди себя императора Феофила. Вот его привели к престолу, на котором сидел Христос, а напротив располагалась громадная икона Спасителя. Царица пала перед престолом на колени и умоляла простить своего мужа, на что Человек сказал: «О, женщина, велика твоя вера! Итак, знай, что ради твоих слез и твоей веры, а также по просьбам и молениям архиереев. Я даю прощение твоему мужу». Затем Он повелел стоящим возле Феофила слугам: «Развяжите его и отдайте жене!»

На следующий день, едва наступил рассвет, св. Феодора направилась в храм Св. Софии, где *публично* рассказала свой сон. После этого ни у кого не возникло сомнений в том, что Господь даровал Феофилу полное прощение грехов. И эта уверенность была подкреплена св. Мефодием. Тот поклялся, что в свитке, куда вписаны имена лиц, запрещенных к поминанию в диптихах либо анафематствуемых, имя императора Феофила чудесным образом было ночью стерто.

А в первое воскресенье Великого поста, 11 марта 843 г., Отцы Собора вместе с императрицей совершили всенощное песнопение в храме Св. Софии и торжественно объявили о восстановлении иконопочитания. Так был установлен *праздник «Торжества Православия»*, отмечаемый с тех пор Кафолической Церковью каждое первое воскресенье Великого поста. После этого состоялась интронизация св. Мефодия.

Однако до полного спокойствия было еще далеко. Начались «чистки» столичного и восточного клира, и хотя точного числа архиереев-иконоборцев, освобожденных от кафедр, не сохранилось, можно легко догадаться, что оно было значительным. Шли годы, а незримая граница в определении «своих» и «чужих» продолжала сохраняться. В одном из писем патриарх св. Мефодий горько сожалеет, что оставил на кафедрах многих иконоборцев, поскольку те при встрече с епископами-

иконофилами пытаются сделать горделивый вид и всегда бросают какую-нибудь укоризну. Пришлось испытать на себе патриаршую немилость и монахам Студийского монастыря. Они изначально требовали *полной смены* всего иконоборческого епископата и остались очень недовольные тем, что их не послушались.

Студиты к тому времени стали олицетворением внутрицерковной оппозиции, нередко игнорировавшей священноначалие и имевшей к тому же сильные связи в армянской верхушке византийского общества. В своем ригоризме они не желали понять мягкость св. Мефодия по отношению к иконоборцам и начали распускать сплетни, будто патриарх *за деньги* (!) сохраняет еретикам-епископам их сан и епархии. Подумав и «вспомнив», студиты стали уверять, что такой же практики придерживался и патриарх св. Никифор. Нюанс, однако, заключался в том, что св. Мефодий начинал свою карьеру при патриархе св. Никифоре, архидиаконом которого был. И, конечно, он не потерпел умаления чести своего учителя и благодетеля.

Первое время патриарх терпел, но, видимо, распространяемые ими слухи стали сильно досажать св. Мефодию, поскольку он составил против студитов Собор, на котором подверг их всех отлучению от Церкви. Даже в завещании патриарха содержалось правило о том, что студийские монахи могут вступить в общение с Церковью только при условии анафематствования ими всего написанного против патриархов св. Тарасия и св. Никифора.

В это время Иоанн Грамматик попытался поднять мятеж против иконопочитания, за что был сослан в монастырь Клидон на Босфоре. Пребывая там, он приказал своему слуге (все же императрица сохранила за экспатриархом некоторые преимущества, положенные тому по бывшему сану) снять висевшую в его келье икону и выколоть глаза святому, изображенному на ней. Узнав об этом, св. Феодора велела высечь Иоанна бичом и дать несколько ударов палками. Но и этого оказалось мало: сговорившись со своими сторонниками, Грамматик направил царице послание, в котором ложно обвинил св. Мефодия в прелюбодеянии с одной женщиной. О «потерпевшей» сведений почти не сохранилось. Достоверно известно только то, что ее единственный сын Мефодий в будущем станет митрополитом Смирны и известным церковным писателем.

Начался суд. В середину залы вывели «потерпевшую», к которой св. Мефодий ласково обратился с вопросом, поинтересовавшись ее делами. Тут поднялся невообразимый шум, и патриарх, испугавшись, что, найдя его виновным, иконоборцы попытаются опорочить и остальных иконофилов, при всех приподнял край рясы и продемонстрировал

свой детородный орган, вызывавший удивление необычным видом. Ошеломленным зрителям он пояснил, что некогда, еще юношей пребывая в Риме, сильно мучился от блудных соблазнов. Тогда, воздев руки к Небу, он начал молиться святому апостолу Петру о заступничестве от страстей. Спустя некоторое время утомленный молодой монах уснул, во сне к нему явился сам св. Петр и дотронулся рукой до детородного члена, после чего тот стал совершенно неспособным к плотским утехам. «Свободен ты теперь от страстей, Мефодий», — произнес Апостол.

Теперь уже обвинителям пришлось выступать в роли обвиняемых. Рассерженный Мануил, один из опекунов малолетнего Михаила III, пригрозил лишить женщину жизни, если та не раскроет всей правды. И тогда «потерпевшая» открылась, что ее банально *подкупили* сторонники Грамматика. Царские слуги направились в ее дом, и нашли там сундук с золотом, который был ей передан в качестве платы за лжесвидетельство. В таких ситуациях по каноническим правилам (например, по 51-й главе XVII титула «Эклоги») обвиняемый должен был претерпеть те же наказания, что и ложно обвиненное им лицо. Но по заступничеству доброго св. Мефодия царица освободила лжесвидетелей от наказания, обязав единственно ежегодно в день «Торжества Православия» шествовать Крестным ходом по улицам от церкви Богоматери во Влахернах до храма Св. Софии.

По существу, это была *последняя* активная попытка иконоборцев захватить ускользающую из их рук стратегическую инициативу. Очистившись от ереси, Восточная церковь вышла прекрасно обновленной. Повсеместно в храмах появлялись иконы, расписывали церкви, мир и благоденствие царили повсюду.

Но в самом лагере победителей не было, к сожалению, полного единства. Идеальный конфликт между царской властью и клиром, открывшийся на Соборе 843 г., нет-нет да и вспыхивал вновь. Прошло некоторое время, и однажды, отмечая во дворце в Кариане, сооруженном императором Феофилом для дочерей, праздник «Торжества Православия», св. Феодора пригласила нескольких мучеников за веру, чьи лица и лбы были искалечены в годы царствования ее мужа. Подали сладости, но благочестивая женщина внезапно замолчала, не отрывая своего взгляда от сидящих напротив нее монахов, а затем заплакала. На вопрос: «Что стряслось?» — императрица ответила: «Поражаюсь я вашему терпению и жестокости вашего мучителя». Однако добрую тональность этой сцены неожиданно перечеркнули слова одного из монахов — блаженного Феофана, без всякого стеснения произнесшего: «О надписи на наших лицах мы рассудим с мужем твоим и царем на неподкупном суде Божьем».

Конечно, это было верхом неприличия и некорректности по отношению к царице, перед которой сама Церковь считала себя обязанной установившимся миром. Быть приглашенным на царский пир в день великого праздника и дерзить императрице, кто себе ранее мог такое позволить?! Святая Феодора не удержалась: «И это ваше обещание, ваше письменное согласие! Вы не только его не прощаете, но еще и на суд требуете!» Предотвратил нежелательное развитие событий патриарх св. Мефодий, поднявшийся со своего кресла. «Нет, царица, — сказал он, — твердо наше слово, не обращай внимания на пренебрежение этих людей». По счастью, никаких последствий эта сцена не имела, и иконопочитание вновь заняло господствующее положение в сознании византийского общества.

§3. Опала императрицы

Между тем государственные дела шли своим ходом и, надо сказать, небезуспешно, словно не было вовсе предыдущих горьких поражений. Но, конечно, те или иные проблемы возникали постоянно. В частности, пришлось спешно пресекать ересь *зиликов*, которые отделились мягкими наказаниями и были приняты Церковью в общение. Затем настала пора привести в чувство павликиан, чрезвычайно распространившихся в западных провинциях Римского государства. С ними, конечно, поступили куда жестче. Они и ранее выступали против правительства, теперь же, полагая, будто слабая женщина не сможет с ними совладать, еретики решились объявить открытое неповиновение власти.

Надо понимать, что павликиане вовсе не представляли собой безоружную толпу мирных обывателей. Это были закаленные и хорошо вооруженные бойцы. Поэтому война с ними была далеко не увеселительной прогулкой. Против них св. Феодора направила сразу двух полководцев, действия которых были чрезвычайно успешными. Многие павликиане нашли свою смерть от меча (до 10 тыс. человек), некоторых пленных, не желавших переходить в Православие, распяли на крестах. Добыча была собрана громадная, и она значительно пополнила государственную казну.

А в 842 г. византийцев ждало еще одно радостное событие. Арабский флот под командованием Аподинара, надвигавшийся на Константинополь, был *растерзан* бурей у мыса Хелидонии, что в Малой Азии. Только 7 кораблей сарацин сумели вернуться домой. Всем становилось ясно, что арабы *выдыхаются*, а события, происходящие в Халифате, со

всей очевидностью показывали, что внутренние проблемы довлеют у них над внешними.

Однако первый министр Феоктист, решивший укрепить свое положение в государстве, неожиданно повернул колесо удачи вспять. Очевидно, между опекунами не было горячей любви, а потому евнух желал подчеркнуть свое первенствующее положение рядом с царицей и малолетним императором. Лучшим способом для этого в Византии считались воинские успехи, высоко поднимавшие своего избранника над всей остальной элитой государства. А потому 18 марта 843 г. евнух во главе большого флота направился к Криту, надеясь вернуть остров Византии и стать героем Империи. Действительно, такая победа не могла не принести Феоктисту дивидендов — тем более что, как казалось, добиться ее не составит труда: в тот момент времени враг явно уступал ему в силе. Однако полководец стал жертвой собственного тщеславия: не надеясь победить византийцев в открытом сражении, арабы распустили слух, будто в Константинополе на престол возведен новый царь. Разумеется (для себя, конечно; нормальному сознанию этот бессовестный поступок не может не претить), Феоктист срочно бросил войско и уплыл в столицу, дабы принять участие в распределении власти. Оставшись без высшего командования (конечно же, министр уехал не один, а прихватил с собой на всякий случай многих офицеров и лучших воинов), солдаты в скором времени сделались добычей мусульман. Это обидное и совершенно необязательное поражение больно ударило по Римскому государству.

Но дальше было еще хуже: приехав в Константинополь и убедившись, что ничего не изменилось, Феоктист решил реабилитироваться перед императрицей. И доверившись несуществующим военным талантам своего первого министра, весной 844 г. св. Феодора поручила тому командование сухопутной армией, которую направила против халифа. Однако у реки Мавропотамон византийцы потерпели новое тяжелое поражение; много солдат погибло. Удивительно, но иронией судеб Феоктист и в этот раз вышел сухим из воды. Неизвестно, но каким-то чудесным способом ему удалось вернуть доверие августы и обогатить соперника Варду, которому даже пришлось на время оставить столицу.

По счастью, арабы, озабоченные внутренними нестроениями, не сумели стратегически использовать эти поражения римлян. На несколько лет мир для Византии почти не прерывался внешними угрозами. В 845 г. договор с халифом был заключен, помимо этого достигли договоренности и об обмене пленными, которых с каждой стороны насчитывалось до 4 тыс. На реке Ламус, на расстоянии одного дня пути

от города Тарса, устроили переправу, и 16 сентября 845 г. начался обмен. В течение четырех дней происходила передача из рук в руки пленных, и дело едва не дошло до разрыва отношений, когда византийцы посчитали, что арабы передают им на руки не здоровых и молодых пленников, а *стариков*, уже не способных принимать участие в военных действиях. Все же обмен состоялся.

Теперь из всех соседей Византии лишь Болгарский хан *Борис* (852—889) однажды попытался начать войну с греками, полагая, что без труда сможет победить женщину на царском троне. Но и эту угрозу удалось нейтрализовать. Сохранился ответ св. Феодоры, носивший, без сомнения, легендарный характер. В духе древней правительницы амазонок царица ответила, что победа над женщиной не украсит правителя болгар, зато поражение перечеркнет его славу. Но скорее всего, византийцы, по обыкновению, просто *откупились* от варваров, либо сыграли свою роль иные обстоятельства, нам уже неизвестные.

Пользуясь затишьем на Востоке, византийское правительство решило предпринять превентивные меры безопасности против славян, густо населявших Пелопоннес. В 849 г. св. Феодора пригласила к себе протоспафария Феоктиста Вриенния, которому поручила покорить отдельные племена славян, обосновавшиеся вдоль горных хребтов Тайгета, и обязать их выплачивать Римской империи дань.

Почти все славянские племена, проживавшие в Греции, были поставлены под контроль византийской администрации, и среди них развернулась активная миссионерская деятельность со стороны византийских монахов. Эллинский элемент на самом полуострове значительно усилился с прибытием многих византийцев с островов Эгейского моря, спасающихся от арабов. И совокупно эти два обстоятельства сыграли на руку Константинополю. Постепенно славяне Балкан оказались полностью подчиненными византийскому правительству и *эллинизировались*.

К несчастью, за всеми государственными заботами св. Феодора не имела возможности уделять должного времени воспитанию сына. И мальчик вырос, окруженный взрослыми людьми, умевшими без труда играть на его пороках и недостатках, щедро приумножая их. Одним из главных действующих лиц, имевших почти неограниченное влияние на Михаила III, являлся брат царицы патриций Варда. Фактически он являлся главным воспитателем царевича. Умный, энергичный и честолюбивый человек, покровитель образования и искусства, Варда в глубине души желал царской власти. Для того чтобы привести свой замысел в исполнение, ему нужно было в первую очередь отодвинуть от управления государством остальных опекунов, затем сестру, а потом

уже и самого Михаила III. И армянин с присущей ему последовательностью и хитростью принялся за реализацию своего плана.

Варда во всем потакал воспитаннику, прививая тому далеко не лучшие качества. Император часто проводил время в кругу женщин определенного рода занятий и даже завел постоянную любовницу Евдокию Ингерину. Желая образумить сына, св. Феодора вмешалась и срочно женила того на добропорядочной девушке из аристократической семьи *Евдокии Декаполите*. Но для Михаила III это уже мало что значило: он по-прежнему проводил время с Евдокией Ингериной и откровенно игнорировал собственную жену. Теперь, когда царь подрос, Варда решил сделать слабовольного, но упрямого Михаила III орудием своего плана.

Первым пал магистр Мануил, которого Варда стравил с первым министром Феоктистом. В какой-то словесной перепалке с евнухом Мануил был неосторожен в словах, и его обвинили в тяжком преступлении — оскорблении царя. Правда, обвинение впоследствии не подтвердилось, но бывшему опекуну пришлось срочно удалиться из дворца и поселиться в собственном доме. Оттуда он продолжал ежедневно являться во дворец для управления делами государства, но прежнее влияние почти полностью утратил.

Второй жертвой Варды стал сам Феоктист. В течение всех лет опекунства тот являлся самым близким и преданным царице человеком, обладавшим большими знаниями и опытом. О недостатках министрах было поведено выше. Теперь же самое время рассказать и о несомненных достоинствах, как помощника царицы. Обладая способностями настоящего государственного мужа, Феоктист являлся хорошим исполнителем царской воли и сумел значительно приумножить государственную казну, не стеснив при этом население лишними налогами. Его не раз пытались отправить в отставку влиятельные враги, но он неизменно находил защиту в лице св. Феодоры.

Поэтому патриций не стал торопить события, прекрасно понимая, что упрямый и самовольный молодой император *неизбежно* вступит в противоречие с жестким евнухом; так и случилось. Однажды царь попросил поставить на высокую должность одного из своих друзей, с которым беспечно коротал время досуга. Однако неуступчивый Феоктист заявил Михаилу III, что это желание царя — блажь и людей следует возвеличивать не по прихоти императора, а по заслугам. Царь промолчал, но в его сердце родилась ненависть к евнуху, который не уважил просьбы императора. Теперь-то на сцену вышел сам Варда. Он постоянно находился рядом с Михаилом III и неизменно внушал тому мысли, будто управление Римским государством осуществляется плохо,

а сам Феоктист тайно мечтает о захвате власти. Михаил III соглашался, но пока еще опасался недовольства своей матери, с которой Феоктист был чрезвычайно дружен. В конце концов, царь и патриций решили убить Феоктиста, придумав план, в соответствии с которым царица не смогла бы помешать этому преступлению.

20 ноября 855 г., покончив разбирать государственные дела, Феоктист, по обыкновению, поехал в сторону одного из столичных районов под названием Лавсиак. Тут он увидел вооруженных людей и царя, делавшего ему знаки продвигаться вперед. Почувствовав опасность, Феоктист побежал в сторону Большого дворца, где находились его рабочие кабинеты. Но целая толпа воинов навалилась на него, а Варда, размахивая обнаженным мечом, поклялся убить всякого, кто попытается оказать помощь евнуху. Правда, и лишить Феоктиста жизни на месте никто не решился — таковы были уважение к нему и боязнь вызвать гнев императрицы. Евнуха отвели в покои и взяли под арест. Но Варда настаивал на *немедленном* умерщвлении конкурента, и один из воинов, войдя в комнату, где лежал на кровати Феоктист, пронзил того мечом. Как рассказывают, узнав о смерти евнуха, Мануил произнес в адрес Варды: «На Феоктиста меч обнаживший, готовь себя к смерти с сегодняшнего дня».

Весть о смерти товарища ее мужа и верного опекуна сына потрясла императрицу. С распущенными волосами, с глазами, полными слез, вбежала она в царский дворец и осыпала ругательствами Михаила III и Варду. «Мерзкие и бесстыдные звери! Вот как ты, неблагодарное отродье, отплатил своему второму отцу?» — кричала она сыну. «А ты, — обернулась царица к брату, — завистливый и отвратительный демон, осквернил мою власть, которую я блюла незапятнанной и чистой!» Воздев руки к небу, императрица прокричала: «Не укроются ваши преступления от Бога, предаст Он вас обоих губительной смерти! Дай, Господи, увидеть возмездие за этого человека!»

Но эти проклятия не могли воскресить Феоктиста, а о восстановлении добрых отношений между матерью и сыном теперь не могло быть и речи. Варда стал первым министром, и император постоянно советовался только с ним по любым вопросам. Конечно, им обоим не терпелось избавиться от св. Феодоры, являвшейся для них немым укором совести, но первое время они опасались пойти на такой резкий шаг, зная любовь константинопольцев к царице. Однако всем было ясно, что опала императрицы неизбежна. Осознавала это и сама царица, принявшая некоторые меры предосторожности. Зная характер своего ветреного сына, она собрала синклит и объявила состояние государственной казны, многократно приумноженной во время правле-

ния мужа и ее самой. Св. Феодора надеялась, что сенат, чей авторитет в государственных делах в годы частой смены царей и ее, женского, правления сильно вырос, возьмет под контроль траты Михаила III. Это событие окончательно решило ее судьбу.

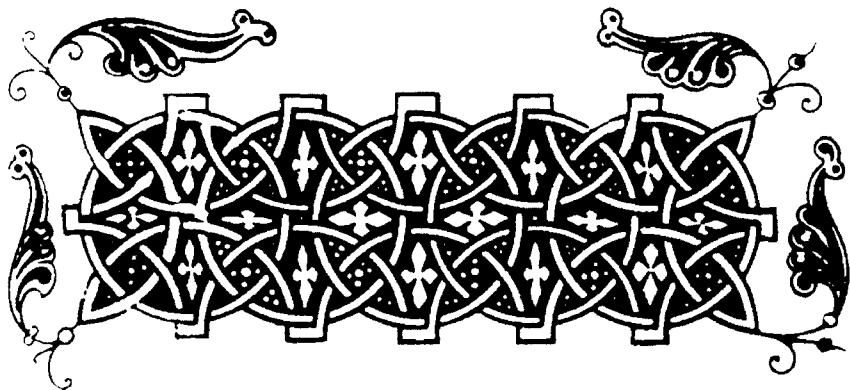
Как-то в один из мартовских дней 856 г. царица вместе с дочерьми отправилась после Литургии во Влахернском храме в баню — излюбленное времяпрепровождение византийцев. Когда они туда прибыли, их уже поджидали клирики, объявившие приказ царя постричь женщин в монахини. Те и не думали возражать и вскоре сподобились Ангельского чина. После совершения обряда их поместили во дворец, причем все сокровища из личной казны императрицы были изъяты слугами ее сына, а сама она была помещена практически под арест во дворец в Кариане. Причем быт св. Феодоры отличался *излишней* простотой и скромностью: сын не мог простить матери ее гневных слов и не желал украсить келью.

Сколь бы ни испортились отношения между матерью и сыном, но все же для св. Феодоры он был и оставался любимым чадом, которому она желала только счастья. К горю матери, ей выпало на долю пройти еще одно страшное испытание. Оставшись без нее, ведомый разными фаворитами, Михаил III не заметил, как своими бессмысленными действиями готовит себе погибель. Приблизив к себе *Василия Македонянина*, которого даже венчал на царство как своего соправителя, он параллельно ему осыпал почестями другого баловня судьбы, которому публично обещал царский венец. Дело закончилось тем, что, опасаясь расправы со стороны соперника, Василий Македонянин организовал заговор, завершившийся смертью Михаила III. В третьем часу ночи 24 сентября 867 г. заговорщики прошли во дворец св. Мамы, где отдыхал Михаил III, и закололи того мечами.

Утром следующего дня, когда весь Священный дворец гудел, будто улей, и все бегали в поисках новых сведений и слухов, к трупу Михаила III подошли три женщины: эта были его мать, св. Феодора, и сестры. Одетые в траурные платья, они молились, а затем завернули тело, из живота которого выползли внутренности, в конскую попону — единственную ткань, обнаруженную поблизости. После состоялось отпевание, где почти никто не присутствовал, кроме указанных женщин, моливших Бога о милости к несчастному погибшему царю.

...Прожив остаток дней монахиней, св. Феодора оставила этот мир, приобретя вечную славу за свои подвиги и благочестие.

Глава 13.

ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ НИКИФОР II ФОКА (963—969)

§1. Военные походы и освобождение Крита

Прошло более ста лет. Уже давно ереси, некогда терзавшие тело Кафолической Церкви, утратили свою актуальность и агрессивность. Благодаря блистательной череде императоров Македонской династии — *Василия I* (867—886), *Льва VI Мудрого* (886—912), *Романа I Лакапина* (919—944), *Константина VI Порфирородного* (945—959), Византийская империя прошла через чрезвычайно тяжелые военные и политические кризисы. Как птица феникс, она словно восстала из пепла поражений и возродилась в невиданном доселе величии и блеске.

Одним из тех исторических лиц, которому христианская цивилизация обязана спасением Византии, является император *св. Никифор II Фока*, о котором у нас сейчас пойдет речь. К моменту воцарения ему 51 год, он происходил из знатной каппадокийской семьи, имевшей армянские корни и давшей Византии многих замечательных военачальников. Живя «только для войска», по словам летописца, св. Никифор провел полную опасностей жизнь, похоронил к зрелому возрасту жену и сына Варду, который погиб совсем еще молодым человеком в результате несчастного случая от рук своего же двоюродного брата. Помимо этого Фока был известен своим благочестием и благородством.

Внешне он был не очень красив: мужчина среднего роста, с плотной, немного округлой фигурой, очень широкими плечами и выпуклой

грудью. Его выгоревшее под горячим и беспощадным восточным солнцем лицо имело темный цвет. Волосы были густые и черные, обильно украшенные сединой, глаза также черные, характерные для армянского этноса. Нос средний, немного крючковатый, соседствовал с мохнатыми бровями, борода имела правильную форму, и ее также покрыла седина. Однако, несмотря на отсутствие внешней красоты, мужеством и силой тела он заметно превосходил многих солдат, в военном деле отличался необыкновенной изобретательностью, в трудную минуту никогда не впадал в отчаяние и пренебрегал телесными удовольствиями, как настоящий аскет. Оставшись после смерти близких ему людей один, он дал обет целомудрия и совершенно отказался от мяса. Его можно было часто видеть молившимся на коленях ночными часами и поющим псалмы перед иконами.

Помимо этого св. Никифор Фока был напрочь лишен тщеславия и очень скромн. Нередко его упрекали в ригоризме и чрезмерной требовательности к себе и другим людям, и, пожалуй, справедливо — император никогда не терпел безнравственности и требовал благочестия от всех, с кем ему приходилось делить свои труды и саму жизнь. Как военачальник, он был необычайно суров к нарушителям воинских правил и никогда не прощал виновных, прекрасно понимая, что значит отсутствие дисциплины в армии во время военного похода. Зато Фока почти не знал поражений, а Византия при нем достигла одной из величайших вершин могущества. Но к *личным* врагам он был удивительно терпим и милостив.

К числу наиболее блестящей и важной в стратегическом отношении побед Фоки следует отнести освобождение им от арабов острова Крит. Разумеется, сама идея похода на остров принадлежала императору *Роману II* (959—963), правившему в те годы Византийской империей. Понимая опасность закрепления арабов на Крите, желая взять реванш за предыдущие неудачи римского оружия, царь приказал св. Никифору Фоке подготовить новую экспедицию для отвоевания острова, захваченного 158 лет тому назад. Фока деятельно исполнял приказ царя, собрав за короткое время значительное количество судов, вооруженных «греческим огнем», и солдат. Но в самый разгар подготовки многие члены сената резко воспротивились этому походу, напомнив императору, что его предшественники многократно пытались овладеть Критом и каждый раз безуспешно. Им не менее резко и рассудительно возражал командующий флотом, талантливый военачальник Иосиф Вринге, который вместе с тем являлся соперником Фоки в высшем свете — обычная для Византии картина, где интересы державы обычно занимали первое место, отбрасывая в сторону личную неприязнь.

«Все мы знаем, государь, — сказал он царю при обсуждении спорного вопроса в сенате, — какие беды нам, римлянам, причинили враги Христовы. Вспомним убийства, насилия над девами, разрушение церквей, опустошения прибрежных территорий. Сразимся за христиан и единоплеменников, не побоимся ни долгого пути, ни морской пучины, ни изменчивости победы, ни немощи молвы. Наш долг повиноваться твоему боговдохновенному приказу, ибо *Бог внушил тебе эту мысль*. Сердце царя в руке Господа (Притч. 21: 1). Залог этому: твоя боговдохновенная царственность отправляет в поход верного и честного раба Никифора».

После таких слов царь уже никого не слушал более, а вперед уплатил солдатам жалованье, выдал оружие и приказал армии 5 июля 960 г. выступать в поход. Действительно, на этот раз экспедиция была организована превосходно. В распоряжении св. Никифора насчитывалось 2 тыс. судов, оснащенных «греческим огнем», 1 тыс. дромонров для перевозки армии и 307 кораблей с боеприпасами и продовольствием. По пути, согласно заранее подготовленному плану кампании, к основному флоту присоединились суда с островов Митилена, Хиос, Самос, Фигелы. Однако по дороге возникли удивительные затруднения. Как вскоре выяснилось, никто из византийских моряков не знал дороги на Крит, поскольку путь им туда был давно заказан. Все же кое-как маршрут был проложен, и византийцы не без оснований рассчитывали на успех в предстоящей кампании. Вновь удачно действовала византийская дипломатия, сумевшая установить, что единоверцы критских арабов в Сирии находились в стоянии жесточайшего раздора и едва ли придут на помощь своим братьям по вере.

В отличие от предыдущих полководцев, чьи попытки освобождения острова не увенчались успехом, Фока действовал очень осмотрительно. Прибыв в город Фригелы, он выслал вперед быстроходные галеры, которые пристали к острову, а находившиеся на них разведчики захватили «языков» и доставили в ставку римского полководца. Выяснив, что эмира Крита *Курупа* с войском нет в крепости — он отдыхал в своем поместье на достаточно большом удалении, Фока, не мешкая, причалил флот к берегу и высадился на берег.

Разбив лагерь, он окружил его рвом по всем правилам военного искусства и запер критян в городе Хандак, столице эмира. Город был настолько хорошо укреплен, что о моментальном захвате его не могло быть и речи. Поэтому полководец приступил к правильной осаде, а для контроля над местностью выделил конные отряды фракийцев, славян и македонцев. Сам он с основными силами обосновался за городом Сакой. Безопасность римлян была обеспечена в такой степени, что

солдаты совершенно не боялись перемещаться по острову, чувствуя себя как дома.

Правда, не обошлось без легкомысленной беспечности, стоившей жизни некоторым византийским солдатам. Желая полностью обеспечить безопасность армии, св. Никифор Фока поручил опытному стратигу Никифору Пастила с отрядом отборных воинов обследовать весь остров. Вскоре солдатам показалось, что никакая опасность им вообще не угрожает, и они, нарушив строй и забыв все воинские наставления, предались пьянству. И тут на них напали арабы, тайно следившие за передвижением врагов. Византийцы спохватились и даже пытались организовать сопротивление, но было слишком поздно. Сам Никифор Пастила сражался как герой, был несколько раз ранен и, пораженный в грудь стрелами и копьем, упал под копыта коня и испустил дух. Остальные воины этого отряда были почти все перебиты, «как жертвенные животные», и только несколько человек смогли добраться до основного лагеря.

Тем временем эмир Курупа узнал наконец-то о свалившемся на его голову несчастье. Не решаясь в одиночку противостоять св. Никифору, он срочно направил посланников в Испанию и Африку, надеясь получить поддержку у единоверцев. Но те предварительно провели разведку и, выяснив, *какова* численность византийского войска, решили, что бороться с Фокой бесполезно. Поэтому вскоре критянин получил «благопристойные» отказы.

Собрав в одном месте все свои силы (всего около 40 тыс.), Курупа решил дать бой. Но битва была неудачна для него: византийцы разбили арабское войско и долго преследовали отступавших сарацин. Желая нагнать страх на осажденных, Фока приказал своим солдатам отрезать головы мусульман и выставить их на копья перед крепостной стеной. Конечно, это было ужасное зрелище, деморализовавшее врагов. Но когда полководец дал команду начать штурм, арабы храбро отбили все атаки наступающих отрядов. Чтобы не губить понапрасну своих солдат, Фока дал приказ отступать и занялся изготовлением осадных орудий.

Византийцы блокировали город с суши и с моря, а осажденные критяне пытались в частных вылазках нанести им урон. Но, как правило, св. Никифор Фока своевременно предугадывал их действия и неизменно наносил арабам одно поражение за другим. Месяц сменял месяцем, наступила холодная зима, а осада продолжалась. Дожди и стужа не способствовали, конечно, поддержанию высокого боевого духа в византийской армии. Но в это время и сказался авторитет выдающегося полководца и «отца солдат» св. Никифора Фоки. Собрав солдат, командующий обратился к ним с речью.

«Мои братья и соратники! Вспомним о страхе Божьем, сразимся, чтобы отомстить за оскорбление Бога, доблестно встанем на Крите против воителей нечестия, вооружимся верой — убийцей страхов. Не забывайте, что мы находимся на острове, бегство отсюда чревато великой опасностью. Отомстим за поруганных дев, видя израненными драгоценные тела, восскорбим сердцем. Труды и опасности не остаются без воздаяния. Выстоим в борьбе с врагами Христа, и Бог Христос поможет нам, погубит врагов наших и разорит крепость хулителей Христа!» Конечно, такая речь не могла не иметь добрых последствий — армия воодушевилась и была готова продолжать войну. Вскоре подошла и помощь — узнав о тяжелом положении своей армии, император Роман II приказал направить суда с продовольствием и одеждой; они пришли очень вовремя.

Наконец, в марте 961 г. войско приготовилось к решающему штурму. Горели трубы, блестили щиты и копья — отряды выстроились для атаки. Хотя критяне сопротивлялись мужественно, устоять против византийцев они не смогли; город пал. Это была выдающаяся победа, свидетельство величайшей самоотдачи и высокой боеготовности византийской армии. Правда, как свидетельствуют хроники, победа была омрачена беспощадным истреблением мусульманского населения острова: византийские солдаты насиловали женщин, убивали мужчин и младенцев, говорят, даже сдирали с живых арабов кожу. Неудивительно, что в ответ на Востоке пронеслась волна христианских погромов: в те времена обе стороны действовали, что называется, «под копирку», попеременно передавая друг другу инициативу в очередном бесчинстве.

Но, безусловно, это был самый блистательный успех полководца св. Никифора Фоки, с тех пор благоговейно почитаемого на Крите по наши дни. После критской операции св. Никифор стал самым популярным человеком Византийской империи, *символом победы*, героем нации. И справедливо — ведь со взятием Крита пал передовой форпост ислама, удерживавший византийцев от нападений на земли Арабского халифата и державший христианский мир в морском плену.

По обычаю того времени город был отдан на разграбление солдатам, а полководца василевс почтил триумфом. В назначенное время сам император Роман II вместе с царицей *Феофано*, патриархом и сановниками встречал св. Никифора Фоку на ипподроме; голову победителя украшал золотой венец. Мимо царской четы прошло войско, и провели пленников, одетых в роскошные одежды. Среди них находились сам эмир Курупа и его сын Анема, знатные горожане-арабы. Вынесли захваченные сокровища — предметы из золота, драгоценные кубки, одежду, монеты. Замечательна судьба пленных арабских государей: Куруп остался жить в Константинополе, и ему разрешили остаться при

своей вере и совершать мусульманские обряды. А его сын Анема принял христианство и начал службу в императорской гвардии.

Впрочем, как нередко бывало и раньше, вскоре царю стали настойчиво *нашептывать*, будто св. Никифор Фока втайне претендует на императорство. Поскольку незадолго перед этим был раскрыт заговор некоего магистра Василия Петина, Роман II охотно поверил в дурные помыслы любимого всеми воина. От греха подальше царь направил заслуженного полководца на другой театр боевых действий, на Восток, где арабами командовал талантливый полководец эмир Алеппо *Сейф-ад-Даул* (945—967).

Хотя его войско было незадолго перед тем разбито византийцами, он по-прежнему оставался очень опасным противником. Поэтому перед св. Никифором была поставлена главная задача — обезопасить Киликийские ворота. Это было очень сложное по исполнению поручение — дело в том, что война в горах требовала совершенно особой стратегии и тактики со стороны византийцев. Арабам, привыкшим внезапно нападать на византийские селения, нужно было противопоставить систему пограничной службы и заградительных отрядов. Но Фоке удалось решить и эту задачу; более того, этот период войны станет еще одной блестящей страницей в его полководческой биографии.

Святой Никифор разработал и ввел специальную систему наблюдения и оповещения, соорудив пограничные башни, рядом с которыми при появлении арабов зажигали костры. Эта защитная линия оказалась очень эффективной, и новые набеги арабов приносили им только поражения. Затем византийский командующий сам перешел в наступление и овладел несколькими важными арабскими горными крепостями, чем почти совершенно парализовал действия Сейф-ад-Даула. По мере успехов св. Никифор решился на более амбициозную задачу — вернуть под власть Византии старые провинции: Киликию, Сирию, Месопотамию. При всем умении Сейф-ад-Даула, его решительности, богатстве и таланте арабскому эмиру было очень нелегко тягаться с византийской военной мощью. Эмир терпел одно поражение за другим, но еще большие испытания ждали его впереди. В подчиненном ему Египте эмир решил организовать флот и отомстить византийцам за последние поражения. Но, очевидно, Богу не угодно было видеть гибель христиан. Когда в городе Фустат спустили на море судно, оно внезапно перевернулось и потопило почти 500 человек, находившихся на его борту. После этого затея с отправкой флота сама собой забылась.

В начале 962 г. Фока с большим войском вторгся в мусульманские владения Сирии, и Сейф-ад-Даул не осмелился дать ему открытое сражение. Пока сарацины пребывали в нерешительности, византийцы

захватили 55 или даже 60 вражеских городов. Склонили свои знамена перед византийскими войсками такие крупные и стратегически важные города, как Телух, Рабан, Мараш. Затем византийцы вплотную подошли к городу Анарбазу — последней преграде к столице эмирата Алеппо (бывший римский город Веррия). Хотя Анарбаз считался неприступной крепостью, очень скоро св. Никифор из метательных орудий разрушил его стены. Византийский полководец предложил гарнизону и жителям почетную капитуляцию, и те согласились. Город был разрушен до основания, а за ним и близлежащие населенные места.

В октябре—декабре 962 г. византийцы захватили почти всю Северную Сирию и, пройдя через Сирийские ворота, вышли на открытые пространства, обеспечив себе стратегический простор. Сейф-ад-Дауд вновь не решился выступить со своим войском им навстречу и пошел за благо спрятаться за крепкими стенами Алеппо. Для отражения наступления одного из соратников Фоки он выслал довольно многочисленный отряд, но военное счастье и на этот раз изменило ему — византийцы блестяще разбили сарацин в сражении.

20 декабря 962 г. началась осада самого Алеппо, и уже через три дня римляне ворвались в город, сумев преодолеть ров и крепостные стены. *Резня* была ужасная — по неписаным военным традициям того времени, когда война шла на тотальное уничтожение неприятеля, византийцы убивали всех подряд. Щадили только красивых женщин и детей, причем пленных мальчиков заранее отбирали для обучения в императорской гвардии. Сам Сейф-ад-Дауд сумел заранее скрыться из города, но теперь всем стало очевидно, что дни его правления сочтены. К несчастью самого грозного врага Византии, в 962 г. комендант Тарса поднял знамя борьбы против своего господина, в 963 г., пользуясь болезнью Сейф-ад-Даула, его примеру последовали другие полководцы эмира, а в 965 г. от Алеппо отложилась Антиохия, объявив о своей независимости. Фактически война была завершена...

Разумеется, понятно, почему св. Никифор Фока с тех пор обладал высочайшим авторитетом в Византийской державе, пользовался любовью и рядовых солдат, и городских обывателей, и военной элиты. Все шло своим чередом, но внезапно все изменилось в одночасье...

§2. Тайный союз царицы и полководца

Начало царствования молодого императора Романа II было более чем обнадеживающим. Однако вскоре одно роковое обстоятельство полностью перечеркнуло надежды на его победоносное продолжение.

И дело, как это нередко бывает в истории царствующих династий, заключалось в женских амбициях. Первоначально Роман II был женат на итальянской принцессе *Берте*, которая, увы, через год скончалась при родах. И в скором времени царь неожиданно для всех женился на 18-летней Феофано, женщине не менее знаменитой в истории Византии, чем многие самодержцы, но, к несчастью, по более печальным причинам.

Происхождение ее до сих пор вызывает споры, но в целом все историки сходятся во мнении, что она приходилась дочерью некоему грактиршику Кротиру, родом из Лакедемонии, державшему свое владение в одном из самых бедных районов Константинополя. При рождении она получила имя Анастасия, которое после венчания сменила на более аристократическое и «царское» Феофано. Она поражала всех своей красотой, белизной кожи, умом и грацией. Как рассказывают, ее красота казалась неземной, *божественной*, каким-то неведомым чудом природы.

Каким образом она познакомилась с Романом II и была привлечена на смотрины потенциальных невест, куда обычно приглашались девушки из самых знатных семей Византии — загадка истории. Но, исходя из всех обстоятельств, можно предположить вполне правдоподобную версию, что будущий царь повстречал Феофано задолго до смотрин и между ними случилась любовная связь. Кроткий и добрый император Константин VII Порфирородный не посмел идти против чувств своего горячо любимого сына, а будущая невестка сумела обаять своей красотой и императора, и царицу Елену.

Ее влияние на мужа было абсолютным, но Феофано не желала удовлетворяться ролью «просто» царицы. Молодая и честолюбивая женщина *принципиально* не желала делить свою власть с кем бы то ни было, и моментально устраняла любую преграду, пусть даже и мнимую, со своего пути. Едва став императрицей, она, пользуясь своим влиянием на мужа, заставила того постричь всех царственных сестер в монахини. Феофано исподволь и очень умело укрепляла свое положение в царском дворце, все более разжигая свои желания. Какова была бы ее роль в истории Византии — остается только гадать. Но тут ей пришлось столкнуться с обстоятельствами, вызвавшими в груди молодой и коварной женщины далеко не самые лучшие чувства.

Влюбчивость своего несколько избалованного женским вниманием мужа была известна ей не понаслышке. Некоторые историки, современники тех событий, отмечали любовь царя к представительницам противоположного пола, особенно к флейтисткам. И императрица, узнавая по своим каналам об очередном походе мужа, всерьез

опасалась, что по легкомыслию царь может найти себе другую пассию. В этом предположении не было ничего невозможного, поскольку при царе образовалась группа вельможных бездельников, все более и более вовлекавших василевса в не всегда допустимые развлечения. Для Феофано это были пусть и несколько туманные, но достаточно определенные указания на то, что она не занимала уже к тому времени *всего* сердца своего мужа.

В скором времени она, подарив перед тем царю двоих сыновей Василия и Константина, родила дочь *Анну*. И в связи с этим можно предположить, что в голове Феофано родился страшный план. Она понимала, что на время ее красота несколько поблекла — обычное явление для рожениц. А несколько возбужденное состояние души, когда женщина преувеличенно обращает внимание на любые мелочи, делая из рядовых событий далекоидущие выводы, подтолкнуло Феофано к предположению, что *другая женщина* вполне может занять сердце Романа II (если уже не заняла), хотя бы такая связь и не была впоследствии узаконена официальным браком.

Нужно было знать Феофано, чтобы без труда понять, что она не станет мириться с таким положением, поскольку ее давней страстью и мечтой была только власть. Оставаться титулованной, но *номинальной* царицей, ей явно претило. Видимо, произошли еще какие-то события, к сожалению, нам уже неизвестные, ускорившие трагическую развязку.

Официально все выглядело следующим образом. Весной 863 г. император Роман II отправился на охоту в горы, но вернулся оттуда, едва дыша. Посчитали, будто от неумеренной езды верхом у него начались смертельные спазмы, что весьма и весьма сомнительно — для физически хорошо подготовленного молодого человека, регулярно занимавшегося спортом, такая причина открывшегося недуга выглядит смехотворной. Большинство константинопольцев было убеждено, что царя *подпоили* перед охотой *ядом*, принесенным с женской половины дворца, т.е. из покоев Феофано, и разбавленным в питье. Косвенным подтверждением того факта, что смерть Романа II находится на совести императрицы Феофано — аналогичная судьба следующего Римского царя, *кратко* связавшего свою судьбу с коварной женщиной. Впрочем, рассказ об этом еще впереди. Так или иначе, но 15 марта 963 г. император Роман II скончался, не оставив никаких распоряжений относительно своего наследника.

Известие о смерти императора Романа II повергло св. Никифора Фоку, впрочем, как и всех византийцев, в шок. Было очевидно, что одной молодой женщине не справиться с текущими делами. Поскольку театр боевых действий находился на значительном расстоянии от Кон-

стантинополя, бледные официальные новости мало отражали реальные события, а потому, как обычно, довели и получали широкое распространение всевозможные слухи. Старый полководец, видевший жизнь в различных ее проявлениях, легко подверг сомнению *естественность* смерти императора Романа II, но подозревал не императрицу Феофано, а других придворных, в первую очередь командующего флотом Иосифа Вринге, с которым сам уже много лет состоял в откровенно враждебных отношениях.

Дальнейший ход мыслей св. Никифора очевиден: если царя действительно устранил Вринге, то следующим шагом надменный и всевластный Вриенге попытается поставить императором своего кандидата. Сам он на царский титул претендовать никак не мог, поскольку был евнухом. Следующим шагом конкурент чужими руками наверняка лишит Фоку командования восточной армией, а затем Иосиф тем или иным способом умертвит старого солдата. Его подозрения только усилились и переросли в уверенность, когда он получил приглашение (приказ?) от Вринге прибыть в столицу — Фока не сомневался, что в Константинополе его ослепят или казнят. Положение полководца осложнялось еще и тем, что буквально накануне смерти императора Романа II он сам распустил войско по домам для отдыха и теперь ему необходимо было выиграть время, чтобы собрать верных солдат. Имея под рукой преданные полки, можно было не бояться евнуха.

Но св. Никифор несколько недооценивал себя — как и ранее, он являлся самым популярным и известным полководцем Византии, а потому, даже не желая того, оказался той фигурой, которая предопределяет результат любой придворной интриги. Пока Фока находился в тяжелых раздумьях, к нему прибыло тайное послание от императрицы Феофано, желавшей получить св. Никифора в союзники.

Когда ее муж «умер», события потекли по иному сценарию, чем заранее просчитывала Феофана, и вместо желанного статуса регентши при малолетних мальчиках-царях она рисковала оказаться вообще не у дел, если Иосиф Вринге, с которым у нее отношения также не задались, выдвинет своего кандидата. Более того, речь в таком случае уже шла не о том, будет ли Феофано регентшей, а останется ли она и ее дети *в живых*. Как известно, никаких четких правил и традиций в подобных ситуациях ни на Западе, ни на Востоке не было; все решали конкретные обстоятельства. Царица быстро пришла к выводу, что у нее и Фоки один и тот же враг и предложила полководцу негласный союз. По совету Феофано св. Никифор отправился в Константинополь, дабы отпраздновать свой триумф, но цель его путешествия была совсем иной.

Вступив в столицу, старый воин был пышно встречен благодарными константинопольцами и сенатом, провел по улицам города пленных сарацин и добычу, продемонстрировал захваченные богатства, а затем удалился в свое имение. якобы для отдыха. Утром он нанес визит Иосифу Вринге. Фока распахнул верхнее платье и показал сановнику власяницу, которую носил на голом теле, и заявил, что полюбил монашескую жизнь и собирается оставить мир. Как ни странно, Вринге поверил этим словам и даже просил прощения у св. Никифора, уверяя, что никогда не заподозрит его в чем-либо недостойном. Однако едва полководец вышел за дверь, Иосиф Вринге стал жалеть, что выпустил его из своих покоев, и думал уже о том, каким способом погубить Фоку.

Но и образ мыслей св. Никифора не остался неизменным. Наглядно убедившись в своей популярности, св. Никифор согласился принять план, тайно предложенный царицей. Спустя несколько дней он неожиданно появился в храме Св. Софии и попросил аудиенции у Константинопольского патриарха св. *Полиевкта* (956—970). Это и был главный совет Феофано, правильно рассчитавшей, что в обнаружившемся противостоянии двух партий столичный архиерей наверняка примет их сторону. Всем была известна набожность и благочестие св. Никифора, его аскетизм и любовь к монашеству. Поэтому шансы снискать милость патриарха у полководца были очень высоки.

Действительно, Фока был чрезвычайно популярен у столичного клира. И эта популярность была вызвана не только его духовными подвигами. Из последнего похода полководец привез драгоценную святыню — плащ святого Иоанна Крестителя, который поместили в храм Св. Софии. На настроение патриарха св. Полиевкта, известного своей аскетичностью, наверняка положительно влияло и то обстоятельство, что настоятель Афонской лавры св. Афанасий приходился полководцу родным дядей. А сам Фока уже давно соорудил себе келью на Святой горе и надеялся в ней закончить свой земной путь, приняв в старости Ангельский чин.

Придя к патриарху и благословившись, Фока сказал: «Прекрасную награду получаю я за все мои подвиги и труды от того, кто верховодит во дворце. Он думает укрыться от всевидящего Ока, беспрестанно пытаюсь причинить мне смерть. А ведь я милостью Всевышнего расширил римские пределы, никогда ничем не погрешил против державы и оказал ей больше благодеяний, нежели кто-нибудь другой из людей нашего времени. Это я разорил огнем и мечом обширную страну агарян и сровнял с землей столько городов. А я думал прежде, что всякий муж совета благосклонен, справедлив, не питает постоянно и беспричинно злых умыслов».

Его слова попали «в точку» — патриарх, догадывавшийся об истинных планах Вринге, не мог смириться со столь вопиющей несправедливостью по отношению к заслуженному, седовласому воину, которому Римское государство обязано великими победами. И едва ли евнух, к которым у византийцев всегда было настороженное, мягко говоря, отношение, мог стать для него дороже благочестивого воина — монаха, ночью спящего на полу вместо кровати.

Немедленно созвав сенат, патриарх произнес прочувственную речь. «Несправедливо поносить и подвергать позору тех, кто не щадил себя для счастья Римской державы, претерпевал опасности и труды, проявил честность и непритязательность по отношению к соотечественникам. Таких людей надлежит прославлять и награждать. Если вы верите, что я советую вам наилучшее, я сейчас же выскажу свое мнение. Мы — римляне, и нами управляют божественные законы, поэтому мы должны в честь праотцев наших беречь детей царя Романа, которых мы вместе со всем народом провозгласили самодержцами. Мы обязаны воздавать им такие же почести, как их предкам. И поскольку варварские племена не перестают разорять Римскую землю, я советую вам этого мужа, Никифора, отличающегося пронизательным умом, доблестного в битвах, одержавшего множество побед, назначить автократом-стратигом и вручить ему командование войсками Азии, чтобы он предотвращал и сдерживал натиск иноплеменников. При этом следует взять с него клятву, что он не станет злоумышлять против властей и сената».

Слова патриарха были поддержаны всеми присутствующими, и св. Никифор, дав клятву никогда не ставить под сомнение права малолетних государей на престол и не злоумышлять против них, был утвержден в искомом статусе. В свою очередь, сенаторы обещали никого не назначать и не смещать на высших государственных должностях без разрешения св. Никифора Фоки и управлять государством по его совету.

Таким образом, рядом с двумя малолетними царями и вдовой царицей образовалась новая фигура *автократора-стратига* с неопределенными властными полномочиями, почти как у диктатора времен республиканского Рима. Конечно, столь необычная форма единоличной власти была непривычна для Византии, но в данное конкретное время она являлась *единственной*, которая позволяла св. Никифору выиграть время.

Сразу после этого св. Никифор выехал из столицы и перебрался на противоположный берег, в Каппадокию, откуда разослал приказы по войскам с требованием незамедлительно явиться к нему. Вскоре лагерь Фоки наполнился солдатами, которых он упражнял без усталости. Офи-

циальная версия сводилась к тому, что Фока собирается продолжить поход на Восток, но *знающие* люди понимали, в чем дело.

К их числу, конечно, принадлежал и Иосиф Вринге, который решил найти св. Никифору достойного конкурента. Его выбор пал на патрикия (патриция) Мариана, командующего итальянским войском, которому он без обиняков предложил пост командующего войсками Азии, т.е. должность самого Фоки, а впоследствии и сан императора. Но Мариан прекрасно понимал, что ему не по силам тягаться с прославленным полководцем, и внес встречное предложение: заключить союз с другим замечательным военачальником *Иоанном Цимисхием*, на счету которого уже к тому времени было множество блистательных побед. Вринге нашел этот выбор удачным и немедленно, отправил тайное послание своему потенциальному, как казалось, соратнику в борьбе за царский престол. В письме он предлагал Цимисхию царское достоинство в обмен на то, что тот изолирует св. Никифора Фоку в каппадокийском лагере и доведет в столицу.

Однако старый евнух просчитался — вместо того чтобы арестовать старого товарища, Иоанн направился к св. Никифору и открыто пересказал предложение Вринге. Цимисхию казалось очень обидным, что старый евнух помыкает ими, боевыми полководцами, по своему усмотрению, как детьми. К тому же по матери он приходился родней св. Никифору, и у него не было причин поддерживать «штатских». Фоке в тот день нездоровилось. Не зная, как поступить, он, скорбя душой и телом, спросил совета у Иоанна, на что тот тут же предложил собрать все войска в один кулак и заявить свои права на верховную власть, не ограничивая себя *промежуточным* статусом. Без большого восторга св. Никифор дал согласие. Когда собралось все войско Азии, полководец вышел к старым испытанным боевым друзьям, которые тут же потребовали от Фоки взять бразды правления Римским государством в свои руки. Конечно, предварительную работу с ними провел Иоанн Цимисхий.

Вначале Фока резко отказался от предложения, ссылаясь на свой возраст, вдовство и потерю единственного и любимого сына. Он даже предложил скипетр Иоанну Цимисхию, но тот отказался. Наконец, презрев клятвы, данные патриарху и сенату, под тем предлогом, что его жизни угрожает опасность, св. Никифор надел пурпурные сапоги под восторженные крики войска.

Выйдя затем из шатра и опираясь на копье, *император* св. Никифор Фока объяснился перед армией: «Не потому, соратники, надел я на себя царское облачение, что стремлюсь к узурпаторству, но принуждаемый вами, войском. Вы сами тому свидетели: ведь я отказывался от столь

тягостной заботы о государстве, а вы заставили меня принять ее на себя помимо моей воли». Затем царь напрямую указал, что им противостоит Вринге и, возможно, прольется кровь, прежде чем он сможет взойти на императорский трон. Вновь радостный крик возвестил, что армия поддерживает своего любимца — ведь войско любило его всей душой и каждый гордился его славой. «Вся его жизнь с юных лет прошла в битвах. Он внушал ужас своими подвигами в стычках и сражениях и слыл умелым, непобедимым воином не только благодаря своей силе, но и потому, что был необыкновенно умен и не знал себе равных во всякого рода добродетелях».

Направив полки к Константинополю, св. Никифор отослал послание патриарху, сенату и Иосифу Вринге, в котором предлагал признать за собой царское достоинство. Император обещал беречь, воспитывать малолетних детей покойного Романа II и защищать отечество. А если сенаторы откажутся утвердить решение армии, то «дело будет решаться железом и кровью». Такой тон поразил Вринге в самое сердце, «как стрела, посланная скифом». Но евнух был еще очень силен. Пригласив к себе патрикия Мариана и некоторых других сенаторов, он вверил им командование войсками из Македонии, которые заранее предусмотрительно вызвал в Константинополь на помощь. Помимо этого Вринге организовал настоящие гонения на членов семьи св. Никифора и его товарищей по оружию. А потому отец полководца престарелый Варда Фока во избежание смерти был вынужден искать убежище в храме Св. Софии.

Назревала гражданская война, страшная по своим последствиям, но тут в дело вмешался счастливый случай, вернее, *боевая выручка* византийских командиров, связанных к тому же кровными узами родства. В столице в это время находился блистательный полководец Лев Фока, который, переодевшись ремесленником, выбрался из города, достиг Иерии, где расположился с войском св. Никифор, и описал тому расположение армии Вринге.

Нашелся еще один высокопоставленный союзник — паракимомен Василий, незаконнорожденный сын уже покойного к описываемому нами времени Романа I Лакапина, приближенный к себе Константином VII Порфирородным. Он также недолго любил Иосифа Вринге и, желая помочь Фоке, вооружив своих слуг, разгромил владение Иосифа. Патрикий Марианн попытался привести константинопольцев к повиновению, но его отряд был в буквальном смысле слова *смят* народом, после чего три дня в городе свирепствовали грабежи и разбои. Тем временем паракимомен захватил суда в гавани, которые должны были отправиться на войну со св. Никифором, и отослал их своему кумиру,

но уже в качестве союзных. Фока не стал терять время и тотчас погрузил войска на корабли и пристал к берегу византийской столицы.

Поняв, что его партия проиграна, Вринге бросился в храм Св. Софии в поисках убежища. А св. Никифор оделся в царские одежды и на белом коне через Золотые ворота вошел в Константинополь, приветствуемый патриархом, вельможами и народом. «Сжалился Бог над народом Своим, поставил тебя, Никифор, императором и самодержцем ромеев! Государство требует, чтобы Никифор стал царем! — неслось ему вслед из толпы. — Дворец ждет Никифора! Мир ждет Никифора! Счастливо пришел ты, Никифор, одержавший победу над фалангами врагов! Благодаря тебе сокрушен, побежден Исмаил! Благодаря тебе скипетры ромеев воскресли! Итак, прими власть, руководи и царствуй! О, Никифор, август! Ты благочестивый, ты священный! Бог тебя даровал, Бог тебя будет хранить! Христианскому царству Бог будет защитой! Бог тебя даровал, Бог тебя будет хранить! Почитая Христа, всегда побеждаешь! Никифор, всеобщее благо, будет властвовать! Таковы желания войска и народа, сената и Церкви! Многая лета Никифору!»

16 августа 963 г. он был венчан в храме Св. Софии патриархом св. Полиевктом на царство и стал императором *св. Никифором II Фокой*. В сопровождении сановников и народа он вошел во дворец и занял царский престол, а затем отблагодарил своих соратников. Отец императора Варда стал цезарем (кесарем), его брат Лев Фока — куропалатом и магистром, Иоанн Цимисхий — стратигем Азии, а паракимомен Василий — *проедром*, т.е. высшим гражданским чиновником Римской империи. Интересно, что, вопреки сложившейся неписаной традиции, василевс снисходительно простил своих врагов, никого из них не умертвив. Например, Вринге был сослан в Пафлогонию, где и умер через 10 лет естественной смертью. Началось новое царствование замечательного сына Византийского государства и Кафолической Церкви, обещавшее много хорошего. Но все сложилось иначе...

§3. Спор об императорском титуле с Оттоном I Великим

Всю зиму с 963 на 964 г. император провел в подготовке к предстоящему походу на арабов. Он проводил много времени с войском, обучая солдат военному делу, и даже организовал специальные занятия по владению оружием со своими телохранителями, поскольку, как им объяснял сам царь, именно они должны первыми принять удар

на себя вражеской армии. Было видно, что император не собирался отсиживаться на поле боя во второй линии. Следует обратить внимание на некоторые военные нововведения императора — максимальное привлечение *стратиотов* (землевладельцев служилого сословия) к боевым действиям на Востоке и создание отрядов тяжелой кавалерии *катафрактов*. Тяжеловооруженные, покрытые специальным защитным панцирем, эти конники были способны пробить любой вражеский строй. А высокая подготовка и взаимовыручка обеспечивала катафрактам невероятную эффективность на поле боя. Именно катафракты стали причиной почти всех побед св. Никифора Фоки в битвах с арабами, а затем их успешно использовали и его преемники по трону.

Но привлечь стратиотов и даже обучить было половиной дела. Император решил сформировать из них настоящее *военное сословие* и делал для этого все возможное, установив по аналогии с новеллами своих предшественников *обязательные* минимальные наделы земли для стратиотов. Византийская армия стала практически национальной, но тем не менее для ее укрепления император по-прежнему использовал отряды иностранных наемников, роль которых в успехе византийского оружия нельзя недооценивать.

Пока василевс упражнял свою армию, мужественный Иоанн Цимисхий всю зиму со своим войском защищал отвоеванные на Востоке земли и наносил стремительные удары по отдельным боевым соединениям арабов. Сарацины к этому времени овладели Мопсуэстом, и Цимисхий решил вернуть Византии этот город, осадив его. Когда об этом стало известно арабам, из Тарса срочно направился отряд численностью 15 тыс. мусульман для деблокады Мопсуэста, но он героически погиб весь до последнего человека в сражении с римлянами — Иоанн в очередной раз оказался на высоте положения. Вершину, на которой были добиты остатки арабского войска, сами мусульмане впоследствии называли «*Холмом крови*».

Наступила весна — время большого похода. Из Каппадокии, где было назначено место сбора римской армии, император повел свои полки на Тарс, но, найдя город неприступным, изменил направление движения и взял штурмом города Адана, Анаварза и более 20 других укрепленных поселений. Затем он соединился с Цимисхием у стен Мопсуэста. Хотя гарнизон храбро оборонялся, василевс сумел посредством подкопа разрушить крепостную стену и взял город штурмом.

Интересно, что царь строго запретил своим солдатам грабить Мопсуэсту — верный признак того, что он рассматривал его уже не в качестве добычи, а как город, *возвращенный* Византийской империи. При-

ближалась зима, и император отвел войска в Каппадокию, где распустил армию, приказав весной собраться вновь. А сам с небольшим отрядом телохранителей остался зимовать там. Это обстоятельство также весьма симптоматично.

Весной 964 г. император вновь направился к Тарсу. Всю зиму его мучила мысль, что он, выйдя победителем из множества сражений, взявший штурмом десятки городов, не справился с крепостью, стены которой не выше крепостных сооружений Рима или Константинополя. Интересно, что в поход император взял с собой Феофано и обоих царевичей — Василия и Константина. Правда, вскоре он оставил императрицу и мальчиков в специально созданном укрепленном пункте в Каппадокии, чтобы им ничто не угрожало, а сам двинулся с войском дальше.

Для обеспечения свободы перемещения своей армии в Сирии св. Никифор решил завладеть островом Кипр — важнейшим центром Средиземноморья. В 964 г. он направил адмирала Никиту Халкуца на остров, и тот блестяще справился с поставленной задачей. Теперь арабы Сирии и Палестины не имели возможности получать подкрепления с Кипра, и ничто не угрожало византийской армии во время похода. Этот стратегический успех и обеспечил последующие победы римского оружия на Востоке.

По дороге, на марше, произошел один случай, *наглядно* показавший всем, насколько пристально император св. Никифор следит за состоянием воинской дисциплины и как строго карает виновных. Объезжая марширующую воинскую колонну, царь заметил щит, брошенный по причине усталости одним из солдат в кусты. Подобрал амуницию, он приказал на ближайшем привале выстроить войско и уточнить, кому эта вещь принадлежит. Естественно, виновный нашелся быстро, и царь спросил: «Скажи-ка, негодный, если бы на нас набросились сейчас враги, каким оружием ты бы оборонялся?» Разумеется, никакого разумного ответа виновный солдат дать не смог.

В наказание василевс приказал *лохагу* (старший стратиот, нечто сродни сегодняшнему сержанту) высечь виновного воина и отрезать ему кончик носа в назидание другим. Однако на следующее утро он увидел виновника живым и невредимым — лохаг пожалел солдата и не выполнил приказа командующего. Но император привык доводить все дела до конца. Он спросил лохага: «Неужели ты полагаешь, что я меньше тебя забочусь о войске? Ведь я наказал виновного, чтобы никто не следовал его беззаботности и не повторялся проступка, дабы не оказаться безоружным перед лицом неприятеля». А потом наказал обрезанием носа и битьем розгами самого лохага.

Подойдя к Тарсу, император приказал разорить окрестности города, чтобы раззадорить агарян и выманить их из-за городских стен. Так и случилось: вскоре блистающее сталью войско сарацин вышло из города и выстроилось для битвы. Но св. Никифор предусмотрел дальнейший ход событий: он выдвинул впереди пехоты катафрактов, а позади пешей фаланги поставил стрелков и метателей дротиков. Правый и левый фланги прикрывала кавалерия, которую возглавлял сам царь и Иоанн Цимисхий. Натиск римских войск был страшен, а стрелки, оставаясь в безопасности, наносили арабам серьезные потери, те не выдержали и побежали в город, потеряв многих воинов.

Но и теперь штурм города означал неизбежную потерю многих солдат, что подвергало армию серьезному риску — ведь крепость по-прежнему была почти неприступна. Поэтому василевс просто обложил город по всем правилам осадного искусства, и 16 августа 964 г. Тарс сдался ввиду угрозы голодной смерти. Жителей отпустили, в городе разместился римский гарнизон, а область Тарс была объявлена новой византийской территорией. Добыча, захваченная римлянами, была огромной; помимо прочих ценностей византийцы вернули христианские кресты, ранее похищенные в виде трофеев сарацинами в неудачных битвах с римлянами. После этой победы император с войском вернулся в Константинополь и дал триумф, а захваченные кресты поместил в храме Св. Софии.

Параллельно с этим 24 октября 964 г. начались военные действия на Западе — византийский флот отплыл на Сицилию под командованием адмирала Никиты; кавалерия и сухопутные части были отданы под начальство полководцу Мануилу, двоюродному брату царя. Первоначально кампания развивалась очень удачно: византийцы овладели Сиракузами, Гимерой, Тавромением и Лентией, и сарацины ничего не могли противопоставить железной византийской коннице и непобедимой пехоте. Но затем сказался горячий и безрассудный нрав Мануила: вместо того чтобы контролировать пастбища и дороги на острове, обрекая врага на голод, он ринулся в горы, где его войска потеряли строй и стали легкой добычей арабов. Потери византийцев были огромны, пало почти все войско, включая самого Мануила. После этого византийский флот спешно отплыл в Константинополь, но по дороге был разгромлен сарацинской эскадрой; адмирал Никита попал в плен. В очередной раз сказалась несогласованность действий флота и армии, возникало впечатление, что Мануил и Никита действовали сами по себе врозь. И хотя император обладал твердостью духа, но и ему пришлось много размышлять о непостоянстве людских дел.

Блестящий стратег и политик, св. Никифор прекрасно понимал, что дальнейшие перспективы развития Византийской империи лежат уже не на Западе, а исключительно на Востоке. Впрочем, он не собирался сдавать разом свои позиции в Италии, которые все еще были довольно сильны. Помимо двух территорий — Калабрии и Лангобардии, под протекторатом Византии находились Сардиния, Венеция, Неаполь, Амальфи, Капуя, Салерно и Гаэта. И император имел все основания быть недовольным попытками *Оттона I Великого* (962—973) присоединить к себе византийские владения на полуострове.

Могущественнейший государь Запада, герцог Саксонии, сумевший восстановить почти номинальное императорство после разложения Каролингов и спасший Римское папство в эпоху «порнокрапии», Оттон имел свои виды на Италию и судьбу Священной Римской империи. В голове Западного императора уже созрел план воссоединения двух частей некогда единой Священной Римской империи. Для этого нужно было подчинить себе Рим, что *почти* случилось, и папство — *уже* несомненный факт, изгнать из Италии византийцев и арабов и воссоединить все остальные герцогства и графства под своей единой властью. Но на пути германцев стоял Фока.

Не желая воевать с германцами, василевс отправил к Оттону I Великому посольство с предложением заключить мирный договор. Одновременно с этим, опасаясь растущего аппетита великого саксонца, он отменил поход на Восток и двинулся с войском в Македонию, где им был принят посол Оттона Великого венецианец Доминик. Получив от него заверения, что Оттон I не собирается занимать итальянские владения императора, св. Никифор отправил к германцу второе посольство, прибывшее в январе 968 г. в Капую.

Прежнее пренебрежение византийцев к германской знати уже понемногу стало исчезать. И когда наследник Оттона Великого император *Оттон II* (967—983) посватался к дочери императора Романа II, ему не стали *сразу* отказывать. Для Константинополя этот возможный брак был своего рода ручательством того, что Оттон Великий не собирается претендовать на земли Византии. Для самого германца женитьба сына на венценосной девушке означало резкое возвышение статуса его собственной семьи в глазах всего мира. Если уж в годы поражений брачный союз с членом царской семьи считался вершиной дипломатического успеха, то что можно сказать о том же в ситуации, когда Византийская империя *побеждала*?!

Но в силу невыясненных обстоятельств — возможно, условия византийцев были неприемлемы для германцев — брак в тот момент не состоялся. Правда, сами германцы упорно распространяли слух, будто

их посольство, отправленное с благородной миссией в Константинополь, было умерщвлено коварными византийцами. В любом случае, чтобы немного отрезвить своего царственного соседа, Оттон перешел границу и в марте 968 г. уже стоял с войском под стенами города Бари. Город ему взять не удалось — как выяснилось по прибытии на место, без флота правильная осада становилась принципиально невозможной. Все же полководцы Оттона Великого Зигфрид и Гунтер разбили византийские отряды в Калабрии и взыскали с Византии дань.

И вновь в дело вступили дипломаты: для урегулирования спорных вопросов и заключения соглашения о брачном союзе в Константинополь был срочно отправлен посол Лиутпранд, епископ Кремонский. Но его миссия оказалась малоуспешной. Он никак не мог договориться с Византийским императором по существу спора, а высокомерие западного гостя неприятно поразило царский двор. 7 июня 969 г., в день Святой Троицы, посла принял Фока, и начался в буквальном смысле слова «слепой» разговор: оба собеседника никак не могли понять друг друга.

Святой Никифор пояснил, почему так долго не принимал посла: «Мы должны были принять тебя более достойно, но не сделали этого из-за нечестия твоего государя. Он вторгся и захватил Рим, нарушая наши права, и отобрал у наших вассалов их земли». Лиутпранд возразил: «Мой государь вступил в Рим не как тиран или разбойник. Твои предшественники, были Римскими императорами *лишь по имени*, и спокойно взирали, как блудницы и их дети правили Римом. Вы пренебрегли своими обязанностями, а мой государь вернул наместникам святых апостолов их владения, власть и почести».

Постепенно спорящие стороны перешли к основной цели посольства. Лиутпранд напомнил, что император Оттон Великий предлагает сочетать браком своего сына Оттона II с дочерью Романа II. Для обдумывания взяли четыре дня, но ни к чему не пришли. Во время следующей встречи обсуждение основной задачи посольства вновь отеснилось на второй план в угоду вопросу о том, *чья* империя является единственно возможной — византийцев или германцев. Святой Никифор II заметил, что германцы напрасно зовут себя римлянами — они самые настоящие *лангобарды*. На это посол гневно возразил, что римляне на Западе — синоним разврата, трусости, алчности и лживости. Неудивительно после этих слов, что, когда он наконец вспомнил, *зачем* его отправил Оттон Великий, посла уже резко осаждали.

Византийцы возмущенно заявили Лиутпранду: «Неслыханное дело, чтобы порфирородная принцесса, дочь порфирородного императора была выдана замуж за варвара!» «Если твой господин, — продолжи-

ли византийцы, — хочет этого брака, то пусть вначале вернет нашему императору Рим и Равенну со всеми прилегающими землями. А если ищет дружбы без брака, то пусть дополнительно вернет Капую и Беневент».

Лиутпранд без особого стеснения заявил, что его возмутило, почему византийцы зовут его господина не императором, а *королем*, сохраняя за Византийскими царями абсолютное право именоваться этим почетным титулом. Понятно, что такой обмен колкостями вновь завел разговор в тупик.

После праздника пророка Илии св. Никифор Фока отправился на войну с сарацинами, едко намекнув Лиутпранду, что долг христианского государя — война с врагами веры, а не со своими единоверцами. Только в октябре 969 г. после долгих мытарств Лиутпранду дали разрешение покинуть Константинополь.

Тем временем долгое время не получив известий от своего дипломата, Оттон Великий продолжил военные действия. Он двинулся с войском к Апулии, дабы, по его словам, «воссоединить с нашим Итальянским королевством эту страну, *отнятую византийцами*». Герцог Капуи *Пандульф I Железная голова* (943—981), изменивший Константинополю в обмен на дарованный ему Оттоном Великим вакантный титул герцога Сполето, со своим отрядом присоединился к германцам, и ему была даже поручена осада города Бовино. Однако в целом этот поход оказался неудачным для германцев — греки Южной Италии, считавшие себя подданными Византийского императора, вовсе не собирались сидеть сложа руки и летом 969 г. нанесли сильное поражение Пандульфу при Бовино; причем сам Пандульф попал в плен. Более того, в том же году византийский полководец Евгений направился с армией на Север и осадил Капую. К нему тут же присоединился Неаполитанский герцог, и влияние Византии в Италии можно было считать восстановленным. Все вассалы Византии подтвердили свои прежние клятвы, а Беневент, где правил брат Пандульфа *Ландульф III* (959—969), был razорен.

§4. Войны в Болгарии

Отношения с Болгарией, которые складывались традиционно крайне сложно, также не оставались статичными. Под Рождество 964 г. в Константинополь явилось болгарское посольство с напоминанием о необходимости выплаты дани, которую болгары получали с Византии с 927 г. Наверное, трудно представить время, *настолько неподходящее* для того, чтобы напоминать о старых обязательствах.

Византия, возглавляемая блестящим императором-полководцем, имеющая победоносную, многочисленную, вышколенную в боях и профессиональную армию, в течение нескольких лет сумела упрочить свое положение на Востоке. Она была уже не той ослабленной и униженной державой, какой ее помнили во времена Романа I Лакапина. И легко понять гнев св. Никифора Фоки, который, выслушав болгарских послов, обратился к отцу, кесарю Варде, и спросил: «Неужели ты породил меня рабом и скрыл это? Неужто я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному племени и буду платить ему дань?»

Болгария тогда переживала далеко не лучшие времена. Царь св. *Петр* (927—929), позднее прославленный Болгарской церковью как *преподобный* (перед смертью он принял монашеский постриг), был полной противоположностью своему великому отцу *Симеону I* (919—927). «Даже кровь текла в нем другая», — говорит летописец. Совершенно равнодушный к делам государства, робкий и добрый, он проводил все время в общении с монахами и богословами. Болгарской знати откровенно не нравилось слишком тесное сближение их страны с Византией, но лестило то, что во время больших праздников, когда болгарские послы приезжали в Константинополь, их сажали выше других иностранных посланников, а имя Болгарского царя в поминаниях ставили впереди Западного императора.

Конечно, св. Петра поддерживало болгарское духовенство, выстроенное по образу и подобию византийского клира. Болгария к тому времени обзавелась собственным *патриархом*, под властью которого находилось более 40 епархий. Но, *привыкшие не верить* византийцам, убежденные в их хитрости, коварстве и неверности данному слову, болгары возмущались подчинению своей жизни византийской культуре. Их волновало и слишком тесное сближение обоих царских дворов, при котором, как им казалось, страдали болгарские национальные интересы. К тому же чрезмерное увлечение болгарского клира богатством и пышностью привело к тому, что в Болгарии стали приобретать широкую популярность идеи *павликиан*. И хотя правительство и официальная Церковь жестоко преследовала их, ересь пустила глубокие корни в болгарском народе.

После того как от Болгарии отпала Сербия, заявившая о своей самостоятельности, национальная партия не выдержала и организовала подряд несколько заговоров — все неудачные. Вначале хотели свергнуть св. Петра и поставить царем его младшего брата Иоанна, но безуспешно. Иоанна выслали в Константинополь, где император Роман I Лакапин даровал тому статус патрикия и женил на знатной армянке.

В 930 г. состоялось новое волнение — царем было решено сделать старшего сына царя Симеона от первого брака — Михаила, ранее постриженного в монахи. Движение расширилось, и неясно, чем бы оно закончилось, но в разгар волнений Михаил внезапно умер. Наконец, в 963 г. некто болгарский боярин *Шишман* возглавил новое восстание. Хотя он и не сумел лишить св. Петра трона, но отложил от того Западную Болгарию и объявил ее самостоятельным государством, а себя — Болгарским царем. Таким образом, Болгария раскололась на два государства — Восточную и Западную Болгарию. Положение болгар еще больше осложнилось регулярными набегами печенегов на их земли, которые начиная с 944 г. стали ежегодными.

Понятно, почему в таких условиях св. Никифор II Фока настолько почувствовал себя оскорбленным, что лично отхлестал болгарского посла по щекам. Он отправил его обратно к своему царю со словами: «Великий и могучий повелитель римлян вскоре придет к тебе и сполна отдаст дань; я научу покрытого шкурой варвара именовать повелителя римлян своим господином!» Впрочем, по другой версии, которая вполне может дополнить изложенную нами историю, незадолго перед этим император, обеспокоенный систематическими нападениями венгров на византийские территории, попросил св. Петра не пропускать тех через свои земли. Однако, по обыкновению нерешительный, Болгарский царь не дал прямого и *положительного* ответа, что послужило поводом для резкого охлаждения добрососедских отношений между двумя державами. Появление посла с оскорбительным предложением только ускорило разрыв мирного договора.

Немедля весной 965 г. император с войском отправился в Болгарию и разорил несколько приграничных крепостей. Но затем, решив не рисковать войском в горных проходах, вернулся обратно. В это же время он откомандировал молодого и способного патрикия Калокира к россам. Обычно полагают, что целью посольства было направить могучее племя, только-только просыпавшееся к своей исторической роли, на Болгарию. Будто император хотел руками князя *Святослава Игоревича* (945—972) подчинить себе эту страну. Но в действительности он лишь пытался обезопасить крымские владения Римской державы, на которые уже покушались россы. Действительно, византийской дипломатии было куда проще натравить на болгар тех же печенегов, но только не допускать по соседству опасного Святослава. Рассматривая Болгарию как потенциально свою территорию, Византийский император хотел избавить цветущую страну от разорения.

Но воинственного сына *св. княгини Ольги* (память 11/24 июля) не нужно было приглашать в поход. Если Византия делает все, чтобы

только отвести его от Болгарии, то, следовательно, этот лакомый кусок не должен пройти мимо него. Получив достоверную информацию о слабости царской власти в Болгарии, он в 967 г. с 10-тысячным войском князь отправился в поход и вскоре захватил город Малый Переславль. Это и было целью *первого* похода россов. Завоевав город, они успокоились, не собираясь в ближайшее время нападать ни на Болгарию, ни Византию. Однако вскоре ситуация резко изменилась к худшему. Калокир почему-то решил, что его миссия далеко не исчерпывается выполнением поучений св. Никифора Фоки и сам задумался о царской диадеме. Святослав, к которому патрикий обратился за помощью, обещал поддержать его, и изменник начал свой *путь в бесславие*, попеременно отдаваясь в руки болгар и россов. Был заключен личный тайный договор Святослава с Калокиром против св. Никифора Фоки.

Вскоре царь св. Петр, оправившись от неожиданного нападения, направил против Святослава 30-тысячное войско, но россы разбили его в сражении и вскоре подчинили себе Придунайские области. Однако весной 968 г. Святослав был вынужден срочно вернуться в Киев, на который напали печенег, и это развязало руки св. Никифору для нормализации отношений с Болгарией и подготовки новых походов в Сирию и Палестину. К слову сказать, ходили упорные и небезосновательные слухи, что это нападение было тайно подготовлено Константинополем, где всерьез начали опасаться удачливого, как полководца, Святослава Игоревича, а потому создали ему проблему у себя на родине. Пользуясь передышкой, Римский император посчитал за благо предложить св. Петру мир, и тот радостно принял это предложение. Это вполне естественно: Византия вовсе не собиралась мириться с наличием россов на Дунае и предприняла необходимые меры предосторожности.

В Большой Переславль, столицу Восточной Болгарии, были направлены послы Никита Эротик и архиепископ Евхаитский Филофей, которые помимо проекта мирного договора передали просьбу св. Никифора прислать в Константинополь царских дочерей для женитьбы на царевичах Василии и Константине. Болгарский царь немедленно утвердил договор и направил в столицу Византии царственных девиц, а также своих сыновей, которые оставались там до самой смерти своего отца, случившейся 9 января 969 г. Правда, эти браки так и остались «на бумаге» — след болгарских царевен затерялся во мгле веков, и что с ними стало — неизвестно.

А тем временем россы во главе со своим храбрым князем переправились через Дунай и летом 968 г., разбив высланные против них царем св. Петром отряды, захватили все города по Дунаю. Хотя мирный договор с Константинополем все еще действовал, Святослав не оставил

мысль создать тайный антивизантийский союз. Он привлек негативно настроенных по отношению к Константинополю болгар, укрепил их вечными разбойниками печенегам, касогами, венграми и организовал необъявленную войну, боевые действия на которой велись на всем протяжении 967—969 гг.

§5. Победоносный марш на Востоке

В это же время, посчитав, что ситуация на Западе нормализована, св. Никифор с войском направился к Антиохии — столице Сирии, уже 300 лет находившейся во власти арабов. Поняв по прибытии к городу, что гарнизон не испытывает недостатка в продовольствии, василевс отказался от штурма, опасаясь повредить город стенобитными орудиями — новое свидетельство того, что византийцы *возвращались* в Сирию, а не совершали очередной рейд с целью грабежа сирийских провинций. Вместо этого он избрал другой план: истощить воинскую силу сарацин в локальных боях и *вынудить* арабов добровольно сдать город. Он направился с армией по направлению к Палестине в надежде освободить Иерусалим — священный город всех христиан.

По дороге император захватил Эдессу и имел счастливую возможность помолиться в храме Святых исповедников. Там он дал войску отдых. В качестве драгоценного трофея св. Никифор отправил из Эдессы в Константинополь черепицу с нерукотворным изображением Спасителя, которую уложил в изготовленный из золота ларец. Впервые за последние сотни лет византийские отряды появились у стен древних римских крепостей Нисибии и Армида и дошли до Лаодикеи. Интересно, что, овладев городом Лаодикей, император оставил проживавшего в нем арабского правителя, ранее зависевшего от эмира Алеппо, и даровал ему высокий титул.

Сейф-ад-Даул, не так давно относившийся к самым опасным врагам Византии, рано состарившись от пережитых поражений и унижений, бессильно взирал на очередные успехи христианского оружия. Едва узнав о потере своих главных городов, эмир скончался 25 января 967 г. в Халебе, в возрасте всего 52 лет. Ему наследовал сын *Сад-ад-Даул* (967—991), очередной правитель из династии Хамданидов, который в течение четверти века не оставит попыток положить предел византийским победам. Но, надо сказать, византийцы очень умело пользовались раздорами в лагере мусульман, вступая попеременно в альянсы с отдельными партиями и раскалывая неприятелей. А потому в некоторые моменты времени Сад-ад-Даул, презрев гордость, был вынужден обращаться

к своим врагам, византийцам, чтобы сохранить Халеп от египетских берберов. В такие минуты его власть целиком и полностью зависела от Константинополя.

Затем император овладел городами Мемпетце и Арку, взять город Триполи не представилось возможным, поскольку византийский флот, должный поддерживать сухопутную армию, отстал из-за сильных ветров и непогоды. Как говорят, всего императором было захвачено 18 городов, а в плен попало до 100 тыс. арабов из числа мирного населения. Не желая разрушать великий город, он приказал выстроить крепость напротив Антиохии, оставил там большой гарнизон и приказал ежедневными набегами истощать окрестности, чтобы подорвать способности антиохийцев к сопротивлению. Сам же св. Никифор Фока вернулся с войском в Константинополь, чтобы пересидеть зиму — *последнюю* в его жизни.

Из столицы император направил послание эмиру Египта, в котором предлагал обменять плененного адмирала Никиту на меч пророка Мухаммеда, взятый им в качестве трофея в Палестине. Эмир согласился за это освободить не только Никиту, но *всех* римлян, взятых в плен в ходе последней кампании. В это время, пользуясь смертью престарелого Болгарского царя св. Петра, сын царя Западной Болгарии Шишмана *Давид* попытался присоединить к своим владениям Восточную Болгарию, но сын св. Петра царь *Борис II* (969—977) при помощи византийских войск сумел отбить это нападение.

Летом 969 г. князь Святослав с войском вернулся обратно в Болгарию и разбил болгарскую армию, которую новый царь Борис II направил против него. Состоялось еще несколько сражений, и каждый раз болгары оказывались биты россами. Несмотря на союзнический договор, св. Никифор не сумел помочь Болгарии, поскольку в это время воевал на Востоке. А Святослав Игоревич тем временем взял штурмом Большой Переславль и захватил в плен царя Бориса II со всем его семейством. Надо сказать, нравы того времени были весьма жестокими, и устрашение местного населения относилось к числу наиболее распространенных способов закрепления завоевателями своей власти на новых землях. А потому нет ничего удивительного в том, что, разграбив в 970 г. Филиппополь, Русский князь посадил 20 тыс. его жителей на кол.

Вследствие этого он вышел на границу Византийской империи, которую довольно легкомысленно решил завоевать. Святослав тайно обратился за помощью к венграм, и уже в 968 г. те несколько раз нарушили византийские владения, нанеся римлянам урон. Правда, решать «проблему Святослава» пришлось уже не св. Никифору, а его преемнику — об этом рассказ пойдет ниже.

Тем временем пришло известие о том, что оставленный в Сирии отряд под командованием Михаила Вурца 29 октября 969 г. взял штурмом Антиохию. Безусловно, это была великая победа, несколько омраченная тем, что город сильно пострадал вследствие кровопролитных боев. Император воздал благодарственные молитвы Богу, но в силу достоверно неизвестных причин наказал Михаила — *формально* тому ставилось в вину жестокое обращение с жителями Антиохии и разрушение города, который царь желал оставить неприкосновенным. К сожалению, этот не вполне адекватный поступок св. Никифора сослужил вскоре плохую службу, о чем мы поведаем несколько ниже.

Вслед за этим византийцы захватили сам город Алеппо — столицу Сирийского эмирата, после чего был заключен довольно унижительный для арабов договор. В документе определялись границы и названия местностей в Сирии, которые или переходили во владение Византии, или попадали в вассальную зависимость от Римского императора. Так, в частности, Антиохию присоединили к Византийской империи, а Алеппо стал вассальным городом. Согласно условиям договора, христиане освобождались от всех налогов на территории эмирата, а правитель Алеппо обязывался помогать византийцам во всех их войнах с немусульманами и обеспечивать безопасность торговых путей. Правитель города должен был также сообщать Римскому царю обо всем, что творится на Восточной границе, и оберегать Алеппо от вторжений любых врагов, пусть даже и единоверцев. Были полностью устранены любые ограничения по переходу из ислама в христианство, и наоборот. Помимо этого население города было обложено данью, дававшей Римской империи доход в размере 44 тыс. золотых монет ежегодно.

Это был настоящий расцвет византийской армии, победоносная страница ее истории. По словам арабских хронистов, солдаты св. Никифора Фоки были *счастливы* участвовать в его экспедициях, поскольку они двигались куда хотели и брали те города, которые им нравились. Никто не мог оказать им сопротивления или преградить дорогу к намеченной цели. Арабы настолько боялись св. Никифора Фоку, что называли того «Бледнолицая смерть сарацинов». Более 300 лет тому назад император Ираклий I Великий сказал, уезжая с фронта в Константинополь: «Прощай, Сирия!» Теперь его далекий преемник мог с полным основанием сказать: «Здравствуй, *христианская* Сирия!» Поэты славили императора в пышных фразах, сравнивая с древними героями и могущественнейшими царями, и это было истинной правдой.

И если бы не последующие трагичные события, то, как полагали все современники, император с легкостью восстановил бы старые границы Римского царства и, возможно, покори́л Индию.

§6. Любовь старого солдата и юной царицы. Убийство царя

Первое время после смерти своего мужа императрица Феофано находилась в тени, но, когда воцарился св. Никифор, она своим тонким и циничным умом быстро поняла, что время пришло и судьба дарует ей еще один шанс. Как известно, император уже давно слыл аскетом и помимо всех обычных подвигов христианского благочестия не общался плотски с женщинами после смерти любимой жены. Однако 20 сентября 963 г. неожиданно для всех император сочелся браком с Феофано, что едва ли можно отнести к событиям, развивавшимся *естественно*.

Для всё еще номинальной царицы было ясно, что гарантировать себя от каких-либо неожиданностей она сможет лишь в том случае, если *влюбит* в себя старого солдата. И это случилось на удивление быстро и неожиданно. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что любовь Феофано являлась выдумкой и в нее мог поверить только такой благочестивый идеалист, как св. Никифор II Фока. Всю жизнь проведя в военных походах, он не был красив внешне и *очень не подходил* 21-летней женщине как супруг. Однако Феофано обладала какой-то мистической притягательной силой, и ни один мужчина не мог устоять против ее чар. Никто из лиц, близко знавших императора св. Никифора долгие годы, не мог себе представить, что этот старый воин, трезвенник, аскет и монах в душе вдруг увлечется молодой женщиной и начнет жить жизнью обычного мирянина.

После долгих лет постнической жизни неожиданно для всех василевс начал есть мясо и устранил остальные ограничения в пище, ранее для него незыблемые. Увлечение царя Феофано было быстрым и ярким, как солнечная вспышка. Уже очень скоро император открылся женщине и напрямую сказал, что любит ее, а ради любви готов на все. Естественно, та не стала сопротивляться, хотя, очевидно, была абсолютно холодна к св. Никифору — ее притягивала в нем только сила, гарантирующая ей безопасность и возможность остаться на высшей ступеньке власти.

Едва сочтавшись браком с Феофано, царь подарил ей громадные сокровища и богатые земельные наделы в объемах, явно превосходивших потребности молодой царицы. Узнав о переменах, случившихся со св. Никифором, к нему приехал его дядя св. Афанасий. Принятый царем, он с обычной непосредственностью стал бранить того за нарушение обетов, но царь в ответ поклялся, что собирается жить с Феофано,

как брат с сестрой, а когда уладит государственные дела, немедленно уйдет в монастырь. Несколько умиротворенный, св. Афанасий вернулся в Афонскую лавру.

Но здесь возникла новая проблема. Константинопольский патриарх св. Полиевкт крайне неодобрительно отнесся к женитьбе царя-вдовца на вдовой императрице и наложил епитимию на св. Никифора, запретив тому причащаться Святых Таинств в течение года. Император смирился и выполнил все, что требовал от него архиерей. Венчание состоялось, но вскоре св. Полиевкт неожиданно отказался признать каноничным сам брак св. Никифора с Феофано, поскольку, как ему сообщили, император некогда был восприемником от святой купели детей царя Романа II.

С большим трудом василевсу удалось доказать патриарху, что восприемником являлся не он, а его брат Варда Фока — в качестве свидетеля явился один священник и показал, что св. Никифор не имеет никакого духовного родства с императрицей. Епископы, присутствующие при обсуждении вопроса, настойчиво убеждали патриарха, что закон о невозможности брака при духовном родстве был принят при императоре-иконоборце Константине V Исавре, а потому необязателен к исполнению. Скорее всего, патриарх не поверил, но, покинутый даже ближайшим окружением из числа клириков, смирился и *сделал вид*, что его устроили объяснения. Впрочем, по Константинополю все равно ходили упорные слухи, будто этот брак является кровосмесительным. Данное событие окончательно испортило отношения царя с патриархом, да и Феофано затаила лютую злобу на св. Полиевкта, видя в нем угрозу своим мечтам.

Но надо сказать, что популярность и самого императора у населения Константинополя постепенно угасала и на то были причины. Святой Никифор откровенно *лелеял* военное сословие и прощал своим солдатам многие нарушения в мирной жизни. Кроме того, для пополнения казны он ввел новую монету с собственным изображением, имевшую меньшее содержание золота, но заставил принимать ее по искусственно завышенному курсу, что очень не понравилось населению. А брат царя Лев Фока, некогда блестящий военачальник, став куропалатом, переродился в плохого администратора. В 968 г., когда случилась большая засуха, он в нарушении закона, запрещавшего должностным лицам заниматься торговлей, открыто спекулировал хлебом, покупая его за бесценок на стороне и продавая в столице втридорога. Торговля в Византии тогда осуществлялась через специальные корпорации, и государство тщательно следило за тем, чтобы цены на продукты питания и товары держались в установленных рамках. Поэтому использование

Львом своего должностного положения являлось вопиющим попранием закона, в частности §10 главы VI и §4 главы 16 «Книги эпарха».

Куропалат добился не только резкого повышения цен на продукты, но и повсеместного негодования. И хотя сам св. Никифор не имел никакого отношения к рыночным махинациям Льва, все посчитали, что братья поровну делят барыши. Однажды, когда царь в поле упражнял свое войско, к нему подошел седовласый старик и попросил зачисления в стратиоты. Император недоуменно спросил: «Ты же старый человек. Как ты сможешь выдержать все жизнь солдата?», на что старик не без иронии ответил, что он сейчас сильнее, чем во времена своей юности. «Ранее я мог погрузить хлеб, купленный за одну монету на двух ослов, а сейчас, купив его за две монеты, могу нести на плечах». Довлели и налоги, которыми император *вынужденно* облагал население для обеспечения своей многочисленной армии. В общем, общественное мнение стало склоняться *против* царя.

Его авторитет упал еще больше после того, как царь наказал любимца войска Иоанна Цимисхия. Видимо, к этому времени заслуженный полководец, обладавший острым умом и честолюбием, убедился в непрочности положения св. Никифора II, и в его голове созрели мысли о том, чтобы взять власть в Византийской империи в свои руки. Лучшим средством составить себе положительный образ являлось заступничество за обиженных константинопольцев против нарушителей закона. Цимисхий воспользовался этой возможностью — он горячо выступил против злоупотреблений Льва Фоки, за что поплатился чином страдига Азии, отставкой и ссылкой в имение без права посещать царский дворец.

Другим шагом, постепенно приведшим к политической изоляции императора, стало восстановление прежних царских прерогатив в части церковного управления. При всем своем благочестии и преклонении перед монашеством св. Никифор II пришел к тому нелицеприятному выводу, что существующая практика приобретения монастырями земельных наделов резко подрывает благосостояние Византии. Известно, что многие цари пытались ограничить права Церкви на земельные наделы, но добились немногого. Как и ранее, монастыри владели гигантскими площадями сельскохозяйственной земли, не облагавшейся налогами, и тем самым вольно или невольно уничтожали основной финансовый источник государства для формирования и обеспечения армии. И так же как в предыдущие времена, здесь создавалась основа для всевозможных спекуляций и злоупотреблений со стороны заинтересованных лиц, подрывавшие экономические и финансовые основы государства.

Уже в 964 г. император издал новеллу, вызвавшую крайнее раздражение у священноначалия и монахов, которые посчитали, что она «дышит ненавистью к монашеству». В своей новелле св. Никифор обращал внимание в первую очередь на печальное состояние монастырей и монастырского благочестия.

«Не каждый ли час они стараются приобретать тысячи десятин земли, строят великолепные здания, разводят бесконечные табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашеский чин ничем уже не отличается от мирской жизни со всеми ее суетами? Разве Слово Божье не гласит нечто тому противоположное и не заповедует нам полную свободу от таких попечений? Разве оно не поставляет в посрамление нам беззаботность птиц? Взгляни, какой образ жизни вели святые отцы, которые просияли в Египте, Палестине, Александрии и других местах, и ты найдешь, что жизнь их была до такой степени проста, как будто они имеют лишь душу и достигли бестелесности ангелов. Христос сказал, что только усиливающийся достигает Царствия Небесного и что оно приобретается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тех, кто дает обеты удаляться от сей жизни, и переменной одежды как бы знаменуют перемену жизни, и вижу, как они обращают в ложь свои обеты и как противоречат поведением своей наружности, то я не знаю, как назвать это, как не комедией, придуманной для посрамления имени Христова. Не апостольская эта заповедь, не отеческое предание — приобретение громадных имений и множество забот о плодах, приносимых деревьями... Кто из святых отцов учил их этому и каким внушениям следуют они, дойдя до такого излишества, до такого, по слову Давидову, суетного безумия?»

В качестве мер, направленных на устранение этих откровенно неблагоприятных поступков, император показал, что, во-первых, хотя напрямую и не запрещает строительство новых обителей, но, во-вторых, недвусмысленно *не одобряет*. Вместо этого Никифор рекомендовал лицам, жалевшим помочь монастырям, вначале привести в порядок старые, заброшенные обители, а потом уже приниматься за сооружение новых. В качестве альтернативы он разрешил сооружение в пустынных местах келий: «Мы не только не запрещаем этого, но, напротив, считаем делом, достойным похвалы». В-третьих, император категорически запретил дарить и завещать монастырям недвижимое имущество.

И в других отношениях Фока пошел гораздо дальше своих предшественников. Он не препятствовал властителям приобретать имения знатных лиц, а крестьянам — крестьянские земли, но категорически

не допускал возможности приобретать духовенством и настоятелями монастырей крестьянские участки независимо от их правового статуса. Царь также запретил любое безвозмездное приобретение земель Церковью — как от аристократов, так и от рядовых граждан.

Безусловно, василевс прекрасно понимал, что его закон вызовет соответствующую реакцию, а потому написал в последних строках документа: «Я хорошо знаю, что многие будут стонать и вопить по поводу моего распоряжения. Тем не менее я решился пойти на это. Впрочем, я утешаю себя мыслью, что все, кто не ограничивается поверхностными суждениями, а старается вникнуть в сущность дела, будут одобрять и благословлять мои распоряжения, как соответствующие общественному благу. Сам апостол Павел меня поддерживает в том решении: разве он не пишет, что мы должны стремиться к тому, чтобы нравиться Богу, а не людям?»

Следующим шагом св. Никифора II стало решительное вторжение в богослужебную практику: он категорично запретил «латинский» обряд в итальянских владениях Византии — Калабрии и Лангобардии — и установил «греческий» обряд в качестве общеобязательного. Эта мера была вызвана в первую очередь политическими соображениями — таким способом император недвусмысленно отвергал все претензии Оттона I Великого на исконные византийские территории. В принципе Константинопольский патриарх св. Полиевкт мог только радоваться, что василевс так рьяно отстаивает интересы Восточной церкви. Но его наверняка покорило сам прецедент — при *некоторых* предыдущих императорах в Константинополе привыкли, что такие вопросы относятся к исключительной прерогативе патриарха.

Не могло не вызвать глухого ропота и другое узаконение св. Никифора II, пожелавшего причислить к клику мучеников *всех* православных воинов, павших на войне с сарацинами. Опять же мотив действий царя был всем понятен: арабы, как мусульмане, были уверены, что любой воин, погибший за веру, автоматически попадает в рай; в православном богословии такой причинно-следственной связи никогда не признавали. Поэтому император решил дать своим стратиотам *идейную основу* для большего самопожертвования на войне. Отговорить василевса удалось лишь ссылкой на 13-е правило св. *Василия Великого* (память 1 и 30 января), который советовал убивающим на войне *воздерживаться* в течение трех лет от причащения. И император, всегда чуткий к мнению священства в вопросах веры, своевременно отменил свое решение. Но многих этот эпизод покорило: «царь навязывает клиру вопросы веры». Внешне вопрос о праве царя на такую инициативу не поднимался — св. Никифор был не тот император, который позволил бы кому-то

покушаться на свои полномочия. Но сам эпизод заинтересованным лицам *запомнился*.

Наконец, последний шаг императора в закреплении своих прав как главы Кафолической Церкви стал закон, согласно которому отныне *избрание епископов* могло состояться только с согласия царя. Конечно, для священноначалия это было вопиющим нарушением прав Константинопольского патриарха — прежнюю практику «симфонии властей» к тому времени порядком подзабыли. В результате уже в скором времени священноначалие Восточной церкви перестало быть союзником царя, как это было раньше в мятежном 963 г.

Из других узаконений святого императора, быстро уменьшивших круг его доброжелателей из числа светских лиц, следует выделить новеллу 964 г., касающуюся вопроса о крупном землевладении. Как известно, предыдущие василевсы предпринимали значительные меры, чтобы не допустить разорение мелкого крестьянства, а потому различными способами ограничивали возможности сосредоточения земельных угодий в руках местных «*властителей*», как называли группу крупных землевладельцев. Однако эти законы на периферии нередко бойкотировались, что и констатировал император Константин VII Порфирородный в одной из своих новелл.

Надо сказать, в этом вопросе св. Никифор занял, скорее, компромиссную позицию, устранив некоторые жесткие ограничения по приобретению земли «*властителями*». Он сделал акцент на необходимости обеспечить *справедливое соглашение* сторон и по совести решить все разногласия между ними, чтобы ничьи права не страдали. По его мнению, бывшие предшественники на царском троне несколько уклонились от традиционного христианского подхода, забыв, что царь, как «законный защитник общего и для всех равного блага», должен соблюдать нейтралитет. Взяв одну сторону, они, как считал василевс, нарушили справедливость, и это нарушение следовало устранить.

Но *за строками закона* легко угадывалось, что его симпатии лежат совсем не на стороне «*властителей*». «С тех пор как мы получили самодержавную власть, — дословно говорится в царской новелле, — и принялись разбирать дела между богатыми и бедными, мы увидели, что властители, страдая страстью приобретения, находят явное поощрение своей страсти в 40-летней давности. Они стараются то посредством подарков, то посредством присущей им силы и влияния миновать как-нибудь этот срок и затем уже получить полное право собственности над тем, что они дурным образом приобрели у убогих. Не должны ли мы сами вступить, обуздать сильных, поддержать бедных в принадлежащих им правах, которые у них злым образом бывают отнимаемы или похищаемы обманом?»

Император, желая, чтобы стороны полюбовно пришли к соглашению, приводит примеры того, как сегодняшние «властители» ранее были бедными крестьянами, и наоборот. В частности, говорит император, некий патрикий Филокали ранее был бедным, а затем разбогател несправедливым путем. И вот царь приказал сровнять с землей его дворцы и отнять всю собственность, кроме той, с которой тот начинал свою жизнь. Василевс не видит никакого резона в 40-летнем сроке давности и отменяет его.

Нетрудно предположить, что ближайшее окружение царя, от которого он был очень зависим, требовало от него более решительных мер — устранения вообще *всех препятствий* по укрупнению своих владений. Однако император сохранил собственное видение, чем вызвал откровенное недовольство со стороны сильных мира сего. Любовь к бедным ему не простили и не забыли...

У императора не было иллюзий по поводу того, насколько *непопулярна* его новелла. «Кто имеет разум и способен смотреть не на поверхность вещей, а проникать вглубь, ясно, что мы устанавливаем закон выгодный и полезный для живущих по Богу и для всего государства», — писал он. К сожалению, таковых было немного. Этим, очевидно, и вызвано то печальное положение дел, что в скором времени у императора не осталось друзей. Клир откровенно его невзлюбил, крестьяне полагали, что их обманули, а «властители» сетовали на половинчатость решений василевса. Вскоре недовольство проявилось в зримых формах.

На праздник Вознесения Господне император по традиции направился в храм Богородицы в Пиги, расположенный за стенами Константинополя, а в это же время в столице произошло побоище между горожанами и армянскими солдатами, входившими в царскую гвардию. Волнение удалось унять, но по возвращении царя в столицу ему пришлось выслушать много нелестных слов в свой адрес со стороны константинопольцев. Многие открыто его поносили, а какая-то женщина даже бросала камни в св. Никифора.

§7. Заговор и убийство царя

В ноябре 969 г. к императору, сохранившему склонность к общению с монахами, явился посланник безымянного святого старца, передавшего св. Никифору письмо. В нем старец написал, что ему открыто Богом время кончины императора, которая случится уже в декабре этого года. Такое известие повергло императора в тревогу: он перестал

спать на царской ложе, ночью уединялся на полу, покрытом звериными шкурами, укрываясь сверху плащом монаха Михаила Малеина. Вскоре ему пришлось испытать еще одну утрату — умер его отец 90-летний Варда Фока.

После погребения отца император имел разговор с императрицей Феофано, слезно умолявшей царя простить Иоанна Цимисхия. Она напомнила царю о прежних заслугах опального полководца, его родстве с императором и возвала к доброте и справедливости св. Никифора. Как обычно, мольбы царицы растрогали василевса, и он распорядился немедленно вернуть Цимисхия из ссылки. Получив аудиенцию у императора, Цимисхий просил прощения за свои неразумные поступки, оскорбляющие величие царя, и был прощен. Более того, ему разрешили беспрепятственно бывать в Большом дворце каждый день. Святой Никифор II не знал, что только что своими руками подготовил собственную кончину.

Редко бывая в столице, император упустил из виду свою супругу, которая уже давно размышляла о грядущих перспективах для себя и своих детей. Как хитрая и опытная интриганка, она прекрасно понимала шаткость власти св. Никифора, чьи победы в значительной степени были ослаблены указанными выше причинами. Аскетичный и «излишне» благочестивый св. Никифор быстро надоел ей, и, несмотря на все старания и притворство Феофано, между супругами стали мелькать первые нотки взаимного недовольства. Кроме того, подрастали ее дети, и она вполне допускала, что св. Никифор может попытаться устранить их от власти. Что делать — каждый мерит по себе, и роковой женщине нелегко было понять благородную душу св. Никифора, не способного на такой поступок. Так или иначе, но Феофано решила найти замену Фоке на царском престоле.

Для того чтобы заговор против императора имел шансы на успех, нужно было найти *повод и лиц*, способных физически устранить св. Никифора II. Повод нашелся быстро — императрица умело распространила *легкий* слух, будто царь желает ослепить Василия и Константина, дабы ни с кем не делить императорство. Затем она остановила свой взор на Иоанне Цимисхии, имевшем все основания считать себя обиженным, хотя бы и заслуженно.

Вступив с ним в тайную переписку, она нашла подтверждение своим догадкам — Цимисхий готов был рискнуть всем ради императорской диадемы, поскольку, как и императрица, полагал, будто правление Фоки стало пагубным для Византии. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что молодой и полный сил мужчина, к тому времени уже овдовевший, быстро увлекся красивой женщиной,

чье умение оболгать любого представителя противоположного пола было безгранично. В свою очередь, 45-летний элегантный и горячий мужчина стал настоящей и последней любовью Феофано. После того как тайный союз был скреплен взаимными обещаниями и *страстью*, императрица начала действовать. Первая часть плана — возвращение Иоанна Цимисхия в Константинополь, как мы видели, была реализована без больших проблем. Наступило время для исполнения второй стадии плана.

Когда Иоанн обосновался в столице, он немедленно сформировал вокруг себя небольшой кружок доверенных помощников, куда вошли обиженный императором Михаил Вурца и полководец Лев Педиасма, представитель старинного аристократического рода. Через тайные ходы, которыми регулярно пользовался Цимисхий (очевидно, их любовная связь с императрицей приняла устойчивые формы), заговорщики прошли в покои Феофано и устроили совещание с целью определить план устранения св. Никифора от царства.

Все быстро сошлись во мнении, что самым надежным способом является *убийство*, и наметили сроки совершения этого преступления. Примечательно, что буквально накануне этого события, исход которого являлся уже предопределенным, император получил письменное анонимное предупреждение о том, что в покоях царицы находятся вооруженные заговорщики, собирающиеся его убить. Он поручил своему слуге проверить все помещения на женской половине дворца, но тот в силу неведомых причин не выполнил поручения св. Никифора II.

Между тем заговорщиков мучили сомнения в успехе затеянного предприятия. В частности, они опасались, что император запрет двери в свою спальню и тогда все дело рухнет. Им вызвалась помочь все та же неутомимая царица, которая не знала преград, когда речь шла о ее интересах. Можно только удивляться цинизму и хладнокровию Феофано. Вечером 10 декабря 969 г., непосредственно перед убийством императора, она, как обычно, зашла в его опочивальню и сообщила, что ей необходимо устроить болгарских царевен, невест ее сыновей Василия и Константина. «Я позабочусь о них, — сказала Феофано царю, — а потом приду к тебе. Вели не запирать дверь в твою спальню — я вернусь и сама ее запру». С кроткой и *многозначительной* улыбкой она вышла, а св. Никифор, предавшись молитве Богу, только под утро уснул перед иконами Спасителя, Богородицы и Иоанна Крестителя — физическая усталость взяла свое.

В это время заговорщики вышли из тайной комнаты, где их прятала Феофано, и, прокравшись по дворцовым покоем, ворвались в опо-

чивальню царя. Было 5 часов утра 11 декабря, темно, шел густой снег, и заговорщики не сразу разглядели, где находится св. Никифор. Его постель была пуста — Цимисхий и остальные убийцы не знали, что царь привык спать на полу, и решили, что императора кто-то предупредил об опасности. Но тут один из слуг Феофано указал им на спящего в дальнем конце спальни Фоку — заговорщики подбежали к нему и стали пинать ногами его тело. Святой Никифор проснулся и поднял голову, но один из заговорщиков, Лев Валант, также принадлежавший к знатному роду, поразил его сильным ударом меча в голову. Василевс простонал: «Пресвятая Богородица, помоги мне!», но уже никто не мог помочь ему.

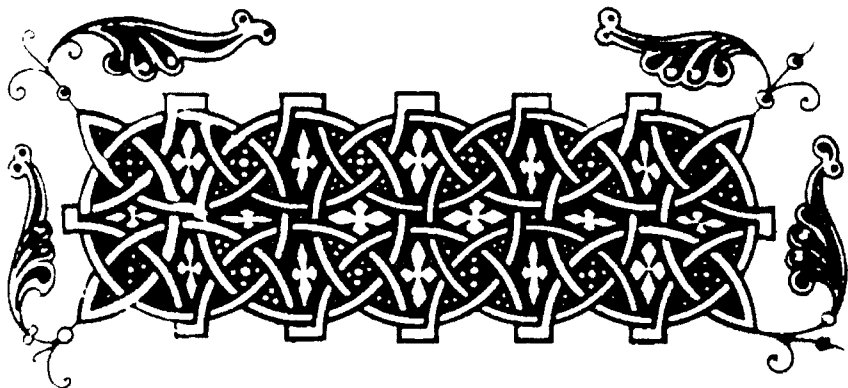
Раненого, истекающего кровью св. Никифора II поволокли по полу к Иоанну Цимисхию. «Скажи, негодный человек, — открыл тот свою обвинительную речь, — не я ли поставил тебя на Римский престол, не мне ли ты обязан верховной властью? Как ты мог позабыть о моих благодеяниях и отправить меня в деревню в ссылку, отобрав у меня войско? Говори же, если можешь что-то сказать в свое оправдание!» Но в ответ услышал лишь моления умирающего св. Никифора к Богородице. Тогда Цимисхий начал бить того по лицу, а затем пронзил грудь императора мечом. Чтобы повязать всех заговорщиков кровью несчастного царя, Цимисий, обернувшись, приказал остальным заговорщикам нанести по одному удару мечом. Вскоре все было кончено — 57-летний святой император испустил дух.

Затем по приказу Иоанна Цимисхия один из заговорщиков отрубил голову царя и пронес ее в дворцовый зал, куда уже вбежали взволнованные смутными слухами гвардейцы. Это страшное зрелище настолько поразило солдат, что они опустили мечи и покорно провозгласили *Иоанна I Цимисхия* (969—976) императором Римского государства. А тело св. Никифора II еще целые сутки пролежало на улице в снегу, пока наконец его не уложили в деревянный ящик и не отправили в усыпальницу храма Святых Апостолов, где и погребли.

В завершение этой страшной истории следует сказать следующее. Император св. Никифор II Фока был вскоре прославлен Церковью как *благочестивый царь*, а всех заговорщиков ждали далеко не самые лучшие времена. Свершилось *Божественное Правосудие*, и все они закончили жизнь или насильственным путем, или в нищете и безвестности. Желая спасти свою репутацию в столице, Цимисхий в скором времени по требованию патриарха выдал убийц Фоки палачам. И хотя в ближайшие годы новый император одержал совершенно блистательные победы, в том числе над Русским князем Святославом Игоревичем, ему вы-

пала судьба быть отравленным одним вельможей, который опасался наказания со стороны царя за свое нерадение.

Особая судьба и горькое искупление ждали и Феофано, в чем ей уже очень скоро придется убедиться. По очередному требованию патриарха Иоанн Цимисхий был вынужден расстаться со своей любимой и отправить ее в ссылку. Стоит ли говорить, как эта перемена сказалась на честолюбивой женщине?! И хотя после его смерти Феофано будет вновь возвращена в Константинополь своими царственными сыновьями, она окончательно лишится какого-либо влияния при дворе, завершив свой век частным человеком в полной безвестности...

Глава 14.

ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ИОАНН III ДУКА ВАТАЦ (1222–1254)

§1. Падения Константинополя, распад Византийской империи

...Продолжался 4-й Крестовый поход. Вследствие тонких интриг, организованных венецианцами, вместо побережья Палестины крестоносцы оказались у берегов Босфора, верша свой суд и обеспечив царство новому Византийскому императору *Алексею IV Ангел* (1203—1204), во имя личных амбиций продавшего свое отечество. Когда же тот был убит *Алексеем V Дукой Ангелом* (1204), ставшим очередным василевсом и отказавшимся платить по долгам своего предшественника, крестоносцы решили штурмовать Константинополь и взять силой то, что им, как казалось, полагалось по прежним соглашениям.

Утром 9 апреля 2004 г. флот крестоносцев выстроился в ряд по всему протяжению городских стен от Евергетского монастыря до Влахернского дворца. Целый день латиняне обстреливали византийскую столицу из своих орудий, но ответный огонь из камнеметов причинил им большой урон, а потому к вечеру латиняне с потерями отступили. Радостные горожане ликовали на стенах Константинополя, а некоторые даже оголяли задние части тела и демонстрировали их врагам, чем приводили тех в бешенство. Вернувшись в лагерь, крестоносцы обсудили ситуацию и решили организовать общую проповедь. Латинские епископы, поднимая дух и повышая мотивацию крестоносцев, внушали им, что

византийцы — хуже евреев, а потому их следует убивать на месте. Чтобы соблюсти «благочестие», было решено выгнать из лагеря всех женщин легкого поведения, а крестоносцам — исповедаться и причаститься.

12 апреля 2004 г. штурм продолжился, и вскоре крестоносцам удалось, высадившись на берег, ворваться в одну из крепостных башен Константинополя. Еще один мощный натиск — византийцы побежали, а крестоносцы ворвались в город и рассыпались по улицам. Участь Константинополя была решена. Император Алексей V решил бежать и вместе с царицей отплыл из города. Позднее, в 1205 г. он будет взят в плен латинянами, которые привезут его в Константинополь и там умертвят.

Но в Константинополе еще оставались люди, не желавшие добровольно сдаваться латинянам. *Феодор Ласкарис*, зять императора *Алексея III Ангела Комнина* (1195—1203), ночью отправился в Св. Софию, где патриарх *Иоанн X Каматир* (1198—1206) венчал его императорским венцом. Сразу после этого новый Римский царь попытался собрать последних защитников столицы, но его ждало разочарование — деморализованные византийцы отказывались сражаться. Император обратился за помощью к царской гвардии — варягам, но те потребовали громадную сумму денег за свои ратные услуги, которых, конечно, у Феодора Ласкариса просто не было в наличии. Поняв, что все кончено, император Феодор Ласкарис покинул Константинополь и отправился в Никею, надеясь там создать очаг сопротивления латинянам.

А прекрасный город святого и равноапостольного Константина Великого пал и подвергся страшному, *вандальному* разрушению. Пылали в огне пожаров дома и храмы, трупы валялись по улицам. Грабеж продолжался, все, что можно было забрать, стало добычей латинян. Крестоносцы никому не давали пощады, и из Константинополя тянулись редкие цепочки *нищих* византийцев в оборванных одеждах. На выходе их обыскивали латиняне, проверявшие, не осталось ли что-нибудь под рубищами. Если их взор находил молодую женщину, ее вырывали из толпы и на месте насиловали.

Те беженцы, которым удалось спастись, молили Бога за то, что Он даровал им спасение, поскольку участь их соотечественников в Константинополе была ужасной. Дни и ночи напролет пьяные латиняне шатались по улицам Константинополя, выискивая новые жертвы. Многие из них возили на лошадях изнасилованных уже ими женщин, наготу которых прикрывали широкими покрывалами. Святые иконы употреблялись для сидения и в качестве подножных скамеек. В храме Св. Софии крестоносцы обнаружили множество святынь, тут же расхищенных ими. Как подсчитали, к тому времени в Константинополе

находилось до 3600 святых мощей, и теперь подавляющее большинство из них оказались захваченными крестоносцами.

Византии *более не существовало*. Как казалось в ту минуту, она никогда не воскреснет, навеки сгинув во мраке времен. И на обширных просторах некогда великой и могучей Римской империи раскинулась *Латинская империя* — лоскутное государство, состоявшее из множества различных княжеств, графств, баронств, правители которых признали себя вассалами Латинского императора *Балдуина Фландрского* (1204—1205). Заметно от других выделялись *королевство Фессалоникийское* (*Бонифаций Монферратский*) и *герцогство Афинское* (*Отто де ля Рош*). Рядом с ними расположился *Иконийский султанат* (*Кей-Хозров I*) и *Второе Болгарское царство* (*Иоанн I Калоян*). Чуть позднее на Пелопоннесе выделился *княжество Ахайа*, основанное *Гийомом Шамплиттом* (1205—1209) и *Готфридом I Виллардуэном Младшим* (1209—1229).

Из *византийских* владений, помимо воли Латинского императора созданных на осколках Восточной Римской империи и не подчиненных ему, следует отметить Эпирский деспотат. Основатель этого государства *Михаил I Комнин Дука* (1205—1215), незаконнорожденный сын севастократора Иоанна Дуки, приходился родственником сразу трем царственным фамилиям — Комнинам, Ангелам и Дукам, а потому использовал три имени. В молодости он был отдан заложником к Германскому императору *Фридриху I Барбароссе* (1152—1190), затем служил по финансовому ведомству в Малой Азии. Но настоящую известность, хотя и «черную», Михаил получил после перехода на сторону Иконийского султана. Во главе шайки турецких разбойников он настолько активно грабил окрестности Меандра, что в 1201 г. Византийский царь был вынужден направить против него целое войско. Затем мятежный аристократ вернулся в Северную Грецию, где имел множество родственников по линии жены и отца, правителя фемы Этолия и Никополя, и организовал собственную империю, желаю признать ее преемницей павшей Византии.

Первоначально территория деспотата простиралась от Диррахия на севере до Коринфского залива на юге. Столицей государства являлся город Арта. Во внутреннем управлении Эпирский деспотат использовал уже созданную ранее византийскую административную систему. Окруженный многими врагами — болгарами, крестоносцами и венецианцами, Михаил I был вынужден сразу же создавать мощную армию, способную противостоять им. Деспот полагал себя самостоятельным правителем, и церковная иерархия Эпира считалась независимой от кого бы то ни было. По приказу Михаила I местные митрополиты приступили к рукоположению епископов. Хотя это было относительно

сильное государство, никаких враждебных действий со стороны Эпирского деспота при Михаиле I по отношению к Никейской империи, о которой речь пойдет ниже, пока не наблюдалось, хотя впоследствии ситуация резко изменится.

Другим активным участником тех далеких событий являлась *Трапезундская империя*, где правил внук Византийского императора *Андроника I Комнина* (1183—1185) *Алексей I* (1204—1222), создавший династию «*Великих Комнинов*». Это новое государство вскоре вышло из борьбы за право стать центром объединения византийцев. Однако претензии «*Великих Комнинов*» называться *единственными* легитимными Римскими царями не прекращались долгое время, что впоследствии создало много напряженных отношений между ними и правителями *Никейской империи*, где обосновался Феодор I Ласкарис, — о ней речь пойдет чуть ниже.

Помимо этих политических образований и их правителей в Мосиполе еще проживал престарелый Алексей III Ангел Комнин, а в Чорлу (Цуруле) прятался Алексей V Дука Мурцуфл. В Филадельфии в качестве независимого государя утвердился Феодор Манкафа, в долине Меандра — Мануил Маврозом, а в Сампсоне у Милета — Савва Асидин. В Самсуне правил Феодор Гавра, потомок Таронских князей. На Родосе титул цезаря принял Критский архонт Лев Гавала. Впрочем, в описываемых нами событиях никакой самостоятельной роли они не играли.

Изначально первой целью Латинского императора стала именно Никея, но и в эту минуту Бог уберег Ласкариса и никейцев от страшной опасности, столкнув латинян с новым врагом, выпестованным их собственным высокомерием. Перед Балдуином предстал Болгарский царь Иоанн I Калоян. До некоторого времени болгары искренне желали победы крестоносцев над византийцами, и еще при осаде Константинополя Калоян обещал латинянам прислать 100 тысяч войска для помощи. Но затем наступил резкий обрыв отношений.

Дело в том, что царю болгар были вовсе не безразличны территориальные притязания латинян на Балканах. Человек, хорошо знающий себе цену, имеющий хорошую и многочисленную армию, Калоян был чрезвычайно щепетильным, если речь заходила о внешних формах, и как ни в чем не бывало подписывался титулом «император». Когда в том же году император Балдуин пожелал принять присягу от Калояна на верность, то возникла первая размолвка. Болгарский царь надеялся заключить союз с латинянами *как равный с равными*. Но получил надменный ответ: Балдуин заметил, что болгарину надлежало обращаться к Латинскому императору как к *своему господину*, а не как к товарищу.

Было бы удивительным, если бы Болгарский царь оставил такие выпады в свой адрес без удовлетворения. Война стала неизбежной.

Французский гарнизон в Дидимотихоне был уничтожен местными горожанами, а прибытие болгарского войска вынудило латинян спешно очистить Адрианополь. Месяц спустя под его стены явился сам Балдуин всего со 140 рыцарями и небольшим отрядом вспомогательных сил, надеясь осадой вернуть город. Но к нему уже приближался Калоян со своими союзниками половцами, силой до 14 тыс. всадников. В четверг, 14 апреля 1206 г., под Адрианополем состоялась историческая битва, в ходе которой болгары заманили французов в ловушку и почти всех уничтожили. Сам Балдуин попал в плен, там он и погиб.

Нужно было предпринимать срочные меры, и взамен павшему императору Балдуину правителем (байлом) Латинской империи 20 августа 1206 г. был избран его брат *Генрих Фландрский* (1206—1216). Генрих (Анри, или Эрик, как его называли соответственно французы и греки), в отличие от многих других латинян, относился к византийцам великодушно и мудро. Если бы все остальные правители латинских государств брали его поведение в качестве примера для подражания, история взаимоотношений Запада и Востока могла бы быть иной.

Перемена в политике Латинского императора не осталась незамеченной со стороны византийцев, а дикий нрав болгар ожесточил их сердца. Они поняли, что напрасно надеялись увидеть в Иоанне Калояне своего освободителя. В Филиппополе восстал Алексей Аспьет, с которым болгары разделились очень жестоко, и это было только начало византийского сопротивления. Весной 1206 г. война возобновилась, и болгары тысячами уводили византийцев в плен, принудительно рассеяв их на берегах Дуная. Как выяснилось, Калоян очень хотел получить прозвище «*истребитель римлян*», определенно заявляя, что в его сердце уже давно живет месть к византийцам за дела императора *Василия II Болгаробойцы* (976—1025).

Но уже во второй половине лета 1206 г. болгарам пришлось испытать на себе крепость латинских рыцарей — отважный Генрих Фландрский смело нападал на фракийские владения Калояна и имел большой успех. Он заставил болгар снять осаду Дидимотихона и отвоевал Адрианополь, радостно приветствуемый местным населением. Затем Генрих нанес Калояну новое поражение, отбив громадный обоз и освободив всех пленных византийцев. Да и сам Болгарский царь доживал свой век: 8 октября 1207 г. его убил копьем один половец, любовник Болгарской царицы, этнической половчанки, которого она же и наняла на эту роль. Так закончилась жизнь самого опасного врага латинян

и византийцев, которого греки называли не иначе как «Скило-Иоанн» («Собачий Иоанн»).

Смерть Калояна оказалась катастрофичной для Второго Болгарского царства — его правителем стал незаконнорожденный сын царя, а племянник *Борил* (1207—1218). Он не пользовался авторитетом у болгар, считавших его узурпатором, и вскоре деспот *Алексей Слав* (1207—1230), племянник предыдущих царей, правитель Мельника в Родопских горах, объявил себя независимым государем и стал добиваться Болгарского престола при помощи латинян. А венгры завладели Белградской и Брагичевской областями, которые Калоян отвоевал у них в 1203 г.

Впрочем, через некоторое время болгары и латиняне замирились между собой. Генрих Фландрский начал войну на Востоке против Никеи, а царь Борил был занят искоренением ереси богомилов. Но в 1211 г. военные действия были возобновлены по инициативе болгар, недовольных территориальными потерями последних лет. Несомненно, их активные действия против Генриха Фландрского были подготовлены широкомасштабной деятельностью бывшего Константинопольского патриарха Иоанна Каматира, проживавшего в Эпире и желавшего образовать союз византийцев и болгар против латинян. Его слова попали на благодатную почву: болгары не получили от Рима того, что хотели, да и латинские обряды не прижились на болгарской земле, воспитанной в византийской культуре. Кроме того, болгарскую аристократию покорила тот факт, что Римский папа под давлением Венгерского короля *Имре* (1196—1204) и его преемников *Ласло II* (1204—1205) и *Андраша II* (1205—1235) соглашался признать венгерский протекторат над Сербией — болгары имели свои интересы в этом регионе.

Но, как вскоре выяснилось, византийский дух еще не иссяк и медленно, но верно пробивал себе дорогу через руины, в которые крестоносцы превратили великолепную Византию. Никейская империя, детище Феодора I Ласкариса, охватывала обширные территории от Кари и реки Меандра на Юге до Галатийского Понта и Каппадокии, включая в себя Вифинию и Мезию. Почему именно Никея стала новым центром политической и церковной жизни византийцев? Дело в том, что Никея издавна считалась процветающим и богатым городом с множеством храмов и монастырей. Когда-то давно она была захвачена мусульманами, но в ходе 1-го Крестового похода пилигримы освободили Никею, передав ее обратно Византии. Прожив полную тревог и опасностей жизнь, отбрав от последнего оплота византинизма угрозы, сыпавшиеся на Никею со всех сторон, в 1222 г. 45-летний император внезапно скончался, заслужив самые высокие оценки современников.

§2. Деяния святого царя

Два брака покойного императора Феодора I Ласкариса не дали ему наследника престола. А его единственный брат Константин Ласкарис погиб при обороне крепости Лентияна в 1211 или 1212 г. Поэтому новым Никейским царем по общему согласию стал 30-летний *св. Иоанн III Дука* по прозвищу «*Ватац*». Это слово, по-видимому, переводится с фракийского как «кустарник» — прозрачная ссылка на многочисленность этой семьи. Новый царь происходил из прославленного рода фракийских архонтов из Дидимотиха и приходился внуком известному дуке фемы Фракийская в Малой Азии. Но уже в XI в. некоторые представители рода Ватацев состояли членами сената и находились в родстве с фамилиями Дука, Ангел и Ласкарид.

Святой Иоанн был женат на третьей дочери Ласкариса *Ирине* — женщине энергичной и честолюбивой, чья воля и настойчивость сыграли решающую роль в его избрании. Как и некоторые другие императоры из ранних веков римской истории, св. Иоанн III Дука стал императором по праву своей супруги, а потому продолжил *династию Ласкаридов*, не начав собственной. К моменту воцарения св. Иоанн занимал должность протовестиария.

Св. Иоанн III Дука Ватац навсегда остался в памяти византийского народа как человек, обрамленный ореолом святости. Император обладал многим достоинствами — был честен, расчетлив, упорен и осторожен. Кроме того, св. Иоанн III по праву слыл замечательным хозяином, умным и бережливым. Как сказал один летописец, «он ничего не делал, не обдумав, и не оставлял ничего, обдумав; на все у него была своя мера, свое правило и свое время». На войне он был терпелив и мужественен, но вообще-то не любил сражений, полагая, что военное счастье изменчиво и ненадежно, а потому на него полагаться нельзя. Царь любил *терпением* достигать побед. Если было необходимо, он мог всю зиму провести с армией в чистом поле, но добиться перевеса над противником. И действительно, как правило, враги утомлялись и оставляли лучшие позиции, не выдержав капризов погоды и отсутствия продовольствия.

Опытный военачальник, св. Иоанн III Ватац сумел создать новую *национальную армию* из жителей горных областей Вифинии и других мест. Кроме этого, царь, мудрыми распоряжениями которого государственная казна вскоре быстро стала наполняться золотом, позволил себе сформировать новые отряды из наемников — варягов и итальянцев. В общем, при нем византийская армия стала сильной, как никогда ранее.

Хотя личная жизнь Ватаца не была идеальной, он отличался справедливостью и совестью. Для личности св. Иоанна III характерен один эпизод, случившийся с ним уже под конец жизни. Потеряв первую жену, царь женился на германской аристократке Анне. Отношения со второй женой складывались «дипломатические»: это был *брак по расчету*, и нет ничего удивительного в том, что Ватац вскоре страстно влюбился в одну из женщин, входивших в свиту его супруги, — некую Маркесину. Они открыто встречались, и император даже разрешил возлюбленной носить знаки царского достоинства.

Любовь — любовью, однако благочестие превалировало в императоре. Как рассказывают, однажды Маркесина в сопровождении большой свиты направилась в храм на Литургию, но монах Никифор Влеммид, известный своей строгостью, затворил перед ней двери изнутри церкви. Посчитав, что ее унизили, пассия Ватаца в гневе обратилась к нему с требованием наказать монаха, но получила неожиданный ответ. Глубоко вздохнув, царь сказал: «Зачем вы советуете мне наказать мужа праведного? Если бы я жил безукоризненно и целомудренно, то сохранил бы в неприкосновенности и царское достоинство, и себя. Но так как я сам дал повод бесчестить и себя, и свое достоинство, то вот и получаю приличное возмездие: злые семена приносят свои плоды».

Все современники единодушны в том, что Ватац был весьма щедр по отношению к Церкви. Вместе с первой супругой — царицей Ириной — они построили великолепный храм в Магнезии во имя Богородицы, другой — в Никее во имя преподобного Антония Великого. Кроме того, императрица выделила личные средства для возведения в Прусе церкви в честь Честного Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. По распоряжению царя на содержании государственной казны находились многие монастыри и больницы, а также странноприимные дома для немощных и нищих.

Едва ли жесткая национальная политика Феодора I Ласкариса во имя восстановления Византийской империи, продолженная св. Иоанном III Ватацем, могла понравиться византийской аристократии. Практически сразу была предпринята попытка усомниться в правах св. Иоанна III на царство. Два брата Феодора I Ласкариса севастократы Алексей и Исаак, попытавшись захватить с собой дочь покойного царя Евдокию, невесту Латинского императора *Роберта* (1219—1228), убежали в Константинополь, надеясь получить там помощь. Без сомнения, они имели тайную поддержку со стороны других византийских аристократов, а потому малейший успех предателей мог вызвать широкий резонанс с самыми губительными для Никейского государства последствиями.

Оба севастократора вскоре явились в Троаду с отрядом французских рыцарей и в 1224 г. у Пиманинона встретились с никейской армией, которую вел в бой лично св. Иоанн III Дука Ватац. Это была очень упорная и кровопролитная битва. Видимо, латиняне превосходили численностью византийское войско и, атаковав его, прорвали фронт. Все решила *личная храбрость* императора, который во главе небольшой группы смельчаков сумел остановить свои дрогнувшие войска и перейти в контратаку. В конце концов удача сопутствовала никейцам, оба брата попали в плен и были ослеплены. В назидание другим остальные изменники были казнены. Как говорят, «нет худа без добра»: после этой блистательной победы Ватаца многие города Малой Азии сбросили в себя иго латинян и присоединились к Никейской империи. Важнейшими из них стали Пиманинон, Лентианина, Хариар и Вервенияк.

Вскоре благодаря успехам византийского оружия форпост Латинской империи в Малой Азии стал рядовой провинцией Никейского государства. Помимо этого св. Иоанн III завладел островами Самос, Хиос, Митилена (Лесбос), Аморгос, и добился признания своей власти со стороны Родосского кесаря Льва Гавалы. Дальше — больше. Никейские корабли вошли в Дарданеллы и начал грабить венецианские колонии на побережье. Затем византийцы без сопротивления овладели Галлиполи, Мадитом, Систом. Во избежание большего зла Латинский император Роберт срочно заключил соглашение со св. Иоанном III, согласно которому к Никейской империи отошел город Пиги, последняя опора латинян на побережье Мраморного моря. Он посчитал за счастье, что Ватац согласился (пока еще) признать область Никомидия франкской территорией и возобновил вопрос о помолвке Евдокии с Латинским императором.

Как Ватаца любили в народе, так ненавидели в кругах высшей аристократии — минувший урок научил *не всех*. В 1225 г. св. Иоанну III пришлось столкнуться с заговором сановников, во главе которого стоял Андроник Нестонг, а в состав заговорщиков входил брат царя и начальник царской гвардии. В это время Ватац собирался выступить в поход на латинян и собрал приличный флот, должный обеспечить поддержку сухопутным войскам. И тут пришло сообщение о начале мятежа. Царь, отдав приказ сжечь готовый к походу на французов флот, дабы тот не достался врагу, вернулся в Никею и обезвредил преступников. Правда, наказания, которым они подверглись, были мягкими: только двоих заговорщиков император приказал ослепить, остальные отделались легким тюремным заключением. Сам Нестонг, приходившийся родственником царю, оказался в темнице, но св. Иоанн III сделал все,

чтобы тот получил возможность бежать из заключения к туркам. С тех пор св. Иоанн III стал гораздо осмотрительнее и окружил себя стеной телохранителей.

Обсуждая ту или иную проблему, он обычно предлагал высказаться своим придворным, никогда не комментируя их слова. О принятом царем решении вельможи узнавали, что называется, «по факту». Нередко молодые аристократы горячежно выговаривали василевсу претензии на этот счет, но Ватац неизменно хранил мудрое молчание. Опасаясь даже близких родственников, император отодвинул в сторону своих братьев Михаила и Мануила и категорически не желал даровать им высокие чины и титулы.

Захватив стратегическую инициативу, византийцы продолжали наступать по всему фронту против латинян. Об опасности, угрожавшей французам в Константинополе, были прекрасно осведомлены на Западе, и, в частности, в Риме, где пытались организовать помощь гибнущему Константинополю. В мае 1224 г. Римский папа *Гонорий III* (1216—1227) отправил послание Французской королеве *Бланке Кастильской* (1188—1252), жене короля *Людвика VIII* (1223—1226), в котором содержатся следующие строки: «Сила французов на Востоке уменьшилась и уменьшается, в то время как их противники против них серьезно крепнут. Если императору не будет оказана быстрая помощь, то можно опасаться, что латинянам будет угрожать непоправимый ущерб как в людях, так и в средствах». Он настоятельно просил королеву помочь латинянам в Константинополе. Однако в то время Франция активно соперничала с Англией за спорные владения на континенте, и помощь соотечественникам из Парижа поступит еще очень не скоро.

Впрочем, тревоги пока что были преувеличенны: Константинополь оставался неприкосновенным до тех пор, пока никейцы не решили вопрос о Фракии. На эту плодородную и богатую местность помимо латинян и никейцев претендовал Болгарский царь *Иоанн II Асень* (1218—1241). И, разумеется, не случайно — отсюда латинянам могла поступать вооруженная помощь из Европы, и, главное, это был второй (помимо Вифинии) центр компактного проживания греческого населения. Кто подчинит его себе, тот и откроет ворота в Константинополь. Сама логика исторических событий влекла св. Иоанна III во Фракию, и в том же году его войска подошли к Адрианополью под радостные крики горожан. Однако затем Никейскому царю пришлось столкнуться с сильной армией Эпирского царства, и никейцам пришлось уступить Адрианополь.

На некоторое время движение никейцев на север приостановилось, что не мешало Ватацу удерживать за собой контроль над ситуацией и ра-

нее завоеванными областями. И заодно начать операции на Средиземном море против венецианцев и латинян, к сожалению, малоуспешные. Даже номинальное подчинение Родоса Никее было крайне болезненно воспринято венецианцами, поскольку этот остров лежал на перепутье разветвленных торговых морских путей. При их тайной поддержке родосцы поняли мятеж, с которым оказалось очень не просто справиться. Сам императора направился с флотом к острову, но потерпел неудачу от армии Льва Гавалы. Вторая экспедиция под командованием Андроника Палеолога была успешнее — византийцы захватили остров, но не смогли взять крепость, ключ его обороны. После этого венецианцы *открыто* заключили договор с Львом Гавалой, согласно которому Родос обязывался предоставить венецианским купцам торговые привилегии и направлять ежегодную «ризу» на престол св. Марка в Венецию. А те, соответственно, признали его независимость.

§3. Война за освобождение Византии

Хотя Никея не обладала физическими возможностями воевать с могущественной Венецией, все же св. Иоанн III напал на остров Крит, принадлежавший Республике, надеясь на помощь восставших критян. Однако подход мощного венецианского флота заставил византийцев спешно отступить, а в налетевшей буре их корабли потонули. Все же никейцы завоевали острова Ретимно, Милопотамо, Кастельнуово.

Относительная неудача у Крита и Родоса не остановила стратегическое наступление на дряхлеющую и стагнирующую Латинскую империю, император которой Роберт Куртене окончательно дискредитировал себя в глазах французской аристократии альковными похождениями. Оставив Константинополь, он бежал в Афины, где и умер в 1228 г. Его преемником стал 11-летний *Балдуин II* (1228—1273). Слабость Латинской империи была заметна невооруженным глазом. В этот момент в головах у некоторых французских баронов даже возникла идея объявить регентом Балдуина II Болгарского царя Иоанна II Асеня.

Конечно, Асень с радостью принял это *предварительное* предложение, пообещав взамен отвоевать в пользу латинян Адрианополь, а для гарантии обручил Балдуина II со своей дочерью Еленой. Этот союз мог стать губительным для никейцев, мечтавших о воскресении Византии. На их счастье, под влиянием Римского папы регентом малолетнего императора был избран другой человек — прославленный герой *Иоанн де Бриенн*.

В ответ разгневанный Болгарский царь вступил в союз с Фессалоникийским царем и укрепил его брачными узами, женив *Мануила*, брата Феодора Ангела Комнина Дуки, на Марии, своей побочной дочери. Однако вскоре эфирцы начали откровенно тяготиться этой «дружбой», поскольку, как выяснилось, они и болгары претендовали на одни и те же земли Фракии, а в перспективе — и на Константинополь. Весной 1230 г. царь Фессалии выступил с войском против болгар, и в апреле этого же года нынешние враги и вчерашние друзья встретились у селения Клокотницы между Адрианополем и Филиппополем. Асень приказал прибить к копью расторгнутый Феодором договор и во главе тысячи половцев смело напал на противника, буквально разметав его. Поражение Феодора Комнина Ангела Дуки было полным, более того, он сам попал в плен и был ослеплен. После этого болгары без труда заняли Адрианополь, Македонию и почти всю Албанию. Отдадим должное Иоанну II Асеню: он был милостив к побежденным византийцам и ничуть не ухудшил их положения новыми податями и налогами. Новым правителем Эпирского (Фессалоникийского) царства стал брат ослепленного царя *Мануил Комнин Дука* (1230—1237; 1239—1241), женатый на Марии, незаконнорожденной дочери Иоанна II Асеня.

Пока болгары воевали с эфирцами, Иоанн де Бриенн наконец-то сумел в 1233 г. выступить против никейцев, высадившись в гавани Лампсака. Силы византийцев к тому времени были несколько подорваны войной с Родосом и Венецией, а потому св. Иоанн III решил отступить в Сигриадские леса. Но максимум, что удалось латинянам, — захватить город Пиги вследствие измены одного франка. Византийцы заблокировали латинян в захваченной крепости, преградив подвоз продовольствия, и де Бриенну пришлось ни с чем вернуться в Константинополь. Все же регенту удалось нанести никейцам несколько сильных ударов, выгоды от которых тем не менее достались не Латинской империи, а венецианцам. В 1234 г. Родос признал власть над собой Венецианской республики, равно как и Крит, где в 1235 г. венецианцы сумели разгромить отряд никейцев и захватить остров.

Все же новый союз болгар и Мануила Фессалоникийского был ненадежен. Как человек горячий, Асень вскоре же сам и нарушил этот союз, желая полностью подчинить Болгарии Фессалоникийское царство. В качестве ответной меры Мануил написал Римскому папе тайное послание, в котором соглашался признать не только духовную, но и светскую власть понтифика над своим царством. Разумеется, он надеялся, что строгий окрик апостолика сможет остановить наступательный порыв болгарина. Одновременно с этим, желая получить помощь из Никей, Мануил отправил послание патриарху *Герману* (1222—1240), на-

зывая того «Вселенским патриархом», «непреложным вождем христиан во всей Вселенной», прося о посредничестве между собой и св. Иоанном III Дукой Ватацем. Никейская сторона ответила благосклонным согласием, и патриарх даже направил в Эпир своего митрополита для посвящения епископов. Но в скором времени от Фессалоникийского царства остались два-три скромных удела, *одним из которых правил Мануил Ангел Комнин Дука*.

В 1235 г. в Галлиполи был подписан мирный договор между св. Иоанном Ватацем и Иоанном II Асенем, предусматривавший союзнические обязательства. По условиям договора Болгарская церковь получала статус патриархата, находящегося под номинальным главенством Никейского архиепископа.

Тем не менее ситуация для Никейской империи оставалась весьма тревожной. Было очевидно, что союз с болгарами ненадежен, а латиняне и турки, с двух сторон нависавшие над последним очагом византийской государственности, в любой момент могли начать (или, вернее, *продолжить*) экспансию. Это был, без сомнения, самый сложный момент в царствовании св. Иоанна III Дуки Ватаца. Хорошо еще, что в данный момент времени ему удалось установить добрые отношения с сельджуками, но оставался Запад, с которым бороться можно было только через Рим. И император тут же предпринял необходимые меры.

Еще в 1232 г., словно предчувствуя грядущие события, св. Иоанн III дал поручение своему патриарху Герману вступить в переговоры с Римским престолом о возможности заключения унии. Правда, это письмо, переданное папе *Григорию IX* (1227—1241) с проезжими францисканскими монахами, было написано *с позиции равноправного собеседника* и вовсе не производило впечатления капитуляции. При всем изобилии почтительными фразами и дружелюбными выражениями, оно довольно остро ставило вопрос о некоторых латинских новшествах, не приемлемых для византийцев. Именно этот термин вместо традиционного «ромеи» использовал восточный архиепископ, и это — верное свидетельство тому, что Восточная церковь стала считать себя *национальной, греческой* — по векам уже довлеющему в Византии греческому этническому элементу и культуре.

Довольная смелая дипломатия царя с Римской курией кажется невероятной на фоне почти абсолютного могущества папства в XIII в. и не очень стабильной власти Никейского императора. Но следует учесть то немаловажное обстоятельство, что новый Крестовый поход против никейцев, которым понтифик мог напугать св. Иоанна III Ватаца, все более и более становился фикцией. Со временем сама крестоносная идея стала получать все более расплывчатое содержание. Да и силы

Западной Европы начали отвлекаться на другие цели, кроме Иерусалима. Например, Реконкиста в Испании, где сражалось не менее 50 тыс. вооруженных паломников-рыцарей из всей Европы. Сам папа в 1207 г. объявил Крестовый поход против альбигойцев, что проживали в Южной Франции. И поход занял с перерывами несколько десятилетий. Поэтому папы нередко оказывались бессильными против этого *распыления* крестоносного движения, не имея под рукой наличных сил для войны с греками. Естественно, никейцы этим активно пользовались, что и отразилось на характере переписки между царем и апостоликом.

В обратном послании понтифик обращается не к «Вселенскому» или «Константинопольскому патриарху», как раньше, а к «главе *Греческой* церкви». Вкладывая в это словосочетание свой, конечно, смысл, явно уничижительный. Тон его письма, в целом доброжелательный, тоже оттеняли обычные сетования на отпадение греческих священников от Римской матери-церкви и отдание себя светской власти. Оттого, считал папа, вера византийцев охладела, а священнический сан находится в упадке.

Однако, к сожалению, примириться с Римом не удалось, св. Иоанну III Ватацу пришлось бороться с мощными, хотя еще и разьединенными силами. Разочарованный в результатах минувших переговоров, папа призвал Венгерского короля *Беллу IV* (1235—1270) и Ахейского князя Виллардуэна помочь Балдуину II и отправил Ватацу резкое письмо, требуя от того подчиниться Латинскому императору. Ответ св. Иоанна III Дуки не заставил себя ждать. Хорошим литературным языком, но едва сдерживаясь, император достойно ответил папе, позволившему именовать его «знатным мужем Ватацем».

«Царству моему, — писал он, — подали твое письмо, но царство мое ввиду нелепости написанного полагало, что такое исходит не от тебя, но от «сожительствующего с крайним безумием» и с душой, полной надменности и дерзновения. Таков тот, кто обратился к царству моему, как к какому-то не имеющему имени и бесславному, неизвестному и незнатному, не будучи научен должному ни опытом действительности, ни величием державы нашей. Твое же святейшество украшено и разумом, и рассудительностью, выделяясь из большинства людей».

И далее: «Ты требуешь признать права твоего престола. Отчего нам не потребовать от тебя признания прав тысячелетней Империи Константина и его преемников, бывших из нашей нации, вплоть до нас. По-твоему, мы нигде не царствуем и не правим, а Иоанн из Бриенна тобой рукоположен в цари. По какому праву? Если мы, принужденные насилием, переменили место пребывания, то наши права на Империю и державу мы неизменно и неотступно удерживаем за собой, по милости

Божьей. Извещаешь нас о грозном сборе крестоносцев. Благовидным предлогом прикрывается, как всегда, жажда власти и золота. Твоя честь нас наставляет не докучать императору Иоанну Бриенну, для моей же пользы. Нужно тебе знать, что мое царское величество не понимает, где на суше или на море расположены владения означенного Иоанна, а потому никогда не покушалось на то, что ему принадлежит. Если же речь идет о Константинополе, который мы желаем у него взять, то мы заверяем и объявляем тебе и всем христианам, что никогда не перестанем сражаться и воевать с захватчиками Константинополя. Мы были бы преступниками перед законами природы, уставами родины, могилами отцов и Божьими святыми храмами, если бы из всех сил не боролись за это!» Достойный и убедительный ответ!

Затем — следующая победа, на этот раз *дипломатическая*: Ватац сумел склонить на свою сторону могущественного Болгарского царя, все еще обиженного отказом латинян признать его регентом Балдуина II. С 1235 г. они начали совместные действия против французов и венецианцев. Вновь замаячила перспектива Болгаро-византийского союза, и на этот раз данное предприятие казалось успешным. Оба царя договорились скрепить мирный договор брачными узами, одновременно с этим заключив военный союз против латинян. В 1235 г. Асень и Ватац вместе с женами появились под стенами осажденного болгарами Галлиполи, занятого венецианским гарнизоном, где произошла помолвка 11-летнего царевича *Феодора*, сына св. Иоанна III, и 9-летней дочери Иоанна II Асеня *Елене*.

Затем невеста отправилась в Лампсак, где патриарх Герман в присутствии царицы Ирины совершил торжественное бракосочетание. Болгары получили то, чего так давно добивались от Рима и Константинополя, — автокефалию Болгарской церкви и признание ее архиерея патриархом. В 1235 г. Тырновский архиепископ Иоаким был торжественно провозглашен в Лампсаке *Болгарским патриархом*. Одним выстрелом Ватац убил двух зайцев: оказал громадную услугу болгарскому клиру и еще более возвысил собственного патриарха, у которого теперь не было конкурентов.

После этого объединенные никейские и болгарские войска начали уже масштабное наступление на Латинскую империю. Асень захватил почти всю Фракию, а св. Иоанн III Ватац занял Фракийский Херсонес и прилегающую область от Марины до Ганоса. В этом же году Ватац разгромил город Галлиполи, принадлежащий Венеции, и захватил все области между Мраморным морем и Марицей, включая крепость Цурула. А Асень тем временем опустошил север Фракии, принадлежащий Латинской империи.

В 1236 г. никейцы и болгары подошли к стенам Константинополя. Но тут сыграла свою роль Римская курия. Папа отлучил Асень от Римской церкви, а венецианцы совместно с войсками князя Ахейского *Готфрида II* (1231—1246) сумели прорваться к осажденному Константинополю. Затем Иоанну де Бриенну удалось разбить никейское войско на суше, а венецианцам нанести поражение союзническому флоту на море.

Маятник весов истории качнулся в другую сторону, разрушив одни союзы и создав другие. 22 марта 1237 г. умер Иоанн де Бриенн, и Асень решил, что ему не интересен союз с никейцами. Он быстро сошелся с Римом, испросив прощения и получив его, и заключил мирный договор с Латинской империей. Безусловно, он рассчитывал на то, что теперь-то французы признают его регентом Балдуина II. Отсюда, как казалось Болгарскому царю, был один шаг к тому, чтобы закрепить свои притязания на Константинополь. Болгарин без каких-либо сомнений порвал соглашение с Никеей и потребовал обратно свою дочь, выданную замуж за царевича Феодора.

К счастью, Болгарский царь не относился к лицам, честно выполняющим свои обязательства, — его союз с Римом также оказался недолговечным. Асень вовсе не собирался всерьез признавать главенство над собой Римского папы и вводить в Болгарской церкви латинские обряды. Понятно, что помимо прочих негативных обстоятельств он тем самым резко понижал бы статус Болгарского патриарха, с таким трудом приобретенный два года тому назад. Кроме того, как человек толерантный и мудрый, он не спешил предать богомилов казням, как это произошло в Европе с альбигойцами, чем вызвал новый гнев понтифика. Уже в феврале 1238 г. папа *Григорий IX* (1227—1241) потребовал от Венгерского короля Беллы IV и Латинского императора Балдуина II начать новый Крестовый поход против болгар, после чего дружба Асень с папой закончилась. К негодованию апостолика, лелеемый им Крестовый поход не состоялся, — Асень без труда убедил Балдуина II заключить с ним мирный договор в обмен за обещание оберегать французов от греков.

Удивительно, но в этом невообразимом и непредсказуемом kaleidoscope минутных комбинаций и союзов в выигрыше оказался св. Иоанн III Ватац. Ему удалось миновать рифы политических бурь, рассорить врагов между собой и поддержать высокий авторитет православной царской власти в глазах греков, гордых за то, что *их* император ни в чем не уступил проклятым латинянам — ни на войне, ни в вопросах веры. И в то же время выбить из рук врагов дипломатическое оружие, продемонстрировав желание идти на *разумные* компромиссы.

В 1239 г. Асень вместе с французами и половцами начал осаду крепости Цурула. Правда, вскоре болгарин получил известие о смерти своей жены, сына и патриарха Иоакима от моровой язвы. Посчитав это Божьей карой за свои вероломства в отношении византийцев, Асень тут же сжег осадные машины, отвел войско обратно и заключил новый мирный договор с Ватацем. Естественно, соглашение с французами было аннулировано, а дочь Болгарского царя вернулась в Никею, к своему юному супругу.

Увы, это была не последняя дипломатическая комбинация Асеня. Вскоре, испугавшись союза св. Иоанна III Ватаца с Германским королем и нарастающей мощи Никеи, Болгарский царь тайно помог пройти через свои земли в Константинополь Балдуину II с армией из 700 рыцарей, набранных в Европе, и 20 тыс. вспомогательных сил. В 1240 г. Асень женился на дочери ослепленного им Феодора Ангела Комнина Дуки, освободил тестя и при его помощи взял Фессалоники, захватив в плен Мануила. Для поддержания внешней преемственности Эпирский трон был передан сыну Феодора Ангела Комнина Дуки *Иоанну* (1237—1244). Свергнутый правитель Фессалоники Мануил добрался до Никеи, где принес клятву верности св. Иоанну III. При его помощи он соединился с братьями Константином и Феодором и покорил Фарсал, Лариссу и Платамот. Но тут же решил, что не имеет смысла выполнять слова присяги Никейскому царю, и отложился от св. Иоанна III, заключив мирный договор с латинянами в Пелопоннесе. Впрочем, вскоре он умер, горько раскаиваясь в своем клятвопреступлении.

А тем временем Иоанн II Асень в очередной раз действовал по-своему: презрев договоренности с византийцами, он присоединился к латинянам Балдуина II, осадившим многострадальную крепость Цурула. Ее гарнизон возглавлял великий хартулларий Иоанн Петралифа — мужественный и опытный военачальник. Но силы были настолько неравными, что спустя короткое время никейцы сдали крепость. Пленных французы не пощадили, и вместе с великим хартулларием отправили в Константинополь, где продали в рабство своим родственникам.

В качестве ответной меры император св. Иоанн III Ватац во главе сильного войска взял города Лакивизе и Никиат, а затем, доверив свой флот неопытному, к сожалению, в морском деле армянину Исфре, направил корабли против латинян. Как и следовало ожидать, в морском сражении малоопытный византийский флотоводец был разгромлен меньшими силами врагов. На этом военные действия фактически прекратились, и Болгарский царь, исподволь ослабив своего могучего конкурента, поспешил направить к св. Иоанну III посольство с предложением мира, который, конечно, был заключен.

Наверняка Болгарский царь на этом бы не успокоился и мог доставить еще много хлопот Никейской империи, но, по счастью для византийцев, в июне 1241 г. Иоанн II Асень скончался. Его престол достался малолетнему *Коломану I Асеню* (1241—1246). В этом же году скончалась супруга святого императора Иоанна III Дуки Ирина.

§4. Победы дипломатические и военные

Ход описываемых событий, насыщенных многочисленными и самыми разнообразными комбинациями, еще более ускорился под мощным напором *татар*. Под этим термином мы впредь будем называть совокупность монгольских, тунгузских, и тюрских народов, сбитых в общую массу знаменитым *Чингисханом* (1206—1227). Подчинив своей власти близлежащие степные племена, Чингисхан в 1206 г. был провозглашен на курултае правителем монголов, Великим ханом, после чего принялся за завоевание Северного Китая. Затем последовал захват Хорезма и Самарканда (1220 г.), после чего татары вторглись на территорию Кавказа. Смерть Чингисхана в 1227 г. на 66-м году жизни ничуть не остановила татарскую экспансию.

Его сын и преемник *Угедей* (1227—1241) успешно преодолел остатки сопротивления в Средней Азии и вскоре вышел на Рум-сельджуков. Заняв Багдад, одна часть татар оккупировала районы Каспия и Азии, вторая направилась через донские степи на Запад, где новые пришельцы нанесли страшное поражение половцам, стремительно убегающим от них, и переправились через Истр. Многие европейские правители посчитали за благо нанять остатки половцев на свою службу; не стал исключением и св. Иоанн III Ватац. Одну часть половцев он расселил во Фригии, вторую — в Македонии и Фракии.

Перемалив на свою сторону половцев и отдельные отряды наемников, сражавшихся у болгар, св. Иоанн III начал вступить во Фракию, надеясь присоединить к Никейской империи европейских греков. Против него располагались войска Эпирского царя Иоанна. Император без особого труда победил его, и тот добровольно сложил с себя царский титул, назвался «деспотом» и признал над собой власть Никейского императора. Без сомнения, этот поход 1242 г. мог стать вершиной царствования св. Иоанна III Ватаца, мечтавшего присоединить к Никее всю Македонию. Но в самый разгар кампании он получил сообщения от сына Феодора о том, что на соседние сельджукские государства напали неизвестные им татары.

Теснимые татарами, турки истошно просили Nikeю о помощи. Желая разузнать все на месте, император направился в Триполис для переговоров с султаном. Он пообещал *в целом* оказывать туркам содействие, но не сделал ничего конкретного — и весьма мудро, поскольку в противном случае участь Nikeйского царства оказалась бы незавидной. А теперь его тыл был защищен сельджуками, причем и татары не могли вменить ему это соглашение в вину, поскольку оно не предусматривало совместных действий против них со стороны греков; это был исключительно *мирный договор*, а не военный союз. В скором времени Румский султанат пал под натиском татар, и если бы Ватац благоразумно не отошел в сторону, то сейчас столкнулся бы с самым опасным и многочисленным врагом из всех, нападавших на Римское государство.

Интересно, но это был не единственный маневр, обезопасивший Nikeю от татарского нашествия. Опасаясь, что татары вступят в соглашение с Римом, царь направил к папе послов, намекая на возможность заключения унии. И когда в Рим действительно прибыли послы татар, предлагавшие папе начать совместные действия против св. Иоанна III Дуки, понтифик под благовидным предлогом отказал им. Кроме того, для обеспечения безопасности своей державы, св. Иоанн III построил сеть крепостей в горах с хорошим запасом вооружения и крепкими гарнизонами. Таким образом, восточная граница Nikeйской империи оказалась в безопасности.

Теперь император получил возможность обратиться к Балканам, тем более что вследствие слабости прежних соперников перед ним открывались широкие и ясные перспективы. Благодаря своей выверенной дипломатической игре, св. Иоанн III Ватац вскоре приобрел мощного и надежного союзника — Германского короля *Фридриха II Гогенштауфена* (1218—1245), самого активного и непримиримого врага Римского папы и папской политики.

Между двумя центрами власти Запада — папой и императором — шла война не на жизнь, а на смерть, сопровождавшаяся дипломатическими трюками, богословскими сочинениями о верховенстве той или иной стороны и резкими выпадами. В таких условиях Гогенштауфен искал союзника, которого с ним объединяют не только враги, но и сходство убеждений. Хотя Рим и французы негодовали на него, но в целом Фридрих II придерживался той же «грекофильской» политики. Эта прямая политика не могла не провоцировать Римского епископа на ответные меры, и наоборот. Накал страстей дошел до того, что король называл Римского епископа не иначе как «развратником, помазанным елеем скверны», а тот в ответ объявил

Гогенштауфена «зверем Апокалипсиса». Папские агенты разъезжали по Германии и Италии, подталкивая к выступлению против короля. А Фридрих тем временем вел тайные переговоры с кардиналами, чтобы вообще лишить Римского папу *Григория IX* (1227—1241) папского сана.

В лице Фридриха II и св. Иоанна III встретились два единомышленника, видевшие христианскую цивилизацию только в форме Священной Римской империи, власть над которой, включая, разумеется, главенство в церковном управлении Кафолической Церкви, принадлежит исключительно Римскому императору. Теоретически для этого нужно было «всего-навсего» вернуть настоящему хозяину — Византийскому императору — Константинополь, урезонить Римского папу и соединить две половины в одно целое. Конечно, на заключительной стадии потенциально должен был возникнуть вопрос о том, *кто именно* вправе претендовать на титул Римского императора — Никейский царь или Германский король. В частности, обещая вернуть византийцам Константинополь, он тут же выставлял условие — чтобы св. Иоанн III Ватац признал себя его вассалом. Но до этого было еще далеко, а *пока* никаких противоречий Фридрих II и св. Иоанн III Ватац между собой не замечали.

Зато отныне любая попытка Запада помочь Латинской империи в ущерб Никеи натывалась на противодействие Германского короля. Отчаявшись в одиночку справиться с бедами, в 1238 г. Балдуин II явился во Францию и, заложив Терновый венец Христа Французскому королю Людовику IX Святому, а также заняв у того некоторую сумму денег, набрал значительное войско. Однако Фридрих II Гогенштауфен просто запретил армии Балдуина II проход через свои земли. Более того, в 1244 г. Гогенштауфен сосватал за овдовевшего св. Иоанна III свою побочную дочь *Анну* и активно поддерживал зятя, отступившись от Латинской империи в тот самый момент, когда помощь ей была крайне необходима. Своим союзом с Никейским императором Гогенштауфен не оставлял «Новой Франции» в Константинополе никаких шансов. Справедливо отмечают, что к моменту его смерти, наступившей в 1250 г., участь Латинской империи уже была предопределена.

На Лионском Соборе 1245 г. Германский король был отлучен (в четвертый раз!) от Римской церкви. Фридрих II ничуть не смутился этим и написал св. Иоанну III Ватацу: «*Так называемый папа* за наши отношения и любовь к ним, христианнейшим и самым благочестивым образом расположенным к Христовой вере, возбудил против нас свой необузданный язык, называя *благочестивейших греков*, от которых хри-

стианская вера распространилась до крайних пределов Вселенной, нечестивейшими и православных еретиками».

Горячий поклонник византийского «цезаропапизма», безусловно убежденный в праве (обязанности) монарха выступать в качестве блюстителя веры и главы церковного управления, он высказывал в адрес Римского папы следующие слова: «Все мы, земные короли и князья, особенно ревнители православной (*orthodoxe*) религии и веры, питаем вражду к епископам и внутреннюю оппозицию к главным предстоятелям Церкви. О, счастливая Азия! О, счастливые государства Востока! Они не боятся оружия подданных и не страшатся вмешательства пап».

Его ненависть к Риму была такова, что Фридрих II искренне обиделся, когда узнал о посольстве, направленном св. Иоанном III к папе. Они откровенно помогали друг другу: император — деньгами, король — вооруженными силами и дипломатией. Германец мечтал закрепиться в Италии и искренне радовался, когда узнал о том, что Никейский император захватил наконец-то Родос.

Надо сказать, что св. Иоанн Ватац очень умело использовал плоды своих дипломатических побед. В ноябре 1246 г. уже вся Македония практически без потерь досталась византийцам, а многие области Болгарского царства в единодушном порыве пожелали признать над собой власть сильного правителя. Эти договоренности облекли в письменную форму, и границы Никейского царства расширились за счет Родопа, Стенимаха, Ценены, Стумпиона, Хотовоса, Велевудия, Скопия и Просака. А Болгарское царство потеряло почти треть своей территории.

В 1247 г. св. Иоанн III овладел Визией и Цурулом. Фессалоникийское, а ранее Эпирское царство *перестало существовать*, и бывший царь Эпира теперь являлся лишь правителем областей Водина, Старидол и Стровос. В этом же году св. Иоанн III Ватац вернулся во Фракию и присоединил к Никейской империи несколько фракийских городов, принадлежавших Латинской империи. Теперь св. Иоанн Ватац стал во главе всего византийского мира. За исключением Константинополя, Средней Греции и Пелопоннеса, Византийская империя была *практически восстановлена в прежних размерах*.

Силы св. Иоанна Ватаца были теперь таковы, что он без труда мог позволить себе войну на два фронта. Когда в 1248 г. генуэзцы захватили Родос, он тут же направил морскую экспедицию, вернувшую в 1250 г. остров под власть Никейского царя. Французских рыцарей, помогавшим на Родосе генуэзцам, конечно, перебили, но благоразумный царь не стал портить отношения со своими традици-

онными союзниками, с которыми обошлись весьма снисходительно. Даже смерть Фридриха II не нанесла ущерба Никее, находившейся на подъеме.

Но и жизненный путь Ватаца подходил к концу. Согласно преданию, окончив дела в Македонии и Фракии, царь распустил войско по домам и возвращался в любимую им Nikeю. По дороге ему сделалось дурно — очень болела голова; некоторые даже думали, будто у св. Иоанна III открылась эпилепсия. Три дня он был недвижим, и только искусство врачей вернуло его к жизни. *Почти год* болезнь медленно одолевала закаленное тело царя-воина, причиняя ему нестерпимые боли. Наконец, 3 ноября 1254 г. св. Иоанн III Дука Ватац скончался. Похоронили императора в монастыре Спасителя в Созондрах, который они возвели с царицей Ириной близ Нимфеи, где находится резиденция дома Ласкарисов.

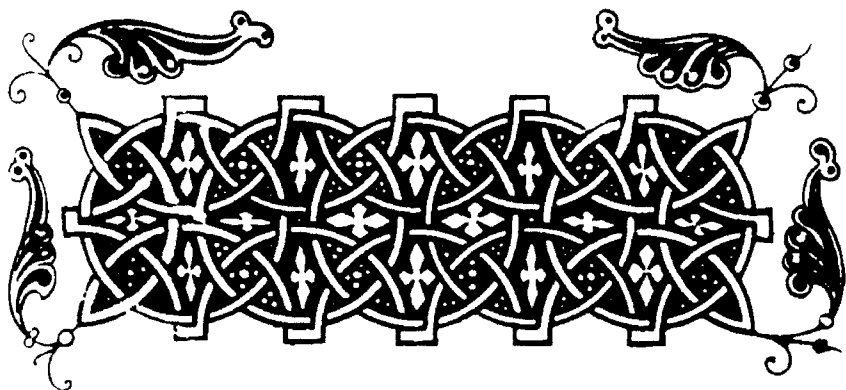
Результаты многолетнего царствования св. Иоанна III Дуки Ватаца громадны. Прекрасно ориентируясь в тонкостях дипломатических игр, чувствуя нюансы отношений между своими противниками и замечательно используя их, св. Иоанн III уберег Никейскую империю от многих неприятностей. Более того, император разгромил Фессалоникийское царство, смирил болгар, собрал под свое знамя большинство греческих земель — причем наиболее богатых и густонаселенных. Ватац полностью обессилил Латинскую империю, и, как справедливо говорят, просто *случайность*, что он не овладел Константинополем.

Внутри государства он устроил аристократию, навел порядок в финансах, причем без возложения на рядовых обывателей дополнительных тягот и налогов. Действительно, царь был несколько подозрителен — объяснимая черта характера для человека, в отношении которого дважды, как минимум, устраивали заговоры со стороны самых близких товарищей и даже родственников. Но при всем этом св. Иоанн III никого не отправил на эшафот ради подозрений, всегда считая за необходимость устроить публичное судебное разбирательство и дать возможность подсудимому оправдаться.

Это был настоящий самодержец, «народный царь», воля которого являлась безусловной по всем вопросам. Он имел непререкаемый авторитет среди всех слоев населения, но никогда не злоупотреблял своим правом царя творить суд и закон. Как говорили, «мировой столп, который поднял власть ромеев на поднебесную высоту и сделал ее известной всем, покачнулся и разрушился. Упало высокое дерево с широкой кроной, которым осенялись все земли во вселенной. Погасло славное и светлое солнце, благодаря которому мы избежали камней

преткновения, благодаря которому нам был приятен свет и при котором мы достойно совершали путь как днем».

Память о нем долго жила в Византии, и с его личностью в устных преданиях связывались многие чудотворения. Как рассказывают, спустя 50 лет, в 1307 г., когда турки начали наступление на границы воссозданной Византийской империи, местный правитель Атталиоты приказал перенести мощи св. Иоанна III в Магнесию. И действительно, туркам не удалось взять штурмом этот город, что отнесли к заступничеству и помощи святого императора. «Призрак Ватаца» вносил сумятицу и страх в ряды турок, и позднее, когда город был все же взят, мстительные мусульмане сбросили мощи св. Иоанна III Дуки в овраг.

Глава 15.

ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ МАНУИЛ II ПАЛЕОЛОГ (1391—1425)

§1. Турецкий заложник

С момента восстановления Византии при императоре *Михаиле VIII Палеологе* (1261—1282) минуло уже немало лет. Многое изменилось с тех пор. Прошла разорительная и братоубийственная Гражданская война между *Иоанном VI Кантакузеном* (1347—1354) и сторонниками малолетнего *Иоанна V Палеолога* (1341—1391). Империя откровенно слабела, и это было тем более опасно на фоне нового сильнейшего врага — *турок-османов*, захватывавших одну византийскую провинцию за другой, и латинского Запада, примирение с которым никак не удавалось добиться. Уже Иоанн V в отчаянной попытке найти помощь у западных государей признал примат Римского папы и латинский Символ Веры. Что, впрочем, не принесло Византии никаких дивидендов. После же смерти Иоанна V все эти беды легли на плечи его сына 41-летнего *св. Мануила II Палеолога*, родившегося 27 июня 1350 г.

Человек редкого ума, несомненных талантов, благочестивый христианин, позднее прославленный Церковью как *святой и благочестивый император*, он был послан гибнущей Византии в самую тяжелую минуту ее истории. Даже ненавидевший его султан *Баязед* (1380—1403) сказал как-то о св. Мануиле II Палеологе: «Всякий, кто не знает, что он царь, сказал бы по одному виду, что он царь».

Образованный монарх и одновременно с этим писатель, ценивший просвещение, знаток классической литературы, очень осторожный и расчетливый в достижении цели, честный и прямодушный, открытый для шутки и веселья, прекрасный дипломат, политик и полководец, св. Мануил II Палеолог относился к числу достойнейших Византийских царей. И в то же время император не злоупотреблял властью и отличался редкой корректностью по отношению к своим подданным. Убежденный сторонник церковной унии, он никогда не пытался силой заставить смириться со своим мнением окружающих, и это же заповедал сыновьям. Их, кстати, сказать, было у него шестеро, а сам император был счастливо женат на сербской княжне из рода Драгашей *Елене*.

В известной степени царство досталось ему случайно. Первенцем и законным наследником престола считался старший сын Иоанна V *Андроник Палеолог*. Но когда весной 1370 г. император возвращался из Рима, случилось беспрецедентное событие — его *арестовали* кредиторы-венецианцы. Еще находясь в Риме, василевс получил послание Венецианского дожа *Андреа Контарини* (1368—1382), напомнившего императору о драгоценных камнях царской диадемы, заложенных в 1343 г. за 30 тыс. дукатов. И когда царь прибыл в Венецию в начале мая 1370 г., от него без обиняков потребовали вернуть кредит. В силу безвыходности ситуации император согласился уступить остров Тендос в качестве погашения долга. Венецианцы, мирящие со всем, кроме бедности, охотно согласились и даже были готовы предоставить Иоанну V Палеологу вдобавок 6 военных галер, 25 тыс. дукатов, из них 4 тыс. сразу, чтобы василевс мог добраться домой, и, конечно, вернуть драгоценные камни. Но тут возмутился царевич Андроник Палеолог, оставленный в Константинополе для управления Византийским государством. В результате император оказался под арестом.

Это был неслыханный позор, но Андроник Палеолог, честолюбивый и легкомысленный царственный юноша, *не спешил* выполнить просьбу отца, думая уже о самостоятельном царствовании. Только благодаря помощи младшего сына императора св. Мануила, правившего в те годы Фессалониками, приславшего в Венецию деньги и корабли для перевозки царя, василевс получил возможность возвратиться в столицу. По возвращении в 1371 г. император в наказание отказал Андронику в наследовании престола.

Однако старший сын устроил заговор и 18 октября 1376 г. венчался на царство как Византийский император *Андроник IV Палеолог* (1376—1379), а отца и св. Мануила отправил в темницу. Уже к 23 августа 1377 г. он переуступил остров Тендос генуэзцам и позволил тем безнаказанно расправиться с венецианцами на Босфоре. Но в этот момент Иоан-

на V Палеолога выручил Османский султан, хотя эта помощь стоила Византии территориальных потерь. Турок выступил арбитром в «семейном» споре Палеологов и в 1379 г. организовал побег императора и его сына.

Затем султан, не испытывавший к изменнику-сыну никакого сочувствия, потребовал, чтобы Андроник IV *добровольно* вернул престол отцу, получив взамен города по побережью Мраморного моря и звание наследника престола. Тот нехотя согласился, надеясь в скором времени захватить власть, но умер 28 июня 1385 г. 8 июня 1379 г. Иоанн V Палеолог и св. Мануил торжественно вступили в Константинополь, отдав туркам за услугу остров Самос.

Помимо этого, как данник османов, Иоанн V Палеолог со своим войском был вынужден по приказу султана сопровождать того в поход против Филадельфии — единственного византийского города в Малой Азии, еще сохранившего свою независимость от турок. И к своему позору, Иоанн V Палеолог вместе со св. Мануилом был вынужден сражаться против своих соотечественников-единоверцев в первых рядах.

Очередной заговор против царя организовал *Иоанн VII Палеолог* (1390), сын Андроника IV Палеолога. 14 апреля 1390 г. он захватил Константинополь, объявив себя новым Византийским императором. Как небезосновательно полагают, этот заговор был подготовлен самим Османским султаном — он рассчитывал поставить 20-летнего Иоанна VII Палеолога на трон лишь *временно*, а затем сместить его и объявить себя властителем Римской империи. По крайней мере, сохранившиеся в венецианских архивах документы дают повод для этого вывода. Правда, царствование Иоанна VII Палеолога продолжалось всего 5 месяцев, поскольку св. Мануил Палеолог пришел на помощь отцу и вновь вернул столицу законному императору. Наконец, после смерти отца новым императором стал уже сам св. Мануил II.

Царство, доставшееся ему, находилось в ужасном состоянии. «Когда я вышел из ребяческих лет и не достиг еще возраста мужа, меня в то время окружала жизнь, полная тревожения и смуты, — писал впоследствии василевс. — Но по многим признакам она позволяла предвидеть, что наше будущее заставит смотреть на прошедшее, как на время ясного спокойствия».

В отличие от своих отца и деда, св. Мануил II Палеолог был яростным *турконенавистником* и до конца дней не мог забыть того унижения, которое испытал в качестве заложника у Османского султана. Правда, выдержанный человек и опытный дипломат, василевс всегда старался контролировать чувства. И, как мы увидим, не без результата выстраивал добрые отношения с окружением турецкого султана. Однако султан

Баязед отличался редкостным умением чувствовать людей, он всегда не доверял св. Мануилу, а поэтому в день смерти отца Палеолог все еще находился в качестве заложника в турецком лагере. Жизнь св. Мануила II полностью зависела в тот момент от настроений султана, и могла быть прервана по самому ничтожному поводу. Правда, он не стал спрашивать разрешения, а 7 марта 1391 г. самовольно бежал в Константинополь, где весной 1391 г. был венчан на царство.

Как рассказывают, султан Баязед был очень огорчен тем, что не успел *умертвить* императора, когда тот находился у него во дворце. Помимо прочего он был и возмущен тем, что его вассал *без разрешения* занял императорский трон. В отместку, демонстрируя свою силу и власть, султан направил в Константинополь турецкого кадия (судью) для разбора дел не только между мусульманами, проживавшими в византийской столице, но и их споров с христианами. Мотивировал Баязед свой поступок тем, что мусульманам не надлежит судиться у «неверных». А затем направил к св. Мануилу II Палеологу посла со словами: «Если ты хочешь исполнять мои приказы, затвори ворота Константинополя и царствуй внутри его. Все, что лежит вне города, принадлежит мне». И надо сказать, султан почти ничего не преувеличил в выражениях — от Византии к тому времени оставалась только слабая полоска вокруг столицы и несколько разрозненных областей.

Жестокосердный Баязед в последующем постоянно находил повод для того, чтобы личный раз унижить св. Мануила II. Когда император вместе с деспотом Мореи Феодором Палеологом воздвигли на Коринфском перешейке крепостную стену для защиты от латинян, султан вызвал к себе в ставку обоих правителей на суд. Он посчитал, что действия византийских правителей направлены против османов и должны быть квалифицированы как измена — и св. Мануил II и деспот Феодор являлись его вассалами. Если бы не содействие местного вельможи *Али-паши*, оба они пали бы от рук палачей, но им удалось бежать.

Понимая, что спасение Византии зависит исключительно от того, сумеет ли он поднять латинян на борьбу с османами, василевс прилагал для достижения этой цели титанические дипломатические усилия. Но все было напрасно. Наступила какая-то какофония, *всеобщее помешательство* — в то время как турки наступали, византийские правители самостоятельных областей и латиняне продолжали междоусобные войны, призывая османов на помощь.

Например, правительница Фессалоники *Елена Кантакузен* и местный архиепископ поспешили признать над собой власть султана, а Елена даже выдала Баязеду свою дочь в гарем. Неаполитанский король просил у султана помощи против венецианцев, захвативших остров

Корфу. А в 1387 г. флорентийцы захватили Афины. В Морее правил деспот *Феодор Палеолог*, схлестнувшийся с венецианцами из-за Аргоса. А архонт Монемвасии *Мамона*, опасаясь appetитов Морейского деспота, натравил на него османов. И эта вечная круговерть личных и мелких амбиций только многократно увеличивала мощь османов и, естественно, уменьшало шансы Римской империи на выживание.

Хотя царь желал в душе разделаться с османами, его обязанности вассала перед Баязедом никто не отменял. В 1391 г. он и Сербский князь *св. Стефан Лазаревич* (1398—1427) были направлены могущественным турком против его противника эмира Исфандияра. И, испытывая унижение и горечь в пути от разоренных и некогда богатейших византийских городов центральной части Малой Азии, *св. Маунил* писал домой скорбные письма. А когда в 1392 г. султан устроил морской поход на Синоп в Черное море, он вообще поставил во главе своего флота Византийского императора, что привело к конфликту с венецианцами, посчитавшими, будто *св. Мануил II* самостоятельно попытался напасть на их колонии. В ходе вынужденных переговоров по уточнению истинных целей похода, *василевсу* удалось несколько поправить отношения с республиканцами.

Поскольку в те годы Османский султан укреплял свое положение в Малой Азии, где все еще присутствовали самостоятельные сельджукские беи и эмиры, европейская часть подвергалась стихийным налетам его отдельных отрядов. И в целом казалось, что турки удовлетворятся половинчатыми успехами вассальной зависимостью европейских государей. Но когда Баязед взял в плен главного из них — эмира Караманских сельджуков, настал черед греков, сербов и болгар, а за ними — остальных европейцев.

Баязед вовсе не собирался отказываться от экспансивной политики своих предшественников и в течение ближайших 7 лет произвел несколько опустошительных походов. В 1393 г. он захватил столицу болгар Тырново, обороной которого руководил Болгарский патриарх *Евфимий*. В наказание за сопротивление султан приказал резать всех именитых людей города, а главный православный храм превратить в мечеть. Плененный патриарх был отправлен в ссылку. Так закрылась страница истории независимой Болгарии. Пройдя Болгарию, Баязед затем подчинил себе Валахию, его флот тем временем напал на Эвбею, а османские отряды попутно опустошили Фессалию и Морею. Передовые турецкие разъезды дошли до венгерской границы, но были отбиты войском короля *Сигизмунда Венгерского* (1387—1437).

В 1394 г. *св. Мануил II* в очередной раз едва избежал гибели, причиной которой могла стать измена его племянника — бывшего импе-

ратора Иоанна VII Палеолога, которому он предложил объединить усилия в борьбе против османов, а тот донес об этом Баязеду. Тот немедленно вызвал в Македонию, где находилась его ставка, всех христианских вассалов, в том числе, конечно, и Византийского императора. По счастью, на этот раз гибели удалось избежать — турок просто отчитал их за плохое, по его мнению, управление своими территориями.

Но весной этого же года султан блокировал Константинополь суши и с моря, вызвав в нем настоящий голод. Византийцы со страхом наблюдали, как на их глазах на противоположном берегу Босфора, вырастает *Анатолийская крепость* — ключ блокады. Венецианцы, с которыми император успел наладить отношения, присылали понемногу продовольствия в осажденную византийскую столицу. Однако этого было явно недостаточно. Положение было столь тяжелым, что латиняне полагали падение Константинополя неизбежным со дня на день. *Лично* уважая св. Мануила, они предоставили ему даже корабль для бегства; естественно, василевс отказался от этой услуги.

Спасла Византию безграничная энергия императора, не устававшего предпринимать меры по организации общехристианской коалиции против османов. Отправив очередное письмо папе, св. Мануил II понял, что толку от него не будет. И тогда он решился на то, что ранее казалось бессмысленным без Рима, — направить прямые послания к королевским дворам. Как ни странно, но этот шаг дал гораздо больший результат. В частности, послание царя к Венгерскому королю дало больше, чем годы переписок с Римом.

Впрочем, этот результат понятен: к тому времени турецкая угроза стала настолько реальной для государств Западной Европы, что Венгерский король Сигизмунд мгновенно солидаризировался с Византийским императором и сам выступил инициатором нового Крестового похода. Сигизмунд разослал просьбы ко всем монархам, и не без успеха. Правда, Франция, Англия, Польша и Германия выделили лишь по небольшому отряду рыцарей.

Но в целом получилось довольно боеспособное крестоносное войско, во главе которого стал сам Венгерский самодержец. Всего под его знаменами в 1396 г. находилось до 10 тыс. человек и грузовой флот для перевозки по Дунаю продовольствия. Эта неожиданная помощь пришла как нельзя вовремя: по-видимому, в противном случае Константинополь должен был неизбежно сдаться османам. Теперь же Баязед был вынужден свернуть осаду и срочным маршем направить свои войска против крестоносцев.

§2. Битва у Никополя и блокада Константинополя

Венгры с союзниками тем временем взяли город Видин, Рахов сам открыл им свои ворота, и лишь Никополь на 16 дней задержал их продвижение. Но навстречу латинянам уже двигался «молниеносный» Баязед с войском около 12 тыс. бойцов. В принципе силы были почти равны, крестоносцы даже имели известное преимущество за счет тяжеловооруженной рыцарской кавалерии. Но в отличие от турок, воля которых была сжата в железных руках султана, у крестоносцев единое руководство отсутствовало. И главенство Сигизмунда Венгерского являлось скорее *номинальным*. Король созвал военный совет, но французские рыцари потребовали уступить им право первой атаки и ничего не желали слышать о действиях остальных отрядов. Пока они спорили, янычары заняли удобные позиции на возвышенности южнее Никополя и окопались; остальные войска расположили на флангах и в засаде.

На рассвете 28 сентября 1396 г. французские рыцари начали атаку на позицию легкоконных стрелков турок, сипахов, но попали под контратаку янычар и почти все были перебиты. С присущим латинским рыцарям безумством, когда речь заходила о подчинении, все последующие отряды действовали по аналогичной схеме, не считая нужным согласовывать свои действия с Сигизмундом. В результате к полудню крестоносное войско было практически полностью уничтожено турками. Правда, и сами османы понесли большие потери — можно представить, насколько иным мог бы быть результат сражения, если бы крестоносцы действовали сообща. С большим трудом король Сигизмунд спасся морским путем. А раздосадованный большими потерями, Баязед приказал перерезать всех пленных христиан, и только некоторые наиболее знатные пленники получили право на выкуп в 200 тыс. золотых монет.

Покончив с крестоносцами, Баязед решил развить успех. Потрясенная разгромом у Никеи Европа увидела в скором времени турецкие конные отряды в Штирии, османы захватили Морею, и деспот Феодор Палеолог поспешил признать себя вассалом султана. Затем была опустошена Валахия и Фессалоники. Для Византии гибель крестоносцев грозила новой катастрофой, на этот раз практически неизбежной, поскольку турки вновь блокировали Константинополь. Баязед потребовал от святого царя сдать ему город, но получил отказ. Тогда османы начали методично опустошать и присоединять к своему султанату последние

оставшиеся греческие территории, еще принадлежащие Византийской империи. Не снимая, конечно, осады.

В осажденной византийской столице цена хлеба доходила до 20 золотых монет, и множество неприбранных трупов людей, скончавшихся от голода, валялось на улицах Константинополя. Практически не осталось воинов, способных держать в руках оружие и стоять на крепостных стенах. Но Баязед не торопился — он был уверен, что город падет и без штурма. Султан хвалился в своих посланиях царю, что после взятия Константинополя сделает из Св. Софии мечеть, а всех мужчин до 30 лет обрежет и обяжет принять ислам.

Обезумевшие константинопольцы, ожидая неминуемой гибели, обвиняли во всем императора св. Мануила II. Они даже хотели сместить царя и поставить вместо него бывшего василевса Иоанна VII Палеолога, который в это время проживал в ставке султана. Едва ли могут быть сомнения в том, что Иоанном VII Палеологом *играли* и сам он являлся заложником ситуации. Но, как полагают, в глубине души бывший василевс и нынешний претендент был не очень против нового царствования, надеясь после коронации каким-то хитрым способом избавиться от Баязеда. Скорее, это была наивная мечта, чем реальный план, свидетельствующая, однако, об отсутствии у Палеолога мыслей о предательстве родины.

И вновь император разослал послания о помощи во все христианские государства, включая далекую Москву. Особую надежду царь питал в отношении Французского короля, и его послание отличалось исключительной изысканностью. И действительно, Франция, состоявшая в смертельном противостоянии с Англией, нашла возможность выделить Византии отряд *маршала Бусико*, в состав которого вошли 1200 рыцарей самых знатных и аристократических семей. Сам маршал, человек необычайной храбрости, живая легенда французской армии, всю свою жизнь провел в далеких путешествиях и опасных походах. В 1396 г. Бусико принял участие в Крестовом походе Сигизмунда Венгерского, под Никополем был ранен и попал в плен, чудом избегнув смерти. Затем его выкупили, и теперь, услышав зов о помощи императора св. Мануила II, маршал с радостью возглавил отряд соотечественников.

Однако, как всегда, остальная помощь явно была неадекватна турецкой угрозе. Некоторые государи сочувственно приносили соболезнования, другие — выделили скромные денежные средства для греков. Наиболее существенные пожертвования были получены от Московского князя *Василия Дмитриевича* (1389—1425), но и он не мог помочь войсками.

Между тем Бусико с французами начал свой беспримерный поход к Константинополю. Заранее оповещенный об этом, султан Баязед попытался перекрыть ему проход через Дарданеллы, но французский флот пробился через ряды турецких судов и под восторженные крики византийцев в начале 1399 г. вошел в Босфор.

Объединив свои скромные силы с французами, св. Мануил деблокировал Константинополь, а затем совершил вместе с Бусико несколько очень удачных рейдов по азиатскому побережью и даже выходил с маленьким флотом в Черное море. К сожалению, эти *локальные* победы уже ничего не решали — денег не было, подвоз продовольствия в Константинополь был все равно затруднен. Да и французские рыцари не могли вечно оставаться в Византии — их задачей являлась кратковременная помощь грекам, а не перемена места жительства. Но и благородный маршал Бусико никак не желал оставлять своего союзника в одиночестве, а потому уговорил императора отправиться вместе с ним в Западную Европу, чтобы наглядно показать, как много может сделать соединенная сила нескольких христианских государей против мусульман. Делать было нечего, и василевс с неохотой согласился. В это время Иоанн VII Палеолог при помощи вездесущего маршала Бусико сумел бежать из ставки Баязета и вернуться в Константинополь, где состоялось окончательное примирение его с императором св. Мануилом II. Старый василевс настолько поверил племяннику, что оставил его управлять государством. А сам в конце 1399 г. двинулся с французами в путь, направившись для начала в Венецию.

§3. Заграничный вояж императора. Неожиданное спасение

Там св. Мануила ждал первый неуспех: венецианцы никогда не забывали о своих торговых интересах и неоднократно вступали в соглашения с султаном Баязедом по отдельным вопросам. Поэтому Республика не пожелала заключать публичный союз с греками, способный испортить их отношения с османами. Кроме того, сказалось вечное противостояние Генуя — Венеция, в котором византийцы часто вольно или невольно оказывались на стороне исконного врага венецианцев. Поразмыслив, Венеция отказала в помощи Византии.

Следующий путь императора лежал в Италию. Как и в Венеции, его пышно и торжественно встречали, глаза итальянцев горели от восторга (видимо, они еще помнили свою древнюю историю), но кроме общих

фраз и обещаний св. Мануил II Палеолог пока еще ничего не получил. Как полагают, отчаянность положения привела к полной готовности императора заключить унию, если бы ему кто-нибудь это предложил. Но в этот момент в Риме шла борьба между папой *Бонифацием IX* (1389—1404) и антипапой *Бенедиктом XIII* (1394—1423). По этой причине унию заключать было просто не с кем. Впрочем, по некоторым источникам, царь все же заезжал в Рим и имел аудиенцию у понтифика. Во всяком случае, в Париж, куда далее направился император, он приехал заметно ободренный и обнадеженный.

В столице Франции св. Мануила II Палеолога встречали великолепно. Несмотря на длившуюся Столетнюю войну и скудность государственной казны, король *Карл VI* (1380—1422) сделал все, чтобы достойно встретить «*императора греков*», как Византийского царя называли на Западе. 3 июня 1400 г., когда император св. Мануил II въехал на Шарантонский мост, его встречали сам Французский король со свитой, канцлер, президенты обеих палат Парижского парламента в сопровождении 500 депутатов, три кардинала и 2 тыс. конных парижан. Император, верхом на лошади, в белых шелковых одеждах, производил прекрасное впечатление на французов. Его приветствовали громкими криками на всем пути следования. После королевского пира его отвезли в Лувр, где разместили в прекрасных апартаментах.

Целых четыре месяца провел св. Мануил II в Париже и получил долгожданную помощь, хотя и в скромных размерах. Королевский совет дал разрешение сформировать отряд численностью 1200 рыцарей во главе с тем же маршалом Бусико, но более ничем помочь не смог. Дальнейшее пребывание во Франции становилось накладным. Хотя парижане и определили средства для содержания Римского василевса и его двора, но царь постоянно нуждался. Чтобы покрыть текущие расходы и собрать средства для нового Крестового похода, св. Мануил II Палеолог был вынужден продавать святыне мощи, находившиеся при нем. А его чиновник Хрисолор торговал папскими индульгенциями. Согласимся, жалкое зрелище для величественного императора тысячелетней Империи.

Из Парижа Палеолог отправился в Лондон, где его также обнадежили — видимо, Английский король *Генрих IV Болинброк* (1399—1413) не хотел отставать от «наихристианнейшего короля» Франции. Как и французы, англичане выказали большое уважение царскому сану св. Мануила, надеясь, что сбор средств даст приличную сумму денег Византийскому императору. По всей стране были установлены специальные деревянные ящики для приема денег, и всего набралось около 4 тыс. фунтов стерлингов. Византийцам были обещаны рыцари

и знаменитые английские лучники, о чем император св. Мануил II радостно и уведомил Константинополь в своем письме. Однако это помощь осталась на бумаге — сославшись на непредвиденные обстоятельства, Английский король вскоре фактически аннулировал свои обязательства. А собранные с таким трудом деньги... исчезли. Говорят, еще в 1426 г. парламент Англии создавал специальную комиссию для выяснения деталей хищения этих средств, но следствие не увенчалось успехом.

В начале 1401 г. василевс вернулся в Париж, где прожил еще около двух лет, все надеясь на то, что ему удастся в ходе личных встреч получить большую помощь от западных государей. Положение его было унижительным, и не случайно один современник так описывал европейское турне Византийского императора: «Я подумал, увидев его: насколько больно, что этот великий и далекий восточный христианский государь, побуждаемый насилием неверных, вынужден был посетить далекие западные острова, прося против них помощи. О, Боже! Что с тобой, прежняя римская слава? Великие деяния твоей Империи теперь разбиты; о тебе справедливо можно сказать изречение Иеремии: «Великий между народами князь над областями сделался данником» (Плач Иеремии, 1: 1). Кто когда-либо мог подумать, что ты, который, восседая обычно на престоле величия, управлял всем миром, дойдешь до такого унижения, что не будешь в состоянии оказать никакой помощи христианской вере!»

Пока император искал помощи на Западе, ситуация на Востоке резко изменилась, и османам Баязед I пришлось столкнуться с врагом, который ни в чем не уступал им в силе и численности, — татарами *Тамерлана* (1333—1405). Этот великий полководец и завоеватель многих стран родился неподалеку от Бухары. Уже с 12 лет Тамерлан вместе с отцом принимал участие в военных походах и овладел основами ислама, став ревностным мусульманином. Неизменно проявляя личное мужество и храбрость на поле боя, сопряженное с мудростью настоящего государя, Тамерлан сумел покорить узбеков, захватил Самарканд и разгромил своего главного врага хана *Тоглука*.

Сделав Самарканд своей столицей, Тамерлан организовал блестящее по своим способностям и подготовке войско *на постоянной основе*, вводя воинам жалованье. Не забывал татарский правитель и о технике, поэтому в составе его армии присутствовали метательные орудия и даже «греческий огонь». В 1378 г. Тамерлан подчинил себе Хорезм, затем Афганистан, Персию и Грузию. В 1389 г. он под современной Самарой разгромил татарского хана Тохтамыша, спустя десятилетие вторгся в Индию и покорил многие ее территории.

Решив, что Восток отныне принадлежит ему и его потомкам, Тамерлан решил захватить Малую Азию и Балканы. И пока Баязед предавался негам чувственных наслаждений и думал о захвате Константинополя, старый воитель захватил у него Сирию и Месопотамию. В одном из сражений 1395 г. погиб сын Баязеда, являвшийся правителем провинции. Развязка противостояния турок с татарами стала неизбежной, и в мае 1402 г. врага встретились у Анкары. Это было *божественно вовремя*, поскольку в этот самый момент султан Баязед опять осаждал Константинополь. Но к нему явился посол Тамерлана с требованием немедленно снять осаду и вернуть христианскому императору все ранее захваченные земли. Баязед отправил не менее оскорбительный по тону и содержанию ответ, и столкновение стало неизбежным.

Это требование может вызвать удивление, если не знать, что еще в начале 1401 г., узнав о продвижении Тамерлана, император тайно от османов направил к нему послов для переговоров. Взамен сохранения вассальных отношений, но уже с Тамерланом, св. Мануил II обязался помогать татарам в грядущей войне с турками и выставить 20 судов для нападения на османское побережье. В свою очередь, татары получили повод заявить османам, что нападают не просто так, а защищая права своего союзника и вассала.

Татары почти вдвое превосходили османов и их союзников (200 тыс. против 120 тыс.), а потому Тамерлан начал сражение атакой своей кавалерии. Янычары, занимавшие центр позиции, и сербские рыцари, расположенные на левом фланге, отбили атаки татар, но правое крыло, которым командовал сын Баязеда Сулейман, дрогнуло. Тамерлан пустил в дело резерв и войска второй линии, и турки побежали. Янычары были почти полностью перебиты, сербы с тяжелыми потерями умудрились прорваться, остальные османы погибли на поле боя. Сам султан Баязед попал в плен и чуть позднее умер, не вынеся позора поражения. Его сын Сулейман с большим трудом успел запрыгнуть на корабль и спастись бегством.

Пленного Баязеда поместили в железную клетку, но это было только началом позора. Его дочь была отдана в гарем внуку Тамерлана, и пока султан, раздираемый муками бессильной ярости, оканчивал дни в клетке, татары опустошали Малую Азию. Они захватили Смирну, разрушили Бурсу, колыбель османского величия, и новый Османский султан *Сулейман* (1402—1410) униженно просил о мире из далекой Румелии, куда он бежал. В общем, после Анкарской битвы турецкой армии более не существовало. Более того, власть Сулеймана признали только

балканские владения турок. В Бурсе правил его брат *Иса*, а в Анатолии — *Мехмед*. Единой власти у османов в ту пору не было.

Это было какое-то *чудо*, настоящий Божий промысел, что «Бич Божий», как называли Тамерлана враги, разгромил османов, но не тронул Константинополь. Ведь забыть прежние договоренности — не так уж сложно. Но здесь также сыграл свою роль «счастливый случай». Разгромив турок, Тамерлан вполне удовлетворился тем, что византийцы принесли ему вассальную присягу. Кроме того, он не имел флота, а попытка взять Константинополь с суши была чревата многими проблемами и серьезной потерей времени. А «повелитель Вселенной» уже задумал поход на Китай, и потому вскоре вернулся с войском в Самарканд.

И на этот раз успех Византии в превратностях войны решили мудрые предупредительные действия василевса. Однако после битвы у Анкары царь не спешил с выполнением своих обязательств по отношению к Тамерлану, напротив, даже помогая султану Сулейману. Император прекрасно понимал, что татары вскоре уйдут, а турки вспомнят о коварстве греков и об их помощи Тамерлану.

По крайней мере, на некоторое время опасность для Византии миновала. И этим счастливым периодом необходимо было срочно воспользоваться. Поэтому св. Мануил II Палеолог срочно оставил Париж и направился в Константинополь, куда прибыл через два с половиной месяца, в начале 1403 г. Города, через которые следовал василевс, приветствовали его как героя. В отсутствие Тамерлана можно было ожидать скорой активности османов, силы которых были, конечно, далеко не исчерпаны битвой при Анкаре. По счастью, султан Сулейман не отличался воинственным характером своего отца. Он был довольно дружелюбен и однажды даже посетил Константинополь с дружеским визитом.

Толерантный и благодушный, предпочитавший дипломатические переговоры военным сражениям, он собрал в начале 1403 г. своих вассалов и предложил им переподписать мирные договоры. Договор с Византийской империей был чрезвычайно выгоден грекам: они освобождались от вассальной присяги и от обязательств выплаты дани, им возвращались Фессалоники с окрестностями, включая Афонскую гору, Черноморское побережье от Варны до Босфора и несколько островов в Эгейском море. Все пленные византийцы безвозмездно получали свободу, а турецким кораблям запрещалось входить в гавани Константинополя без разрешения императора. За это султан просил только оставить за ним Фракию и Адрианополь.

Нет слов, условия были более чем выгодными для греков, но такая уступчивость султана может быть объяснена не только его миролюбием, но и тем, что после поражения от татар османы будут восстанавливать свои силы около 20 лет. Отсюда и столь удивительное миролюбие. Почувствовав прилив сил, св. Мануил II решился на то, чтобы вообще изнать османских купцов из Константинополя и даже разрушил мечеть, построенную незадолго перед тем в его столице.

Используя короткие дни мира, император начал деятельно восстанавливать государственное управление и закрывать финансовые прорехи. К несчастью, круг его возможностей был очень невелик — фактически он вынужденно принимал те условия, которые ему *диктовали* сильные соседи. В 1406 г. венецианцы заключили с Константинополем договор, согласно которому св. Мануил II обязывался выплатить им долг в размере 16 тыс. золотых монет, предоставить торговые привилегии, а взамен республиканцы всего лишь отказывались от прав на недвижимость в столице, если та считалась освобожденной от налогов. Море и так уже почти принадлежало им. Венецианцы сумели восстановить свои права на остров Корфу, заняли Навпакт, Дурацию, оккупировали Албанию и даже попытались свести счеты с Мореей. Ни о какой безвозмездной помощи Византии венецианцы даже и не думали, словно турецкая угроза канула в Лету.

Но она вскоре дала о себе знать. Игривый сибарит, султан Сулейман не долго удерживал за собой власть. Его грозный брат Иса, жаждавший султанского трона, выступил против своего владыки, но у стен Константинополя был разбит. Но следующее нападение, случившееся в 1409 г., стало смертельным для Сулеймана. С воцарением *Исы* (1411—1413) все круто изменилось. При нем османы в короткое время разгромили Сербию и Болгарию, Фессалию и Виотию, осадили Фессалоники и Константинополь. Правда, у Принцевых островов византийский флот сумел нанести туркам поражение, но это был разовый успех.

§4. Дружба с султаном. Последние годы мира

Едва ли этому железному натиску можно было что-то противопоставить. Но тут внезапно против султана поднялся его брат Мехмед по прозвищу Челеби, что равносильно «*джентльмен*», с которым император св. Мануил II тут же вступил в союзный договор; к ним присоединились сербы. В битве при Чамурли в 1413 г. Иса был разбит и погиб на поле

брани, а *Мехмед* (1413—1421) стал очередным Османским султаном. Для Византии наступило долгожданное спасение — плод императорских рук и его мудрой дипломатии.

Отношения между новым султаном и василевсом сложились самые теплые. Мехмед называл св. Мануила II «своим отцом» — император действительно был уже очень немолод, подтвердил за Византией права на Фессалоники и Юго-Восточную Фракию, а всем независимым правителям в Греции обещал твердый мир. Только Венеция, пренебрегшая помощью Магомету во время войны с Муссой, оказалась обиженной вниманием.

Наступили мирные и спокойные дни — *первые* за последние полстолетия. Святой Мануил II решил объехать все свои владения и постараться вдохнуть в них жизнь. Не спеша император посетил Фасос, Фессалоники, Эвбею и Морею, восстанавливая повсеместно порядок и приводя к ответственности местных правителей и чиновников. В 1415 г., когда император пребывал в Фессалониках, там умер бывший василевс Иоанн VII Палеолог. На его место царь поставил своего сына *Андроника Палеолога*, но и тот вскоре умрет в молодом возрасте.

На Коринфском перешейке император за два месяца восстановил стену — император и его ближнее окружение надеялись найти там приют в случае падения Константинополя. Почти два года василевс провел в Морее, восстанавливая эту область и наводя порядок. Старых чиновников, которыми было недовольно население, он освободил от должностей и отправил для суда в столицу. С латинянами заключил мирные договоры, а старого врага Кентуриона Цаккариа заставил признать себя сюзереном.

Хотя после императора Михаила VIII Палеолога никто из Римских царей всерьез не пытался навязать церковную унию, контакты между обеими Церквями продолжались, что следует отнести исключительно к инициативе Византийских царей. Не стал исключением и св. Мануил II Палеолог. Уже на Соборе в Константе в 1414 г. присутствовал 21 представитель императора и Константинопольского патриарха. А в 1415 г. посол императора св. Мануила II Эвдемон, примкнувший к византийской делегации на Соборе в Константе, по прямому поручению царя обсуждал с Римской курией вопрос об унии. В ответ василевс в 1418 г. получил благосклонное послание папы *Мартина V* (1417—1431), в котором понтифик предлагал обсудить вопрос об унии еще раз. Царь не остался безучастным и в том же году направил от себя и патриарха новое посольство с предложением созвать новый Вселенский Собор, но обязательно в Константинополе.

Как и все Палеологи, св. Мануил вовсе не отрицал возможности унии с Римом, хотя и не торопил события. Для него, как, впрочем, и его предшественников, уния являлась средством получения помощи Запада. Не случайно своему сыну он давал такой наказ: «Всякий раз, когда турки начнут нас тревожить, сразу же отправляй посольства на Запад, предлагай заключить союз и как можно дольше затягивай переговоры. Турки настолько боятся этого союза, что образумятся. И все же союз не будет заключен, поскольку латинские народы враждебны к нам».

К слову сказать, 1418 г. был богат на события. В этом году Константинополь опять посетила чума, унесшая множество жизней, включая представителей царственной семьи и сына султана Баязеда *Юсуфа*. Этот юноша, некогда отправленный в византийскую столицу в качестве заложника, жил в царском дворце и воспитывался вместе с царевичем *Иоанном Палеологом*. Он быстро приобщился к христианской культуре и принял крещение с именем Дмитрий. Это случилось во время эпидемии чумы, буквально накануне смерти царевича, крестным отцом которого стал сам св. Мануил II. Похоронили его в Студийском монастыре.

Надежды на скорую помощь со стороны Запада и годы мира оживили культурную жизнь Византии. Как будто старое время византийской пышности на миг вернулось в XV столетие. Двор св. Мануила II блистал литературными талантами и философами, ученые готовили и представляли василевсу докладные записки с предложениями об устройении Пелопоннеса. Кипели диспуты, оживилась хозяйственная и финансовая жизнь. Казалось, протянись это время еще немного, и Римская империя, как и раньше, восстановит свои увядающие силы. И в самом Константинополе разом все изменилось. Женщины из знатных семей покровительствовали наукам и заботились о чистоте греческого языка. Иностранцы любили направлять своих детей в византийскую столицу для получения образования и первого «выхода в свет». Конечно, в народных массах чувствовалась обреченность, но и здесь особым шиком считалось подчеркнуть свою ортодоксию, *строгое Православие*.

Увы, этот короткий миг счастья завершился со смертью в 1421 г. Османского султана Мехмеда. Их отношения с василевсом оставались доверительными до последнего дня, и, уже отходя в другой мир, султан поручил своих младших сыновей св. Мануилу II, опасаясь, что его преемник заберет их жизни.

С началом правления султана *Мурата II* (1421—1444) отношения между византийцами и турками резко обострились. Престарелый импе-

ратор уже почти отошел от дел, передав бразды правления своему сыну *Иоанну Палеологу*. А тот быстро испортил отношения с Мурадом II, поддержав его брата Мустафу, когда у турок завязалась междоусобная война. На самом деле это была грубая ошибка. По своему характеру Мурад II мало чем отличался от Магомета и, как говорят, являясь членом тайного ордена дервишей, мечтал посвятить себя духовному служению. Но, поскольку обстоятельства требовали его участия в управлении государством, он был вынужден пресечь некоторые опасности. К одной из них относились происки второго претендента на султанский трон, брата Мустафы. Мурад II пожаловался императору св. Мануилу Палеологу на то, что в Константинополе тайно поддерживают мятежника. И предлагал василевсу сохранить те дружеские отношения, какие были между царем и его отцом.

Но тут вмешался молодой Иоанн Палеолог, убедивший отца в том, что Мурад II не удержит власти, да и вообще очень выгодно раздуть у османов пожар междоусобной войны. Ответ Иоанна Палеолога потряс и оскорбил султана — тот, проигнорировав вопрос о помощи Мустафы, потребовал от султана прислать в Константинополь в качестве заложников двух его братьев. Естественно, султан ответил отказом, но дерзость запомнил. Покончив с мятежниками, Мурад II в 1422 г. осадил Константинополь.

Конечно, турецкое войско было еще не настолько сильно, чтобы захватить столь сильно укрепленный город, как Константинополь. Но являло собой грозную мощь — 10 тыс. турок, вооруженных пушками. Мнительный, как все восточные люди, султан желал захватить византийскую столицу именно 24 августа — один дервиш предсказал ему эту дату как день гибели Византийской империи. И в этот день османы пошли на штурм, загревели пушечные выстрелы, небо закрыли летящие на город стрелы. Византийцы яростно отбили штурм врагов, надеясь только на помощь Богородицы и на себя. Сам наследник престола Иоанн Палеолог стоял в первых рядах сражающихся у ворот Романа. В конце концов штурм удалось отбить, и турки отступили. Как рассказывали очевидцы, в самый разгар боя на крепостных стенах появилась *Пресвятая Богородица*, внесшая невероятную радость в сердца защитников Константинополя и страх в души османов. Ромеи, утомленные боем, прыгали от радости, хлопали в ладоши и воспевали псалмы. Штурм захлебнулся, и вернувшиеся в лагерь турки под клятвой подтверждали султану реальность произошедшего события.

Окончательно сорвал планы султана император, умудрившийся в разгар осады организовать заговор в турецком тылу с целью посадить

султаном брата Мурада II Мустафу. И на следующий день после штурма Мурад II получил известия о том, что за его спиной разгорелось восстание. Султан срочно снялся с войском из лагеря и отправился воевать с братом. К началу 1423 г. он одолел Мустафу и приказал задушить его тетивой от лука. Константинополь опять уцелел. Правда, другие отряды турок проникли на юг Пелопоннеса, разрушив оборонительные сооружения византийцев на Коринфском перешейке, и произвели страшный разгром Мореи.

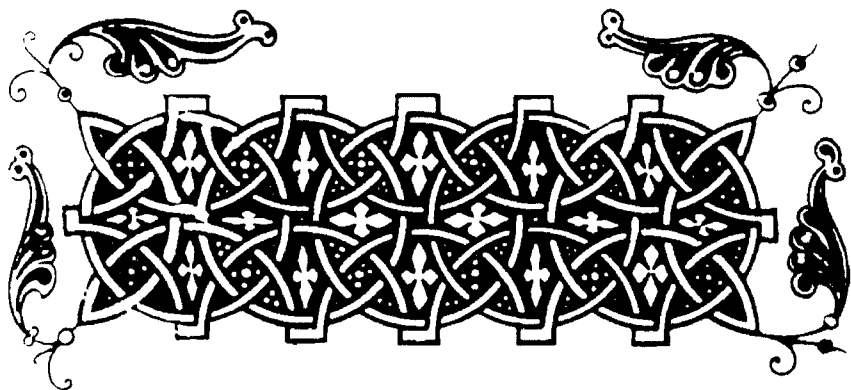
В 1423 г. пришлось решать судьбу Фессалоник, осаждаемых турецким полководцем Турханбеем. У Империи не осталось никаких сил, чтобы помочь Фессалоникам, и пришлось продать второй по величине город Византии венецианцам за 50 тыс. золотых монет. В это же время в Эфес, где располагалась ставка султана Мурада II, прибыли с просьбой подтвердить мир византийские послы. Подумав, осман согласился заключить мирный договор, но на очень тяжелых условиях. Кроме Константинополя у Византии остались всего лишь ближайшие к Черному морю города: Деркос, Анхиал, Месемврия.

Из всей Фессалии Империи теперь принадлежала только крепость Зейтун, да и то потому, что османы никак не могли ее захватить. Кроме всего прочего, ежегодно император обязался выплачивать османам 300 тыс. аспров. Теперь уже не св. Мануил II, а его сын, венчаный еще в 1421 г. императором *Иоанном VIII Палеологом* (1425—1448), должен был решать эту проблему. Чтобы покрыть эту сумму, Иоанн VIII Палеолог отправился в Венецию, Милан, Рим и Венгрию, где продал последние фамильные драгоценности и выслушал очередную лекцию о необходимости заключить унию. По возвращении он застал своего царственного отца совершенно больным.

Наставляя сына и передавая ему свой опыт, василевс так говорил об унии: «Сын мой, определенно и достоверно известно нам от самих нечестивых, что их очень пугает, как бы мы не договорились и не объединились с франками, ибо они думают, что если это произойдет, то им будет причинено из-за нас большое зло христианами Запада. Так вот о соборе: пекись и хлопочи о нем, и особенно тогда, когда тебе необходимо запугать нечестивых. Но не предпринимай ничего для того, чтобы осуществить его, потому что я не вижу, чтобы наши были способны найти какой-нибудь способ объединения, мира и единодушия, но они стремятся тех обратить к тому, чтобы мы стали как прежде. А поскольку это почти невозможно, боюсь, как бы не произошла еще худшая схизма — и тогда мы раскрылись перед нечестивыми».

Незадолго перед смертью, в 1423 г., св. Мануил II Палеолог оставил трон, принял монашеский постриг под именем *Матфей*, а 21 июля 1425 г. скончался в монастыре Пантократора. Его провожала в последний путь громадная толпа народа, безутешного в своем горе. По словам современника, ни при одном предыдущем погребении императора не сходились столько людей. Вдовствующая супруга Византийская императрица Елена Драгаш, в монашестве *св. Ипомония*, проживет еще долго и скончается 23 марта 1450 г., немного не дожив до самой страшной и трагичной минуты в истории Римской империи. Византийская империя умирала, рождая напоследок *святых*...

Глава 16.

ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ КОНСТАНТИН XI ПАЛЕОЛОГ (1448—1453)

§1. Последний царь

6 июля 1439 г. во Флоренции, как результат Ферраро-Флорентийского Собора, был подписан акт унии. В заключительном виде текст документа включал в себя главное, чего добивались латиняне: *Filioque* и главенство папы в Кафолической Церкви. В виде компромисса латиняне опустили «чистилище», которое не признавали восточные богословы, согласились с тем, что и квасной хлеб и опресноки одинаково допустимы, а также подтвердили старые права и привилегии всех патриарших кафедр, включая, разумеется, Константинопольскую.

Однако уния была категорически отвергнута в Константинополе большинством епископата, что подорвало последние надежды императора на союз с Западом против турок-османов. От огорчения, потери любимой жены Марии и старости император *Иоанн VIII Палеолог* (1425—1448), связывавший с Собором столько надежд, скончался, причем умер бездетным — обстоятельство, осложнившее отношения между его братьями.

К тому времени их оставалось трое: Фома, Димитрий и св. Константин. Димитрий отличался нервным и вспыльчивым характером, был очень честолюбив и непостоянен в слове. Еще в 1442 г. он поднял

мятеж против своего царственного брата под знаменем ортодоксии, но был разбит. После чего получил в надел Селимврию, где и проживал последние годы. Фома отличался большей терпимостью и порядочностью, но имел слабый характер. Женатый на наследнице последнего франкского герцога Ахайи *Катерине Заккарии*, он получил в управление земли, принадлежавшие этой семье. Фома почти не играл никакой политической роли и являлся горячим другом и сторонником своего брата св. Константина.

Наконец, третий брат, св. *Константин Палеолог*, родился 8 февраля 1404 г. и еще молодым человеком получил в надел Селимврию. На момент смерти царя Иоанна VIII ему исполнилось 45 лет. Он был высоким, стройным и не лишенным красоты мужчиной со строгими и правильными чертами лица. В отличие от своего царственного брата св. Константин не проявлял особого интереса к науке и богословию, хотя имел прекрасное образование, полученное еще в детстве и юности. Великодушный и терпеливый, *человек чести*, он был цельным и крайне щепетильным при выборе средств при достижении целей.

Красноречивый и умный, коммуникабельный и открытый, св. Константин был быстр в решениях и обладал незаурядными аналитическими способностями. У царя св. Константина были возможности еще раньше покинуть отечество и поселиться на Западе, проживая дни в достатке и спокойствии. Но наш герой был храбр и отважен и не мыслил жизни без родины. О нем говорили, что св. Константин умеет вызывать восхищение собой и почти абсолютное доверие. Один итальянец отозвался о нем, еще юноше, как человеке «благочестивом и возвышенного ума». Неудивительно, что он оставался во главе Империи, когда Иоанн VIII находился в Италии на Ферраро-Флорентийском Соборе. И уже тогда старший из братьев снискал уважение как хороший администратор и умелый полководец.

Еще в марте 1428 г. св. Константин женился на *Магдалене*, племяннице правителя Эпира князя *Карла Токко*, владевшего землями в Западной Греции. И хотя его супруга вскоре скончалась, св. Константин сумел сохранить за собой земли, переданные ей по наследству. В 1441 г. он решил вступить во второй брак — на этот раз с *Катериной*, дочерью правителя острова Лесбос *Дорино Гаттилузи*, генуэзца. К сожалению, через год его вторая супруга также скончалась, и вновь встал вопрос о женитьбе. Святой Константин сделал несколько попыток посватать латинских «дам света» и принцесс Трапезунда, но получал неизменный отказ — Римская империя была к тому времени настолько слаба, что никто не хотел выдавать свою дочь за «политического покойника».

Обладая смелым и решительным характером, св. Константин не желал мириться с фактом исчезновения Византии, а задумал постепенно восстановить имперские владения, начав с Греции. И после ряда удачных операций и компромиссов, с братом Феодором он сумел отвоевать почти весь Пелопоннес, став деспотом Мистры. В 1444 г. св. Константин предпринял ряд походов для освобождения Беотии и Аттики, но после удачных сражений в 1446 г. потерпел поражение от войск султана Мурада II, которого призвал на помощь Афинский герцог *Неррио II*. Тем не менее св. Константину удалось победить герцога и обязать того признать свою вассальную зависимость. Затем он двинулся на север, призывая греков подняться за свою свободу, возбудил благородные чувства у фессалийских валахов и албанцев и занял Цейтун, Лидорику и многие другие местности. Летом 1444 г. султан был вынужден заключить со св. Константином договор, согласно которому византийскому принцу отошли Сербия, Герцеговина и Валахия. Этот громкий успех мог иметь большие последствия, но вскоре Крестовый поход, оказавший такое серьезное влияние на расстановку сил, закончился для христиан страшным поражением.

Помимо этого успехам св. Константина Палеолога сильно препятствовали постоянные размолвки с братом Димитрием. Однажды едва не дошло до открытого столкновения, но императора Иоанн VIII, сумел примирить братьев, вызвал св. Константина в Константинополь, а Димитрию отдал Селимврию.

В день смерти императора Иоанна VIII св. Константин находился в Мистре, его брат Фома — в Константинополе, а Димитрий — в Селимврии. Димитрий и св. Константин *одновременно* предъявили права на власть, но все решили два обстоятельства: Фома Палеолог, ставший на сторону св. Константина, и престарелая бывшая императрица Елена, ныне монахиня св. Ипомония, к которой по сложившейся традиции перешли права на царство. И она без раздумий передала власть старшему сыну св. Константину. Общественное мнение поддержало ее. Димитрий не стал упорствовать и признал власть старшего брата, а султан Мурад II, к которому было отправлено специальное посольство, благосклонно разрешил св. Константину принять власть. Два высших имперских сановника — Алексей Ласкарис Филантропин и Мануил Палеолог Иагрос — отправились в Мистру, где 6 января 1449 г. местный митрополит короновал *св. Константина XI Палеолога* царским венцом.

Это был *единственный* случай, когда коронация совершилась не Константинопольским патриархом, а местным архиереем, к тому же не в столице, а на периферии. Объяснение заключается в том, что «Вселенский патриарх» *Георгий Маммас* (1443—1453) бойкотировался

большинством священства столицы, да и обстоятельства вынуждали провести венчание на царство в максимально короткие сроки, дабы Димитрий не соблазнился на новое волнение. Оскудение казны было таково, что у императора не хватило средств для проезда в Константинополь. Пришлось сквозь стыд просить каталонцев и на их судне добираться в столицу.

Видимо, св. Константин XI был давно известен своими добродетелями, поскольку его въезд в Новый Рим 12 марта 1449 г. был встречен радостными криками константинопольцев. В торжественной обстановке оба брата царя Димитрий и Фома присягнули ему в верности и были назначены одновременно деспотами Мореи, куда тотчас и убыли. После этого св. Константин XI мог считаться полновластным императором Византии. Надо признать, василевса откровенно беспокоило существенное отклонение от древней традиции венчания на царство. Но едва ли св. Константин XI желал повторить венчание: его склонность к унии с Римом никогда не являлась тайной, но патриарх Георгий Маммас, убежденный униат, в таком случае непременно потребовал бы от царя латинской редакции Символа Веры в письменном виде. Едва ли могут быть сомнения в том, что такой поворот вызвал бы крайне негативную реакцию константинопольцев. Поэтому св. Константин XI удовлетворился *«полутрадицией»*, если можно так выразиться. Не случайно его враги из лагеря ортодоксов впоследствии говорили, что в Константинополе нет ни законного императора, ни патриарха.

В отличие от своего покойного брата-императора св. Константин XI вовсе не считал дело Византии безнадежно проигранным. А потому деятельно взялся за разрешение двух самых насущных проблем — спасения Византии и преодоления церковного раскола, обусловленного разной оценкой Ферраро-Флорентийской унии. Чтобы не вызывать кривотолков, василевс разумно начал формировать правительство из представителей *обеих* партий. Иоанн Кантакузен, близкий друг и товарищ царя, активный сторонник унии, был назначен стратопедархом. Адмирал флота мегадук Лука Нотарас, мягкий антиуниат, стал первым министром двора. Великий логофет Метохит, протостратор Димитрий Кантакузен и Георгий Франдзис целиком полагались на решение василевса, будучи готовыми поддержать его позицию. Недовольным остался только Константинопольский патриарх Георгий Маммас, посчитавший, что император недостаточно активно поддерживает его. Терзаемый честолюбием и обидой, он покинул столицу и в августе 1451 г. отправился в Рим, где нашел убежище у папы *Николая V* (1447—1455). Там он начал широкую контрпропаганду, заявляя, что в действительности император является категоричным противником унии — явная ложь.

§2. Убийца Византии

Тем временем произошло событие, резко изменившее ход истории и предопределившее грядущую катастрофу, — 2 февраля 1451 г. от инсульта скончался Османский султан Мурад II. Новым правителем османов стал его сын 19-летний *Мехмед II* (1451—1481), родившийся 30 марта 1432 г. Детство Мехмеда II было безрадостным. Он был рожден простой наложницей-турчанкой, и отец мало обращал внимания на младшего сына. Впрочем, по другой версии, его мать была рабыней с Запада, возможно, сербиянкой или македонянкой. В любом случае, как утверждают, она являлась христианкой.

Отец откровенно не любил сына, но в 11 лет Мехмед внезапно для себя и окружающих стал наследником престола — оба его старших брата умерли. Мурад II призвал Мехмеда во дворец и, обнаружив, что мальчик совершенно необразован, недовольно приказал нанять для него лучших учителей. В результате Мехмед получил прекрасное образование, изучил греческую и турецкую литературу, овладел греческим, арабским, латинским персидским и древнееврейским языками и стал настоящим *фанатиком ислама*. Хотя отец по-прежнему недолюбливал сына, в последние годы их часто видели вместе: Мурад II явственно передавал бразды правления Турецкой империей Мехмеду II.

Надо сказать, первоначально очень не многие поняли, какую опасность представляет собой этот царственный юноша. Мусульманин до мозга костей, ненавидевший всех христиан, честолюбивый и безжалостный, этакий «европейски образованный азиат», Мехмед II не знал никаких нравственных преград для достижения поставленных целей. Правда, вдову отца, сербскую царевну Мару, он отпустил на родину, наделив богатыми подарками. Невысокого роста, красивой наружности и крепкого телосложения, с пронзительным взглядом, тонкими бровями и носом, он производил сильное впечатление на собеседников. Пожалуй, единственной пагубной чертой Мехмеда II являлось пьянство — он был прирожденным алкоголиком. Чрезвычайно закрытый и недоверчивый, султан Мехмед II никогда не позволял никому проникнуть в свои мысли. Этот человек был способен на многое, но это понял, наверное, в тот момент только император св. Константин XI.

Еще с юных лет Мехмед увлекся историческими образами завоевателей мира. Особенно привлекательным для него являлся Александр Македонский, который по странному стечению обстоятельств в персидском и турецком эпосах превратился в героя-мусульманина. И Мехмед в душе *идентифицировал* себя с Александром Македонским, лелея

мечту стать героем, воителем-гази, обязанным по воле Аллаха завоевать весь мир. Только если Александр Македонский шел с Запада на Восток, то Мехмед должен был сделать свой путь с Востока на Запад. На средоточии его мечты лежал Константинополь — ключ к дальнейшим завоеваниям и живое напоминание о том, что кроме самого Мехмеда есть на свете и другая сила, с которой следует считаться. Сила пусть и не военная, но *культурная*, древняя, по сравнению с которой все и вся оказываются в лучшем случае на втором месте. А вторым Мехмед II быть не желал.

Почти все европейские правители и правительства не восприняли всерьез юного Мехмеда II. Трапезундский император *Иоанн IV* (1447—1454) был откровенно счастлив смерти Мурада II. Европейские послы при султанском дворе наперебой рассказывали друг другу, насколько неуверенно чувствовал себя новый османский владыка в период временной добровольной отставки отца до битвы при Варне.

Все лето Мехмед II принимал послов, демонстрируя невиданное миролюбие. Венецианцам он даровал мирный договор, венграм подарил три года перемирия, рыцарей Родоса, господаря Валахии, властителя Лесбоса и правителя Хиоса заверил в доброй воле. Даже послам императора св. Константина XI султан заявил, что никогда не посягнет на Константинополь и территориальную целостность Византийской империи, и пообещал выплачивать 3 тыс. монет из дохода некоторых греческих городов Нижней Струмы. Знаменитая Афонская гора получила такие же уверения в неприкосновенности и сохранении монашеской автономии. Западная Европа, не забывшая еще позора Никополя и Варны, старательно уверила себя, что новый султан — хранитель мира, а потому волноваться не стоит.

Но Византийский царь не дал себя обмануть. Император полагал, что в душе покойный султан Мурад II был, как ни странно это звучит, миролюбивым и спокойным человеком. «Он всегда соблюдал договоры с христианами, крепленные священной клятвой. Гнев его был краток и скоро проходил. Он отвратился от войны и предпочел мир, и по этой причине Отец мира послал ему в награду мирную кончину, и жизнь его не прервал удар меча».

Василевс понял, что творится в душе Мехмеда II. Под маской миролюбия он обнаружил жадное стремление султана подчинить себе весь мир и предпринял первые предупредительные шаги. Уже летом 1451 г. царь направил в Европу своего посла Андроника Вриенния Леонтариса с поручением нанять в византийскую армию знаменитых критских лучников. Затем посол отправился в Рим к папе Николаю V. Святой Константин XI предоставил папе выписку из по-

становления *Синаксиса* — собрания восточных архиереев, на котором по естественным причинам не присутствовал патриарх Георгий Маммас, где выражались сомнения в возможности исполнения унияльных обязательств. Ввиду крайнего нежелания греков присоединиться к Ферраро-Флорентийскому оросу Синаксис предлагал созвать еще один Вселенский Собор, но уже в Константинополе. Таким способом император загодя рассчитывал завоевать доверие и расположение нового понтифика, чтобы следующим шагом попросить его о военной помощи Византии.

Возможно, при иных обстоятельствах просьба могла бы быть рассмотрена более благосклонно, но в Риме как раз пребывал Георгий Маммас, уехавший из Константинополя в августе 1451 г., рассказы которого о «лживом» василевсе убедили папу только в том, что византийское правительство *сознательно* обманывает Римскую курию и не исполняет своих обязательств. Он ответил императору в том духе, что тому следует предпринять более жесткие меры к «схизматикам», отрицавшим Ферраро-Флорентийский собор, и присылать их в Рим на перевоспитание. «Если вы с вашими знатными людьми и народом Константинополя, — закончил апостолик свое письмо, — примете акт об унии, то найдете в нашем лице и лице наших досточтимых братьев, кардиналов святой Римской церкви, тех, кто всегда будет поддерживать вашу честь и вашу Империю. Но если вы и ваш народ откажется принять этот акт, вы принудите нас прибегнуть к таким мерам, какие мы сочтем необходимыми для вашего спасения и сохранения вашей чести». Удивительный по своей бестактности и политической близорукости *ультиматум*, ставящий точку на всех возможных компромиссах. Не случайно такой взвешенный и вдумчивый человек, как первый министр Лука Нотарос, в сердцах сказал после этой бестактности, что предпочитает турецкий тюбан кардинальской шапке.

Были сделаны попытки напрямую обратиться к европейским дворянам, но безуспешно. Германский император *Фридрих III Габсбург* (1415—1493) думал только о своей коронации, Англия и Франция отходили от опустошительной Столетней войны. Неаполитанский король *Альфонс V Арагонский* (1435—1458) заявил о своем желании выступить в поход на неверных, но при этом открыто заявлял, что сделает это в обмен на достоинство императора Константинополя. Трапезундская империя едва сдерживала свои границы от постоянных набегов османов, Венеция и Генуя не собирались воевать с Мехмедом II. Круг замкнулся.

В это время сановник императора, деятельный Георгий Сфрандзи, придумал блестящий ход, едва не позволивший обеспечить мир

с османами. Он предложил императору жениться на вдове покойного Мурада II сербиянке Маре — еще привлекательной и очень богатой женщине, обладавшей громадным авторитетом у турок и имевшей широкие связи и влияние при султанском дворце. Святой Константин XI долго сомневался, спрашивал мнение друзей и сановников, а потом дал свое согласие, хотя и без особой охоты. Но султанша сама ответила отказом, уведомив, что после смерти мужа решила вести благочестивую жизнь и дала обет никогда не выходить замуж. Императору пришлось остаться холостяком до конца своих дней. Наследника у него также не было.

Мирные дни завершились очень быстро. Уже осенью 1451 г. Мехмед II наглядно показал Караманскому эмиру *Ибрагим-бею*, что не является «мальчиком для битья». Тот по наивности решил поднять мятеж против нового султана османов и привлек к нему правителей недавно завоеванных турками эмиратов Айдына, Гермияна и Ментеше. Сообща они отправили Мехмеду II требование вернуть им их земли, а в это же время вторглись на земли Османской империи. Однако тот быстро подавил мятеж, а попутно быстро и без лишних слов прекратил брожения в полках янычаров, недовольных правлением «мальчишки». Попутно Мехмед II без тени смущения или скорби приказал умертвить последнего сына своего покойного отца — малолетнего крошку Ахмеда. Европейски образованный деспот и хладнокровный убийца, садист и бисексуал, никогда не прощавший обид, но в то же время благочестивый мусульманин, Мехмед II не позволял допустить даже тени опасности для своей власти. Именно при нем был издан закон о престолонаследии следующего содержания: «Кто бы из моих братьев ни наследовал трон, ему надлежит убить своих братьев в интересах порядка в мире». Большинство юристов одобрило эту процедуру. Действовать следует соответственно.

Узнав о начале мятежа и полагая, будто Мехмед II справится с ним нескоро, император св. Константин XI ошибочно решил чуть-чуть улучшить положение своей Империи, выторговав у султана в трудную для него минуту некоторые поблажки. Византийские послы явились к Мехмеду II, когда тот был в Азии, и напомнили, что, во-первых, обещанных 3 тыс. монет никто Византии еще не передал, а во-вторых, что в Константинополе проживает *потенциальный наследник* османского престола принц Орхан. Более чем прозрачный намек! В ответ султан только холодно заметил, что подумает над этим предложением позднее. Но для себя сделал окончательный вывод и воспринял визит византийских послов как повод для расторжения мирного договора.

§3. Приготовления к последней войне

Покончив с азиатскими мятежниками, Мехмед II направился с войском в Адрианополь, свою столицу, но решил прибыть туда не морским путем, а сушей. Нимало не заботясь, что европейское побережье Босфора принадлежало Византии, он высадился именно там, даже не подумав принести объяснения или извинения. А вернувшись в Адрианополь, первым делом выслал всех греков из городов Нижней Струмы с конфискацией всего имущества. Зимой 1451 г. султан своим приказом потребовал от правителей провинций собрать к весне 1 тыс. самых искусных строителей и необходимое число чернорабочих. И с окончанием зимы его топографы и рабочие начали строительство крепости в самой узкой части Босфора, разобрав на строительный камень расположенные поблизости христианские храмы и монастыри.

Откровенные действия султана вызвали вполне объяснимую тревогу в Константинополе — император понял, что Мехмед II фактически начал подготовку к войне. Василевс срочно направил к нему посольство с мягким напоминанием о том, что даже султан Баязед испрашивал согласие Римского царя, когда начал строительство крепости Анадолюхисар на азиатском побережье Босфора. Османский государь успокоил их, убеждая, что не намерен нападать на Византию, но желает соединить между собой два материка, на которых расположены его владения, Европу и Азию. Поскольку же это — его земля (здесь султан явно слукавил), то он и волен делать на ней все, что захочет. И не дело византийцев вмешиваться в турецкие дела. Пришлось сделать вид, что объяснения приняты, и возвращаться назад. В заключение султан произнес в несвойственной ему откровенной манере: «Уходите и скажите своему императору, что нынешний султан не похож на своих предшественников. То, чего они желали достичь, он может совершить быстро и с легкостью; он делает и то, чего они делать не желали. Если кто-нибудь явится сюда с подобной миссией, с него заживо сдерут кожу».

Конечно, св. Константин XI был разочарован и разгневан одновременно. В отчаянии император приказал арестовать всех турок, проживавших в столице, но затем понял всю бессмысленность этого поступка и приказал отпустить арестованных. В июне 1452 г. он вновь направил посольство к султану, но тот без долгих слов приказал бросить послов в тюрьму, а потом обезглавил их. Как видно, Мехмед II старался всегда выполнять свои обещания. Это было настоящим объявлением войны, которая стала неизбежной.

Крепость, построенная к 31 августа 1452 г., носила зловещее название *Богаз-кесен* — «Перерезающая горло», что можно было понять в прямом и переносном смысле. Сразу после этого Мехмед II объявил, что любой корабль, прошедший мимо крепости в Константинополь без разрешения османских властей, будет потоплен. Два венецианских корабля, двигавшиеся со стороны Черного моря, пропустили эту угрозу, но третий корабль, попытавшийся в ноябре последовать данному примеру, был действительно потоплен. Его команда пленена и обезглавлена, а капитан судна Антонио Рица посажен на кол.

Это событие вызвало панику в Европе и Константинополе. Венецианцы поняли, что ближайшей целью османов является греческая столица, а за ней могут пострадать венецианские колонии в Греции. Подавляющим большинством голосов Совет Республики решил оказать Византии помощь, но на самом деле это было пустое пожелание. Венеция категорически не желала объединяться с Генуей, Римский папа до сих пор не рассчитался с ней за суда, поставленные еще в 1444 г., о чем венецианцы при каждом случае напоминали понтифику, остальные европейские державы были также не готовы к войне. В результате венецианским военачальникам дали довольно двусмысленные инструкции: защищать христиан от нападений мусульман, но при этом не провоцировать османов и не нападать на них. Как хочешь, так и понимай. Генуэзцы оказались в сходной ситуации.

И лишь Римский епископ Николай V встревожился всерьез. Когда к нему явился Фридрих III Габсбург, чтобы короноваться императорской короной, папа заставил того направить султану жесткий ультиматум. Правда, за этим ультиматумом также ничего не стояло: Германский император не имел ни сил, ни желания воевать с османами. Несколько большую активность продемонстрировал Неаполитанский король *Альффонс Арагонский* (1435—1458), направивший в Эгейское море 10 судов, снаряжение которых оплатила папская казна. Но затем он вступил в войну с *Франческо Сфорца* (1447—1466), правителем Милана, и отозвал свою флотилию назад. В других местах послы папы также не получили никакого удовлетворительного ответа.

Однако апостолик не опустил руки. По просьбе императора св. Константина XI в мае 1452 г. бывший митрополит Московский и всея Руси *Исидор*, изгнанный из Руси и нашедший приют в Риме, ныне кардинал Римской церкви, был направлен Николаем V в Константинополь в качестве папского легата. По пути он, исполняя папское поручение, нанял за деньги Римской курии 200 лучников в Неаполе и в ноябре того же года под восторженные крики византийцев прибыл в Константинополь. Таким способом Рим наглядно и *искренне* продемонстрировал грекам

свое желание выполнить обязательства по Ферраро-Флорентийской унии.

Хотя сам император не был большим сторонником унии, но, как здравомыслящий политик, понимал всю бесперспективность остаться с османами один на один. Кроме того, царь полагал, что догматические расхождения на самом деле могут быть сняты с течением времени и не носят существенного характера. Поэтому василевс, конечно, ухватился за шанс связаться с Римом и обеспечить своему государству помощь Запада. Используя выпавшую возможность, он тут же приказал созвать специальные комитеты городского населения и знати. Рядовые византийцы воодушевленно высказались за соблюдение условий унии, но аристократы заняли компромиссную позицию — папу помянуть в диптихах, но в остальном принятие унии приостановить.

Ситуация осложнялась тем, что в это время Константинополь остался без первоиерарха. И вместо патриарха Георгия Маммаса новым духовным лидером, хотя и неформальным, стал непримиримый ортодокс *Геннадий Схоларий*. Светским сановником он присутствовал в Ферраро и Флоренции, а по возвращении принял монашеский постриг и возглавил антиуниатскую партию. Правда, прибытие вооруженных латинян поколебало и его. Он удалился в келью, из которой, впрочем, периодически вещал против Рима. Сторонники Схолария, почти все из монашествующих, разошлись с его посланием по городу, анафематствовали Ферраро-Флорентийский Собор и кричали: «Мы не нуждаемся в помощи латинян! Да изыдет от нас богослужение азимитов!»

Возможно, быстрая помощь Запада переломила бы эту оценку. Но никаких солдат и денег больше не поступало, а некоторые римские легаты, к сожалению, вели себя чрезвычайно дерзко. Особенно выделялся архиепископ Леонард Хиосский, откровенно *презиравший* византийцев. Он потребовал от императора арестовать оппозицию и отдать их под суд. Разумеется, св. Константин XI и не думал так поступать. 15 ноября 1452 г. он вновь собрал Синаксис и предложил 15 епископам-ортодоксам письменно изложить свои возражения на унию. Василевс надеялся, что таких замечаний будет немного и при разумном диспуте они могут быть разрешены.

Потопление османами венецианского судна в ноябре того же года вызвало новый взрыв паники в византийской столице. Вновь сторонники унии заняли довлеющие позиции и 12 декабря 1452 г. в храме Св. Софии была даже отслужена совместная Литургия с участием папских легатов, императора св. Константина XI Палеолога и всего царского двора. Естественно, имя папы Николая V было торжественно помянуто на службе. Хотя по всему городу бродили монахи и монашки, призывно

крича: «Мы не желаем помощи от латинян! Нам не нужен союз с ними! Избавимся от почитания опресноков!» Это была большая *дипломатическая победа* императора.

Открытое провозглашение унии дало новый положительный импульс для отношений Запада с Востоком. К сожалению, военная помощь так и не поступала, а папские легаты вели себя все более и более вызывающе. Уже упоминавшийся архиепископ Леонард пренебрежительно отмечал, что, по его мнению, сам император св. Константин XI является притворщиком и на самом деле не желает унии. Можно представить, *каким тоном* он разговаривал с другими византийцами и какие послания направлял в Рим! Очень мешал и Григорий Схолларий, которого император даже попытался нейтрализовать скромным и тактичным кардиналом Исидором. Царь едва не поставил его Константинопольским патриархом, но не решился. В целом уния имела многие шансы на осуществление, если бы действия императора были подкреплены войсками с Запада. Но в отсутствие помощи наступило скорое разочарование, и многие рядовые греки старались избегать посещения храма Св. Софии, «запятнанного» унией, и приходили лишь в те церкви, где служили священники-ортодоксы.

В эту тяжелую минуту очень помог кардинал Исидор. Сам этнический грек, он прекрасно понимал тяжелое положение императора, а потому направлял в Рим оптимистичные отчеты. Исидор справедливо рассудил, что в деле объединения Церквей нужно надеяться на Бога, а не на административные меры, на которые была скоро Римская курия. И действительно, его позиция много способствовала реальному ожиданию помощи от Запада.

Пока в Константинополе шли горячие, но *пустые* дебаты, а Рим судорожно искал источник помощи гибнущей Византии, султан Мехмед II тщательно обдумывал план военной кампании следующего года. По обыкновению, ни один человек не знал наверняка, о чем думает повелитель османов, долгими зимними вечерами расхаживавший по своему дворцу в Адрианополе. Иногда по ночам он выходил в город, стараясь остаться незаметным. И если кто-то узнавал его, султан своей рукой убивал такого несчастного, находя в этом *наслаждение*. И даже близкая охрана ни разу не слышала от него ни одного слова, позволяющего догадаться о думах Мехмеда II. Лишь однажды он проговорился, вскричав своему визирю, сделавшему ему роскошный подарок: «Есть только одна вещь, которую я хочу. Дайте мне Константинополь!»

Наконец, в конце января 1453 г., султан созвал своих визирей. В длинной речи он напомнил собеседникам о славных победах предков и особо отметил, что никогда Османская империя не будет чув-

ствовать себя в безопасности, пока Константинополь принадлежит грекам. «Этот город находится в самом сердце нашего царства, он удобно расположен и на суше и на море, и он с самого начала доставлял нам хлопоты и затевал войны, доставляет их и теперь, вмешивается в наши дела, подкарауливает нас в беде и причиняет вред. Кто не знает, что Константинополь обратил против нас весь Запад. И христианам удалось бы победить нас, если бы не воинское искусство, опыт и отвага Баязеда, который помешал им, разрушил их замыслы и нанес им сокрушительное поражение. Дело ясное, этот город не успокоился и никогда не успокоится, будет сопротивляться нам, не прекратит войну и смуты до тех пор, пока мы терпим его, не уничтожим или не покорим своей власти».

Да, продолжал Мехмед II, осада потребует значительных расходов, но они окупятся в быстрое время. Кроме того, византийцы слабы и осада не представит большой опасности для османов. К тому же разве можно исключить, что, пока османы думают, кто-то более сильный захватит Константинополь? Безусловно, стены и укрепления греческой столицы кажутся неприступными. Но в действительности их разрушит турецкая артиллерия. Нужно пользоваться моментом, пока помощь со стороны Запада действительно не поступила Византии. Сейчас — или никогда! Присутствовавшие были поражены энтузиазмом и зрелостью мыслей молодого султана. Естественно, никаких возражений не последовало, и визири единодушно провозгласили войну с греками.

Как только решение о войне было принято, султан тут же отдал приказ армии Караджа-бея осуществить нападение на города Селимврия, Перинфос и другие населенные пункты греков на побережье Мраморного и Черного морей. Таким способом Мехмед II попытался *изолировать* императора от его братьев в Морее, которые могли прийти ему на помощь. И результат оправдал ожидания — города были взяты штурмом, а их укрепления снесены.

Все еще надеясь на некоторую отсрочку, император св. Константин XI направил к Мехмеду II послание, в котором звучат смирение и вызов одновременно. «Если ты, — говорилось в нем, — предпочитаешь миру войну и ни клятвы мои, ни мольбы не в силах вернуть тебя к миру, то да будет на то твоя воля. Прибежище мое — в Господе. Если Им предначертано, что Константинополь окажется в твоих руках, кто сможет спорить с Ним или предотвратить это? Если Он поселит в твоём сердце мысль о мире, я встречу это с радостью. Что касается нынешних дел, то ты нарушил договоры, верность которым я поклялся соблюдать, — и да будут они расторгнуты. Впредь я буду держать городские ворота закрытыми. Я буду сражаться за его жителей со всей силой, на какую

способен. Действуй и впредь со своей мощью, пока судия Праведный не вынесет приговор каждому из нас».

В марте 1453 г. турецкий флот стал стягиваться к Галлиполи. Было собрано более 130 судов различного вида, командование над которыми поручили Сулейману Балтолгу, этническому болгарину, перешедшему в ислам и начавшему служить туркам. Турецкий флот курсировал в Мраморном море, а сухопутная армия сосредотачивалась во Фракии. Всю зиму по приказу султана оружейники изготавливали оружие, метательные снаряды и стенобитные орудия. Для похода на Константинополь были призваны в армию все взрослые мужчины. На границах оставались лишь заградительные отряды, а в городах — караульные службы, необходимые для поддержания порядка. Как говорят, всего в рядах турецкой армии насчитывалось как минимум до 150 тыс. человек — громадная сила! Наиболее боеспособные части составляли янычары, примирившиеся с не любимым ими султаном после того, как узнали, что идут воевать с «неверными». Помимо них присутствовали отряды из подвластных султану христианских государств — славян и валахов.

Однако главную опасность представляла *артиллерия*, которая появилась в армии Мехмеда II в громадном количестве — по тем понятиям, конечно. Здесь султану помог «счастливый случай». Летом 1452 г. в Константинополь заглянул некий венгр Урбан, инженер, предложивший императору св. Константину XI свои услуги. Но сумма вознаграждения, запрошенная конструктором артиллерии, была совершенно непосильна для Византийского царя, да и многие компоненты, необходимые для изготовления суперпушки, в греческой столице отсутствовали. Тогда венгр направился к Мехмеду II, тут же увеличившему размер просимого вознаграждения в четыре раза.

За это Урбан в течение трех месяцев изготовил страшное по размерам и разрушительной силе орудие, которое установили в крепости Румелихисар на Босфоре. Затем султан приказал изготовить орудие, вдвое превышающее первое; приказ был выполнен. Испытание пушки произвели настоящую бурю восторга в душе Мехмеда II, и он приказал 200 солдатам на 60 быках перевезти ее на европейскую часть Босфора. Помимо указанных гигантов Урбан изготовил еще множество орудий более мелкого калибра. Наконец в конце марта 1453 г. громадная армия османов двинулась на Константинополь. Они горели жадной боя и были твердо уверены в том, что каждый храбрец, погибший на поле боя, тут же получит место в раю.

Можно без труда понять, что в самом Константинополе царила иная атмосфера и бытовали другие настроения. Если во времена прежних осад византийцы располагали кое-какими союзниками, средствами

и вооруженными силами, то теперь не было ничего из перечисленного выше. Хуже того — пролив был под контролем турецких крепостей, а Морея вот-вот была готова подвергнуться нападению османских армий.

В течение всей зима население города укрепляло стены и земляные валы. Был учрежден специальный фонд для обороны столицы, куда вносили деньги рядовые граждане, монастыри и даже многие иностранцы. Срочно закупалось продовольствие, и на острове Хиос организовали склад, из которого четыре корабля перевозили запасы в Константинополь. Еще один большой корабль ждали из Пелопоннеса. И хотя единодушие царило в душах византийцев, внушая невольное уважение, жители Хиоса откровенно *отпевали* константинопольцев, уверенные, что город будет скоро взят османами.

Силы византийцев были невелики. Хотя число беженцев и дезертиров было незначительным и подавляющая часть константинопольцев изъявила горячее желание погибнуть за родину и веру, людские ресурсы Константинополя были очень ограничены. Рассудительный, как и всегда, император св. Константин XI приказал своему сановнику произвести полную перепись мужского населения, способного держать в руках оружие. Каково же было его удивление и печаль, когда он узнал, что всего 4983 мужчин попали в эти списки. Чтобы не смущать соотечественников, василевс приказал никому не называть этих данных. Впрочем, и те, кто смог взять в руки оружие, не относился к числу профессиональных солдат. Позднее в своих воспоминаниях архиепископ Леонард писал: «Большинство греков приходилось на людей мирных, применявших щиты и копья, луки и мечи так, как они умели это от природы, а не в соответствии с воинской наукой. Большинство имели шлемы и доспехи из металла или кожи и сражались мечами и копьями. Тех же, кто познал искусство стрельбы из лука или арбалета, оказалось недостаточно для того, чтобы выставить по всем укреплениям».

Император засыпал европейских государей письмами о помощи, но, кроме папы Николая V, никто серьезно на его просьбы не откликнулся. Венецианцы приняли было решение о посылке двух кораблей с 800 солдатами в Константинополь, но тут же потребовали от понтифика оплатить долг 1444 г. Все же папе удалось отправить на трех кораблях в Константинополь закупленное им на собственные средства продовольствие и вооружение. Остальные европейские короли находились в условиях, совершенно препятствующих помощи Византии. Москва воевала с татарами, венгры еще не восстановили силы после двух крупных поражений от османов, сербы являлись вассалами султана и боялись его гнева, как огня.

Но хотя официальные власти не желали помогать гибнущей Византии, нашлось множество людей, пожелавших принять последний бой вместе с греками. Венецианская колония в столице приняла решение о том, что ни один их корабль не покинет Константинополь до окончания осады. Они выставили 9 судов под командованием капитанов Габриэле Тревизано и Альвизо Диега. Самые знаменитые фамилии Венеции были представлены в списке защитников Константинополя — Корнаро, Мочениго, Контарини, Вениеро. К ним присоединился кардинал Исидор, поклявшийся не покидать город.

Нашлись и генуэзцы, пожелавшие добровольно явиться на помощь византийцам. 29 января 1453 г. в столицу прибыл известный кондотьер *Джованни Джустиниани Лонго* во главе отряда из 700 солдат. Затем подошли *Маурицио Катанео*, братья *Джеронимо*, три брата *Боккиарди* и *Леонарда ди Лангаско* с новым отрядом генуэзцев. Это были настоящие герои, добровольцы, прекрасно понимавшие, что случится с ними в случае взятия города турками. Каталонцы прислали отряд во главе с *Пере Хулиа*, из Кастилии прибыл дворянин *дон Франсиско* из Толедо, были даже несколько шотландцев и трое османов из числа приближенных Орхана, проживавшего в Константинополе. Но все равно разница в силах была чрезвычайно велика: против османского войска византийцы вместе с союзниками смогли набрать не более 7 тыс. солдат, должных оборонять 20 км крепостных стен и море. Не случайно один современник тех далеких событий со скорбью записал: «Мы получили от Рима такую же помощь, как от султана из Каира». Упрек едва ли справедливый непосредственно по отношению к Римскому епископу, но абсолютный объективный для оценки помощи всего Запада в целом.

§4. Осада и последний штурм Константинополя. Гибель святого царя

Пасха 1453 г. пришлось на 1 апреля. Константинопольцы думали не о весне, многоцветно пришедшей на берега Босфора, а только о том, чтобы светлые дни Христова Воскресения не были омрачены османами. По счастью, только 2 апреля передовые турецкие части показались на горизонте. Они были отбиты с потерями разведывательными отрядами греков, но вскоре подошла уже вся османская армия во главе с султаном Мехмедом II и 5 апреля окружила Константинополь с сухопутной части. Соответственно, защитники города

заняли свои места, определенные им по диспозиции. Однако даже не столько вид османской армии поразил греков, сколько *громадный флот*, который никто не ожидал увидеть. Никогда ранее византийцы всерьез не опасались штурма своей столицы с моря, а теперь им пришлось подвергнуться и такому испытанию. Стоит ли говорить, что настроение защитников города резко упало и некоторое время в Константинополе царило уныние?

Мехмед II не напрасно провел столько зимних вечеров и ночей в раздумьях относительно будущей осады Константинополя. Как только его армия подошла к стенам византийской столицы, все части заняли строго отведенное им место. Каждый полк имел свои отличительные знаки, и каждый солдат знал, какое место отведено ему в походной палатке. Как говорят, можно привести мало примеров столь высокой военной организации. Наступила ночь, и в турецком лагере крики имамов соседствовали с христианскими песнопениями — османы проявляли большую терпимость по отношению к своим христианским вассалам. К негодованию архиепископа Леонарда, наблюдавшего за этим из-за крепостной стены, среди турецких отрядов проглядывались поляки, венгры, чехи, немцы и даже русские — их ранее захватили в плен на молдавской границе и заставили служить султану.

Утром 6 апреля 1454 г. султан исполнил *формальность*, предусмотренную законами ислама, — предложил гарнизону и жителям Константинополя сложить оружие. В противном случае, говорилось в ультиматуме, при взятии города никто не будет пощажен. Однако защитники Константинополя отвергли данное предложение. Тогда флот под командованием Балтолгу попытался блокировать побережье Мраморного моря, а затем прорваться через цепь, заграждающую проход в бухту Золотой Рог. А вечером 6 апреля 1453 г. начался первый штурм столицы Византии. Вначале пустили в ход артиллерию, которая разрушила часть стены в районе Харисийских ворот. Но защитники города сумели под покровом темноты восстановить разрушения.

Султан пустил в атаку корабли Балтолгу, но и тот не имел успеха. Император приказал протянуть заранее подготовленную цепь поперек бухты Золотой Рог, чтобы турецкие суда не смогли проникнуть во внутреннюю часть Константинополя. А также вывел наперерез османам свои корабли: три из Венеции, один из Кастилии, один французский корабль из Прованса, три корабля с Крита, одно судно из города Хандакса и два из Кидонии.

Поджидая подхода крупной артиллерии и остальных судов, Мехмед II распорядился захватить два византийских замка, расположенные

неподалеку, — в Ферании и в деревне Студиос. Гарнизоны отчаянно защищались, но пали, и оставшихся в живых греков султан приказал посадить на кол. Попутно Балтолгу захватил укрепления на Принцевых островах, где встретил неожиданное сопротивление на острове Принкипос. Но крепость подожгли, а оставшихся в живых солдат казнили. Все население острова продали в рабство за то, что те допустили сопротивление туркам на своей земле. Действительно, Мехмед II не знал жалости.

12 апреля начался обстрел города из тяжелой артиллерии. Хотя пушки стреляли очень редко (не более 7 выстрелов за день) и каждый выстрел требовал больших усилий прислуги, зато разрушения от них были очень существенны. Грохот от выстрелов и падающих камней стоял страшный. Непривычные к такому шуму, константинопольцы в панике выбегали из домов, крестились, плакали: «Кирие элейсон!» («Господи, помилуй!»). И, рыдая, восклицали: «Господи! Господи! Как мы далеко отступили от Тебя. Это Твой суд за наши грехи!» Чтобы немного успокоить сограждан, император приказал постоянно звонить колоколам, и теперь шум орудий, страшный, как в день последнего Суда, перекликался с серебряным звоном храмовых колоколов.

Защитники попытались обкладывать стены тюками кожи и шерсти, чтобы смягчить удар громадных ядер, но это мало помогало. Однако греки и их союзники проявляли замечательную стойкость и терпение. Каждую ночь они восстанавливали развалы, заграждая пробоины в стенах камнями, землей и деревьями.

В этот же день турецкий флот вновь сделал попытку проникнуть через цепь Золотого Рога, но греческие суда, более высокие, оказывались недоступными для их корабельной артиллерии, и византийские корабли под командованием мегадуки Луки Нотараса сами перешли в успешную контратаку. В результате турки с большими потерями отступили назад.

День проходил за днем, и всю первую половину апреля византийцы вместе с храбрыми итальянцами успешно отражали турецкие атаки. Нередко они делали вылазки, причинявшие османам неприятные потери. Но затем василевс по совету с Джустиниани приказал грекам и союзникам не ввязываться в локальные столкновения, поскольку на одного христианского воина приходилось 20 османов. Было решено беспокоить турок стрельбой из мелких орудий, расположенных на внешней крепостной стене, арбалетов и луков. И эта тактика дала неплохие результаты. Но вскоре турки позаимствовали ее у греков и также начали постоянный обстрел стороны противника.

Мехмед II воспринял неудачи как кровное оскорбление. Он немедленно приказал инженерам усовершенствовать конструкцию корабельных орудий, и, действительно, вскоре его приказ был выполнен. Первым же выстрелом турки потопили одну из греческих галер, погубив множество матросов.

Решив, что византийцы и их союзники уже утомлены, султан приказал армии 18 апреля начать штурм Константинополя. Как обычно, под конец дня стройные отряды османов поднялись в атаку под шум труб и грохот барабанов. Греки не ожидали нападения, а потому вначале несколько смешались. Но потом пришли в себя и открыли мощный огонь из пушек, пищалей, арбалетов и луков. Вот турки заполнили собой ров, вот они уже лезут на стены. Началась рукопашная схватка — самый страшный вид боя. По словам современника, участника тех событий, «от грохота пушек и пищалей, и звона колоколов, и воплей и криков с обеих сторон, и треска доспехов — словно молния, блистало оружие сражающихся, — а также от плача и рыдания горожан, и женщин, и детей казалось, будто небо смешалось с землей, и оба они содрогаются. И не слышно было, что один человек говорит другому: слились вопли, и крики, и плач, и рыдания людей, и грохот пищалей, и звон колокольный в единый гул, словно гром великий. И тогда от множества огней и пальбы пушечной и пищальной с обеих сторон клубы дыма густого покрыли город и все войско так, что не видели сражающиеся, кто с кем бьется».

Несмотря на мужество и отчаянную храбрость османов, греки сбросили их в ров. Туркам пришлось отступать в свой лагерь. Потери были столь велики, что ни о каком продолжении атаки не могло быть и речи. Говорят, когда сражение закончилось, потрясенный султан произнес: «Если бы 37 тыс. пророков сказали мне, что эти неверные за одну ночь сделают то, что они сделали, я бы не поверил!»

Это был пиковый момент: если бы в ту минуту к Константинополю подошли войска Запада, участь турок была бы предрешена. Увы, этого не произошло, а потому время обратилось для Константинополя *всять*.

Прошло две недели осады, и на горизонте показались три генуэзских судна, нанятые папой Николаем V. 15 апреля они подошли к проливу Дарданеллы, где к ним присоединились три грузовых византийских судна. Флотоводец Балтолгу бросился в погоню за вражескими кораблями, и на виду у константинопольцев завязалось морское сражение. Христианские суда занимали лучшую позицию, да и были хорошо вооружены — первый натиск турок не удался. Но тут внезапно затих ветер, и турецкие весельные галеры нача-

ли медленно окружать христианский флот. Генуэзцы были хорошо вооружены и дисциплинированы, а на византийских торговых судах находился знаменитый «греческий огонь». Поэтому турки несли большие потери. И все же к вечеру стало казаться, что османы потопят союзные суда. Но тут внезапно вновь подул сильный ветер и вынес христианские корабли из опасной близости с турками. Под восторженные крики защитников города корабли зашли в гавань Золотой Рог. Во время боя Мехмед II в нетерпении сидел верхом на лошади и ждал победы. Когда казалось, что успех начинает сопутствовать османам, он едва не поплыл на лошади к своим кораблям. Но затем удача отвернулась от мусульман, и Мехмед II не простил нанесенной ему Балтолгу «обиды».

Поражение взбесило султана — ведь турки потеряли более 400 матросов убитыми и ранеными, а христиане всего 23 человека. Флотоводец Балтолгу избежал казни только потому, что был ранен в сражении и многие офицеры турецкого флота лично перед Мехмедом II засвидетельствовали его храбрость. Но он был лишен всех постов, подвергся палочным ударам, его имущество было конфисковано. Любопытно, что наносил ему палочные удары сам султан (видимо, он все же был по характеру садист), причем бил его золотой палицей, изготовленной по личному заказу; весила она 15 кг. Изгнанный с глаз султана, бывший великий флотоводец османов Балтолгу провел остаток дней в полной нищете.

Чтобы поднять свой престиж и выместить всю ненависть на осажденных, султан приказал усилить артобстрел Константинополя. В результате сильнейшего огня 21 апреля 1453 г. большая башня в долине Ликоса была превращена в руины, но ночью, как обычно, все бреши в обороне заделали землей и камнями. В это время султан придумал решение, как обойти цепь, закрывавшую его кораблям проход в Золотой Рог, и немедленно приступил к исполнению собственного плана. Утром 22 апреля дым артиллерийской канонады скрыл от защитников Константинополя удивительное зрелище — тысячи рабочих тащили по суше, по бревнам, турецкие корабли. И когда греки наконец увидели их, почти 70 кораблей противника с поднятыми парусами уже спускались к Долине источников.

Срочно собрали совет, на котором венецианец Джакомо Коко предложил императору св. Константину XI во главе команды храбрецов сжечь турецкие корабли, и получил согласие. Однако необходимо было подготовить корабли-дебаркадеры, и операцию отложили до ночи 24 апреля 1453 г. В принципе эта смертельно опасная для исполнителей операция еще могла иметь шансы на успех, если бы не обычное скрытое

противостояние между венецианцами и генуэзцами. Генуэзцы запротестовали, что их не подключили к операции и вызвались подготовить свои суда для нападения на османов. Собственно говоря, эта совсем не обязательная размолвка и предопределила провал смело задуманной операции.

Пока шли споры, срок начала операции перенесли на 28 апреля. Но тем временем османы подтянули в Долину источников артиллерию и войска, да и приготовления союзников невозможно было скрыть на долгое время. И когда латиняне в намеченный день подплыли к турецким кораблям, венецианские и генуэзские суда были потоплены огнем турецкой артиллерии. Сам Коко погиб, а 40 пленных христианских моряков османы казнили на глазах у константинопольцев. В ответ по приказу императора на стенах Константинополя, на глазах у османов, были казнены 260 пленных турок. Впрочем, это стало слабым утешением, поскольку турецкие корабли уже стояли в Золотом Роге и блокировали Константинополь с моря.

Но, одержав важную стратегическую победу, Мехмед II не спешил со штурмом города. По его приказу артиллерия продолжала обстрел Константинополя, но уже с двух сторон: моря и суши. Видимо, он решил выждать время, тем более что оно работало против византийцев. Дело в том, что после блокирования Золотого Рога, исчез естественный источник продовольствия для Константинополя, поставляемый через Галату. Еще перед началом осады генуэзцы Галаты направили к Мехмеду II послов для подтверждения ранее заключенного торгового договора. В обмен на его пролонгацию генуэзцы обещали сохранить нейтралитет и не помогать византийцам. Но на самом деле они тайно организовали подвоз в Константинополь продовольствия. Конечно, вскоре султан узнал о «двойной игре» генуэзцев, но не подал виду. Он сказал своим приближенным: «Я позволю змее спать, пока не поражу дракона. А потом прихлопну и ее». Но теперь, когда турецкие корабли стояли в бухте Золотой Рог, надежды на помощь Галаты растаяли.

И вскоре осажденные стали испытывать серьезный голод. Когда в начале мая он стал совершенно одолевать защитников города, василевс решил создать специальный фонд и скупить за счет его средств все продовольствие в Константинополе с последующим распределением его между жителями и гарнизоном. Деньги жертвовали и Церковь, и частные лица. Часть церковных драгоценной для покупки продовольствия и оплаты содержания войску царь реквизирует, и его поступок не вызвал ничьих споров. Кроме того, еще раз были пересчитаны все боеспособные мужчины, а священникам и остальным клирикам было

приказано денно и ночью молиться в храмах о даровании Господом спасения Константинополю.

Хотя получившиеся пайки были скудны, но они позволяли константинопольцам держаться на ногах. Но и эта мера имела свой естественный срок. Вскоре голод вновь стал душить защитников Константинополя. Все очень рассчитывали на венецианский и папский флот, по слухам, должный прибыть в город с минуту на минуту. К несчастью, однако, союзники откровенно медлили с отправкой столь желанных для Византии кораблей, и греки не знали, что в самом лучшем случае те могли прибыть не ранее конца мая.

Вновь возникли серьезные трения между венецианцами и генуэзцами. Дошло до открытых стычек, и император св. Константин XI в отчаянии воззвал к ним: «Достаточно того, что война у наших дверей! Так, ради Бога, не начинайте ее между собой!» Как рассказывают, ввиду тяжести ситуации василевс тайне попытался наладить с султаном дипломатические отношения, и, как полагают, они даже обменялись послами. Святой Константин XI предложил султану определить размер ежегодной дани и обещал оплачивать ее. Но Мехмед II был непреклонен в своем решении: Константинополь должен быть сдан! Взамен он обещал подарить *лично императору* жизнь и отдать ему Морею, а братьям предоставить другие уделы в собственности. «В противном случае, — угрожал Мехмед II, — я войду в город с боем, тебя и всех твоих вельмож поражу мечом, а остальной народ отдам на растерзание войска. Мне же хватит и пустого Константинополя». Конечно, св. Константин XI это предложение даже не рассматривал. К чести греков, никто из них также не помышлял о сдаче столицы туркам и, кроме того, едва ли верил в милосердие Мехмеда II. Был дан обстоятельный ответ, в котором особенно запоминается окончание: «Владей же будто бы по праву несправедливо похищенными у нас укреплениями и землей. Ибо как знать: надеясь выиграть, получишь ли ты что-нибудь? А отдать тебе Константинополь не в моей власти, да и не во власти обитающих в нем. Ибо по нашему общему решению все мы добровольно умрем и не пощадим наших жизней».

В эти дни среди высших государственных сановников Византии возникло предложение об эвакуации императора. Очень многие полагали, что св. Константин XI должен покинуть город и отправиться в Морею, к братьям, чтобы оттуда организовать сопротивление османам. Но царь спокойно и решительно отклонил данное предложение, решив разделить свою судьбу с судьбой остальных византийцев.

6 мая 1453 г. турки возобновили обстрел города, в том числе из пушки-гиганта, сконструированной венгром Урбаном. А на следующий день турки бросились в атаку на участок стены Месотихиона — с лестницами и крюками для преодоления остатков крепостных сооружений. Их число было очень велико, но византийцы храбро отбивали приступ за приступом. Особенно отличился солдат Рангавис, лично убивший знаменосца султана, но сам павший на поле боя. Но и этот штурм не удался: османы отступили с большими потерями. Потери османов были тяжелыми — весь ров наполнился трупами павших турецких солдат. Мертвые горами лежали в канавах, и кровь стекала с их безжизненных тел.

В последующие дни активность проявлял главным образом турецкий флот, обстреливавший Влахерны и пытавшийся пробиться в город со стороны моря. Особенно опасной стала ночь 21 мая, когда весь город был разбужен звуком барабанов и труб с османских кораблей. Все посчитали, что начался последний штурм, но это была только *демонстрация силы*.

Все эти дни сухопутная армия спешно пыталась устроить многочисленные подкопы и преодолеть ров, ведущий к первой цепи крепостных сооружений. Но подрывники Лука Нотароса рыли контрподкопы и нейтрализовали все попытки турок. Им активно помогал германец Иоганн Гранд, прибывший в Константинополь вместе с Джованни Джустиниани. А затем напротив почти разрушенной части стены Месотихиона появилась громадная деревянная башня, должная прикрывать турецких солдат во время штурма. Ночью османы попытались ее испытать, но кто-то из безвестных греческих героев в темноте подложил под башню бочонок с порохом и взорвался вместе с ним; башня была разрушена. А к утру осажденные восстановили разрушенный участок крепостной стены.

23 мая 1453 г. константинопольцам и защитникам города довелось пережить радость еще одной победы. В этот день византийцам удалось захватить врасплох нескольких турецких подрывников, которые под пытками указали место под влахернской стеной, где был установлен заряд пороха. Иоганн Гранд в течение короткого времени уничтожил все турецкие подкопы, и с тех пор османы прекратили эти работы. Нет сомнения в том, что в противном случае падение Константинополя свершилось бы раньше.

Но радость сменилась отчаянием, когда сквозь строй турецких судов в Константинополь прорвалась венецианская бригантина, которую ранее отправляли на поиски флота Венеции и Римского папы. Как сообщили матросы, решившие вернуться в обреченный город, никакого

флота по близости нет, и теперь Константинополь предоставлен сам себе. Святой Константин XI обвел взором собравшихся вокруг соотечественников и спокойно объявил, что *ни одно* христианское государство не собирается поддерживать их в борьбе за веру. Остается уповать только на милость Христа, Богородицы и основателя города св. Константина Равноапостольного. Это была страшная весть, поскольку после долгой осады ряды защитников Константинополя постоянно таяли. И теперь вместо 7 тыс. бойцов в строю осталось не более 4 тыс. изнуренных воинов, к тому же *голодных*.

Началась паника: кое-где на улицах на императора изливалась хула и сквернословие. Но св. Константин XI отвечал своим обидчикам словами пророка Давида: «А я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает своих уст; и стал я, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа. А враги мои живут и укрепляются, и умножаются ненавидящие меня безвинно» (Пс. 37: 14, 15, 20). А потом даже пошутил, вспомнив старую греческую пословицу: «У счастливых все друзья, а у несчастных сам Создатель не друг».

Однако, как казалось, и Небо отвернулось от греков. Когда ночью 24 мая 1453 г. икону Богородицы «Одигитрие» водрузили на носилки и понесли вокруг стен, наступило лунное затмение, а затем в полной темноте икона упала на землю. Все закричали и бросились поднимать святыню, но она как будто налилась свинцом и никак не поддавалась человеческой силе. С большими усилиями икону поставили на место, но тут пошел проливной дождь, разогнавший торжественную процессию. Поток вод был настолько силен, что многих детей едва не смыло — помогли мужчины, стоявшие рядом и успевшие подхватить их. А под утро над куполом Св. Софии видели таинственное свечение, как будто Святой Дух покидал храм и сам город. Примечательно, что это явление видели не только греки, но и османы из своего лагеря. От радости турки кричали: «Бог оставил христиан!» Императору вновь предложили покинуть Константинополь, но он мужественно отказался.

От отчаяния начались некоторые ссоры и размолвки. Джустиниани попросил Луку Нотараса прислать ему в подмогу несколько пушек, поскольку считал свое направление самым опасным. Но и мегадука Нотарас видел, сколь малы силы, которыми он располагал на своем участке обороны. Дошло до открытой ссоры и оскорблений. Нотарас обозвал итальянца обидными словами, а тот назвал Луку «злодеем» и «врагом родины». Но тут вмешался император. Он пригласил обоих и сказал: «Братья, теперь не время нам так поступать друг с другом, так говорить и сеять раздор! Простим же и ненавидящих нас и помолимся

Богу, чтобы спастись из зияющей пасти этого столь явно грозящего нам дракона». И ссорящиеся помирились.

Справедливости ради следует сказать, что 7-недельная осада подорвала дух не только защитников Константинополя, но и самих османов. Несмотря на большие разрушения, никто из турецких солдат так и не смог проникнуть за стены города, а потери были весьма чувствительны. Султан всерьез опасался венецианского флота, о котором говорили, что тот вскоре придет, и венгерской армии, способной оказаться за спиной у осаждавших. Флот хотя и проник к городу, но до сих пор терпел только поражения. В самом близком окружении Мехмеда II все чаще раздавались голоса о необходимости снять осаду.

Не желая раздражать солдат и придворных, султан решил провести переговоры и направил к византийцам некоего молодого сановника Исмаила. Тот проник в Константинополь и вместе с греческим послом 25 мая 1453 г. прибыл в лагерь султана. Довольно любезно Мехмед II заявил, что готов снять осаду, если император поклянется выплачивать ему ежегодную дань в размере 100 тыс. золотых монет. Это условие огласили на императорском совете, где всем было известно, что таких денег у Империи нет. Василевс направил Мехмеду II встречное предложение: забрать все, чем император владеет, кроме Константинополя. Но *теперь* султан, на самом деле не собиравшийся отказываться от захвата Константинополя, ответил, что византийцам остается либо сдать город, либо умереть от турецкой сабли, либо принять ислам.

Дабы дать выговориться недовольным военачальникам, султан вновь созвал совет, на котором сразу же столкнулись два мнения — снять осаду и попытаться организовать решительный штурм. Ставленник и верный соратник Мехмеда II Заган-паша напомнил Халиль-паше, стороннику мира с византийцами и их тайному агенту, что Святой Дух покинул Константинополь. Он довольно обстоятельно объяснил, почему не следует опасаться помощи грекам с Запада: «Они о многом совещаются, думают и говорят, но мало делают; и решение, принятое вечером, утром им негодно. Когда же решение окончательно, они медлят с делами ради того, чтобы улучшить момент для осуществления своих желаний и намерений. Даже когда они приступают к какому-нибудь делу, ничего не выходит из-за споров».

Несмотря на сопротивление, победила вторая точка зрения, активно поддержанная молодыми турецкими военачальниками. Два дня, пятницу и субботу, продолжалась яростная бомбардировка Константинополя. Затем огонь был сосредоточен на участке Месохитиона. В воскресенье султан объезжал войска и клялся Кораном, что в ближайшие дни

османы возьмут город. Воодушевленные турки собирали оружие, порох, готовили лестницы. Всю ночь в лагере раздавались песни и играли музыкальные инструменты — турки готовились к бою. Понедельник был объявлен днем отдыха перед битвой. Мехмед II в последний раз созвал своих командиров на совет и заново объяснял, что Константинополь не является отнюдь не неприступной крепостью, поднимая их боевой дух.

«Этот город, — громко вещал султан, разжигая аппетиты солдат, — обладает удивительным и несметным богатством, которое скрывается в царских покоях, в домах знатных и простых горожан, но самые прекрасные сокровища хранятся в храмах. Все это станет вашим. Кроме того, вы захватите в плен отважных и знатных мужей, одни из которых станут вашими рабами, а другие будут проданы. Вы получите достойнейших и красивейших жен, юных и прекрасных дев, благородных красавиц из знатных семей, до сих пор недоступных мужским взорам. Вы приобретете многое: наслаждение, услужение и богатство, многочисленных и прекраснейших рабов благородного происхождения, сокровища, великолепные дома, сады и многое другое, что радует глаз, дарит счастье, удовольствие и наслаждение. Я отдаю вам на разграбление большой, многолюдный и царственный город древних ромеев, достигший вершин богатства, славы и удачи, вставший во главе всего мира».

Весь понедельник 28 мая в обоих лагерях царила странная тишина, даже турецкие орудия молчали. Византийцы понимали, что следующий день станет *последним* для столицы великой христианской Империи. По существу, все готовились к смерти. Во многих храмах снимали иконы, и священники забирали их себе домой. Звонили колокола, по улицам проходили многочисленные процессии со святынями, которым все желали помолиться в последний раз. Все шли рядом — православные и католики, пели одинаковые молитвы и псалмы. Император св. Константин XI вышел из дворца и присоединился к шествию. Затем во дворце в присутствии близких людей он напомнил, что каждый должен быть готовым умереть за веру, родину, семью и императора.

Василевс вспоминал славные страницы древней истории, благородные традиции Римской империи, своих предков. И византийцев, и итальянцев он просил не падать духом, но бороться за Христа до самой смерти. «Если за мои грехи, — закончил император свою речь, — Бог отдаст победу нечестивцам, то мы будем биться за нашу святую веру, дарованную нам кровью Христа, — и это важнее всего. Какова польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Царь

не обошел никого из присутствующих своим вниманием. Отдельно он поочередно обратился к венецианцам, генуэзцам и византийцам. Все присутствующие встали и заверили василевса, что готовы отдать свои жизни за Империю и царя. Святой Константин XI обошел всех, обнял и поцеловал, прося простить за вольную или невольную обиду, которую он мог причинить кому-нибудь. Все остальные последовали его примеру.

К вечеру, когда колокола Св. Софии зазвонили к вечерней службе, бесчисленные толпы константинопольцев устремились в храм, который отказывались посещать как «униатский» в последние полгода. Священники-ортодоксы стояли рядом с «униатами» и католиками, вместе с греческими епископами был виден кардинал Исидор. Внутри храма на фоне прекрасных мозаичных изображений Христа, Богородицы и святых, императоров и императриц, мерцали десятки тысяч свечей. Все, кроме караульных, стояли здесь: каталонцы, германцы, генуэзцы, венецианцы, испанцы, шотландцы, греки. Неминуемая смерть примирила всех, все обиды и разногласия оказались забытыми. Действительно, в этот вечер произошло *настоящее объединение* Восточной и Западной церквей в одну Кафолическую Церковь. Император и сановники исповедались и причастились Святых Даров, а итальянцы Джустиниани вошли во внутреннюю часть крепостных укреплений, затворив за собой двери, отрезав себе все пути отступления. Сам св. Константин XI после службы объехал на арабском скакуне весь город, прощаясь с ним.

Ночью 28 мая 1453 г. весь турецкий лагерь пришел в движение. Десятки тысяч людей устремились к орудиям и шатрам, с другой стороны греки и итальянцы поднялись на стены. Начался сильный дождь, но он мог помешать османам, начавшим последний штурм Константинополя. Загрохотали барабаны, вверх понеслись звуки флейт и труб, турки двинулись к крепостным стенам. Все константинопольцы, до сих пор еще стоявшие в храме Св. Софии, включая женщин и детей, бросились помогать солдатам. Немошные женщины и старики остались в храмах и продолжали молиться о победе христианских воинов.

А сражение уже началось. Противники яростно обстреливали друг друга: тучами летели стрелы, прашники метали камни и свинцовые снаряды, повсеместно мелькали дротики и копья. Слышались проклятия раненых и стоны умиравших солдат. Хотя расстояние между врагами было еще довольно большим, обе стороны понесли первые ощутимые потери.

Вначале султан бросил на приступ башибузуков — нерегулярные части своей армии, за спинами которых стояла военная полиция и янычары, подгонявшие нерешительных воинов вперед. Но эта атака захлеб-

нулась, только в районе долины Ликоса башибузуки имели некоторый успех. После двух часов боя башибузуки выдохлись и получили команду отойти. Они выполнили главную задачу — измотали гарнизон в тяжелом бою. Теперь в бой пошла вторая линия — анатолийские янычары Исхак-паши, сосредоточившие главный удар на воротах Св. Романа. Целых три часа продолжался их штурм, подкрепляемый артиллерией. В один момент ядро пробило широкую брешь, в которую рвануло около трех сотен янычар, но конная дружина царя во главе со св. Константином XI перебила их. На остальных участках фронта турки также не имели решительного успеха.

Приближалось утро, и византийцы надеялись, что штурм окончен. Но Мехмед II, разгневанный неудачей анатолийцев, пустил в бой свой последний резерв — гвардейских янычар. Они продвигались вперед стройными колоннами, демонстрируя удивительное презрение к смерти, под грохот канонады орудий и с распушенными знаменами. Хотя христиане были уже истощены, бой продолжался с переменным успехом еще четыре часа. Падали убитые, стонали раненые, а за спинами византийцев звенели храмовые колокола. Возможно, и этот штурм мог быть отбит, хотя османы дрались уже на внутренних укреплениях, но тут все решил *случай*.

В самом углу влахернской стены находилась башня Керкопорта, имевшая скрытую дверь для вылазок осажденных. По чьей-то небрежности, она оказалась открытой, и в нее проникло около 50 янычар. Смелчаки были бы безусловно уничтожены итальянцами, но именно в этот момент пуля из турецкой пищали (по другим сведениям, стрела) поразила храброго Джустиниани. Итальянцы дрогнули, отвлеклись, и этих мгновений оказалось достаточно для того, чтобы янычары успели отворить внутренние ворота. Император был рядом и убеждал своих боевых товарищей, что резервов у османов уже не осталось. Что нужно выдержать этот натиск и победа останется за греками. Но и защитники Константинополя уже изнемогали от усталости, а потому медленно начали отступать к кораблям.

Этот успех не укрылся от глаз султана, находившегося неподалеку, и он тут же бросил в прорыв новый отряд янычар. И хотя греки почти всех их уничтожили, враги все время прибывали. Постепенно, отбивая удары врагов, защитники Константинополя отходили к внутренней стене, и, наконец, над одной из башен взвился турецкий флаг. Раздался громкий вопль сотен глоток: «Город наш!», и османы с новыми силами рванули вперед. Император с остатками резервного отряда своей гвардии поспешил на помощь последним защитникам, но не в его силах было отбить ворота. Тогда св. Константин XI под защитой испанского

рыцаря Франсиско из Толедо, своего двоюродного брата *Феофила Палеолога* и *Иоанна Далматаса* поспешил назад, чтобы собрать хоть какой-то отряд для контратаки, однако сопротивление было уже сломлено. Последние защитники пытались отбиться от турок и скрыться в городе. Феофил Палеолог прокричал, что умрет, но не пустит османов в Константинополь, и смело бросился на врага. Император св. Константин XI сбросил с себя знаки царского достоинства и вместе с двумя товарищами устремился за братом. «Город захватывают, а я все еще жив?» — крикнул св. Константин XI. И это были последние слова, которые слышали от него; больше его никто не видел ни живым ни мертвым.

Между тем на стенах и башнях один за другим взлетали вверх турецкие флаги. Возле Керкопорта еще продолжали сражаться братья Боккиарди, но вскоре были окружены и они. Все же храбрым итальянцам удалось пробиться сквозь кольцо турок к Золотому Рогу, где они сели на суда генуэзцев, перевезших их в безопасное место. В других местах отчаянная храбрость венецианцев натолкнулась на железный натиск янычар. Венецианцы были окружены и почти все перебиты. Единственное место, где греки еще держались, оказался район Ликоса. Но турки ударили византийцам в тыл и почти всех перебили. Только несколько раненых греков, включая военачальников Димитрия Кантакузена и Филиппо Контарини, были взяты в плен. В районе Студитов принц Орхан вместе со своими воинами сражался до самой смерти, прекрасно понимая, что будет с ним в плену. Возле императорского дворца еще держались каталонцы, но и они почти все приняли смерть, не оставив позиции.

Кардинал Исидор, смело управлявший обороной, увидел, что сопротивление безнадежно, и попытался скрыться. У входа в Золотой Рог критские матросы мужественно отбили все атаки турок и спокойно спустили свои суда на воду, а затем отплыли. Восхищенные их мужеством, османы не решились преследовать христиан. Два итальянца, братья Паоло и Троило, еще сражались, когда увидели, что Константинополь взят турками. Один сказал другому: «Солнце — содрогнись, земля — возопи. Город взят, и *прошло время сражаться*».

У ворот Св. Романа случилась давка, и множество византийских воинов, пытавшихся максимально быстро прорваться обратно в город, нашли свою смерть почти без боя. Обессиленных византийцев турки поражали в спину. Османы преодолели Большую стену и ворвались в Константинополь. Кое-где еще продолжалось сопротивление, но оно не могло остановить волну мусульман.

Город уже был предан незамедлительному грабежу турок, что спасло немало жизней. Генуэзцы на своих кораблях собирали последних солдат

и сотни мирных жителей и увозили их подальше от Константинополя. Пользуясь тем, что матросы турецких кораблей отставили суда и предались грабежу, несколько византийских галер сумели ускользнуть из Золотого Рога с беженцами. Правда, так продолжалось только до полудня, когда султану удалось восстановить на флоте порядок. Теперь бухта контролировалась османами, и все попытки бегства были пресечены.

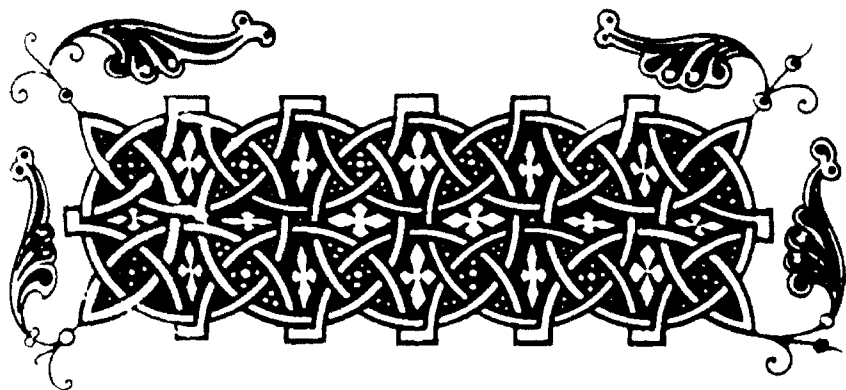
Константинополь пал, но султан удержался и до вечера не въезжал в него, дав волю алчности своих солдат. Он встречал делегации и с нетерпением ждал результатов поиска трупа императора св. Константина XI. Впоследствии утверждали, что на поле боя было найдено обезглавленное тело, на ножных латах которого красовался герб Палеологов. И вроде бы султан приказал отдать его грекам для погребения. Даже приводили подробности его гибели — будто бы раненый василевс просил хоть кого-нибудь умертвить его, и двое турок, не узнав в нем императора, убили царя.

Но насколько эта история правдива, не знает никто. Однако ни у кого, включая удовлетворенного султана, не осталось сомнений в том, что последний Римский император св. Константин XI Палеолог погиб. Надо сказать, храбрость св. Константина XI Палеолога поразила даже турок. Как писал об императоре турецкий хронист, «правитель Константинополя отличался храбростью и не просил пощады». И вплоть до начала XX в. в одном из уголков Стамбула местные жители показывали могилу императора, над которой постоянно горела лампада. Нет сомнения в том, что эта безымянная могила не имела ничего общего с последним Римским царем, но сам факт ее оберегания со стороны турок-мусульман весьма красноречив.

Впрочем, сохранилось много и христианских преданий и легенд, навеянных печальной памятью святого императора. В греческом народе бытует твердое убеждение, будто во время последнего сражения 29 мая 1453 г. Ангел Божий спас св. Константина Палеолога, окруженного со всех сторон турками, и скрыл в подземной пещере, которая находится под Золотыми воротами в западной части Константинополя. Там он и пребывает спящим, подобно семерым отрокам Эфесским, пока Ангел не разбудит его и не возвратит ему меч. После этого св. Константин выйдет из пещеры вместе со своим воинством, вступит в древнюю столицу ромеев и изгонит турок до конца земли. А до тех пор царский венец и скипетр св. Константина хранит Пресвятая Богородица Дева, пока не будет помилован несчастный народ христиан. Именно последний православный царь Византии будет уподобляться в многочисленных толкованиях на Апокалипсис белому коню, на котором восседает Христос. Красивая легенда...

Так или иначе, но со смертью св. Константина Палеолога оборвалась прекрасная ветвь христианских императоров великой Всемирной Державы, которая началась со святого и равноапостольного Константина I Великого, рожденного св. Еленой, и завершилась св. Константином XI Палеологом, сыном св. Ипомонии (Елены). Наверное, это очень символично.

Ни далекие потомки византийцев, ни Православная Церковь не забыли подвига нашего героя, и в 1992 г. Священный синод Элладской церкви принял тропарь и другие песнопения «святому Константину Палеологу, славному *Царю-мученику*». Закрылась последняя страница истории Византийской империи...

Глава 17.

СВЯТАЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ ЕЛЕНА, СВ. ЭЛИЯ ПЛАКИЛЛА, СВ. АРИАДНА, СВ. МАРКИАНА, СВ. СОСИПАТРА, СВ. ФЕВРОНИЯ, СВ. АНФУСА, СВ. ФЕОФАНИЯ, СВ. ИРИНА, СВ. МАРИЯ МОНГОЛЬСКАЯ, СВ. ИПОМОНИЯ, СВ. СТЕФАН, СВ. ИГНАТИЙ

Наше изложение было бы неполным, если бы помимо святых правителей Византийской империи мы не упомянули тех, кто находился рядом с ними все эти годы, не назвали добрые плоды святых царственных деревьев. Среди них есть и царицы, делившие со своими мужьями и отцами тяжесть монаршего служения, и порфирородные дети, избравшие путь христианского благочестия и аскетизма. И два святителя, ставшие Константинопольскими патриархами из императорских покоев.

§1. Святая равноапостольная царица Елена (память 19 марта)

Мать великого преобразователя человечества святого равноапостольного Константина Великого царица *Елена* принадлежала к самому

бедному сословию. И хотя некоторые, наиболее ревностные почитатели первого христианского императора выводят его родословную через мать от легендарного короля кельтской Британии *Козля Старого*, чьей дочерью она якобы являлась, объективность требует признать, что была она, скорее всего, дочерью хозяина гостиницы. В один из дней отец св. Константина Великого *Констанций Хлор* (305—306), тогда еще совсем молодой римский офицер, остановился в этой гостинице и произвел на девушку неизгладимое впечатление.

Нужно знать нравы тех времен, чтобы представить глубину чувств св. Елены к Констанцию Хлору, если она решилась оставить отчий дом и променять пусть и незамысловатую, но привычную судьбу периферийной девушки на довольно сомнительный статус конкубинки (содержанки, наложницы) римского офицера. Очевидно, чувство было взаимным, поскольку, когда в 293 г. в силу политических обстоятельств Хлор был вынужден жениться на другой женщине, он не оставил свою первую любовь.

Едва ли это *официальное* расставание многое изменило в личных чувствах двух любящих людей. И хотя известий об этом периоде жизни св. Елены практически не сохранилось, очевидно, что она находилась неподалеку от Констанция. По крайней мере, как гласят документальные свидетельства, она отдала часть своего дворца в Трире под христианский храм, из чего следует, что жила она довольно обеспеченно.

Став одним из двух императоров Рима (вторым был некоторое время правитель Востока *Лициний*), ее царственный сын немедленно приблизил ее к себе и наделил высоким саном. В 318 г. началась чеканка монет с ее изображением, что само по себе являлось далеко не рядовым событием. А в 324 г. святой император удостоил ее величественнейшим титулом «августа».

Относительно принадлежности св. Елены к христианской Церкви окончательной ясности нет. По одним свидетельствам, она с юности была знакома с христианским учением и оказала некоторое влияние на религиозные чувства сына. По другим, приобщение к Церкви случилось гораздо позднее и под влиянием самого св. Константина Великого.

Впрочем, эти детали, важные в других ситуациях, в данном случае имеют откровенно второстепенное значение. Важно лишь то, что подобно ее сыну св. Елена немедленно и полностью вручила себя Христу, что не осталось невознагражденным. Вскоре после Никейского Собора, в 326 г., совсем уже престарелая женщина (ей исполнилось около 80 лет) неожиданно для многих предприняла паломническую поездку в Иерусалим. Впрочем, в скором времени все объяснилось. Дело заключается в том, что император уже не раз высказывал ближним горечь

по поводу того, что величайшая святыня христианства Крест Господень был утерян и, как казалось тогда, безвозвратно. И вот тогда, как гласит Предание, в один из дней св. Елена во сне получила от Христа повеление отправиться в Иерусалим на поиски святыни.

Явившись в этот город, она в конце концов нашла то место, где, по словам отдельных очевидцев, был зарыт Крест, велела снести языческое капище, сооруженное на святом месте, и тотчас, по словам историка, явлены были Святой Гроб и три креста. Очевидно, совпадение было слишком явным, чтобы не прийти к выводу, что поиски увенчались успехом. Но никто не мог сказать, какой из этих крестов Господень. Тогда Иерусалимский патриарх *Макарий* (314—333) подвел к крестам одну тяжелобольную женщину — христианку (в тексте даже говорится, что она уже даже не дышала), которая, коснувшись Животворящего Креста, тотчас исцелилась. В честь этого события распоряжением св. Елены в Иерусалиме были возведены многие церкви, а Константин повелел вковать гвозди, которыми было пронзено тело Христа, в свой шлем и в уздечку.

Соорудив храм Гроба Господня, святая царица очень часто присутствовала в нем на богослужении. Как говорят, она была настолько набожна, что молилась, всегда стоя в ряду других женщин, и сама же, несмотря на возраст, прислуживала им за столом, когда подходила время агапы, «вечери любви», предлагая всем пищу и питье. Она отличалась также редкой сострадательностью к бедным и нищим людям, и каждый мог рассчитывать на ее помощь и доброе участие.

Скончалась св. Елена в возрасте 90 лет, окончив «свою жизнь в присутствии, в глазах и в объятиях столь великого, служившего ей сына», как писал современник. Погребение ее тела окутано массой легенд. По одной из них, она была похоронена в Риме в специально изготовленном для ее тела порфирном саркофаге. По другой, она открыла счет царям и царицам, погребенным в храме Святых Апостолов в Константинополе.

§2. Императрица святая Элия Плакилла (память 15 сентября)

Святая Элия Плакилла, первая супруга императора св. Феодосия Старшего, являлась чудесной сподвижницей Православия, многократно *наглядно* демонстрировавшей любовь к ближнему, ухаживая за тяжелобольными людьми. Церковь не случайно прославила эту благочестивейшую христианку и императрицу. Ее главным занятием была

молитва к Богу и забота о страждущих: многократно она бывала в тюрьмах и больницах, поддерживая несчастных, и нередко сама, своими руками омывала раны больным. Ее ревность по Богу была такова, что она не допускала самой мысли о возможности послушаться Его воли или власть в случайный соблазн. Когда однажды св. Феодосий хотел встретиться с арианским богословом, императрица уговорила его отклонить встречу, чтобы ариане не употребили этот прецедент в свою пользу. Император послушался царицу и даже приказал выгнать богослова из дворца. В целом св. Плакилла, по словам св. Григория Нисского, являлась *«столпом Церкви, сокровищем бедных, покровом несчастных»*. Осень 386 г. она отдала Богу душу, похоронив перед этим свою малолетнюю дочь Пульхерию. А вскоре была прославлена Церковью в чине благоверных цариц.

§3. Императрица святая Ариадна (память 22 августа)

Святая императрица Ариадны, дочь императора св. Льва I Великого, являлась женщиной удивительной судьбы. Годы ее жизни пришлись на весьма тревожное время. Пытаясь противопоставить готам, заполонившим ряды политической и военной элиты Византии, другую силу, св. Лев Великий остановил свой взор на *исаврах* — выходцах из горных районов Малой Азии. К этому времени те пополняли собой, как правило, гарнизонные отряды Константинополя, и вскоре царь составил из них особый отряд *экскувитов* — личной гвардии. Чтобы еще более приблизить к себе исавров, император решился на неочевидный поступок. Один из вождей исавров, некто Тарасикодисса, стал по воле императора мужем его дочери св. Ариадны. Зять принял имя *Зенона*, своего славного соплеменника, некогда спасшего Римскую империю от гуннов, и был почтен в 469 г. консульским званием.

Вскоре у молодоженов родился сын, будущий император Лев II Младший. 9 февраля 474 г. на ипподроме прошла коронация нового царя. Увы, 6-летнему мальчику-императору не удалось оставить хотя бы какой-то след в истории — в этом же году, через 9 месяцев после коронации, 17 ноября 474 г., он умер от болезни. А потому после смерти св. Льва Великого трон наследовала его дочь св. Ариадна и ее супруг Зенон.

Надо сказать, это царствование сопровождалось многими трагическими событиями. Буквально год спустя, в 475 г., Зенон был свергнут с трона (заговор был организован не без участия его тещи, царицы

Верины), а его преемником стал *Василиск* (475—476). Лишь счастливым стечением обстоятельств Зенону удалось в 476 г. вернуть себе царство, но попутно пережить годы унижений от готов, при помощи которых он и его святая супруга свергли узурпатора. Тем не менее второе правление привело к стабилизации ситуации в политической элите и в церковной среде (хотя и вызвало так называемую «Акакиеву схизму», следствием которой стал очередной разрыв отношений с Римской кафедрой). Зная отношение царя к своей супруге, да и уровень образования самого Зенона, можно несколько не сомневаться в том, что св. Ариадна отнюдь не была молчаливым статистом в эти годы.

Умер император Зенон 9 апреля 491 г. в возрасте 60 или 66 лет душевно и физически разбитым человеком, пораженный смертью во время очередного приступа эпилепсии, не оставив наследника. Брат императора магистр армии Лонгин, которого тот хотел бы видеть на троне, не снискал уважения у константинопольцев, а потому вопрос о будущем царе оставался открытым. И здесь решающее слово сказала св. Ариадна.

Вечером 9 апреля 491 г. в портике перед большой обеденной залой дворца собрались высшие чиновники, патриарх и члены сената. Одновременно с ними на ипподром потянулся народ и, привычно разбившись на партии, занял свои места. Их окружили войска, гвардейские части, также желавшие принять участие в выборе нового императора. Раздались крики, требующие назвать имя будущего царя. По совету чиновников вдовствующая императрица св. Ариадна, облаченная в порфирную одежду, вышла в сопровождении патриарха *Евфимия* (490—496), двух препозитов, магистра оффиций и других высших персон. Ее появление было встречено криками: «Ариадна августа, твоя победа!», «Православного царя для Вселенной!». Царица обратилась к присутствующим с речью, в которой объявила, что уже отдала необходимые распоряжения синклиту и представителям войска. Им приказано подыскать императором христианина, прирожденного римлянина, доблестного и благочестивого мужа.

Затем, когда шум стих, глашатай подтвердил, что императрица желала бы, чтобы личные счета и выгоды оказались позабыты, а все участники озаботились исключительно благом государства. В заключение св. Ариадна просила не торопиться с выбором, дабы выдалась возможность достойно и благочестиво совершить погребение покойного царя. Из толпы вновь раздались возгласы: «Славная Пасха миру!», «Порядок и благочиние городу!», «Многие лета царице!», «Храни, Боже, ее жизнь!», «Все блага да будут тебе, римлянка, если ничто чужое не умножит род римлян!», «Царство твое, Ариадна, твоя победа!».

Выход завершился, царица вернулась в свои покои, но оставшиеся одни чиновники и патриарх так и не смогли прийти к единому выводу о кандидатуре. Тогда некий сановник предложил предоставить выбор самой царице. Разумеется, такой вариант мог быть возможен исключительно в том случае, когда царица признавалась высшим светом самостоятельной политической фигурой, с чьим мнением нельзя не считаться.

И именно св. Ариадна остановила свой выбор на *Анастасии I* (491—518), которого немедленно привели во дворец и поместили в зале консистория. Оттуда новый царь обратился к народу со словами: «Ясно, что человеческая власть зависит от мановения свыше. Всемилоостивейшая августа Ариадна по собственному решению, выбор блистательных сановников и сената, согласие победоносных войск и «святого» народа принудили меня, против воли и вопреки отказам, принять на себя заботу о Римском царстве, вручая себя милосердию Святой Троицы. Какое бремя за общее благо легло на меня, это я знаю. Молю Вседержителя Бога, чтобы мне оказаться в моей деятельности таким, каким в вашем единодушном избрании надеялись вы меня видеть. Да будет с вами Бог».

На следующий день состоялись похороны Зенона, погребенного в храме Святых Апостолов. А через 40 дней после восшествия на престол Анастасия совершилось его бракосочетание со св. Ариадной — благоразумная и необходимая мера для легализации прав нового императора при наличии других претендентов на трон. Позднее роль св. Ариадны в делах Византийской империи соответствует негласному принципу «императрица правит, но не управляет». Конечно же, все нити власти находились в руках Анастасия I, умелого и опытного управленца, хотя в церковных делах св. Ариадна играла далеко не второстепенную роль.

Именно ее участие и расположенность к сторонникам Халкидонского Собора не позволили монофизитам сместить с кафедры Константинопольского патриарха Македония, хотя на этом настаивал император. Возможно, это вызвало известное охлаждение отношений между царственными супругами, поскольку до самой смерти мы практически не встречаем в летописях упоминания ее имени. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и вполне физиологические обстоятельства: Анастасий был старше своей супруги на 20 лет, а к моменту его воцарения св. Ариадне было уже более 40 лет — возраст для женщины тех времен довольно почтенный. В таких случаях супруги невольно начинают жить *параллельными* интересами.

Скончалась святая императрица в 515 г., и ее похоронили по уже заведенной традиции в храме Святых Апостолов в Константинополе.

§4. Императрица святая Маркиана (память 9 февраля)

Святая Маркиана являлась женой императора Юстина I, простого, честного, прямого человека, и соответствовала ему в этих качествах. Как и ее, муж св. Маркиана не отличался образованностью и вообще едва ли умела читать. Зато была чрезвычайно набожна и щепетильна в вопросах этики, отличалась твердым характером и непреклонностью. Особо не благоволила будущая императрица к девицам легкого поведения и актрисам. Лишенная детей, св. Маркиана всем сердцем полюбила их единственного племянника, будущего императора св. Юстиниана Великого.

Ее судьба заметно выделяется из общей массы. В юности она попала в рабство и была приобретена для собственных нужд своим будущим мужем. Вскоре стала его конкубинкой (наложницей). Дальнейшие события можно легко реставрировать по обычному для римских офицеров стандарту. Поскольку ее муж делал карьеру из солдат, св. Маркиане пришлось пройти с ним все пути, деля с Юстином тяготы и лишения военных походов и карьерные успехи.

Своими благочестием и скромностью она очень нравилась Юстину, и тот *официально* сделал ее своей женой. Это весьма красноречивая деталь, поскольку поднявшись по карьерной лестнице, Юстин мог найти себе более выгодную партию. Тем не менее чувство к св. Маркиане в нем не угасло, и она уже в зрелом возрасте стала дамой света при своем супруге — тот являлся командующим царской гвардией. Ему было более 70 лет, когда 9 июля 518 г., в день смерти императора Анастасия I, его неожиданно избрало новым царем войско и сановники.

Сразу после коронации император венчал царским венцом и свою супругу, которая тотчас по заведенной традиции сменила свое имя, став Евфимией. Новое имя было взято в честь великомученицы Евфимии Всехвальной, которая ассоциировалась с решениями IV Вселенского Собора, проходившего в стенах храма Св. Евфимии в Халкидоне. После смерти царица была похоронена в храме Св. Евфимии Всехвальной в Константинополе. А позднее прославлена Церковью под именем благочестивой и святой императрицы Маркианы.

§5. Блаженная Сосипатра, царица (память 9 ноября)

Блаженная Сосипатра, дочь императора св. Маврикия, с детства отличалась желанием оставить мир и уединиться для монашеского подвига. Перед глазами юной девушки стоял пример ее тетки Дамияны, игуменьи Иерусалимской обители, и св. Сосипатра многократно останавливалась у нее, однажды прожив в Святом городе целый год. Вернувшись после этого путешествия в Константинополь, она познакомилась во Влахернском храме со святой подвижницей Евстолией и основала совместно с ней женский монастырь, куда и ушла по согласию своего отца. Для организации новой обители ее отец — император св. Маврикий приобрел у одного сенатора огромный дом, где были организованы кельи для сестер и помещения для престарелых лиц, за которыми монахини ухаживали.

Постепенно круг сестер расширился, и со временем это стал большой монастырь, которым после смерти св. Евстолии управляла св. Сосипатра. Святая надолго пережила своих родных и только в 625 г. отдала Богу душу.

§6. Блаженная Феврония, царица (память 28 октября)

Другим прекрасным примером христианского подвижничества стала дочь императора Ираклия Великого царица св. *Феврония*, дочь императора Ираклия Великого. Подвизаясь на ниве аскетизма, она снискала уважение такой заметной фигуры, как Константинопольский патриарх св. *Иоанн Постник* (585—595). Как полагают, именно ей он посвятил свое «Послание к деве, преданной Богу». Будучи совсем юной, она в 633 г. отдала Богу душу, когда ее отец воевал с персами, и позднее была прославлена Православной Церковью.

§7. Преподобная Анфуса, царица (память 12, 17 и 18 апреля)

Дочь царя Константина V Исавра св. *Анфуса* с детства отличалась благочестием и христианским смирением. Будучи царицей, она надевала царскую одежду, под которой, однако, ее тело покрывала вла-

сяница из конского волоса. Нередко ее видели гуляющей по улице, где она собирала брошенных детей, устраивала их в приют и принимала деятельное участие в их воспитании. Отец не раз желал выдать ее замуж, но св. Анфуса категорически отвергала любые предложения на этот счет. Видимо, император настолько любил ее, что не посмел настаивать на отказе дочери от поклонения святым иконам. Хотя в отношении к другим иконопочитателям император бывал нередко чрезвычайно жесток.

Когда Константин V Исавр скончался, 16-летняя девушка приняла монашеский постриг, став монахиней Омонийской обители. Перед этим царица *св. Ирина*, о которой речь у нас пойдет далее, неоднократно предлагала ей разделить с собой высшую власть в Римской империи, но св. Анфуса неизменно отказывалась. Став монахиней, св. Анфуса поражала всех своим смирением. Она, порфирородная царевна, служила всем сестрам монастыря, носила воду, убирала храм, во время общей трапезы никогда не присаживаясь со всеми к столу и прислуживая другим. Особенно тщательно св. Анфуса соблюдала правило никогда не покидать стен святой обители. Скончалась св. Анфуса 12 апреля 811 г. в возрасте 52 лет.

§8. Императрица святая Феофания (память 16 декабря)

Императрица *св. Феофания* была дочерью патрикия Константина из знатного рода Мартинакиев. 16-летней, скромной и чрезвычайно благочестивой девушкой, она была отдана замуж за царевича Льва, сына императора *Василия I Македонянина* (867—886), впоследствии прозванного Мудрым. Этот головокружительный успех для девушки в данном случае едва ли принес радость самой юной царице. Дело в том, что Василий Македонянин до конца своих дней полагал, будто царевич Лев является отпрыском покойного императора *Михаила III* (842—867), своего предшественника, и откровенно недолюбливал сына. Правда, в 870 г. Лев был удостоен императорского титула, но в принципе это ничего не изменило в отношениях. Нередко излишне прагматичный и властный, Василий Македонянин *по-своему* устраивал судьбу сына, мало заботясь о его интересах и желаниях. Желая обеспечить ему поддержку со стороны высшей аристократии Римской империи, он и женил его в 882 г. на св. Феофании, нимало не заботясь тем, что сын не испытывал к невесте ровным счетом никакого влечения.

По преданию, выбор невесты произошел следующим образом. Как обычно, создавали девушек из богатых семей со всех уголков Византийской империи, и когда выдалось свободное время, девушки, возбужденные предстоящими смотринами, коротали время. Одна из кандидаток, афинянка, предложила погадать необычным образом: все должны были разуться, и первая, кто встанет, наденет свои туфли и сделает красивый поклон, та и станет избранницей судьбы. Так и поступили, и св. Феофания выиграла состязание. Девушки живо обсуждали происшедшее событие, когда в дверь вошли император и императрица. Они сразу обратили внимание на св. Феофанию, стоящую в центре залы в окружении остальных девиц. Девушка понравилась им своей красотой и кротостью, и они тут же остановили свой выбор на ней. Льва, конечно, никто не спрашивал, более того, по личному признанию Льва VI, сделанному позднее, Василий Македонянин избил его, *заставив* жениться на св. Феофании. Разумеется, после такого начала трудно было ожидать доброго продолжения супружеских отношений. Хотя юная царица делала все, для того чтобы угодить супругу.

Следует отметить, что св. Феофания являла собой широко распространенный пример женской святости, далеко не редкий в те дни. Уже в 6 лет она знала Псалтирь *наизусть* (!), а ее благочестие стало широко известным. Рожденная скорее для монастырской обители, чем для царского дворца, св. Феофания под роскошным царским платьем носила обноски, спала на жесткой подстилке вместо кровати и ночью каждый час вставала для молитвы. Все дни она проводила в благочестивых делах и быстро наскучила молодому царевичу, пышущему энергией и мужской силой.

Неудивительно, что вскоре Лев Мудрый сошелся тайной связью с дочерью *этериарха* (начальника иноземной дворцовой стражи) Стилиана Заутцы Зоей. Обворожительная девица полностью пленила сердце Льва, и их отношения стали настолько открытыми, что св. Феофания однажды не выдержала и пожаловалась свекру на поведение собственного супруга. Не мудрствуя лукаво Василий Македонянин тут же приказал венчать Зою с неким придворным, а сыну сделал жесткий выговор. Этот инцидент еще более охладил отношения Льва с отцом, что привело в 885 г. к печальным последствиям.

В число доверенных лиц императора входил Евхаитский архиепископ Феодор Сантаварин. Со Львом они откровенно не любили друг друга — Сантаварин публично высказывал сожаление по поводу легкомысленности царевича и задумал дьявольскую комбинацию, результатом которой должно было стать окончательное отвержение императором своего сына. Как-то он посоветовал Льву вооружиться коротким мечом, чтобы не быть застигнутым врасплох недругами, которые — уверял

царевича архиепископ — желают его смерти; и юноша доверчиво внял словам архиерея. Но вслед за этим Феодор Сантарин «открыл» императору, будто неблагодарный сын желает его убить. Льва доставили в царские покои и обыскали — конечно, меч был при нем. Разгневанный василевс отдал приказ *ослепить сына* (!), и лишь горячее заступничество многих сенаторов спасло Льва. Все же царь лишил сына права носить пурпурные сапоги и на три года заключил под стражу — верная св. Феофания добровольно разделила с мужем тяжесть нахождения в заключении. Все время нахождения под стражей супруги предавались молитве и посту, моля Бога о даровании им прощения и спасения.

И помощь пришла. Друзья Льва, которых было много среди придворных сановников, неоднократно предпринимали попытки освободить его. Сохранилось известие о том, что кто-то из них специально обучил говорящего попугая, клетка с которым висела в большом зале Священного дворца, и во время обеда птица постоянно повторяла: «Бедный Лев! Бедный Лев!» Во время одной трапезы император заметил грусть на лицах своих сановников и спросил, в чем причина. «Как мы можем пировать с легким сердцем, государь, — ответили они ему, — если птица и та укоряет нас за наше поведение. Как мы можем среди веселья забыть несчастного царевича?» Под давлением придворных сердце отца смягчилось.

Наконец, на праздник Илии Пророка (20 июля), Василий I дал сыну и невестке свободу, разрешив даже участвовать вместе с собой в пышной процессии. А сразу после смерти отца новым императором Римского государства стал *Лев VI Мудрый*. Возможно, после перенесенных невзгод отношения между супругами изменились бы, но в 893 г., на 12-м году замужества, св. Феофания почил в Бозе, чуть ранее оплакав смерть своей юной дочери Евдокии. Очевидно, это была тяжелейшая утрата для Льва Мудрого. Желая воздать должное своей покойной супруге, он построил храм в ее честь, а затем инициировал ее прославление перед Константинопольским патриархом и его синодом. И вскоре многочисленные чудеса на могиле покойной императрицы засвидетельствовали, что Византия обрела новую святую.

§9. Преподобная Ирина (Ксения) Комнин, императрица (память 13 августа)

В 1104 г. по настоянию отца император *Иоанн Комнин* женился на дочери Венгерского короля *Ласло I Святого* (1077—1095) *Пирошке* («Красная девица» по-венгерски). Оставшись без отца (ее мать Аде-

лаида Швабская умерла еще раньше), Пирошка попала под опеку нового Венгерского самодержца *Кальмана* (или *Коломана*) *I Книжника* (1095—1116), а затем, несмотря на свой протест (глубоко верующая девушка хотела принять монашеский постриг), была выдана замуж, чтобы укрепить дипломатические отношения между двумя державами. После замужества Пирошка была наречена Ириной. Впоследствии она будет канонизирована Восточной церковью как *св. Ирина*.

Эта благочестивейшая царственная чета заслуживает многих добрых слов. Даже современник, один из наиболее безжалостных критиков царей, с благоговением писал об Иоанне II Комнине: «Это был человек, который и царством управлял прекрасно, и жил богоугодно, и по нравственности не был ни распутен, ни невоздержан, и в дарах и издержках любил великолепии, как об этом говорят частые раздачи золота константинопольским жителям». Как заботливый и взыскательный отец, император чрезвычайно внимательно следил за соблюдением благопристойного поведения и вида своими домашними, обращая внимание даже на такие мелочи, как стрижка и состояние обуви. Он настоятельно требовал, чтобы и по внутренним качествам, и внешним видом его дети соответствовали царскому сану, а потому ни в чем не давал им поблажек.

При нем из дворца улетучилось пустословие, роскошь в еде и одежде. Сам Римский царь являл собой прекрасный образец строгости и воздержания, скромности и доброты. Очень редко его можно было увидеть хмурым или суровым. Открытый и приветливый, привыкший довольствоваться малым, любящим хорошую шутку, остроумный, он был любим византийцами. Достаточно сказать, что за все свое долгое царствование Иоанн II *не казнил ни одного человека (!)* и никого не изуродовал.

А жена, тихая и благочестивая *св. Ирина*, далекая от политики, была занята исключительно воспитанием детей и благотворительностью. Все средства, которые полагались ей из государственной казны или дарил супруг, она раздавала нищим, нисколько не заботясь о наследстве для дочерей. Ни один человек не уходил от царицы обделенный ее лаской, советом или подарком. Вместе с мужем *св. Ирина* основала на собственные средства монастырь Спаса Вседержителя. Императрица также активно патронировала венгерских паломников, отправлявшихся в Святую Землю. Супруги были счастливы в браке и имели восьмерых детей. В 1106 г. у них родились близнецы Алексей и Мария, в 1108 г. — Андроник, в 1110 г. — Анна, в 1115 г. — Исаак, в 1116 г. — Феодора, в 1118 г. — Мануил, в 1119 г. — Евдокия.

Это была на редкость дружная и благочестивая супружеская пара, и Бог даровал им 30 лет счастливой жизни. Но, к несчастью для царя,

в 1134 г., когда он отправился с войском на войну с турками, его супруга скоротечно скончалась. Ему пришлось предать земле уже тело не царицы, а монахини: почувствовав приближение смерти, императрица приняла постриг под именем *Ксения* и тихо скончалась 13 августа 1134 г.

§10. Преподобная Мария Монгольская, царевна

Дочь императора *Михаила VIII Палеолога* (1261—1282) св. *Мария Монгольская* являлась единственным ребенком, рожденным им от внебрачной связи. Как полагают, ее матерью являлась некая аристократка Дипловатацина, родственница супруги императора. Очевидно, царственный отец не оставлял св. Марию своим вниманием, поскольку та проживала в Константинополе и не скрывалась от высшего света. По крайней мере, о существовании св. Марии вскоре узнало все общество, и отец девушки начал получать предложения о ее замужестве.

Ситуация в Византийской империи сложилась в то время чрезвычайно опасной. В 1261 г. при удачном стечении обстоятельств и совершенно случайно император Михаил VIII освободил от латинян Константинополь. Но опасность подстерегала вверенное ему Богом государство со всех сторон. Брат Французского короля *Людвика IX Святого* (1226—1270) *Карл I Анжуйский* (1227—1285), король Сицилии, в течение многих лет пытался организовать Крестовый поход на Константинополь, с Балкан византийцам угрожали болгары и эпиры, с Востока — турки, мамелюки и монголы, которые только-только явили свою смертоносную мощь миру.

Но гений дипломатии, Михаил VIII Палеолог выдал в 1265 г. свою внебрачную дочь преподобную *Марию Монгольскую* за внука *Чингисхана* (1206—1227) ильхана *Халугу* (1261—1265), а в 1266 г. дочь Ефросинью за хана *Ногая* (1240—1300), смертельного врага и соперника Хулагу. Этим он не только приобрел верного союзника, но и блокировал активность враждебных болгар. Кроме того, Михаил VIII Палеолог завязал дружеские отношения с Египетским султаном *Калауном аль-Мансуром* (1279—1290), убедив того, что им обоим угрожает общая опасность от латинян. Это было нелегко, поскольку к тому времени египетские мамелюки и татары стали кровавыми врагами.

Святая Мария выехала к мужу, но по дороге узнала, что Хулагу скончался. По заведенной у татар традиции, она автоматически стала женой сына покойного, ильхана *Абага* (1234—1282). Святая Мария глубоко

почиталась у монголов, сдерживая одновременно с этим какие-либо воинственные начинания против родной Византии. Как говорят, она получила известность в Хулугунском государстве как защитница христиан под именем *Деспина-хатун*. Утверждают, что ее влияние на мужа было почти безграничным. Однако в 1282 г. ее супруг был отравлен очередным конкурентом на престол, и св. Мария вернулась в Константинополь; детей с Абагом они не нажили.

В течение следующих нескольких лет ее судьба была далеко не спокойной: в дипломатических целях единокровный брат св. Марии император *Андроник II Палеолог* (1282—1328) пытался выдать ее замуж за другого представителя монгольского племени ильхана *Олджейту* (1282—1316), правителя Ирана, однако брак не состоялся. Сразу после этого св. Мария приняла монашеский чин под именем *Мелания*, построила на собственные средства храм и прожила там до самой кончины. Примечательно, что построенная ею церковь никогда не перестраивалась в мечеть и действует вплоть до сегодняшнего дня.

§11. Императрица святая Ипомония (память 29 мая)

Святая Ипомония, до пострига — *Елена*, супруга св. *Мануила II Палеолога*, приходилась дочерью *Константину Драгашу* (1355—1395), одному из многочисленных наследников Сербского короля *Стефана IV Душана* (1331—1355). Еще в детстве она узнала, что наречена стать супругой наследника Византийского престола св. Мануила Палеолога, а потому ее обучение было построено по византийским образцам. Впрочем, в то время Сербия переживала широкое увлечение византийской культурой, и нет ничего удивительного в том, что св. Ипомония отождествляла себя именно с византийским национальным самосознанием и культурой. Помимо прочего, девушка была чрезвычайно благочестива и набожна.

В 1390 г., когда св. Ипомонии исполнилось 19 лет, она вышла замуж за св. Мануила II Палеолога, который вскоре был поставлен на царство. Жизненный путь супругов был очень тяжелым: к тому времени Византия, окруженная многочисленными врагами, утрачивающая одну территорию за другой, являла собой печальный образ нищей, опустошенной страны. Все попытки святого императора найти помощь против турок на Западе не принесли успеха. Что, впрочем, не надломило веры святой царственной четы. Весьма красноречиво писал

о св. Ипомонии ее современник философ Георгий Гемист Плифон: «Царица с великим смирением и терпением относилась к обеим сторонам своей жизни. В час испытаний не отчаивалась, в час благоденствия не успокаивалась, в каждой ситуации делая все необходимое. Она обладала мужеством, большим, чем какая-либо другая женщина. Отличалась своей рассудительностью, совершеннейшей справедливостью. Мы не знаем ни одного случая, когда она кому-либо причинила зло — ни мужчине, ни женщине. Напротив, нам известно, что она множеству людей оказывает милость. Каким же еще образом можно на деле явить свою справедливость, как не добровольным отказом от причинения зла и творением благих дел для множества людей?»

35 лет длился брак двоих святых людей, даровавший им восьмерых детей. Двое из них — Иоанн VIII и св. Константин XI — стали императорами Византии, Феодор, Димитрий и Фома — деспотами Мистры, а Андроник — правителем Фессалоник.

После смерти мужа царица приняла постриг, нареклась именем Ипомония и с тех пор до самой смерти в 1450 г. пребывала в обители Св. Марфы. Когда в царском семействе возникли волнения, обусловленные претензиями царевича Димитрия на царский венец, именно позиция св. Ипомонии решила дела — она остановила свой выбор на св. Константине XI. Таким образом, своим авторитетом, силой веры и твердостью характера она сумела завершить раскол в царском семействе.

Геннадий Схоларий (1454—1456), ставший впоследствии Константинопольским патриархом, написал императору св. Константину XI послание «На смерть матери его, святой Ипомонии», где есть такие строки: «Всякий мудрец, посещающий эту блаженную императрицу, уходил от нее пораженный ее премудростью. Когда ее встречал какой-либо аскет, он уходил смущенный бедностью своей добродетельности, сравнивая ее с высотой добродетели святой. Человек рассудительный исполнялся еще большей рассудительности, законодатель становился более внимательным, а судья, беседуя с ней, убеждался, что перед ним — истинный канон справедливости. Человек дерзкий, уходил от нее побежденный, дивясь ее терпению, мудрости и силе характера. Человеколюбивый же исполнялся рядом с ней еще большего человеколюбия. Когда встречал ее любитель разгула, то приобретал благоразумие и, видя ее смирение, каялся. Ревнитель благочестия, знакомясь с ней, исполнялся большего рвения. Когда приходил к ней болящий, боль его успокаивалась. Любитель хвастовства, начинал корить себя за чрезмерное себялюбие. Иными словами, каждый человек, узнав святую Ипомонию, сделался лучше».

А Иоанн Евгеник в утешительном слове к св. Константину XI написал: «Что касается этой приснопамятной госпожи, твоей матери, то все в ее жизни было исключительным: вера, дела, род, манеры, жизнь, слова. Все они были скромны и достойны ее святой славы. И как жила она, причастная Божественному Промыслу, так и скончалась».

По счастью для св. Ипомонии, ей не пришлось пережить самое трагичное событие — падение Константинополя 29 мая 1453 г. За три года до этого, 13 марта 1450 г., она отдала Богу душу, пробыв в монашестве 25 лет.

§12. Константинопольский патриарх святитель Игнатий (847—858; 867—877), царевич (память 23 октября)

Борьба с иконоборчеством самым трагичным образом сказалась на судьбах многих царственных особ. О перипетиях отношений между сыновьями императора Константина V и св. Ириной, а ее самой с сыном Константином VI уже говорилось выше. Сменивший ее в результате удачного дворцового заговора *Никифор I Геник* (802—811) в 811 г. сложил свою голову на поле брани на войне с болгарами, а его преемником стал *Михаил I Рангаве* (811—813). Человек благочестивый и честный, он не обладал твердым характером, легко подпадая под влияние своей супруги царицы Прокопии и духовных лиц, ставших первыми советниками царя и в мирных делах, и в военных вопросах.

В такую сложную эпоху подобные сочетания не могли принести в успеха, и, начав вопреки здравому смыслу, но по горячим увещаниям окружавших его монахов, войну с Болгарией, Рангаве вскоре потерпел тяжелое поражение. Посчитав, что его участь решена, Михаил I вернулся в столицу и там 10 июля 813 г. принял монашеский постриг вместе с женой. Император *Лев V Армянин* (813—820), которого войско единодушно назвало его преемником, отправил Михаила в обитель на остров Плат; при нем находились два сына — *Никита* и *Евстратий*, которых оскостили сразу после пострига. Эта жестокая мера гарантировала, однако, Льва V от каких-либо попыток вернуть ветвь Рангаве на трон.

Надо сказать, в остальном Лев V был весьма великодушен: по его приказу царственные иноки получили большое ежегодное содержание, чтобы ни в чем не нуждаться. Как говорят, Михаил прожил еще долгую жизнь, пробыв в постриге более 30 лет, и умер только 845 г. или

даже в 850 г. А его сын, 14-летний царевич Никита, принявший после пострига имя *Игнатий*, вскоре стал широко известен своими аскетическими подвигами. Вскоре после его пострижения выяснилось, что мальчик благочестив, прилежен и тверд в желании неуклонно следовать церковным традициям и канонам. Благодаря помощи, оказанной семейству Рангаве императором Львом V, св. Игнатий сумел построить на Принцевых островах три монастыря, настоятелем одного из которых и стал.

Шли годы. 11 июля 847 г. скончался Константинопольский патриарх св. *Мефодий* (842—847), и царица св. Феодора *назначила* св. Игнатия новым столичным архиереем. Строгий аскет, 33 года проведенный в келье, не привычный к светскому обществу и лишенный навыков общения с людьми, св. Игнатий не без труда находил себя в Константинополе в новом качестве. Помимо прочего, наверняка он наследовал характер своей матери царицы Прокопии, которой было не занимать твердости и нередко не хватало благоразумия и такта в общении с людьми.

Характерен следующий эпизод. Прибыв в Константинополь, чтобы выслушать волю святой императрицы и покориться ей, св. Игнатий сразу же решил продемонстрировать свое *нерасположение* к сторонникам св. Мефодия, которого порицал за соглашательство во многих вопросах. Хиротонисать его в патриархи должен был круг заранее назначенных архиереев, куда вошел и Сиракузский епископ Григорий, сын покойного уже к этому времени императора Льва V Армянина. Но когда св. Игнатий увидел его, то громким голосом приказал тому *удалиться* (!). Разгневанный Григорий бросил свечку, которую держал в руках, на землю и в ответ назвал св. Игнатия «волком, противозаконно вторгшимся в Церковь». Затем он, епископ Сардикийский Петр и епископ Евламбий Апамейский вышли из храма. Григорий немедленно обратился с апелляцией в Рим, а попутно высказал сомнения в каноничности поставления патриархом самого св. Игнатия.

Он рассчитал все правильно: до императора Льва III Исавра Сиракузы окормлялись Апостольской кафедрой и папы не забыли нанесенной им обиды. Поэтому обращение в Рим стало хорошим поводом для того, чтобы вернуться к старому вопросу. Понтифик потребовал представить ему акты Собора, осудившего Григория Сиракузского, но Константинопольский патриарх, неоднократно позднее положительно высказывавшийся о прерогативах Римского епископа, на этот раз категорично отказал в требовании собрату. Он ответил, что Рим не вправе вмешиваться во внутренние дела Константинопольской церкви.

Моментально создалась новая оппозиционная церковная партия сторонников покойного Константинопольского патриарха, с которой

св. Игнатию уже вскоре пришлось считаться всерьез. Правда, усилиями правительства открытого разрыва отношений не произошло, но всем было ясно, что рано или поздно св. Игнатий будет вынужден столкнуться с противниками более решительно.

Ригоризм нового столичного архиерея привел также к тому, что вскоре он вошел в жесткое противостояние с самыми могущественными людьми Римского государства. В первую очередь с Вардой, дядей царевича Михаила III. Уже немолодой человек, Варда презрел все писаные и неписаные приличия, выгнал из дома свою жену и сошелся с невесткой — женой своего покойного старшего сына. Безусловно, эта связь не была *открытой* — такого себе никто не мог позволить в Византии, но все константинопольцы, конечно, знали о тайной и порочной страсти первого помощника императора. Как-то раз Варда направился на воскресную Литургию в храм Св. Софии, но патриарх приказал не пускать его в святилище. А в январе 858 г. св. Игнатий вообще отлучил Варду от Церкви, потребовав восстановить семейную связь с отвергнутой женой и прекратить отношения с невесткой.

Этого Варда стерпеть уже не смог: второй человек в Римском государстве подвергся публичному оскорблению со стороны патриарха! Тем более что при всех сплетнях его греховная связь не была никем доказана. И, конечно, далеко не все методы *личного пастырского убеждения* по отношению к Варде были использованы св. Игнатием до того момента, когда он отлучил первого министра Византии. В ответ по приказу Варды патриарх был арестован и заключен в темницу, где его подвергли телесным наказаниям. Патриарх непременно бы умер, поскольку мороз и голод вызвали в нем кровавый понос, но Константин Армянин, бывший подручный св. Феодоры, при посещении тайно оставлял ему немного вина и еды, когда рядом не было никого из стражей.

Решив через какое-то время, что св. Игнатий наказан достаточно, и удивившись выносливости патриарха, Варда приказал отправить бывшего столичного архиерея в ссылку. Чтобы придать видимость законности своим действиям, сановник обвинил патриарха перед императором в организации заговора с целью передачи царской власти другому лицу. В свою очередь св. Игнатий обратился за помощью в Рим, однако его обращения в адрес пап *Льва IV* (847—855) и *Бенедикта III* (855—858) остались без ответа — слабосильные понтифики не имели никакой возможности повлиять на императора Михаила III.

Святитель Игнатий был свергнут (по факту), но оставалась еще проблема *канонического* низложения патриарха с Константинопольского престола. Сам св. Игнатий ни за что не собирался отказываться от сана, и его начали переводить из монастыря в монастырь, меняя условия

содержания, дабы вынудить «добровольно» отречься от власти. Тем временем Варда провел блестящую интригу, следствием которой стало назначение на патриаршую кафедру придворного чиновника *св. Фотия* (858—867 и 877—887) — мужа, известного своей ученостью, добродетельного, 30 лет от роду. Хотя св. Фотий был мирянином и VII Вселенский Собор достаточно определенно возражал против таких назначений, почти все архиереи согласились с этим выбором. Срочно, всего за четыре дня, св. Фотий прошел все степени посвящения, и в декабре 858 г. стал новым Константинопольским патриархом.

Чрезвычайно щепетильный в вопросах веры и нравственности — он не дал согласия на патриаршество до тех пор, пока епископ Митрофан Смирнский не поклялся, что св. Игнатий *разрешил* избрать вместо себя на патриарший престол другое лицо. Своему предшественнику, томящемуся в ссылке, св. Фотий отправил послание, в котором обещал почитать того как отца. Его образ был до того светел и привлекателен, что даже противникам претил не он сам, а то обстоятельство, что св. Фотий становился «Вселенским» патриархом при живом св. Игнатии. После интронизации св. Фотий начал управлять Восточной церковью, строго соблюдая обязанности архипастыря, но в то же время умудряясь не испортить отношения с «власть предержащими». Михаил III не мог нарадоваться на патриарха, Варда вел с ним частые беседы о нуждах государства, а сам св. Фотий не устал ходатайствовать за св. Игнатия и его сторонников, хотя прекрасно знал, что это может обернуться ему во зло.

Однако радость константинопольцев по поводу умиротворения Церкви оказалась недолгой. Вскоре под влиянием своих сторонников (игнатиан), и в первую очередь епископа Смирнского Митрофана, св. Игнатий из далекой ссылки уведомил всех, что не считает каноничным поставление св. Фотия в патриархи, поскольку сам еще не сложил с себя сан. Справедливости ради отметим, что св. Игнатий действительно имел много достоинств как пастырь и многие сожалели о его низвержении. Если бы экс-патриарх *теперь* оставил кафедру, все бы утихло само собой — св. Фотий имел не меньше достоинств, которые с каждым днем умножали число его поклонников. Но св. Игнатий, что называется, поднес спичку к пороховой бочке, после чего события приняли уже самостоятельный оборот и заметно ужесточили отношения сторон.

В январе 859 г. игнатиане без разрешения властей организовали Собор в храме Св. Ирины и предали анафеме св. Фотия. Там же было оглашено послание св. Игнатия, который заявлял, что, пока он находится в изгнании, *никто в Церкви не вправе совершать священно-*

действия (!). Конечно, это было сверхординарное, непродуманное и глубоко ошибочное решение, которое не могло не вызвать обратную реакцию. В ответ Константинопольский патриарх продемонстрировал, что *и он* может быть жестким. Св. Фотий созвал Собор в храме Святых Апостолов и предал анафеме самого св. Игнатия.

Тогда поклонники св. Игнатия обратились с посланием в Рим, требуя «спасения». Для разрешения возникших недоразумений и подтверждения каноничности поставления св. Фотия в 861 г. был инициирован и созван приказом царя Михаила III Константинопольский Собор, прозванный в истории «Двукратным». Такое название он получил оттого, что современники считали его продолжением Собора 858 г., на котором анафематствовали св. Игнатия. Основная цель Собора заключалась в упрочении положения Константинопольского престола и лично св. Фотия в пику римским притязаниям.

В мае 861 г. состоялось открытие Собора. В присутствии царя были произнесены первые речи в адрес св. Игнатия. Его обвинили в неканоничности поставления на патриарший престол и создании смуты в Церкви. Св. Игнатий, однако, отклонил обвинение, сославшись на то, что его может судить только *Римский папа* (!). Тем не менее св. Игнатий был осужден архиереями и римскими легатами и отбыл в ссылку. Впрочем, папа Николай I не принял доклада своих легатов и не утвердил акты Собора, сочтя их неканоничными.

Однако уже в скором времени все резко изменилось: император Михаил III был убит, новым царем Византии стал Василий I Македонянин, замыслы которого требовали срочного восстановления отношений с Римским папой. Для этого потребовалось в судебном порядке осудить св. Фотия, признав неканоничность его возведения на патриаршую кафедру и найти кандидатуру нового столичного архиерея, способного удовлетворить Рим. Здесь затруднений не встретилось: император не упускал из виду фигуру низвергнутого патриарха св. Игнатия, за которого ранее бесперспективно заступался Римский епископ *Николай I* (858—867). Поскольку понтифик не признал каноничным низвержение св. Игнатия, казалось совершенно естественным вернуть того на столичный престол и тем самым пойти навстречу апостолику. Этот шаг представлялся правильным и с тем учетом, что «друг монахов» пользовался большим авторитетом среди рядовых византийцев. Патриарх из царского рода, ярый противник иконоборцев, благочестивый страдалец — все эти качества не могли не привлекать к нему простых христиан. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что для многих, очень многих византийцев св. Игнатий ассоциировался с им-

ператрицей св. Феодорой, а св. Фотий — с мало популярным императором Михаилом III.

Через два месяца после удаления св. Фотия в монастырь Сретения, что располагался на берегу Босфора, император и св. Игнатий, восстановленный в патриаршем достоинстве царем, направили письмо папе Николаю I, которого к тому времени уже сменил папа *Адриан II* (867—872). Македонянин уведомлял понтифика, что крайне обеспокоен состоянием Восточной церкви и потому решил лечить ее. «Одну часть врачевания», по выражению царя, он уже совершил — имелось в виду удаление св. Фотия, «прегрешившего против истины и Рима». Теперь осталось уврачевать другую сторону: император напрямую предлагал папе поддержать восстановление св. Игнатия и организовать суд над епископами, поставленными бывшим патриархом.

Только летом 869 г. в Константинополь прибыли три папских легата, а 5 октября 869 г., в среду, в храме Св. Софии в торжественной обстановке открылся Собор для осуждения св. Фотия. После долгих заседаний и многих треволнений 28 февраля 870 г. Собор завершил свою работу, анафематствовав св. Фотия и многих его сторонников. Были торжественно зачитаны каноны, которые рекомендовалось принять. В латинском переводе значилось 27 правил, в греческом — 14. Понятно, что значительное число канонов было направлено против св. Фотия и его сторонников: их не только не признали духовными лицами, но и запретили преподавать науки и писать иконы — замечательное свидетельство интеллектуального уровня фотиан. Затем «прошлись» по св. Фотию, запретив возводить в ускоренном порядке светских лиц в епископы, положив минимальный срок для этого 10 лет.

Особое внимание было уделено максимальному ограничению влияния императора на церковные дела. Было определено, что избрание епископов осуществляется впредь только на Соборе архиереев, причем ни царь, ни его представитель не должны там присутствовать *под угрозой анафемы* (!). Императору было также запрещено препятствовать епископам собираться на Соборы, на которых он к тому же не имел права присутствовать. Царю разрешалось посещать лишь Вселенские Соборы в память о старой традиции, но лишь в качестве *наблюдателя*. Для ограждения чести епископов было определено, что отныне никакой архиерей не должен слезать с лошади, увидев царя, или кланяться ему при встрече. Наказание в таком случае ожидало и императора, и епископа. Едва ли Василий I Македонянин ожидал такого наступления на свои прерогативы. Впрочем, его ждало еще последнее унижение. По традиции он пожелал подписаться после всех епископов, тем самым

утверждая соборные решения, но легаты настояли, чтобы его подпись стояла после патриарших, но *до* епископов.

Святой Фотий не признал Собора, который назвал «варварской засадой», «комедией», «покрывалом стыда». Действительно, Собор, весь сотканый из *политического полотна*, имевший для императора Василия I значение только в части примирения с Римским епископом и объединения сил для борьбы с арабами, едва ли можно отнести к жемчужинам соборного творчества. Неудивительно, что вскоре симпатии императора Василия I резко изменятся. И время, как мы увидим, расставит все на свои места.

Затем начались разочарования уже для Римского папы. После Собора 869—870 гг. понтифик совершенно искренне полагал для себя, что после тех услуг, какие оказаны императору и *лично* св. Игнатию, он вправе рассчитывать на встречное уважение, и в первую очередь на признанис прав Рима на Болгарию. Увы, действительность грубо растоптала его мечты, заставив апостолика действовать более решительно и высказываться более категорично. Правда, с учетом внешне-политического положения Рима, державшегося исключительно за счет поддержки Византийского царя, он не посмел дерзить Василию I, зато полностью излил свой гнев на св. Игнатия.

«Как ни велики были знаки благосклонности, какие показывал ранее император папскому престолу, — пишет он василевсу, — теперь они готовы, однако, совсем стереться. Соепископ наш Игнатий дерзнул поставить предстоятеля в страну Болгарию, чему мы удивляемся, а вы, со своей стороны, тому благоприятствуете, чем мы изумлены. Поэтому просим вас: увещевайте Игнатия отказаться от юрисдикции в Болгарии, иначе и он сам не избежит законного отмщения».

Тональность письма понтифика к Константинопольскому патриарху была, конечно, совсем иной. «Ты, закрыв глаза, заплатил неблагодарностью, присвоил себе древнюю Римскую епархию в стране Болгарии. Уже за это ты заслуживаешь лишения церковного общения, но ради снисхождения мы в третий раз обращаемся к тебе письменно и увещеваем тебя: чтобы в течение 30 дней ни одного епископа, ни одного духовного, посвященного тобой или тебе подчиненными епископами, не оставалось в Болгарии». В противном случае папа обещал наложить на св. Игнатия епитимию, а затем *лишить патриаршества* и вообще низвергнуть из священства.

Естественно, содержание этих писем не являлось секретом для императора, и он стал понемногу вносить коррективы в свою церковную политику. Как опытный правитель, Василий I понял, что св. Игнатий не в состоянии преодолеть образовавшийся церковный

раскол на Востоке, где нередко в епархиях находились по два епископа: один, поставленный св. Игнатием, другой — св. Фотием. И император решил осторожно и незаметно «переиграть партию», вызвав из небытия униженного и лишенного всех прав св. Фотия. В 876 г. он был отозван из ссылки, император предоставил ему для жительства Магнаврский дворец и поручил воспитание своих детей — Константина, Льва и св. Стефана.

Неизвестно, сколько времени понадобилось бы императору, чтобы решить поставленные им перед собой задачи, но, к его счастью, 23 октября 877 г. св. Игнатий скончался в возрасте 80 лет. Рассказывают, что перед смертью он примирился со св. Фотием, пришедшим навестить его, поинтересовался, какой нынче праздник, а затем умер со словами: «Живите благополучно! Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

§13. Константинопольский патриарх святитель Стефан (886—893), царевич (память 30 мая)

После того как Константинопольский патриарх *св. Фотий* (858—867; 877—886) по решению императора Льва VI Мудрого освободил кафедру (его обвиняли в неудавшемся заговоре против императора, насколько это было правдой — Бог весть), на его место был возведен младший брат царя 16-летний *св. Стефан*, диакон и бывший синкелл (сокелийник) св. Фотия. Это не стало какой-то неожиданностью, поскольку еще отец св. Стефана император Василий Македонянин, рано увидевший внутренние устремления сына, пророчил тому духовное поприще и еще в детстве тот был пострижен в монахи.

На Рождество 886 г. митрополит Кесарии Каппадокийской Феофан совершил посвящение св. Стефана в присутствии множества архиереев и самого василевса. Несмотря на юный возраст и полное передоверие церковных дел царственному брату, св. Стефан вовсе не являлся номинальной фигурой, укрепляя положение дел в государстве и устраняя любые попытки подрыва царской власти. Но все же главным его делом являлся аскетизм — патриарх слыл усердным постником и молитвенником, и его здоровье, и так далеко не блестящее, вскоре пошатнулось. 17 мая 893 г. патриарх св. Стефан скончался и был погребен в малоизвестном Сикейском монастыре. Позднее он был причислен Восточной церковью к лику святых.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ (306—337)	7
Глава 2. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ФЕОДОСИЙ I ВЕЛИКИЙ (379—395) ..	46
Глава 3. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ГОНОРИЙ (395—423).....	82
Глава 4. СВЯТОЙ ФЕОДОСИЙ II МЛАДШИЙ (408—450) И СВЯТАЯ ЕВДОКИЯ (421—460)	95
Глава 5. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ МАРКИАН (450—457) И ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ПУЛЬХЕРИЯ (450—453)	146
Глава 6. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ЛЕВ I ВЕЛИКИЙ (457—474).....	168
Глава 7. СВЯТОЙ БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН I ВЕЛИКИЙ (527—565) И ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ФЕОДОРА	187
Глава 8. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ МАВРИКИЙ (582—602).....	297
Глава 9. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ КОНСТАНТИН III НОВЫЙ (641)	325

Глава 10.	
ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ КОНСТАНТИН IV	
ПОГОНАТ (668—685)	333
Глава 11.	
ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ИРИНА (797—802)	349
Глава 12.	
ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ФЕОДОРА (842—856)	388
Глава 13.	
ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ НИКИФОР II ФОКА (963—969)	408
Глава 14.	
ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ИОАНН III	
ДУКА ВАТАЦ (1222—1254)	446
Глава 15.	
ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ МАНУИЛ II ПАЛЕОЛОГ	
(1391—1425)	469
Глава 16.	
ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ КОНСТАНТИН XI ПАЛЕОЛОГ	
(1448—1453)	488
Глава 17.	
СВЯТАЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ ЕЛЕНА, СВ. ЭЛИЯ	
ПЛАКИЛЛА, СВ. АРИАДНА, СВ. МАРКИАНА,	
СВ. СОСИПАТРА, СВ. ФЕВРОНИЯ, СВ. АНФУСА,	
СВ. ФЕОФАНИЯ, СВ. ИРИНА, СВ. МАРИЯ	
МОНГОЛЬСКАЯ, СВ. ИПОМОНИЯ, СВ. СТЕФАН,	
СВ. ИГНАТИЙ	519

Научно-популярное издание

Величко Алкссей Михайлович,
доктор юридических наук

СВЯТЫЕ ИМПЕРАТОРЫ ВИЗАНТИИ

Выпускающий редактор *Д.В. Мельник*
Корректор *О.Б. Бубликова*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.08.2017. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «НьютонС». Печ. л. 34.
Тираж 1000 экз. Заказ 5851.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Величко Алексей Михайлович, родился 22 апреля 1963 г. Доктор юридических наук, автор многих работ по истории государства и права, политических учений, Византийской империи. Является ярким приверженцем идеи византийской «симфонии властей», основывающейся на верховенстве христианских императоров в церковном управлении как защитников Церкви и хранителей веры.

Настоящая книга посвящена жизнеописанию и трудам прославленных Церковью византийских императоров и императриц, правителей этого феноменального государства, прародины христианской цивилизации, а также святых царственных отпрысков этих семей. Предлагаемое сочинение содержит обильный исторический материал, который может быть использован в качестве справочного, включает в себя иконографические изображения всех прославленных царственных персон Византии.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Византии, Церкви и Средних веков, студентов исторических и юридических факультетов и семинарий.

ISBN 978-5-4444-3730-8

9 785444 437308